

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2023

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2023

ISBN 978-985-589-058-5 (CD)
ISBN 978-985-589-059-2 (on-line)

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2023

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(CD), 2023

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное сетевое текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2023. — Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/7074. — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-059-2.

В сборник вошли научные статьи, представленные на VI Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (19 мая 2023 года), организованную кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные направления развития теоретического юридического знания, проблемные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры, характеристики современного общества с позиции юридического, политологического, социологического и исторического знания.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Язык публикаций — русский и белорусский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: oonmid@institutemvd.by
<https://www.institutemvd.by>

- © Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2023
- © Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(CD), 2023

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2023. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-058-5.

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор), заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Борисенко, проректор по научной работе Могилевского института МВД, кандидат исторических наук, доцент;

А. А. Дыжова, профессор кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат экономических наук, доцент;

С. Н. Чайкин, доцент кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат исторических наук

Т. И. Вишневская, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Рецензенты:

профессор кафедры политологии и социологии
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова
доктор социологических наук, доцент *Н. Е. Лихачев*;
заведующий кафедрой юридических дисциплин
учреждения образования «БИП –
Университет права и социально-информационных технологий»
(Могилевский филиал)
кандидат юридических наук, доцент *Ж. В. Третьякова*

Сведения о программном обеспечении:

современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Е. И. Дзен*
Корректор *Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 30.06.2023.
Объем 498 Мб. Заказ № 4.

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

А. Ф. Амануллина

Казанский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** В статье проанализированы основы частного и публичного права, их современное содержание. Рассмотрен вопрос разграничения сферы частного и публичного права через характер интересов, выраженных в нормах права.*

***Ключевые слова:** публичное право, частное право, право, разграничение частного и публичного права.*

***Annotation.** The article analyzes the foundations of private and public law, their current content. The issue of delimitation of the sphere of private and public law through the nature of interests expressed in the rules of law is considered.*

***Keywords:** public law, private right, right, distinction between private and public law.*

Одной из основных обязанностей государства выступает защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Так, государство берет на себя функцию защиты каждого члена общества и защищает все общество в целом. Еще в Древнем Риме выделялась отдельная отрасль права для защиты прав квиритов, то есть право жителей Рима. Данная отрасль имела наименование «цивильное право», что послужило основой рецепции римского частного права в современную юридическую терминологию.

Современный социум обладает широким и разнообразным спектром правоотношений, характеризующимся постоянным усложнением и совершенствованием, что, соответственно, обуславливает необходимость регулярного мониторинга и совершенствования системы права, а именно касательно сферы частных и публичных прав человека. Все это порождает необходимость некоторого разграничения частного и публичного права, так как в современных условиях имеется закономерность переплетения и взаимопроникновения норм публичного и частного права. Но если нормы публичного права защищают общественные и государственные права, то нормы частного права защищают личные

права каждого человека, что создает особую сложность в их охране, так как источниками данных прав являются гражданско-правовые договоры между частными лицами.

Деление права на частное и публично началось еще в Древнем Риме, юристы того времени определяли частное право как защиту интересов отдельных людей, а публичное — интересов государства в целом.

Несомненно, четкое разделение частного и публичного важно, но критерии такого разделения до сих пор вызывают дискуссии и полемику, в правовом поле нет однозначности. Есть мнение, что такое разделение вообще бесперспективно [1, с. 107]. М. М. Агарков определял публичное право как область власти и подчинения, а частное право — область свободы, инициативы [2, с. 290–291].

Так, Д. Н. Горшунов выделил следующие основные подходы к делению частного и публичного права: «материальные» теории; «формальные» теории; «смешанные» теории; «теории, отрицающие деление права на частное и публичное» [3, с. 101–108].

В целом такое разделение определяет направление отрасли права в государстве и используемые методы. Согласимся с мнением, что особенности частного права находят отражение в публичном праве, а публичное право — в частном [4].

Основной задачей публичного права выступает защита интересов общества, то есть приоритетные направления для всего общества, такие как безопасность, стабильность, развитие и удобство.

Если частное право регулирует порядок взаимоотношений между равноправными сторонами и защищает личные интересы, то публичное право, в свою очередь, определяет формирование и устройство государства, органов власти, их права и обязанности, а также обеспечивает правовое регулирование правоохранительной деятельности.

Сторонами публичного права выступает, как правило, с одной стороны, юридическое или физическое лицо, а с другой — государство или его представители, публичные правоотношения могут возникать и между представителями государственной власти. Однако основная характеризующая черта публичного права — это то, что отношения складываются между соподчиненными субъектами, то есть один субъект имеет большие полномочия, в том числе властные, чем другая.

Нормы, составляющие публичное право, в большинстве своем носят императивный характер. То есть содержание норм определяет конкретное поведение при сложившихся обстоятельствах. Так, между сотрудником ГИБДД и водителем не может в случае нарушения последним быть иных отношений, чем

предусмотрено императивными нормами законодательства Российской Федерации.

Так, при нарушении норм частного права порядок защиты частных интересов идет в порядке гражданского судопроизводства, то есть физические или юридические лица должны сами защищать свои права и доказывать свою правоту, судопроизводство инициирует пострадавшая сторона. В случае нарушения публичного права ответственные лица будут отвечать перед государством, независимо от наличия пострадавшей стороны.

Изначально может показаться, что, если в правоотношениях государство выступает участником, то это обязательно публичные правоотношения. Однако необходимо отметить, что государство может выступать в роли равноправной стороны, например, государственные заказы по застройке участков в случае возможных разбирательств будут рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства и в иных случаях, где государство будет выступать в роли заказчика, работодателя, покупателя и иной стороны представляющейся на равных правах. В. К. Мамутов утверждает, что само понятие частного права дискуссионно в применении к экономическим реалиям [5, с. 22].

На сегодняшний день четко установить границы между частным и публичным правом не представляется возможным. Это связано с тем, что достаточное количество правоотношений, регулируемых в прошлом частноправовой сферой, на сегодняшний день попадает под публично-правовое регулирование, кроме того, в одной отрасли права могут содержаться как публичные, так и частные правоотношения.

Рассмотрим нормы уголовного права. На сегодняшний день преобладающим правом является публичное. Если вернуться к истории частного и публичного права, то можно наблюдать, что еще в Древней Руси нормы уголовного права были частного порядка. То есть, если лицо считало, что в отношении него или его близких было совершено преступление, то заявляющий об этом должен был сам доказать или предъявить доказательства в отношении виновной стороны и при доказанной вине виновная сторона должна была компенсировать ущерб пострадавшей. И уже гораздо позже был установлен штраф, взимающийся в пользу государства, точнее, князя. Постепенно полномочия по нахождению преступников стали возлагаться на исполняющие специальные функции органы, то есть постепенно правоохранительная функция частично перешла в сферу публичных правоотношений.

В советский период при В. И. Ленине девиз «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [6] был повсеместным. Позднее возможность заниматься производством

какой-либо продукции или услуг у любого лица в рамках закона была возвращена.

На сегодняшний день публичное и частное право охватывают все сферы жизнедеятельности человека, под влиянием постоянного развития общества прогрессирует и правовая отрасль государства. Так, на существующий период развития права можно заключить, что в публичном праве государство играет главную роль в правоотношениях, а в частном праве основным моментом являются волеизъявления сторон (частных лиц) и роль государства во втором случае ограничена.

Таким образом, разделение между публичным и частным правом условно. То есть точных границ нет, мы можем встретить элементы частного права в публичном, а публичного — в частном.

-
1. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. 476 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 2. С. 290–291. [Вернуться к статье](#)
 3. Горшунов Д. Н. «Теория интересов» как основной доктринальный подход к проблеме деления права на частное и публичное // Доктрина права. 2009. № 1–2 (2–3). С. 101–108. [Вернуться к статье](#)
 4. Гаврин Д. А. Частное и публичное право: нарушая гравитацию правовой материи [Электронный ресурс] // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnoe-i-publichnoe-pravo-narushaya-gravitatsiyu-pravovoy-materii> (дата обращения: 15.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 5. Хозяйственное право / под ред. В. К. Мамутова. М. : РДЛ, 2004. 897 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922 [Электронный ресурс]. URL: <http://leninvi.com/t44/p398> (дата обращения: 17.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 341.492.2

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

А. И. Бородич

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Статья посвящена развитию общетеоретического юридического знания в сфере проблемы действия и применения государствами принципа универсальной юрисдикции. Автором предпринята попытка проанализировать вопросы реализации данного принципа государствами, рассмотрены дискуссионные проблемы и предложены пути их преодоления.*

***Ключевые слова:** двойной стандарт, принцип универсальной юрисдикции, уголовное преследование, юридическое знание.*

***Annotation.** The article is devoted to the development of general theoretical legal knowledge in the field of the problem of the operation and application of the principle of universal jurisdiction by states. The author made an attempt to analyze the problems of the implementation of this principle by states, proposed debatable problems and their overcoming.*

***Keywords:** double standard, principle of universal jurisdiction, criminal prosecution, legal knowledge.*

Юридическое знание в международном праве представляет собой знание в области права, относящееся в первую очередь к знанию международных договоров, национальных законов, их соблюдению и разрешению возникающих конфликтных ситуаций при нарушении норм права. Проблема критериев юридического знания как результата познавательной, эмпирической, практической, теоретической деятельности человека является одной из актуальных в международных отношениях, в том числе и в реализации принципа универсальной юрисдикции (данный принцип называют и принципом универсальности), ключевого инструмента в международных отношениях.

Рассматривая актуальные аспекты юридического знания в реализации принципа универсальной юрисдикции, отметим, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (далее — ООН) (по докладу Шестого комитета (A/77/423, пункт 9)) 7 декабря 2022 г. на 77-й сессии приняла резолюцию «Охват и применение принципа универсальной юрисдикции». Принятием данной резолюции один из главных органов ООН подтвердил свою приверженность борьбе с безнаказанностью при совершении международных преступлений. Вместе с тем, принимая к сведению выраженные государствами мнения

о законности реализации принципа универсальной юрисдикции в соответствии с общепризнанными принципами международного права, например, в отношении преступлений против человечности, Генеральная Ассамблея постановила учредить на 79-й сессии рабочую группу Шестого комитета для дальнейшего обсуждения вопроса о применении принципа универсальности в качестве основы борьбы с самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества, изложенными в части 2 «Юрисдикция, приемлемость и применимое право» Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.

По мнению некоторых авторов, например, Ч. С. Джалло, рассматриваемый в статье принцип представляет собой серьезное основание для юрисдикции в международном праве, которое может позволить государству осуществлять национальную юрисдикцию в отношении определенных международных преступлений в интересах всеобщей безопасности [1]. Здесь акцентируем внимание на «может», потому что в международном праве это создает и определенную проблему, сущность которой сводится к тому, что какого-либо единого принятого на международном уровне определения этого понятия не существует, но для целей Принстонских принципов универсальной юрисдикции в Принципе 1 его описывают как уголовную юрисдикцию, основанную исключительно на характере преступления, безотносительно к территории, где оно было совершено, гражданству предполагаемого или осужденного правонарушителя, гражданству потерпевшего или любой другой связи с государством, осуществляющим такую юрисдикцию [2]. С учетом Принстонских принципов универсальной юрисдикции следует, что государство может осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении преступления, совершенного иностранным гражданином против другого иностранного гражданина вне его территории. Это может вызвать и осложнения в международных отношениях. Чтобы их не допустить, в универсальной юрисдикции в первую очередь должны присутствовать основания, требующие наличия определенной связи по территории, гражданству или иным признакам между государством, осуществляющим юрисдикцию, и рассматриваемым преступлением, а также индивидом, его совершившим. Обратим внимание и на то, что «концепция, лежащая в основе универсальной юрисдикции, тесно связана с идеей о том, что некоторые международные нормы являются *erga omnes* и относятся ко всему мировому сообществу, а также с концепцией общего международного права — *jus cogens*, согласно которой определенные обязательства по международному праву являются обязательными для всех государств» [3].

Заметим, принцип универсальной юрисдикции является одним из инструментов в международном гуманитарном праве (далее — МГП) как

при предотвращении преступлений, так и при уголовном преследовании за них. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. предусматривают, что каждое государство-участник обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду. Государство-участник сможет также, если оно этого пожелает, передавать их в соответствии с положениями своего законодательства для суда другому заинтересованному государству-участнику в том случае, если это государство-участник имеет доказательства, дающие основание для обвинения этих лиц. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. распространяет это обязательство на нарушения норм, определяемых в нем. Кроме того, государства могут наделять свои суды универсальной юрисдикцией в отношении нарушений норм МГП. К ним относятся, в частности, нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. (о положениях, применяемых государствами-участниками в немеждународных вооруженных конфликтах), нарушения Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 г., а также преступления, перечисленные в части 2 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.

Существенно то, что ответственность за расследование сообщений о преступлениях и судебное преследование лиц, обвиняемых в совершении нарушений норм МГП, несут государства. Если государства не предпринимают никаких действий, осуществление универсальной юрисдикции другими государствами может служить механизмом ограничения безнаказанности. В связи с этим государства в той или иной форме могут установить в своих национальных правовых системах принцип универсальной юрисдикции в отношении серьезных нарушений норм МГП (например, для целей Принстонских принципов универсальной юрисдикции в число серьезных преступлений по международному праву входят пиратство, обращение в рабство, военные преступления, преступления против мира, преступления против человечности, геноцид, пытки) или ввести его в действие через национальные суды, например, оказание международной правовой помощи по уголовным делам на принципе взаимности, совместное расследование серьезных преступлений, уголовное преследование лиц, совершивших их, и др. Эти механизмы свидетельствуют о том, что государства используют принцип универсальной юрисдикции для устранения существующих пробелов в международном праве в привлечении к ответственности лиц за нарушения норм МГП, совершенные за их пределами, в прошлом или в ходе вооруженного международного (немеждународного) конфликта.

В то же время пока юридические знания не приобретут четких общепринятых правовых рамок либо не сформируется консенсус в отношении хотя бы условий применения и сферы охвата принципа универсальности, обращаться с данным принципом государствам и их судебным органам необходимо осторожно. Действия национальных судебных органов со ссылкой на принцип универсальности или злоупотребление им могут привести к осложнениям международных отношений. Найти способ избежать злоупотреблений в этой области — это одна из задач государств в современной динамично изменяющейся обстановке. Поэтому наиболее важным дискуссионным среди принципов уголовной юрисдикции государств является принцип универсальности, предусматривающий возможность уголовного преследования индивидов, особенно руководителей и первых лиц государств, совершивших серьезное преступление, независимо от места его совершения, гражданства преступника и др.

Обобщая все сказанное, обратим внимание на имеющиеся дискуссионные проблемы: какими договорами предусматривается и как ими регулируется принцип универсальной юрисдикции; на какие преступления распространяется данный принцип и как он связан с преступлениями, касающимися обеспечения мира, запрещения применения силы или угрозы силы, запрета геноцида, пыток, рабства и работорговли, расовой дискриминации, и каковы последствия этой связи; может ли государство осуществлять универсальную юрисдикцию при отсутствии в национальном праве соответствующей нормы; должна ли быть связь между государством и обвиняемым, выражающаяся в обязательном присутствии последнего на его территории; как осуществление универсальной юрисдикции связано с иммунитетом глав государств, правительств, министров иностранных дел и других государственных официальных лиц и др.

Острой проблемой следует считать и возможные злоупотребления со стороны государств при осуществлении принципа универсальности, которые могут поставить под угрозу международный правопорядок. Политизация, злоупотребления и неправомерное использование обвинительных заключений в отношении первых лиц государств будут оказывать дестабилизирующее действие и негативно сказываться на политическом, социальном и экономическом развитии государств. В связи с этим целесообразно Комиссии международного права ООН, учрежденной с целью поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации, проводить обзор, рассмотрение жалоб и апелляций, связанных со злоупотреблением принципом универсальной юрисдикции государствами.

Таким образом, имеются нерешенные проблемы относительно юридического знания в применении принципа универсальной юрисдикции государствами, а именно: в определении перечня преступлений, подпадающих

под действие принципа универсальности; в соблюдении иммунитетов первых лиц государств; в возможности политизации и злоупотреблений со стороны национальных судов при применении данного принципа и др.

Учитывая значение, которое придается рассматриваемому в статье принципу в рамках ООН, можно предположить, что консенсус в охвате и применении принципа универсальности может быть достигнут, а четкие международные правовые стандарты по данной проблематике, повысят юридические знания, заложат прочную правовую основу реализации данного принципа.

1. Джалло Ч. С. Универсальная уголовная юрисдикция [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/annex_A.pdf (дата обращения: 11.02.2023). [Вернуться к статье](#)

2. Вербальная нота постоянных представительств Канады и Нидерландов при Организации Объединенных Наций от 27 ноября 2001 года на имя Генерального секретаря [Электронный ресурс] / генеральная Ассамблея ООН. Пятьдесят шестая сессия Пункт 164 повестки дня. URL: https://digitallibrary.un.org/record/457330/files/A_56_677-RU.pdf?version=1 (дата обращения: 11.02.2023). [Вернуться к статье](#)

3. Вартанян Э. Г. Принцип универсальной юрисдикции в системе международного права [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF-%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B5-%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 19.02.2023). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.112

О НАУЧНОМ ПОНЯТИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ**И. Л. Вершок**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы научного определения понятия правовой системы. Дается оценка категории «правовая жизнь», имеющей междисциплинарное значение. Анализируется проблема структуры и границ правовой жизни, характеристика субъекта в ней.*

***Annotation.** The problems of scientific definition of the concept of legal system are considered. The analysis of the category «legal life» is given. Its interdisciplinary importance is recognized. The problem of the structure and boundaries of legal life, the characteristics of the subject in it are analyzed.*

***Ключевые слова:** правовая система, правовая жизнь, правовое сознание, правовая реальность.*

***Keywords:** legal system, legal life, legal consciousness, legal reality.*

Современная юридическая доктрина широко использует термин «правовая система», который наряду с другими важнейшими понятиями и категориями претендует на универсальность и междисциплинарный статус. Закономерно возникает проблема достижения точности терминологии в научных дискуссиях не только внутриотраслевого, но и межотраслевого уровня. Требуется решения вопрос о постоянстве смысловых границ словосочетания «правовая система», используемого в контексте различных философских дискурсов, типов правопонимания или отраслей права. Например, в сравнительном правоведении наблюдается содержательное сближение терминов «правовая система» и «правовая семья», а в конституционном праве словосочетание «правовая система» подразумевает характеристику правовых феноменов конкретного государства, имеющих уникальные черты, обусловленные особенностями его конституционно-правового строительства.

В современной общей теории права термин «правовая система» детерминирован различным контекстом, предметом научного анализа и конкретным исследовательским инструментарием. Многозначность словосочетания «правовая система» в значительной мере обусловлена разным ракурсом при интерпретации и неодинаковой степенью обобщения в определениях права, являющихся смысловой основой для образования прилагательного в термине «правовая система». Кроме того, достаточно абстрактным выглядит огульное использование

термина «система» для обозначения глобальной совокупности правовых и государственных феноменов любой страны. При научной характеристике некой системной совокупности методологически оправданно уточнять, к какому типу систем мы относим изучаемое явление — биологических либо социальных, существующих объективно или идеальных, естественных либо искусственных и т. д. В противном случае сложно определить границы термина «правовая система» и описать, какие реальные феномены правовой реальности он включает в себя.

По этой причине на фоне широко распространенного разграничения терминов «правовая система» и «система права» ряд исследователей, наоборот, констатируют их синонимичность [1, с. 449–450], а некоторые обращают внимание на то, что понятие правовой системы необоснованно оставляет за своими рамками негативные правовые явления [2, с. 6]. Для более глобальной и объективной типологии правовых явлений в доктрине появляются случаи использования иных критериев, относящихся не к юридической, а к иной, например, материальной (экономической) или идеально-духовной (культурной) сфере. В результате в качестве оснований выделения таксономических единиц берутся общественно-экономическая формация, цивилизация, способ выработки, систематизации и толкования правовых норм (Р. Давид), правовой стиль (К. Цвайгерт и Х. Кетц), исторические формы признания и организации свободы людей [1, с. 242].

Каждая из соответствующих им типологий имеет собственные критерии, которые не всегда взаимно дополняют, но иногда дублируют или вообще противоречат друг другу. Например, научная дискуссия о спорности использования цивилизационного признака для типологии права и государства основана на том, что культура плохо поддается внешним оценкам, и сторонники цивилизационного подхода «используют маленькую хитрость: они подменяют прежние формации новыми “цивилизациями”» [3, с. 116].

Кроме того, из предмета исследований часто выпадает функциональная связь компонентов друг с другом и с универсальной таксономической единицей. В результате происходит искусственное формирование новых конструкций в качестве таксономических универсумов еще более высокого уровня абстрагирования. Так, в настоящее время наряду с использованием таких характеристик права в целом, как правовая семья и правовая система, начинают появляться новые понятия: правовое пространство [4, с. 38; 5, с. 8], «юридическая карта мира», юридический мир (как результат конвергенции правовых систем) [6, с. 14–17], институциональная инфраструктура, обусловленная вхождением национальной правовой системы в определенную правовую семью [7, с. 70–71].

Особенно показательным представляется выделение категории «правовая жизнь» [8, с. 14].

Некоторые авторы признают схожесть понятий «правовая жизнь» и «правовая культура», подчеркивая их соотношение как целого и части [9, с. 33]. Другие указывают на то, что цель объединения в одной правовой категории (правовая жизнь) идеальной сферы правового должествования и мира, который преобразуется правом, притягательна, но вряд ли достижима [10, с. 8]. В иных случаях правовая жизнь фактически отождествляется с правотворческой и правореализующей деятельностью [11, с. 338].

Проведем границы фактического содержания термина «правовая жизнь», обуславливающие его научное определение. В литературе правовая жизнь характеризуется в качестве совокупности всех форм юридического бытия общества, выражающейся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), в уровне существующей юридической действительности, в отношении субъектов к праву [2, с. 9, 12]. В указанной интерпретации остается открытым вопрос о границах феномена, именуемого правовой жизнью, а также о том, какие конкретно «иные проявления права» включает в себя феномен правовой жизни, а какие — нет.

Сильной стороной выделения термина «правовая жизнь» в качестве универсальной категории, объединяющей различные правовые феномены, включая и те, которые входят в правовую систему, является то, что в определение правовой жизни попадают такие явления, как «отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов». Согласимся также с суждением о том, что правовая жизнь имеет «принципиально субъектный характер», в ней человек обязательно выступает в качестве цели, но никогда только как средство правовой жизни [12, с. 66]. Таким образом, в феномен правовой жизни опосредованно включен такой компонент, как отношение субъекта к праву, то есть некоторые проявления его правового сознания.

Соответственно, границы правовой жизни обусловлены правовыми, социальными, биологическими, юридическими и психологическими факторами жизнедеятельности человека. Однако правовая жизнь существенно связана не только с самим отношением к праву, но и со многими другими процессами правового сознания, которые предшествуют формированию отношения к праву. Так, правовая жизнь имманентно связана со сложными процессами восприятия, отражения, осмысления и интерпретации в правовом сознании субъектов, проявляющих активность: весь «процесс правового осознания социальной действительности» охвачен правовой жизнью [12, с. 68]. Правовое сознание интенционально направлено не только на предмет правовой реальности,

соответствующий потребностям и интересу субъекта, но и на норму права, опосредующую соответствующие социальные взаимодействия.

При характеристике правовой жизни считаем наиболее обоснованным изучение не столько абстрактного субъекта, типизированного по признаку наличия право- и дееспособности, сколько человека со всеми свойственными для него социальными, физиологическими и психологическими параметрами, обуславливающими его жизнедеятельность (изменчивость и воспроизводство) в окружающей среде, причем целиком и комплексно. Человек постоянно находится в той части правовой жизни, которую условно можно назвать правовой реальностью. Большое количество имущественных, семейных, финансовых правовых отношений, особенно выраженных в форме правомерного поведения, воспроизводятся в повседневной практике человеческого общения, но при этом так и остаются латентными как для внешней инстанции, так и для самого субъекта, который не задумывается, что является субъектом реального, фактического правового отношения в ситуации «здесь и сейчас». В правовой реальности он живет и рутинно воспроизводит правовые нормы. В этой связи представляется спорным в качестве субъекта правовой жизни признавать государство [13, с. 13, 16], не уточняя, о каком именно представителе государства конкретно идет речь и в каких функциональных полномочиях он себя проявляет в определенном случае.

Однако когда осуществляется деление правовой жизни на естественную (жизненный мир права, или собственно жизненный мир) и сознательную (системный мир официальных легитимированных и осознанных правовых форм, опосредующих извне изначально заданный людям порядок, задающий разумные рамки возможного и должного) [2, с. 9, 12], необходимо уточнять, по какому критерию его производят. Если один мир правовой жизни признается естественным, то, следуя логике, второй должен быть искусственным, а если второй называется сознательным, то первый необходимо относить к бес- или под-сознательному, что не всегда подтверждается эмпирически. Мир, обозначенный в качестве сознательного и системного, нельзя признать полностью искусственным и произвольно сконструированным, в нем свои генетические закономерности бытия.

В этой связи представляется более точным и эмпирически обоснованным в категории «правовая жизнь» выделять два уровня онтологического бытия: правовой реальности как повседневной практики правового взаимодействия между людьми и юридической действительности как сферы юридического взаимодействия субъектов права в правотворческом и правоприменительном процессе.

Появление терминологической новеллы, связанной с формированием понятия «правовая жизнь», косвенно связано с научным признанием того факта, что право не представляет собой предельно рационализированную систему. Правовая жизнь охватывает такие феномены правовой реальности, которые на математическом языке называются «вычислительно неприводимыми явлениями» [14, с. 33]. Это такие явления, динамику которых невозможно объяснить лишь с позиций формальной логики или аксиомы. Повторное воспроизводство феноменов правовой жизни никогда не будет абсолютно идентичным: чтобы знать, ее надо прожить.

1. Нерсесянц В. С. Общая теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и факультетов. М. : НОРМА, 1999. 552 с. [Вернуться к статье](#)
2. Малько А. В., Трофимов В. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // Государство и право. 2010. № 7. С. 5–13. [Вернуться к статье](#)
3. Комаров С. А. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие ; под ред. М. Н. Марченко. М. : Юрист, 2002. С. 89–120. [Вернуться к статье](#)
4. Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Москов. акад. МВД России. М., 2007. 54 с. [Вернуться к статье](#)
5. Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ростов. гос. ун-т. Ставрополь, 2006. 24 с. [Вернуться к статье](#)
6. Саидов А. Х. Юридическая глобалистика: глобальный подход к правовой карте мира // Право и государство. 2013. № 4 (61). С. 14–17. [Вернуться к статье](#)
7. Демидова И. А. Идеальные типы правовых культур: основания классификации, специфика // Весн. Магілёўскага дзярж. ўн-та імя А. А. Куляшова. Сер. Д, Эканоміка, сацыялогія, права. 2014. № 2 (44). С. 66–72. [Вернуться к статье](#)
8. Малько А. В., Слободнюк С. Л. Правовая жизнь, правопорядок и правовая реальность: проблемы соотношения // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2013. № 1 (90). С. 11–15. [Вернуться к статье](#)
9. Гурьев В. В., Затонский В. А. Правовая культура как элемент правовой жизни и критерий ее качества // Правовая культура. 2021. № 1 (44). С. 30–37. [Вернуться к статье](#)
10. Черных Е. Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15. [Вернуться к статье](#)
11. Хаконова И. Б. Роль правосознания в правовой жизни общества // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 338–341. [Вернуться к статье](#)
12. Пузиков Р. В. Правовая жизнь России: понятие и сущность // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 61–69. [Вернуться к статье](#)
13. Малько А. В., Затонский В. А. Государство как субъект правовой жизни общества // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования : материалы

Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. ин-та НИУ «БелГУ», Белгород, 22 нояб. 2018 г. Белгород : ГиК, 2018. С. 13–17. [Вернуться к статье](#)

14. Букстейбер Р. Рациональная неопределенность: манифест о природе экономических кризисов, их прогнозировании и преодолении / пер. Д. Шалаевой. М. : Эксмо, 2021. 304 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПОНЯТИЕ ЭЛЕМЕНТА ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. И. Глинда

Инспекция Министерства по налогам и сборам
Республики Беларусь по Гродненской области,
заместитель начальника отдела,
магистр юридических наук

Аннотация. В качестве гарантии соблюдения правовых норм институт юридической ответственности находит свое место во всех отраслях права, «представляет собой интегративную основу всей системы отрасли и правовой системы (системы права) государства в целом» [1, с. 24]. В современных условиях существования общества и государства, развития правовой культуры необходимо уделить внимание сущностному объяснению института юридической ответственности.

В статье приведено понимание качественного элементарного состава системы института юридической ответственности с учетом его правовой конструкции и системообразующих связей.

Ключевые слова: институт юридической ответственности, системные связи, элемент системы (психологический, физический, финансовый, материальный, процессуальный, формальный).

Annotation. As a guarantee of compliance with the legal norms, the institution of legal responsibility finds its place in all branches of law, «represents the integrative basis of the entire system of the industry and the legal system (system of law) of the state as a whole» [1, p. 24]. In modern conditions of the existence of society and the state, the development of legal culture, it is necessary to pay attention to the essential explanation of the institution of legal responsibility.

The article provides an understanding of the character elementary composition of the system of the institute of legal responsibility, taking into account its legal structure and system-forming bonds.

Keywords: institution of legal responsibility, system bonds, element of the system (psychological, financial, physical, material, procedural, formal).

При исследовании правовых проблем принято использовать общеупотребительные философские понятия: система, элемент, структура. Философская литература характеристику данным терминам дает с позиции теории систем.

В данном контексте для наиболее полного и всестороннего постижения существа института юридической ответственности представляется важным не только определить понятие и срез его изучения, но и рассматривать данный

феномен в качестве системы, исследовать его состав, определить понятие элемента института юридической ответственности.

Системные начала в праве отмечают и ученые-юристы. Д. А. Керимов пишет: «Система в праве — это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования» [1, с. 278].

Элемент есть далее не разложимый компонент системы при данном способе ее рассмотрения. Критериальное свойство элемента — его необходимое непосредственное участие в создании системы: без него, т. е. без какого-либо элемента, система не существует. Причем такой компонент должен выступать некой подсистемой, а не быть физически элементарным, должен выполнять некую существенную роль по отношению к работе всего организма [2].

Элемент как таковой в абсолютном смысле вне системы не существует. Элементы в процессе развития системы, если она достаточно сложна, образуют определенные группы, причем связь между элементами внутри этих групп отличается от характера связи между самими группами, т. е. внутри системы образуются подсистемы [3, с. 46].

Таким образом, в системе права институт юридической ответственности, объединяя нормы различных отраслей, также представляет собой системное образование, которое характеризуется определенным набором элементов, объединенных внутренними связями.

Однако вопросу состава элементов института юридической ответственности в правовой литературе уделяется недостаточно внимания, и в целом рассмотрение института юридической ответственности в качестве системы, выделение его структуры представляется в юридической науке несколько однобоко.

А. И. Петелин еще в 70-е гг. XX столетия в качестве элементов системы правовой ответственности рассматривал ее отраслевые виды. По мнению ученого, к оформлению правовой ответственности как системы приводит большое количество системообразующих связей, активностей, характерных для каждого из ее проявлений. Ученый предлагает под системой правовой ответственности понимать совокупность и взаимодействие отдельных ее видов и мер, применение которых обеспечивает ее оптимальный эффект в преодолении правонарушений при наименьших затратах государственного принуждения [4, с. 38–39].

По данному пути шли и дальнейшие исследования. Так, М. П. Авдеенкова отмечает, что традиционно в научной литературе в качестве составных частей системы юридической ответственности используются виды юридической ответственности [5, с. 25].

По нашему мнению, такой подход, несомненно, отображает одну из граней состава исследуемого правового института, однако не позволяет в полной мере изучить внутреннюю сущность, идейную структуру феномена юридической ответственности, в связи с чем предлагаем отойти от сугубо отраслевого взгляда на состав института юридической ответственности и выделять элементы еще и в разрезе их функций, качественной направленности на достижение целей юридической ответственности посредством психологического, финансового, физического, материального, формального и процессуального воздействия.

Руководствуясь указанными критериями, в системе института юридической ответственности психологический элемент составляют эмоциональные, морально-ценностные субъективные и групповые ориентиры участников правоотношения, которые являются критерием для формального правового закрепления тех или иных норм в качестве обеспечения правомерного поведения членов общества.

В отраслевых видах юридической ответственности наиболее красноречивым представителем психологического элемента является институт вины в совершении правонарушения — психического отношения к совершенному деянию и его последствиям, который является одним из обязательных признаков состава правонарушения.

Одним из компонентов института юридической ответственности следует считать финансовый элемент, который характеризуется фискальным началом в области применяемых санкций либо в преследуемых целях восстановления нарушенных финансовых интересов.

Так, применяя в качестве меры взыскания за совершение правонарушения штраф, конфискацию, у субъекта правонарушения изымается определенное количество экономического блага и направляется на цели финансирования государственных расходов; через официально функционирующий институт административной ответственности юридических лиц государство целенаправленно законодательно воздействует на развитие хозяйственных отношений в негосударственном секторе экономики.

Посредством использования таких инструментов, как возмещение причиненного вреда, уплата пеней, неустоек и иных санкций, предназначенных на восстановление потерь, связанных с ненадлежащим исполнением обязательства, реализуется возможность восстановить финансовые интересы субъекта, чьи права и законные интересы были нарушены.

Таким образом, финансовый элемент института юридической ответственности включает отношения по изъятию и распределению материальных благ в рамках реализации норм юридической ответственности.

Материальный элемент института юридической ответственности отвечает за увязку санкции с миром вещей. Материализация ответственности происходит через установление угрозы применения имущественных мер охранительного характера в случае нарушения действующего законодательства (норм международного права), угрозы принудительного лишения блага в ответ на неправомерное поведение. Еще одну грань материального элемента отображает одноименный вид ответственности. Таким образом, материальный элемент в институте юридической ответственности отвечает также за возмещение причиненного вреда.

В отличие от финансового элемента, идея которого заключается в представлении института юридической ответственности одним из инструментов экономического регулирования, материальный элемент исходит из необходимости причинения негативных имущественных последствий за совершенное деяние.

Физический элемент состоит в первую очередь в санкциях, связанных с ограничением или лишением свободы. Сюда же можно отнести и самоограничения в тех или иных действиях во избежание совершения правонарушения и наступления последствий в виде юридической ответственности.

Физическое наказание в истории человеческой цивилизации всегда было популярным способом воздействия на нарушителей закона и, несмотря на значительную гуманизацию института юридической ответственности, занимает свою нишу в системе юридических санкций за правонарушение и сегодня.

Нормативное закрепление положений об ответственности в системе права образует формальный элемент института юридической ответственности. Без данного элемента невозможно упорядоченное и контролируемое регулирование общественных отношений в правоцентристском типе социального регулирования [6]. Нормативность является одним из признаков права романо-германской системы, и институт юридической ответственности подчинен ему в полной мере.

Отношение к данному элементу в других правовых семьях может отличаться по способу исполнения. Например, в религиозных системах это будет закрепление в Священном Писании, а не в нормативных актах, в прецедентном праве — в правоприменительных документах. Также данный элемент может отсутствовать в институте юридической ответственности вовсе, если общество живет по неписаным законам, где ответственность применяется по общепринятым традиционным механизмам без закрепления на бумаге (семья обычного права).

Процессуальные нормы в системе права, как правило, выделены в отдельные отрасли, и институт юридической ответственности с такими отраслями связан внешними системными связями [7, с. 23].

Вместе с тем и сам институт юридической ответственности содержит процессуальный элемент, суть которого заключается в том, что любая норма об ответственности сконструирована таким образом, чтобы ее применение было реально и разумно. Деликтные нормы в качестве санкций всегда используют угрозу применения взысканий, обладающих механизмом реализации и соответствующих виду ответственности.

Так, например, Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает расчет размера процентов за пользование чужими денежными средствами рефинансирования Национального банка на день исполнения денежного обязательства или его соответствующей части (п. 1 ст. 366 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Согласно Налоговому кодексу Республики Беларусь, пени определяются в процентах от неисполненного налогового обязательства с учетом процентной ставки, равной 1/360 ставки рефинансирования Национального банка, действовавшей в соответствующие периоды неисполнения налогового обязательства (п. 4 ст. 55 Налогового кодекса Республики Беларусь). Штраф, в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь, — это денежное взыскание, размер которого определяется с учетом размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления и материального положения осужденного и устанавливается в пределах от тридцати до тысячи базовых величин (ч. 2 ст. 50 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Даже когда речь идет о профилактических мерах воздействия, механизм реализации четко прописан. Так, согласно Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях, устное замечание заключается в разъяснении физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения и предостережении о недопустимости противоправного поведения с его стороны (ст. 5.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Процессуальный элемент отвечает за реализацию института юридической ответственности, обеспечивает внешнюю атрибутику состояния ответственности, а для отдельных видов взыскания только процессуальный элемент включает всю реализацию ответственности (например, замечание, предупреждение в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Без процессуального элемента в институте юридической ответственности процессуальные и тем более исполнительные отрасли не имели бы ориентира, конечной цели предмета регулирования.

Подводя итог, элемент системы института юридической ответственности можно определить как ее качественный устойчивый компонент, отражающий сущностное начало и направленность на выполнение функций ответственности.

-
1. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. 472с. [Вернуться к статье](#)
 2. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник [Электронный ресурс]. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2003. URL: http://society.polbu.ru/alekseev_philosophy/ch00_i.html (дата обращения: 20.03.2023). [Вернуться к статье](#)
 3. Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М. : Политиздат, 1985. 263 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Петелин А. И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск : Омская высш. шк. милиции, 1976. 120 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Авдеенкова М. П. Система юридической ответственности в современной России // Государство и право. 2007. № 7. С. 25–32. [Вернуться к статье](#)
 6. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/244685/1/5-15.pdf> (дата обращения: 20.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 7. Глинда А. И. Связи института юридической ответственности в системе позитивного права // Право.by. 2018. № 5 (55). С. 20–25. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОРМОТВОРЧЕСТВА

Д. А. Гончарова

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы внедрения информационных технологий в нормотворческий процесс, цифровизации отдельных его стадий. Проанализирован аналогичный опыт Российской Федерации.

Ключевые слова: нормотворчество, нормотворческая деятельность, нормативный правовой акт, цифровизация нормотворчества, информационные технологии.

Annotation. The article considers the issues of introducing information technologies into the rule-making process, digitalization of its individual stages. The similar experience of the Russian Federation is analyzed.

Keywords: rule-making, rule-making activity, normative legal act, digitalization of rule-making, information technology.

В настоящее время в связи со стремительным возрастанием возможностей цифровых технологий особую актуальность приобретают вопросы их применения в существующей практике принятия нормативных правовых актов. Глобальная компьютеризация и автоматизация постепенно «ломают» привычный уклад процесса разработки правового акта, предлагая новые способы оптимизации.

Согласно п. 11 Указа Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 года № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов», автоматизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов определена одним из приоритетных направлений дальнейшего развития нормотворческой деятельности [1]. Все это обуславливает актуальность изучения содержания и направлений развития цифровизации нормотворчества.

Важным шагом, способствовавшим нормотворческой деятельности, стало принятие Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон о НПА). В данном документе нашли свое отражение такие элементы цифровизации нормотворчества, как возможность проведения публичного обсуждения проекта нормативного правового акта в сети Интернет (ст. 7), применение электронного документооборота

в нормотворческом процессе: согласование, направление на обязательную юридическую экспертизу, внесение на рассмотрение соответствующего нормотворческого органа проекта нормативного правового акта в виде электронного документа (ст. 46, 47, 50) и другие вопросы [2].

Координация цифровизации нормотворческой деятельности, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», возложена на Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (далее — НЦПИ) [3]. Необходимо отметить, что с самых истоков существования данного государственного учреждения его деятельность не без успеха содействует слиянию правовой сферы с информационными технологиями.

Определим наиболее значимые с точки зрения принципа транспарентности результаты внедрения функционала информационных технологий в нормотворческий процесс в рамках деятельности НЦПИ:

1. В 2012 году, в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 года № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь», осуществлен переход к официальному опубликованию нормативных правовых актов посредством их размещения на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. Электронное официальное опубликование обеспечило широкому кругу лиц мгновенный круглосуточный доступ к правовым актам. С момента внедрения электронного официального опубликования (с 1 июля 2012 года) на Портале было опубликовано более 90 тысяч документов.

2. В 2016 году внедрена в промышленную эксплуатацию автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов (далее — АИС НРПА). Посредством данной системы обеспечена возможность построения цифрового маршрута от проведения обязательной юридической экспертизы проектов правовых актов до их официального опубликования. Функционал АИС НРПА является основным средством для работы с нормативными правовыми актами республиканских и местных органов, с техническими нормативными правовыми актами, а также проектами актов Главы государства, законов, постановлений Правительства. Сегодня посредством АИС НРПА обрабатывается более 80 % от общего количества всех правовых актов, принятых в стране [4, с. 8].

3. В 2018 году сайт «Правовой форум Беларуси» официально определен площадкой для обсуждения проектов нормативных правовых актов (ст. 7 Закона о НПА). «Правовой форум Беларуси», изначально выполнявший функционал коммуникационного ресурса, в последние годы стал активно использоваться

как официальный сайт для размещения проектов правовых актов и для последующего внесения гражданами предложений по их совершенствованию. В настоящее время на Правовом форуме Беларуси на публичное обсуждение вынесено 824 проекта правовых актов [5].

4. В 2020 году принято решение о дальнейшей автоматизации подготовки и принятия правовых актов, а именно трансформации АИС НРПА в общегосударственную систему подготовки и принятия нормативных правовых актов — АИС «Нормотворчество» — для комплексного охвата нормотворческой деятельности на всех ее стадиях (подготовка проектов, согласование, проведение экспертиз и т. д.) в отношении всех видов нормативных правовых актов.

Схожая автоматизированная информационная система разработана в Российской Федерации — система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (далее — СОЗД ГАС «Законотворчество»). Указанная система является федеральной государственной информационной системой, цель которой — информационное обеспечение деятельности депутатов Государственной Думы Российской Федерации и членов Совета Федерации. Система позволяет пользователям получать информацию о ходе законодательного процесса, а также сами тексты законопроектов, законов и иных связанных с ними документов. У СОЗД ГАС «Законотворчество» есть закрытая часть (внутренний контур), к которой имеют доступ только участники законотворческого процесса (около 3 500 пользователей, в том числе пользователи из 85 регионов Российской Федерации), и открытая часть (портал открытого контура системы), с которой могут ознакомиться все желающие [6].

СОЗД ГАС «Законотворчество» позволяет не только автоматизировать процесс законодательной деятельности федерального уровня и типовой законодательный процесс уровня субъектов Российской Федерации, но и способствует повышению уровня информированности граждан о законодательной деятельности за счет удобного доступа к подробной информации об объектах законотворчества, в том числе через мобильные приложения. Наряду с размещенными в системе проектами имеется информация об их движении, принятых решениях. Предоставляется возможность скачать файлы проекта и иных документов (сопроводительное письмо, обоснование, пояснительная записка и другие). Указанная автоматизированная система включает в себя проекты законов и постановлений, а информация о подготовке проектов правовых актов органами исполнительной власти и результатах их общественного обсуждения располагается на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<https://regulation.gov.ru/>).

Важным этапом внедрения цифровизации в российский законодательный процесс стало то, что 15 сентября 2021 года Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утвердила разработанную Министерством экономического развития России Концепцию развития технологий машиночитаемого права, которая стала первым в Российской Федерации официальным документом в данной сфере. Цель данного документа — систематизация представлений о методах и сферах перспективного развития технологий машиночитаемого права и подготовка предложений по стимулированию развития технологий машиночитаемого права [7]. В Концепции подробно изложены преимущества машиночитаемого права в сфере нормотворчества, среди которых повышение скорости и качества нормотворчества, снижение влияния человека на нормотворческий процесс, автоматическая правовая экспертиза и др.

Влияние процессов цифровизации на нормотворческую сферу позитивно оценивает научное сообщество: «машиночитаемое право может стать фактором снижения влияния человека на нормотворческий процесс», «минимизировать типичные ошибки» [8, с. 30], «это шаг к прогрессивному развитию» [9, с. 99]. При этом исследователи предостерегают о возможных рисках, которые могут возникнуть в процессе автоматизации нормотворчества, указывая на «вероятность ошибок системы в сопоставлении с объективной реальностью» [9, с. 101], «имитацию демократии» [10] при проведении публичного обсуждения нормативных правовых актов и др.

Таким образом, изучение опыта цифровизации нормотворчества других государств, а также теоретическое осмысление проблематики помогает более детально осознать и урегулировать схожие процессы в национальной нормотворческой практике.

На данном этапе в белорусском нормотворчестве полностью или частично автоматизированы отдельные стадии нормотворческого процесса: официальное опубликование нормативных правовых актов, включение нормативных правовых актов в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь и др. На данный момент в НЦПИ продолжаются мероприятия по созданию и введению в эксплуатацию АИС «Нормотворчество», использование которой даст возможность оцифровать полный цикл подготовки проектов нормативных правовых актов, ускорив и упростив весь нормотворческий процесс. Такая трансформация цикла подготовки нормативных правовых актов потребует изменения действующего законодательства, и в первую очередь Закона о НПА. Кроме того, появятся основания говорить о необходимости разработки

в среднесрочной перспективе самостоятельного программного правового акта, регламентирующего сферу цифровизации нормотворческой деятельности.

1. Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 июня 2015 г., № 243. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 ноября 2020 г., № 415. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Мательский А. Ф. 25-летие Национального центра правовой информации Республики Беларусь: итоги и перспективы // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 5–15. [Вернуться к статье](#)
5. Правовой форум Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://forumpravo.by/> (дата обращения: 27.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) Государственной Думы [Электронный ресурс] // Группа компаний «Программный продукт». URL: https://ppr.ru/projects/sistema_obespecheniya_zakonodatelnoy_deyatelnosti_sozd_gosudarsvennoy_avtomatizirovannoy_sistemy_zakonotvorchestvo/ (дата обращения: 18.05.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Концепция развития технологий машиночитаемого права [Электронный ресурс] // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6abf3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 23.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Гвоздецкий Д. М., Залоило М. В. Цифровизация ведомственного нормотворчества как фактор опережающего развития // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 28–30. [Вернуться к статье](#)
9. Бурдакова М. А., Бакланова Н. А., Макаров В. О. Цифровизация нормотворчества как отдельный процесс перехода общества на новую ступень развития // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. 2021. № 12-2 (63). С. 99–102. [Вернуться к статье](#)
10. Перепелица Е. В. Гуманитарный смысл цифровизации нормотворчества [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

И. А. Демидова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена исследованию индивидуального правопорядка с позиций социальной значимости не только общественной, но и индивидуальной правовой культуры. Обозначены базовые положения в отношении понимания индивидуального правопорядка, дана характеристика его признаков и принципов, оснований формирования и функционирования.

Ключевые слова: право, правовая культура, правопорядок, правовая жизнь, индивидуальная правовая культура, индивидуальный правопорядок.

Annotation. The article is devoted to the study of individual legal order from the position of social importance of not only public but also individual legal culture. It outlines the basic understanding of individual legal order, describes its features and principles, the foundations of its formation and functioning.

Keywords: law, legal culture, legal order, legal life, individual legal culture, individual legal order.

Современная политико-правовая реальность определяет потребность развития концепции правовой культуры. С позиций конструктивизма правовая культура может быть рассмотрена во взаимосвязи с правовым порядком посредством представления ее в системе правовых терминов и социальных координат. Данный подход исходит из понимания правовой культуры как значимого социально-правового феномена современности, который может быть сконструирован на понятийном уровне и обнаружен посредством социального среза. В качестве базового в работе принимается положение, что использование категории правового порядка, которая имеет самостоятельное юридическое значение, в орбите изучения правовой культуры призвано установить соотношение общественной и индивидуальной правовой культуры, что значимо в теоретическом плане и определяет его соответствующее методологическое обеспечение. В исследовании применены логические методы анализа, синтеза, обобщения. Одновременно и правовая культура, и правовой порядок предстают фактором правовой жизни общества и личности, тем самым наполняются социальным смыслом и имеют соответствующее проявление в обществе. Вследствие этого

заявленная тематика может иметь продолжение с применением эмпирических данных, полученных при помощи социологического метода.

В теории права традиционно понимание правопорядка как следствия законности, а именно соблюдения правовых предписаний всеми субъектами права, и составной части общественного порядка в силу наличия иных социальных регуляторов общественных отношений, что определяет ограниченное понимание правопорядка. Данные теоретические положения по большей части транслируются во всех учебных изданиях [1, с. 437; 2, с. 308], находят отражение в специальных исследованиях по обозначенной проблематике [3; 4]. В авторском понимании известного теоретика права С. Г. Дробязко правопорядок «завязывается» на принципах права [1, с. 439].

Одновременно правопорядок в социальном плане может рассматриваться как общезначимая ценность, исходя из установления и признания характерных свойств и качеств права, выполняемых им регулятивных функций (как статической, так и динамической), а также реализуемой посредством правовых норм охранительной функции в силу закрепления необходимых моделей поведения субъектов права. В соответствии с общественно признанной социальной ролью права и достигнутым уровнем правового культурного развития социума в целом, правопорядок с позиций общественной правовой культуры выступает как целевая функция системы правовой культуры [5, с. 167–168]. В свою очередь, воспитательная функция права как универсального социального регулятора общественных отношений позволяет вести речь о возможности и необходимости формирования индивидуального правопорядка, явления, которое мало изучено в юридической науке, при этом социально значимо в силу того, что характеризует принятие каждым членом общества ценности правового регулирования, что призвано правомерному поведению всех членов социума, как следствие, существенно в социальном плане.

Разработка теоретической модели индивидуального правопорядка предполагает постановку и разрешение следующих вопросов: 1) обозначение взаимосвязи уровней правового нормирования и различных видов правопорядка; 2) определение характеризующих признаков и принципов индивидуального правопорядка. Рассмотрим обозначенные позиции более подробно.

Взаимосвязь уровней правового нормирования и различных видов правопорядка. Следует исходить из объективности социальных критериев выделения различных уровней правопорядка, в качестве которых выступают сферы совместной жизнедеятельности людей, подлежащие правовому регулированию. В этой связи видами правопорядка устанавливаются гражданский правовой порядок, международный правовой порядок, государственный (конституционный) правовой порядок [6, с. 12]. В данном контексте правопорядок предстает

в виде сложного, многоуровневого и качественно неоднородного правового образования. При том что вопрос о том, какой из обозначенных видов правопорядка является системообразующим, носит дискуссионный характер, можно утверждать, что в глобальном плане правопорядок существует в единстве всех видов, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Так, наличие гражданского правопорядка определяется сформированностью гражданского общества, как следствие, возможностями его саморегулирования, в том числе с использованием различных норм и видов деятельности. Обосновано, что гражданский правопорядок воспроизводится за счет усилий негосударственных организаций по нормированию разнообразных сфер общественной жизни посредством корпоративных норм, а также через деятельность отдельных граждан с позиций перевода их правомерного поведения из законопослушного на правомерное поведение как форму правотворчества [7, с. 12]. В свою очередь, государственный (конституционный) правопорядок обуславливается законодательно установленным соотношением органов государственной власти и правовым положением личности в конкретном государстве, что отражает особенности правового развития общества, находит закрепление в национальной конституции. Имеет место точка зрения, что системообразующим видом в современном обществе является именно государственный (конституционный) правопорядок. При этом движущей силой, определяющей динамику правовой жизни общества, выступают диалектическое единство и противоположность государственного и гражданского правопорядков [7, с. 11–12]. В то время как международный правопорядок устанавливается правовым взаимодействием государств мирового сообщества на основе норм международного права, что призвано обеспечению международной безопасности.

Значимо, что в основе обозначенных видов правопорядков лежат общеправовые принципы права: законности, справедливости, гуманности. Указанное обстоятельство обуславливает юридические критерии единообразия правового нормирования, наличие общепринятых международно-правовых стандартов так называемого человеческого измерения, что позволяет говорить о возможности планетарной правовой культуры как модели межгосударственного взаимодействия на основе права, которая в настоящее время является идеальной (мыслительной). Одновременно особенности правового развития общества в части принадлежности к той или иной правовой семье, степени включенности в мировое правовое культурное пространство и ряд других социально значимых критериев, к примеру, сформированность правовой традиции, специфика правового менталитета, в совокупности призваны количественной и качественной оценке общественной правовой культуры. При этом общими характеристиками всех уровней правопорядка устанавливаются: олицетворяет фактические

урегулированные правом общественные отношения; обеспечивает господство права и верховенство закона; является гарантом реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников правовых отношений [6, с. 11].

Принятие личностью ценности права позволяет выделять как самостоятельный вид индивидуальный правопорядок в качестве показателя индивидуальной правовой культуры [8, с. 14]. Данный подход основан на признании того, что «в рамках единой правовой культуры общества уровень культурной зрелости каждой отдельной личности вариативен, поскольку зависит сразу от многих факторов: от того, насколько точно осознает и усваивает индивид принципы действующего в обществе права; от степени информированности индивида о нормах, процедурах, институтах, опосредующих реализацию (защиту, восстановление) права; от внутреннего (ценностного) позитивного или негативного отношения индивида к существующим правовым нормам, процедурам, институтам» [7, с. 17–18]. В этой связи наряду с общественной правовой жизнью, которая функционирует на уровне общества и в целом мирового сообщества, складывается индивидуальная правовая жизнь каждой личности, основу которой составляет сформированная посредством правового воспитания и образования индивидуальная правовая культура. Если общественная правовая культура является следствием разных форм общественной практики, прежде всего, правовой, отражением правового менталитета народа и сложившейся исторически правовой традиции и отличается единством, то в основе индивидуальной правовой культуры лежит личный социально-духовный и жизненный опыт, который выступает результатом освоения и воспроизводства существующих культурных ценностей, правовой деятельности, а также правового образовательного воздействия со стороны различных общественных и государственных институтов.

Характеризующие признаки и принципы индивидуального правопорядка. В характеристике индивидуального правопорядка следует исходить из того, что «конструирование правовой реальности проходит три стадии, которые условно можно обозначить следующим образом: знаковая форма, ментальный образ, повседневное поведение» [9, с. 12]. Признание значимой роли в модели правопорядка за субъектом права определяет его участие в механизме формирования и укрепления различных видов правопорядка, и прежде всего индивидуального. В этой связи «с позиций антропоцентризма как одного из направлений современной юриспруденции, определяющее значение для правопорядка приобретают действия субъекта права, наделенного правоприменительными полномочиями, а также того субъекта, кому адресованы правовые нормы» [9, с. 13–14]. Представленный подход позволяет характеризовать правопорядок как постоянную деятельность субъектов права по реализации правовых норм (посредством

соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм), которая строится как на внутреннем, так и на внешнем диалоге, ориентирована представлениями социума в целом о существующей и должной социально значимой модели правового поведения. Одновременно существенное значение имеет специальная деятельность уполномоченных субъектов, прежде всего государственных должностных лиц, по формированию (объективации) правовых норм. То обстоятельство, что правовые действия субъектов права во многом детерминированы общественной правовой традицией, допускает различные модели государственного (конституционного) и, как следствие, индивидуального правопорядков в разных государствах в разные исторические периоды. В этой связи при том что различные виды правопорядков базируются на общеправовых принципах, принципы индивидуальных правопорядков могут различаться. Это обусловлено сформированными в условиях конкретной правовой реальности правовыми свойствами личности, допустимыми в данном социуме моделями правового поведения, в целом качеством правовой жизни общества и рядом других факторов. Как следствие, социальный срез индивидуального правопорядка будет различен как в рамках одного, так и разных государств современности, а также в разрезе отдельных исторических эпох.

Возможности внешнего воздействия на формирование принципов индивидуального правового порядка связаны с организацией правовой образовательной деятельности, субъектами которой выступают различные социальные институты, определяются качеством общественной правовой жизни, что призвано обретению личностью образа права, принятию его ценности, признанию общественной и личной значимости права. Социально значимой целью выступает формирование правокультурной личности, имеющей индивидуальный социально-духовный правовой опыт, обладающей правовыми знаниями и сформированными правовыми умениями, которые реализуются ею посредством задания личной «системы координат», что в совокупности характеризует индивидуальную правовую жизнь. Социальный запрос современности на сформированность индивидуальной правовой культуры и, соответственно, индивидуальный правопорядок обусловлены правовой организацией жизни современного социума.

1. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. Минск : Амалфея, 2005. 464 с. [Вернуться к статье](#)

2. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. М. : Былина, 1998. 512 с. [Вернуться к статье](#)

3. Слободчиков Н. А. Законность и правопорядок : учеб.-методич. пособие. М. : Веды, 2001. 20 с. [Вернуться к статье](#)

4. Правовая культура, законность и правопорядок в условиях развивающегося социализма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М. : ВЮЗИ, 1989. 257 с. [Вернуться к статье](#)
5. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования : монография. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)
6. Анцифирова Н. А. Правовой порядок: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар, 2010. 24 с. [Вернуться к статье](#)
7. Макаров К. В. Взаимосвязь общественной и индивидуальной правовой культуры в становлении гражданского правопорядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Москов. ун-т МВД России. М., 2006. 27 с. [Вернуться к статье](#)
8. Демидова И. А. Состояние законности и правового порядка как социальный критерий правовой культуры общества: теоретико-прикладной аспект // Сибир. юрид. обозрение. 2021. Т. 18. № 1. С. 6–16. [Вернуться к статье](#)
9. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследований // Журн. рос. права. 2017. № 8. С. 5–16. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Д. М. Демичев

Сопредседатель научно-консультативного совета
при Конституционном Суде Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуются отдельные теоретико-правовые подходы к важнейшей форме общественного сознания и краеугольному камню мироздания — правосознанию. Анализируются различные точки зрения мыслителей прошлого и современных ученых относительно определения понятия «правосознание». Дается авторское определение понятия «правосознание».

Ключевые слова: право, сознание, общественное сознание, правосознание, правовая действительность.

Annotation. The article examines individual theoretical and legal approaches to the most important form of social consciousness and the cornerstone of the universe — legal consciousness. Various points of view of thinkers of the past and modern scientists are analyzed regarding the definition of the concept of «legal consciousness». The author's definition of the concept of «legal consciousness» is given.

Keywords: law, consciousness, public consciousness, legal consciousness, legal reality.

Сознание — одно из фундаментальных понятий философии, биологии, психологии, социологии. Данные науки обычно выделяют такие формы общественного сознания, как политическое, правовое, философское, религиозное, научное, этическое, эстетическое, экологическое и т. д. Сознание — это мысль, чувство, способность человека как биосоциального существа мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности; состояние человека в здравом уме и памяти, способность отдавать себе отчет в своих поступках, чувствах и действиях.

Социальная многомерность общества ведет к тому, что при наличии в той или иной стране единой системы права существует многообразие видов правосознания. Истории известно множество типов правового сознания классового общества. В рабовладельческом обществе господствовало правосознание рабовладельцев, в феодальном — феодалов, в буржуазном — буржуазии, в социалистическом обществе — правовое сознание союза рабочего класса, колхозного крестьянства и творческой интеллигенции. В правовом государстве формируется и преобладает демократическое правосознание большинства народа, толерантно относящегося к интересам меньшинства.

Применительно к концепции естественного права правосознание включает чувственно-мыслительное понимание правды, правоты, свободы,

справедливости и добра. Для позитивистской теории правосознание — это прежде всего правильное понимание содержания нормы права, готовность ей следовать, чувство правомерности, целесообразности и законности.

Понятиями, близкими по значению к правосознанию, являются правопонимание, правовосприятие, правоанализ, правочувствование, правоубеждение и правовидение.

Еще с Древнего Рима правосознание — отличительная черта общественного сознания. Правосознание древнеримских юристов сыграло важную роль в становлении и развитии римского частного права.

По мнению русского философа, писателя и публициста И. А. Ильина (1883–1954), правосознание занимает ведущее место в философии права, естественно-правовой концепции и включает не только знания и мышление, но и человеческую душу, инстинкт, волю, чувства, воображение, внутренние убеждения, естественное чувство права и правоты. Для И. А. Ильина правосознание — это краеугольный камень мироздания, всего мирового порядка и культуры. Он отмечал: «Нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Правосознание как духовный орган, необходимый человеку, участвует, так или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступление, притесняет соседей, предаёт свою родину и т. д.» [1, с. 224]. Мыслитель подчеркивал религиозные основы правосознания, его неразрывную связь с Царством Божьим. Для него вся история человечества — это история правосознания, духовный кризис которого ведёт в конечном итоге к кризису общества, государства и права [2, с. 84–93].

Русский историк, философ, юрист, общественный и политический деятель П. И. Новгородцев (1866–1924) в работе «Введение в философию права. Критика современного правосознания» (1909) писал о кризисе правосознания в царской России как отражении кризиса концепции правового государства, основанного на западных либеральных ценностях индивидуализма.

По мнению российско-польского ученого, основателя психологической школы права в России Л. И. Петражицкого (1867–1931), уроженца Сенненского района Витебской области, право как императивно-атрибутивное переживание — это часть правосознания [3, с. 67–99, 126–165]. С точки зрения известного болгарского ученого-юриста Н. Неновски (1934–2004), право — это нормативная часть правосознания господствующего класса [4, с. 72–73].

Исходя из коммуникативной теории правопонимания, профессор А. В. Поляков полагает, что право не существует вне правосознания, но это не означает, что право и правосознание означают одно и то же. Правосознание —

это осознание правовой действительности в чувственных и мыслительных образах [5, с. 255–257, 263].

Правосознание — это внутренний, личностный регулятор юридически значимого поведения, который можно характеризовать как положительно, так и отрицательно. Позитивное правосознание способствует действию, реализации права, негативное — препятствует этому.

Позитивное или негативное как составляющие правосознания зависят от легитимности законодательства, духовной, нравственной и религиозной основы общества. Чем в большей степени право и государство соответствуют потребностям и интересам народа, выражают его волю, тем в большей степени правосознание способствует их развитию.

Будучи синтетическим понятием, правосознание связывает право и сознание, право и государство, сознание и общество. Являясь в конечном итоге порождением бытия права и будучи вторичным по отношению к нему, правосознание обладает относительной самостоятельностью, независимостью, наличием внутренних законов, тенденций и преемственностью в развитии. В свою очередь, правосознание пронизывает бытие права, активно воздействует и преобразует его. Об этом в свое время достаточно убедительно писали классики марксизма К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин [6].

Большинство российских авторов (В. В. Лазарев, Н. И. Матузов, А. В. Малько, Р. Т. Мухаев, В. Д. Попков, Т. Н. Радько, Н. Я. Соколов) определяют правосознание как совокупность чувственного и мыслительного отражения права, правовой действительности, в котором выражается отношение как к действующему, так и к желаемому праву, его месту и роли в обществе.

Белорусский исследователь И. Л. Вершок считает, что правосознание представляет собой сложный, комплексный, волевой и юридически значимый процесс правильного восприятия, отражения, осмысления и выражения в индивидуальном человеческом мышлении социально-правовой действительности [7, с. 260].

По мнению профессора А. Ф. Черданцева, правосознание следует рассматривать с точки зрения справедливости, целесообразности, эффективности права и правовых ценностей [8, с. 330].

С точки зрения профессора А. А. Воротникова, в определении правосознания указывается его обусловленность материальными условиями жизни и направленность на установление определенного правового режима в обществе в категориях юридических прав, обязанностей, требований и предписаний, которые исходят от государственной власти и обеспечиваются специфическими государственными средствами [9, с. 214].

Как подчеркивает профессор Н. Л. Гранат, правосознание — это отражение правовой действительности в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, юридических установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях [10, с. 379].

Точка зрения профессора В. В. Лазарева сводится к тому, что правосознание включает в себя осмысление и ощущение необходимости права, оценку права, потребности создания развитой системы законодательства, внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, восприятие процесса и результатов реализации права, соотнесение правовых ценностей с ценностями морали, политики, религии и др. [11, с. 144].

Профессор Д. А. Керимов отмечает особую роль в правосознании сознательной, разумной деятельности. Он считает, что это прежде всего сознание права, а не чувство, не эмоция, не влечение и не инстинкт. Чувства и эмоции всегда присутствия в правовой жизни, имеют значение только тогда, когда они осознаны, осмыслены, прояснены сознанием. Зрелость правосознания зависит от его интеллектуального уровня. Он указывал на неразрывную связь правосознания и нравственности, проявляющуюся в том, что правосознание в значительной мере является одновременно и нравственным, этическим сознанием [12, с. 48–49, 54–58]. Однако высокий уровень интеллекта может быть направлен и на совершение противоправных действий. Здесь большое значение имеет правовая убежденность и мотивация к поступку.

Многие авторы признают особую роль правосознания в функционировании и развитии общества, установлении правопорядка, правомерного поведения.

Таким образом, правосознание — это особое соединение, сплав, синтез права и сознания; это система взглядов, идей, понятий, оценок, убеждений, представлений, настроений, чувств индивидов, социальных групп и общества как отражение правовой действительности в виде юридических знаний и оценочных отношений к праву и государству; это осознание того, что законно и противозаконно, правомерно и неправомерно, справедливо и несправедливо, целесообразно и нецелесообразно.

На уровень правосознания влияет степень государственно-правовой защищенности человека, уровень благосостояния, возможности для развития личности. Оно определяется социально-экономическими, политическими, юридическими, национальными, историческими и культурными факторами. Существенно влияют на правосознание духовные предпосылки (идеалы свободы, справедливости, демократии), исторические традиции поведения, эффективность действия механизма правовой системы. Так, Ш. Монтескье вкладывал

в понятие «дух закона» его соответствие степени свободы народа, допускаемой устройством государства, нравам и обычаям, отношениям справедливости, любовью к демократии, сообразностью с народным духом, законами религии [13, с. 157–733].

В научной литературе высказывается мысль о том, что правосознание и уровень жизни населения находятся в неразрывной связи. В то же время нельзя, по нашему мнению, считать правосознание зеркальным отражением экономики. Даже в экономически развитых странах, где достигнут высокий уровень жизни, наблюдается рост преступности, значительная часть граждан не участвует в политической жизни, уклоняется от участия в выборах и т. п. Сейчас на данные обстоятельства накладывается отпечаток опасности террористической угрозы, массовая миграция, экономическая нестабильность. Как бы ни было велико значение материального фактора, но без сознания и духовности невозможно существование человека и общества. Для того чтобы вести себя правомерно в юридически значимых ситуациях, каждая личность должна обладать свободным, зрелым и здоровым правосознанием, в том числе конституционным, воспитывать, беречь и укреплять его в себе. Для этого данная личность должна быть свободной в рамках права и иметь возможность самостоятельно осуществлять свой политико-правовой выбор.

Правосознание в целом включает в себя: знание права, чувства, эмоции, представления о нем, оценочное отношение к праву, правовую убежденность и поведенческий элемент, связанный с мотивационной предрасположенностью и готовностью к юридически значимым действиям. Исследования показывают, что знание права у законопослушных граждан и правонарушителей почти одинаковое (последние могут быть даже более компетентными в рамках определенных норм). Положительное отношение к праву, навыки правомерного поведения у законопослушных граждан значительно превосходят данные показатели правонарушителей. Поэтому важнейшей задачей является формирование у граждан правовой убежденности и навыков правомерного, законопослушного поведения, которые бы превратились в правовую привычку.

Нормативной базой формирования правосознания в Республике Беларусь являются Конституция Республики Беларусь, кодексы, законы, указы Президента Республики Беларусь и другие нормативные правовые акты, а также правовые принципы, правовые обычаи, нормативные правовые договоры.

Возрастание роли правосознания в жизни общества и государства вызывает объективную необходимость его дальнейшего углубленного исследования в механизме правового регулирования.

Только высокий уровень правосознания и правовой культуры, высокоразвитая экономика, реализующиеся на практике принципы правового государства создают основу для благополучия, прогресса и процветания общества.

1. Ильин И. А. Путь духовного обновления : собр. соч. : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1996. Т. 1. 400 с. [Вернуться к статье](#)
2. Окара А. Н. Правосознание — центральная категория философии права И. А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 84–93. [Вернуться к статье](#)
3. Петражицкий Л. И. О существе права и нравственности // Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Сер. Мир культуры, истории и философии. СПб. : Лань, 2000. С. 67–99, 126–165. [Вернуться к статье](#)
4. Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. С. 72–73. [Вернуться к статье](#)
5. Поляков А. В. Правосознание: онтологический и социокультурный ракурсы // Общая теория права : курс лекций. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 255–257, 263. [Вернуться к статье](#)
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 29 ; Ленин В. И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 29. С. 194–195. [Вернуться к статье](#)
7. Вершок И. Л. Правосознание и правовая культура // Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ : Четыре четверти, 2014. С. 260. [Вернуться к статье](#)
8. Черданцев А. Ф. Право в системе социального регулирования. Право и правосознание // Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 1999. С. 330. [Вернуться к статье](#)
9. Воротников А. А. Правовое сознание // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. С. 214. [Вернуться к статье](#)
10. Гранат Н. Л. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М. : Зерцало. 1998. Т. 2. Теория права. С. 379. [Вернуться к статье](#)
11. Лазарев В. В. Правосознание и правовая культура // Общая теория права : учебник для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев [и др.] ; под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1997. С. 144. [Вернуться к статье](#)
12. Керимов Д. А. Сознание, правосознание и интеллектуальность // Проблемы общей теории государства и права. М. : Соврем. гуманитар. ун-т, 2000. С. 48–49, 54–58. [Вернуться к статье](#)
13. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 157–733. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮРИСТА**А. М. Дроздова**

Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, г. Ставрополь),
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и значения формирования здорового правосознания личности вообще. Предлагается взгляд на реализацию принципа взаимозависимости между правосознанием и правовой культурой. Выдвигается тезис о том, что только гражданин, ответственный перед государством, перед обществом и личностью, вправе реализовывать функции юриста, будучи прежде всего гражданином и патриотом, а не только носителем профессиональных навыков.

Ключевые слова: правосознание, воспитание, формирование личности, правовая культура, здоровое профессиональное правосознание.

Annotation. The article is devoted to the study of the role and importance of the formation of a healthy legal consciousness of the individual in general. A view on the implementation of the principle of interdependence between legal consciousness and legal culture is proposed. The thesis is put forward that only a citizen responsible to the state, to society and the individual has the right to exercise the functions of a lawyer, being first of all a citizen and a patriot, and not only a carrier of professional skills.

Keywords: legal consciousness, upbringing, personality formation, legal culture, healthy professional legal consciousness.

Россия сегодня как самостоятельная цивилизация занимает достойное место среди других мировых цивилизаций, и естественно ее стремление к созданию здоровых и гармоничных механизмов взаимодействия власти и общества, власти и личности, государства и общества, общества и человека.

Процессы успешного регулирования общественных отношений, взаимодействия государства и личности всегда были и остаются востребованными для каждого государства, и ответ при этом один: с помощью реально действующей регулятивной системы, которой является право. Право оказывает свое непосредственное воздействие на сознание и затем поведение каждого индивида, создает и гарантирует наличие определенных условий, в которых формируется определенный уровень правовой культуры каждого человека и профессиональной правовой культуры специалиста в сфере юриспруденции.

Объективно на правовую культуру личности, общества и государства влияют различные факторы, такие как менталитет, мировоззрение, правовое сознание и развитие общей культуры в социуме, традиции и ценности

общественных отношений в государстве, созданная и действующая правовая система страны.

Люди по-разному относятся к праву: уважают, боятся, игнорируют, пренебрегают, отвергают, используют, но всегда вспоминают, когда у человека возникают проблемы различного характера, и требуют конкретизации правовых предписаний, особенно в отношении себя. Находясь в обществе, человек находится в постоянных правовых отношениях с другими участниками жизни этого общества; личности являются носителями прав и обязанностей и вольно или невольно подчиняются или подчиняют других требованиям законодательства.

В настоящий период функционирования российского общества, в период формирования правового государства от каждой личности требуется активная жизненная позиция, *повышенный уровень правовой культуры*, осознание каждой личностью ее роли и значения для страны и государства, формирование определенной степени ответственности за свою судьбу и судьбу страны в целом.

В последние годы мы довольно часто стали исследовать и обсуждать уровень правосознания личности, степень формирования правовой культуры личности и государства как элементов общей культуры человечества, но при этом пока не пришли к единому мнению ни в понимании сущности, ни в значимости данных феноменов для людей и общества, что указывает на сложность, многогранность и многоаспектность названных понятий и явлений.

Если воспринимать правовую культуру как систему ценностей, правил и норм, обеспечивающих поведение индивида в социуме, следует рассмотреть и структуру этого феномена, в которой каждый ее элемент важен и занимает свое определенное место. Среди таких элементов в правовой культуре юриста-профессионала следует указать правовое сознание, глубину правового образования, уровень правового восприятия, качество профессиональной подготовки и степень развития юридической отрасли науки в целом. При этом не следует забывать о значении правовой культуры общества для создания правового государства и благополучия каждого в процессе жизни в обществе, в процессе воспитания уважения к закону и праву для формирования готовности стать активным участником всех жизненных событий государства и личной жизни граждан.

Нельзя не согласиться с И. А. Ильиным, который указывает: «И если задача организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания, то современный кризис обнажает прежде всего глубокий недуг современного правосознания» [1, с. 252].

Понятно, что каждый человек, который понимает, что, кроме него, есть еще и другие люди, обладает определенным уровнем правосознания; другое дело — каким: нормальным, здоровым, профессиональным или деформированным, имеющим некоторые искривления типа: репрессивный или криминальный. И тогда задача общества, государства, семьи, школы заключается в том, чтобы на всех этапах жизни человека начиная с малого возраста воспитывать в личности уважение к закону и праву, восприятие правовых установлений как обязательный механизм их добровольной реализации, формирование необходимого уровня здорового правосознания в целом, именно право для каждого должно стать мерой поведения, мерой взаимоотношений, мерой личности в ее отношениях со всеми участниками общественной жизни. По мнению И. А. Ильина, «задача права в том, чтобы создать в душе человека мотивы для лучшего поведения» [1, с. 271]. Решать поставленную задачу нам с вами мешает то обстоятельство, что современный человек, вооруженный Интернетом, считает, что ОН знает и может все, и в том числе может оценивать и указывать другим людям, государству и стране в целом, как и когда следует предпринимать те или иные меры, не усматривая духовную ценность права и не видя до поры до времени жизненной необходимости юридических предписаний. Свое мнение о себе самом становится превосходящим. Даже тогда, когда без согласования с государством человек в период пандемии отправляется на Бали, в силу сложившихся условий не может вылететь обратно в Россию, не имея уже достаточных средств и возможностей, вспоминает о государстве, гражданином которого он является, и требует заказать для его возвращения в Россию самолет. Человек забывает о своих обязанностях по отношению к государству, забывая о правах государства, возлагая на себя *только права*, а на государство — *только обязанности*, а где же организованное, совместное, основанное на единых целях творчество.

Если признать каждого индивида участником политической деятельности, способной вести политическую жизнь в социуме, то следует соотносить свои собственные интересы с интересами государства, что сегодня в сложившейся международной ситуации для нашего российского общества крайне важно. Не указывать и требовать, не поливать и обличать, а сострадать и помогать, разделяя все тяготы и невзгоды с теми, кто защищает нашу страну. Не поделившись, не ограничивая себя в чем-то, мы не сможем выстоять и победить, и пора это понять всем гражданам России. Нельзя сегодня делать то, что воспроизводят деятели культуры на экранах телевидения, в барах и ресторанах, поскольку первое, что делает человека гражданином, — это «принятие государственной цели».

И вот опять правосознание как единственный путь к проведению различного рода реформ и преобразований. В процессе образования на юридических факультетах вузов формируется личность юриста и его профессиональное правосознание, которое должно произрастать из доброй воли и патриотизма, из глубокого понимания и знания правовой материи, из способности понимать и разделять государственные цели и задачи, т. е. он должен быть носителем не только здорового, но и государственного правосознания. Хотелось бы, чтобы правители от образования понимали, что главной задачей вуза и образования в целом должны стать аксиомы правосознания: закон духовного достоинства, закон автономии, закон взаимного признания.

Сегодня одним из важных документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета, являются Основы «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», утвержденные Указом Президента Российской Федерации [2], где речь идет именно о традиционных ценностях, воспитании этих ценностей в российском обществе, в образовательных учреждениях и о предполагаемых результатах.

Надо отдать должное, что чиновники от образования начинают просыпаться, и сегодня уже в 10 регионах России проходят окружные научно-методические конференции на тему «Основы российской государственности» для обсуждения, разработки и внедрения общеобязательного образовательного курса на всех факультетах вузов с целью расширения мировоззренческой и гуманитарно-просветительской составляющей академической подготовки обучающихся, ценностной составляющей образования, внимания академического сообщества к историко-политическому фундаменту образовательной подготовки и активное развитие интерактивных образовательных технологий.

В заключение следует отметить, что создание правового государства неотделимо от создания условий для повышения уровня правовой культуры, и в нашей стране в том числе; утверждение в общественном сознании к праву и государству отношения как к социальной ценности на основе социальной справедливости и гуманизма.

Если правовую культуру представить как понимание правосознания, принципа законности, дополнить понимание верховенством законодательства и приоритетом юридической практики, а также осознать социальную ценность правовой системы государства, то правовая культура становится нравственным и правовым богатством народа и страны.

С другой точки зрения правовая культура может ассоциироваться с устойчивым состоянием общественного сознания и социальной практики.

Последние, в свою очередь, возникают в результате многократного повторения определенных видов деятельности, постоянного развития и функционирования самостоятельных элементов структуры правовой системы, таких как право, мораль, ценности и нравственные критерии, традиции, тогда для повышения эффективности правовой культуры следует анализировать и совершенствовать основания, условия и гарантии создания механизмов ее формирования.

Кто же такой гражданин, образованный в правовом смысле слова? Несомненно, это личность, которая обладает необходимым объемом правовых знаний, умеющая защитить свои права, информированная в наличии структуры специальных органов и организаций, в которые следует обращаться в случае необходимости при возникновении проблемных ситуаций; человек должен быть знаком не только с действующим законодательством, но и с вносимыми изменениями в систему права; необходимо также овладение в необходимом объеме основами отраслевого законодательства, в сфере которого он постоянно пребывает; крайне важно, чтобы гражданин воспринимал нормативные правовые акты не только об ответственности государства перед обществом и личностью, но и не забывал нормы права о своей личной ответственности перед государством, о своих обязанностях перед другими лицами, чтобы для него главным принципом была норма о повсеместном соблюдении прав и свобод человека и гражданина всеми субъектами на территории государства.

Относительно здорового правосознания следует привести слова, сказанные И. А. Ильиным в прошлом веке, но актуальные сегодня и сейчас, а именно: «В правосознании участвуют не только “знание” и “мышление”, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, приуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и *признавать* в порядке *самомнения* и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы *соблюдать признанное*. Надо обратиться к своему *инстинкту* и приучить его к “законопослушности” или “лояльности”, а это удастся только тому, в ком живет *духовность инстинкта*, достаточно сильная и определенная, чтобы усвоить духовный смысл права, его цель и его назначение» [1, с. 307].

1. Ильин И. А. Родина и мы / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Смоленск : Посох, 1995. 512 с. [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный

ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 9 нояб. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.15

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И. Т. ТАРАСОВА:
ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ****Н. Ю. Егоров**Санкт-Петербургский университет МВД России,
заместитель начальника правового отдела

***Аннотация.** Статья посвящена анализу теоретического наследия российского юриста Ивана Трофимовича Тарасова (1849–1929). Проблемы обеспечения эффективной деятельности государственного аппарата, разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих, применения мер государственного принуждения, обеспечения прав и свобод человека в трудах И. Т. Тарасова занимают центральное место, а предложения по их решению продолжают сохранять потенциал для совершенствования государственно-правовых систем современных государств.*

***Ключевые слова:** И. Т. Тарасов, полицистика, российская полицейско-правовая теория, обеспечение прав человека, государственное принуждение.*

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of the theoretical legacy of the Russian lawyer Ivan Trofimovich Tarasov (1849–1929). The problems of ensuring the effective functioning of the state apparatus, the differentiation of judicial and disciplinary responsibility of civil servants, the use of state coercion measures, ensuring human rights and freedoms in the works of I. T. Tarasov occupy a central place, and proposals for their solution continue to retain the potential for improving the state-legal systems of modern states.*

***Keywords:** I. T. Tarasov, policeistics, Russian police and legal theory, ensuring human rights, state coercion.*

Формирование новых подходов к фундаментальным проблемам теории государства и права, к вопросам определения природы, содержания и неотчуждаемости прав человека, к решению задач эффективного правоприменения и обеспечения законности деятельности государственных органов в современных условиях невозможно осуществлять без учета теоретического наследия выдающихся русских полицистов, к числу которых принадлежит Иван Трофимович Тарасов (1849–1929). Труды И. Т. Тарасова обладают потенциалом, который может способствовать и определению ориентиров развития государственно-правовой системы России, и укреплению юридической науки, утверждающей значимость прав личности, и практической юриспруденции, признающей человека высшей ценностью общественного развития.

Работы И. Т. Тарасова по государственному, полицейскому, административному, гражданскому, финансовому, трудовому праву, по политэкономии

и экономической теории в конце XIX – начале XX в. имели признание в широких кругах научной общественности. И. Т. Тарасов был известен как видный полицейст и административист, авторитетный правовед-отраслевик, знаток особенностей государственного управления в зарубежных странах, специалист по вопросам деятельности пенитенциарных и исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в различных странах, переводчик трудов зарубежных правоведов.

В 1917 г. отношение к профессорам имперской России претерпело кардинальные изменения. Преемственность между дореволюционным правовым мышлением и новым советским была разорвана. Демократические институты правового регулирования общественных отношений были окончательно заменены командно-партийным воздействием, государственное и административное право как отрасли научных знаний рассматриваться перестали. С этого времени труды И. Т. Тарасова надолго были преданы забвению.

В современной юридической науке появились статьи, в которых перечислялись основные направления научных исследований И. Т. Тарасова, давалась характеристика его вклада в развитие представлений о государстве и месте органов исполнительной власти в механизме государственного управления, в углубление знаний об институтах административного и финансового права (К. С. Бельский [1, с. 701–703; 2, с. 93–105], С. А. Егоров [3, с. 703–704], М. В. Лушникова [4, с. 547–556], Н. С. Нижник [5, с. 228–235; 6], С. Ю. Дергилева [7; 8]).

С именем И. Т. Тарасова в отечественной юриспруденции связаны развитие отдельных положений государственного (конституционного) права, переход от науки полицейского права к праву административному, предложения о создании административной юстиции, создание концепции государственного управления, определение оснований применения мер государственного принуждения. Ядром государственно-правовых воззрений И. Т. Тарасова являлись концепция государственного управления в правовом государстве; учение о правоотношениях в области государственного управления; статус, структура, особенности организации и деятельности органов исполнительной власти. Предметом осмысления ученого были проблемы обеспечения справедливости и законности в системе управленческих отношений. Идеи о необходимости контроля за государственным управлением и государственными служащими со стороны закона, компетентных государственных органов и демократических институтов явились основополагающими в учении И. Т. Тарасова.

Теоретическую основу учений И. Т. Тарасова о государстве, праве и управлении общественной жизнью составили положения западноевропейской и российской полицейстики. Существенное влияние на формирование его

взглядов на систему органов государственного управления и ее функционирование оказало творческое наследие Л. фон Штейна [9]. В работах И. Т. Тарасова нашли продолжение и развитие идеи немецких мыслителей Р. фон Моля [10], Р. фон Гнейста, О. Майера [11], позволившие правоведам охарактеризовать сущность эвдемонистического, полицейского, социального и правового государства.

В научной и общественно-политической деятельности И. Т. Тарасова можно выделить несколько этапов, содержание которых различалось приоритетными направлениями проводимых научных исследований:

– 1875–1889 гг.: исследование государственно-правовых явлений с акцентированием внимания на вопросах гражданского, трудового, торгового, финансового права; опора на личный опыт практической деятельности в качестве судьи мирового суда; определение актуальных проблем в сфере государственного управления;

– 1889–1908 гг.: развитие положений общей и особенной части полицейского права, комплексное изучение вопросов, касающихся деятельности органов исполнительной власти в целом и полиции в частности; определение сущности и форм осуществления государственного принуждения;

– 1908–1913 гг.: формирование и развитие теории административного права; определение природы «административной неправды» и обоснование необходимости существования административной юстиции (1908–1913).

И. Т. Тарасов внес важный вклад в развитие теории реализации публичной политической власти, разработав концепцию государственного управления [12], основными идеями которой явились следующие:

– система органов исполнительной ветви власти — единый сложный иерархизированный «организм», обеспечивающий права и свободы человека и гражданина;

– органы исполнительной власти государства одновременно являются институтами подчинения граждан государственным органам, субъектами применения мер административного принуждения и органами, наделенными распорядительными полномочиями;

– организация исполнительной власти разных видов (централизованная, децентрализованная исполнительная власть) должна отвечать единым требованиям, позволяющим эффективно управлять государством;

– взаимодействие правящих и управляемых должно осуществляться в рамках правоотношений на основе поведения не власти — подчинения, а сотрудничества;

– в случае нарушения государственными органами закона граждане могут реализовать свое право на сопротивление.

Учение И. Т. Тарасова о публично-правовых отношениях, складывающихся в области государственного управления [13; 14], определило его вклад в отечественную юриспруденцию.

Наделение администрации, по мысли И. Т. Тарасова, широкими распорядительными полномочиями по изданию подзаконных нормативных актов, содержащих «первичные» правовые нормы, не производные от норм закона, но соответствующие правовым принципам, вполне оправданное в идее и органично вписанное в его концепцию государственного управления, с точки зрения возможной практической реализации имеет неоднозначный характер: с одной стороны, оно позволяет повысить оперативность принятия администрацией решений, учитывать специфику быстро изменяющихся общественных отношений; с другой стороны, требует наличия в администрации должностных лиц, обладающих не только высоким профессионализмом, но и развитыми нравственными качествами. При недостаточном уровне профессиональных и общекультурных компетенций предоставление должностным лицам таких распорядительных полномочий может привести к произволу администрации.

И. Т. Тарасов внес важный вклад в развитие теории обеспечения законности в области государственного управления, предложив концепцию административной юстиции [15]. Назначением административной юстиции он считал разрешение конфликтов в случаях:

- жалобы гражданина на действия/бездействия органов управления;
- спора между органами администрации;
- спора между административными судами и органами администрации.

Споры между органами администрации должны разрешаться административным судом, а разногласия между административными судами и органами администрации — общими судами. Аргументация И. Т. Тарасова оказала влияние на закрепление в российском праве одного из основных принципов отечественного (в том числе административного) судопроизводства — принципа недопустимости споров о подсудности [16].

Выделение И. Т. Тарасовым в сфере публично-правовых отношений «административной неправды» — действий администрации, которые не являлись ни преступлениями, ни гражданскими правонарушениями, ни дисциплинарными проступками, однако существенно нарушали права и свободы граждан, указывало на конкретизацию представлений о формировании правового государства и месте административной юстиции в системе защиты прав и свобод человека.

Развивая идею обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, И. Т. Тарасов не исключал возможности применения мер государственного принуждения с использованием полицией оружия. Законодательно

закрепленный порядок ношения и применения оружия сотрудниками полиции должен был способствовать выполнению ими служебных обязанностей, самообороне, обеспечивая их права и свободы, и недопущению «злоупотребления правом вооруженного принуждения», обеспечивая права и свободы граждан России.

Идея множественности субъектов государственного управления, наделенных властными полномочиями и представляющих собой потенциальных участников административных отношений, а также субъектов — участников административно-правовых отношений в виде различных союзов, сформулированная и развитая И. Т. Тарасовым, до конца XX в. не имела объективных оснований для реализации в силу специфики имперского, а затем советского государственного устройства России и была в общих чертах претворена в жизнь только в Российской Федерации.

Учением о союзах И. Т. Тарасов внес вклад в развитие представлений о механизмах формирования гражданского общества, месте гражданского общества в правовом государстве, условиях перехода от полицейского государства к правовому [17; 18].

И. Т. Тарасов обосновал необходимость рассмотрения органов исполнительной власти как целостной системы, являющейся подсистемой механизма государства, органы которой наделены распорядительными полномочиями и полномочиями применения мер административного принуждения.

Сформулированные И. Т. Тарасовым требования к организации системы органов исполнительной власти позволяют оценить эффективность ее функционирования и возможности реализации государственных, общественных и личных интересов и в современной России.

И. Т. Тарасов обосновал вывод о том, что место полиции в механизме государства во многом определяло взаимодействие различных субъектов, осуществлявших полицейскую деятельность. В числе субъектов полицейской деятельности в России И. Т. Тарасов называл органы правительства, органы самоуправления и союзов (корпорации, общества, товарищества).

Одними из главных требований к организации органов государственной власти И. Т. Тарасов считал сбалансированное участие в государственном управлении и осуществление полицейской деятельности органов всех видов (органов правительства, самоуправления и союзов) [19].

При осуществлении полицейской деятельности, направленной на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, И. Т. Тарасов требовал учета существования переходных форм союзов и неорганизованных союзов.

Важным фактором, определяющим место полиции и полицейской деятельности в механизме государства, И. Т. Тарасов считал взаимодействие различных субъектов при разрешении конфликтов между гражданами, между гражданами и государством.

И. Т. Тарасов обосновал обязательность наделения должностных лиц правом применять меры принуждения, но только после недостижения цели распорядительными средствами. Принуждение может использоваться только в законодательно закрепленных формах, в числе которых принуждение, применяемое в рамках судебной власти полиции и администрации; личное задержание; вооруженное принуждение; принуждение, применяемое в период исключительного, осадного, чрезвычайного и военного положения [20; 21; 22; 23].

Рассматривая полицию как орган, осуществляющий специфические функции в системе государственного управления, И. Т. Тарасов полагал, что полиция вправе осуществлять административное принуждение [24], в том числе с применением оружия. Условие применения оружия — наличие у полиции законодательно закрепленных полномочий (полномочий военной и вооруженной полиции, полномочий полиции и администрации на содействие военной силы).

При применении оружия сотрудниками полиции неукоснительно должны соблюдаться требования законности и обеспечения судебной ответственности сотрудников полиции [25].

И. Т. Тарасов выявил факты вынесения в Российской империи административных распоряжений, позволяющих носить и применять оружие, выступал против таких распоряжений, требовал недопущения злоупотребления правом вооруженного принуждения.

Предприняв попытку комплексной характеристики института административной юстиции, И. Т. Тарасов обратил внимание на сферу действия, цель и задачи административной юстиции, субъектный состав и основание публично-правового спора, пределы полномочий органов административной юстиции [26].

Осуществив компаративистский анализ зарубежного и российского опыта, И. Т. Тарасов выявил наличие различных подходов к разрешению споров административной юстицией:

1) оценивать правомерность административного акта предоставлялось самой администрации (осуществление функций административной юстиции возлагалось на органы администрации);

2) функции административной юстиции возлагались на общие суды;

3) функции административной юстиции должны осуществлять специализированные административные суды по рассмотрению публично-правовых споров.

Институт административной юстиции И. Т. Тарасов рассматривал в широком смысле: административная юстиция должна была рассматривать не только жалобы граждан на действия/бездействие органов управления, но и разрешать споры между самими органами управления — между органами администрации, а также между административными судами и органами администрации.

Задачей института административной юстиции И. Т. Тарасов считал защиту прав и интересов граждан и организаций от «административной неправды», которой законные права и свободы граждан могли быть существенно нарушены.

И. Т. Тарасов обосновал вывод о том, что гарантии соответствия деятельности администрации и органов полиции требованиям законности могут быть установлены превентивными (увещания, угрозы, поощрение, регламентация, отчетность, ревизия, контроль, административная юстиция) и репрессивными (дисциплинарная и судебная ответственность сотрудников полиции) мерами.

Российскую систему юридической ответственности должностных лиц И. Т. Тарасов назвал жалобной. Она заключалась в возможности подачи жалобы на действия/бездействие государственной власти в суд только с разрешения органов полиции и администрации. Гарантировать обеспечение прав и свобод человека и гражданина в государстве при таких условиях И. Т. Тарасов считал невозможным.

И. Т. Тарасов доказал, что практика применения мер дисциплинарной ответственности к должностным лицам в России противоречива. Порядок дисциплинарного производства в законодательстве Российской империи закреплён не был [26]. За сотрудниками полиции и администрации признавалось право обжаловать дисциплинарное взыскание только при увольнении со службы и только в административном порядке. И. Т. Тарасов полагал, что сотрудники органов, осуществляющих полицейскую деятельность, должны иметь право на обжалование дисциплинарных взысканий напрямую через суд. Для этого необходимо было установить такое право и определить процедуру обжалования. И. Т. Тарасов был убежден, что закрепление таких положений в законодательстве предоставило бы возможность сотрудникам полиции и администрации избежать произвола начальников, а служебное поведение не перерастало бы в прислуживание руководству.

Обращение к теоретическому наследию И. Т. Тарасова позволит углубить знания о содержании и направлениях правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. и ее роли в преобразованиях государственно-правовой системы России.

1. Бельский К. Тарасов Иван Трофимович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий : в 2 т. / отв. ред. В. М. Сырых. М., 2009. Т. 1. С. 701–703. [Вернуться к статье](#)
2. Бельский К. Профессор И. Т. Тарасов — провозвестник и первый разработчик функциональной системы административного права (к 170-летию со дня рождения) // Государство и право. 2019. № 2. С. 93–105. [Вернуться к статье](#)
3. Егоров С. А. Тарасов Иван Трофимович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий : в 2 т. / отв. ред. В. М. Сырых. Москва, 2009. Т. 1. С. 703–704. [Вернуться к статье](#)
4. Лушникова М. В. И. Т. Тарасов и развитие российской науки административного права // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2010. № 1(8). С. 547–556. [Вернуться к статье](#)
5. Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 28 апр. 2016 г. / под ред. Н. С. Нижник : в 2 т. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та МВД России, 2016. Т. II. С. 228–235. [Вернуться к статье](#)
6. Нижник Н. С. Полицейское государство — социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130. [Вернуться к статье](#)
7. Нижник Н. С., Дергилова С. Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности — субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 4. С. 750–760. [Вернуться к статье](#)
8. Дергилова С. Ю. Цели и задачи государственного управления в теоретическом наследии полицейстов // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11. № 1. С. 31–35. [Вернуться к статье](#)
9. Тарасов И. Т. Основные положения Лоренца Штейна по полицейскому праву в связи с его учением об управлении. Киев : Университет. тип., 1874. 225 с. [Вернуться к статье](#)
10. Пирожок С. С. Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2020. № 1(85). С. 37–45. [Вернуться к статье](#)
11. Нижник Н. С., Дергилова С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43. [Вернуться к статье](#)
12. Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1897. 702 с. [Вернуться к статье](#)
13. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1885. 160 с. [Вернуться к статье](#)
14. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. М. : Тип. Москов. ун-та, 1908. 253 с. [Вернуться к статье](#)
15. Егоров Н. Ю. Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И. Т. Тарасова) // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2020. № 1 (85). С. 10–17. [Вернуться к статье](#)

16. Егоров Н. Ю. Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 1 (93). С. 17–26. [Вернуться к статье](#)
17. Нижник Н. С. Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. : материалы V междунар. науч. конф., состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3–4 мая 2019 г. Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2019. С. 155–163. [Вернуться к статье](#)
18. Нижник Н. С. Полицейское государство — государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194. [Вернуться к статье](#)
19. Егоров Н. Ю. Проблемы юридической ответственности должностных лиц в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. № 4 (68). С. 52–56. [Вернуться к статье](#)
20. Тарасов Н. К. Российская полицейистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 4 (84). С. 51–60. [Вернуться к статье](#)
21. Козинникова Е. Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 1 (85). С. 18–23. [Вернуться к статье](#)
22. Тарасов Н. К. Меры государственного принуждения: плюрализм подходов к классификации в теоретической юриспруденции России конца XIX – начала XX века // Алтайский юрид. вестн. 2020. № 3 (31). С. 18–24. [Вернуться к статье](#)
23. Козинникова Е. Н. Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 1 (93). С. 27–35. [Вернуться к статье](#)
24. Тарасов И. Т. Полицейский арест. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1879. 24 с. [Вернуться к статье](#)
25. Козинникова Е. Н. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения: нормативные основы введения в имперской России // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2017. № 4 (76). С. 32–37. [Вернуться к статье](#)
26. Егоров Н. Ю. Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 1 (93). С. 17–26. [Вернуться к статье](#)

УДК 347

**О СООТВЕТСТВИИ НАЗВАНИЙ РАЗДЕЛОВ
АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
ИХ СОДЕРЖАНИЮ КАК ЭЛЕМЕНТАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ**

Е. М. Ефременко

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Проведен анализ соответствия названий разделов актов гражданского законодательства в области гражданско-правового принуждения их содержанию как элементов профессиональной правовой культуры и юридической техники.

Ключевые слова: гражданско-правовое принуждение, гражданско-правовая ответственность, юридическая техника, правовая культура.

Annotation. The analysis of the correspondence between the titles of sections of civil legislation acts in the field of civil law enforcement with their content as an elements of professional legal culture and legal technique.

Keywords: civil enforcement, civil liability, legal technique, legal culture.

Принуждение как социальный и юридический феномен на протяжении длительного времени привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых различных областей научного знания — философии, социологии, политологии, экономики. Значительное число научных работ посвящено изучению принуждения в целом как правового феномена при исследовании таких категорий, как признаки государства и государственной власти, механизм правового регулирования, санкция, юридическая ответственность, обязанность.

Существующая цивилистическая доктрина обеспечения и защиты гражданских прав и законных интересов субъектов требует дополнительного осмысления и анализа в области общественных отношений, связанных с гражданско-правовым принуждением.

Одними из наиболее актуальных и требующих решения для последующего совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь и правореализационной практики являются вопросы, касающиеся нормативного закрепления способов защиты гражданских прав как одной из основополагающих гражданско-правовых категорий мерами правомерного гражданско-правового принуждения.

Проведенные в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь анализ и выявление теоретико-прикладных аспектов ответственности участников гражданских правоотношений в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь и углубления экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза позволили сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование правового регулирования оснований ее наступления и реализации, в частности уточнения юридической конструкции субсидиарной ответственности, разработки основания и условий преддоговорной ответственности, уточнения использования понятий «возмещение вреда» и «возмещение имущественных потерь» [1, с. 3–14]. Признавая ценность сформулированных предложений, представляется целесообразным расширить объект исследования и актуализировать проблему нормативного закрепления и реализации правомерного гражданско-правового принуждения, одной из наиболее известных мер которого является гражданско-правовая ответственность. Это согласуется с поливариативностью закрепленных в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) способов защиты гражданских прав, в представленном перечне которых лишь возмещение убытков, уплата неустойки и компенсация морального вреда относятся к формам гражданско-правовой ответственности, а остальные представляют собой иные превентивные и постфактные меры гражданско-правового принуждения.

Полагаем, что важным направлением совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь в сфере гражданско-правового принуждения с учетом зарубежного опыта является устранение неполного соответствия названий разделов актов гражданского законодательства Республики Беларусь их содержанию. Как справедливо отмечается в научных изданиях, часто приходится констатировать факт инертности современной отечественной правовой доктрины и, как следствие, частое несоответствие фактического состояния общественных отношений и их описания правовой наукой [2, с. 62]. В частности, глава 25 ГК Республики Беларусь [3] названа «Ответственность за нарушение обязательств», однако не все содержащиеся в статьях указанной главы нормы являются мерами гражданско-правовой ответственности: такие действия (предусмотренные императивными или диспозитивными нормами возможные правовые последствия неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства), как отказ кредитора от принятия исполнения, которое вследствие просрочки утратило для него интерес (п. 2 ст. 376 ГК Республики Беларусь); право кредитора в случае неисполнения должником обязательства требовать передать ему индивидуально-определенную вещь в собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление или возмездное пользование и

требовать отобрания этой вещи (ч. 1 ст. 369 ГК Республики Беларусь); обязанность кредитора до предъявления требования к лицу, которое, в соответствии с законодательством или условиями обязательства, несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником, предъявить требование к основному должнику (ч. 1 п. 1 ст. 370 ГК Республики Беларусь); обязанность лица, несущего субсидиарную ответственность, до удовлетворения требования, предъявленного ему кредитором, предупредить об этом основного должника, а если к такому лицу предъявлен иск, привлечь основного должника к участию в деле (п. 3 ст. 370 ГК Республики Беларусь), и ряд других по своей правовой природе не являются гражданско-правовой ответственностью. В связи с этим предлагается изменить название главы 25 ГК Республики Беларусь «Ответственность за нарушение обязательств» на «Правовые последствия неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств. Ответственность за нарушение обязательств».

Предложенное направление совершенствования гражданского законодательства проиллюстрировано на примере ГК Республики Беларусь. Вместе с тем аналогичная практика указания в названиях различных разделов законов только на ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, но включение при этом в их содержание иных различных мер гражданско-правового принуждения является достаточно распространенным. Можно привести следующие примеры. Глава 2 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» названа «Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителя» [4], при этом она содержит нормы, мерами гражданско-правовой ответственности не являющиеся (в соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 16 «Гражданско-правовая ответственность продавца (изготовителя, поставщика, представителя, исполнителя) за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге)», при расторжении договора и (или) возврате потребителю уплаченной за товар (работу, услугу) денежной суммы потребитель обязан возвратить товар (результат работы, если это возможно исходя из его характера) продавцу (изготовителю, исполнителю), что в данном случае выступает мерой защиты в рамках постфактных правовых последствий, но не мерой гражданско-правовой ответственности. Аналогичные выводы можно сделать по итогам анализа п. 5 ст. 16, п. 3 ст. 19 Закона «О защите прав потребителей» и т. д. По этой причине целесообразно в целях соответствия названию указанной главы современной юридической конструкции гражданско-правового принуждения изложить в следующей редакции «Гражданско-правовые последствия нарушения прав потребителя. Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителя». Аналогичное изменение названий глав целесообразно осуществить в главе 6 «Гражданско-

правовая ответственность за нарушение договорных обязательств по автомобильной перевозке» Закона Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278-З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» [5] и др.

При этом важно обратить внимание на отсутствие в гражданском законодательстве Республики Беларусь нормы-дефиниции, раскрывающей содержание понятия «нарушение обязательств», что приводит к множественности его толкования в правореализационной (в том числе правоприменительной) практике с учетом юридической конструкции гражданского правонарушения. Кроме того, данное понятие используется в ряде иных статей ГК Республики Беларусь (например, п. 2 ст. 108, п. 2 ст. 398, п. 2 ст. 989, ч. 2 ст. 1148 и др.). В кодифицированных актах гражданского законодательства, как справедливо отмечает О. А. Халабуденко, важно разграничение принудительных и непринудительных типизированных правовых конструкций [6, с. 151], которые позволяют обосновать и легитимизировать использование гражданско-правового принуждения. Включение наиболее значимых норм-дефиниций в содержание кодифицированных законов представляется одним из эффективных механизмов принудительной типизации. В силу вышеизложенного предлагается дополнить ст. 290 ГК Республики Беларусь «Общие положения» главы 22 «Исполнение обязательств» частью второй и изложить ее в следующей редакции: «Нарушением обязательства является его неисполнение или неисполнение с нарушением условий, определенных содержанием обязательства (ненадлежащее исполнение)». Это позволит обеспечить реализацию принципа правовой определенности при дальнейшем использовании понятия «нарушение обязательства».

Все вышеизложенное является не только значимым элементом юридической техники, но и влияет на формирование профессионального правосознания и правовой культуры юристов, в том числе сотрудников правоохранительных органов, повышает ценность и значимость правовой доктрины.

1. Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов VIII Респ. науч. конф., г. Минск, 24 окт. 2019 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. Минск : Колорград, 2019. 308 с. [Вернуться к статье](#)

2. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Холинская Ю. А. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования // Рос. правовой журн. 2021. № 2 (7). С. 61–77. [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 авг. 2007 г., № 278-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Халабуденко О. А. Гражданское право: концепт, текст и правовая реальность (некоторые методологические замечания) // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2019. С. 145–155. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.11+340.130.53

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ФУНКЦИЙ ПРАВА И ФУНКЦИЙ ЗАКОНА

Е. А. Зорченко

Академии управления при Президенте Республики Беларусь
доцент кафедры конституционного и административного права
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Обосновываются возможность и целесообразность научно- и практического разграничения категорий юриспруденции «функция права» и «функция закона» в соответствии с диалектическими закономерностями развития права как содержания и закона как его формы.

Ключевые слова: функция права, функция закона, собственные функции права, собственные функции закона, единые функции права и закона.

Annotation. The possibility and expediency of scientific and practical delimitation of the categories of jurisprudence «function of law» and «function of the law», are substantiated, in accordance with the dialectical laws of development of law as content and law as its form.

Keywords: function of law, function of law, own functions of law, own functions of law, unified functions of rights and law.

Современный период развития права и национального законодательства характеризуется активной нормотворческой деятельностью Республики Беларусь по обновлению правовой основы механизма государства, стимулированию развития гражданского общества. Уточнение концептуального содержания таких существенных характеристик права и его формы, как «функция права» и «функция закона», позволит максимально эффективно реализовывать как право, так и закон в юридической практике. Функциональный анализ права и закона наиболее целесообразно осуществлять в каркасе диалектики категорий «содержание» и «форма», где право как содержание является определяющим, существенным явлением, а закон как форма права представляет способ существования права в объективной реальности.

В научной и учебной литературе по теории права понятие «функция права» разработано недостаточно, хотя исследование частных, отраслевых компонентов общетеоретической категории проводится, а понятие «функция закона», как заметила А. В. Мещерякова, практически не разработано и не представлено для исследования как самостоятельный институт юриспруденции [1, с. 53]. Причем под функциями права в большей степени понимаются и исследуются именно функции закона, хотя право во взаимодействии с законом является определяющей, существенной стороной, закон же как форма права — его материальным воплощением, способом объективизации. Это проистекает из все еще преобладающего в общественном правосознании позитивистского типа

правопонимания, в рамках которого право и закон отождествляются, соответственно, функции права и закона также не разграничиваются и сводятся к функциям закона по регулированию и охране общественных отношений, удовлетворяющих интересы государственной власти.

Непозитивистский тип правопонимания, наоборот, право и закон разграничивает и соотносит данные категории как содержание и форму, т. е. как собственно право (*jus*), под которым понимается субъективное, естественное право, принадлежащее каждому индивиду, и как его форму (*les*), т. е. объективное, формализованное право, законодательство. Именно данный тип правопонимания оперирует такими понятиями, как «правовой закон» и «неправовой закон». Форма права представляет собой юридическое право, то, что установлено государством в качестве права, которое может и должно стать «вместилищем» для естественного права. Следовательно, только основываясь на непозитивистском типе правопонимания, можно выявить функции двух данных феноменов, которые, являясь самостоятельными, взаимодействуют на основе диалектики базовых институтов «право» и «закон» как содержание и его форма.

Функции права и закона, осуществляемые в сложном многоуровневом единстве и противоречии, необходимо подразделять на собственные функции права, собственные функции закона и их единые совместные функции. Вместе с тем под функциями права в научной и учебной литературе в большей степени подразумеваются и исследуются именно функции формализованного права, т. е. закона, хотя право в его соотношении с законом является определяющей, первичной стороной их взаимодействия, закон как материальное воплощение права также имеет собственные отличные от правовых функции.

Сходство и различие функций права и закона проявляется в их видовом многообразии. Теория права традиционно выделяет внешние по отношению к праву функции и внутренние, находящиеся в структуре сущности права. Под внешними функциями права обычно понимается государственно-правовое воздействие права на внешние к нему отношения, хотя это в большей степени свойственно функциям закона как юридического инструментария реализации государственной политики. Вместе с тем, поскольку право функционирует в механизме социального регулирования, то точнее будет к содержанию внешних по отношению к праву функций отнести направления его взаимодействия с нормами морали, религии, корпоративными, политическими, экономическими и другими социальными нормами.

Дифференциация собственно правовых функций права и собственно юридических функций закона позволяет в их рамках выделить такие единые функции, как регулятивную и охранительную, которые реализуют главное предназначение права и закона в механизме нормативно-правового

регулирования — регулировать и охранять общественные отношения. Подробная детализация регулятивной функции осуществлена О. В. Пискуновой, которая выделяет две ее подфункции: ограничительную, заключающуюся в установлении определенного варианта поведения, соответствующего интересам социальной группы, индивида и всего общества, и стимулирующую, выражающуюся в побуждении субъектов путем воздействия на их волю и сознание к законопослушному поведению [2, с. 18–19]. Охранительная функция права и закона характеризуется адекватностью, законодательно установленным критерием противоправности поведения, диапазону правовых возможностей человека, в том числе злоупотребления правом, допустимого правомерного поведения.

Внутренние собственно правовые функции права обеспечили закрепление в Конституции Республики Беларусь принципа верховенства права [3, ст. 7], приоритета общепризнанных принципов международного права относительно внутреннего законодательства [3, ст. 8]. Собственно юридические функции закона способствовали конституционному закреплению принципа высшей юридической силы Конституции, ее прямого действия на всей территории страны и верховенства в иерархии национального законодательства [3, ст. 7].

Наиболее четкое разграничение видов и содержания функций права и функций закона осуществляется на уровне познания объектов их правового и юридического воздействия, удачную классификацию которых предложил Н. В. Сильченко: человек, гражданское общество и государство [4, с. 18–19].

Относительно человека, единственного носителя собственных индивидуальных естественных прав и свобод, функции права предоставляют ему возможность являться саморегулируемым субъектом гражданского общества и быть полноправным участником государственно-публичных правоотношений. Функции закона в данном случае целесообразно подразделять на более конкретные функции (подфункции), воздействующие на правосознание и правовую культуру человека: информационную, гносеологическую, ценностно-ориентирующую, мотивационную, коммуникативную, воспитательную, профилактическую и другие аналогичные, позволяющие нейтрализовывать противоправное, поддерживать правомерное и развивать социально активное поведение гражданина.

Гражданское общество как объект правового и юридического воздействия опирается на использование как функций права, ориентирующих человека на ответственное участие в саморегулируемых институтах семьи, собственности, местного самоуправления, общественных инициатив и т. д., так и функций закона, которые направлены на активизацию институтов гражданского общества посредством закрепления их правового статуса, повышения значимости локальных актов как обязательных внутриорганизационных предписаний.

Государство в качестве субъекта публичных правоотношений в основном испытывает воздействие функций закона, которые направлены на формирование нормативно-правовой основы его деятельности. Так, посредством организационной функции закона устанавливается эффективный механизм государства; управленческая функция закона позволяет эффективно реализовывать взаимодействие представительных, исполнительных и распорядительных, судебных органов; охранительная функция устанавливает юридическую ответственность за правонарушения. В данном контексте А. С. Палазян отметил, что сущностные функции юридического права, или закона, относительно государства практически идентичны сущностным функциям самого государства [5, с. 39]. Функции права относительно государства носят в основном судебный, контрольный характер, позволяют выявить неправоую сущность закона и обеспечить его соответствие праву.

Вполне логично разделение функций права и функций закона в зависимости от системы права и системы законодательства. Функции права в данном контексте обеспечивают существование планетарной системы права посредством гармоничного функционирования международного и национального права, общеправовых и межотраслевых функций, функций частного и публичного, материального и процессуального права, отраслевых функций, характерных для конкретной отрасли права, функций правовых институтов и каждой отдельной правовой нормы. Такие функции закона, как его мобильность и адаптивность, позволяют через обновляемую систему законодательства приспособить общество к динамично развивающейся объективной системе права. В данной связи целесообразно выделять функции отдельных видов нормативных правовых актов, в частности, конституции государств выполняют учредительную функцию, правоохранительное законодательство обладает преимущественно карательной и профилактической функциями, подзаконные нормативные правовые акты органов государственного управления выполняют детализирующую, конкретизирующую функцию, фактически определяют тактику в рамках законодательно зафиксированной стратегии.

К собственно юридическим функциям закона, которые направлены на позитивное урегулирование общественных отношений, следует отнести такие функции, как обеспечение доступности законодательства; поддержание его в контрольном состоянии; соблюдение иерархии и системности; учет требований юридической техники; оперативное юридическое урегулирование тех общественных отношений, которые могут и должны быть урегулированы, и исключение устаревших правовых предписаний; преодоление коллизий и ликвидация пробелов; использование опыта правотворческой деятельности

зарубежных стран и достижений юриспруденции и другие аналогичные функции, направленные на совершенствование законодательства.

1. Мещерякова А. В. Понятие «функция закона» в современной теории права // Теория и практика общественного развития. 2018. № 2. С. 53–56. [Вернуться к статье](#)

2. Пискунова О. В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2013. 26 с. [Вернуться к статье](#)

3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 80 с. [Вернуться к статье](#)

4. Сільчанка М. У. Агульная тэорыя права : навуч. дапам. Гародня, 1998. 112 с. [Вернуться к статье](#)

5. Палазян А. С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Москов. ун-т МВД России. М., 2010. 56 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. Г. Иванцова

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
доцент кафедры современных технологий образования взрослых,
кандидат юридических наук

Аннотация. Автором проведено исследование политико-правовых норм как регуляторов информационных отношений в информационном обществе Республики Беларусь. Делается вывод о том, что сегодня данный нормативный регулятор охватывает ограниченный круг вопросов, связанный с внедрением информационно-коммуникационных технологий в политическую систему.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, политико-правовые нормы, политическая система, социальные регуляторы.

Annotation. The author conducted a study of political and legal norms as regulators of information relations in the information society of the Republic of Belarus. It is concluded that today this normative regulator covers a limited range of issues related to the introduction of information and communication technologies into the political system.

Keywords: information and communication technologies, political and legal norms, political system, social regulators.

В условиях развития информационного общества в Республике Беларусь весьма актуальна диагностика нормативного элемента в каждом типе социального регулирования информационных отношений. Это связано со стремительным внедрением информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) во все сферы жизнедеятельности общества и не всегда соответствующим таким трансформациям социальным нормативным регуляторам (правовым, морально-религиозным, политическим) [1, с. 11–12; 2, с. 25–26].

В рамках данного исследования мы рассмотрим политико-правовые нормы, которые имеют формальную определенность и закреплены в актах белорусского законодательства. В наиболее обобщенном понимании политико-правовые нормы устанавливают правила поведения, регулирующие отношения разделения властей в обществе, создание и деятельность государственных органов, определяют порядок взаимодействия граждан с государством и его органами, разных политических сил между собой и пр.

Построение информационного общества предполагает существенные изменения в политической сфере. Цифровизация политической системы способствует повышению качества и эффективности государственного управления, приводит к его открытости, прозрачности и демократичности. При этом белорусские исследователи неоднократно отмечали недостаточность правового регулирования в данной области (например, А. А. Парфенчик, Т. Г. Хатеневич, Т. Г. Чудиловская и др.).

Сегодня мы наблюдаем широкое внедрение ИКТ в политическую деятельность и появление новых институтов:

1. Электронное правительство / электронное государство. В настоящее время отсутствует комплексный нормативный правовой акт, посвященный данному институту, при этом отдельные аспекты внедрения технологий электронного правительства получили освещение:

– в ряде программных актов (в Указах Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы», от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы»; в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О Государственной программе “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы» и т. п.);

– в отдельных нормативных правовых актах (Указы Президента Республики Беларусь от 23 января 2014 г. № 46 «Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий», от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударственной автоматизированной информационной системе» и т. п.).

Особое место здесь занимает модельное законотворчество (постановления Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 7 апреля 2010 г. № 34-7 «О модельном законе “Об электронных государственных услугах”», от 25 ноября 2016 г. № 45-14 «О модельном законе “Об электронном правительстве”» и т. п.), которое может выступать моделью/шаблоном для принятия аналогичного внутригосударственного комплексного акта по обозначенным вопросам.

2. Институт электронных петиций (коллективных обращений), электронных обращений как способа электронной коммуникации между населением и государственной властью. В Республике Беларусь отсутствует определение категории «электронная петиция». В то же время на практике под электронной петицией понимается коллективное обращение в электронной форме, а порядок

рассмотрения коллективных обращений урегулирован Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Отметим, что в июне 2022 г. внесены изменения в названный Закон в области реализации субъектами права на электронные обращения в государственные органы и иные государственные организации, а постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 986 «О системе учета и обработки обращений» утверждено Положение о порядке функционирования государственной единой (интегрированной) республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц.

3. Институт государственной системы правовой информации, в том числе внедрение отдельных технологий, обеспечивающих эффективный диалог государства с гражданами и бизнесом [3]. Для правового регулирования указанной системы разработан комплекс нормативных правовых актов: Указы Президента Республики Беларусь от 30 июня 1997 г. № 338 «О создании Национального центра правовой информации Республики Беларусь», от 30 октября 1998 г. № 524 «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации», от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» и пр. Также в государстве функционирует сайт «Правовой форум Беларуси», который, в соответствии с положениями Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», стал официальной площадкой для реализации публичного обсуждения правовых актов.

4. Институт электронного голосования для проведения выборов в органы государственного управления. Известно, что в 2005 г. в Эстонии впервые в мире прошло электронное голосование [4, с. 98]. На сегодняшний день в Республике Беларусь институт электронного голосования не внедрен, однако данный вопрос находится в стадии активной разработки и планируется к реализации в ближайшие годы. Институт электронного голосования «способен в корне изменить весь политический процесс общества» [4, с. 98]. Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств принят ряд модельных законов, определяющих особенности порядка осуществления электронного голосования. Например, Модельный избирательный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств, утвержденный постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 27 ноября 2020 г. № 51–15, и др.

При внедрении и использовании в политической сфере ИКТ должны обязательно быть в наличии не только правовая, но и техническая

составляющая [5, с. 716]. Как нами отмечалось ранее, технические нормативные правовые акты в информационной сфере — обязательные для соблюдения Технические регламенты Республики Беларусь (далее — ТР), Технические регламенты Евразийского экономического союза, акты, разработанные в процессе стандартизации, и иные акты, содержащие и устанавливающие требования/условия, понятия/термины к средствам электросвязи, к обеспечению безопасности критически важных объектов информатизации, к средствам защиты информации и т. п., содержащие правила (основные принципы) организации эксплуатации, разработки (построения), проектирования, проведения испытания информационных систем, сетей и других технических средств, а также выполнения с ними отдельных работ и оказания информационных услуг [6, с. 267]. Например, на национальном уровне технические нормы в рассматриваемой области содержатся в обязательных для исполнения технических нормативных правовых актах и иных технических документах (например, ТР 2013/027/ВУ «Информационные технологии. Средства защиты информации. Информационная безопасность», СТБ 2583-2020 «Цифровая трансформация. Термины и определения», СТБ ISO 8000-2-2020 «Качество данных. Словарь» и пр.).

Таким образом, сегодня мы наблюдаем широкое внедрение ИКТ в политическую систему и появление новых институтов: электронное правительство / электронное государство; институт электронных петиций (коллективных обращений); институт электронного голосования и др. Как видим, современные политико-правовые регуляторы по обозначенным вопросам уже содержат предписания, отражающие некоторые тенденции влияния ИКТ на политическую систему, но в большинстве своем данные правовые акты (документы) являются ненормативными, содержат предписания программного (организационного) характера. Залогом успешного функционирования указанных институтов в белорусском государстве будет выступать их комплексное регулирование не только политико-правовыми нормами, но и техническими. Шаблоном для принятия внутригосударственных комплексных нормативных правовых актов в сфере регулирования политико-правовых отношений могут выступать модельные акты, утвержденные Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств.

1. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журн. рос. права. № 6. 2016. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

2. Сільчанка М. У. Структурна-функцыянальны аналіз сістэмы сацыяльнага рэгулявання // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск : БГУ, 2016. Вып. 27. С. 20–35. [Вернуться к статье](#)

3. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

[Вернуться к статье](#)

4. Овчинников А. И., Борисов Б. А. Правовая политика в сфере цифровизации избирательного права: риски и перспективы // Правовая политика Российского государства в условиях цифровизации экономики и цифрового технологического уклада : моногр. / отв. ред. А. И. Овчинников, А. Г. Кравченко. М. : Проспект, 2021. С. 97–103.

[Вернуться к статье](#)

5. Сильченко Н. В. Проблемы систематизации технических правовых актов, гармонизации технического регулирования общественных отношений и обеспечения инновационного пути развития общества // Россия: тенденции и перспективы развития : материалы XXI Нац. науч. конф. с междунар. участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН ; отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 17. М., 2022. Ч. 1. С. 716–719. [Вернуться к статье](#)

6. Глинда А. И., Иванцова Ю. Г. Техническое регулирование в информационной сфере: система, юридическая сила, ответственность, экспертное обеспечение // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 260–267. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАЖЕНИЯ В ПРАВЕ ТЕОРИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ****Е. А. Иванченко**

Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека
Юридического института,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье автор предлагает переосмысление доктрины «правовой свободы», предпринимает попытку обоснования необходимости ее трансформации в доктрину «правовой справедливости», которая, на взгляд автора, способна более эффективно обеспечить гармонию интересов отдельного индивида, общества и государства.

Ключевые слова: право, справедливость как высшее социальное благо, свобода.

Annotation. In the article the author proposes a rethinking of the doctrine of «legal freedom», attempts to substantiate the need for its transformation into the doctrine of «legal justice», which, in the author's opinion, is able to more effectively ensure the harmony of the interests of an individual, society and the state.

Keywords: law, justice as the highest social good, freedom.

Прослеживая историю развития юридической мысли, нельзя не отметить, что понятие справедливости относится к ряду самых обсуждаемых институтов, имеющих беспрецедентное философское, общесоциальное и правовое значение. Нельзя не поддержать высказанное В. В. Лапаевой мнение о том, что идеал справедливости выступает ключевой регулятивной идеей [1, с. 13] в ситуации оценки соответствия деятельности конкретного индивида или общности индивидов, а также соответствия отдельных правовых норм некоторым общепринятым моральным принципам. Более того, как верно отмечает У. В. Болотова, без адекватного понимания категории справедливости невозможно адекватное представление о праве в целом как о высшем социальном благе [2, с. 161], следовательно, каждая правовая категория становится ценностью только при условии непротиворечия ее представлению о справедливости и несправедливом. Таким образом, адекватное понимание цели и значения права непосредственно базируется на представлении о справедливости.

Вновь и вновь обращаться к философско-правовому институту справедливости исследователей заставляет необходимость оценки определенных политических и организационных решений, направленных на устранение антагонистического противоречия между категорией права и категорией свободы,

а также на формирование современной правовой и идеологической концепции российской государственности, потребность в которой в настоящее время обозначилась крайне остро. Следовательно, мы наблюдаем очередной виток дихотомии, выраженной двумя подходами теории права: концепцией естественного права И. Канта, связывавшего право с понятием свободы человека и выводившего право через понятие категорического императива, и правовым позитивизмом Г. Кельзена, предложившего теорию чистого права, освобожденного «от всего лишнего». Таким образом, юридическая общественность в очередной раз пытается «найти баланс между справедливостью, свободой и законом» [3, с. 133], данная глобальная работа на рубеже 2022–2023 годов получила новый вынужденный импульс, который правоведы должны расценивать в качестве глобального вызова юридической мысли.

Самой сложной задачей, на взгляд автора, принадлежащего к академическому юридическому сообществу, является необходимость в процессе преподавательской деятельности обосновать применительно к студенческой аудитории мысль о том, что существующие в теории права разногласия неустранимы и заложены в самой природе данного института, вопрос о «врожденности» и «субъективности» чувства справедливости в каждом индивиде и вопрос об определении (установлении) меры справедливости государством по своему метафизическому смыслу являются неразрешимыми вопросами. Однако это не должно мешать воспринимать существующую национальную систему права как систему, имеющую определенные пробелы и изъяны, но построенную на едином логически выверенном и системном фундаменте — теории социальной справедливости.

Потребности и социальные ожидания отдельных индивидов могут существенно различаться, невозможно категорию «справедливость» сделать универсальной для любого представителя современного общества, слишком сложны и многогранны в настоящий момент общественные отношения.

В данной связи не можем отказать в справедливости высказанному И. С. Барзиловой мнению о высшем предназначении права — приведении в определенную гармонию различных социальных интересов, тем самым обеспечивая надлежащий баланс между упорядочиванием отношений и удовлетворением интересов отдельного индивида, общества и государства [4, с. 89].

По нашему мнению, сложившаяся в Новейшее время практика безусловного отождествления справедливости и свободы как неотъемлемой ценности каждого индивидуума данной личности от рождения и реализуемой в течение всей жизни путем выбора, вступления и прекращения правоотношений, является не совсем безукоризненной.

Свобода оперировать категорией справедливого и несправедливого через призму бесконечного количества субъективных интерпретаций явлений окружающей действительности способна нарушить границу справедливого, сформированного в представлении иной личности. В данном контексте целесообразнее было бы отождествлять категории «справедливость» и «ответственность» — реализуя личную свободу и вступая в правоотношения, индивид принимает на себя ответственность соблюсти чужие границы справедливого, особенно важен данный императив для правоприменителя, реализующего в своей деятельности публичные интересы. Как справедливо отмечают исследователи, данная правовая концепция является идеальной и, как следствие, трудно реализуемой в юридической деятельности [5, с. 213], однако цели стремления к такому эталонному формату должна быть подчинена любая правоприменительная деятельность.

Генеральной мыслью, которая должна быть донесена до будущих юристов, является мысль о том, что справедливость закона совсем не гарантирует справедливость реализации права, а уж тем более не гарантирует справедливость результата от применения закона. Причин тому может быть несколько: закон может быть неумышленно неверно истолкован правоприменителем, умышленно извращен, а также неверно применен из-за недостаточной профессиональной квалификации правоприменителя. Но каждый из вариантов не делает сам примененный закон «плохим», несправедливым.

У обучаемых в процессе изучения дисциплин общеправового цикла должно быть сформировано четкое представление о градации между истинной и фактической свободой. Фактическая свобода существенно больше отдалена от категории справедливости, так как ориентирована, во-первых, на личные мотивы индивида, а во-вторых, на общественные нормы и общераспространенные представления о справедливости.

Делая сознательный выбор между вариантами поведения в состоянии фактической свободы, индивид должен обладать относительно высоким уровнем правосознания и правовой культуры, чтобы осознанно не нарушить границы реализации фактической свободы иных индивидов, не поколебать их уверенности в справедливости совершаемых правоотношений, то есть в определенных случаях реализации фактической свободы индивид разрешает для себя достаточно сложные правовые и моральные вопросы.

Противоположная ситуация наблюдается в случаях, когда индивиду не свойственен высокий уровень правосознания и правовой культуры, в таком случае личность не разрешает для себя нравственную и правовую дилемму и руководствуется субъективными мотивами, потенциально опасными

для благополучия и такого социального порядка иных субъектов, который они будут оценивать как справедливый.

Учет поливариантности моделей поведения индивидуумов обязывает государство сформировать и планомерно начать реализовывать доктрину «правовой справедливости», которая позволит поддерживать конструкцию гармоничного сочетания фактической свободы каждой отдельной личности и интересов общества и государства.

«Правовая справедливость» выступает логическим продолжением доктрины «правовой свободы», кратким содержанием которой является тезис «разрешено все, что не запрещено законом». Однако, как уже упоминалось выше, из-за многократного усложнения общественных отношений урегулирование правовыми нормами всех возможных вариантов поведения субъектов является неразрешимой задачей, выполнение которой будет все время сдвигаться наподобие линии горизонта, в обществе постоянно будут возникать отношения, не охваченные рамками правового поля. Следовательно, по нашему мнению, сформировалась объективная необходимость переориентировать научный дискурс о правовой справедливости и правовой свободе, катализаторами нового витка которого выступили два последних календарных года, на переосмысление многих сложившихся в юридической доктрине правовых констант.

Так, переосмыслению должен быть подвергнут вопрос возможности превентивного воздействия со стороны государства в лице его публично-властных субъектов для обеспечения и поддержания условий правовой справедливости, в которой должны реализовываться возникающие и реализующиеся правоотношения.

Каждая отдельная личность должна ожидать не справедливого возмездия за нарушение ее свобод, прав и интересов, а создания такой обстановки жизнедеятельности, в которой ее свободы, права и интересы будут ограждены от потенциального посягательства.

Доктрина правовой справедливости должна вобрать в себя реализацию таких сформированных правовых институтов, как свобода совести, неприкосновенность частной жизни, равенство людей, свобода объединений и т. д.

Да, это фундаментальная и архисложная работа, но, если юридическое сообщество придет к выводу о ее необходимости, данная работа должна начать свою реализацию. В данном смысле сохранять учеными нейтральность и беспристрастность как участников научного исследования — это умышленно заглушать голос редкой нравственной чистоты и достоинства — голос социальной справедливости, которая со временем должна трансформировать в справедливость правовую.

Законодатель уже вступил на путь расширения превентивного воздействия на потенциальных субъектов правоотношений. Так, в российском законодательстве расширен перечень случаев вынесения предостережения органами безопасности отдельным гражданам о недопустимости совершения определенных действий и ведения определенного образа жизни, расширен перечень полномочий превентивного характера для органов поддержания общественного порядка для предотвращения совершения преступлений и иных правонарушений, стал более широко в отдельных отраслях права применяться институт декларирования, да и в целом повышена прозрачность использования финансовых инструментов, можно привести еще много примеров позитивного превентивного воздействия.

Однако такие новеллы законодательства все сложнее согласуются со сложившейся доктриной правовой свободы и, как следствие, вызывают обоснованные вопросы и затруднения как со стороны правоприменителей, так и со стороны теоретиков права, что еще раз доказывает необходимость постепенного формирования новой правовой доктрины — правовой справедливости как императива правового пространства.

1. Лапаева В. В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 13. [Вернуться к статье](#)

2. Болотова У. В. Справедливость как ценность права // Актуальные вопросы истории, философии и права : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 10 февр. 2022 г. Петрозаводск : Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2022. С. 158–161. [Вернуться к статье](#)

3. Колмакова Е. А. Философия права: поиск баланса между справедливостью, свободой и законом // Россия и мировые тенденции развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Омск, 14–21 мая 2022 г. Омск : Омский гос. тех. ун-т, 2023. С. 133–138. [Вернуться к статье](#)

4. Барзилова И. С. Теоретические аспекты равенства в российском праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 89–92. [Вернуться к статье](#)

5. Бобылева Е. Г. Право как форма бытия и осуществления свободы людей // Modern Scientific Research : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 23 янв. 2023 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 211–214. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. А. Козел

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры теории и истории государства и права

***Аннотация.** Анализируются философские основания, определения правовой культуры. Исследуются основные параметры современной правовой культуры сотрудника органов внутренних дел.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое сознание, политическая культура, правовой менталитет.*

***Annotation.** Philosophical foundations, definitions of legal culture are analyzed. The main parameters of the modern legal culture of an employee of the internal affairs bodies are investigated.*

***Keywords:** legal culture, legal consciousness, political culture, legal mentality.*

В современном отечественном правоведении концепт правовой культуры заимствован из советской правовой науки и рассматривается в сопряжении с понятием «правосознание». В учебной литературе, как советской, так и современной, проблема правосознания и правовой культуры традиционно представлена в рамках одной темы как диалектически взаимосвязанные и взаимообусловленные теоретические модели и практики. Советское обществоведение в рамках марксистской теории базиса и надстройки выработало категорию «общественное сознание» как отражение и осмысление обществом всех аспектов своего бытия. Наряду с правосознанием, которое стало предметом юриспруденции, философами и социологами выделялись такие формы общественного и индивидуального сознания как политическое, моральное, эстетическое, религиозное, философское, научное. Исходя из марксистской доктрины, советские обществоведы религиозное сознание считали пережитком прошлого, который в результате научно-технического прогресса будет вытеснен научным. Что касается правового, политического, нравственного, эстетического, философского сознания, ставилась задача целенаправленного их формирования как составной части воспитания нового человека — строителя коммунизма. Востребованные обществом и государством параметры правового, политического, нравственного сознания вербализовались прилагательными: социалистическая, высокая, зрелая. Соответственно, в формулировке понятия «правовая культура» исследователи исходили из той же парадигмы, в которой оценивалась та или иная культура, а не раскрывалась ее сущность.

На наш взгляд, для исследования той или иной формы общественного сознания и соответствующей ей культуры важным является ответ на вопрос: что представляет собой сознание? Мы исходим из того, что сознание (индивидуальное) — это совокупная психическая деятельность индивида (эмоции, чувства, знания, воля, ценностные ориентации, бессознательное и т. д.), на основе которой он отражает и творит мир в идеальных субъективных образах и регулирует свои поступки. Мы исходим из той очевидности, что творческая и регулятивная функции (сущность) сознания находят свое выражение в деятельности, личностной и общественной коммуникации, иными словами говоря, в культуре — системе «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех основных ее проявлениях» [1, с. 527]. Содержанием культуры являются знания, нормы, навыки, идеалы, образцы деятельности и поведения, ценностные ориентации, верования и т. д. На наш взгляд, понимание культуры как совокупности результатов человеческой деятельности, сложившееся в философии, выступает методологическим основанием в построении и анализе теоретической конструкции правовой культуры и разработке обоснованных путей формирования современной правовой культуры как белорусского общества в целом, так и гражданина.

Вместе с тем современная юридическая наука не выработала единого подхода к пониманию правовой культуры. Например, Е. А. Певцова писала в 2004 году о 250 трактовках правовой культуры [2, с. 73]. В учебной же литературе наблюдается единомыслие: в белорусских, российских и украинских учебниках по теории права ключевым словом в определении правовой культуры является «качество», понимаемое не в философском смысле как философской категории, отражающей внутреннюю определенность вещи или процесса и совпадающей с категорией «сущность», в отличие от категории «количество», отражающей внешнюю их определенность, а на обыденно-оценочном языке, где качество понимается как какой-нибудь отдельный характеризующий признак и оценка вещи, явления или процесса. А. П. Семитко правовую культуру определяет как обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне правовой деятельности, уровне развития юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правосознания и в целом правового развития субъекта, а также степени гарантированности государством свободы поведения личности в единстве с ее ответственностью перед обществом [3, с. 21].

А. С. Бондарев понятие правовой культуры рассматривает как характеристику и свойство индивидуальных и коллективных субъектов права, как

степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень их способностей качественно творить и эффективно использовать правовые средства для достижения правомерных целей и реализации правомерных потребностей и интересов [4, с. 220].

Авторы «Белорусской юридической энциклопедии» также определяют правовую культуру как качественное состояние правовой жизни. Критериями качества правовой жизни предложены: правосознание носителей правовой культуры, правомерность их поведения и гражданско-правовая активность [5, с. 184–185]. Таким образом, можно констатировать, что в русскоязычном правоведении концепт «правовая культура» остается дискуссионным. Между тем дать определение означает раскрыть содержание определяемого явления или процесса и указать его отличительные существенные признаки [6, с. 355]. В данном контексте правовая культура — это часть культуры, созданной обществом, нацией, включающая в себя следующие существенные элементы: право, национальное законодательство, правовые учреждения, правосознание и правовой менталитет, правовые ценности. На наш взгляд, перечисленные элементы и составляют теоретическую конструкцию правовой культуры:

- право как особый социальный институт реализует общественную потребность в справедливом разрешении при помощи правовых средств конфликтных ситуаций на основе баланса интересов;
- национальное законодательство обеспечивает эффективное правовое регулирование всего спектра общественных отношений;
- система правовых учреждений и государственных органов осуществляет правовое регулирование и исполнение права (прокуратура, органы внутренних дел, министерство юстиции, адвокатура, нотариат);
- правосознание как рациональное отражение правовой жизни общества формирует императивы правового поведения;
- правовой менталитет как сложившийся в процессе культурно-правового развития народа на протяжении всей его истории способ и формы как психического восприятия права и его институтов, так и транслируемые поведенческие правовые практики;
- правовые ценности (справедливость, равенство всех перед законом, свобода и права человека, ответственность и др.), конституционное их закрепление, фиксация в национальном законодательстве и ориентация на них в правотворческой, правоохранительной и правоприменительной практике.

Исследуя правовую культуру, нельзя не обратить внимание на ее связь с политической культурой. В этой связи Конституция Республики Беларусь — не только Основной Закон страны, но и политическая программа организации всех сфер жизнедеятельности государства: не только политико-правовой, но и

экономической, социальной, культурной, духовной. Определяя Республику Беларусь как правовое, демократическое и социальное государство, Конституция задает и основные параметры общественной и личностной политико-правовой культуры: объявляет демократию основным принципом организации и функционирования жизнедеятельности общества; объявляет право главным инструментом общественного регулирования; декларирует только правовые методы и средства организации человеческого общежития; гарантирует соблюдение основных прав, свобод и законных интересов граждан, создает правовую основу политической и правовой активности граждан; нацеливает граждан, общественные объединения и политические партии на созидательную деятельность во всех сферах общественной жизни. Связь права и политики четко прослеживается в правоохранительной деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД). Несмотря на законодательное запрещение сотрудникам членства в политических партиях, они являются активными акторами политической жизни: сотрудник ОВД в рамках своей компетенции осуществляет правоохранительную политику государства, участвует в избирательных кампаниях, имеет право избираться в органы власти. Следовательно, правовая культура сотрудника вследствие сопряжения ее с политикой может вербализоваться как политико-правовая культура. Содержанием политико-правовой культуры сотрудника, на наш взгляд, выступают такие элементы-императивы, транслируемые Конституцией, Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних Республики Беларусь», Присягой и Правилами профессиональной этики, как обладание обязательным набором моральных качеств: долг; мужество; ответственность; бескорыстие; способность к самопожертвованию; знание национального права и основных элементов политической системы Республики Беларусь в целом и в рамках своей компетенции в частности; демократия; справедливость; соблюдение законности; уважение и защита законных прав и свобод граждан; гуманизм.

Можно выделить следующие наиболее общие пути формирования современной правовой культуры сотрудника ОВД: перманентная работа по приобретению сотрудников и членов их семей к знакомству с достижениями белорусского народа в культуре, экономике, науке, правотворчестве; правовоспитательная работа с акцентом на ту очевидность, что сотрудник охраняет и защищает не просто право как совокупность нормативных правовых актов, а справедливость («право» в переводе с латинского языка — «справедливость»); совершенствование правового обучения в подразделениях ОВД, своевременное знакомство с изменениями в законодательстве; не только материальное, но и моральное стимулирование профессионального выполнения задач в правоохранительной деятельности ОВД; своевременное выявление деформаций

в правовой культуре сотрудника и организация работы по ее преодолению; целенаправленная, а не стихийная правовая социализация.

Таким образом, построение теоретической конструкции правовой культуры на основе выявления ее сущностных элементов позволяет преодолеть сложившуюся односторонность оценочного подхода в определении правовой культуры. Рассмотрение правовой культуры в сопряжении с политической культурой выявляет специфику и основные параметры современной правовой культуры сотрудника ОВД (демократия, законность, справедливость, гуманизм, уважение и защита прав и свобод граждан) и позволяет определить основные факторы и пути формирования современной политико-правовой культуры сотрудника ОВД Республики Беларусь.

1. Всемирная энциклопедия: Философия / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2001. 1312 с.

[Вернуться к статье](#)

2. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журн. рос. права. 2004. № 3. С. 70–81. [Вернуться к статье](#)

3. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 176 с. [Вернуться к статье](#)

4. Бондарев А. С. Правовая культура — фактор жизни права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2012. 248 с. [Вернуться к статье](#)

5. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. Т. 3 / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. 623 с. [Вернуться к статье](#)

6. Кондаков Н. И. Логический словарь. М. : Наука, 1971. 656 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

**ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ****К. Е. Кордобовская**Санкт-Петербургский университет МВД России
адъюнкт кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. В статье охарактеризованы различные подходы к определению феномена «инфантилизм». Правовой инфантилизм рассматривается как одна из форм проявления деформации правового сознания, как неумение решать поставленные обществом перед человеком социальные задачи в соответствии со сформированными в этом обществе правовыми ценностями.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правовые ценности, деформация правосознания, правовой инфантилизм.

Annotation. The article describes various approaches to the phenomenon of «infantilism». Legal infantilism is changing as one of the forms of manifestation of legal consciousness, as an inability to solve the social tasks set by society for a person in accordance with the legal values formed in society.

Keywords: legal culture, legal awareness, legal values, deformation of legal consciousness, suspicion of infantilism.

Гражданин современного государства обладает правами и свободами, которые неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Использование своих прав и свобод сочетается с необходимостью выполнения обязанностей и возможностью активного участия в управлении государством и организации общественной жизни. Активная гражданская позиция способствует становлению гражданского общества и развитию числа и направлений деятельности институтов гражданского общества. Основой активной гражданской позиции является сформированная правовая культура личности.

«Правовая культура — исторически сложившаяся относительно самостоятельная разновидность духовно-материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее представлений, идей, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т. п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений, законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения» [1, с. 32].

Правовая культура является элементом духовно-материальной сферы общества, отражая правовые убеждения и представления личности, способствующие юридической оценке правовой действительности.

«Совокупность правовых идей и соответствующих им психологических форм, отражающих общественное бытие... и воплощающихся в нормах права, выступающих как практическая сторона правового сознания, правовых теориях, правовых представлениях обыденного порядка, а также в групповых и индивидуальных правовых взглядах», составляют, по утверждению В. А. Чегранова, правовое сознание [2, с. 13]. Правосознание выступает неким фильтром, через который пропускаются различные факторы, влияющие на право. Правосознание играет важную роль при определении места человека в жизни, обществе, системе социально-нормативного регулирования [3, с. 42]. В правосознании выделяют правовую идеологию и правовую психологию. Ядром правовой идеологии является наличие знания, которое, по своей сущности, обращается к каждому человеку с предписаниями, дозволениями и запретами, представляет ему права и возлагает обязанности [4, с. 53].

Под воздействием различных факторов правосознание может претерпевать деформацию. Проявлением деформации правосознания является нарушение закона, выбор модели противоправного поведения. Видами деформации правового сознания выступают правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм.

Если правовой нигилизм и правовой идеализм становились специальными предметами исследований ученых, то правовой инфантилизм до настоящего времени остается недостаточно исследованным.

Понятие «инфантилизм» рассматривается, как правило, в контексте анализа физиологических, социальных и психических явлений. В контексте теоретической юриспруденции инфантилизм должного анализа еще не получил.

В физиологии инфантилизм понимается как отставание в физическом развитии из-за причин, возникших во время беременности, родов, перенесенных болезней, и представляет собой замедление роста и развития индивида в целом. Психический инфантилизм — несформированность эмоционально-волевой сферы. Имеет место задержка в становлении личности; поведение человека не совпадает с возрастными нормами. Инфантилизм в социологии и психологии понимается как результат недостаточной социализации ребенка, ограниченность круга его общения партнерами младшего возраста, несформированность навыков поведения [5, с. 115].

Д. Э. Марченко инфантильность правосознания предлагает рассматривать как неумение решать поставленные обществом перед человеком социальные

задачи в соответствии с правовыми нормами и ценностями ответственного рационального поведения [6, с. 67].

В. Р. Петров подчеркивает, что правовой инфантилизм характеризуется как недостаточный уровень правового сознания, чувства ответственности и осознания своего поведения в правовом поле, несформированность, недостаточность правовых знаний, высокий уровень запросов, которые достигаются незаконным путем [7, с. 11].

А. М. Цалиев полагает, что правовой инфантилизм у профессиональных юристов заключается в недостаточности или пробельности правовых знаний, которых недостаточно для успешной профессиональной юридической деятельности [4, с. 70]. Проявлениями правового инфантилизма являются непрофессионализм и юридическая неграмотность.

П. П. Баранов полагает, что правовой инфантилизм — это наиболее распространенная форма искажения профессионального правосознания, заключающаяся в несформированности и пробельности правовых взглядов, знаний, установок и представлений [8, с. 339]. Являясь элементом деформированного сознания, правовой инфантилизм приводит к деформации профессионального поведения, нарушению баланса между законностью и целесообразностью в юридической практике, изменению оптимального соотношения утилитаризма и фундаментализма в теоретической юриспруденции [9, с. 497–505; 10, с. 5–14].

Таким образом, правовая культура и правовое сознание в современном мире подвергаются воздействию множества факторов, которые могут вызывать деформации правового сознания. Одной из форм деформации правового сознания является правовой инфантилизм. В научной литературе правовой инфантилизм должного освещения еще не получил. Причины формирования, структура, формы проявления правового инфантилизма требуют внимания исследователей. При этом необходимо отметить, что правовой инфантилизм может проявляться во всех сферах общественных отношений, регулятором в которых является право. Особые проявления правового инфантилизма имеет в среде лиц, профессионально занимающихся юридической деятельностью, и государственных служащих.

1. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции : моногр. Ярославль : ЯрГУ, 2008. 200 с. [Вернуться к статье](#)

2. Чефранов В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. Киев : Вища школа, 1976. 210 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гусарова М. А. Правосознание как социокультурный феномен : моногр. Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. 196 с. [Вернуться к статье](#)

4. Цалиев А. М. Вопросы правового воспитания, повышения правосознания и правовой культуры. Владикавказ : Издат.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2020. 296 с. [Вернуться к статье](#)
5. Сочивко Д. В. Криминально-правовой инфантилизм. М. ; Рязань : Акад. ФСИН России : РГМУ им. И. П. Павлова : Высш. шк. психологии, 2015. 136 с. [Вернуться к статье](#)
6. Марченко Д. Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания : моногр. Самара : НТЦ, 2006. 114 с. [Вернуться к статье](#)
7. Петров В. Р. Деформация правосознания граждан в современной России. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2000. 225 с. [Вернуться к статье](#)
8. Баранов П. П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания. Избранное : в 2 т. Ростов н/Д : РЮИ МВД России, 2005. Т. 1. 516 с. [Вернуться к статье](#)
9. Нижник Н. С. Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2012. С. 497–506. [Вернуться к статье](#)
10. Нижник Н. С. Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : тр. кафедры теории государства и права С.-Петерб. ун-та МВД России / науч. ред. Н. С. Нижник. СПб., 2012. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ДЕФИНИЦИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»
В НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ****Н. Ю. Краско**

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации

Аннотация. В статье рассматриваются доктринальные и законодательные подходы к определению понятия «искусственный интеллект».

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, агент искусственного интеллекта.

Annotation. The article discusses doctrinal and legislative approaches to the definition of the concept of «artificial intelligence».

Keywords: intelligence, artificial intelligence, artificial intelligence agent.

Идеи создания машин, обладающих сознанием, возникали еще в Древней Греции. В Средние века и Новое время ученые создавали механизмы, заменяющие человеческий труд, например, в XVII веке Б. Паскаль изобрел первую механическую цифровую вычислительную машину, в XIX веке Жозеф Мари Жаккар создал программируемый ткацкий станок с инструкциями на перфокартах. В 1937 году Алан Тьюринг обнародовал свое изобретение — универсальную машину Тьюринга, в 1939 году в Нью-Йорке был представлен первый механический человек Electro с собакой Sparco. При этом возможность разрабатывать программы, выполняющие сложные интеллектуальные задачи, появилась только после Второй мировой войны [1].

Фундаментальную цель и видение искусственного интеллекта (далее — ИИ) удалось установить английскому математику Алану Тьюрингу в статье «Вычислительные машины и разум», опубликованной в 1950 году. Он задал простой вопрос: «Могут ли машины думать?». Тогда же ученый предложил знаменитый тест, названный его именем [2].

В 1956 году во время выступления на конференции по информатике в Университете Дартмута программист Джон Маккарти, известный тем, что на тот момент уже изобрел язык программирования Lisp, произнес термин artificial intelligence (то есть «искусственный интеллект»), который тут же вошел в обиход и общественный лексикон [3].

Системы, так или иначе связанные с ИИ, проникли во все сферы человеческой жизнедеятельности. Однако определения данного понятия весьма различны.

В английском языке словосочетание *artificial intelligence* не имеет той окраски, которую оно приобрело в русском переводе. Слово *intelligence* означает «умение рассуждать разумно», а вовсе не «интеллект», для которого есть английский аналог *intellect*. Из-за неоднозначности самого понятия «интеллект» и даже оригинального термина *intelligence* существуют и другие дефиниции. Например, информационные технологии ИИ определяются как способность системы создавать в ходе самообучения программы (в первую очередь эвристические) для решения задач определенного класса сложности и решать эти задачи [4].

В 1980-х годах ученые в области вычислений Барр и Файгенбаум предложили следующее определение: искусственный интеллект — область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, т. е. систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом, — понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т. д. [5]. Позже к ИИ стали относить ряд алгоритмов и программных систем, отличительным свойством которых является то, что они могут решать некоторые задачи так, как делал бы размышляющий над их решением человек.

В юридической науке встречаются самые разные подходы к определению ИИ. Так, на постсоветском пространстве (И. В. Понкин, А. И. Редькина и др.) рассматривают данную технологию как «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными вычислительными мощностями, обладающую свойствами субстантивности (включая определенную правосубъектность и автономность), элаборативной операциональностью, высокоуровневыми возможностями восприятия и моделирования окружающих образов, самореферентно принимающую и реализующую решения, анализирующую и понимающую свое поведение и опыт, самостоятельно моделирующую и корректирующую алгоритмы действий, воспроизводящую когнитивные функции (включая связанные с глубинным самообучением), способную самореферентно адаптировать свое поведение и осуществлять омологацию себя и подсистем» [6, с. 1095].

За рубежом ИИ чаще всего понимают в прикладном аспекте как технологии или технологии и методы. В Великобритании, Соединенных Штатах Америки и других странах ИИ определяется через конкретные методы и технологии, обеспечивающие результаты, сопоставимые с результатами человеческой интеллектуальной деятельности. Часто отождествляют и непосредственно с системами ИИ [6, с. 1095].

Во многих трактовках термина ИИ используется его сравнение с человеком, а в некоторых делаются попытки определять указанное понятие без отсылки к человеку. В ряде источников при попытке изучать «разумное поведение машин» делается попытка уйти от термина ИИ и перейти к термину «рациональный агент» (для того, чтобы не сравнивать с человеком).

На сайте Международной организации по стандартизации (ИСО) опубликован международный стандарт ISO/IEC DIS 22989 «Искусственный интеллект — Понятия и терминология» (Information technology — Artificial intelligence — Artificial intelligence concepts and terminology). В нем приведены стандартизированные понятия и терминология, помогающие лучшему пониманию и принятию технологии ИИ.

В данном стандарте даются следующие трактовки вышеупомянутых терминов:

«3.1.1 Агент (agent) — автоматизированный объект, который воспринимает свое окружение и предпринимает действия для достижения своих целей.

Примечание 1: Агент ИИ — это агент, который максимизирует свои шансы на успешное достижение своих целей с помощью методов ИИ.

3.1.2 Искусственный интеллект, ИИ (artificial intelligence, AI) — <как инженерная система> набор методов и автоматизированных объектов, которые вместе формируют, оптимизируют и применяют модель таким образом, чтобы система могла для заданного набора предопределенных задач вычислять прогнозы, рекомендации или решения.

Примечание 1: ИИ-системы проектируются для работы с различными уровнями автоматизации.

Примечание 2: Термин «прогнозы» может относиться к различным видам анализа и производства данных (включая перевод текста, создание синтетических изображений или диагностику имевшего место сбоя питания). При этом не предполагается предшествование во времени (anteriority).

3.1.3 Искусственный интеллект, AI (artificial intelligence, AI) — <как дисциплина> изучение теорий, механизмов, разработок и приложений, связанных с искусственным интеллектом <как инженерной системой>» [7].

Сегодня в мире отсутствует единое мнение о создании отдельных законодательных норм в области ИИ. Специалисты во многих отраслях предлагают использовать те нормы правового регулирования, которые имеются, и вводить в основном изменения в существующие законодательные акты в области различных видов ответственности, страхования [8].

Отдельными государствами с целью регулирования и устранения возникших пробелов постепенно принимаются программные документы и законы.

Первым законом в сфере робототехники и ИИ явился принятый в 2008 году в Корее Закон «О развитии и распространении умных роботов» (Intelligent robots development and distribution promotion). Программные правовые документы разработаны также в США: Национальная робототехническая инициатива «National Robotics Initiative» (2011), Дорожная карта развития робототехники (Roadmap for US Robotics) (2011), в Японии — «Новая стратегия роботов. Японская стратегия роботов: обзор, стратегия, план действий» (2015), в Китайской Народной Республике — План развития технологий искусственного интеллекта (2017) и др. В целях обеспечения ускоренного развития ИИ в Российской Федерации Указом Президента от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [9].

В законодательстве Республики Беларусь вопросы применения искусственного интеллекта в праве отражения пока не нашли. Вместе с тем в документах нашего государства достаточно подробно регламентированы аспекты цифрового преобразования общества, в том числе внедрения информационно-коммуникационных технологий в правовую сферу. Среди важнейших актов стратегического характера можно назвать Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 года № 66, Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-З «О защите персональных данных» и другие акты.

Таким образом, в настоящее время в юридической науке и практике отсутствует единство по вопросу определения ИИ. Во многом исходя из решения этой задачи (определения понятия ИИ, его признаков), будут зависеть подходы законодателя к правовому регулированию соответствующей области знаний. Представляется, что вопрос обеспечения наиболее оптимального категориального аппарата, а также создания отвечающих требованиям общества соответствующих правовых норм можно решить посредством создания технического нормативного правового акта, например, стандарта в области внедрения ИИ.

1. Искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: <https://iot.ru/wiki/iskusstvennyu-intellekt> (дата обращения: 20.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Что такое искусственный интеллект? [Электронный ресурс] // ForkLog. URL: <https://forklog.com/cryptorium/ai/chto-takoe-iskusstvennyj-intellekt> (дата обращения: 20.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Искусственный интеллект: что это такое и где он используется? [Электронный ресурс] // Цифровой Океан.РФ. URL: <https://digitalocean.ru/n/iskusstvennyj-intellekt> (дата обращения: 20.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. #Искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Indicator. URL: <https://indicator.ru/label/iskusstvennyj-intellekt> (дата обращения: 20.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Искусственный интеллект (ИИ). Artificial intelligence (AI) [Электронный ресурс] // T Adviser. Государство. Бизнес. Технологии. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_\(%D0%98%D0%98,_Artificial_intelligence,_AI\)#.D0.A7.D1.82.D0.BE_.D1.82.D0.B0.D0.BA.D0.BE.D0.B5_.D0.B8.D1.81.D0.BA.D1.83.D1.81.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B9_.D0.B8.D0.BD.D1.82.D0.B5.D0.BB.D0.BB.D0.B5.D0.BA.D1.82](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_(%D0%98%D0%98,_Artificial_intelligence,_AI)#.D0.A7.D1.82.D0.BE_.D1.82.D0.B0.D0.BA.D0.BE.D0.B5_.D0.B8.D1.81.D0.BA.D1.83.D1.81.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B9_.D0.B8.D0.BD.D1.82.D0.B5.D0.BB.D0.BB.D0.B5.D0.BA.D1.82) (дата обращения: 22.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестн. Удмурт. ун-та. 2022. Т. 32. Вып. 6. С. 1094–1099. [Вернуться к статье](#)

7. ISO/IEC DIS 22989(en) Information technology — Artificial intelligence — Artificial intelligence concepts and terminology [Электронный ресурс] // Online Browsing Platform (OBP). URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:22989:dis:ed-1:v1:en> (дата обращения: 25.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Рахматулина Р. Ш., Савина В. С., Свиридова Е. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации — новый этап развития экономики [Электронный ресурс] // Гуманитарные и юридические исследования. 2019 (4). С. 209–216. URL: <https://dspace.ncfu.ru/bitstream/20.500.12258/11862/1/209-216.pdf> (дата обращения: 25.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Сакомская Г. С. Подходы в правовом регулировании технологий с искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/podkhody-v-pravovom-regulirovanii-tekhnologiy-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 28.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**Е. Н. Кудряшова**

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
заместитель начальника управления — начальник отдела
научно-методического обеспечения правовой информатизации
управления правовой информатизации,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** В статье выработаны предложения по созданию единой системы технико-юридического инструментария юридической техники и установлению порядка его нормативного закрепления. Основным путем совершенствования законодательства о юридической технике, по мнению автора, является кодификация.*

***Ключевые слова:** юридическая техника, виды юридической техники, правотворческая техника, нормотворческая техника, правоприменительная техника, кодификация, кодекс юридической техники, правила юридической техники.*

***Annotation.** The article developed proposals for the creation of a unified system of technical and legal tools of legal technique and the establishment of a procedure for its normative enshrinement. The main way to improve the legislation on legal technique, according to the author, is codification.*

***Keywords:** legal technique, types of legal technique, rule-making technique, norm-making technique, law enforcement technique, codification, code of legal technique, rules of legal technique.*

В настоящее время в Республике Беларусь происходит формирование качественно новой и относительно самостоятельной структурной части системы белорусского законодательства — законодательства о юридической технике.

Наибольшая часть принятых на республиканском уровне правовых актов и методических материалов касается в первую очередь нормативных правовых актов, а значит, правотворческой (нормотворческой) техники. С одной стороны, это объяснимо и закономерно, ведь в условиях глобализации, развития техногенной цивилизации нормативный правовой акт «получает ускоренное развитие... становится главным источником права, а формализованное право — одним из основных средств формирования и развития техногенной цивилизации» [1, с. 29]. Однако практика применения законодательства показывает, что в не меньшей степени, чем нормативные правовые акты, в совершенствовании нуждаются и иные правовые акты, например, акты реализации (применения) права.

Юридическая техника правоприменительных актов имеет особые характеристики и самостоятельное значение. Ее особенностями являются: поднормативность; влияние специфических правил делопроизводства и документооборота; большое число субъектов, вырабатывающих правоприменительные акты; ограниченные временные рамки правоприменения в отличие от сроков создания нормативных правовых актов и другие.

В настоящий момент в Республике Беларусь правила (требования) создания правоприменительных актов частично закреплены в действующем законодательстве. В частности, общее правило необходимости соблюдения норм и требований, предъявляемых к оформлению документов, установлено ст. 26 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве Республики Беларусь». Единые требования к составлению и оформлению различных видов правоприменительных актов закреплены в Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 января 2009 г. № 4. Ряд правил, касающихся организационно-распорядительной документации (постановлений, распоряжений, приказов, решений, писем, актов и т. д.), содержится в Государственном стандарте Республики Беларусь СТБ 6.38-2016 «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов», утвержденном постановлением Государственного комитета по стандартизации, метрологии и сертификации Республики Беларусь от 26 октября 2016 г. № 83. Отдельные вопросы подготовки и оформления судебных актов содержатся в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 297, 310 и др.), Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 350, 358 и др.), Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (ст. 13, 24), в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 10 «О решении суда первой инстанции» (пп. 2, 3, 14) и других актах.

В то же время следует констатировать тот факт, что основная часть правил правоприменительной техники разработана преимущественно на уровне научных идей и в предельно сжатом объеме. Пожалуй, неким «оправданием» имеющегося пробела в нормативном закреплении правил правоприменительной техники можно считать сложность классификации актов применения права, определения их исчерпывающего перечня. Как справедливо пишет Т. В. Кашанина, «подобных документов существует великое множество, поэтому не представляется возможным их проанализировать и даже просто перечислить» [2, с. 403].

Ввиду многообразия правоприменительных актов, особенностей каждого вида сформулировать единые требования их создания весьма затруднительно. Вместе с тем проведенная ранее автором настоящей статьи типология средств и приемов правоприменительной техники доказывает наличие общих, объединяющих разные виды правоприменительных актов, инструментов юридической техники, использовать которые следует по определенным правилам [3]. Наиболее важные правила, как и в случае с нормативными правовыми актами, на наш взгляд, возможно (и необходимо) унифицировать, систематизировать и придать им общеобязательный характер.

Кроме того, существуют средства и приемы правоприменительной техники, общие не только для разных видов актов применения права, но также и общие с нормативными правовыми актами. В этой связи видится перспективным направлением действий законодателя *создание единого нормативного акта, который вобрал бы в себя унифицированные правила подготовки нормативных правовых актов, актов применения права и иных правовых актов, издаваемых в важнейших сферах права.*

Идеи о сведении правил подготовки различных правовых актов в единый нормативный акт уже высказывались в отечественной и зарубежной юридической науке, притом в последние десятилетия они обсуждаются еще активнее с учетом новых импульсов развития юридической техники и того места, которое сегодня она занимает в теории права. Одни авторы (И. Ф. Казьмин и С. В. Поленина [4, с. 5], В. Ю. Картухин [5], Т. Н. Рахманина [6] и др.) ограничиваются общим мнением о необходимости формальной определенности единообразного понимания и применения права, а именно — придания нормативно-правового характера правилам юридической техники. Другие предлагают конкретный способ нормативного закрепления — это принятие самостоятельного законодательного акта кодифицированного типа. Названия предлагаемых актов различны: Закон о юридической технике (Н. В. Сильченко [7, с. 72]), Закон «О правилах правотворческой техники» (Т. А. Золотухина [8, с. 370]), Закон «О правилах юридической техники и порядке их применения в правотворческом процессе федеральных, региональных и муниципальных органов публичной власти» (О. И. Лазутина [9, с. 86]) и прочие.

На основе изученного массива правового материала, закрепляющего правовые нормы о юридической технике в Республике Беларусь, а также теоретических разработок, касающихся вопросов самой юридической техники, системы и систематизации законодательства, генезиса развития кодификации как наиболее значимой ее формы, видится наиболее оптимальным такой путь совершенствования законодательства Республики Беларусь о юридической технике, как *кодификация*. Как известно, данная форма систематизации

нормативного материала отличается не только формально-механическим упорядочением законодательства, но и его дальнейшим «творческим» развитием. Результат кодификации — по существу и по форме новый законодательный акт, который поглощает и заменяет ранее действовавшие нормативные акты в данной области права.

На разных этапах исторического развития кодификация осуществлялась в различных формах в зависимости от характера, назначения и объема систематизируемого законодательства. Сегодня Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» упоминает два вида нормативных правовых актов, которые могут стать результатом кодификации, — кодекс и правила (часть 2 ст. 72). Представляется, что наиболее подробно и непосредственно, полно и всесторонне регулировать определенную область общественных отношений «способен» именно кодифицированный акт. Например, в отношении кодексов справедлив тезис И. П. Сидорчук, которая отметила «их ведущее значение в системе права, относительно всеобъемлющий характер и полноту, а также то, что они представляют собой определенную систему» [10, с. 67].

Не секрет, что на сегодняшний день в Республике Беларусь кодексы являются самыми распространенными кодифицированными актами. Во всех существующих базовых отраслях законодательства они выполняют функцию головного акта. Кодифицированный акт — особый вид нормативных правовых актов, и его главная технико-юридическая особенность — *деление на несколько самостоятельных частей*. Такая технико-юридическая особенность кодифицированного акта «удобна» для кодификации юридической техники, ведь юридическая техника содержит правила по подготовке различных правовых актов и о выполнении разных действий в сфере права. В таком случае наглядно и наиболее понятно данные правила будут восприниматься при распределении их по разным частям и разделам кодифицированного акта.

Предлагается следующая структура будущего кодифицированного акта о юридической технике (*здесь и далее по структуре автор называет его преимущественно кодексом, но не исключает возможности принятия нормативного правового акта в форме правил*):

1. Преамбула.

Данный структурный элемент можно изложить, например, в следующей редакции: «Кодекс направлен на регулирование общественных отношений в сфере подготовки правовых актов, а также на установление правовых, организационных, экономических и социальных основ применения юридической техники в целях совершенствования правотворческой, правореализационной, систематизационной и интерпретационной деятельности».

2. Общая часть.

Данная часть может содержать следующие положения:

- основные, ключевые понятия, используемые в Кодексе юридической техники (если они еще не были закреплены на законодательном уровне ранее);
- основные принципы регулирования общественных отношений, которых касается кодекс;
- общие положения о самой юридической технике, ее видах;
- правила юридической техники, единые (общие) для подготовки разного вида актов (нормативных правовых актов, актов применения права и т. д.); в данном случае отдельные статьи могут быть посвящены некоторым языковым, логическим правилам и т. д.;
- иные положения.

3. Особенная часть.

Данная часть включает в себя разделы, посвященные юридико-техническим правилам подготовки отдельных видов юридических актов. С учетом имеющихся видов юридической техники [11] Особенная часть Кодекса юридической техники представляется в виде четырех разделов:

- раздел I «Правотворческая техника»;
- раздел II «Техника реализации права»;
- раздел III «Техника систематизации права»;
- раздел IV «Техника интерпретации права».

Каждый раздел будет содержать правила подготовки юридических актов данных сфер действия права: в разделе I — нормативных правовых актов, в разделе II — актов реализации права (в данном случае речь в большей степени о правоприменительных актах); в разделе III — актов систематизации права; в разделе IV — актов интерпретации права. Кроме того, туда войдут нормы, касающиеся технико-юридических правил выполнения иных действий в перечисленных сферах деятельности.

Представить более подробную структуру разделов можно в виде групп правил, разработанных на основе типологии средств и приемов каждого вида юридической техники. Например, в раздел I целесообразно включить главы «Правила создания текста нормативного правового акта» и «Правила осуществления иных работ, составляющих правотворческий процесс». Эти главы могут подразделяться на статьи, посвященные требованиям по использованию конкретных средств и приемов правотворческой техники («Формальные (реквизитные) правила», «Структурные правила», «Языковые правила» и т. д.). В то же время раздел II «Техника реализации права» может также содержать главы, составляющие группы правил по использованию средств и приемов правоприменительной техники. Указанные главы будут объединять статьи, посвященные

правилам использования конкретных средств и приемов правоприменительной техники. Например, в главу «Правила создания правоприменительного акта» будут включены статьи о структурных, языковых и иных требованиях, однако они будут касаться актов применения права, отражать их специфику, отличие от нормативных правовых актов.

Таким образом, на основе изученного массива правового материала, закрепляющего правовые нормы о юридической технике в Республике Беларусь, а также теоретических разработок, касающихся вопросов самой юридической техники, системы и систематизации законодательства, генезиса развития кодификации как наиболее значимой ее формы, *предлагается следующий путь совершенствования законодательства о юридической технике — кодификация (с изданием кодифицированного акта).*

Кодифицированный акт о юридической технике охватит многочисленные вопросы подготовки *различных юридических актов важнейших сфер действия права* — правотворчества, правоприменения, систематизации и интерпретации права. Данный акт «будет “стягивать” в единое целое все виды документов, которые сопровождают и венчают деятельность в сфере права» [12, с. 69], станет эффективным инструментом, призванным устранить технико-правовые дефекты как нормативных правовых актов, так и правоприменительных актов республики.

Для первой сферы (правотворчества) на сегодняшний день, в принципе, накоплен достаточно богатый массив правовых норм, регулирующих подготовку важнейших источников права — нормативных правовых актов. Это означает, что в данном случае в кодификационной деятельности этой сферы будет преобладать систематизационный аспект. Остальные же сферы действия права, а именно правила создания правоприменительных актов, актов систематизации и интерпретации права, выполнения актов-действий и т. д., нуждаются в серьезной доработке, пересмотре, обновлении правового материала. Это значит, что кодификационная работа по совершенствованию законодательства в иных видах юридической техники будет отталкиваться в первую очередь от своего «правотворческого начала».

Для того чтобы осуществить работу по кодификации юридической техники, то есть упорядочить весь нормативный материал, привести его в систему, содержательно переработать и т. д., безусловно, необходимо учитывать исторический опыт, нюансы в законодательной сфере Республики Беларусь, обеспечить доступность данной кодификации всем гражданам государства. Работа по кодификации должна проходить вдумчиво, постепенно, ведь, как правило, кодифицированные акты составляются на длительный период. Наибольший эффект кодификация юридической техники может дать после того, как

завершится его модернизация, накопится стабильный нормативный материал. Посредством реализации в будущем кодификации юридической техники решится еще одна немаловажная задача — Республика Беларусь приблизится к последовательному упорядочению всего законодательства, повышению степени его компактности и системности.

1. Сильченко Н. В. Техническое регулирование общественных отношений и проблемы теории права // Право.by. 2019. № 6. С. 28–32. [Вернуться к статье](#)
2. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. 2-е изд. пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с. [Вернуться к статье](#)
3. Швед Е. Н., Кудряшова Е. Н. Правоприменительная техника: понятие и типология средств и приемов // Вест. Саратов. гос. юрид. акад. 2020. № 2. С. 75–85. [Вернуться к статье](#)
4. Казьмин И. Ф. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. 1989. № 12. С. 3–9. [Вернуться к статье](#)
5. Картухин В. Ю. Техничко-юридическое качество законов субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2005. 169 л. URL: <https://www.dissercat.com/content/tekhniko-yuridicheskoe-kachestvo-zakonov-subektov-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 23.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Рахманина Т. Н. Нормативное регулирование правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации // Закон создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Спарк, 1998. С. 253–271. [Вернуться к статье](#)
7. Сильченко Н. В. Концепция совершенствования законодательства: понятие, структура, содержание // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2001. № 3. С. 68–74. [Вернуться к статье](#)
8. Золотухина Т. А. Законотворческая деятельность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Белгород. гос. нац. исследоват. ун-т. Белгород, 2017. 452 с. [Вернуться к статье](#)
9. Лазутина О. И. О некоторых проблемах использования юридической техники в правотворчестве субъектов Российской Федерации // Политика и право. 2007. № 3. С. 84–86. [Вернуться к статье](#)
10. Сидорчук И. П. Кодификация законодательства — приоритетное направление его совершенствования. Минск : БИП-С Плюс, 2006. 151 с. [Вернуться к статье](#)
11. Швед Е. Н., Кудряшова, Е. Н. Виды юридической техники // Вестн. Сибир. ин-та бизнеса и информ. технологий. 2019. № 1. С. 85–88. [Вернуться к статье](#)
12. Сильченко Н. В. Понятие и возможная модель стандартов правотворчества // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2019. № 1. С. 65–70. [Вернуться к статье](#)

УДК 342

**РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ****Д. В. Меняйло**

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
начальник кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент

Л. Н. Меняйло

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат политических наук

***Аннотация.** В статье раскрывается трансформация конституционного права посредством анализа конституционных новелл 2020 года и проводимой социальной политики в современной России с учетом национального правового менталитета.*

***Ключевые слова:** конституционные новеллы, национальный правовой менталитет, правовые ценностные ориентации.*

***Annotation.** The article reveals the transformation of constitutional law by analyzing the constitutional novelties of 2020 and the ongoing social policy in modern Russia, taking into account the national legal mentality.*

***Keywords:** constitutional novelties, national legal mentality, legal value orientations.*

Для успешного развития общества в обязательном порядке необходимо учитывать его культурные основы. Так, для жизнеспособности правовой системы таковая должна основываться на формирующихся столетиями представлениях, ценностных ориентациях и установках населения в правовой сфере. Конституция Российской Федерации с внесением поправок в 2020 году в достаточной степени зафиксировала такие национальные духовные скрепы. В Основной Закон России было внесено немало поправок, направленных на закрепление уже существующих положений в законодательстве. Но это было сделано целенаправленно, для фиксации и придания большего значения столь важным для российского общества отношениям, призванным проводить социальную политику на основе базовых представлений, ценностей и установок российского правового менталитета и фундаментальных принципов гуманизма, справедливости, социальной солидарности, социального партнерства, повышения уровня жизни населения страны и т. д.

Фиксация столь важных принципов произошла в новой редакции статей 67¹, 68, 69, 71, 72, 75, 75¹ Конституции Российской Федерации. Семья

традиционно является одной из важнейших ценностей в российском менталитете. Для реализации социальной политики государства большое значение имеет конституционная новелла части 4 статьи 67¹, в которой закреплено: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» [1]. Данная новелла закрепила на постоянной основе уже существующие тенденции по защите детства. Дети — это будущее общества и государства. От того, как произойдет их физическое, интеллектуальное, морально-нравственное становление, зависит степень успеха их дальнейшей деятельности (после создания ими самими семьи), процветание государства. Так, «расходы на предоставление отдельных государственных пособий гражданам, имеющим детей, в федеральном бюджете предусмотрены на 2019 год в размере 85,1 млрд рублей, на 2020 год — 88,7 млрд рублей, на 2021 год — 92,2 млрд рублей» [2, с. 5–6]. Также за последние 3 года из федерального бюджета были выделены немалые средства на создание дополнительных мест для детей до 3 лет в дошкольных образовательных организациях. Параллельно с обсуждением и принятием конституционных новелл уже решался вопрос финансовой поддержки семей с несовершеннолетними детьми, что стало особенно актуальным в условиях распространения коронавирусной инфекции в 2019 году. Так, в соответствии с указами Президента Российской Федерации [3, 4], неоднократно были произведены выплаты семьям, имеющим детей до 3 лет, единовременные выплаты семьям с детьми от 3 до 16 лет. Оказана иная финансовая поддержка. Защита материнства, отцовства и детства в немалой степени зависит от финансового благополучия семьи, но при этом необходимо уделять внимание и иным вопросам семейного благополучия. Внимание также следует обращать на воспитание детей в семьях, психологический климат, который может повлиять на формирование правосознания несовершеннолетних и их законопослушание. В этой части непростая задача по профилактике стоит и перед сотрудниками органов внутренних дел в лице участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних.

Защита интересов членов семьи связана с тем, что понимается под семьей. В условиях культурных трансформаций и политики либерализации, распространяющихся во многих государствах мирового сообщества, появляются и иные, «нетрадиционного» характера подходы к пониманию сущности этого

социального института. Для российского многонационального и многоконфессионального общества ценным является сохранение «традиционного» понимания семьи как «союза мужчины и женщины». Только в такой семье могут быть нормальные условия для воспитания подрастающего поколения. Именно такой союз соответствует потребностям общества в репродукции и не противоречит человеческой природе. В этом смысле российская общественность единодушно выступила за конституционную поправку, закрепленную в пункте Ж¹ части 1 статьи 72.

В развитие конституционных новелл недавно был подписан Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Согласно данному нормативному правовому акту, идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование идеи отрицания естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. Данный факт расценивается как одна из угроз национальной безопасности Российской Федерации. Также необходимо упомянуть и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента от 2 июля 2021 года [6]. Здесь также упоминается необходимость защиты комплекса традиционных культурно-нравственных ценностей и необходимость сохранять устойчивость социальных установок в условиях навязывания зарубежных моделей поведения. В настоящий момент одной из первоочередных задач, указанных в данном нормативном акте, стоит сбережение народа России, и здесь укрепление основ традиционной семьи является одним из важнейших инструментов, для чего крайне необходимо развивать и оказывать поддержку институтам семьи, материнства, отцовства и детства.

Среди прочих важное значение имеют конституционные новеллы статьи 75, имеющие социально-экономический характер. Так, в соответствии с частью 5 статьи 75, «государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения...» [1], тем самым каждому гражданину, работающему по трудовому договору, отработавшему норму рабочего времени, гарантируется оплата его деятельности не ниже прожиточного минимума. В трудовой деятельности обеспечивается удовлетворительный базовый уровень, способствующий поддержанию существования самого трудящегося и членов его семьи. В условиях развития экономики России ежегодно происходит повышение минимального размера оплаты труда, что указывает на ответственное отношение институтов власти

в вопросе реализации социальной политики. Хотя Конституция Российской Федерации ничего не говорит о величине прожиточного минимума для жителей отделенных регионов России и иных категориях трудящихся, уверены, что сложившаяся на сегодня система экономических гарантий не только продолжит свое существование, но и будет развиваться с учетом баланса интересов трудящихся и всего общества в лице государства.

Конституционная новелла, закрепленная в части 6 статьи 75, фиксирует существование в России системы «...пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год...» [1]. Сохранение пенсионного обеспечения является существенной стабилизирующей мерой, проводимой на регулярной основе, при реализации социальной политики. Солидарность поколений подчеркивает специфику функционирования пенсионной системы и указывает на социальную взаимосвязь поколений, поддержку молодым поколением пенсионеров.

Наблюдающееся сегодня старение населения России осложняет положение пенсионеров и вынуждает государство принимать меры. Одной из таких мер стало повышение пенсионного возраста. Эта непопулярная в обществе мера обусловлена увеличением доли лиц пенсионного возраста [7].

Немаловажную роль играет та часть рассматриваемой нормы права, которая закрепляет регулярную (ежегодную) индексацию пенсий. К сожалению, не урегулированным является вопрос о индексации сессий трудящимся пенсионерам.

Конституционная новелла части 7 статьи 75 создает основу для закрепления в федеральных законах обязательного социального страхования, адресной социальной поддержки граждан и индексации социальных пособий и иных социальных выплат [1]. Такие формы адресной поддержки малоимущего населения страны фиксируют положительную динамику развития России как социального государства. В основе той или иной формы поддержки нуждающихся (малоимущих) граждан лежит определенный критерий. Так, «адресная помощь оказывается только в случае явной бедности и соотносится с величиной душевого дохода, исчисленного в расчете на семью или одиноко проживающего гражданина, а обязательное социальное страхование построено по категориальному принципу, предполагающему, что соответствующая выплата назначается лицу по определенным возрастным, медицинским или социальным показателям» [8, с. 59].

Конституция Российской Федерации дополнена новой статьей — 75¹, которая ориентирует на создание в стране условий для устойчивого

экономического роста и повышения благосостояния граждан. В условиях построения правового государства и формирования гражданского общества фиксируются тенденции развития взаимоотношений общества и государства, основанные на взаимном доверии и ответственности, социальном партнерстве, солидарности (социальной, политической и экономической), гарантии защиты достоинства граждан вообще и человека труда в частности.

Таким образом, Конституция Российской Федерации в результате внесения изменений получила «второе — народное дыхание». В Конституции, как в основе правовой системы нашли отражение характерные для российского правового менталитета представления, ценностные ориентации, а также новые понятия и принципы, создающие основу гарантий социального благополучия граждан: солидарность поколений в сфере пенсионного обеспечения, адресная социальная поддержка граждан, индексация социальных пособий и иных социальных выплат, уважение человека труда и т. д.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Вейс Т. П., Фейгельман Н. В. Основные направления социальной политики РФ в предстоящий период // Вестн. образовательного консорциума Среднерус. ун-та. Сер. Экономика и управление. 2019. № 13. С. 5–6. [Вернуться к статье](#)

3. О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 7 апр. 2020 г., № 249 : в ред. от 11.05.2020 г. № 317. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 20 марта 2020 г., № 199 : утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 9 нояб. 2022 г., № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 01.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Гурвич Е. Т., Иванова М. А. Экономический эффект старения населения и пенсионных реформ // Финансовый журн. 2018. № 5. С. 9–22. [Вернуться к статье](#)

8. Колотова Н. В. Конституционные новеллы социального характера и перспективы развития законодательства // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 2. С. 59. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.85

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. С. Нижник

Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

***Аннотация.** В статье механизм формирования правовой культуры полицейских охарактеризован с учетом значения различных детерминант: гносеологической (получение правовых знаний), прагматической (формирование навыков правоприменения), аксиологической (формирование ценностных ориентаций). Эмпирической основой исследования послужили события и факты, характеризующие правовую культуру и служебную деятельность полиции в России в начале XX в.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое сознание, формирование правовой культуры, полиция Российской империи, правовые знания, правовые ценности.*

***Annotation.** In the article, the mechanism of formation of the legal culture of police officers is characterized taking into account the importance of various determinants: epistemological (obtaining legal knowledge), pragmatic (formation of law enforcement skills), axiological (formation of value orientations). The empirical basis of the study was the events and facts characterizing the legal culture and official activities of the police in Russia at the beginning of the XX century.*

***Keywords:** legal culture, legal consciousness, formation of legal culture, police of the Russian Empire, legal knowledge, legal values.*

Правовая культура — качественная характеристика правового состояния отдельной личности и общества в целом. Правовая культура отражает уровень правовых знаний и объективное отношение общества к праву.

Формирование правовой культуры представляет собой длительный и сложный процесс, оценка которого в современной юридической науке осуществляется в контексте диалектико-материалистического и цивилизационного (социокультурного) подходов.

При характеристике механизма формирования правовой культуры необходимо учитывать значение различных детерминант: гносеологической (получение правовых знаний), прагматической (формирование навыков правоприменения), аксиологической (формирование ценностных ориентаций). Они оказывают существенное влияние на состояние составляющих правовой культуры:

знания права, отношения к праву (правосознания), навыков правомерного поведения [1, с. 187].

Носители правовой культуры разнообразны, в связи с чем выделяют правовую культуру общества, правовую культуру социальной группы, правовую культуру личности [1, с. 188].

Создание в России в XVIII в. регулярной полиции позволяет выделять особую социальную группу — сотрудников полиции и их особую правовую культуру — правовую культуру сотрудников полиции. Полицейская служба с момента своего возникновения осуществляется как деятельность в юридической сфере, а правовую культуру полицейских характеризуют правовые знания, взгляды, представления, установки, чувства, ценностные ориентации, модели профессионального поведения, которые складываются у лиц, профессионально занимающихся охраной общественного порядка и общественной безопасности, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений и других правонарушений, охраной собственности, прав, свобод и законных интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций, осуществлением безопасности дорожного движения и выполняющих другие функции, возложенные на них государством [2, с. 329–331].

Правовая культура полицейских, составляющих профессиональную социальную группу лиц, объединенных общностью интересов, целей, единством действий, формируется в условиях юридической практики. Собираемый термин «полицейские» не исключает наличие в числе сотрудников полиции специализированных профессиональных групп работников (следователей, дознавателей, оперативных работников, инспекторов дорожно-патрульной и патрульно-постовой службы), правовая культура которых обладает отличительными особенностями.

Правовая культура играет важную роль в выборе полицейским модели поведения в профессионально значимых ситуациях, в готовности использовать свои знания в реальных правовых отношениях. Сформированная правовая культура полицейских должна мотивировать такое их поведение, которое позволяло бы отстаивать государственные, общественные и ведомственные интересы; выступать при этом важнейшим юридическим гарантом реализации и защиты субъективных прав и законных интересов личности; служить мощным и надежным гарантом обеспечения правопорядка в российском государстве.

Критериями сформированного позитивного профессионального правосознания полицейских — составляющей правовой культуры полицейских — могут рассматриваться: отсутствие со стороны полицейских нарушений дисциплины и законности; наличие положительных результатов полицейских в служебной деятельности; вклад полицейских в решение социально значимых

проблем; позитивный характер ценностных ориентаций и социально активные мотивы правомерного поведения; степень удовлетворенности полицейских своей профессиональной деятельностью [3, с. 179].

Получение правовых знаний, воспитание уважения к праву, приобретение навыков правомерного поведения и умений правоприменения выступали важнейшими средствами формирования *правовой культуры сотрудников российской полиции в начале XX в.*

Условия профессиональной деятельности полицейских в начале XX в. отличались сложностью: отсутствие политических прав и свобод граждан обуславливало постоянные столкновения населения с полицией, олицетворявшей с властью, не обеспечивавшей гражданам политическую свободу. Формировались антиполицейские настроения, росло число случаев неподчинения требованиям полицейских и оскорбления полицейских чинов.

Одной из причин недовольства полицией было огромное количество возложенных на нее административно-хозяйственных функций [4, с. 303–304]. Обывателей раздражало ее неограниченное вмешательство практически во все сферы внутренней жизни государства [2, с. 340–341]. Директор Департамента полиции Министерства внутренних дел А. А. Лопухин констатировал: «При мелочном определении всех обязанностей полиции, распространяющихся на все области жизни граждан, закон ... не мог установить самого главного: пределов власти полиции. Кому предписано вмешательство во все, того власть не может быть ограничена» [5, с. 40].

Многообразие задач заставляло полицейских многие вопросы решать самостоятельно, не обращаясь за помощью к начальству. Поэтому в рамках профессиональной подготовки кандидатов на службу в полицию знакомили с законами, учили кулачному бою, джиу-джитсу, приемам самообороны и силового захвата злоумышленника. А потом на экзамене проверяли, как он может обезвредить преступника, как в одиночку он может поднять пьяного с земли [6, с. 259].

В условиях революции 1905–1907 гг. полицейские — «ненавистные слуги царского режима» — подвергались нападениям по разным причинам и поводам. Статистические отчеты только за период с февраля 1905 по май 1906 г. свидетельствуют, что революционерами были убиты 1 273 должностных лица, 974 из них — полицейские чины [7, с. 24]. В числе погибших генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники (8), полицмейстеры, уездные начальники и исправники (21), приставы и их помощники (79), околоточные надзиратели (125), городовые (346), урядники (57) [8, с. 16; 9, с. 54]. Под прицел революционеров попали представители государственной власти вплоть до министров: в апреле 1902 г. был убит министр внутренних дел

Д. С. Сипягин, в июле 1904 г. — В. К. Плеве, в сентябре 1911 г. — П. А. Столыпин. Но самое большое число погибших должностных лиц во все революционные годы занимали полицейские-городовые. Газеты сообщали, что в январе 1907 г. эсерами был убит городской Тверской городской полицейской команды № 57 Роман Степанов, который, по предположениям революционеров, совершил казнь убийцы губернатора Слепцова. Хотя, по свидетельству тверского полицмейстера, Степанов лишь сопровождал гроб казненного до могилы [10, с. 140]. В г. Златоусте Уфимской губернии в годы первой русской революции погибли более четырех десятков полицейских. Одной из последних жертв террора стал старший городской местных полицейских команд Н. Н. Пономарев, который (один из немногих) остался на службе в полиции и с горсткой городских продолжал борьбу с преступниками. 21 ноября 1907 г. он был убит [11, с. 274].

С ноября 1905 г. по апрель 1906 г. были убиты 288, ранены 383 полицейских, более чем на 150 полицейских были совершены неудачные покушения. В 1906–1907 гг. погибли свыше 4 тыс. и были ранены около 5 тыс. государственных служащих — в основном сотрудников полиции [12, с. 85–86]. «Убийства должностных лиц и полицейских чинов... следуют одно за другим... полиция каждодневно терпит громадный урон убитыми и ранеными», — констатировало правительство [13]. Однако террор против полицейских большого возмущения значительной части российского общества не вызывал. Предложение принять резолюцию, осуждающую террор и террористов, в Государственной думе поддержки большинства не получило, а выступление депутата М. С. Стаховича об убийствах городских было сопровождено выкриками: «Мало!» [14, с. 60].

В таких условиях выполнение служебных обязанностей возможно было только при наличии правовой культуры должного уровня. Центральные и провинциальные ведомственные газеты и журналы, полицейские листки ставили своей задачей направить полицейских на совершение правильных профессиональных действий и поддержать их дух положительными примерами из полицейской практики.

В журнале «Вестник полиции» была открыта рубрика «Самоотверженное исполнение долга» (с 1908 г.), где помещались сообщения о случаях самоотверженного исполнения долга чинами полиции (например: Перестрелка с анархистом-разбойником под Москвой (Вестник полиции. 1908. № 52), Геройская смерть стражника Витушко (Вестник полиции. 1909. № 7), Герой служебного долга (Вестник полиции. 1909. № 51), Радом. Памяти героев долга (Вестник полиции. 1909. № 51), Исправник Солтык. Две жертвы (Вестник полиции. 1910. № 1), Гранковский Е. Е. Вооруженное сопротивление чинам полиции и жертва

долга (Вестник полиции. 1910. № 3), Подвиг околоточного надзирателя (Вестник полиции. 1910. № 3) и др.).

Примеры образцового исполнения служебного долга и находчивости полицейских имели большое значение для сплочения полицейских, воспитания у них корпоративного духа, закрепления ориентации на должное профессиональное поведение и готовности к полицейской деятельности в сложных внутриполитических условиях.

Ведомственная печать осуществляла функцию осуждения недолжного поведения полицейского в России в начале XX в. «Вестник полиции» публиковал приказы и постановления губернаторов, градоначальников, полицмейстеров, в которых сообщалось о наказании чинов полиции. Особенно важным было то, что приказы содержали не только информацию о содеянном, но и оценку происшедшего. «Вестник полиции», в частности, сообщал, что:

– лифляндский губернатор приказом от 29 июля 1908 г. № 65 признал преступление, совершенное полицейским стражником Недведем и городовым Матисоном, в пьяном виде задержавшими и избившими прохожих, тяжким, потому что оно было совершено «полицейскими чинами, обязанными по закону бдительно наблюдать за охранением повсюду общественного спокойствия и порядка, всеми способами предупреждать преступные посягательства на неприкосновенность личности и служить первым примером соблюдения порядка» [15], в связи с чем Недведь и Матисон были уволены со службы и преданы суду; кроме того, губернатор объявил строгий выговор полицмейстеру барону Гротгусу, который «не сумел внушить подведомственным ему чинам твердых понятий о служебном долге и не позаботился подобрать вполне благонадежных в нравственном отношении лиц для несения полицейской службы» [15];

– тверской полицмейстер уволил со службы с преданием суду городского конной команды Тверской городской полиции Врубеля за то, что он, удаляя 1 октября публику, занявшую не отведенные для зрителей места, ударил одного из публики нагайкой по голове; при этом полицмейстер предупредил, что он будет так поступать с каждым чином вверенной ему полиции, потому что «тем, кто не умеет или не может держать себя с тактом или не обладает выдержкой характера, — не место в полиции» [16];

– в Лохвицком уезде Полтавской губернии полицейский урядник Алексеенко был уволен со службы и предан суду вместе с полицейскими десятскими за то, что с целью добиться признания пытал задержанного по подозрению в краже [17].

Составляющей формирования правовой культуры полицейских чинов являлось информирование о нормативных основаниях наказаний полицейских.

Распространенным видом дисциплинарного взыскания был выговор (строгий выговор), о случаях наложения которого сообщал «Вестник полиции» в разделе «Приказы и обязательные постановления» (например, «Приказы и обязательные постановления Московского градоначальника» (Вестник полиции. 1908. № 45; «Приказы и обязательные постановления Лифляндского губернатора» (Вестник полиции. 1909. № 19), «Приказы и обязательные постановления Московского градоначальника» (Вестник полиции. 1909. № 38) и др.).

Обсуждались случаи взяточничества и им давалась негативная оценка. Одним из реальных способов борьбы с коррупцией в полиции являлось премирование полицейских за представление начальству сведений о получении взятки и передачу полученной суммы. Полицейское начальство настолько ценило честность добросовестных полицейских, что выдавало иногда им вознаграждение по сумме больше, чем была полученная ими взятка [2, с. 354–355]. Таким образом формировалась *мотивация к антикоррупционному поведению и «отучению» населения от стремления решить проблемы с полицией посредством взятки* [18, с. 252; 2, с. 356].

Таким образом, правовая культура российских полицейских в начале XX в. формировалась под воздействием различных факторов. На процессы получения правовых знаний, воспитания уважения к праву, приобретения навыков правомерного поведения и умений правоприменения влияли социальная среда; особенности профессиональной деятельности; профессиональное образование; общественное сознание, существующее в иных (кроме правовой) формах; образ сотрудника органов внутренних дел, сложившийся в общественном сознании.

Важную роль в формировании правовой культуры полицейских играют средства массовой информации, которые способны оказывать воздействие на общественное сознание, формировать в нем образ полицейского, создавать имидж полиции, выступают как существенная детерминанта профессионального правосознания полицейских.

Особое значение в формировании профессионального правосознания сотрудников полиции имеет ведомственная печать Министерства внутренних дел [19; 20], которая способствует получению полицейскими правовых знаний, формированию у них навыков и умений правоприменительной деятельности, оказывает воздействие на формирование у сотрудников полиции ценностных ориентаций. Ведомственная печать Министерства внутренних дел оказывала воздействие на когнитивную составляющую правового сознания полицейских Российской империи начала XX в., создавая условия для трансформации поведенческой компоненты правосознания российских полицейских.

Внедря в сознание полицейских эмоционально-мыслительные и поведенческие стереотипы, периодические издания, подведомственные Министерству внутренних дел, способствовали позитивным переменам в осуществлении полицейскими профессиональной деятельности.

Ведомственная печать Министерства внутренних дел посредством воздействия на ценностно-ориентационную составляющую индивидуального правосознания полицейских предпринимала попытку создания культурных и морально-этических ценностей сотрудников полиции, трансляции сложившейся системы ценностей и формирования аксиологического пространства, соответствующего правовой действительности России начала XX в.

Создание определенного устойчивого отношения к явлениям правовой действительности, формирование ценностно-ориентационной системы знаний и убеждений, побуждение к определенному профессиональному поведению ведомственная печать Министерства внутренних дел осуществляла различными средствами, осуществляя:

- утверждение ценности российского государственного строя;
- закрепление представлений о модели должного поведения полицейского в России в начале XX в. (используя для этого обучение полицейских должному поведению в обществе и общению с публикой — полицейскому такту; знакомство с образцами профессиональных действий и положительными примерами из полицейской практики; сообщения о случаях самоотверженного исполнения долга чинами полиции и их находчивости и смекалки при раскрытии преступлений и выполнении иных служебных обязанностей; обсуждения значения новой форменной одежды полицейских как элемента престижа профессиональной деятельности полицейских, своеобразной визитной карточки российской полиции и др.);
- поддержку традиций, сформированных в российской полиции к началу XX в., и корпоративного духа (правила чести; традиции уважительного отношения к истории полиции России и полицейским, совершившим подвиги при выполнении служебного долга; традиции проведения отрядных праздников и др.)
- формирование представлений об общественной значимости полицейской деятельности и отношении власти к полицейским (используя для этого публикацию фотографий ветеранов службы и рассказов о полицейских, самоотверженно прослуживших в полиции многие годы; о случаях образцового исполнения служебных обязанностей чинами полиции и их общественного признания; сообщения о поздравлениях и вынесении благодарностей полицейским местной администрацией; о нормативных основаниях для поощрений и наказаний полицейских и др.);

– осуждение недолжного поведения полицейского в России в начале XX в. (используя для этого информирование о нормативных основаниях наказания полицейских; публикацию правоприменительных актов в отношении полицейских, совершивших неблагоприятные поступки; негативную оценку случаев взяточничества и формулировку предложений о мотивации антикоррупционного поведения и др.);

– утверждение патриотизма как ценности и основы для проявления общественной активности.

1. Нижник Н. С., Семенова О. В., Стоцкий А. П. Теория государства и права : учеб. нагляд. пособие / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та МВД России, 2020. 264 с. [Вернуться к статье](#)

2. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. С. 326–364. [Вернуться к статье](#)

3. Безруков А. В. Профессиональное правосознание как фактор мотивации правомерного поведения сотрудников органов внутренних дел (теоретико-прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2004. [Вернуться к статье](#)

4. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века : материалы междунар. науч. конф., Витебск — Псков, 27 февр. – 3 марта 2017 г. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. Витебск, 2017. С. 302–306. [Вернуться к статье](#)

5. Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. М. : В. М. Саблин, 1907. 69 с. [Вернуться к статье](#)

6. Нижник Н. С. Городовой: служение Отечеству в экстремальных условиях // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2017. С. 255–262. [Вернуться к статье](#)

7. Нижник Н. С., Гугасари Е. С. На посту первого министра Российской империи (опыт биобиблиографического анализа жизни и деятельности Петра Аркадьевича Столыпина) // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2012. № 54. С. 19–33. [Вернуться к статье](#)

8. Петр Аркадьевич Столыпин — выдающийся государственный деятель. К 150-летию со дня рождения: материалы для бесед с сотрудниками органов внутренних дел / В. П. Сидоренко [и др.]. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2012. 40 с. [Вернуться к статье](#)

9. Дорохов В. Ж. История органов внутренних дел : курс лекций. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД РФ, 2013. 167 с. [Вернуться к статье](#)

10. Потапчик В. В., Рычков Ю. А., Тесленко А. И. Полиция Тверской губернии. Исторический очерк. Тверь : Изд. Алексей Ушаков, 2014. 208 с. [Вернуться к статье](#)

11. Вестник полиции. 1909. № 14. С. 274. [Вернуться к статье](#)

12. Полиция и милиция России: страницы истории / А. В. Борисов [и др.]. М. : Наука, 1995. 316 с. [Вернуться к статье](#)
13. Правительственный вестник. 1908. 24 августа. С. 1. [Вернуться к статье](#)
14. Борисов А. В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII в. – октябрь 1917 г.) : историко-социолог. исслед. М. : Акад. упр. МВД России, 2010. 111 с. [Вернуться к статье](#)
15. Приказ Лифляндского губернатора // Вестн. полиции. 1908. № 34. С. 2–3. [Вернуться к статье](#)
16. Приказы и обязательные постановления Тверского полицмейстера // Вестн. полиции. 1909. № 41. С. 893. [Вернуться к статье](#)
17. Приказы и обязательные постановления // Вестн. полиции. 1909. № 14. С. 285. [Вернуться к статье](#)
18. Быков А. В., Быкова А. Г. Приказы Омского полицмейстера как источник по истории борьбы с коррупцией в полиции в начале XX в. // Вестн. архивиста. 2014. № 2 (126). С. 248–259. [Вернуться к статье](#)
19. Красножон О. В. Журнал «Вестник полиции» в системе ведомственной печати Министерства внутренних дел Российской империи // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 4 (71). С. 120–124. [Вернуться к статье](#)
20. Лапова Е. С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества — предмет исследований в современной российской науке // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2023. № 1 (97). С. 27–37. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

НАСИЛИЕ В ОБЪЕКТИВНОМ ПРАВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА ДУХОВНОСТИ КУЛЬТУРЫ ПРАВА И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В. М. Хомич

Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Автором показано, что незаметно было упущено из вида, что для формирования социально-правового мира и примирения конфликта различных интересов в политико-организованных обществах без насильственного правоприменения (правового воздействия) важно учитывать влияние культуры на право и правовое сознание. Сегодня обостренно ощущается очевидный кризис взаимодействия права и культуры, деструктивно влияющий на формирование правовых позиций на уровне законодательства и соответствующего правового сознания, их легитимации на индивидуальном и массовом уровнях общественного бытия людей (членов общества).

Ключевые слова: культурологическая составляющая права и правового сознания, культура как способ полагания смысла человеческого бытия и правовых ценностей, культура как ценностно-антропологическая основа формирования адекватного действительного праву законодательства.

Annotation. The author shows that it was imperceptibly overlooked that in order to form a social and legal world and reconcile the conflict of various interests in politically organized societies without violent law enforcement (legal influence), it is important to take into account the influence of culture on law and legal consciousness. Today, the obvious crisis of the interaction between law and culture is acutely felt, which has a destructive effect on the formation of legal positions at the level of legislation and the corresponding legal consciousness, their legitimation at the individual and mass levels of the social existence of people (members of society).

Keywords: the culturological component of law and legal consciousness, culture as a way of assuming the meaning of human existence and legal values, culture as a value-anthropological basis for the formation of legislation adequate to the actual law.

Сегодня представляется архиважным возрождение естественно-социального и культурологического подходов к оценке правового статуса, состояния всех элементов социальной системы (человека, общества, государства) как единственно возможного противовеса тотальной принудительной роботизации человека и научного метода объективно критического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых (и поэтому далеко не правовых) вариантов решения социальных проблем. При этом следует принять

за основу предположение о том, что любое правонарушающее деяние человека есть проявление не просто общественной безнравственности, но и духовного социального рабства человека, как результат не удовлетворяемой социальной потребности человека в личностном общественном бытии. Отсюда вопрос о том, каково влияние культуры на право и правовое сознание и в чем причина очевидного кризиса взаимодействия права и культуры, является центральным для формирования действительного права на уровне законодательства и соответствующего ему правового сознания, легитимации их на индивидуальном и массовом уровнях общественного бытия людей (членов общества).

В этом контексте позволю точно остановиться на функциональном содержании феномена культуры не более как в приложении к праву, формированию правового сознания и возникающим в связи с этим криминогенным девиациям в праве. Впервые рассуждения о «культуре» как функционально-созидательном явлении в социальном устройстве и бытии человека, его поведении мы встречаем у римского философа Марка Туллия Цицерона. Он был первым, кто употребил это слово в значении обработки и совершенствования души. Это очень важное заключение. Конечно, в истории человечества содержание и система культуры понимались и определялись по-разному: как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом, как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в различных формах организации жизни и деятельности людей. Этим термином обозначались продукты духовной деятельности людей — произведения искусства, литературы, философские сочинения, нравы, верования и т. д. Поэтому культура объективно и функционально воспринимается и как способ полагания смысла человеческого бытия в социуме, и ценностно-антропологическая основа формирования адекватного праву законодательства, что особенно важно в эпоху цифровой трансформации общественных отношений [1, с. 118–122].

Не следует также забывать, что прогрессивное становление культуры права в цивилизационном развитии человечества было не только эволюционным развитием базовых ценностей права (справедливости, человеческого равенства, рационального баланса свободы для всех и каждого), но и эволюцией культурного лицемерия правом. Название «сентиментальный тигр», данное кем-то М. Робеспьеру, есть наилучшая характеристика такого лицемерия культурологическим содержанием права. Да и причина нынешнего деструктивного и небезопасного дисбаланса культуры и права кроется в лицемерном, вольном или невольном злоупотреблении культурой и правом в обработке и совершенствовании человеческих душ (людей) в глобальной коммуникации социальных систем и их общественного и публично-организованного жизнеустройства.

И виновата в этом не культура и право в их исходном содержании и предназначении, а чрезмерная идеологизация и политизация культуры и права политической организованной олигархической властью, вопреки исходному предназначению и культуры, и права в общественном мироустройстве жизни людей. Все это в конечном итоге порождает формирование ложных культур (антикультур) — типа культура политических, экономических и «культурных» элит, ведет к расчленению и открытому противостоянию культур, ориентированных, соответственно, на материальное потребление и на духовное развитие, соответственно, к их расслоению и противоборству [2, с. 39–45]. В такой ситуации неизбежен конфликт социально-культурологических интересов с весьма серьезными криминогенными последствиями, включая преступность ненависти и насилия — агрессию, терроризм и тому подобное, что Л. Н. Гумилев применительно к праву называл «принципом отрицания права на несходство».

Современное искусство (кино, музыка, литература) и средства массовой информации (телевидение, Интернет, печатные издания) вносят немалую долю в разложение духовных начал культуры и естественно-правовых ценностей, формирующих стабильность и безопасность современного правопорядка на национальном и международном уровнях. В современных условиях протекания социокультурных процессов и глобализации коммуникационных потоков всего и вся, в том числе деструктивной трансформации правовых ценностных традиций на фоне катастрофического роста социально-экономического неравенства, постулируется культура «смирительной нищеты» и, как следствие, — враждебности, отчужденности, недоверия к праву как средству защиты справедливости и равенства. Отсюда хаотический выбор естественно-жесточких форм удовлетворения и защиты своего жизненного состояния и пространства, отрицание социальной легитимации объективного права [3, с. 5–19], порождение состояния «коррупционной эрозии» права и правоприменения [4, с. 96–102].

В настоящее время человека (обществом) дается оценка права, правоприменения, правосудия, правоприменительной деятельности по-иному, нежели ранее. В силу долгого ожидания всеобщего правового благоденствия элементы публично-правового просвещения и воспитания, правовой пропаганды перестают восприниматься на культовом почитании, поскольку реальная социальная практика не подтверждает реальное действие права в системе коммуникации людей, социальных групп, государственных и межгосударственных образований. Времена, когда право и культ его почитания были нераздельны, давно ушло, а современная действительность лишь подтверждает худшие прогнозы этого разделения. В соответствии с коммуникативной методологией понимания права, оно функционально только в коммуникации, в действии,

и только в этом проявляется и воспринимается человеком (гражданами) реальность (действительность) права — есть оно или отсутствует, носит право всеобщий характер или это право для избранных. И вот этот существенный момент в культурной (пока культурной) эволюции права мы уже упустили — произошло изменение культуры понимания права. Право объективируется только в реальном действии, в реальном его использовании в соответствии с его правовым содержанием, а не в застывших нормативах законоположений, которые не востребованы, не применяются вообще либо применяются избирательно. Здесь большое поле реформаторских решений и действий как для пишущих, так и практикующих юристов, чтобы исключить своего рода внутрикультурные противоречия в праве, особенно действие права по принципу самозащиты. При этом следует учитывать, что резервы повышения эффективности права путем введения запретов, обременений, усиления штрафных типов ответственности без должного развития компенсационных типов правового регулирования и соответствующей ответственности исчерпаны. Полагаю, что в правовых системах и в культуре есть понимание в необходимости перехода к такому состоянию культуры права, когда человек «не понимал, как это можно ударить другого человека», антропологически ориентация права и культуры потенциально на это нацелена. Перефразируя известную мысль Ф. Достоевского из рассказа «Сон смешного человека», не хочется верить в то, чтобы зло, бесправие было нормальным состоянием людей как носителей культуры.

Вопрос состоит в том, как прилагать культуру к праву, точнее, какие свойства культуры мы находим (должны постулировать) в праве. Конечно, социально позитивные, жизнеутверждающие. В любой культуре главным является ее духовная составляющая во взаимоотношениях людей, отсутствие варварской агрессии между людьми, народами, нациями, наконец, государственными образованиями. В этом состоит социальное единение культуры и права, юриспруденции, правопонимания, юридической деятельности, предназначение юриста-правоведа. Как культура, так и право — это особый дар, вырабатываемый человечеством для всеобщего блага, его гармонизации в социальном устройстве жизни людей, усмирения пороков варварства, насилия, человеческого неравенства в любом его проявлении. Она же основа позитивно ориентированного правового сознания, социально мотивирующего индивида на правомерное поведение.

Духовность имеет глубокие корни в истории цивилизованного развития человечества. По античной традиции духовность отождествлялась с умом, благородством, достоинством, свободой. Именно духовность придает нравственному облику человека, его поступкам и действиям определенную логику, системность, целесообразность, предсказуемость и в конечном счете — правовую

самодостаточность. В таком понимании единства культуры и права мы видим божественное предназначение правовой деятельности независимо от того, на каком уровне (индивидуальном, системно-корпоративном, государственном или межгосударственном) она осуществляется.

Культура представляет собой систему социально значимых для людей в их совместном сосуществовании транслируемых от поколения к поколению идей, ценностей, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою смиренно свободную и достойную человека жизнедеятельность в политико-организованных обществах и государствах. На эти культурологические ценности должна ориентироваться цивилизационная система права, правообразования, правоприменения и юридической деятельности. Это непростая задача для нынешних устроителей правовых систем и практикующих юристов-правоведов.

Культурно-практический идеал правового сознания и правовой деятельности невозможно сформулировать во всеобъемлющей форме, но основные его элементы вполне очевидны:

развитие духовных потребностей, ориентированных на обеспечение справедливости, равенства, свободы, верховенства действительного права, создание им приоритета в иерархии оценок добра и зла, что должно на нормативном уровне отражаться в правовых позициях основных законов;

исключение элементов, развивающих патологию ненависти и отторжения от права в системах деятельной и информационной правовой коммуникации человека, гражданского общества и политико-организованной власти — культура и право должны способствовать укреплению здоровья нации, препятствовать социальной дезорганизации и деградации права и их носителей на всех уровнях социального применения права.

Соотнося культуру с правом, мы должны рассматривать ее преимущественно в аспекте, который непосредственно связан с регуляцией поведения человека, социальных групп, функционированием власти и развитием общества в целом. При этом на первый план выдвигаются ценностно-нормативное содержание культуры и ее непосредственная интеграция в процесс формирования действительного права и правового сознания всех субъектов социальной деятельности.

Сегодня человечество, имея глубокие познания о природе общественных явлений, вынуждено, однако, признать тот факт, что борьба с преступностью и иными девиациями не привела к нейтрализации в сферах жизнедеятельности человеческого социума (экономической, социальной, политической, духовной) сегментов варварского насилия, агрессивности, вопиющего неравенства. Это не могло не обострить конфликт реального права как духовно-культурного

и социально-ценностного критерия развития человеческой цивилизации с объективным правом (законоположениями), формируемыми политическими элитами. Нечто подобное и деструктивно-разрушающее происходит и в культуре духовности. Будучи по своей природе рационально созидающей, исходящей из интеллектуальной природы человека, а поэтому реализующей нравственный самодостаточный норматив для развития позитивной индивидуальности человека, с одной стороны, а, с другой — социально-психическую основу формирования без конфликтного единения людей и безопасного бытия человеческого общежития, духовные чары культуры стали использоваться в качестве идеологического инструмента в противостоянии правовых систем.

Несмотря на значительные криминологические исследования, направленные на выработку оптимальных решений противодействия социальным девиациям, преступности, в культурном очеловечивании общественного бытия человека, нейтрализующем социально и мотивационно общественно опасные проявления жестокости и зла в ходе противоречивого эволюционного развития человечества, достигнуто не много. На самом деле нет никакого вакуума культурологических и правовых ценностей, их недостатка и непонимания, просто эти ценности перегружены разочарованием и нетерпением ожидания со стороны человеческого большинства. Современную ситуацию в большинстве государств можно оценить как продолжаемое своеобразное тестирование на терпимость к бесконечным обещаниям каждому личного социального благополучия и на способность выживать и самовосстанавливаться после деструктивных социальных потрясений.

1. Толочко О. Н. Развитие правовой культуры и законодательства в эпоху цифровой трансформации общественных отношений [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2022. С. 118–122. [Вернуться к статье](#)

2. Хомич В. М. Конфликт насилия в праве — порождение кризиса духовности культуры права // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино : коллектив. моногр. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти основателя урал. уголовно-правовой шк., заслуж. деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. М. И. Ковалева, Екатеринбург, 10–12 февр. 2016 г. Екатеринбург : Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2016. 156 с. [Вернуться к статье](#)

3. Агамиров К. В. Правовое отчуждение государств — участников Евразийской интеграции от гражданских обществ своих стран в контексте проблемы справедливости // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 5–19. [Вернуться к статье](#)

4. Митин А. Н. Коррупционная эрозия нравственности // Нравственные основы уголовной ответственности : коллектив. моногр. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуж. деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. М. И. Ковалева, Екатеринбург, 15–18 февр. 2017 г. Екатеринбург : Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 160 с. [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)

УДК 347.472

НЕКОТОРЫЕ ПРИЗНАКИ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ

О. А. Абрамович

Барановичский государственный университет,
старший преподаватель

***Аннотация.** Дарение обладает рядом особенностей, которые позволяют его отграничивать от других правовых категорий. В данной статье рассмотрены некоторые признаки данного договора.*

***Ключевые слова:** дарение, даритель, договор, безвозмездность, одаряемый.*

***Annotation.** Donation, being an independent civil law contract, has a number of features that allow it to be distinguished from other legal categories. This article discusses some of the signs of donation.*

***Keywords:** donation, donor, contract, gratuitousness, donee.*

Дарение в своем становлении и развитии прошло длительный путь от неформального соглашения, не обеспеченного исковой формой защиты [1, с. 68], до самостоятельного гражданско-правового договора. Данный договор обладает определенными отличительными признаками (особенностями, свойствами, качествами), позволяющими отграничивать его от других правовых категорий, получивших соответствующее правовое закрепление.

Однако сложившиеся в науке гражданского права позиции ученых относительно признаков договора дарения нуждаются в уточнении, а также в более детальном исследовании особенностей их реализации с учетом норм отечественного законодательства.

Таким образом, раскрытие основных качеств договора дарения имеет важное теоретическое и практическое значение для современной правовой доктрины, поскольку позволяет должным образом квалифицировать договорные правоотношения в качестве дарения, а также создать оптимальное правовое регулирование указанных отношений. В этой связи считаем целесообразным на основании анализа норм законодательства, а также доктринальных исследований определить концептуальные признаки данного договора, а также исследовать особенности их практической реализации.

Вопросы исследования правовой природы договора дарения освещены в работах С. Н. Соловых, Н. В. Сизовой, А. П. Анисимова, Д. И. Мейера. Так, С. Н. Соловых в качестве признаков договора дарения определяет безвозмездность, увеличение имущества одаряемого, уменьшение имущества дарителя, наличие у дарителя намерения одарить одаряемого [2, с. 17–28]. Н. В. Сизова главными признаками договора дарения, позволяющими отграничить дарение от других правовых институтов, считает «безвозмездность и наличие намерения у дарителя одарить, то есть совершить действия в отношении одаряемого по безвозмездной передаче вещи в собственность, имущественного права (требования) к себе или к третьему лицу, либо освобождению от обязанности перед собой или перед третьим лицом именно в качестве дара» [3, с. 8].

В свою очередь, А. П. Анисимов, Д. И. Мейер, наряду с безвозмездностью, увеличением имущества одаряемого, уменьшением имущества дарителя, наличием намерения одарить, выделяют в качестве признака дарения также согласие одаряемого принять дар [4, с. 84–85; 5, с. 275–277].

Труды данных деятелей науки легли в основу проведенного в настоящей статье исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Несмотря на некоторые различия во взглядах ученых относительно правовой квалификации отношений как дарения, в качестве основополагающего признака данного договора принято выделять его безвозмездность.

На законодательном уровне сущность данной правовой категории раскрывается в рамках ст. 393 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь), в соответствии с которой безвозмездным считается договор, по которому «одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления» [6].

Таким образом, критерием разграничения возмездных и безвозмездных договоров является наличие либо отсутствие платы или иного встречного предоставления за исполнение обязанностей одной из сторон договора. При этом термин «плата», по мнению М. А. Астаховой, несет в себе денежное содержание [7].

С. Н. Смирнова отмечает, что именно отсутствие встречного действия или встречного предоставления являются основой безвозмездности. Наличие определенной правовой зависимости от действий другой стороны договора является квалифицирующим признаком встречного предоставления [8]. Встречное предоставление, полагает М. А. Астахова, может быть выражено как в материализованной (товары), так и в нематериализованной (работы, услуги, имущественные права, информация) форме [7].

Исследуя признак безвозмездности применительно к договору дарения, ученые по-разному определяют сущность данного понятия. В частности, Ю. В. Туревский пишет, что безвозмездность договора дарения определяется отсутствием у дарителя встречного имущественного интереса [9, с. 24]. Б. Б. Черепяхин отмечал, что договор дарения является безвозмездным, поскольку у дарителя отсутствует намерение обязать одаряемого к представлению соответствующего эквивалента [10, с. 20]. Рассуждая о правовой природе безвозмездности договора дарения, Г. Ф. Шершеневич полагал, что с юридической точки зрения под безвозмездностью следует понимать только то, что передаваемой ценности не соответствует эквивалент [11, с. 128].

Доводы Б. Б. Черепяхина, Г. Ф. Шершеневича нельзя признать бесспорными по причине неоднозначности самого понятия «эквивалентность».

На законодательном уровне определение термина «эквивалентность» отсутствует. В свою очередь, наука исходит из того, что гражданско-правовая эквивалентность представляет собой соразмерное в количественном и качественном сравнении распределение субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей, обеспечивающее имущественную самостоятельность ее участников [12, с. 63].

Полагаем, что категория «эквивалентности» отличается субъективным характером, отсутствием критериев и сложностью определения соразмерности, количественного и качественного обеспечения имущественной самостоятельности сторон договора. По этой причине в правовой доктрине теория эквивалентности не получила развития.

Самостоятельным признаком договора дарения также принято считать увеличение имущества одаряемого, уменьшение имущества дарителя [2, с. 17]. С данным выводом вряд ли можно согласиться, поскольку увеличение имущества одаряемого и, соответственно, уменьшение имущества дарителя охватываются признаком безвозмездности и являются следствием его реализации.

Договорные правоотношения в сфере дарения характеризуются отсутствием встречного предоставления, в результате чего происходит увеличение имущества только одаряемого, в свою очередь, объем имущества дарителя уменьшается.

Г. Ф. Шершеневич, О. С. Иоффе при рассмотрении правовой природы дарения также отмечали наличие договорного начала данной правовой конструкции [11, с. 127; 12, с. 394].

Данное суждение принято связывать с наличием в правовой доктрине договорной и недоговорной концепции дарения.

В романо-германской системе гражданского права дарение рассматривается как договор — двусторонняя сделка, для совершения которой необходимо

волеизъявление обеих сторон договора: дарителя и одаряемого (договорная концепция). В свою очередь, в системе общего права дарение не признается договором, а представляет собой две односторонние сделки в силу отсутствия встречного удовлетворения. В. С. Белых, исследуя договорное право Англии, отмечает: «Встречное удовлетворение — это необходимый элемент неформальных (простых) договоров. Неформальное обязательство, принятое без встречного удовлетворения, не обладает в английском праве особой защитой, даже если кредитор участвовал на его основании в ущерб себе» [13, с. 86].

Характеризуя договорную концепцию дарения, А. Н. Исаев пишет: «Принятие дара (волеизъявление одаряемого, свидетельствующее о согласии и желании его получить) вытекает из самой сути дарения. Если же дарение не может быть осуществлено без взаимного согласия сторон, это и есть договор, так как согласие двух или более лиц о приобретении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей признается договором. Иными словами, дарение признается договором с учетом такого универсального признака, как взаимное согласие обеих сторон относительно предмета и иных условий сделки» [14, с. 90].

Полагаем, что выделение договорного начала как признака дарения имеет важное практическое значение для современной правовой науки, поскольку позволяет отграничивать дарение от таких правовых категорий, как завещание.

Дарение является договором, т. е. действием, в котором воля действующего лица прямо направлена на юридический результат, на установление, прекращение или изменение юридического отношения. Дарение предполагает действие дарителя, имеющее непосредственной целью уменьшение собственного и увеличение чужого имущества, и на это действие лицо, получающее дар, должно дать свое согласие.

В свою очередь, завещание представляет собой одностороннюю сделку, то есть сделку, для совершения которой в соответствии с законом необходимо и достаточно воли одного лица, по распоряжению принадлежащими ему имущественными, а в некоторых случаях и неимущественными правами и обязанностями на случай своей смерти. Для совершения завещания не требуется встречного волеизъявления наследника. Кроме того, в силу прямого указания закона (п. 3 ст. 543 ГК Республики Беларусь) договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя, ничтожен.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что дарение занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых договоров и обладает определенными квалифицирующими признаками, одними из которых являются:

1) договорная основа правоотношений между дарителем и одаряемым, основанная на взаимном согласии обеих сторон относительно предмета и иных условий сделки;

2) безвозмездность отношений, возникающих между дарителем и одаряемым, под которой следует понимать отсутствие платы или иного встречного предоставления за исполнение обязанностей одной из сторон договора.

1. Косоруков А. А. К вопросу об истории развития договора дарения // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2012. № 4. С. 68–73. [Вернуться к статье](#)

2. Соловых С. Н. Дарение в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 2003. 208 л. [Вернуться к статье](#)

3. Сизова Н. В. Договор дарения в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.-Петербург. ун-т МВД Рос. Федерации. СПб., 2004. 25 с. [Вернуться к статье](#)

4. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Гражданское право России. Особенная часть : учебник / под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 703 с. [Вернуться к статье](#)

5. Мейер Д. И. Русское гражданское право. 3-е изд., испр. М. : Консультант Плюс : Статут, 2003. 829 с. [Вернуться к статье](#)

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 240-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Астахова М. А. Возмездность и безвозмездность в гражданском праве [Электронный ресурс] // Научная сеть «Современное право». URL: <https://goahead.host/url/4z8Qb> (дата обращения: 04.03.2023). [Вернуться к статье](#)

8. Смирнова С. Н. Понимание категории «безвозмездность» в цивилистике и параллели с уголовным правом [Электронный ресурс] // Юридический портал Center Bereg. URL: <http://center-bereg.ru/b754.html> (дата обращения: 09.03.2023). [Вернуться к статье](#)

9. Туревский Ю. В. Гражданское право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб.-метод. пособие. Минск : Междунар. гуманитар.-эконом. ин-т, 2004. 192 с. [Вернуться к статье](#)

10. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. 476 с. [Вернуться к статье](#)

11. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : [в 2 т.] / Г. Ф. Шершеневич. 11-е изд., первое посмерт., просмотр. и доп. М. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1915. Т. 2. 544 с. [Вернуться к статье](#)

12. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975. 880 с. [Вернуться к статье](#)

13. Белых В. С. Договорное право Англии : сравнительно-правовое исследование : моногр. М. : Проспект, 2018. 208 с. [Вернуться к статье](#)

14. Исаев А. Н. Институт дарения: договорная и недоговорная концепции // Проблемы законности : сб. науч. тр. / Юрид. акад. Украины им. Я. Мудрого. Харьков, 2013. Вып. 121. С. 87–92. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.1

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СУЩНОСТИ
И ФОРМАХ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА
В ОТНОШЕНИИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА И УСЛОВИЙ СДЕЛКИ****Д. А. Авдеев**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. На основе исследования норм гражданского законодательства Республики Беларусь и практики их применения автор концентрирует внимание на вопросе понятия, сущности и формах заблуждения юридического лица в отношении субъектного состава и условий сделки в Республике Беларусь.

Ключевые слова: гражданское право, нормы права, сделки, заблуждение, юридические лица, недействительность сделки.

Annotation. Based on the study of the norms of the civil legislation of the Republic of Belarus and the practice of their application, the author focuses on the issue of the concept, essence and forms of delusion of a legal entity in relation to the subject composition and terms of the transaction in the Republic of Belarus.

Keywords: civil law, norms of law, transactions, delusion, legal entities, invalidity of the transaction.

Гражданское законодательство Республики Беларусь предусматривает ряд условий, при наличии которых сделка, заключенная юридическим лицом, подлежит признанию недействительной. Предполагается, что заблуждением следует расценивать ситуацию, когда воля одного из участников сделки не соответствует волеизъявлению, и суть последствий заблуждения заключается в том, что вследствие такой сделки наступают результаты, которые не ожидались при ее заключении. Заблуждение при заключении сделки может быть допущено по неосторожности ее участников, оно не может быть следствием преднамеренных действий участников сделки и является результатом деятельности третьих лиц.

Что касается классификации отдельных видов заблуждения, то следует выделить следующее ее видение:

- юридическое заблуждение представляет собой как ошибочное понимание нормативных правовых актов, прав и обязанностей, что предполагает неверное их истолкование заблуждающимся участником в процессе заключения сделки;
- фактическое заблуждение предполагает ошибочное толкование обстоятельств, значимых для оспариваемой сделки [1].

Также следует отметить, что юридическому лицу как участнику договорных отношений также предоставляется право оспаривать совершенные сделки, если таковые заключены под влиянием заблуждения. Здесь важно помнить, что, поскольку юридическое лицо является неодушевленным, то все сделки с его участием совершаются уполномоченными представителями, к которым следует относить органы управления, участников юридического лица, его уполномоченных представителей. Данное обстоятельство предопределяет особенности природы заблуждения юридического лица как участника сделок, которые будут рассмотрены ниже.

Таким образом, заблуждение юридического лица как основание признания сделки юридического лица недействительной обладает рядом особенностей, которые обусловлены спецификой деятельности органов юридического лица, и представляет собой отклонение от правил и целей заключения такой сделки. Поскольку управление юридическим лицом осуществляется несколькими субъектами, необходимо разграничивать в процессе формирования воли юридического лица в зависимости от органа юридического лица, в связи с чем принято различать:

- заблуждение директора (правления);
- заблуждение наблюдательного совета (совета директоров);
- заблуждение собрания участников.

1. Вначале следует рассмотреть правила формирования воли юридических лиц при совершении сделок, в структуру которых входит воля конкретного физического лица, которое либо представляет орган управления юридического лица, либо входит в состав такого органа, компетентного осуществлять управление. Согласно положениям статьи 49 Гражданского кодекса Республики Беларусь, органы юридического лица реализуют права и обязанности организации и процедура их назначения определяется либо законодательными актами, либо уставными документами [2]. При этом законодатель определяет, что ответственным за приобретение прав и обязанностей организации становится собственник имущества, в качестве которого выступают учредители или участники. Вместе с тем именно руководитель, который выполняет функции исполнительного органа юридического лица, является представителем интересов организации в процессе управления такой организацией, в том числе и в вопросах заключения сделок. Исполнительный орган (руководитель или правление) решает вопросы, которые не относятся к полномочиям иных органов юридического лица, объем его компетенции и ее направленность определяются границами текущего руководства юридическим лицом. Отмечается, что по причине того, что орган управления юридического лица представлен одним или несколькими лицами (как юридическими, так и физическими), выражение воли данного лица

(лиц) при заключении сделки и является способом непосредственного формирования воли юридического лица в целом. Что касается порочности сделки, которая заключена представителем, которым в отдельных случаях может выступать руководитель юридического лица, то такая порочность состоит в отсутствии согласования заключения конкретной сделки, и здесь ключевым является расхождение между волей представляемого и волей представителя. Тем временем нельзя с полной уверенностью утверждать о различии между волей хозяйствующего субъекта и волеизъявлением лица, относящегося к органам управления, по той причине, что воля последнего в силу законодательных норм, устава или локальных документов рассматривается как воля самого юридического лица. В данном случае подразумевается, что субъект наделенного функциями управления юридического лица одним действием и формирует, и выражает волеизъявление последнего. Данная особенность деятельности органов юридического лица не подлежит распространению на его сотрудников, так как служебная деятельность последних выполняется по уполномочию органа управления либо в силу трудовых отношений, либо в силу представительства по договоренности (доверенности), в связи с чем они выступают представителями, выражающими волю конкретного органа управления. Орган юридического лица в большинстве случаев не нуждается в получении полномочий для совершения сделок от имени юридического лица, исключение составляют сделки, требующие согласования. Поэтому по умолчанию не может подниматься вопрос о том, действовал ли орган управления в пределах своей компетенции или превысил ее.

Таким образом, заблуждение директора (правления) юридического лица может иметь любую форму, поскольку указанный исполнительный орган юридического лица непосредственно отвечает за договорную работу организации и в случае, если речь идет о единоличном принятии решения о заключении сделки, заблуждение может иметь любую форму, предусмотренную нормами гражданского законодательства.

2. Наблюдательный совет (совет директоров) в статье 50 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» наделяется законодателем вполне конкретными полномочиями в вопросах заключения сделок:

- принятие решения о приобретении юридическим лицом ценных последнего, за исключением акций;
- согласование совершения крупных сделок, а также сделок, в совершении которых имеет место наличие интереса аффилированных лиц, если данная процедура уставными документами отнесена к компетенции рассматриваемого органа управления юридическим лицом [3].

В данном случае следует акцентировать внимание, что принятие решения о совершении вышеуказанных сделок является регламентированной уставными документами процедурой. В ситуации, если перед указанным органом управления юридическим лицом обозначена необходимость принятия решения о заключении конкретной сделки, осуществляется голосование членов совета директоров по указанному вопросу с соблюдением процедуры, регламентированной локальными документами юридического лица. По завершении процедуры голосования будет сформулирована воля хозяйствующего субъекта применительно к совершению соответствующей сделки, которая впоследствии будет заключена исполнительным органом юридического лица (непосредственным руководителем) [4]. Особенностью формирования воли юридического лица в данном случае будет выступать то обстоятельство, что такая воля формируется значительным количеством физических лиц, которые способны повлиять на принятие решения хозяйствующего субъекта. В данном случае заблуждение может затрагивать вопросы компетенции и условий сделки, и здесь важно вспомнить, что законодателем обозначен закрытый перечень сделок, которые могут быть согласованы наблюдательным советом (советом директоров). Вместе с тем указанный орган юридического лица, принимая решение о согласовании заключения той или иной сделки, может заблуждаться относительно восприятия условий сделки.

Итак, поскольку наблюдательный совет является коллегиальным органом, призванным выполнять функции, обозначенные законодателем, определен перечень сделок, которые должны быть согласованы указанным органом юридического лица, то заблуждение данного органа может иметь форму превышения полномочий наблюдательного совета (совета директоров) и заблуждения относительно природы сделки, которую он призван согласовывать.

3. Исходя из положений статей 34–35 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах», отметим, что прямых правомочий по решению вопросов о заключении сделок собранию участников хозяйствующего субъекта законодателем не предоставлено. Указанный орган юридического лица наделен компетенцией следующей направленности: каждый год проводить годовое общее собрание учредителей (участников) юридического лица, в рамках которого должны разрешаться следующие вопросы: утверждение годовой отчетности, в том числе и бухгалтерской (финансовой) отчетности (включая содержание книги учета доходов и расходов), а также разрешение вопросов о распределении прибыли и убытков юридического лица. Разрешение вышеуказанных вопросов осуществляется на основании заключения по результатам ревизионных или аудиторских проверок. В данном случае будет правильным предположить, что природа заблуждения

собрания участников состоит в том, что принятие решения основывается на данных, представленных на рассмотрение, и именно неточности или ошибки в таких документах и могут выступать предпосылками заблуждения. Предполагается, что в данном случае заблуждение может касаться полномочий данного органа юридического лица, то есть когда собрание участников примет решение о совершении конкретной сделки. Решение в данном случае приобретает форму правила поведения, которое выражает волю юридического лица в том случае, когда орган, принимающий такое решение, действует в пределах собственной компетенции, иначе говоря, наделен соответствующими полномочиями по формированию воли управляемого субъекта и принятию соответствующего решения. Орган, которому такие полномочия не предоставлены либо не соответствуют закрепленной за ним компетенции, не может реализовать волевой акт, влекущий правовые последствия. Законодательная регламентация отношений по управлению юридическим лицом предопределяет, что решения, принятые с нарушением правоспособности органа управления, не могут быть расценены как воля юридического лица, поскольку за пределами своей компетенции субъект управления юридическим лицом не может принимать какие-либо решения априори.

Итак, как итог можно выделить, что формирование заблуждения каждого из вышеперечисленных субъектов управления юридического лица каждого вида хоть и является самостоятельным, но в то же время может быть вызвано заблуждением другого субъекта, поскольку особенность управленческой основы юридического лица состоит в том, что в принятии решения могут принимать все органы управления.

Несмотря на значительные изменения гражданского законодательства, касающегося института недействительности сделок, до настоящего времени сохраняется множество проблем квалификации заблуждения с учетом специфики реализации дееспособности юридических лиц через его органы управления, а также с учетом опыта организации осуществления того или иного вида деятельности, с которым связана оспариваемая сделка. Данные вопросы по-прежнему нуждаются в дальнейшей разработке и усовершенствовании для единого понимания правовых норм, их однозначности и определенности как для судебных органов, так и для участников гражданско-правовых отношений.

1. Ломако А. Ю. Порок воли как основание недействительности сделок // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. 2013. № 4. С. 37–43. [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом

Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII : с изм. доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Панов А. А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестн. гражд. права. 2011. № 1. С. 52–81. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.542

ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. А. Амельченя

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права Института правовых исследований,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые теоретические аспекты преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности, выявлены действующие в Республике Беларусь преференциальные режимы и приведена их краткая характеристика, а также сделаны выводы относительно повышения их эффективности.

Ключевые слова: преференциальный режим, предпринимательская деятельность, дополнительные условия.

Annotation. The article discusses some theoretical issues of the preferential business treatment, identifies the preferential business treatment existing in the Republic of Belarus and provides a brief description of them, as well as a measures fostering their effectiveness.

Keywords: preferential business treatment, entrepreneurship, additional conditions.

Правовой режим осуществления предпринимательской деятельности предусматривает наличие общих норм, регулирующих данную деятельность, с возможностью одновременного установления особенностей или особых (льготных, преференциальных) условий дополнительно к общим условиям осуществления предпринимательской деятельности или вместо них (при наличии экстраординарных оснований). Такие особенности или особые условия формируют правовые режимы, в рамках которых создаются дополнительные (льготные, преференциальные) условия для осуществления предпринимательской деятельности, также дополнительные права в сравнении с общими правилами правового регулирования отношений, опосредующих предпринимательскую деятельность, дополнительные гарантии, устанавливаются дополнительные обязанности в связи с реализацией таких прав. Существует многообразие подходов к классификации подобных правовых режимов.

Как правило, при создании преференциального режима в основу принимается признак территориальности, однако существуют и подходы предоставления льгот и преференций субъектам, находящимся за пределами территории

действия преференциального режима (модель подзоны). Равно могут учитываться сферы экономики, субъектный состав и иные признаки для создания преференциального режима.

Дополнительные условия в рамках преференциального режима связываются, как правило, с теми льготами и преференциями, которые предоставляются субъектам хозяйствования, применяющим его.

Создание государством особых условий осуществления предпринимательской деятельности иногда оценивается как не в полной мере обеспечения принципа равенства участников гражданских отношений, презюмирующего, что субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Более того, даже высказываются мнения о том, что создание особых экономических зон «предполагает фактическое отрицание принципа недискриминации» [1, с. 22].

Однако здесь надо отметить, что коль скоро особые условия и преференции устанавливаются государством в правовой форме при реализации им социально-экономической политики и, как правило, круг субъектов, которые могут претендовать на применение особых условий осуществления предпринимательской деятельности, определен в самих нормативных правовых актах и любое заинтересованное лицо, отвечающее установленным требованиям, может претендовать на их применение в отношении своей деятельности, то, как представляется, ограничение принципа равенства исключается. Напротив, при установлении особых условий наблюдается одновременное следование принципу социальной направленности регулирования экономической деятельности, поскольку такие преференциальные режимы могут обеспечивать экономическое развитие регионов, что влечет создание новых рабочих мест, улучшение транспортной, инженерной инфраструктуры региона, повышение качества жизни, строительных объектов жилищного фонда и сопутствующих им объектов социальной инфраструктуры.

Помимо этого, наличие особых условий осуществления предпринимательской деятельности тесным образом связано с инвестиционной сферой. А это уже элемент странового бренда, и справедливым видится следующее мнение: «Построение бренда страны и создание ее положительного имиджа — это сильнейший инструмент повышения привлекательности товаров и услуг страны-производителя, так как бренд способствует получению высокой прибыли и обеспечивает долгосрочное развитие страны. Национальный бренд

определяется как уникальная, многомерная смесь элементов, обеспечивающих страну культурной обоснованностью дифференциации и релевантности для всех целевых аудиторий» [2].

Для Республики Беларусь характерно создание преференциальных режимов как по территориальному признаку, так и по сферам, субъектному составу.

Территориальный признак прослеживается для свободных экономических зон, особых экономических зон, Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»; смешанный территориально-субъектный критерий положен в основу для правового режима, действующего на территории средних, малых городских поселений, сельской местности. Сферы экономики, направления деятельности в качестве критерия для создания преференциального режима можно наблюдать для Парка высоких технологий, специального туристско-рекреационного парка «Августовский канал», для субъектов инновационной инфраструктуры, а также тех субъектов, которые обеспечивают поддержку субъектов хозяйствования. Субъектный критерий лежит в основе особых условий для осуществления деятельности субъектами инновационной инфраструктуры.

Так, для резидентов свободных экономических зон (далее — СЭЗ), их в Республике Беларусь функционирует 6 — СЭЗ «Брест», СЭЗ «Витебск», СЭЗ «Гомель-Ратон», СЭЗ «Гродноинвест», СЭЗ «Минск», СЭЗ «Могилев», действует специальный правовой режим для осуществления резидентами СЭЗ инвестиционной и предпринимательской деятельности. Условием получения статуса резидента СЭЗ является наличие резидентства Республики Беларусь и регистрация администрацией СЭЗ субъекта хозяйствования в качестве резидента СЭЗ, а также территориальность, то есть нахождение резидента СЭЗ на территории СЭЗ. Льготы и преференции включают налоговые, таможенные, земельные и иные.

Срок функционирования СЭЗ устанавливается администрациями СЭЗ. К примеру, СЭЗ «Минск» функционирует до 1 января 2050 г., СЭЗ «Витебск» — до 4 августа 2049 г.

Особых экономических зон (далее — ОЭЗ) в Республике Беларусь две:

1. ОЭЗ «Бремино-Орша» — это специальный правовой режим сроком действия 50 лет с определенными границами; условием получения статуса резидента ОЭЗ с заключением договора об условиях хозяйственной деятельности в ОЭЗ при реализации инвестиционного проекта с определенными условиями, территориальность; льготы и преференции включают: налоговые, таможенные, земельные, в сфере строительства, в сфере трудовых отношений, организационные. Важной гарантией является стабильность законодательства до 1 января 2028 г. (но срок может продлеваться).

2. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» — это специальный правовой режим сроком 50 лет; применяется для нескольких категорий субъектов — резидентов, субъектов инновационной деятельности, инвесторов; льготы и преференции, гарантии: налоговые, земельные, трудовые, в сфере строительства, таможенные, валютные и иные; действует принцип неизменности налогового законодательства. Для данной ОЭЗ предусмотрен максимальный перечень льгот, преференций и гарантий в сравнении с иными территориальными преференциальными режимами.

На территории средних, малых городских поселений, сельской местности действует преференциальный режим, установленный Декретом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности», различающий категории субъектов, которые могут применять льготы и преференции в определенном объеме и в определенный временной период.

Парк высоких технологий (далее — ПВТ) хотя и размещен на определенной территории, тем не менее не является свободной (специальной, особой) экономической зоной; по определению — это специальный правовой режим, применяемый по принципу экстерриториальности, со сроком действия до 1 января 2049 г. Условием применения соответствующего преференциального режима является заключение договора об условиях деятельности резидента ПВТ между резидентом ПВТ и администрацией ПВТ и при этом такая деятельность осуществляется по определенным направлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий и иных новых и высоких технологий. Льготы и преференции: налоговые, земельные, таможенные, валютные, антимонопольные, в сфере трудовых отношений и иные.

Также особенностью для ПВТ является возможность участия резидентов ПВТ в правовом эксперименте на основании Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», в частности, использовать смарт-контракты, заключать соглашение о возмещении имущественных потерь, договор конвертируемого займа, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора и опционный договор и иные. Последние три соглашения могут также использоваться резидентами Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень».

Специальный туристско-рекреационный парк «Августовский канал» создан сроком на 20 лет. Правовой статус резидента не ограничивается резидентством Республики Беларусь; территориальный признак отсутствует, однако необходима реализация инвестиционного проекта по определенным видам деятельности и с соблюдением цели создания указанного парка и объема

инвестиций. Резидентам предоставляются налоговые, земельные, таможенные и иные льготы и преференции.

При стимулировании инновационной деятельности и развитии инновационной инфраструктуры предусмотрены преференции для юридических лиц при осуществлении деятельности по производству высокотехнологичных товаров (работ, услуг) собственного производства и их реализации, а также для юридических лиц, осуществляющих производство товаров (работ, услуг) с использованием результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, зарегистрированных в установленном законодательством порядке. Кроме того, создана инновационная инфраструктура за счет научно-технологических парков, центров трансфера технологий, венчурных организаций, предусмотрена поддержка, предоставление льгот и преференций самим паркам, центрам трансфера технологий и резидентам таких парков.

Также для целей поддержки предпринимательства и субъектов малого и среднего предпринимательства создана система организаций — центров поддержки предпринимательства, инкубаторов малого предпринимательства, создающих организационные условия для осуществления предпринимательской деятельности в пределах, установленных законодательством, финансовой поддержки малого предпринимательства, что реализуется в том числе Белорусским фондом финансовой поддержки предпринимателей.

Таким образом, в Республике Беларусь воспринята практика создания преференциальных режимов по территориальному признаку, по сферам, субъектному составу. Функционирование таких преференциальных режимов осуществляется в правовой форме, как правило, в определенный временной период. Как представляется, установление срока функционирования такого режима, а также гарантии неизменности законодательства в такой срок предпочтительны, поскольку позволяют субъектам хозяйствования оценивать свои риски, экономическую эффективность, создают правовую определенность.

Поскольку преференциальные режимы ориентированы на решение определенных социально-экономических задач, то предпочтительна оценка эффективности, результативности функционирования каждого из таких режимов независимо от срока его создания, которая может проводиться как периодически, так и по истечении срока его создания.

1. Коваль А. Г., Трофименко О. Ю. Особые экономические зоны как фактор развития BRICS // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 20–38. [Вернуться к статье](#)

2. Шакина Ж. М., Тлеубердинова А. Т., Усенова Д. М. Оценка наиболее востребованных страновых брендов на мировом туристском рынке [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77/78(476)

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ИНСТИТУТОМ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Д. В. Беспалая

Белорусский государственный университет,
магистрант факультета международных отношений

Аннотация. В настоящей статье рассматривается трансформация одного из значимых институтов права — авторского права и смежных прав. Автором были рассмотрены основные вызовы и угрозы, которые несет в себе развитие современных технологий для осуществления и защиты прав авторов и исполнителей. Также путем анализа существующих международных норм, закрепляющих распространение защиты исключительных прав правообладателей в цифровом обществе, а именно в сети Интернет, была дана оценка существующим нормам белорусского законодательства, регулирующего авторское право и смежные права в цифровой сети.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, цифровое общество, сеть Интернет, защита правообладателей.

Annotation. This article examines the transformation of one of the significant institutions of law — copyright and related rights. The author considered the main challenges and threats posed by the development of modern technologies to the exercise and protection of the rights of authors and performers. Also, by analyzing the existing international norms that consolidate the spread of the protection of exclusive rights of copyright holders in the digital society, namely on the Internet, the existing norms of the Belarusian legislation regulating copyright and related rights in the digital network were assessed.

Keywords: copyright, related rights, digital society, Internet, protection of copyright holders.

В современном мире цифровые технологии играют важную роль не только в жизни простого человека, но и в развитии всего мирового сообщества. Зачастую, используя цифровую Сеть, мы забываем, что практически вся размещенная там информация защищается авторским правом, нарушение которого имеет правовые последствия. Спецификой сети Интернет является в первую очередь простота и масштабность распространения информации, отсутствие границ, доступность большого количества информации различного рода (текст, аудио, видео), анонимность, которая влечет за собой сложность в определении лица, нарушающего авторские права, а также необходимость использования технических средств для защиты нарушенного права.

Современные технологии, безусловно, изменили многие процессы жизнедеятельности, например способ ведения бизнеса, коммуникации между людьми, поиска и обмена информации [1].

Развитие технологий направлено на упрощение нашей жизни. На сегодняшний день существует множество программ, позволяющих улучшить и облегчить многие привычные нам процессы. Однако вместе с тем новые технологии вызвали немалое количество проблем [2].

В настоящее время институт авторского права находится на переломном моменте своего развития, так как традиционные механизмы регулирования, которые появились несколько веков назад и успешно служили человечеству до появления и развития сети Интернет, оказались малоэффективными перед новыми вызовами цифровой среды. Всемирная сеть имеет свои специфические черты функционирования, которые должны отражаться и в подходах к регулированию взаимоотношений в ней [3].

Например, сегодня возможность копирования и распространения цифровых произведений есть на каждом компьютере, имеющем доступ в Интернет. Причем качество данных копий идентично качеству оригинала. Кроме того, в сети Интернет существуют серверы, которые позволяют подключать домашние компьютеры к пиринговым сетям (сети для удаленного обмена файлами), которые предоставляют доступ к поиску и обмену безграничным контентом с другими пользователями Интернета без необходимости использовать центральные веб-службы [2].

Можно выделить четыре ключевых элемента, характерных для цифровых технологий, которые значительным образом повлияли на защиту авторских прав: простота воспроизведения, простота распространения или совместного использования мультимедийного контента, увеличение возможностей хранения цифровых устройств и недорогой процесс дублирования защищенных авторским правом произведений [4].

Вышеперечисленные вызовы, характерные для цифровой среды, чрезвычайно затрудняют возможность, с одной стороны, правообладателям контролировать за распространение и защищать свой контент, а с другой стороны, для добросовестных пользователей найти автора произведения и получить от него необходимое согласие. Кроме того, многие технологические новшества ставят вопрос об размывании защиты авторского права как правового института [2].

Сочетание данных факторов привело к необходимости трансформации существующего законодательства об авторском праве. Международными документами, которые послужили основой для пересмотра норм законодательства, являются два договора, принятых под эгидой Всемирной организации

интеллектуальной собственности (далее — ВОИС), — Договор ВОИС по авторскому праву и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам [5; 6].

В преамбуле Договора ВОИС по авторскому праву говорится, что государства-участники признают необходимость введения новых международных правил для обеспечения решений проблем, возникающих в результате технологического развития, признают значительное влияние цифровых технологий на создание и использование литературных и художественных произведений, а также признают необходимость поддержания баланса между правами авторов и общими общественными интересами [6].

Анализ положений самого Договора позволил выделить следующие основные моменты. Во-первых, право на воспроизведение и возможные его ограничения по смыслу Бернской конвенции полностью применяется в цифровой среде. Во-вторых, авторам произведений принадлежит исключительное право разрешать сообщение своих произведений для всеобщего сведения (*right of communication to the public*), при этом используя любые возможные средства, которые предусматривают предоставление доступа публике в любое время и в любом месте (по проводам или средствам беспроводной связи) [7].

Аналогичные положения в отношении права на сообщения для всеобщего сведения исполнителей и производителей фонограмм в цифровой среде содержит Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам. Таким образом, закрепив на уровне международного соглашения право автора (или иного правообладателя) разрешать или не разрешать сообщение своего произведения (исполнения, фонограммы) для всеобщего сведения, он стал основой для решения проблемы соблюдения и защиты авторских и смежных прав в Интернете [7].

Республика Беларусь является участником двух упомянутых международных договоров, поэтому ее законодательство должно быть приведено в соответствие с нормами международных договоров и содержать положения, регулирующие защиту прав в цифровой сети.

Основными законодательными актами в этой области являются Гражданский кодекс Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее — Закон) [8; 9].

В соответствии со статьей 4 Закона, сообщением объекта для всеобщего сведения является передача с помощью беспроводной связи или по проводам, кабелю звуков или изображений объекта либо их отображений для приема публикой, а также доведение объекта таким образом, что представители публики могут осуществлять доступ к объекту из любого места и в любое время по их собственному выбору. Из содержания данной статьи видно, что данное право

может осуществляться любым технически доступным способом, включая сеть Интернет.

Кроме этого, ранее статья 9 Указа № 60 Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» содержала положение, согласно которому «размещение пользователями интернет-услуг в сети Интернет литературных, научных, музыкальных, фотографических, аудиовизуальных произведений, произведений изобразительного искусства, иных объектов авторского права и смежных прав, пользующихся правовой охраной на территории Республики Беларусь, осуществляется с согласия их правообладателей» [10]. Исходя из этого, для размещения контента, защищенного авторским правом или смежными правами, необходимо было получить разрешение автора или исполнителя. В настоящей редакции данный пункт был исключен, что является минусом и значительным упущением законодателя и имеет негативное влияние на защиту авторских и смежных прав в сети Интернет.

Вместе с тем в Республике Беларусь отсутствует эффективный механизм, позволяющий правообладателям защитить свое произведение (исполнение, фонограмму) путем ограничения доступа к интернет-ресурсу, использующими его. В обзоре международного опыта и законодательства государств — членов Евразийского экономического союза по борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности Евразийская экономическая комиссия отмечает, что специальной нормой, содержащей меры по ограничению доступа к интернет-ресурсам [11], является ст. 51¹ Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее — Закон о СМИ) [12]. Положения данной статьи содержат конкретный перечень лиц, на основании решений которых может быть ограничен доступ к интернет-ресурсу. Однако правообладатель не входит в их число. Основаниями для ограничения доступа к интернет-ресурсу, по смыслу ст. 51¹ Закона о СМИ, являются распространение посредством интернет-ресурса, сетевого издания информации, распространение которой запрещено в соответствии со статьей 38 Закона о СМИ и иными законодательными актами или вступившими в законную силу решениями суда. Распространение информации, запрещенной законодательством, не тождественно нарушению авторских прав, что является проблемой существующего законодательства.

Таким образом, анализ международных норм и законодательства Республики Беларусь, регулирующего осуществление авторских и смежных прав в цифровой среде, показывает, что существующие нормы белорусского законодательства не отвечают современным вызовам технологий в цифровой среде. На сегодняшний день в законодательстве Республики Беларуси не закреплен

механизм ограничения доступа к информации, защищенной авторским правом и смежными правами, в сети Интернет, а также отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность информационного посредника за нарушение авторских и смежных прав. Существующие нормы не позволяют справляться с наиболее значимыми угрозами для правообладателей, эффективно устранять их и требуют пересмотра.

1. Трансформация авторского права под влиянием развития цифровых технологий [Электронный ресурс] // Habr. URL: <https://habr.com/ru/company/digitalrightscenter/blog/699772/> (дата обращения: 13.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Gachago Roger. The Effect of Technology on Copyright [Electronic resource] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/333675350_The_Effect_of_Technology_on_Copyright#pf11 (date of access: 13.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Бойков В. А. Авторское право в эпоху развития цифровых технологий // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. 2021. № 10-2. С. 150–152. [Вернуться к статье](#)
4. Adetunji O. Albert, Nosakhare Okuonghae. Challenges of copyright protection in the digital age: the Nigerian perspective [Electronic resource] // Library Philosophy and Practice (e-journal). 7159. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=13905&context=libphilprac#:~:text=Public%20domain%3A%20In%20line%20with,the%20public%20domain%20for%20use> (date of access: 17.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву [Электронный ресурс] : принят Дипломат. конф. 20 дек. 1996 г. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295439> (дата обращения: 17.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам 1996 г. [Электронный ресурс] : принят Дипломат. конф. 20 дек. 1996 г. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295480> (дата обращения: 17.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Лосев С. С. Влияние цифровизации на развитие института авторского права и смежных прав [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-instituta-avtorskogo-prava-i-smezhnykh-prav/> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2019 г. № 216-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

10. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 : с изм. и доп. от 23.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

11. Анализ международного опыта, законодательства и правоприменительной практики государств — членов Евразийского экономического союза по борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в сети «Интернет» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/АнализИнтернет.pdf> (дата обращения: 13.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г. № 427-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.10.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/7

**К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ЗАРАЖЕНИЯ ВЕНЕРИЧЕСКИМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ
(СТ. 158 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)****Е. С. Бородулькина**

Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с анализом криминализации деяний, ответственность за которые установлена ст. 158 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Заражение венерическим заболеванием». С учетом изменений подходов к конституционному праву на охрану здоровья граждан, достижений современной медицины обосновывается целесообразность исключения ст. 158 из Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: декриминализация, заражение венерическим заболеванием, совершенствование уголовного закона.

Annotation. The article deals with topical issues related to the analysis of the criminalization of acts, the liability for which is established by article 158 of the Criminal Code of the Republic of Belarus «Infection with a venereal disease». Taking into account changes in approaches to the constitutional right to protect the health of citizens, the achievements of modern medicine, the expediency of excluding Article 158 from the criminal law is substantiated.

Keywords: decriminalization, infection with a venereal disease, improvement of the criminal law.

Решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 23 декабря 2022 г. № 25 утвержден комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 гг. Одним из мероприятий по профилактике правонарушений подп. 2.5 п. 2 указанного плана предусматривается изучение вопроса о целесообразности корректировки законодательства о привлечении к ответственности за заражение или заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ, венерическими заболеваниями и инфекциями, передаваемыми половым путем. Принимая во внимание, что данный вопрос за последние годы неоднократно затрагивался при разработке проектов законов, направленных на внесение изменений в Уголовный кодекс (далее — УК) Республики Беларусь, считаем актуальным проведение анализа обоснованности и целесообразности криминализации деяний, ответственность за которые установлена ст. 158 УК «Заражение венерическим заболеванием».

Впервые норма, предусматривающая ответственность за заражение «тяжелой венерической болезнью», появилась в УК РСФСР, распространившем свое действие на территории Беларуси с 1 июля 1922 г. Введение данной нормы в уголовный закон было одной из мер государственных мероприятий по преодолению повсеместного распространения эпидемических и венерических заболеваний после Первой мировой войны [1, с. 40–41]. В 1926 г. УК РСФСР был дополнен ст. 155-а «Заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью», затем обе эти статьи были объединены в ст. 150 УК РСФСР. Ответственность за названные деяния постепенно уточнялась путем введения квалифицирующих ее обстоятельств и усиления ответственности лица, ранее судимого за заражение другого лица венерической болезнью, а также в случае заражения двух и более лиц или несовершеннолетнего, а в 1971 г. стало уголовно наказуемым и уклонение от лечения венерической болезни, продолжаемое после предупреждения, сделанного органами здравоохранения [2, с. 135–136].

Претерпев в последующем ряд изменений, в сравнении с законодательством советского периода, действующая редакция ст. 158 УК Республики Беларусь включает три части. Часть 1 ст. 158 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерическим заболеванием лицом, знавшим о наличии у него этого заболевания. Ответственность за непосредственное заражение венерическим заболеванием предусмотрена ч. 2 ст. 158 УК Республики Беларусь. В качестве квалифицирующих обстоятельств ч. 3 ст. 158 УК Республики Беларусь предусматривает заражение венерическим заболеванием двух или более лиц либо заведомо несовершеннолетнего. Преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 158 УК Республики Беларусь, относятся к не представляющим большой общественной опасности, ч. 3 ст. 158 УК — к менее тяжким.

Не осуществляя подробный анализ признаков составов, закрепленных в ст. 158 УК Республики Беларусь (максимально подробное их исследование содержится, например, в томе 3 Курса уголовного права [3, с. 428–445]), считаем необходимым обратить внимание на ключевые вопросы, которые находятся в поле внимания уголовно-правовой доктрины, а также обсуждались и продолжают обсуждаться на рабочих группах в рамках решения вопроса о возможной декриминализации ст. 158 УК Республики Беларусь.

Во-первых, это неопределенность термина «венерические заболевания». В законодательстве Республики Беларусь отсутствует перечень заболеваний, относящихся к венерическим, что влечет неопределенность уголовно-правового регулирования и может привести как к «сужению», так и к «расширению»

границ криминализации. Согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра, существует класс «Инфекции, передающиеся преимущественно половым путем» [4]. До вступления в силу нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее — КоАП) действовала ст. 16.2 КоАП «Соккрытие источника заражения венерическим заболеванием либо уклонение от обследования». С учетом отсутствия четкости и ясности терминологии в новый КоАП статья перенесена не была.

Безусловно, принимать решение об обоснованности декриминализации заражения венерическим заболеванием лишь по этому критерию не представляется возможным, так как в этом случае самым разумным было бы предложить приведение ст. 158 УК Республики Беларусь в соответствие с действующим отраслевым законодательством и терминологией (например, замена термина «венерическое заболевание» на термин «инфекции, передающиеся половым путем» либо указание в ст. 158 УК Республики Беларусь на конкретные заболевания).

Вместе с тем, на наш взгляд, есть ряд иных убедительных аргументов, свидетельствующих о возможной нецелесообразности криминализации заражения венерическим заболеванием.

Прежде всего, за последние годы полностью изменился статус таких заболеваний, которые в настоящее время относятся к контролируемым и излечимым. Справедливо отмечается в научной литературе: «Такие недуги в советский и предшествующие периоды развития нашего общества действительно представляли серьезную социальную проблему, поскольку одни из них из-за отсутствия соответствующих методик лечения вели к летальному исходу, а другие оказывали неблагоприятное воздействие на демографию... Распространение рассматриваемых заболеваний имеет место и в настоящее время. Однако современный уровень медицины позволяет осуществлять лечение более эффективно, быстро и анонимно, что в значительной степени обуславливает высокую латентность случаев заражения и фактическую невозможность контроля за их распространением при отсутствии тех фатальных последствий, которые эти заболевания влекли ранее» [5, с. 26].

Важно отметить, что в текущем году постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 3 февраля 2023 г. № 25 «Об изменении постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 15 июня 2012 г. № 7» гонорея и сифилис исключены из перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения. Принимая во внимание, что только две эти нозологические единицы из всех инфекций, передающихся половым путем, содержались в данном перечне, обоснованным

видится вопрос о наличии в деяниях, предусмотренных ст. 158 УК Республики Беларусь, такого признака преступления, как общественная опасность.

Кроме того, не доказана корреляция между криминализацией и темпами распространения венерических заболеваний (последние 10 лет отсутствуют осужденные по ст. 158 УК Республики Беларусь [6]). С учетом проведенных консультаций с эпидемиологами и медицинскими работниками было установлено, что положительные тенденции в эпидемиологической ситуации обусловлены рядом причин, не связанных с наличием уголовно-правового запрета. К наиболее важным факторам здесь можно отнести, например, рост уровня доверия населения к дерматовенерологической службе; функционирование кабинетов анонимного обследования; раннюю выявляемость инфекций, передающихся половым путем; повышение качества диагностики, включая использование сверхточных тестов; организацию амбулаторного лечения пациентов с ранними формами сифилиса; обеспечение стационарного лечения пациентов за счет средств республиканского бюджета; внедрение серологического обследования групп риска и др.).

В соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в Конституцию Республики Беларусь (вступили в силу 15 марта 2022 г.), в рамках усиления взаимной социальной ответственности государства и гражданина, ст. 45 о гарантировании каждому гражданину права на охрану здоровья дополнена положением о том, что «граждане заботятся о сохранении собственного здоровья». Норма направлена на повышение ответственности граждан за состояние личного здоровья. Декриминализация ст. 158 УК Республики Беларусь полностью соответствует «духу» внесенных в Основной Закон изменений и в том числе будет направлена на обеспечение разумного баланса прав и обязанностей участников правоотношений в сфере охраны здоровья.

Таким образом, подводя черту под изложенным, отметим следующее. Контролируемость эпидемиологической ситуации, излечимость инфекций (особенно при ранней выявляемости), продолжительность лечения ставят вопрос о целесообразности и обоснованности применения уголовной ответственности не только за заведомое поставление в опасность заражения венерическим заболеванием (например, в Молдове, Украине, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане не предусмотрена уголовная ответственность за поставление в опасность заражения), но и за само заражение венерическим заболеванием (материальный состав). Кроме того, по нашему мнению, исключение ст. 158 УК Республики Беларусь будет способствовать своевременному обращению за медицинской помощью, диагностикой и лечением, формированию позитивного отношения к вопросам сексуального здоровья, а также воспрепятствованию самолечению.

1. Кежутин А. Н. Борьба отечественной медицинской общественности с венерическими болезнями в СССР в 1920-е гг. // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 40–43. [Вернуться к статье](#)
2. Казакова В. А. Преступления против здоровья ненасильственного характера // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 135–143. [Вернуться к статье](#)
3. Курс уголовного права : в 5 т. / А. В. Барков [и др.] ; под науч. ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск : Издат. центр БГУ, 2021. Т. 3. Особенная часть. 840 с. [Вернуться к статье](#)
4. Справочник Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ–10) [Электронный ресурс]. URL: http://minzdrav.gov.by/ru/static/spavochno-infirmary/spr_MKB10 (дата обращения: 05.03.2023). [Вернуться к статье](#)
5. Мороз Д. Г. Уголовно-правовая политика и бездействующие нормы Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь // Журн. Бел. гос. ун-та. Право. 2021. № 2. С. 20–29. [Вернуться к статье](#)
6. Статистические сведения за период с 2012 г. по 2022 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Будковская

Белорусский государственный экономический университет,
магистрант кафедры международного экономического права
факультета права

Аннотация. Статья посвящена описанию ряда аспектов правового регулирования использования и внедрения системы искусственного интеллекта, рассмотрены некоторые варианты определения понятия машинного интеллекта, описаны подходы к отнесению его к определенной категории, рассмотрен вопрос о необходимости наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовая регламентация искусственного интеллекта, правосубъектность, технологии.

Annotation. This article is devoted to the description of a number of aspects of legal regulation in the use and implementation of artificial intelligence, considered some options for defining the concept of machine intelligence, described approaches to attributing it to a certain category, considered the need to endow artificial intelligence with legal personality.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation of artificial intelligence, legal personality, technology.

Современный этап развития общества определяется совершенствованием и интенсивным внедрением информационных технологий во все сферы жизнедеятельности. Данная тенденция определяется возникновением таких сложных технических средств, как «искусственный интеллект» (далее — ИИ), которые способны самостоятельно осуществлять определенный набор действий. Это, в свою очередь, ставит перед юридической наукой ряд новых вызовов, к примеру, появление автономных единиц, которые в дальнейшем приобретают потенциальную способность участвовать в отдельных общественных отношениях, возникновение новых способов взаимодействия человека с предметами материального и нематериального мира. Вместе с тем для общества, находящегося в непрерывном развитии, спонтанное, не просчитанное использование ИИ, действующего вне правовых рамок, может привести к возникновению сложных с точки зрения законодательного регулирования ситуаций.

В настоящий момент в мире сложились два основных подхода в отношении правовой регламентации использования ИИ. Первый именуется юридическим, или легалистским — *Legalistic Approach*. «Он состоит в том,

чтобы исходить из существующей правовой системы и формулировать перечни проблемных вопросов, возникающих из-за использования роботов и связанных с ответственностью, конфиденциальностью, кибербезопасностью» [1, с. 27]. Второй подход — технологический — предусматривает движение от технологических изменений: появления беспилотников, роботов — личных помощников.

По мнению сторонников юридического подхода, правильным будет возложение ответственности за действия робота на запустившего его человека. На это сторонники технологического подхода возражают, что в странах, принявших за основу легалистский подход, затормозится развитие робототехники и произойдет серьезное экономическое отставание от стран, придерживающихся технологического подхода. На их взгляд, «достаточным будет страхование ответственности роботов за их действия, когда от экономического эффекта при использовании робота в специальный фонд должен отчисляться процент, из чего покрывается нанесенный роботом ущерб» [1, с. 27].

В силу того, что значительное число исследователей не пришли к какому-то конкретным выводам, можно предположить выделение третьего подхода — комбинированного, объединяющего два вышеупомянутых.

Таким образом, учитывая значительные различия в политической направленности государств, стоит утверждать, что национальные законодательства будут характеризоваться разнообразием регулятивных мер и нормативной конкуренцией в этой сфере.

При решении вопроса о правовой регламентации систем ИИ определенные трудности вызывает отсутствие единого доктринального подхода к определению понятия «искусственный интеллект». Причиной тому, на наш взгляд, является новизна данного понятия — указанный термин был введен в 1956 г.

В научной литературе обсуждаются определения понятий «искусственный интеллект», «поисковая система», «роботизированный агент», «андроид» и иных видов алгоритмизированных и роботизированных операционных или поисковых систем. К примеру, одно из определений ИИ следующее: «это наука и технология, включающая набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний давать ответы на вопросы и делать на базе этого экспертные выводы, т. е. получать знания, которые в него не закладывались разработчиками» [2]. П. М. Морхат определяет ИИ как полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему (юнит), обладающую способностями и возможностями, среди которых автор называет возможность мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т. д. [3, с. 69].

На наш взгляд, на данный момент нет необходимости законодательно определять исчерпывающий перечень подходов и методов создания систем ИИ в рамках одного термина, поскольку происходит динамичное развитие технологий. Проще остановиться на характеристиках и определить, какие методики машинного обучения способны создавать саму систему ИИ. В этой связи следует согласиться с мнением М. А. Рожковой, что «на современном этапе говорить об ИИ как о самостоятельном, критически мыслящем субъекте явно преждевременно — сегодня ИИ как технология, основанная на математических вычислениях, не способна к многофакторному анализу ситуации, в том числе на основе морально-этических принципов, интуитивному и эмоциональному восприятию, критической оценке вводной информации» [4, с. 138].

М. А. Абламейко утверждает, что законодательство должно соответствовать уровню развития общества, а не тормозить его: «Самое главное — сделать так, чтобы эти технологии могли сосуществовать с людьми, чтобы ИИ управлял человек, а не наоборот» [5]. По мнению ученого, для того, чтобы новые технологии внедрялись и использовались, нужно повышать цифровое доверие к ним граждан. Примером послужил Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», который вызвал определенный коллапс, поскольку информатизация процессов опередила правовое регулирование [5].

Таким образом, нормативно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере отстает от потребностей сегодняшнего дня. С одной стороны, это объясняется тем, что оно возможно после внедрения тех или иных технологий — продукта правового регулирования, и только затем принимается акт, регулирующий его функционирование. С другой стороны, технологии развиваются настолько быстрыми темпами, что с учетом длительности процедуры принятия актов законодательства упорядочить отношения вовремя практически невозможно. Именно поэтому в большинстве стран и прослеживаются пробелы в правовом регулировании указанных вопросов [6, с. 6].

Еще одним спорным вопросом, обсуждаемым в юридической литературе, является проблема правового статуса ИИ. Из числа работ, посвященных данной теме, стоит выделить труды А. И. Балашова, З. И. Хисамова, Р. И. Дремлюга, А. В. Степанова, Г. П. Ивлиева, М. А. Егоровой.

Говоря о совершении определенных действий ИИ, возникает ряд вопросов: кто и за какие конкретно решения будет нести ответственность за деятельность ИИ, признать или не признать ИИ субъектом права (если признавать, то в каком объеме), каким правовым статусом можно наделить ИИ и ряд других.

В научной литературе принято выделять пять подходов к правосубъектности ИИ: его можно представить как объект права, как

животное, как человека, как юридическое лицо, а также в качестве электронного лица. Не будем подробно останавливаться на всех подходах, опишем лишь самые обсуждаемые.

Хочется отметить, что в случае приравнивания ИИ к человеку уместно будет говорить о применении законодательства о физических лицах: «Природа электронных сущностей, которые принято именовать ИИ, уникальна тем, что, являясь объектом права, они в процессе своей жизнедеятельности способны обрести самостоятельность и совершать юридически значимые действия без участия человека» [7, с. 99]. Это, на наш взгляд, веский аргумент в пользу надления ИИ статусом субъекта права, поскольку такая постановка проблемы предопределяет установление соответствующих механизмов ответственности, границ реализации и охраноспособности прав ИИ.

Исследователи, выступающие против признания систем ИИ субъектом права, в качестве аргумента приводят отсутствие у систем ИИ ряда элементов, характерных для индивида и составляющих правосубъектность. Сторонники данной позиции говорят о том, что системы ИИ не обладают такими качествами, как душа, сознание, чувства, интересы, являющимися существенными для субъектности физических лиц. Р. И. Дремлюга утверждает, что если система ИИ демонстрирует поведение, которое может быть свидетельством перечисленных качеств, это означает, что система имитирует поведение человека, «но симуляция вещи — это не сама вещь» [8, с. 124].

Подход, касающийся приравнивания ИИ к юридическому лицу, представляется наиболее реализуемым и реалистичным вариантом. В теории это представляется так: ИИ является обособленным от учредителя или разработчика субъектом права, но разработчик отвечает в рамках его доли участия в действиях ИИ. На практике это выглядит следующим образом: у ИИ есть правообладатели или учредители как для юридического лица, кроме того, есть необходимость создания определенного имущественного фонда, из которого будут расходоваться денежные средства, в том числе для удовлетворения каких-либо требований, компенсационного характера [9, с. 93].

ИИ как электронное лицо — наиболее инновационная концепция, предполагающая создание нового, специализированного подхода. Первое ее упоминание датируется 2016 годом, тогда комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского парламента предложила Европейской комиссии законодательно ввести новую правосубъектность «электронных лиц», наделив таковых правами (некоторыми аналогами прав человека) и обязанностями [10, с. 591]. Была создана одна децентрализованная автономная организация, которая представляла собой электронное юридическое лицо. Суть в том, что компания должна управляться при помощи

самоисполнимых смарт-контрактов и, соответственно, должна быть лишена традиционных для юридического лица органов управления в числе совета директоров, генерального директора. Данный проект привлек много инвестиций.

Стоит отметить, что независимо от выбранной концепции, важность заключается в концентрации внимания на том, что все должно быть в электронном или цифровизированном виде. Кроме того, не стоит забывать, что ИИ направлен и разработан на благо человека и в первую очередь именно интересы человека должны охраняться.

Таким образом, очевидна необходимость целостного законодательного регулирования, учитывающего специфику применения технологий ИИ и робототехники в различных сферах общественной жизни. Требуется уточнения и установления система единых этических и правовых принципов использования ИИ с разработкой универсального понятийно-категориального аппарата.

1. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2020. 90 с. [Вернуться к статье](#)

2. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Науковед. исслед. 2018. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 28.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / под ред. И. В. Понкина. М. : Буки Веди, 2017. 257 с. [Вернуться к статье](#)

4. Рожкова М. А. Право цифровой экономики // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т; гл. ред. С. Е. Чебуранова ; редкол. : А. М. Вартанян [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2020. Ч. 2. С. 137–141. [Вернуться к статье](#)

5. Абламейко М., Абламейко С. Правовое регулирование взаимодействия систем искусственного интеллекта и человека [Электронный ресурс] // Наука и инновации. 2022. № 1 (203). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42574433> (дата обращения: 24.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Николаева Н. Искусственный интеллект — не киборг, а набор технологий, способных улучшить нашу жизнь // Звезда. 2022. 29 окт. С. 6. [Вернуться к статье](#)

7. Хисамова З. И. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности / З. И. Хисамова, И. Р. Бегишев // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Д, Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96–106. [Вернуться к статье](#)

8. Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125. [Вернуться к статье](#)

9. Балашова А. И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журн. суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 90–98. [Вернуться к статье](#)

10. Минько Н. С. Проблемы правовой регламентации использования искусственного интеллекта в различных сферах общества // Бизнес. Образование.

Экономика : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 апр. 2021 г. / редкол. : В. В. Манкевич [и др.]. Минск : Ин-т бизнеса БГУ, 2021. С. 590–593. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.343.3

ОСКВЕРНЕНИЕ СООРУЖЕНИЙ И ПОРЧА ИМУЩЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

О. Ф. Воспякова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правовой оценки осквернения сооружений, уничтожения и повреждения имущества в общественных местах.

Ключевые слова: осквернение сооружений, порча имущества, хулиганство, хулиганские побуждения, грубое нарушение общественного порядка.

Annotation. The article deals with the problematic issues of the legal assessment of the desecration of structures, destruction and damage to property in public places.

Keywords: desecration of buildings, property damage, hooliganism, hooligan motives, gross violation of public order.

В числе уголовно наказуемых деяний против общественного порядка и общественной нравственности Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) предусматривает осквернение сооружений и порчу имущества (ст. 341). С объективной стороны данное преступление может выражаться в осквернении зданий или сооружений циничными надписями или изображениями либо порче имущества в общественном транспорте или в иных общественных местах [1]. Циничные надписи и изображения, являющиеся непристойными по форме и содержанию, противоречат общепринятым нормам нравственности, оскорбляют эстетические чувства людей. Порча имущества является разновидностью его повреждения. Она может выражаться в повреждении оборудования транспортных средств, осветительных приборов на улицах, остановок общественного транспорта, детских площадок, игровых городков и т. д. Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что чаще всего это преступление выражается в таких действиях, как нанесение красящими средствами надписей на здания и сооружения.

Однако указанные действия могут рассматриваться в качестве способа совершения уголовно наказуемого хулиганства (ст. 339 УК). В этой связи судебно-следственная практика столкнулась с проблемой разграничения преступления, предусмотренного ст. 341 УК, и хулиганских действий, так как в действующем уголовном законодательстве отсутствуют четкие критерии,

позволяющие провести такое разграничение и дать обоснованную правовую оценку содеянному.

Безусловно, одним из таких критериев может выступать мотив преступления. Совершая хулиганские действия, виновный бросает вызов окружающим, противопоставляет себя им, проявляет пренебрежение к общепринятым правилам поведения, вседозволенность, что свидетельствует о хулиганских побуждениях в его поведении. Так, К., М. и Ч., будучи в состоянии алкогольного опьянения, проходя по улице в вечернее время, беспричинно оторвали штакетины и брус забора у четырех домов, перенесли эти предметы на проезжую часть дороги, перегородив полосы движения, что создало помехи для транспортных средств. Затем они сломали одну бетонную секцию забора еще у одного дома. К., М. и Ч. своими действиями причинили имущественный вред коммунальному унитарному предприятию на сумму свыше 129 руб. Указанные лица пояснили, что, находясь в сильном алкогольном опьянении, совершили указанные действия «от нечего делать». Суд обоснованно расценил содеянное как хулиганство, совершенное группой лиц (ч. 2 ст. 339 УК) [2].

Преступление, предусмотренное ст. 341 УК, как и хулиганство, относится к числу деяний, посягающих на общественный порядок и общественную нравственность. Вместе с тем оно может совершаться и по другим мотивам (личным, корыстным, религиозным, политическим и т. д.). П. после конфликта со своей знакомой Р. решил ей отомстить. С этой целью на фасаде ее дома он написал краской из баллончика оскорбительную надпись неприличного содержания в адрес знакомой. В результате коммунальному производственному унитарному предприятию был причинен ущерб на сумму свыше 30 руб. Суд признал П. виновным по ст. 341 УК в осквернении здания циничной надписью и порче имущества в общественном месте при отсутствии признаков более тяжкого преступления [3]. Очевидно, что побудительным мотивом совершенного преступления явилась месть Р.

Тем не менее следует признать, что в большинстве случаев осквернение сооружений и порча имущества совершаются из хулиганских побуждений. Но в отличие от хулиганства эти действия не сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и не выражают явное неуважение к обществу.

Сложность в разграничении уголовно наказуемого хулиганства и преступления, предусмотренного ст. 341 УК, заключается в том, что решение вопроса о том, является ли нарушение общественного порядка грубым и выражающим явное неуважение к обществу, отдано на усмотрение представителей правоохранительных органов, выражает их субъективную оценку. Не вносят ясности и разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, согласно которым грубое нарушение общественного порядка может выражаться

в различных действиях, в том числе связанных с уничтожением или повреждением имущества [4]. Ни обстановка совершения преступления, ни способ повреждения имущества, ни размеры имущественного ущерба при этом не оговариваются. На практике в схожих ситуациях действия виновных лиц квалифицируются по-разному.

Обратимся к примерам. Так, по приговору суда Д. был осужден по ст. 341 УК за то, что около 8 часов утра, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в терапевтическом корпусе городской больницы, беспричинно нанес пять ударов ногой по пластиковой двери, разделяющей терапевтический и административный корпуса медицинского учреждения, в результате чего дверь была повреждена. В другом случае М., ранее судимый за хулиганство, в состоянии алкогольного опьянения в дневное время в присутствии посторонних лиц умышленно нанес удар ногой по кузову и удар рукой по фонарю автомобиля, принадлежащего незнакомому ему Л., сломав фонарь. В результате он повредил чужое имущество на сумму 0,51 базовой величины. М. признан судом виновным в хулиганстве, совершенном (ч. 2 ст. 339 УК) [5].

Признаем, что ситуации схожи: в обоих случаях виновные повредили в общественных местах чужое имущество из хулиганских побуждений в присутствии посторонних (в первом примере в рабочее время). Между тем их правовая оценка различна.

Решение вопроса о том, является ли нарушение общественного порядка грубым и выражающим явное неуважение к обществу, зависит от совокупности конкретных объективных обстоятельств, связанных с местом, временем, способами, условиями совершения преступления. Представляется, что способ повреждения имущества (в частности, незаметно для других лиц), отсутствие посторонних граждан свидетельствуют о том, что противоправные действия не нарушают спокойствие окружающих, т. е. по своей сути не являются хулиганскими. Например, в ночное время виновный в отдаленном месте парка повредил рекламный баннер. Напротив, при совершении хулиганства лицо, демонстративно повреждая или уничтожая чужое имущество, показывает свое пренебрежение к собственности других лиц, тем самым бросает вызов окружающим. Так, гражданин в состоянии алкогольного опьянения, ожидая автобуса на остановочном пункте, нецензурно выражался в присутствии посторонних граждан, а в ответ на сделанное ему замечание бросил находившуюся у него в руках пивную бутылку в электронное табло с расписанием движения автобусов и повредил его. Наличие посторонних лиц, игнорирование их мнения, особенности имущества, которое повреждено (в данном случае табло с информацией, важной для многих людей), способ его повреждения свидетельствуют о грубом нарушении общественного порядка, т. е. о хулиганстве.

Достаточно сложной представляется правовая оценка уничтожения или повреждения имущества в общественных местах в случаях, если виновное лицо не установлено, т. к. действия совершались в ночное время, в отсутствие очевидцев (например, повреждение транспортных средств, стоящих во дворе жилого дома). В настоящее время в основу квалификации подобных действий положено количество повреждений. Если имеется единичное повреждение (например, царапина на лакокрасочном покрытии дверцы автомобиля), действия виновного лица не расцениваются как хулиганские, так как невозможно установить направленность умысла и мотивы совершенных действий. В то же время повреждение нескольких транспортных средств квалифицируется как хулиганство. Правоприменительная практика исходит из того, что подобные неоднократные действия свидетельствуют о демонстративном проявлении явного неуважения к обществу. Представляется, что такая позиция не является бесспорной. Во-первых, даже несколько автомобилей могут быть повреждены в связи со сложившимися личными неприязненными отношениями (в коллективе, по месту жительства); во-вторых, подобные действия вряд ли свидетельствуют о грубом нарушении общественного порядка, так лицо, причинившее вред, совершало их в отсутствие потерпевших и иных лиц.

Обязательным условием ответственности по ст. 341 УК является отсутствие в деянии лица признаков другого более тяжкого преступления. Одним из таких преступлений является умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества (ст. 218 УК). На практике разграничение этих преступлений не вызывает затруднений и проводится, прежде всего, по размеру имущественного ущерба: в ст. 341 УК ущерб не является значительным (менее 40 базовых величин), а в ст. 218 УК — от 40 и выше базовых величин. Если способ уничтожения имущества является общеопасным, действия виновного лица квалифицируются по ст. 218 УК, даже если стоимость уничтоженного или поврежденного имущества незначительна [1].

Представляется, что имущественный ущерб поврежденного имущества в общественных местах из хулиганских побуждений мог бы рассматриваться в качестве одного из критериев разграничения хулиганства и преступления, предусмотренного ст. 341 УК. Для этого, на наш взгляд, в ст. 339 УК стоит предусмотреть минимальный размер имущественного ущерба (например, не менее одной или двух базовых величин).

Также следует отметить, что в действующем законодательстве Республики Беларусь отсутствуют критерии, позволяющие разграничить уголовно наказуемые деяния, связанные с осквернением сооружений и порчей имущества, предусмотренные ст. 341 УК, и деяния, влекущие административную ответственность. Так, умышленное уничтожение либо повреждение чужого

имущества, предусмотренное ст. 11.3 Кодекса Республики Беларусь об административных нарушениях (далее — КоАП), может совершаться в общественных местах. Материальный ущерб от этих противоправных действий, как и в ст. 341 УК, является незначительным, т. е. не превышает 40 базовых величин согласно п. 8 ч. 1 ст. 1.10 КоАП [6].

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что в настоящее время правоприменительная практика все чаще сталкивается с фактами осквернения зданий, иных сооружений, уничтожением или повреждением имущества в общественных местах. Правовая оценка подобных деяний вызывает немало проблем. На наш взгляд, ряд из них связан с наличием в законодательстве, регламентирующем ответственность за подобные противоправные действия (как уголовном, так и административном), оценочных понятий, что не способствует единообразному толкованию закона; отсутствием достаточно четких критериев, позволяющих разграничить схожие деяния и правильно их квалифицировать. Разрешению этих проблем могли бы способствовать как внесения изменений и дополнений в действующие нормы УК и КоАП, так и разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Приговор суда Волковысского района Гродненской области от 16 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] // Банк судебных решений. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/76609> (дата обращения: 15.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Приговор суда Пинского района Брестской области от 28 декабря 2021 г. [Электронный ресурс] // Банк судебных решений. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/89078>. (дата обращения: 15.03.2023). [Вернуться к статье](#)

4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 марта 2005 г., № 1 : с изм. и доп. от 30.09.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Приговор суда Чаусского района Могилевской области от 21 января 2022 г. [Электронный ресурс] // Банк судебных решений. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/221710> (дата доступа: 15.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 января 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей

18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Р. С. Вульвач

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

***Аннотация.** В работе автор рассматривает вопросы совершенствования понятия принудительных мер безопасности и лечения в рамках уголовного законодательства Республики Беларусь на примере анализа уголовно-правовых норм Российской Федерации и Республики Казахстан.*

***Ключевые слова:** принудительные меры безопасности и лечения, преступления против половой неприкосновенности, педофилия, принудительные меры медицинского характера.*

***Annotation.** In the work the author considers the improvement of the concept of forced security and treatment measures within the framework of the criminal legislation of the Republic of Belarus, on the example of the analysis of the criminal law norms of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.*

***Keywords:** forced security and treatment measures, crimes against sexual integrity, pedophilia, forced measures of a medical nature.*

Вопросы защиты детей от различного рода насилия являются сверхактуальными в современном обществе. Особое внимание как общества, так и государства должно быть сконцентрировано на предотвращении сексуального насилия в отношении детей и подростков, поскольку оно связано с причинением наиболее тяжелых психологических последствий для потерпевших. Более того, нельзя не отметить и проблему латентности преступлений подобного характера, что зачастую связано с позицией самой жертвы, ее страхами и непониманием складывающейся ситуации. Помимо этого, по мнению автора, немаловажное значение в недопущении совершения преступлений против половой неприкосновенности должно сыграть и создание более эффективного механизма уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших насильственные преступления против половой неприкосновенности, который включал бы в себя не только неотвратимость наказания за содеянное, но и меры медицинского характера, направленные на устранение самой возможности совершения подобных преступлений такими лицами в будущем.

В рамках уголовного закона данный механизм может быть реализован в том числе и посредством совершенствования подхода по определению понятия принудительных мер безопасности и лечения. Действующее уголовное

законодательство нашего государства правовую регламентацию принудительных мер безопасности и лечения закрепило в главе 14 Уголовного кодекса (далее — УК) Республики Беларусь, определив указанные меры как самостоятельную уголовно-правовую категорию, которая обладает характерными признаками и в корне отличается от такого понятия в уголовном праве, как формы реализации уголовной ответственности. Данный подход законодателя в первую очередь обусловлен коренным различием тех целей, которые должны быть достигнуты в результате применения указанных правовых институтов.

Так, целями привлечения к уголовной ответственности любого виновного лица являются исправление осужденного, предупреждение последующей возможной преступности и способствование восстановлению социальной справедливости [1], в то время как цели принудительных мер безопасности и лечения зависят от категории лиц, к которым такие меры применяются. В случае применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим психическим расстройством, которые совершили общественно опасное деяние, помимо цели недопущения совершения новых общественно опасных деяний, также преследуется цель излечения лица, совершившего такое деяние, и его охрана в определенных законом случаях. Если речь ведется об уменьшенно вменяемых, то наряду с целеполаганием, присущим уголовной ответственности, присутствует и нацеленность на создание необходимых условий для лечения указанных лиц, чтобы в результате примененных медицинских мер могли быть наиболее полно достигнуты цели уголовной ответственности. Схожий подход в определении целей применения принудительных мер безопасности и лечения законодателем закреплён и по отношению к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, когда основополагающие цели привлечения к уголовной ответственности таких лиц дополняются их лечением, направленным на их излечение от данных пагубных явлений и на более эффективное достижение целей уголовной ответственности.

При этом необходимо отметить, что ч. 3 ст. 100 УК Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень таких заболеваний, наличие которых имеет правовое значение, предоставляя суду право при вынесении приговора вести речь о применении к осужденным лицам принудительных мер безопасности и лечения. Указанные заболевания, такие как хронический алкоголизм, наркомания или токсикомания, в рамках уголовного права имеют равное правовое значение при совершении любых преступлений, предусмотренных Особенной частью УК Республики Беларусь, в то время как на практике имеют место и иные заболевания, влияющие на поведение людей, в том числе и преступное.

Одним из таких заболеваний, связанных с психическим расстройством, которые не лишают преступника возможности осознавать фактический

характер и общественную опасность совершаемых им деяний и руководить своими действиями, является педофилия. Рассматривая данное заболевание с медицинской точки зрения, представляется необходимым отметить тот факт, что, в соответствии с Международной статистической классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем, педофилия относится к группе болезней «Расстройства сексуального предпочтения» и заключается в сексуальной тяге к детям (мальчикам или девочкам либо и к тем, и к другим), обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста [2], а следовательно, совершение лицом, страдающим подобного рода психическим расстройством, преступлений против половой неприкосновенности ставит перед правоприменительными органами вопрос не только о привлечении такого лица к уголовной ответственности, но и о разрешении в правовом поле вопросов медицинского характера, связанных с лечением таких лиц в добровольном либо принудительном порядке. Однако действующее уголовное законодательство не содержит норм, в рамках которых данная проблема могла быть разрешена в судебном производстве.

Складывающаяся ситуация ставит перед законодателем вопрос о необходимости совершенствования уголовного закона с целью введения в УК Республики Беларусь новых понятий, определяющих принудительные меры безопасности и лечения и расширяющих возможность их применения наряду с привлечением виновных лиц к уголовной ответственности. Для принятия наиболее правильного и взвешенного решения о целесообразности изменения законодательства, по мнению автора статьи, необходимо обратиться к изучению и тщательному анализу уголовно-правовых норм других государств, а именно тех, в законодательстве которых содержатся положения, регламентирующие рассматриваемый вопрос.

Представляется, что наибольший интерес и практическую значимость в рамках дискуссии по поднятой проблематике для белорусских законодателей может иметь опыт стран ближнего зарубежья, таких как Россия и Казахстан, поскольку уголовное законодательство указанных государств, наряду с уголовными нормами Республики Беларусь, основываются на общих принципах и положениях, изложенных в Модельном Уголовном кодексе для государств — участников Содружества Независимых Государств, и содержат по существу аналогичные положения, относящиеся к принудительным мерам безопасности и лечения. Существующие различия в определении правовой природы данных понятий и в юридической формулировке применяемых категорий не лишают возможности их рассмотрения в качестве основы для выработки новых подходов при решении вопросов совершенствования белорусского уголовного

законодательства, нацеленного на предотвращение сексуального насилия в отношении детей и подростков.

Так, УК Российской Федерации в главе 15 «Принудительные меры медицинского характера» содержит ст. 97 УК Российской Федерации, в которой, помимо иных оснований для применения принудительных мер медицинского характера, в пункте «д» предусмотрено также, что указанные меры могут быть применены и в отношении лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста и совершившего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, который не достиг четырнадцатилетнего возраста, при условии, что виновное лицо страдает расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости [3]. Данная норма УК Российской Федерации была введена в действие с 1 марта 2012 г. Федеральным законом № 14-ФЗ от 29 февраля 2012 г. (далее — Закон № 14-ФЗ).

Этим же Законом № 14-ФЗ ст. 99 УК Российской Федерации, определяющая виды принудительных мер медицинского характера, дополнена положением о возможности назначения наряду с наказанием принудительной меры медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях лицам, указанным в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК Российской Федерации [3].

Схожие подходы при определении оснований применения принудительных мер медицинского характера при совершении половых преступлений отражены и в УК Республики Казахстан. Так, в п. 5 ч. 1 ст. 91 УК Республики Казахстан закреплено, что принудительные меры медицинского характера судом могут быть назначены лицам старше восемнадцати лет, которые совершили уголовное правонарушение против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данное положение уголовного закона введено в действие с 1 января 2018 г. [4]. При этом представляется необходимым обратить внимание на тот факт, что при всей схожести анализируемых норм, уголовное законодательство Республики Казахстан более широко трактует понятие потерпевших, в отношении которых могут быть совершены подобного рода преступления. Если в УК Российской Федерации речь ведется только о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, то есть малолетнего ребенка, то законодательство Казахстана расширяет данное понятие до половой неприкосновенности несовершеннолетних, включая и лиц, достигших четырнадцати лет, но обладающих половой неприкосновенностью.

Различия также касаются и подхода в определении понятия вида принудительных мер медицинского характера, которые могут быть применены в случае осуждения за преступления против половой неприкосновенности.

Российское уголовное законодательство в ст. 99 УК Российской Федерации ведет речь о принудительном наблюдении и лечении у врача-психиатра в амбулаторных условиях, не указывая на характер проводимого лечения [3]. Вместе с тем в п. 5 ч. 1 ст. 93 УК Республики Казахстан, раскрывая вид принудительных мер медицинского характера, законодатель закрепляет такие виды медицинских мер, как химическая кастрация и лечение склонности к сексуальному насилию и расстройства сексуального предпочтения [4]. Тем самым уголовное законодательство Республики Казахстан в данной части, по мнению автора, в большей степени нацелено на реализацию подхода не только по недопущению возможности совершения половых насильственных преступлений данными лицами в будущем путем применения химической кастрации, но и на устранение самой причины, то есть на излечение лица от психического расстройства, связанного со склонностью к сексуальному насилию и расстройством сексуального предпочтения.

Заслуживающим внимания при рассмотрении вопроса о целесообразности совершенствования понятия принудительных мер безопасности и лечения в уголовном законодательстве является и правовое закрепление механизма реализации уже примененных принудительных мер после отбытия лицом назначенного наказания.

Так, в ч. 3 ст. 93 УК Республики Казахстан установлено, что в отношении лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, при их освобождении из мест лишения свободы судом в обязательном порядке разрешается вопрос о назначении, продлении, изменении либо прекращении принудительных мер медицинского характера [4].

Еще более регламентированный подход в данном вопросе нашел свое законодательное закрепление в уголовном законе Российской Федерации. Согласно ч. 2.1 ст. 102 УК Российской Федерации, при освобождении лица из мест лишения свободы суд вне зависимости от времени последнего освидетельствования и от принятого решения о прекращении применения принудительных мер медицинского характера назначает судебно-психиатрическую экспертизу в отношении лица, достигшего восемнадцати лет и совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и отбывающим наказание. Действия суда по назначению судебно-психиатрической экспертизы основываются на ходатайстве администрации учреждения, исполняющего наказание, которое должно быть внесено в суд не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока исполнения наказания. Законом установлено, что данные действия суда нацелены на решение вопроса о необходимости

применения к указанным лицам принудительных мер медицинского характера после освобождения лица из мест лишения свободы, а именно в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания [3]. Подобный подход российских законодателей по структурированию порядка выполнения действий каждой из сторон, по мнению автора, в полной мере соответствует принципам и целям как уголовной ответственности, так и целям применения рассматриваемых принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, сравнительный анализ уголовно-правовых норм действующего законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, закрепляющих виды принудительных мер медицинского характера и основания их применения, позволяет сделать вывод о целесообразности совершенствования уголовного законодательства и Республики Беларусь в части применения принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста и совершивших преступления против половой неприкосновенности, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Справочник Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем — МКБ-10 [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Республики Беларусь. URL: <http://minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/klassifikatory/> (дата обращения: 24.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V : принят Парламентом Респ. Казахстан 3 июля 2014 г. : в ред. Закона Респ. Казахстан от 03.01.2023 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252&show_di=1#pos=5;-142 (дата обращения: 09.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

ФИКСАЦИЯ ХОДА ПРОЦЕССА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И КРАТКИЙ ПРОТОКОЛ**Д. В. Гапоненко**Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

Аннотация. В данной статье рассматриваются концептуальные вопросы фиксирования хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания в гражданском и экономическом судопроизводствах.

Ключевые слова: звуко- и видеозапись, протокол, краткий протокол.

Annotation. This article discusses the conceptual issues of fixing the course of a court session or the commission of a separate procedural action of the court outside the session in civil and economic proceedings.

Keywords: sound and video recording, protocol, short protocol.

Детальная регламентация вопроса фиксации хода судебного заседания, а также совершения отдельных процессуальных действий судом вне судебного заседания имеет особое значение как для сторон гражданского судопроизводства, так и непосредственно для суда. Право фиксации участниками гражданского и экономического судопроизводства хода судебного разбирательства посредством использования различных средств закреплено положениями ч. 4 ст. 271 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) [1], а также ч. 5 ст. 176 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) [2]. Отдельные терминологические нюансы анализируемого вопроса были рассмотрены нами ранее [3], при этом в рамках настоящего исследования подробнее остановимся на исследовании вопроса фиксирования хода судебного разбирательства, а также совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания, осуществляемого секретарем судебного заседания — помощником судьи (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 175 ГПК, ч. 1 ст. 33, ч. 1 ст. 189² ХПК).

Так, согласно положениям ст. 113 ГПК, подобное фиксирование в обязательном порядке предусмотрено в отношении деятельности суда первой инстанции, возможно в отношении хода судебного заседания апелляционной инстанции (в случаях, предусмотренных ГПК) и не предусмотрено для надзорного производства.

С 1 января 2021 г. в гражданское и экономическое судопроизводства Законом Республики Беларусь от 17 июля 2020 г. № 45-3 «Об изменении кодексов» было введено новое понятие «краткий протокол» [4]. В ст. 1 ГПК термины

«протокол» и «краткий протокол» расположены через запятую, после чего следует их единое определение, согласно которому краткий протокол, протокол есть судебные документы, в которых с соблюдением порядка, установленного ГПК, фиксируются факт производства по гражданскому делу, содержание и результаты процессуальных действий. Подобное определение предусмотрено и в ст. 1 ХПК.

При этом следует отметить, что, исходя из содержания ст. 113 ГПК, в том случае, если ход судебного заседания суда первой инстанции, а также ход совершения отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания фиксируются с использованием средств звуко- или видеозаписи, тогда имеет место составление краткого протокола. Однако, если имеются обстоятельства, как то неявка в судебное заседание всех участников гражданского судопроизводства, отсутствие соответствующей технической возможности, препятствующие осуществлению звуко- или видеозаписи, составляется не краткий протокол, а протокол, который должен содержать указание на все процессуальные действия в том порядке, в каком они имели место, а также установленные при их производстве существенные для дела факты и заявления лиц, участвовавших в этих действиях (ст. 113 ГПК). Аналогична ситуация и в иных производствах: в апелляционном по общему правилу звуко- или видеозапись не ведется, за исключением случая необходимости допроса вызванных в судебное заседание свидетелей, экспертов, специалистов, участия переводчика, а также при наличии собственной инициативы суда апелляционной инстанции (ст. 420 ГПК). В указанных исключительных ситуациях составляется краткий протокол. И, соответственно, в рамках надзорного производства возможно составление лишь полного протокола, поскольку фиксация посредством использования звуко- или видеозаписи законодателем не предусмотрена.

Подобные нормы содержатся и в ХПК. Так, ст. 189 ХПК закрепляет схожий порядок, однако, во-первых, данная статья не содержит никаких упоминаний относительно порядка фиксирования хода процесса в апелляционном, кассационном и надзорном производствах, а во-вторых, формулировки ст. 113 ГПК с позиции описания ситуаций — исключений из общего правила фиксации хода судебного заседания в суде первой инстанции (неявка участников судопроизводства, отсутствие технической возможности) представляются более удачными.

Касаясь кассационной инстанции в экономическом судопроизводстве, следует отметить, что законодателем предусмотрена возможность фиксирования хода судебного заседания суда, рассматривающего экономические дела, кассационной инстанции или совершения отдельного процессуального действия суда, рассматривающего экономические дела, кассационной инстанции

вне заседания (ч. 5 ст. 293 ХПК), порядок осуществления которого определяется общими нормами о порядке фиксации — ст. 189–189³ ХПК.

Более того, подход законодателя в отношении фиксации хода судебного заседания надзорной инстанции или совершения отдельного процессуального действия вне заседания в гражданском и экономическом судопроизводствах различается — согласно нормам ГПК, как это было отмечено ранее, подобная фиксация не предусмотрена (ст. 113 ГПК), а положениями ХПК закреплена возможность ее проведения по решению суда, рассматривающего экономические дела, надзорной инстанции (ч. 7 ст. 312 ХПК).

Изложенное свидетельствует о том, что положения ГПК и ХПК относительно порядка фиксирования судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания различаются. Более того, в общем смысле протокол и краткий протокол являются судебными документами, фиксирующими факт производства по гражданскому делу, содержание и результаты процессуальных действий, будучи актами схожими, но не идентичными, что подтверждается и нормами ст. 174 ГПК и ст. 189¹ ХПК, закрепляющими разрозненные требования, предъявляемые к содержаниям краткого протокола и протокола.

С учетом изложенного в целях установления правовой определенности считаем обоснованным закрепить в ст. 1 ГПК два самостоятельных определения, описывающих термины «протокол» и «краткий протокол».

Отдельное внимание целесообразно уделить вопросу оснований к отмене или изменению решения суда первой инстанции. Так, согласно п. 8 ст. 424 ГПК, одним из существенных нарушений норм процессуального права, при наличии которого решение суда первой инстанции подлежит отмене, выступает ситуация, при которой по делу отсутствует звуко- или видеозапись хода судебного заседания или в деле отсутствует протокол судебного заседания в случае, когда он составляется, либо протокол судебного заседания не подписан лицами, обязанными его подписать. Считаем обоснованным дополнить указанную норму и упоминаем о кратком протоколе, закрепив отсутствие краткого протокола в случае осуществления звуко- или видеозаписи либо отсутствие в кратком протоколе подписей лиц, обязанных его подписать, также основанием к отмене или изменению решения суда первой инстанции.

Проведенное исследование подчеркивает разрозненность подходов законодателя в отношении порядка фиксирования хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания в гражданском и экономическом судопроизводствах. Термины «протокол» и «краткий протокол» нуждаются в выработке и закреплении самостоятельных дефиниций, учитывающих специфику названных судебных документов. Дополнения

требует и п. 8 ст. 424 ГПК, закрепляющий основания к отмене или изменению решения суда первой инстанции.

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. № 113-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. № 113-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Гапоненко Д. В. Фиксация судебного разбирательства и принцип гласности в гражданском процессе Республики Беларусь // Правовая политика, наука, практика — 2022 : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 6 окт. 2022 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. Минск : Колорград, 2022. С. 120–122. [Вернуться к статье](#)

4. Об изменении кодексов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2020 г., № 45-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

С. Л. Емельянов

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины (Беларусь),
заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В контексте цифровизации деятельности органов уголовной юстиции получило нормативное закрепление использование видео-конференц-связи при производстве отдельных следственных действий. В рамках данного исследования проведен анализ норм, регламентирующих проведение дистанционного опознания, и вносятся предложения по их совершенствованию.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, следователь, суд, опознание, видео-конференц-связь.*

***Annotation.** In the context of the digitalization of the activities of the criminal justice bodies, the use of videoconferencing during production of certain investigative actions has received normative consolidation. Within the framework of this study, an analysis of legal regulation of identification was carried out, and proposals were made for its improvement.*

***Keywords:** criminal process, investigator, court, identification, videoconferencing.*

Наметившаяся в последние годы тенденция цифровизации юрисдикционных процессов, предполагающей активное внедрение в правоприменительную деятельность современных информационно-коммуникационных технологий, нашла свое отражение в соответствующих новеллах отдельных отраслей процессуального законодательства. Так, в частности, в силу изменений и дополнений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — УПК) законом от 5 января 2016 г., стало возможным проведение ряда процессуальных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции).

Внедрение видеотехнологий в производство по уголовным делам призвано обеспечивать прежде всего процессуальную экономию, т. е. минимизацию материальных и временных затрат при соблюдении общих требований к проведению следственных и судебных действий. В то же время нельзя не отметить неизбежное усложнение процедуры осуществления указанных действий, обусловленное спецификой применения рассматриваемых технологий. Тем не менее следует согласиться с тем, что цифровизация уголовного процесса имеет явные существенные и неоспоримые преимущества, несмотря на сопряженные

с ней проблемы, носящие в большей степени организационно-технический характер.

В соответствии с вышеназванным законом, процессуальной регламентации были подвержены такие следственные действия, проводимые с использованием систем видео-конференц-связи, как допрос, очная ставка и предъявление для опознания. При этом на стадии предварительного расследования с использованием систем видео-конференц-связи стало возможным проводить все перечисленные следственные действия (ст. 224¹ УПК), а на стадии судебного разбирательства — только допрос и опознание (ст. 343¹ УПК).

В досудебном производстве, согласно ст. 224¹ УПК, в рассматриваемом порядке соответствующие следственные действия могут осуществляться с участием исключительно потерпевшего и свидетеля, а в судебном производстве, согласно ст. 343¹ УПК, — с участием любого лица.

Основаниями для использования систем видеоконференцсвязи являются:

- невозможность непосредственного участия потерпевшего, свидетеля, иных лиц в проведении следственных (судебных) действий по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;
- необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц;
- недостижение участником процесса совершеннолетия;
- необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

В дальнейшем рассмотрим некоторые процессуальные особенности проведения предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) на стадии предварительного расследования и на стадии судебного разбирательства.

Прежде всего отметим, что предъявление для опознания лиц и (или) объектов дистанционно производится в общем порядке, но с учетом требований, изложенных в ст. 224¹ УПК.

В целях оказания содействия в проведении данного следственного действия следователь должен по территориальности направить в порядке ч. 7 ст. 36 УПК или ч. 4 ст. 184 УПК органам предварительного расследования соответствующее поручение. На стадии судебного разбирательства такое поручение направляет суд, рассматривающий уголовное дело, в суд, по месту нахождения которого проводится опознание.

Важнейшими требованиями, предъявляемыми к рассматриваемой процедуре, являются обеспечение реализации участником уголовного процесса своих прав и обязанностей и обеспечение надлежащего качества изображения и звука.

Должностному лицу, исполняющему поручение следователя об оказании содействия, вменяется в обязанность:

- нахождение с участником предъявления для опознания до его окончания;
- фиксация хода и результатов следственного действия используемыми техническими средствами с его одновременной видеозаписью;
- составление протокола следственного действия, отражающего его ход и результаты, с учетом требований, закрепленных в ч. 5 ст. 219 УПК;
- воспроизведение видеозаписи потерпевшему или свидетелю (при заявлении соответствующего ходатайства);
- направление следователю протокола и электронного носителя информации следственного действия для приобщения к материалам дела.

Секретарю судебного заседания (секретарю судебного заседания — помощнику судьи) суда, по месту нахождения которого проводится опознание, вменяется в обязанность:

- нахождение с лицом, участвующим в опознании, в помещении, в котором (из которого) проводится данное процессуальное действие;
- отображение подписки у потерпевшего, свидетеля о том, что им разъяснены их обязанности и ответственность;
- незамедлительное после окончания опознания направление подписки и представленных потерпевшим, свидетелем документов председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело.

Ход и содержание дистанционного опознания, осуществляемого в рамках судебного следствия, фиксируются в протоколе судебного заседания и на электронном носителе информации, который, в свою очередь, подлежит приобщению к указанному протоколу.

Несомненным преимуществом рассматриваемых новелл является их направленность на эффективное решение задач уголовного процесса, более полную реализацию принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, соблюдение такого общего условия судебного разбирательства, как его непосредственность и устность, обеспечение безопасности участников уголовного процесса, достижение процессуальной экономии. В то же время современной процессуальной регламентации использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции) при проведении отдельных следственных и судебных действий присущи отдельные недостатки и пробельность.

Так, в юридической литературе отмечается неоправданность наделения правом проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) только следователя и обосновывается

необходимость предоставления такого права лицу, производящему дознание [1, с. 51, 52; 2, с. 171]. Мы полностью разделяем данную точку зрения. При этом следует особо подчеркнуть, что в силу ч. 1 ст. 186 УПК допрос потерпевших и свидетелей, предъявление для опознания относятся к числу неотложных следственных действий, которые могут проводиться в ходе дознания по возбужденному уголовному делу до его передачи следователю.

Справедливым представляется мнение, согласно которому отсутствуют причины «ограничивать орган, ведущий уголовный процесс, в возможности проведения процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи в зависимости от процессуального статуса участвующих в нем лиц. Главное — чтобы при этом выполнялось требование части 4 статьи 224¹ УПК и части 3 статьи 343¹ УПК Республики Беларусь об обеспечении возможности реализации участниками процессуального действия их прав и исполнения обязанностей» [2, с. 171].

На основании вышеизложенного необходимо в ч. 224¹ УПК слова «потерпевшего, свидетеля» заменить словами «участника процесса», в чч. 2, 9, 12 указанной статьи после слова «следователь» добавить слова «лицо, производящее дознание» в соответствующем падеже, тем самым, во-первых, наделив лицо, производящее дознание, правом проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции), во-вторых, закрепив возможность осуществления следственных действий в данном порядке с участием любого лица независимо от его процессуального статуса.

В ст. 224¹ УПК отсутствует указание на то, где должны находиться понятия при предъявлении для опознания в дистанционной форме. Представляется, что «в этой связи целесообразно руководствоваться положениями ч. 10 ст. 224 УПК Республики Беларусь, согласно которым в случае предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, понятия должны находиться в месте нахождения опознающего» [3, с. 75].

Не нашел своего однозначного решения в уголовно-процессуальном законе вопрос о месте нахождения в ходе дистанционного производства следственных и судебных действий педагога (психолога), представителя (законного представителя) потерпевшего и свидетеля, адвоката свидетеля, переводчика. На наш взгляд, в рассматриваемой ситуации орган, ведущий уголовный процесс, с учетом их процессуальной роли, исходя из необходимости наиболее полного обеспечения прав и законных интересов допрашиваемых или опознающих лиц, должен создавать максимальные условия для нахождения первых участников процесса с последними в одном помещении. Одновременно отметим, что отсутствует принципиальная потребность в законодательном

разрешении исследуемого вопроса, поскольку императивный запрет на пребывание указанных лиц в разных помещениях может негативно отразиться на оперативности производства по уголовным делам.

Также в научной литературе обращалось внимание на следующее. «УПК не ограничивает возможность применения видео-конференц-связи по делам, подлежащим рассмотрению в закрытом судебном заседании. В то же время секретарь судебного заседания суда, по месту нахождения которого производятся процессуальные действия, не наделен правом отобрания подписки с предупреждением об ответственности по ст. 407 УК» [4, с. 35]. Отсюда вытекает необходимость внесения корректировки в ч. 4 ст. 343¹ УПК, а именно: после слова «предусмотренных» следует добавить слова «частью 3 статьи 287 и».

Резюмируя, отметим, что реализация внесенных предложений по совершенствованию правового регулирования проведения следственных и судебных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) позволит оптимизировать правоприменительную практику в рассматриваемой сфере уголовно-процессуальной деятельности.

1. Шкаплеров Ю. П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь // Предварительное расследование. 2017. № 2. С. 49–54. [Вернуться к статье](#)

2. Матвейчев Ю. А. Уголовно-процессуальное регулирование использования систем видеоконференцсвязи при проведении процессуальных действий // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. 2019. № 6. С. 170–174. [Вернуться к статье](#)

3. Шкаплеров Ю. П., Данько И. В. Следственные действия : пособие [Электронный ресурс] / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2017. URL: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Sledstvennie_deistvia_Shkaplerov_Danko.pdf (дата обращения: 15.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Харчейкина Ю. В. К вопросу о внедрении информационно-коммуникативных технологий в уголовное судопроизводство // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр. Минск, 2017. С. 32–36. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.77

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСОБЫХ РЕЖИМОВ

А. И. Иванцова

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию возникновения и способов законодательного закрепления особых правовых режимов в правовых системах различных государств. Проводится сравнительный анализ конституционного закрепления рассматриваемого института. Обращается внимание на то, что использование данного института является важнейшим средством обеспечения национальной безопасности.*

***Ключевые слова:** особые правовые режимы, чрезвычайное положение, военное положение, осадное положение, конституция.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the emergence and methods of legislative consolidation of special legal regimes in the legal systems of various states. A comparative analysis of the constitutional consolidation of the institution in question is carried out. Attention is drawn to the fact that this fact is the most important means of ensuring national security.*

***Keywords:** special legal regimes, state of emergency, martial law, state of siege, constitution.*

В современных условиях развития общества ни одно государство мира, независимо от уровня экономического развития и социально-политической системы, не застраховано от возникновения различного рода экстремальных ситуаций, представляющих угрозу для безопасности личности, общества и государства. При наступлении таких случаев с целью предотвращения либо снижения последствий вышеназванных негативных явлений на конституционно-правовом уровне в большинстве стран мира установлена возможность временно устанавливать особый порядок функционирования общества посредством перераспределения полномочий государственных органов, ограничения прав и свобод физических и юридических лиц, а также наложения на них дополнительных обязанностей. Указанные особые правовые способы регулирования общественных отношений принято называть особыми (чрезвычайными) правовыми режимами.

По распространенному в научных кругах мнению, использование рассматриваемого института в период чрезвычайных ситуаций имеет многовековую историю и изначально проявлялось в качестве особой формы диктата. Так, еще в Древнеримском государстве VI в. до н. э. в нормальных социально-

политических условиях действовали ординарные магистраты, которым в чрезвычайных условиях противопоставлялся институт диктатуры, ставший, по мнению Е. А. Скрипилева, одной из первых форм специального правового режима. Диктатором называлось должностное лицо, назначавшееся Сенатом не более чем на шесть месяцев при чрезвычайных или крайне опасных ситуациях с целью преодоления политических кризисов, внутренних волнений, в условиях ведения войны с сильным противником [1, с. 45–46]. В данных условиях для преодоления угрожающих факторов магистры наделялись всей полнотой государственной власти.

Идеологическим лейтмотивом становления особых правовых режимов в Европе служили воззрения классиков европейской философской и государственной мысли. Ш. Монтескье писал: «Опыт народов самых свободных, какие когда-либо существовали на земле, заставляет признать, что бывают обстоятельства, когда необходимо на некоторое время набросить покров на свободу, как некогда его набрасывали на статуи богов» [2, с. 330–331].

Становление института особых правовых режимов в государственно-правовом механизме большинства зарубежных стран относят к периоду перехода от абсолютной к конституционной монархии. Так, например, первое судебное решение, регулирующее вопросы чрезвычайного положения, было принято в Великобритании в 1637 г. Данным решением закреплялась возможность принятия мер, «которые абсолютно и срочно необходимы в связи с вторжением в страну или при наличии других чрезвычайных обстоятельств» [3, с. 6]. Одним из первых и наиболее успешных опытов законодательного закрепления особых правовых режимов на уровне парламентских актов стал Закон 1791 г. «Об осадном положении», принятый во Франции в ходе революционных событий XVIII–XIX вв. [4, с. 434]. Карл Маркс справедливо отметил: «Добропорядочные республиканцы... сделали изобретение, само проложившее себе дорогу по всему континенту... Это изобретение — осадное положение. Превосходное изобретение, периодически применяемое в каждом из следующих друг за другом кризисов в ходе французской революции» [5, с. 135].

Начиная с конца XIX – начала XX в. правовые системы практически всех стран мира стали содержать законодательство об особых правовых режимах в качестве эффективного средства обеспечения безопасности общества и государства. Так, например, прусский закон 1851 г. предусматривал применение смертной казни в случае «восстания при крайней опасности, угрожающей общественному спокойствию». На территории Германии, согласно ст. 68 Конституции, действовали предписания прусского закона от 1851 г. В Австро-Венгрии аналогичный закон был принят в 1869 г., в Испании — в 1870 г. В Российской империи, в состав которой на тот момент входили белорусские земли,

органичным продолжением государственно-правовой деятельности в области обеспечения безопасности принято считать издание 14 августа 1881 г. Высочайше утвержденного Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия [6] и 18 июня 1892 г. Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета о местностях, объявляемых состоящими на военном положении [7].

По иному пути развивалось законодательство об особых правовых режимах в Англии, где в качестве мер по обеспечению безопасности использовались так называемая приостановка Habeas-Corpus-акта и предоставление особых полномочий органам государственной власти законами, принимаемыми по наступлении чрезвычайных обстоятельств. Характерной чертой правового регулирования особых правовых режимов в английской правовой системе являлось отсутствие единого закона, устанавливающего полный перечень полномочий, которыми наделялась административная или военная власть в случае чрезвычайных ситуаций различного рода.

Таким образом, характерные черты правового регулирования особых правовых режимов были заложены в Древнеримском государстве, где применение рассматриваемых мер было направлено на обеспечение целостности государства и возможности его дальнейшего существования. С конца XVIII века рассматриваемые меры реагирования государства на события экстраординарного характера стали использоваться в большинстве государств Европы, а отдельные черты данных мер являются базовыми для современной практики правового регулирования рассматриваемых режимов.

Так, на современном этапе законодательством различных государств особые (чрезвычайные, исключительные) правовые режимы объединены общим понятием «чрезвычайная ситуация» и представлены в формах «положения» (чрезвычайного, осадного, военного и т. п.), либо «состояния» (войны, общественной опасности, напряженности, обороны, угрозы, бдительности, тревоги, экологической катастрофы, федерального вмешательства и т. п.). По нашему мнению, данные правовые режимы стоит рассматривать в качестве различных форм института особых правовых режимов как общего, родового понятия.

Согласимся с позицией А. Н. Домрина о том, что регламентация вопросов использования особых правовых режимов в законодательстве обеспечивает законную возможность для неотложного применения действенных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Именно этим в первую очередь объясняется включение норм, регулирующих рассматриваемый институт, в Основные Законы практически всех государств мира, что, в свою очередь, усложняет процесс их изменения и является гарантией против «неоправданного, произвольного применения чрезвычайных правовых норм

для разрешения ситуаций и обстоятельств, не носящих чрезвычайного характера» [3, с. 6].

Вместе с тем степень правовой регламентации особых режимов зависит от особенностей правовой системы того либо иного государства. Законодательство большинства зарубежных стран в рассматриваемой сфере отношений, как правило, представлено Основным Законом страны, где фрагментарно закрепляются наиболее общие положения, а также специальными законами об особых правовых режимах.

Интересным представляется опыт достаточно подробного конституционного регулирования особых правовых режимов в некоторых государствах. В качестве примера можно привести следующие Основные законы: часть 10 «Чрезвычайное положение» Конституции Пакистана 1973 г. (6 статей) [8]; часть 18 «Постановления о чрезвычайном положении» Конституции Индии 1949 г. (9 статей) [9]; глава 11 «Положения о чрезвычайных ситуациях» Конституции Мьянмы 2008 г. (23 статьи) [10]; глава 10-а «Состояние обороны» Основного Закона Германии 1949 г. (11 статей) [11, с. 273–277].

Стоит отметить опыт правового регулирования ряда государств, нормы конституций (Основных Законов) которых не устанавливают возможность введения особых правовых режимов. Так, например, государственно-правовая система Великобритании не имеет писаной конституции, на сегодняшний день, помимо законов «О чрезвычайных полномочиях» 1920 и 1964 гг. формально сохраняют свою силу порядка двух десятков судебных решений, регламентирующих различные аспекты общественных отношений в период чрезвычайного положения. Процедура введения чрезвычайного положения в Соединенных Штатах Америки детально не предусмотрена Конституцией, последняя лишь косвенно указывает на возможность его введения, порядок введения и правовое регулирование данного института предусмотрено Законом о национальных чрезвычайных ситуациях 1976 г., а также основывается в значительной мере на прецедентах и судебных решениях. В совокупности законодательных актов, признанных Конституцией Канады, вопросы особых правовых режимов не нашли закрепления, правовое регулирование последних осуществляется Законом о чрезвычайном режиме 1988 г. и Законом о готовности к чрезвычайным ситуациям 1988 г.

В свою очередь, с точки зрения содержания норм, регламентирующих особые правовые режимы, следует выделить такие общие для большинства стран объекты регулирования, как основания введения данных режимов, территориальные и временные пределы их действия, объем полномочий государственных органов, допустимые пределы ограничения прав и свобод личности.

Таким образом, на основании анализа научной литературы и законодательства зарубежных стран возможно сделать вывод о том, что использование особых правовых режимов в современном мире является важнейшим средством обеспечения национальной безопасности, ввиду чего вопросы их правомерного использования приобретают все большую значимость. Несмотря на различные подходы государств к законодательному закреплению института особых правовых режимов, основные вопросы его правовой регламентации в большинстве стран мира отражены в Конституциях (Основных Законах) и специальных законодательных актах. Регулирование рассматриваемого института именно с помощью законодательных актов, по нашему мнению, вполне справедливо рассматривается как важнейший гарант защиты прав и свобод граждан и является показателем достаточно высокого уровня политико-правового развития общества в целом.

-
1. Скрипелев Е. А. Основы римского права. М. : Ось-89, 2003. 209 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 330–331. [Вернуться к статье](#)
 3. Домрин А. Н. Режим чрезвычайного положения: опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах [Электронный ресурс]. URL: https://www.svor.ru/public/docs_1992_6_10_1351677414.pdf (дата обращения: 14.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 4. Басова Ю. Ю. Генезис чрезвычайного законодательства в зарубежных странах: историко-правовой аспект // Современный ученый / Крым. юрид. ин-т (фил.) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2017. № 5. С. 433–437. [Вернуться к статье](#)
 5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. М. : Гос. изд-во полит. лит. Т. 8. 705 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 14 авг. 1881 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб., 1885. Т. I. Ст. 350. [Вернуться к статье](#)
 7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, 18 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб., 1895. Т. XII. Ст. 8757. [Вернуться к статье](#)
 8. Конституция Исламской Республики Пакистан [Электронный ресурс] : 12 апр. 1973 г. / пер.: А. Г. Орлова, Ф. А. Лещенкова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 9. Конституция Республики Индия [Электронный ресурс] : 26 нояб. 1949 г. / пер. А. Р. Басыровой [и др.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Конституция Республики «Союз Мьянма» [Электронный ресурс] : 29 мая 2008 г. / пер. М. Ю. Галятина. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

11. Избранные конституции зарубежных стран : учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : Юрайт, 2012. 795 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

**СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
НЕЗАКОННЫХ ПОСТАВОК НАРКОТИКОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

П. А. Кайбелев

Академия МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета криминальной милиции

П. С. Соболевский

Академия МВД Республики Беларусь,
курсант факультета криминальной милиции

***Аннотация.** Незаконные поставки наркотиков продолжают оставаться одним из актуальных способов их распространения не только в Республике Беларусь, но и по всему миру. Преступники прибегают к совершенствованию способов поставок, а также осуществляют постоянный поиск новых методов сокрытия осуществляемой преступной деятельности, требующих своевременного совершенствования способов их выявления.*

***Ключевые слова:** незаконные поставки наркотиков, незаконный оборот наркотиков, наркопреступность, способы сокрытия следов, оперативно-розыскная характеристика, противодействие незаконным поставкам.*

***Annotation.** Illegal supply of drugs continues to be one of the most important ways of their distribution not only in the Republic of Belarus, but throughout the world. Criminals resort to improving old delivery methods, as well as constantly looking for new ways to hide ongoing criminal activities, requiring timely improvement of methods for their detection.*

***Keywords:** illegal supply of drugs, drug trafficking, drug crime, ways to hide traces, operational-search characteristics, countering illegal supplies.*

Развитие способов сокрытия следов осуществляемой незаконной поставки наркотиков требует от правоохранительных органов постоянного совершенствования средств и методов выявления и противодействия им. Одним из способов совершенствования практической деятельности оперативных подразделений является модернизация и дополнение элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений (далее — ОРХ).

ОРХ представляет собой совокупность свойств и информационных признаков, присущих определенному виду (группе) преступлений, знание которых способствует эффективному решению задач оперативно-розыскной

деятельности (далее — ОРД) [1, с. 33]. ОРХ представляет собой информационную модель, позволяющую выдвигать обоснованные оперативно-розыскные версии, определять поведение участников криминального сообщества, избирать тактику проведения тех или иных оперативно-розыскных и иных мероприятий.

В ОРХ выделяются такие элементы, как предмет преступного посягательства, обстановка совершения преступления, способ совершения преступления, механизм следообразования, способ сокрытия следов преступной деятельности, личность преступника и личность потерпевшего [2, с. 249].

На наш взгляд, выделенные элементы ОРХ являются взаимодополняющими. В то же время исследователями указывается, что включение в данную характеристику такого элемента, как способ сокрытия преступления, необходимо для построения первоначальной модели действий оперативных сотрудников по поиску латентных преступлений, в том числе связанных с незаконными поставками наркотиков [3, с. 99–100].

Незаконные поставки наркотиков совершаются тремя альтернативными действиями с возможностями их комбинирования и непосредственной реализации в сочетании с сокрытием совершения данного действия. Так, к незаконным действиям относятся перевозка, пересылка, перемещение наркотиков через таможенную и (или) Государственную границу Республики Беларусь. Под перевозкой понимаются умышленные действия по их перемещению из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспортных средств. Пересылка представляет собой отправление их из одного пункта в другой почтой, багажом, нарочным, с использованием транспортных средств или иным способом, когда фактическое перемещение в пространстве осуществляется без участия отправителя [4]. Перемещение через таможенную и (или) Государственную границу (а также транзит) представляет собой ввоз, вывоз или транзит наркотиков через таможенную или Государственную границу Республики Беларусь. Указанные элементы представляют собой общие способы совершения незаконных поставок наркотиков.

Преступники придают большое значение сокрытию незаконных поставок наркотиков. Анализ практики и научной литературы позволил выделить ряд наиболее актуальных способов осуществления незаконных поставок наркотиков: 1) помещение наркотиков в автомобили, перевозимые на лафетах автовозов; 2) использование конструктивных изменений транспортных средств; 3) глотание наркотиков курьером или иной способ помещения наркотика во внутренние полости человека; 4) помещение наркотиков в шерсть или внутреннюю полость животного; 5) использование физиологических особенностей тела человека, чаще представителями цыганских диаспор, к примеру, перевозку

осуществляют в подмышечных впадинах, специально уложенных прическах, под женской грудью, в бюстгальтере, протезах; б) применение упаковок, позволяющих не обнаруживать фактическое содержимое перевозимого предмета, примером такой упаковки являются свинцовые коробки, не пропускающие рентгеновские лучи.

Указанные способы не являются исчерпывающими. В расчете на невнимательность сотрудников правоохранительных органов при осуществлении досмотра или обыска наркотики могут помещаться в предметы, находящиеся на виду, среди личных вещей. Под видом напитка Coca-Cola в соответствующих бутылках может перевозиться экстракт опия ввиду его сходства с цветом напитка. Кокаин может перевозиться в виде фигурок религиозного характера. Героин — в виде жидкости темного цвета, представляющей концентрированный раствор наркотика. Для сбивания с толку служебных собак наркотики могут прятать среди продуктов, обладающих сильным запахом [5, с. 22–23].

Помимо вышеперечисленного, в целях доставки ненаркотической продукции криминальные элементы активно используют квадрокоптеры. Ввиду развития небольших беспилотных летательных аппаратов (дронов) с достаточной грузоподъемностью и их массового использования данный метод в последующем может быть активно использован наркопреступниками [6, с. 104–105], в том числе в связи с возможностью обеспечения безопасности как груза, так и самих организаторов.

В целях изучения процедуры перевозки наркотиков, определения временных промежутков их перевозки, способностей сотрудников обнаружить тайники перед перевозкой партии наркотиков могут осуществляться пробные перемещения легальных товаров. На подготовительном этапе преступники определяют наиболее оптимальное время суток для пересечения границы, устанавливают доверительные отношения с сотрудниками, несущими службу в пунктах пропуска и таможенных переходах, определяют функционал и возможности досмотровых технических и иных средств контроля [5, с. 22]. Преступники могут заранее оговаривать план, в котором определяют места выброски груза для последующего возвращения за ним самого курьера или его сообщника либо предусматривают изменение схемы движения и используемого транспортного средства в целях введения в заблуждение сотрудников правоохранительных органов.

Некоторые способы пересылки имеют свои особенности. К примеру, на самой посылке может не указываться или указываться искаженно адрес отправителя, что при обнаружении наркотика обеспечивает его анонимность. В некоторых случаях эффективными будут являться варианты, при которых получателем указывается не имеющее отношение к преступной деятельности

лицо, которое, получив посылку, становится своеобразным тестировщиком на факт осуществления контроля со стороны правоохранителей. При миновании опасности к данному лицу приходит истинный заказчик, который сообщает о неправильно указанном адресе, после чего забирает посылку [7, с. 39–40].

Следует отметить, что эффективное осуществление всех вышеперечисленных способов является результатом тщательных подготовительных действий. Так, преступниками предварительно могут устанавливаться контакты с жителями или лицами, находящимися на «заработках» в государственном получателе. Причем использование местных жителей в качестве курьеров в некоторых случаях осуществляется без информирования последних о содержимом перевозимого ими груза. Могут подбираться родственные и иные связи, в том числе с лицами одной национальности [5, с. 22].

В целях выявления лиц, осуществляющих незаконные поставки наркотиков, используются так называемые профили риска. Указанные профили имеют в своем содержании определенные критерии, при сходстве которых в отношении проверяемого лица или транспортного средства могут осуществляться дополнительные мероприятия. Примерами таких мероприятий могут быть опрос по определенной методике или тщательные досмотровые мероприятия. При проверке документов и багажа производится предварительная оценка внешнего вида лица и проводится опрос, при этом задаются вопросы по особой методике: побудительные вопросы, отличные от тематики наркопреступности, чередуются с вопросами, касающимися непосредственно поставок наркотиков, в ходе чего ведется оценка вербальной информации, поведения и физиологических проявлений опрашиваемого [8, с. 353–354]. К тщательным досмотровым мероприятиям могут относиться использование служебных собак или отправление транспортного средства для прохождения осмотра с применением рентген-аппарата в целях выявления скрыто перевозимых предметов и веществ.

Таким образом, нами выделены основные используемые на сегодняшний день способы сокрытия незаконных поставок наркотиков и подготовительные действия преступников по минимизации вероятности выявления незаконной деятельности. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод об актуальности дальнейшей разработки такого элемента ОРХ незаконных поставок наркотиков, как способы сокрытия следов преступления, и его использования практическими подразделениями. В свою очередь, рассмотренные аспекты профилирования нуждаются в дополнительном информационном обеспечении и создании единого учета, что позволит осуществлять эффективное взаимодействие правоохранительных органов.

1. Дюко Р. А. Оперативно-розыскная характеристика изготовления или переработки наркотиков // Человек: преступление и наказание : сб. материалов Междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов, Рязань, 26 марта 2021 г. / Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний. Рязань, 2021. С. 32–38. [Вернуться к статье](#)
2. Кондратьев М. В., Зникин В. К. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Юриспруденция. 2015. № 1 (61). С. 248–255. [Вернуться к статье](#)
3. Харевич Д. Л. Актуальные аспекты оперативно-розыскной характеристики преступлений // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2005. № 1. С. 99–100. [Вернуться к статье](#)
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Республики Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 : в ред. от 30.09.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Харевич Д. Л. Способы сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности при перевозке (пересылке) наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19 (1). С. 22–24. [Вернуться к статье](#)
6. Черкасов Р. А., Ильина Т. А. Возможности использования квадрокоптеров для транспортировки грузов в логистике // Вестн. Димитровград. инженер.-технолог. ин-та. 2019. № 1 (18). С. 100–107. [Вернуться к статье](#)
7. Игнатенко Е. А. Криминалистическая характеристика способов сокрытия незаконной пересылки наркотиков // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 38–41. [Вернуться к статье](#)
8. Харевич Д. Л. Использование профайлинга для выявления контрабанды наркотиков // Органы пограничной службы Республики Беларусь: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 мая 2018 г. : в 3 т. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: В. Д. Гришко [и др.]. Минск, 2018. Ч. 1. С. 351–355. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.227

ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ЗА НЕОДНОКРАТНОЕ НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Т. В. Ковалёва

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины (Беларусь),
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

***Аннотация.** Рассматриваются отдельные аспекты расторжения трудового договора за неоднократное нарушение порядка рассмотрения обращений, касающиеся субъектов увольнения, а также деяний, за которые может быть применена данная мера.*

***Ключевые слова:** обращения граждан и юридических лиц, расторжение трудового договора, увольнение, уполномоченное должностное лицо.*

***Annotation.** Certain aspects of termination of an employment contract for repeated violation of the procedure for consideration of appeals concerning the subjects of dismissal, as well as acts for which this measure can be applied, are considered.*

***Keywords:** appeals of citizens and legal entities, termination of an employment contract, dismissal, an authorized official.*

В соответствии со ст. 40 Конституции Республики Беларусь, каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы. При этом на должностных лиц возложена обязанность рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок [1]. Данное право нашло свое развитие в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее — Закон) [2].

К. И. Кеник подчеркивает, что работа с обращениями в государстве рассматривается как один из важнейших показателей деятельности государственных органов, иных организаций и их руководителей, которые обязаны принимать меры по неукоснительному соблюдению законодательства об обращениях граждан. Руководителям государственных органов предписано обращать особое внимание на обеспечение внимательного, ответственного, доброжелательного отношения работников к гражданам [3].

На нанимателя как организацию, которая обязана осуществлять надлежащее рассмотрение обращений, возложены обязанности по обеспечению соблюдения порядка рассмотрения обращений (ст. 28 Закона) [2]. В Законе дается отсылка к иному законодательству в части привлечения к ответственности уполномоченных должностных лиц за данные нарушения. Такая

ответственность закреплена и в трудовом законодательстве. Р. И. Филипчик и Н. И. Филипчик отмечают, что за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц к работнику может быть применена любая мера дисциплинарного взыскания. В то же время законодатель установил и самую строгую меру взыскания — увольнение с работы [4]. Согласно п. 9 ст. 42 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК), прекращение трудового договора возможно за неоднократное нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц [5].

Контроль и надзор за соблюдением порядка рассмотрения обращений осуществляются организациями в соответствии с их компетенцией. В соответствии с п. 11 Указа Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц», вышестоящий орган по каждому случаю ненадлежащего рассмотрения обращений подчиненными или входящими в его состав (систему) организациями направляет их руководителю представление о привлечении должностных лиц, допустивших нарушение порядка рассмотрения обращений, к дисциплинарной ответственности, а при выявлении в течение года повторного нарушения этими должностными лицами порядка рассмотрения обращений — представление о применении к данным лицам более строгой меры дисциплинарного взыскания вплоть до освобождения от занимаемой должности [6].

Несмотря на то, что данное основание отнесено к общим основаниям прекращения трудового договора, возможно увольнение только работника, на которого возложены обязанности по рассмотрению обращений. Согласно ч. 3 ст. 5 Закона, руководители организаций несут персональную ответственность за ненадлежащую работу с обращениями граждан и юридических лиц. Также возможно делегирование полномочий по рассмотрению обращений другим работникам на основе приказа руководителя организации или путем закрепления обязанностей в должностной инструкции.

Следует отметить, что напрямую в квалификационных справочниках не закреплена, какие именно работники осуществляют работу с обращениями. Исключением является должность заместителя руководителя организации по идеологической работе, в обязанности которого вменяется рассмотрение в пределах своей компетенции обращений работников организации и граждан. Таким образом, представляется, что круг работников, которые могут быть уволены по данному основанию, ограничен руководителем организации или уполномоченным им должностным лицом. В связи с этим целесообразно согласиться с мнениями ученых о необходимости перенесения данного основания в ст. 47 ТК [7, с. 340].

Прекращение трудового договора возможно за неоднократное нарушение порядка рассмотрения обращений. Как обращает внимание К. И. Кеник, для определения, какие действия (бездействия) могут являться основанием для применения мер дисциплинарного взыскания (в том числе увольнения), необходимо изучить ряд нормативных правовых актов, регулирующих вопросы рассмотрения обращений [2; 3; 6; 8].

Рассмотрим основные обязанности организаций, индивидуальных предпринимателей при работе с обращениями, перечисленные в Законе. К таким обязанностям, в частности, относятся: обеспечение внимательного, ответственного, доброжелательного отношения к заявителям; недопущение формализма, бюрократизма, волокиты, предвзятого, нетактичного поведения, грубости и неуважения к заявителям; информирование заявителей о принятых решениях; обеспечение контроля за исполнением принятых решений [2].

Опираясь на Закон, при проведении проверок по факту нарушения порядка рассмотрения обращений наниматель, помимо анализа соблюдения вышеназванных обязанностей, должен установить, в частности:

- принято и зарегистрировано ли обращение;
- дан ли ответ на обращение по существу, т. е. рассмотрены ли все изложенные в обращении вопросы, приняты надлежащие меры по защите, обеспечению реализации, восстановлению прав, свобод и (или) законных интересов заявителя; при этом несогласие заявителя с выводами, изложенными в ответах на письменные обращения, не свидетельствует, что вопросы не рассмотрены по существу [9, с. 5];
- дан ли ответ в соответствующей форме (в зависимости от формы обращения и дается ответ; в случае, если для дачи ответа на устное обращение требуется изучение дополнительной информации, то ответ должен быть дан в письменной форме);
- обоснован и мотивирован ли ответ, при необходимости со ссылками на нормы права, содержит ли конкретные формулировки, опровергающие или подтверждающие доводы заявителей;
- изложен ли ответ на языке обращения;
- в установленные ли сроки дан ответ (общий срок для ответа на обращения составляет пятнадцать дней; при необходимости дополнительного изучения и проверки срок продлевается до одного месяца; в исключительных случаях срок может быть превышен с обязательным письменным уведомлением заявителя о причинах такого превышения);
- разъяснен ли заявителям порядок обжалования ответов [2].

Также, в соответствии с ч. 1 ст. 5 Закона, заявителям гарантируется, что должностные лица и иные работники организаций, индивидуальные

предприниматели и их работники не имеют права разглашать сведения о личной жизни граждан без их согласия, а также сведения, составляющие государственные секреты, коммерческую и (или) иную охраняемую законом тайну, ставшие им известными в связи с рассмотрением обращений [2].

В случае нарушения хотя бы одного из указанных пунктов Закона уполномоченный работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, а при наличии неоднократных нарушений наниматель вправе уволить работника.

Указанное увольнение является дисциплинарным, и требуется соблюдение порядка привлечения к ответственности. При этом нанимателю необходимо установить, что работником допущены нарушения неоднократно, т. е. два и более раза в течение шести месяцев. В законодательстве не указывается, требуется ли привлечение к ответственности за ранее совершенный проступок. Е. В. Гадлевская отмечает, что в качестве документов, подтверждающих нарушение законодательства об обращениях граждан и юридических лиц, могут выступать постановления компетентных государственных органов о наложении административных взысканий, документы, подтверждающие привлечение работника к дисциплинарной ответственности, и т. д. [10].

Кроме того, в п. 9 ч. 1 ст. 42 ТК предусмотрен более сокращенный срок, в течение которого работник может совершить неоднократное нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, по сравнению с общим основанием расторжения трудового договора за неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание (п. 6 ч. 1 ст. 42 ТК), — шесть месяцев. В то же время считаем, что прекращение трудового договора за совершение указанных действий может подпадать под п. 6 ст. 42 ТК, т. к. надлежащее рассмотрение обращений и предоставление сведений является трудовой обязанностью отдельных категорий работников. Если за ранее совершенный проступок работник привлекался к дисциплинарной ответственности и шестимесячный срок уже истек, то наниматель в течение года вправе уволить работника по п. 6 ст. 42 ТК, но не по п. 9 ст. 42 ТК.

Таким образом, считаем обоснованным мнение ученых о необходимости исключения указанного основания расторжения трудового договора из ст. 42 ТК и дополнения им ст. 47 ТК, т. к. оно может быть применено только к отдельным категориям работников.

При этом следует отметить, что наниматель самостоятельно определяет перечень субъектов, отвечающих за совершение отдельных действий. В связи с этим целесообразно также изложить новый пункт ст. 47 ТК в следующей редакции: «11) неоднократного (два и более раза в течение шести месяцев)

нарушения уполномоченным должностным лицом нанимателя установленного законодательством порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц, а также неправомерного отказа в рассмотрении относящихся к компетенции соответствующего государственного органа обращений граждан и юридических лиц».

Перечень деяний, за которые может быть применена самая строгая мера дисциплинарного взыскания в виде увольнения, является открытым — это может быть любое действие или бездействие, противоречащее законодательству об обращениях граждан и юридических лиц.

В то же время данное основание увольнения не требует предварительного привлечения работника к дисциплинарной ответственности, а в случае привлечения к указанной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц и последующего совершения дисциплинарного проступка в данной сфере в течение года работник может быть уволен по п. 6 ст. 42 ТК.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 80 с. [Вернуться к статье](#)

2. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.06.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Кеник К. И. Законодательство об обращениях граждан и юридических лиц и ответственность за его нарушение [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Филипчик Р. И., Филипчик Н. И. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь. Раздел II. Общие правила регулирования индивидуальных трудовых и связанных с ними отношений. Глава 4. Прекращение трудового договора (статьи 35–52) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.02.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498 : с изм. и доп. от 14.11.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Волк Е. А. Основания расторжения трудового договора по инициативе нанимателя: дискуссионные новеллы // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск,

26 марта 2020 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2020. Ч. 1. С. 339–343. [Вернуться к статье](#)

8. Об основах административных процедур [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 окт. 2008 г., № 433-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.10.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Архив ООО «Инвестэнергогрупп». Дело № 142-11/2019, 2019 г. [Вернуться к статье](#)

10. Гадлевская Е. В. Особенности прекращения трудового договора с работниками, работающими по контракту [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.95

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДЕТСКОЙ БЕЗНАДЗОРНОСТИ
И БЕСПРИЗОРНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Ю. А. Колотилкин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры административной деятельности
факультета милиции

***Аннотация.** В статье затрагивается вопрос необходимости и возможности совершенствования существующей в Республике Беларусь системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** беспризорность, безнадзорность, национальная безопасность, профилактика правонарушений, семья, несовершеннолетние, административное право, органы внутренних дел.*

***Annotation.** The article touches upon the issue of the need and possibility of improving the existing system of prevention of neglect and juvenile delinquency in the Republic of Belarus.*

***Keywords:** homelessness, neglect, national security, crime prevention, family, minors, administrative law, internal affairs bodies.*

Одной из самых негативных тенденций в любом обществе, относящихся к детям, является оставление их без надзора, а самое неприемлемое в любом социально-правовом государстве — оставление детей без родителей либо их законных представителей.

В результате отсутствия контроля несовершеннолетние под воздействием различных негативных и деструктивных факторов, оказывающих на них оказывающих существенное влияние, совершают значительное количество правонарушений, в первую очередь в подростковой среде.

В Республике Беларусь статистические данные последних лет (2017–2022 гг.) свидетельствуют об определенной стабилизации криминогенной обстановки, в том числе в сегменте преступлений и правонарушений несовершеннолетних. Однако отдельные показатели свидетельствуют о необходимости активизации целенаправленного воздействия на первичную и рецидивную преступность несовершеннолетних.

Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, являются негативными социальными явлениями. Борьба с ними может быть эффективной

лишь при использовании комплексного подхода, в том числе при разработке мер, направленных на их предупреждение и устранение.

К одной из первоочередных мер по предотвращению негативных тенденций преступности несовершеннолетних и их предупреждению относится эффективное административно-правовое регулирование деятельности всех государственных органов, в том числе органов внутренних дел, в компетенцию которых входят вопросы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Конституция Республики Беларусь устанавливает равенство всех перед законом, а также закрепляет обязанность родителей либо их представителей воспитывать детей, заботиться об их здоровье, их развитии, обучении, закрепляет право каждого на образование. Эти положения являются базой для формирования системы воспитания молодежи, чувства общественного долга, стремления к соблюдению правопорядка [1].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь определены основные национальные интересы в демографической сфере: устойчивый рост численности населения нашей страны на основе последовательного увеличения рождаемости, продолжительности жизни, снижения смертности населения, повышения уровня общего здоровья, забота о здоровье ребенка и матери, а также укрепление института семьи как наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания [2].

Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» закрепляет принципы государственной политики в отношении детей, их статус, а также обязанности всех государственных органов и негосударственных организаций в пределах компетенции по их защите [3]. Законом определена система государственных органов, организаций, в том числе негосударственных, обеспечивающих защиту прав и законных интересов детей, принципы координации их деятельности.

Особое место в системе нормативных правовых актов Республики Беларусь, регулирующих деятельность государственных и негосударственных субъектов по предупреждению преступности несовершеннолетних, отводится Закону Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]. Данным Законом установлены основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с выявлением и пресечением случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение правонарушений.

Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» определена система социальных и иных мер, направленных на выявление и устранение негативных тенденций совершения несовершеннолетними противоправных действий, определен перечень

государственных органов и организаций, основные направления их деятельности в рамках своевременного выявления негативных тенденций и обеспечения согласованных действий в указанном направлении работы [5].

Органы внутренних дел в реализации государственной политики противодействия правонарушениям несовершеннолетних являются одним из основных органов. Для сотрудников органов внутренних дел выполняемые в данной сфере задачи являются системными и подчинены достижению поставленных целей. Эти задачи определены Законом «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Общей целью для сотрудников милиции в указанном направлении деятельности является своевременная коррекция состояния несовершеннолетнего, обеспечение его прав для достижения целей применение к нему своевременных мер профилактического воздействия, необходимых и достаточных для его воспитания [6].

Достижение целей профилактического воздействия осуществляется путем своевременного выявления правонарушений, в том числе совершенных в состоянии неочевидности, их своевременной регистрации, рассмотрения и принятия необходимых мер превентивного характера, реализуемого в административно-деликтном законодательстве [7].

Задачей Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях является не только защита всех ценностей государства, общества, но также и предупреждение в дальнейшем возможных негативных тенденций в развитии государства. Кодексом установлены особенности наложения административных взысканий в отношении несовершеннолетних, родителей и иных лиц, занимающихся воспитанием детей, а также лиц, вовлекающих детей в совершение противоправных действий, особенности освобождения указанных лиц от административной ответственности, а также меры воспитательного воздействия, применяемые государственными органами к несовершеннолетним, совершившим административные правонарушения.

Возраст несовершеннолетнего, обуславливающий психофизические особенности организма, объясняет необходимость наличия особых правил, которыми обязаны руководствоваться сотрудники органов внутренних дел на стадиях подготовки и рассмотрения дел об административных правонарушениях. При этом должны обеспечиваться права несовершеннолетнего как лица, которому необходима помощь в процессе его взросления, формировании полноценного гражданина и члена нашего общества.

Права несовершеннолетних должны обеспечиваться путем максимально глубокого и всестороннего изучения всех факторов правонарушения. При этом должны использоваться особые педагогические методы работы с несовершеннолетними с разъяснением сути деяния, последствий привлечения

к административной ответственности. При этом и после привлечения к административной ответственности за несовершеннолетними и их родителями, другими лицами осуществляется в течение определенного срока профилактическое наблюдение с целью контроля и коррекции их поведения.

Индивидуальная профилактическая работа, осуществляемая органами и учреждениями, осуществляющую профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, реализуется в рамках Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [5]. В указанном Законе определена система государственных органов и учреждений, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, установлены права, гарантии несовершеннолетних при проведении индивидуальной профилактической работы, определены категории подростков, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, виды и содержание профилактических мероприятий, основания их проведения, сроки нахождения несовершеннолетних на учетах.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в нашем государстве указанный перечень мер не является исчерпывающим, способен влиять на негативные тенденции, однако они требуют постоянного совершенствования.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О правах ребенка : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХП [Электронный ресурс] : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.05.2022 г. № 169-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 января 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 347

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)****Т. А. Корень**

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
доцент кафедры юриспруденции,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Исследование посвящено выявлению особенностей судебных экспертиз по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** судебная экспертиза, экономическая несостоятельность, банкротство.*

***Annotation.** The study is devoted to identifying the features of forensic examinations in cases of economic insolvency (bankruptcy) in the Republic of Belarus.*

***Keywords:** forensic examination, economic insolvency, bankruptcy.*

Согласно абз. 4 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», судебная экспертиза — это экспертиза, назначенная и проведенная в порядке, установленном процессуальным законодательством [1]. Она представляет собой процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Правовой институт судебно-экспертизы носит межотраслевой характер.

Судебные экспертизы в экономическом судопроизводстве имеют отличительные особенности, они обусловлены спецификой рассматриваемых споров. Характерными для хозяйственного процесса являются строительная, строительско-техническая, экономическая, бухгалтерская, товароведческая, землеустроительная и другие экспертизы.

Дела об экономической несостоятельности (банкротстве) имеют свою специфику и рассматриваются в порядке отдельных видов судопроизводства (ст. 265 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК Республики Беларусь)) [2]. Вопросам исследования процедур экономической несостоятельности (банкротства) в Беларуси посвящены труды К. Захилько, В. Каменкова, Д. Ломаника, С. Ляха, А. Мирониченко, А. Педько, А. Романова, А. Садовникова, С. Слукина, А. Смольского, В. Химичева, А. Чугуновой и др.; рассмотрению различных аспектов применения процессуального законодательства о банкротстве посвящены научно-практические

публикации судей и специалистов экономических судов, таких как Т. Адамовой, А. Карамышева, С. Ковалева, Р. Колбасова, Д. Кота, Е. Павловой, М. Послед, Н. Сарнавской, О. Синкевич, В. Трамбачева, С. Турмовича, В. Шильченка и др.

Системный анализ норм ХПК Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон) [3], Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» [4], Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» [1], иных нормативных правовых актов и сложившейся судебной практики [5; 6] позволил сформулировать следующие выводы и суждения.

Общие процессуальные нормы о назначении экспертизы, об эксперте как участнике хозяйственного процесса содержатся в ст. 69, 70, 92–96 ХПК Республики Беларусь; проведение судебной экспертизы урегулировано ст. 31–35 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности».

Согласно действующему Закону [3], в сфере банкротства инициаторами проведения экспертизы могут быть:

- временный (антикризисный) управляющий (ч. 4 ст. 43 Закона, абз. 4 ч. 1 ст. 76 Закона);
- иные лица, участвующие в деле об экономической несостоятельности (банкротстве) (ч. 5 ст. 43 Закона), например, кредитор(-ы), обратившиеся с заявлением о банкротстве должника в экономический суд, должник, государственный орган управления, «крупные», «мажоритарные» кредиторы (банк, лизинговая компания, инспекция Министерства по налогам и сборам); прокурор, обратившийся с заявлением в суд; собственник, учредители (участники) должника;
- экономический суд (ч. 2 ст. 47 Закона, ч. 5 ст. 125 Закона).

Экспертиза по банкротному делу может быть назначена судом в любой процедуре банкротства:

- в защитном периоде (ст. 43 Закона);
- на стадии подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 47 Закона);
- после вынесения определения об открытии конкурсного производства до принятия решения о санации (ст. 125 Закона);
- после вынесения решения об экономической несостоятельности до либо для окончательного решения вопроса о продлении срока санации (ст. 125 Закона).

По своему содержанию рассматриваемые экспертизы относят к классу финансово-экономических экспертиз. В свою очередь, судебные экспертизы по банкротным делам можно условно разделить на 3 группы:

- экспертизы по установлению наличия признаков «криминального банкротства» (преднамеренное, ложное банкротство, сокрытие банкротства, препятствование возмещению убытков кредитору);
- экспертизы по обоснованности и «качеству» планов санации, ликвидации, мирового соглашения, мер по финансовому оздоровлению субъекта хозяйствования; такие экспертизы назначаются в целях достижения положительных результатов санирования, проверки обоснованности продления срока финансового оздоровления, установления срока окончания погашения долгов и т. п.; анализ судебной практики за 2018–2022 гг. показал, что наиболее востребованными были экспертизы плана санации сельскохозяйственных предприятий;
- экспертизы по другим вопросам, к которым можно отнести: реальность восстановления платежеспособности должника и мер ее восстановления; оценку действий руководителя должника, временного (антикризисного) управляющего, управляющего, учредителей (участников) должника, повлекших ухудшение финансового состояния должника; оценку финансового состояния и платежеспособности отдельных категорий должников (страховой компании, банка, сельхозорганизации и др.); соответствие законодательству отдельных финансовых и хозяйственных сделок должника в предбанкротный период; оценку вероятностных последствий продажи предприятия, в том числе обоснованности предложений и сделок по продаже предприятия-должника, установление начальной цены предприятия и др.

Назначение экспертизы процессуально оформляется судом, рассматривающим дело о банкротстве, определением (ст. 92 ХПК Республики Беларусь), которое является окончательным и обжалованию в вышестоящую судебную инстанцию не подлежит.

Таким образом, экспертиза по банкротным делам является значимым для правильного рассмотрения дела и востребованным институтом, имеет особую область применения.

Принятый новый базовый закон в области регулирования банкротства — Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. «Об урегулировании неплатежеспособности» (вступает в силу с 1 октября 2023 г.) не содержит принципиальных изменений в части регулирования экспертиз по рассматриваемой категории дел (ст. 37) [4]. Между тем введенные терминологические новеллы, изменения в части процедур банкротства, декриминализация ложного банкротства, корректировка сроков процедур банкротства и иные новшества требуют повышенного внимания и осмысления.

Представляется необходимым расширение применения экспертиз по банкротным делам при санации градообразующих, системообразующих и

бюджетообразующих организаций, обеспечение научно-методического сопровождения назначения и проведения экспертиз рассматриваемого вида.

1. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 281-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г., № 227-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Банк судебных постановлений // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: http://www.court.gov.by/online-help/bankr_inf/ (дата обращения: 15.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Корень Т. А. Особенности судебной экспертизы по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2021. № 1. С. 11–16. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.983

**АКТУАЛЬНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ МЕТОДИКИ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА:
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РАМКАХ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В. С. Красиков

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

А. И. Пархомцева

Белорусский государственный университет,
студент юридического факультета

***Аннотация.** Статья посвящена сравнительному анализу двух зарубежных технологий (тактик, методик, стратегий) — девятиступенчатой тактики Рейда и метода когнитивного интервью. Авторы оценивают возможность интеграции данных методик в практику правоохранительной деятельности Республики Беларусь в сфере уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности.*

***Ключевые слова:** тактика Рейда, когнитивное интервью, производство допроса, стратегия, тактика и методика допроса, предварительное расследование, оперативно-розыскная деятельность.*

***Annotation.** The article is devoted to a comparative analysis of two foreign tactics — the nine-step Raid Tactics and the cognitive interview method. The authors evaluate the possibility of integrating these methods into the Belarusian criminal procedure legislation, improving them within the framework of the preliminary investigation.*

***Keywords:** Raid tactics, cognitive interview, interrogation production, interrogation tactics and techniques, preliminary investigation.*

Допрос был и остается одним из основных и эффективных способов получения вербальной информации при выяснении обстоятельств, относящихся к совершенному противоправному деянию. Основная проблема при производстве этого следственного действия заключается в сложности разработки сотрудником правоохранительных органов верной стратегии взаимодействия или определенной тактики с конкретным субъектом, обладающим интересующей информацией. В ряде учебных и научных источников уделяется внимание проведению отдельных приемов (например, демонстрация улики, выжидание, предъявление доказательств и др.), однако целостной картины, технологии

производства не показано. Это является, на наш взгляд, серьезной научной и методической проблемой, которая нуждается в разработке.

В статье с точки зрения законности и целесообразности изучены две технологии (стратегии, тактики, методики) производства допроса (оперативного опроса — в оперативно-розыскной деятельности), которые с успехом применяются в правоприменительной деятельности за рубежом.

В ходе производства следственных действий и решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) работники правоохранительных органов сталкиваются с рядом проблем при выяснении обстоятельств, которые необходимы для установления истинной картины результатов преступной деятельности. Допрашиваемые (опрашиваемые) лица не всегда могут четко сформулировать то, что действительно относится к расследуемому событию, или же намеренно скрывают правду. В данных случаях сотрудник сталкивается с ситуацией противодействия и ему нередко приходится его преодолевать, избывая ложь, применяя определенные приемы психологического воздействия. В этом отношении чрезвычайно интересно изучить опыт работы зарубежных правоохранительных структур, где созданию формализованных технологий уделяется особое внимание, так как эти технологии оцениваются на предмет допустимости и достоверности получения доказательств.

Зарубежный опыт играет немаловажную роль в развитии новых подходов при проведении допроса и, по нашему мнению, его игнорировать не стоит. Одними из наиболее актуальных и новаторских приемов при производстве допроса являются девятиступенчатая система допроса подозреваемых, разработанная американским криминалистом Джоном Э. Рейдом [1], и метод «когнитивное интервью», апробированный американскими специалистами Рональдом Фишером и Эдвардом Гейзелеманом [2]. Данные методики, суть которых заключается в налаживании определенного контакта с допрашиваемым, кардинально отличаются семантическим значением данного взаимодействия. В тактике Рейда речь идет о конфронтационном взаимодействии, а в когнитивном интервью — о дружеском контакте с допрашиваемым лицом. Рассматривая подробно тактику Рейда, суть которой заключается в том, что признание подозреваемого является основным доказательством при предъявлении обвинения, и получения данных показаний весьма спорны в плане законности и безопасности для допрашиваемого лица, в рамках белорусского уголовно-процессуального законодательства.

Однако не стоит упускать из виду, что в практических случаях сотрудникам правоохранительных органов нередко приходится «импровизировать» при коммуникативном взаимодействии с допрашиваемым лицом. Особенно это касается тех случаев, когда в допросе участвует лицо, ранее неоднократно

преступившее закон. Преступники-рецидивисты зачастую обладают определенным опытом и практическими знаниями, как вести себя в таких условиях, и данная среда в основном не является существенным стрессовым триггером для их психики и эмоционального фона. В таких случаях следователю (оперуполномоченному) приходится прибегать к разного рода тактическим уловкам и приемам, которые можно позаимствовать и из системы Рейда.

Основная идея при допросе подозреваемых по тактике Рейда включает в себя девять ступеней для результативного проведения допроса [3]:

1. Выявление противодействия или прямой конфронтации (ситуации конфликта). Следователь сообщает допрашиваемому лицу причину его задержания и дает возможность сразу же дать признательные показания.

2. Отклонение. Если подозреваемый не признает свою вину, то следователь прибегает к такому методу, как формирование «легенды», который отражает в себе возможные объяснения и вынужденные обстоятельства, которые побудили данное лицо так поступить. При этом следователь четко отдает отчет в том, что он манипулирует моральными ценностями допрашиваемого и, скажем так, взывает его к совести, «облегчить свою душу». Мы считаем, что данный метод весьма спорный и на этом этапе можно допустить нарушение одного из основных принципов уголовного процесса, а именно презумпцию невиновности, которая гласит: «лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана». Данный тактический прием изначально строится на безоговорочной вине допрашиваемого, что некорректно.

3. Превосходство. Суть данного приема заключается в том, что следователь насаждает на допрашиваемого, демонстрирует абсолютную виновность подозреваемого в случившемся событии, выдвигает версии совершенного преступления. При этом не дает возможности возражать или реализовать свое право на помощь защитника. Как видно, данный метод тоже весьма спорный и противоречит многим принципам, которые лежат в основе уголовного процесса.

4. Превращение возражений в подтверждения. Суть данного метода заключается в перефразировании ответов допрашиваемого в наводящие вопросы на примере: «Я бы не смог убить» — что в свою очередь следователь в ответ может интерпретировать: «Значит, Вы не хотели убивать, так ведь?». По нашему мнению, крайне сомнительный способ получения информации, так как он усложняет ход проведения допроса и ставит под сомнение действительность произошедшего из-за возможно ложной вины подозреваемого. Это, в свою очередь, может существенно смазать продвижение расследуемого дела и допустить

упущение важных деталей, чему виной являются недопустимые наводящие вопросы.

5. Проявление эмпатии. Данная ступень характеризуется как преднамеренное использование такой психологической уловки — эмпатии, которая вводит в заблуждение допрашиваемого мнимым сопереживанием и сочувствием следователя к подозреваемому, что выглядит со стороны допрашивающего как полное погружение во внутренний мир подозреваемого, противопоставляя себя на его место, допущение такой же реакции со своей стороны на произошедшее, тотальное сострадание. Это выглядит как попытка найти контакт с допрашиваемым, что схоже с когнитивным интервью, однако это не так. На наш взгляд, это очередная психологическая манипуляция, которая лишена законной объективности и недопустима при производстве допроса.

6. Проработка различных сценариев. Данный метод имеет схожие черты с методом «допущения легенды». Различие заключается в том, что ведущую роль в проработке нескольких версий произошедшего исходит не от допрашиваемого, а от следователя, который, в свою очередь, уверен в абсолютной виновности допрашиваемого. Данный метод позволяет следователю подобрать «оптимальное» объяснение случившемуся даже при отсутствии других видов доказательств.

7. Постановка «альтернативных вопросов». Когда следователь выбрал приемлемый сценарий произошедшего, то он дает право допрашиваемому определиться с ориентировочным мотивом, который имеет разную смысловую окраску, например, один вопрос: «Она Вас раздражала?», а другой: «Вы не могли поступить иначе?». Как правило, допрашиваемый попадает в эту манипулятивную «ловушку» и выбирает для себя более верный вариант, что ошибочно дает право удостовериться следователю в своей правоте. И здесь мы тоже наблюдаем достаточно сильное психологическое давление на допрашиваемого, что во многих доказанных случаях показало свое небезопасное и травматичное последствие для психоэмоционального состояния допрашиваемого.

8. Повторение. Суть данного метода заключается в том, чтобы допрашиваемый повторил свои показания в присутствии лиц, ранее не участвовавших при предыдущем допросе.

9. Фиксация в письменной форме. Признание должно быть немедленно занесено в протокол и подписано допрашиваемым.

При реализации в практике алгоритма действий по системе Рейда очень важное значение уделяется оборудованию помещения для проведения допроса, определенному виду обращения к допрашиваемому, длительному ожиданию перед началом следственного действия и минимизации физического контакта между сотрудником и допрашиваемым лицом.

Немаловажную роль при выборе тактики Рейда в допросе играет умение следователя считывать и подмечать невербальные знаки допрашиваемого, что в теории помогает заметить те или иные попытки скрыть правду. Тактика Рейда, по сути, на этом и основана, что виновное лицо раскроет себя неконтролируемыми физическими проявлениями (жестов, мимики и т. д.).

Оценивая данную методику при производстве допроса, мы считаем, что она может применяться только в незначительных случаях и при наличии существенных доказательств, которые указывают на очевидную причастность допрашиваемого лица. Данный метод мало универсален и совершенно не применим, если речь идет о допросе несовершеннолетних, так как имеет ярко выраженные агрессивные атаки по отношению к особенностям строения психики допрашиваемых детей, незрелость которых может фактически не выдержать такого противостояния. Тактика Рейда применима только с существенными изменениями и дополнениями, которые должны в себе содержать фундаментальные принципы и основы уголовного процесса, и с дополнительными специфическими знаниями в области психологии. Хотя не стоит отрицать того, что это действительно интересный алгоритм действий и он доказал свою значимость и эффективность за рубежом. Как предлагалось нами ранее, данная система может хорошо показать себя при допросе преступников-рецидивистов, а также подозреваемых лиц, в виновности которых органы уголовного преследования уверены из-за наличия иных видов доказательств, указывающих на причастность данных лиц.

В противовес тактике Рейда можно рассмотреть особенности другой технологии — метода «когнитивного интервью», цель и задача которого заключаются в активизации воспоминаний допрашиваемого с помощью определенных приемов. Когнитивное интервью, например, основывается на пробуждении воспоминаний у допрашиваемого лица в процессе достигнутой ситуации сотрудничества, когда совместными усилиями восстанавливается картина исследуемого события [2]. Технология включает пять основных позиций:

1. Создание предпосылок. На данном этапе создаются комфортные условия для допрашиваемого лица с целью получения от него информации. Взаимодействие начинается перед непосредственным вступлением в коммуникативный и личностный контакт. Следователь с помощью дедуктивных и индуктивных умозаключений делает первые наброски образа личности допрашиваемого лица, выбирает подходящий способ налаживания контакта с ним, а также создает свой доверительный облик в глазах допрашиваемого. Сложность данного способа заключается в установлении успешного психологического контакта с допрашиваемым. Однако, на наш взгляд, это весьма эффективный способ получения достоверной информации, так как у следователя есть

возможность создать доверительные отношения с допрашиваемым, что поможет ему «открыть» по какой-то причине заблокированную информацию в слоях памяти данного лица.

2. Свободный рассказ. Суть данной стадии заключается в том, что следователь дает возможность допрашиваемому в свободной повествовательной форме воспроизвести общий и детальный планы события. Рекомендуется допрашиваемому не обделять вниманием наиболее красочные, отчетливые образы, которые он запомнил. Это помогает следователю выработать дальнейшую структуру постановки вопросов.

3. Стадия зондирования (пробинга). На данной стадии следователь пытается прощупать так называемые следы памяти. Очень важно объяснить допрашиваемому значимость концентрации его внимания на наиболее ценном следе памяти и воспроизведения сущности описываемого события. Следователь по ходу развития событий на данной стадии может помочь сосредоточиться допрашиваемому, задает вопросы, при этом не препятствует естественному течению повествования допрашиваемого. Уделяется внимание невербальным реакциям допрашиваемого. При фиксации свободного повествования допрашиваемого следователь помогает ему заметить и прочувствовать наиболее важную деталь, которая была им обнаружена путем анализа услышанного. Не рекомендуется спешить выяснять детали только что возникшего образа у допрашиваемого, так как это может повторно заблокировать информацию. На данной стадии возможно, что из данного образа извлекается не вся информация. В таком случае могут задаваться более конкретизирующие вопросы. После получения всей необходимой информации из наиболее яркого образа следователь таким же образом производит зондирование оставшихся образов. По нашему мнению, данный тактический прием имеет отличный вид от классического понимания проведения допроса, что весьма интересно. Данный способ можно охарактеризовать как комбинацию психологических процессуальных элементов, что выявляет необходимость следователя обладать более широким спектром навыков и знаний, которые выходят за рамки юриспруденции.

4. Обзорная стадия. На данной стадии следователь совместно с допрашиваемым анализируют полученную информацию, выясняется достоверность зафиксированных данных. На данной стадии следователь просит допрашиваемого исправлять неправильно описанные моменты, делиться с новыми поступающими воспоминаниями.

5. Выяснение полных сведений о допрашиваемом (опрашиваемом). Следователь поддерживает контакт после проведения допроса, закрепляет установленную связь, предлагает позвонить, если допрашиваемый что-то вспомнит. Старается сохранить у допрашиваемого приятное впечатление о себе.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Сами по себе изучаемые технологии не проявляют признаков незаконности. Технологии проведения следственных действий помогают работникам правоохранительных органов правильно организовывать свою работу на плановой основе, оформлять своеобразный сценарий целенаправленной деятельности. Основываясь на сравнении двух американских методик, а именно тактики Рейда и когнитивного интервью, можно четко сформулировать вывод, что они прямо противоположны друг другу. Если основная суть когнитивного интервью заключается в установлении максимально тесного благоприятного контакта с допрашиваемым для получения информации, то в противовес выступает тактика Рейда, которая за основную идею выдвигает явную конфронтацию и борьбу с личностью допрашиваемого.

2. Когнитивное интервью показало высокую эффективность при допросе несовершеннолетних, чем пользуются наши белорусские сотрудники структурных подразделений. Однако есть и свои существенные минусы: для того чтобы использовать данную методику при допросе, следователь должен обладать специальными знаниями в области психологии, педагогики и т. д. В этом отношении требуется получение теоретических знаний и практического опыта в сфере науки психологии в рамках юридического образования и повышения профессиональной квалификации.

3. Оба метода имеют право на существование, так как в своей основе весьма познавательны и информативны, что в очередной раз подчеркивает актуальность и важность поиска и разработки новых эффективных технологий (стратегий, тактик, методик) при производстве допроса и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

1. Андронюк Н. А., Пачина Т. С. Допрос по «Тактике Рейда» в Американском уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 171–176. [Вернуться к статье](#)

2. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. Методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2002. 448 с. [Вернуться к статье](#)

3. John E. Reid & Associates [Electronic resource]. URL: http://www.reid.com/success_reid/r_sresults.html (date of access: 08.03.2023). [Вернуться к статье](#)

УДК 34.1

**ПОНЯТИЕ И ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****В. А. Круглов**заслуженный работник образования Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Медицинское право Республики Беларусь — это совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере здравоохранения Республики Беларусь.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинское право, отрасль права, общественные отношения, предмет правового регулирования.

Annotation. Medical law of the Republic of Belarus is a set of legal norms governing public relations in the healthcare sector of the Republic of Belarus.

Keywords: healthcare, medical law, branch of law, public relations, subject of legal regulation.

В данной работе мы не ставим цель вступать в дискуссию с авторами, которые утверждают, что медицинское право — «комплексная отрасль права» [1, с. 80–83], или что это «отрасль гражданского права» [2], или что это «самостоятельная отрасль права» [3, с. 32–36], или что это «межотраслевой институт» [4, с. 9] и т. д. Так или иначе медицинское право развивается как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации [5] и других государствах земного шара.

На основании проведенных исследований мы сделаем выводы только относительно совокупности правовых норм, регулирующих отношения в сфере здравоохранения Республики Беларусь в современный период.

В условиях бурного развития национального законодательства выделение совокупностей правовых норм, регулирующих те или иные общественные отношения, — закономерный процесс, который требует пересмотра некоторых якобы устоявшихся теоретических положений, в том числе касающихся дефиниции «отрасль права» [6].

В Республике Беларусь действует большое число различных юридически обязательных правил, которые имеют своей целью обеспечить благоприятные условия для развития и управления здравоохранением как одной из приоритетных отраслей экономики.

В соответствии с п. 26 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении», здравоохранение — отрасль деятельности государства, целью которой являются организация и обеспечение доступного медицинского обслуживания населения [7].

Деятельность всех субъектов медицинского права регулируется соответствующими нормативными правовыми актами.

Статья 2 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» гласит: «Отношения в области здравоохранения регулируются законодательством о здравоохранении, международными договорами Республики Беларусь, а также международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза.

Законодательство о здравоохранении основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из настоящего Закона, актов Президента Республики Беларусь и иных актов законодательства...

Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора» [7].

Законодательство Республики Беларусь регулирует не только общественные отношения, связанные с государственным управлением в сфере здравоохранения, но и отношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в ходе осуществления самой деятельности в этой сфере экономики.

Налицо совокупность правовых норм и предмет правового регулирования этих норм. А это не что иное, по мнению В. Д. Сорокина, как один из признаков отрасли права [8, с. 11]. Подчеркнем, что это только один из признаков отрасли права, в данном случае медицинского права.

Таким образом, *медицинское право* представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере здравоохранения.

Вместе с тем некоторые ученые отмечают, что в основе деления системы права на отрасли «лежат два критерия: предмет и метод правового регулирования» [9, с. 566].

Так, например, для правового регулирования общественных отношений, связанных с предупреждением распространения опасных для здоровья человека заболеваний, применяется императивный метод, основанный на принуждении, выражающийся в применении этих мер к конкретным лицам для их принудительного лечения. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 28 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении», «лица, имеющие заболевания, представляющие опасность для здоровья населения, в случае уклонения от лечения могут быть подвергнуты принудительной госпитализации и лечению в государственных организациях здравоохранения». В соответствии со ст. 30 этого же Закона, для оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, применяется принудительное их обследование в целях установления диагноза

хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании и осуществляется на основании постановления органов внутренних дел, а принудительное лечение — по решению суда в порядке, установленном законодательством [7].

Для правового регулирования общественных отношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся между пациентом (физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью, находящееся под медицинским наблюдением либо получающее медицинскую помощь) и работником здравоохранения (лицо, занимающее в установленном законодательством порядке должность медицинского, фармацевтического работника, а также иное лицо, работающее в области здравоохранения) применяется диспозитивный метод. Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 41 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении», пациент имеет право на выбор лечащего врача и организации здравоохранения [7].

Таким образом, государство для регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения использовало как императивный, так и диспозитивный методы правового регулирования в различных их вариациях и сочетаниях, не отдавая предпочтения ни одному из них, так как в основном права одного субъекта этих отношений корреспондируются с обязанностями другого.

Исследования показывают, что метод правового регулирования никак не может быть критерием деления права на отрасли. Сколько бы мы не исследовали и не характеризовали какие-либо нормы с точки зрения метода правового регулирования, мы не сможем выделить их в самостоятельные отрасли права, даже если обосновать предмет правового регулирования [10].

Так и в нашем случае мы видим, что существуют совокупности норм, регулирующих общественные отношения в сфере здравоохранения, т. е. предмет правового регулирования фактически существует. Но если эти совокупности норм не отвечают объективным признакам, предложенным В. Д. Сорокиным, они не являются самостоятельными отраслями права, сколько бы мы не характеризовали метод их правового регулирования [8, с. 11].

Возможно, со временем указанные нормы разовьются до таких пределов, что будут отвечать всем объективным признакам, предложенным В. Д. Сорокиным, вот тогда-то и потребуются для научных исследований характеристика метода их правового регулирования, хотя и в нынешнем состоянии эти нормы могут быть исследованы и охарактеризованы с точки зрения метода правового регулирования.

Вторым признаком, по мнению В. Д. Сорокина, является то, что «самостоятельной отраслью права может рассматриваться лишь такая система норм, которая обладает определенной степенью внутренней организации, т. е. имеет

такую систему, которая достигла бы уровня элемента системы права в целом» [8, с. 11].

Вместе с тем совокупность правовых норм в сфере здравоохранения (медицинское право) не является отраслью права в связи с тем, что эта совокупность указанных правовых норм до настоящего времени еще не систематизирована, точнее, не кодифицирована [11].

До настоящего времени не решен и не решается вопрос о системе медицинского права и размежевания его с другими отраслями права.

По нашему мнению, невозможно успешно решать вопросы системы права, не зная точно, что же входит в содержание этой отрасли (состав элементов).

Объем медицинского права в связи с множественностью нормативных правовых актов как совокупность правовых норм начинает разбухать. Перечислять их нет необходимости, так как это только увеличит число страниц настоящей публикации. При этом возникают нестыковки, противоречия между отдельными положениями правовых норм, в связи с чем необходима ревизия всего этого массива и на первоначальном этапе требуется осуществить систематизацию всех норм, относящихся к сфере здравоохранения, хотя бы путем инкорпорации, а уж затем только путем кодификации.

Совокупность правовых норм в сфере здравоохранения обладает способностью взаимодействовать с другими отраслями права. Это уже третий признак, как утверждает В. Д. Сорокин, самостоятельной отрасли права [8, с. 11].

Взаимосвязь медицинского права с другими отраслями права характеризуется той ролью, которую играют нормы этих отраслей права в регулировании общественных отношений в медицинском праве и наоборот.

Только решив вопрос о систематизации (кодификации) правовых норм в сфере здравоохранения, можно будет констатировать о появлении самостоятельной отрасли права — медицинского права.

В современный период медицинское право может успешно существовать как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере здравоохранения, как юридическая наука и как учебная дисциплина, которая, по нашему мнению, в обязательном порядке должна преподаваться в медицинских образовательных учреждениях.

1. Литовка А. Б., Литовка П. И. // Правоведение. 2000. № 1. С. 80–83. [Вернуться к статье](#)

2. Орешникова М. Г., Верещака А. С. Медицинское право как отрасль гражданского права: проблема идентификации [Электронный ресурс] // Междунар. студенч. науч. вестн. 2016. № 6. С. 16–24. URL:

<https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16714> (дата обращения: 20.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Кралько А. А. Медицинское право как отрасль права: теоретические основы и современные концепции // Медицинские новости. 2009. № 7. С. 32–36. [Вернуться к статье](#)

4. Воробьева Л. В. Медицинское право : учеб. пособие. Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 80 с. [Вернуться к статье](#)

5. Медицинское право в России: этапы становления и перспективы развития / Сергеев Ю. Д. [и др.] // Современные проблемы медицинского права, биомедицинской этики и судебной медицины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М. : Нац. ин-т мед. права, 2016. 275 с. [Вернуться к статье](#)

6. Круглов В. А. Отрасли национального белорусского права // Юридична наука і практика: виклики часу : матеріали V Міжнародної наук.-практ. конф., Київ, Нац. авіаційний ун-т, 12 березня 2015 р. Киев, 2015. Т. I. С. 21–23. [Вернуться к статье](#)

7. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.12.2020 г. № 94-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Сорокин В. Д. Советское административно-процессуальное право : учеб.-метод. пособие. Л., 1976. 56 с. [Вернуться к статье](#)

9. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велбы : Проспект, 2004. 648 с. [Вернуться к статье](#)

10. Круглов В. А. Методы правового регулирования норм об административных правонарушениях // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. 2008. № 2 (3). С. 14–19. [Вернуться к статье](#)

11. Круглов В. А., Магомедов Б. М. Отрасли национального российского и белорусского права // Актуальные проблемы и перспективы юридической науки и правоприменительной деятельности в государствах — членах таможенного союза : материалы междунар. науч.-практ. форума : в 2 т. М. : Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации : Ин-т законодательства М-ва юстиции Респ. Казахстан : Караганд. акад. МВД Респ. Казахстан им. Баримбека Бейсейнова : Евраз. акад. адм. наук, 2014. Т. 2. С. 154–160. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

**ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ЕГО РЕШЕНИЮ**

И. Г. Кудрин

Управление внутренних дел Минского областного исполнительного комитета,
заместитель командира отряда милиции особого назначения
по идеологической работе и кадровому обеспечению

***Аннотация.** Статья посвящена проблемному аспекту, связанному с выплатой страховых сумм сотрудникам органов внутренних дел Республики Беларусь при наступлении страховых случаев.*

***Ключевые слова:** страхование, обязательное государственное страхование, компенсации, страховой случай, страховая выплата, сотрудник, органы внутренних дел Республики Беларусь.*

***Annotation.** The article is devoted to the problematic aspect related with the payment of sums insured to employees of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus upon the occurrence of insured events.*

***Keywords:** insurance, compulsory state insurance, compensation, insurance case, insurance payment, employee, Internal Affairs authorities.*

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», «органы внутренних дел — государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них настоящим Законом и иными законодательными актами» [1, ст. 1].

Следует отметить, что органы внутренних дел (далее — ОВД) относятся к военизированным организациям и являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Статья 1 Конституции провозглашает Республику Беларусь «унитарным демократическим социальным правовым государством», а статья 47 гласит: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом. Государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, а также о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов...» [2].

При выполнении задач, возложенных на ОВД, сотрудники, ежедневно рискуя своими жизнью и здоровьем, обеспечивают общественный порядок и общественную безопасность в стране.

При выполнении своих обязанностей по службе, Жизнь и здоровье сотрудников ОВД подлежат обязательному государственному страхованию. Необходимость соблюдения такого конституционного принципа, как обеспечение баланса частных и публичных интересов, требует того, чтобы указанные лица имели право на получение денежной компенсации в результате причинения вреда жизни и здоровью в повышенном размере по сравнению с той, что установлена для лиц, осуществляющих трудовую деятельность более безопасным способом.

Под страхованием следует понимать «отношения по защите имущественных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, в том числе иностранных и международных, а также Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, иностранных государств при наступлении страховых случаев за счет страховых резервов, формируемых страховщиками из уплачиваемых страховых взносов (страховых премий)» [3, с. 257].

Страхование может проводиться в формах добровольного и обязательного страхования [4, ст. 817]. Добровольное страхование осуществляется путем заключения договора между страхователем и страховщиком в соответствии с законодательством. Обязательное страхование — такая форма страхования, при которой на страхователя законом возлагается обязанность страховать жизнь, здоровье и имущество других лиц либо свою гражданскую ответственность перед другими лицами за свой счет или за счет заинтересованных лиц.

Особой разновидностью обязательного страхования является обязательное государственное страхование, суть которого заключается в страховании лиц за счет средств, предоставляемых для этих целей из соответствующего бюджета, установленное законом в отношении жизни, здоровья и имущества государственных служащих определенных категорий в целях обеспечения как социальных интересов граждан, так и интересов государства. К одной из таких категорий относятся сотрудники ОВД.

Исполнение обязанностей правоохранительной службы связано с преодолением больших трудностей, чем при выполнении трудовых и иных обязанностей. Интенсивность правоохранительной деятельности в совокупности с повышенным профессиональным риском создает условия, отличные от условий других видов деятельности, и требует гарантий материального обеспечения сотрудников ОВД на случай причинения вреда их жизни или здоровью. Такой гарантией является обязательное государственное страхование сотрудников ОВД.

Порядок и условия выплаты страховых сумм по обязательному государственному страхованию военнослужащих, военнообязанных и резервистов определяются постановлением Совета Министров Республики Беларусь

от 29 февраля 2008 г. № 308 «Об обязательном государственном страховании» [5].

Следует иметь в виду, что необходимым условием для выплаты страховых сумм при обязательном государственном страховании сотрудников является причинение вреда жизни или здоровью застрахованного лица в связи с исполнением им служебных обязанностей. То есть вред жизни или здоровью застрахованного лица — сотрудника ОВД причиняется вследствие:

Страховыми случаями по обязательному государственному страхованию являются:

– гибель (смерть) застрахованного лица, если она наступила:

- вследствие преступного посягательства на его жизнь или здоровье в связи с осуществлением им служебной деятельности (исполнением служебных обязанностей), либо вследствие принятия им мер по предотвращению (пресечению) преступления, административного правонарушения, либо вследствие причинения вреда его жизни или здоровью в связи с исполнением служебных обязанностей при ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе по указанным основаниям в течение одного года после прекращения службы;

- при осуществлении служебной деятельности, при исполнении служебных обязанностей;

– причинение застрахованному лицу телесного повреждения:

- вследствие преступного посягательства на его жизнь или здоровье в связи с осуществлением им служебной деятельности (исполнением служебных обязанностей), либо вследствие принятия им мер по предотвращению (пресечению) преступления, административного правонарушения, либо вследствие причинения вреда его жизни или здоровью в связи с исполнением служебных обязанностей при ликвидации чрезвычайных ситуаций;

- при осуществлении служебной деятельности, при исполнении служебных обязанностей;

– установление застрахованному лицу инвалидности:

- вследствие преступного посягательства на его жизнь или здоровье в связи с осуществлением им служебной деятельности (исполнением служебных обязанностей), либо вследствие принятия им мер по предотвращению (пресечению) преступления, административного правонарушения, либо вследствие причинения вреда его жизни или здоровью в связи с исполнением служебных обязанностей при ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе по указанным основаниям в течение одного года после прекращения службы;

- при осуществлении служебной деятельности, при исполнении служебных обязанностей;

– уничтожение или повреждение имущества, принадлежащего застрахованному лицу и (или) его близким (членам его семьи), вследствие преступного посягательства на его жизнь или здоровье в связи с осуществлением им служебной деятельности (исполнением служебных обязанностей) либо вследствие принятия им мер по предотвращению (пресечению) преступления, административного правонарушения; при этом выплата страхового возмещения в случае уничтожения или повреждения имущества производится только застрахованным лицам из числа сотрудников ОВД и (или) их близким и (или) членам их семей;

– иные события, определенные законодательными актами.

Установлено, что страхователем по обязательному государственному страхованию ОВД. В роли страховщика выступает Белорусское республиканское унитарное страховое предприятие «Белгосстрах».

Основанием для выплаты страховых сумм является наступление страхового случая — события, при наступлении которого у страховщика возникает обязанность произвести страховую выплату страхователю (застрахованному лицу, выгодоприобретателю). Причем страховой случай, являющийся основанием для выплаты страховых сумм при обязательном государственном страховании жизни и здоровья сотрудников, должен иметь место в связи с исполнением ими обязанностей службы [2, с. 259].

В соответствии со статьей 40 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [1, ст. 40], сотруднику в случае получения им тяжкого, менее тяжкого либо легкого телесного повреждения в связи с исполнением им обязанностей службы, подтвержденного медицинским заключением, выплачивается единовременная денежная страховая сумма.

Вместе с тем Инструкцией о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16, также предусмотрено телесное повреждение, не повлекшее за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности [6].

В соответствии с упомянутыми выше законами, застрахованному лицу, получившему легкое телесное повреждение, выплачивается единовременная страховая сумма в размере 5 базовых величин.

Выплата же страховой суммы лицу, получившему телесное повреждение, не повлекшее за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, законодательством в настоящее время не предусмотрена, что, в свою очередь, не позволяет в полной мере

обеспечить гарантированную государством правовую и социальную защиту военнослужащих и сотрудников ОВД.

Таким образом, автор предлагает дополнить Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» нормами, позволяющими выплачивать соответствующим категориям лиц единовременную страховую сумму при получении ими телесного повреждения, не повлекшего за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности.

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 80 с. [Вернуться к статье](#)

3. Основы военного права : учеб. пособие для курсантов и слушателей высших учебных заведений по военным специальностям / О. В. Шелков [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Горбатка, С. Б. Матвийчука, О. В. Шелкова. Минск : ИВЦ Минфина, 2011. 448 с. [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об обязательном государственном страховании [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 29 февр. 2008 г., № 308 : с изм. и доп. от 14.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь, 24 мая 2016 г., № 16 : с изм. и доп. от 13.11.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 346.24/.26(476)

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ
В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

О. М. Куницкая

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры хозяйственного права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье проводится анализ правовых условий осуществления инвестиций в цифровой экономике. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о неполноте регулирования в сфере инвестиций, о бессистемности отечественного инвестиционного законодательства, отсутствии согласованной правовой политики в инвестиционной сфере.*

***Ключевые слова:** инвестиции, венчурный инвестор, инновационная инфраструктура, английское право, объекты интеллектуальной собственности.*

***Annotation.** The article analyzes the legal conditions for investment in the digital economy. The results of the study indicate the incompleteness of regulation in the field of investment, the unsystematic nature of domestic investment legislation, and the lack of a coordinated legal policy in the investment field.*

***Keywords:** investments; venture investor; innovation infrastructure; English law; objects of intellectual property.*

«Цифровая» экономика как «экономика высокотехнологических, инновационных, высокорисковых стартапов отличается не только содержанием, автоматизацией основных бизнес-процессов и новыми факторами конкурентоспособности, но и требует нетрадиционных финансовых инструментов» [1, с. 29].

В современных условиях имеется значительный интерес к венчурным сделкам со стороны инвесторов. Лидирующие позиции по объему венчурного инвестирования занимают Соединенные Штаты Америки и Китай, на которые приходится соответственно 44 и 40 % от общемирового объема венчурного капитала. На все остальные страны мира, включая страны Европейского союза, Индию (3-ю страну в мире по числу стартапов) и Россию, приходится суммарно лишь около 16 % глобального объема венчурных инвестиций [2, с. 53].

Банковский или классический фондовый механизмы финансирования недостаточно подходят для цифровой экономики. Для будущих стартапов, которые на начальной стадии часто даже не существуют юридически, данный сектор финансирования практически не доступен.

На так называемой посевной стадии («долине смерти») требуются значительные средства на проведение опытно-конструкторских работ, разработку

бизнес-плана, получение опытных образцов, сертификацию и т. д. Несмотря на указанные проблемы, высокий уровень доходности привлекает венчурных инвесторов в инновационные проекты, и тогда осуществление инвестиций в них становится частью инновационного процесса. Венчурные инвесторы действуют через венчурные организации, задача которых — аккумуляция средств инвесторов для последующего инвестирования в высокодоходные инновационные проекты.

Опыт мировых лидеров свидетельствует, что на начальной стадии развития венчурной инфраструктуры без инициативы государства не обойтись. Создание правовых и организационных условий для развития венчурного финансирования в Республике Беларусь было названо в числе основных направлений построения национальной инновационной системы еще в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 года № 136. В настоящее время принята и реализуется Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 года № 348. Перечень проектов программы по созданию новых производств утверждается Советом Министров (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2021 года № 642 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 года № 348») и ежегодно дополняется. Данные проекты признаются инвестиционными.

В Республике Беларусь имеется незначительное число законодательных актов, регулирующих данные вопросы, и действует Положение о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 3 января 2007 года № 1 (далее — Положение), а также Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 года «О Государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь». Положение определяет венчурную организацию как коммерческую организацию, создаваемую для инвестиционной деятельности в сфере создания и реализации инноваций, а также финансирования инновационных проектов.

Развитие законодательства о венчурном финансировании также связано с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 25 марта 2008 года № 174 «О совершенствовании деятельности Белорусского инновационного фонда». Белорусский инновационный фонд, финансирующий инновационные проекты на возвратной основе, наделен функциями государственного венчурного фонда.

Российско-белорусский фонд венчурных инвестиций RBF Ventures функционирует с 2017 года как классический венчурный фонд. Его деятельность

регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 25 марта 2008 года № 174 «О совершенствовании деятельности Белорусского инновационного фонда» и Договором инвестиционного товарищества от 21 декабря 2016 года. Фактически это совместный международный фонд с государственными инвестициями. Особенностью Белорусского инновационного фонда является то, что он финансируется преимущественно инновационными проектами крупных компаний. Для дальнейшего развития его деятельности в области венчурного финансирования на базе его, согласно вышеуказанной Государственной программе инновационного развития на 2021–2025 годы, предполагается создание специализированного института развития в форме государственного Фонда фондов, на который будут возложены функции LP (основных инвесторов, наполняющих фонд капиталом). Таким образом, Белорусский инновационный фонд будет софинансировать рыночные венчурные фонды с частным капиталом, которые предоставляют инвестиции технологическим стартапам, имеющим центры разработки и штат сотрудников в Беларуси [3, с. 23].

Одним из факторов успешного развития и функционирования стартап-экосистем можно назвать соответствующую законодательную основу, содержащую институты «английского права», которые стали во всем мире абсолютным стандартом при ведении венчурной деятельности. В этой связи дальнейшему развитию венчурной деятельности способствует Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики». Он содержит меры по особому налоговому и правовому режимам развития Парка высоких технологий, а также нормы английского права (договоры конвертируемого займа, соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, опционного договора, соглашения о возмещении имущественных потерь, соглашение о неконкуренции и др.).

Становление венчурных инвестиций в Беларуси требует условий для использования различных источников венчурного финансирования, как формальных, так и неформальных. К формальным относятся: фонды венчурного капитала, институциональные финансовые инвесторы (страховые компании, пенсионные фонды и т. п.), нефинансовые корпорации, нефинансовые учредители, национальные и коммерческие банки. К неформальным относятся: сбережения определенных физических лиц (финансовые средства самого новатора, семьи, друзей), гранты, средства академических базовых институтов, университетов и иных научно-технических учреждений (инвестиции в виде предоставления помещений, территории, оборудования, консультаций и т. д.), средства бизнес-ангелов. Неформальные источники инвестирования вкладывают свои средства на самых ранних стадиях, когда стартапы нуждаются в первоначальном капитале для завершения комплекса исследований и доведения научной идеи

до первого рабочего образца, но по каким-то причинам не могут получить кредиты [4, с. 157].

Таким образом, создаваемый в Беларуси рынок венчурных (рисковых) инвестиций должен базироваться на взаимодействии двух основных субъектов: венчурных фондов и инновационных организаций. Необходимы правовые условия для создания корпоративных венчурных фондов и корпоративных акселераторов как наиболее эффективных венчурных инвесторов с целью инновационного развития Республики Беларусь.

С учетом необходимости решения указанных проблем в Беларуси разработан проект указа, предусматривающий предоставление права Белорусскому инновационному фонду финансировать инновационные и венчурные проекты, используя указанные выше нормы английского права, апробированные в Беларуси на резидентах Парка высоких технологий.

Также крайне важно, чтобы полученные доходы Белорусский инновационный фонд не возвращал в бюджет, а направлял на собственную капитализацию, получая возможность финансировать венчурные инвестиции.

Кроме того, в Законе Республики Беларусь от 18 июля 2022 года № 197-З «Об изменении законов по вопросам рынка ценных бумаг» предусмотрено введение в Беларуси института квалифицированного инвестора и новых видов облигационных инструментов — депозитарных и структурных облигаций, которые могут быть использованы для венчурного финансирования организациями частной формы собственности.

Таким образом, ряд барьеров осуществления инвестиций в цифровой экономике, препятствующих развитию венчурной системы в Республике Беларусь, связаны с правовой сферой. Затрудняет развитие венчурного инвестирования неполнота регулирования в сфере инвестиций, бессистемность отечественного инвестиционного законодательства, отсутствие согласованной правовой политики в инвестиционной сфере, влияющие на усложнение проблем осуществления инвестиций (гарантии прав инвесторов, механизм структурирования венчурных сделок и др.).

Нормы английского права должны быть распространены на участников инвестиционной деятельности.

1. Жишкевич А. К., Шевченко С. В. Предпосылки формирования национальной системы венчурного финансирования в Республике Беларусь // Мировая экономика и бизнес-администрирование малых и средних предприятий : материалы XIX междунар. науч.-технич. конф. «Наука — образованию, производству, экономике», Минск, 25–26 марта 2021 г. Минск : Право и экономика, 2021. С. 29–31. [Вернуться к статье](#)

2. Ерёмченко О. А., Зинов В. Г. Мировая практика государственной поддержки венчурной индустрии // Экономика науки. 2021. № 7 (1). С. 51–65. [Вернуться к статье](#)
3. Калинин Д. Венчурный фонд с государственным участием: особенности и проблемы управления // Банковский вестн. 2020. № 6 (683). С. 15–24. [Вернуться к статье](#)
4. Захарченко Л. А., Медведева Г. Б. Тенденции и проблемы развития венчурного финансирования в Республике Беларусь // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. 2022. № 2. С. 156–160. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.191.11

К ВОПРОСУ О САМОРЕГУЛИРОВАНИИ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. М. Лев

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
аспирант

***Аннотация.** В статье проанализированы существующие подходы к созданию саморегулируемых организаций в сфере оказания услуг облачных технологий, сделан вывод о перспективном внедрении указанного института в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** саморегулируемые организации, облачные технологии, облачные услуги.*

***Annotation.** The article analyzes the existing approaches to the creation of self-regulatory organizations in the field of cloud technology services, concludes that it is possible to introduce this institution in the Republic of Belarus.*

***Keywords:** self-regulatory organizations, cloud computing, cloud services.*

Цифровизация всех сфер общественной жизни предопределяет трансформацию сформированных подходов по регулированию тех или иных правоотношений. Безусловно, темпы развития информационных технологий значительно опережают их правовое регулирование, в связи с чем целью правовой регламентации должны выступать основные механизмы и модели регулирования цифровых технологий. Одними из наиболее популярных и востребованных в настоящее время цифровых технологий, требующих законодательного регулирования, являются облачные технологии.

Облачные технологии обладают набором свойств, позволяющих субъектам хозяйствования воспользоваться информационно-коммуникационными услугами и электронными сервисами с наименьшими затратами на их эксплуатацию (поддержание работоспособности). Среди таких свойств в технической литературе (и, как следствие, позаимствованных для целей юридической науки) выделяют:

- доступ к облачным ресурсам по требованию пользователя (получение услуг в режиме «самообслуживания»);
- универсальный сетевой доступ к облачным ресурсам (подключение к центрам обработки данных поставщиков облачных услуг с любых клиентских устройств);
- общий пул вычислительных (аппаратных и программных) ресурсов, который распределяется между пользователями;

- эластичность (масштабируемость услуг в зависимости от потребностей пользователя);
- учет потребления (оплата только за полученные услуги) [1].

Таким образом, облачные технологии в самом общем виде можно представить как экосистему сервисов и ресурсов, что отличает их от обычной аренды серверов. В связи с использованием облачных технологий в отношении зачастую «чувствительных» пользовательских данных, потеря которых может нанести значительный ущерб для пользователя, многими исследователями отмечаются следующие пробелы в их правовом регулировании: отсутствие защиты прав пользователей услуг облачных технологий, требований к поставщику облачных услуг; неопределенность условий типового соглашения о предоставлении облачных услуг; проблемные вопросы обработки информации (в том числе персональных данных) при предоставлении таких услуг; трансграничная передача данных на серверы, находящиеся на территории иностранных государств, и пр. [2, с. 5–6]. Законодательные «лакуны» в данных областях характерны практически для всех национальных правовых систем, за редким исключением. В этой связи многие поставщики облачных услуг используют инструменты саморегулирования для стандартизации условий работы, повышения доверия к облачным услугам.

Отметим, что проблематика саморегулирования в сфере использования цифровых технологий остается достаточно малоизученным с правовой точки зрения явлением. К тому же сам институт саморегулирования в Республике Беларусь представлен в настоящее время достаточно фрагментировано.

Так, Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 года № 7 «О развитии предпринимательства» определено, что взаимодействие государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц с субъектами хозяйствования основывается в том числе на принципе саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в их предпринимательскую и иную экономическую деятельность [3].

Этот основополагающий принцип раскрывается в отраслевом законодательстве. К примеру, специальный институт саморегулирования закреплен в Законе Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 231-З «О рынке ценных бумаг» [4]. Статьей 52 указанного Закона определено, что целями создания саморегулируемой организации (далее — СРО) профессиональных участников рынка ценных бумаг являются координация деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, обеспечение и защита интересов профессиональных участников рынка ценных бумаг, обеспечение соблюдения стандартов профессиональной этики на рынке ценных бумаг, защита интересов владельцев

ценных бумаг и иных клиентов профессиональных участников рынка ценных бумаг, являющихся членами СРО профессиональных участников рынка ценных бумаг. Примечательно, что субъектный состав членов такой организации (Ассоциации участников рынка ценных бумаг (АУРЦБ)) с 2014 года существенно расширен и включает в себя страховые, аудиторские, консалтинговые, юридические, маркетинговые и иные организации, чья деятельность связана с обслуживанием рынка ценных бумаг или смежных.

Попытка принятия закона, направленного на регулирование деятельности СРО в Республике Беларусь, была предпринята еще три года назад — в 2020 году. Данный законопроект мог бы концептуально выступить легитимным основанием регулирования определенных рынков и сфер деятельности самими экономическими агентами с четко регламентированным вмешательством государства. Проект Закона учитывал и узкопрофильность многих сфер деятельности, в связи с чем установление общих подходов позволило бы обеспечить возможность принятия действительно адекватных потребностям различных отраслей норм и требований.

Основным дискуссионным вопросом при внедрении института саморегулирования являлась обязательность участия субъектов в таких организациях. Относительно этого М. А. Хиль отмечает, что, согласно сложившейся международной практике, выработаны три подхода участия в СРО: добровольное членство, обязательное членство (как правило, в таких сферах, как медицина, юриспруденция, строительство, финансы и т. п.), смешанный подход (при наличии государственного регулирования определенного сегмента деятельности имеет место также необходимость участия субъекта хозяйствования в соответствующей СРО) [5].

По мнению А. И. Нестеровой, на сегодняшний день в Российской Федерации вне зависимости от отраслевой специфики во многих сферах, для которых законодательно закреплено требование об обязательном членстве в СРО, наблюдается ряд объективных недостатков, связанных с более высокими в сравнении с иными режимами регулирования финансовыми затратами на вступление и поддержание членства в СРО, низкой эффективностью исполнения СРО возложенных на них законодательством функций, неэффективностью механизмов имущественной ответственности на практике, низкой информированностью потребителей товаров (работ, услуг) о возможностях и потенциальных преимуществах саморегулирования [6, с. 70–71]. Формальный подход в регулировании СРО, как отмечено в распоряжении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования», может привести к возникновению излишней административной нагрузки, дублированию отдельных функций,

осуществляемых одновременно СРО и регулятором, воспрепятствовать созданию стимулов к выработке и установлению общих правил для непосредственных участников рынка [7]. Полагаем, что на данном этапе становления и совершенствования правового регулирования института облачных технологий смешанный подход является наиболее приемлемым механизмом регулирования деятельности СРО в данной области, вместе с тем требуется его детальная проработка с учетом интересов поставщиков услуг облачных технологий с целью нивелирования указанных недостатков.

Примечательно, что саморегулирование в сфере использования облачных технологий является достаточно распространенным механизмом в зарубежной практике. Здесь отметим, что само понятие «саморегулирование» существует только в отечественной и российской юридической литературе, в то время как в зарубежной практике используются термины «общественное» или «профессиональное» регулирование, где их применяют для описания особого типа регуляции членами конкретной профессии, сферы деятельности, обладающими значительным уровнем квалификации, профессионального опыта и достаточной авторитетностью [8, с. 42].

Так, среди наиболее знаменитых зарубежных СРО можно выделить ассоциацию поставщиков услуг облачных технологий Франции (EuroCloud France), Великобритании (Cloud Tech), Германии (EuroCloud Deutschland), США (Cloud Computing Association), Азии (Asia Cloud Computing Association — ACCI) и др. Существует подобная ассоциация и в Российской Федерации — Russian Cloud Computing Professional Association (RCCPA).

Европейская ассоциация поставщиков облачных услуг (EACSP) объединяет более 500 экспертов, которые оказывают помощь в проведении проверки и аудита облачных решений по таким параметрам, как:

- 1) доверие к услугам облачных технологий;
- 2) повышение осведомленности, конфиденциальность и защита данных;
- 3) трансфер облачных технологий;
- 4) стимулирование стартапов с использованием облачных технологий;
- 5) стандарты и интероперабельность облачных технологий;
- 6) гармонизация правовой базы.

Прохождение аудита по стандартам EACSP должно гарантировать высокие стандарты безопасности и качества облачных решений, а компания-заказчик получает право использования специального знака EuroCloud StarAudit.

Вызывают интерес и объединения (ассоциации), включающие как поставщиков услуг облачных технологий, так и их пользователей. В частности, к таковым можно отнести Альянс облачной безопасности (Cloud Security

Alliance — CSA), с которым сотрудничают крупные поставщики услуг облачных технологий (Google, Microsoft, Huawei и др.). Альянс имеет множество разработок в сфере стандартизации безопасности использования облачных технологий, в том числе касающихся соответствия требованиям GDPR. Итогом проверки, проводимой представителями Альянса, также является получение сертификата, дающего права на использование знака соответствия цифровых сервисов компании стандартам CSA.

Появляются и узкоотраслевые объединения в указанной сфере. Например, Ассоциация правовых облачных решений (Legal Cloud Computing Association — LCCA), задачей которой является поиск и внедрение «лучших практик» использования облачных технологий в юридическую отрасль, она также ведет разработку и совершенствование стандартов для выбранной сферы деятельности. LCCA предлагает компаниям, предоставляющим облачные решения в сфере юриспруденции, присоединиться к Стандартам безопасности (LCCA Security Standards), которые гарантируют для пользователей высокое качество и безопасность облачных решений. В содержании Стандартов рассмотрены такие вопросы, как размещение данных, сертификация, криптография, защита информации, тестирование, идентификация, конфиденциальность, защита частной жизни, раскрытие данных и иное [9]

Стоит отметить, что разрабатываемые СРО документы могут относиться к источникам права с правовыми обыкновениями и обычаями делового оборота, но вместе с тем такие документы не содержат норм права. Как справедливо отмечает Ю. С. Бикбулатова, документы, относящиеся к категории общественного регулирования (саморегулирования), представляют собой принимаемые на добровольной основе всеми членами правила по организации предоставления полезных свойств облачных технологий [10, с. 78].

Таким образом, востребованность национальных услуг облачных технологий, а также наличие ряда крупных поставщиков услуг облачных технологий в Республике Беларусь (в настоящее время их количество только возрастает) создают предпосылки совершенствования нормативной правовой базы в указанной отрасли. С учетом становления института саморегулирования в Республике Беларусь в целом отметим, что в стране имеется потенциал законодательного закрепления и института саморегулирования поставщиков услуг облачных технологий. При этом представляется целесообразной проработка критериев оценки деятельности (аудита) поставщиков услуг облачных технологий, их соответствие требованиям информационной безопасности, установленным как в Республике Беларусь, так и на международном уровне.

1. The NIST Definition of Cloud Computing [Electronic resource] // NIST. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/legacy/sp/nistspecialpublication800-145.pdf> (date of access: 10.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Шакель Н. В. Юридические аспекты использования облачных технологий // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2014. № 4. С. 3–8. [Вернуться к статье](#)
3. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 : с изм. и доп. от 28.02.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 231-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь 18.07.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Хиль М. А. Членство в саморегулируемых организациях : теоретико-прикладные аспекты [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. Нестерова А. И. Правовое регулирование отношений, возникающих при использовании облачных технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2017. 187 л. [Вернуться к статье](#)
7. О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Рос. Федерации, 30 дек. 2015 г., № 2776-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Грачев Д. О. Саморегулируемые организации: зарубежный опыт и тенденции развития российского законодательства // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2006. № 3. С. 40–49. [Вернуться к статье](#)
9. LCCA Security Standards [Electronic resource] // Legal Cloud Computing Association/ URL: <http://www.legalcloudcomputingassociation.org/standards/> (date of access: 10.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Бикбулатова Ю. С. Информационно-правовое регулирование отношений, формирующихся при использовании облачных вычислений (сервисно-ориентированных распределенных информационных систем) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13. М., 2018. 159 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЗАЦИИ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ
РАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА**

С. А. Минич

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права

***Аннотация.** Актуальность тематики правового обеспечения экологизации научной деятельности обусловлена усилением экологической функции государства, формированием экологического правопорядка, проникновением экологических императивов во все сферы общественных отношений. Данный процесс предполагает создание эколого-правового механизма, позволяющего с опорой на научную составляющую эффективно решать вопросы рационального взаимодействия природы и общества.*

***Ключевые слова:** научная деятельность, право, экологизация, правовое обеспечение, экологические требования, окружающая среда.*

***Annotation.** The relevance of the topic of legal support for the greening of scientific activity is due to the strengthening of the ecological function of the state, the formation of ecological law and order, the penetration of environmental imperatives into all spheres of public relations. This process involves the creation of an ecological and legal mechanism that allows, based on the scientific component, to effectively solve the issues of rational interaction between nature and society.*

***Keywords:** scientific activity, law, ecologization, legal support, law, environmental requirements.*

Определяющим фактором комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности выступает усиление экологической функции государства, что обусловлено развитием государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды. Данная целенаправленная деятельность государства является ключевым вектором в формировании экологического правопорядка. Ее глобальная цель — организация оптимального взаимодействия общества и природы, повышение качества окружающей среды, усиление роли экологического и правочеловеческого компонента при внедрении достижений научно-технологического прогресса.

Необходимость гуманного, цивилизационного подхода ко всякой деятельности человека, связанной с вмешательством в природу, приводит к потребности экологизации всех сфер жизнедеятельности общества. Такой подход

задает прямой курс на экологизацию всей правовой системы и усиливает ее потенциал в решении экологических проблем.

Говоря о всеобъемлющей экологизации права, его экологической обоснованности, отражении в праве экологических требований, следует указать, что речь идет, прежде всего, об экологизации в сфере правового регулирования любой человеческой деятельности, непосредственно воздействующей на окружающую среду. Экологизация же других сфер (норм, институтов, отраслей) носит обеспечивающий характер, что способствует повышению эффективности регулирования экологических отношений.

Нормативно-правовое обеспечение экологизации той или иной сферы человеческой деятельности предусматривает создание эффективного эколого-правового механизма сохранения природной среды и экологической безопасности в ходе ее осуществления. В. В. Петров определяет эколого-правовой механизм через систему экологических правоотношений и эколого-правовых норм, направленных на выполнение закрепленного в законодательстве экологического императива [1, с. 161–175]. Экологические требования выступают исходным материалом в работе такого механизма, устанавливая границы поведения субъектов права в их отношениях, связанных с воздействием на окружающую природную среду, и выражая меру допустимого воздействия.

Под экологическими требованиями (требования в области охраны окружающей среды), согласно абз. 29 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон об охране окружающей среды), понимают «предъявляемые к хозяйственной и иной деятельности обязательные условия, ограничения или их совокупность, установленные законами, иными нормативными правовыми актами, в том числе обязательными для соблюдения техническими нормативными правовыми актами в области охраны окружающей среды, нормативами в области охраны окружающей среды» [2].

Придерживаясь позиции Н. К. Тахватулиной, можно выделить два подхода к экологизации законодательства. Первый подход относится к сфере применения норм права. Его особенность состоит в том, что экологизируется не сама норма, а правоотношение, возникающее в процессе ее выполнения. Суть второго (основного) подхода — создание правовых норм путем включения в них экологического содержания (нормообразующий подход) [3]. Причем такие экологизированные нормы не могут и не должны противоречить нормам и принципам природоохранного и природоресурсного права, экологической политике государства, задающим стержневой ориентир в гармонизации всех отраслей права по данному направлению. Кроме того, комплексность экологического права позволяет вписывать нормы права, имеющие экологическое содержание,

как в специальные (экологические), так и в иные отрасли законодательства, и, «будучи в акте иной отрасли права, эколого-правовая норма не меняет принадлежности акта к той или иной отрасли законодательства и не трансформирует общую направленность содержания таких актов» [4].

Складывающаяся парадигма экологических ориентиров и приоритетов непосредственным образом затрагивает научную сферу, подталкивая ее на сближение с природоохранной деятельностью, к переходу от «механизма закона» к «экологии закона», усиливая потенциал науки в решении экологических проблем. Глобальный характер обозначенных вопросов дает основания утверждать, что тематика экологизации научной деятельности выступает составной частью иных направлений экологизации.

На целесообразность разработки экологизированных требований к научной деятельности и их внедрения во все нормативные правовые акты, регулирующие природоохранные и природоресурсные отношения, указывает такое направление государственной политики Республики Беларусь, как научное обеспечение охраны окружающей среды.

В целом же выработка экологизированных нормативных правовых актов в научной сфере позволяет оптимизировать связи между обществом и природой. Более того, отдельные экологизированные нормы таких актов устанавливают базовые принципы, определяют экологически значимые права и обязанности субъектов рассматриваемых правоотношений, меры юридической ответственности и др. Данные средства правового регулирования в своей совокупности позволяют упорядочить правоотношения в сфере обеспечения экологизации научной деятельности и направлены на решение следующих задач:

- предотвращение негативного влияния научной деятельности на окружающую среду;
- обеспечение научного подхода к решению существующих эколого-правовых проблем;
- проведение научных исследований, нацеленных на сохранение и восстановление природных объектов, природных ресурсов, снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду и т. п.;
- научное обеспечение природоохранной деятельности [5].

Отмеченные задачи подчеркивают реальную значимость отражения экологических требований в законодательстве, регламентирующем общественные отношения, возникающие в результате осуществления научной деятельности. Решение обозначенных задач позволяет достичь основной цели правового обеспечения экологизации научной деятельности. На наш взгляд, общая цель в обозначенной области может быть сформулирована следующим образом: создание и поддержание правовыми средствами благоприятных условий

для осуществления научной деятельности с соблюдением требований безопасного взаимодействия с окружающей средой.

С учетом изложенного под правовым обеспечением экологизации научной деятельности предлагается понимать совокупность эколого-правовых мер, направленных на обеспечение благоприятных условий для осуществления научной деятельности посредством реализации механизма охраны окружающей среды и природопользования в рамках организационно-правовой деятельности государственных органов.

Правовую основу комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности составляют Конституция Республики Беларусь, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие при осуществлении научной деятельности.

Необходимость правового обеспечения экологизации научной деятельности также находит свое непосредственное отражение в документах концептуального и стратегического характера. Так, решение стратегических задач государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды осуществляется путем обеспечения реализации ее основных направлений, среди которых отдельно выделено научное обеспечение охраны окружающей среды и предоставление, распространение экологической информации (ст. 7 Закона об охране окружающей среды).

Кроме того, в рамках проблематики «наука для устойчивого развития» экологической политикой государства предусмотрена приоритетность научных исследований, направленных на решение вопросов защиты окружающей среды от антропогенных факторов. Усилия законодателя в данной области нацелены на перемоделирование научной деятельности в экологически безопасную плоскость, изменение облика научного знания и научной рациональности в соответствии с экологическими целеориентирами.

На потребность правового обеспечения экологизации научной деятельности также указывает п. 36 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, отражающий внутренние источники угроз национальной безопасности в экологической сфере, где в числе прочих обозначено недостаточное развитие правовых механизмов обеспечения экологической безопасности [6].

Важность правового обеспечения экологизации научной деятельности обозначена и в положениях Стратегии научно-технического и инновационного развития в области охраны окружающей среды и устойчивого использования природных ресурсов на 2021–2025 годы (далее — Стратегия). Цель Стратегии — «определение приоритетных направлений проведения фундаментальных

исследований и выполнения прикладных научно-технических работ для обеспечения сбалансированного использования природных ресурсов в контексте принципов устойчивого развития и с учетом изменений климата, экологической безопасности, предотвращения и снижения вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, совершенствование системы мониторинга окружающей среды, решение глобальных и региональных экологических проблем, а также развитие и повышение эффективности функционирования научных организаций, подчиненных Министерству природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь» [7].

К ключевым задачам Стратегии отнесены:

– развитие и повышение эффективности научной деятельности;

– реализация замкнутой цепи «наука — практическое применение» для решения следующих вопросов: регулирование и устойчивое снижение вредного воздействия на окружающую среду; обеспечение экологически благоприятных условий для жизнедеятельности общества и граждан на основе максимально возможного сохранения природных систем; реабилитация загрязненных, деградированных и иных экологически дестабилизированных территорий и экосистем, восстановление их биосферных функций; предотвращение вредного воздействия отходов и объектов их захоронения на окружающую среду; повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала для удовлетворения настоящих и будущих потребностей общества и др.

Таким образом, проведенное исследование позволило комплексно с учетом различных оснований отразить основные аспекты правового обеспечения экологизации научной деятельности, получить всестороннее представление о данном правовом явлении, его значимости в контексте реализации экологической политики государства и решения эколого-правовых проблем рационального взаимодействия природы и общества.

1. Петров В. В. Экологическое право России : учебник для вузов. М. : БЕК. 557 с. [Вернуться к статье](#)

2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Тахватулина Н. К. Эволюция правового регулирования : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 12.00.01 / Волгоград. акад. МВД России. Волгоград, 2006. 28 с. [Вернуться к статье](#)

4. Боголюбов С. А. Экологическое право : учебник для вузов. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 434 с. [Вернуться к статье](#)

5. Шахрай И. С. Экологизация научной деятельности: правовой аспект // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение :

сб. науч. тр. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. Минск : РИВШ, 2019. С. 150–160.

[Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

[Вернуться к статье](#)

7. Стратегии научно-технического и инновационного развития в области охраны окружающей среды и устойчивого использования природных ресурсов на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : 15 апр. 2020 г. // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. URL: <https://minpriroda.gov.by/uploads/files/Strategija-na-2021-2025-gg..pdf> (дата обращения: 15.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.515

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ
ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И СУДА****И. В. Муравьев**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с проблемами возмещения морального вреда, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования и суда, а также их должностных лиц. Эти проблемы в возмещении морального вреда обусловлены сложностями с источниками доказательств, нечеткой правовой регламентацией его определения.

Ключевые слова: моральный вред, органы уголовного преследования и суда, физические и нравственные страдания, казна.

Annotation. The article deals with topical issues related to the problems of compensation for moral damage caused by illegal actions of the criminal prosecution authorities and the court, as well as their officials. These problems in compensation for non-pecuniary damage are due to difficulties with the sources of evidence, fuzzy legal regulation of its definition.

Keywords: moral harm, criminal prosecution and court, physical and moral suffering, treasury.

Статьей 939 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) предусмотрены основания и правовые последствия причинения вреда гражданину противоправной деятельностью должностных лиц органов уголовного преследования и суда. Данная норма предусматривает возмещение как имущественного, так и морального вреда. Однако необходимо учитывать ряд характерных особенностей при возмещении морального вреда с учетом субъектного состава, оснований возникновения права на такое возмещение и последствий, которые возникли или могут возникнуть в будущем у потерпевшего.

Правовой основой возмещения морального вреда являются ст. 152, 968–970 ГК [1]. Согласно общим правилам, компенсации подлежит только моральный вред, который является результатом умаления личных неимущественных прав, выражаемых в определенном уровне физических и нравственных страданий, которые могут быть связаны с:

- унижением чести и достоинства физического лица;
- причинением вреда деловой репутации.

Понятие физических и нравственных страданий дано в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7

«О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» [2].

Физические страдания — это физическая боль, функциональное расстройство организма, изменения в эмоционально-волевой сфере, иные отклонения от обычного состояния здоровья, которые являются последствием действий (бездействия), посягающих на нематериальные блага или имущественные права гражданина.

При этом понятие «честь и достоинство физического лица» не нашло легального раскрытия в нашем законодательстве. В учебной литературе встречаются попытки раскрыть эти понятия. Поэтому судебная практика под унижением чести и достоинства понимает необоснованные и незаконные действия и правоприменительные акты органов, которые осуществляют расследование уголовных дел на всех стадиях, а также действия и акты судебных органов различных звеньев, которые могут вызвать у гражданина, в отношении которого они выносятся, чувства тревоги, неполноценности, страха, сломить его физическое и психологическое противодействие, иначе говоря, вызвать существенные изменения в его психоэмоциональном состоянии. Однако доказательства физических и нравственных страданий основываются на утверждениях заявителя, которые могут в полной мере соответствовать истине, соответствовать частично или вообще носить надуманный характер, что вызывает сложности с определением доказательств и определением источников их получения.

Как правило, изменение правового статуса и образа жизни гражданина вследствие незаконных действий органов уголовного преследования и суда порождает различного рода ухудшения отношений к нему со стороны коллег по работе, нанимателя, родственников, знакомых и т. д. Все вышеперечисленные факторы зачастую служат причиной психических и нервных заболеваний, которые нередко приводят к серьезным последствиям (проблемы в семье, по месту работы, суицид).

Лица, за которыми закреплено право на возмещение вреда по основаниям, указанным в ст. 939 ГК, определены уголовным процессуальным законодательством [3]. Так, в частности, к ним относят (ст. 461 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК)):

1) обвиняемых, в отношении которых вынесен оправдательный приговор;

2) подозреваемых или обвиняемых, в отношении которых вынесено постановление о прекращении уголовного преследования за отсутствием в их деянии состава преступления, за отсутствием события преступления или за недоказанностью участия таких лиц в совершении преступления;

3) при незаконном направлении лиц в психиатрическое стационарное лечебное учреждение либо если в отношении таких лиц незаконно применены принудительные меры безопасности и лечения;

4) юридических лиц, которым в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, причинен вред их деловой репутации и нанесен имущественный ущерб;

5) наследников и членов семьи умершего;

6) других лиц.

Проблемным в таких отношениях является вопрос о способе восстановления «добраго» имени реабилитированного лица, так как применение мер уголовного и административного преследования, как правило, становится достоянием гласности и порой порождает негативное отношение к нему со стороны коллег по работе, соседей. Иногда это может отражаться и на родственниках таких лиц. Предложить конкретный способ такой реабилитации весьма сложно. Это связано с определенными ограничительными мерами, предусмотренными уголовным процессуальным законодательством при проведении расследования уголовных дел, а также может быть связано с индивидуальными особенностями таких лиц [4].

Однако ст. 465 УПК предусмотрены наиболее общие способы, которые устанавливают, что в целях реабилитации лиц, в отношении которых были совершены противоправные действия, на соответствующие органы уголовного преследования и суда возлагаются обязанности по принесению официальных извинений или по опубликованию опровержений в соответствующих средствах массовой информации, независимо от того, публиковались ли такие сведения в ходе досудебного или судебного производства или в процессе отбывания наказания. Еще одной обязанностью органов уголовного преследования и суда является обязанность направления в десятидневный срок сообщения об отмене незаконных правоприменительных актов по месту работы, службы или учебы по требованию потерпевшего.

Моральный вред лицам, указанным в ст. 461 УПК, возмещается в денежной или иной материальной форме независимо от других видов возмещения вреда (имущественного, упущенной выгоды).

Как правило, при решении вопроса о компенсации морального вреда возникают проблемы с определением его размера и соответствием данной суммы требованиям разумности и справедливости. Это обусловлено тем, что на законодательном уровне не выработана методика определения конкретной суммы морального вреда, на которую может претендовать заявитель. Представляется, что, решая вопрос о конкретном размере возмещения морального вреда, суд должен учитывать, на какой стадии процессуальной деятельности были

совершены эти действия, какие конкретно действия органов уголовного преследования и суда послужили основанием для возникновения права на его возмещение, известность потерпевшего в обществе, его социальное положение, возможное отношение к той или иной религиозной конфессии. В этом плане представляется целесообразным рассмотреть вопрос об установлении минимального дифференцированного размера возмещения морального вреда по конкретным позициям, предусмотренным ст. 939 ГК. При этом, например, при незаконном осуждении гражданина минимальный размер компенсации морального вреда должен быть более высоким, чем при временном отстранении от должности.

Право на возмещение морального вреда возникает в случаях, если:

- вынесен оправдательный приговор в отношении лица, заявившего о возмещении морального вреда;
- прекращено производство по уголовному делу в связи с отсутствием в деянии заявителя состава преступления, в связи с отсутствием события преступления или в связи с недоказанностью участия заявителя в преступлении;
- прекращено дело об административном правонарушении.

Одновременно с решением вопроса о конкретной сумме возмещения морального вреда суду необходимо рассмотреть вопрос о восстановлении и иных прав заявителя, которые тесно связаны с морально-психологическим и социальным состоянием человека. Так, например, весь период времени, в течение которого гражданин не работал, находясь под следствием и судом, должен засчитываться в общий и специальные виды стажа трудовой деятельности. Кроме этого, если действия и решения органов уголовного преследования и суда признаются неправомерными, то освобожденное от работы (должности) лицо (по его желанию) должно быть восстановлено на прежней работе. При этом запись в трудовой книжке о причинах увольнения признается недействительной или же по просьбе гражданина ему выдается дубликат трудовой книжки без соответствующей записи.

Если заявитель имел воинское специальное звание и был неосновательно его лишен по приговору суда, то восстановление в таких званиях производится в соответствии с законодательством (например, глава 20 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь от 15 марта 2012 г.) [5].

Важное значение при решении вопроса о возмещении морального вреда имеет п. 2 ст. 969 ГК, который устанавливает, что компенсация морального вреда, который является следствием неправомерных действий, установленных ст. 939 ГК, должен возмещаться государством из средств республиканского или местного бюджета. Такая компенсация осуществляется независимо от вины

должностных лиц уголовного преследования либо суда. Согласно ст. 940 ГК, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы (Министерство финансов Республики Беларусь, финансовые отделы и управления местных исполнительных комитетов), если п. 3 ст. 125 ГК эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина. Это связано с тем, что любое действие, указанное в ст. 939 ГК, осуществляется от имени государства и за последствия таких действий государство берет ответственность на себя.

Подводя итоги, следует отметить, что в законодательстве четко определен круг субъектов, обладающих правом на возмещение морального вреда, причиненного органами уголовного преследования и суда, основания возникновения данных обязательств и органы, осуществляющие выплату компенсации морального вреда. Вместе с тем существует ряд проблемных вопросов, требующих дополнительного правового регулирования: нет четкой правовой регламентации понятий нравственных и физических страданий; иногда используются разные методики расчета размера компенсируемого морального вреда, не детализированы способы реабилитации лиц, пострадавших от неправомерных действий органов уголовного преследования и суда.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2000 г., № 7 : с изм. и доп. от 23.12.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 15 : с изм. и доп. от 23.12.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 133 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 331.105.6

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****М. В. Новицкая**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший научный сотрудник отдела организации
научной, международной и издательской деятельности

И. Г. Кузьма

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 3 курса факультета милиции

***Аннотация.** В статье исследуются вопросы становления национальной системы социального партнерства, акцент делается на периоде развития данного института с момента обретения Республикой Беларусь независимости, характеризуются основные нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу отношений.*

***Ключевые слова:** социальное партнерство, коллективный договор, профессиональный союз, объединения нанимателей, коллективные трудовые споры.*

***Annotation.** The article examines the issues of the formation of the national system of social partnership, focuses on the period of development of this institution since the independence of the Republic of Belarus, characterizes the main regulatory legal acts regulating this sphere of relations.*

***Keywords:** social partnership, collective agreement, trade union, employers' associations, collective labor disputes.*

Социальное партнерство как форма взаимодействия в социально-трудовой сфере позволяет устранить дисбаланс интересов государства, нанимателей и работников на основе сотрудничества и достижения социального консенсуса.

Действующая в Республике Беларусь модель социально-партнерских отношений формировалась на протяжении всего периода становления белорусской государственности. Отдельные ее элементы берут свое начало с периода нахождения белорусских земель в составе Российской империи, когда обнищание большей части населения и жесткая эксплуатация рабочих стали фундаментом для развития различных форм допрофсоюзных организаций, целью которых была организованная борьба за улучшение положения трудящихся.

Развитие социально-партнерских отношений в советский период характеризуется деятельностью профсоюзов как самостоятельного элемента политической системы, обеспечивающего государственное управление процессом реализации социально-экономических прав и интересов трудящимися.

С 1991 г. Республика Беларусь начинает свое становление как независимое государство, что повлекло кардинальные перемены во всех сферах жизни и потребовало приведения законодательства в соответствие с новыми реалиями. В самом начале на территории государства действовали союзные нормативные правовые акты, в которые вносились соответствующие изменения. Так, с принятием 15 декабря 1992 г. Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Республики Беларусь» в качестве одной из задач трудового законодательства называется «развитие социального партнерства между работниками и нанимателями» [1]. К слову, именно указанным Законом в белорусское законодательство впервые был введен термин «социальное партнерство» и, несмотря на то, что его легальное определение отсутствовало, этим было положено начало разработки правового регулирования социально-партнерских отношений.

Отметим, что процесс становления социального партнерства совпал с мощнейшим экономическим кризисом. С 1992 г. началось падение производства и жизненного уровня подавляющего большинства населения, набирали силу инфляционные процессы, рос уровень безработицы. В этих условиях принимается ряд нормативных правовых актов, призванных объединить усилия нанимателей, профсоюзов и государства по решению острых проблем в социально-трудовой сфере и снизить интенсивность социальных волнений до того, как они достигли критического значения.

С принятием 22 апреля 1992 г. Закона Республики Беларусь «О профессиональных союзах» меняется правовой статус профсоюзов, происходит их разгосударствление. В профсоюзном движении стала просматриваться многополярность, появились профсоюзы альтернативной направленности. При этом профсоюзы утратили часть функций, ранее им принадлежавших. Это коснулось права законодательной инициативы, фондов социального страхования и оздоровления, управления системой охраны труда. После создания государственных инспекций труда компетенция профсоюзов в сфере контроля за соблюдением законодательства о труде значительно сузилась [2].

Начиная с 1990 г. появляется новый субъект социального партнерства — объединения нанимателей. При этом в отличие от органов государственного управления и объединений профсоюзов — двух других субъектов социального партнерства на республиканском и отраслевом уровнях правовой статус объединений нанимателей регулировался разрозненными нормами трудового и гражданского законодательства вплоть до принятия 12 декабря 2022 г. Закона Республики Беларусь «Об объединениях нанимателей» [3]. Указанный Закон вступит в силу 16 декабря 2023 г., и, как отмечают, К. Л. Томашевский и А. А. Войтик, «с принятием данного Закона система социального партнерства в

Республике Беларусь получит свое завершённое законодательное урегулирование [4, с. 18].

24 ноября 1992 г. в целях развития коллективно-договорного регулирования трудовых отношений был принят Закон Республики Беларусь «О коллективных договорах и соглашениях» [5]. Указанным Законом закреплялось определение понятия «коллективный договор» как локального нормативного правового акта, регулирующего трудовые и социально-экономические отношения между нанимателем и работающими у него работниками. Согласно нормам данного нормативного правового акта, коллективные договоры могли заключаться на предприятиях независимо от форм собственности и хозяйствования, а также в их обособленных подразделениях.

С принятием в 1994 г. Конституции Республики Беларусь была заложена база для правового регулирования трудовых отношений. Так, ст. 41, помимо права на труд, закреплялось право граждан на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку.

Отметим, что специфика коллективных трудовых отношений и особенности правового статуса их участников требовали выработки эффективно действующего механизма защиты коллективных трудовых прав и интересов. Ответом на указанную потребность стало принятие в 1994 г. Закона Республики Беларусь «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [6]. Указанным Законом определялись порядок и способы разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов), закреплялся правовой статус Республиканского трудового арбитража как постоянно действующего органа, устанавливался порядок реализации права на забастовку в Республике Беларусь.

Еще одной важной нормой Конституции Республики Беларусь, задающей вектор развития института социального партнерства в стране, стала ст. 14, в которой закреплялось положение о том, что «отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами осуществляются на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон» [7, ч. 2 ст. 14]. В этой связи был принят ряд Указов Президента Республики Беларусь:

1. Указ от 15 июня 1995 г. № 278 «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» [8]. В данном нормативном правовом акте нашли закрепление следующие принципиальные для развития системы социального партнерства в Республике Беларусь положения:

– включение в перечень важнейших государственных задач развития социального партнерства;

- нормативное закрепление структурных элементов на различных его уровнях (республиканском, отраслевом, местном уровнях и уровне организации);
- создание Национального совета по трудовым и социальным вопросам (далее — Совет) на основе принципа трипартизма;
- определение задач деятельности Совета.

2. Указ от 16 декабря 1997 г. № 639 «О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственного управления и профессиональных союзов» [9]. Данным Указом профсоюзам были предоставлены дополнительные полномочия по:

- участию в работе коллегиальных органов государственного управления, органов управления предприятий, организаций и учреждений;
- защите трудовых прав работников — членов профсоюза при заключении или расторжении трудовых договоров (контрактов);
- осуществлению контроля за состоянием учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, распределении жилья, а также средств, предназначенных для жилищного строительства;
- организации работы по улучшению санаторно-курортного лечения и развитию учреждений отдыха, туризма, массовой физкультуры и спорта.

3. Указ от 5 мая 1999 г. № 252 «О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам» [10]. Данным нормативным правовым актом введено в действие новое Положение о Национальном совете по трудовым и социальным вопросам, в котором определяется цель его создания, по-иному, в сравнении с ранее действующим Положением, определен характер задач Совета, закрепляются функции и права, порядок принятия решений, состав и организация его деятельности.

В 1997 г. на заседании Совета была одобрена Концепция развития системы социального партнерства в Республике Беларусь. Особенностью данного документа является то, что впервые четко сформулированы основополагающие принципы социального партнерства: законность; реальность условий соглашений между государством, нанимателями и работниками; обязательность выполнения положений вышеуказанных соглашений и др. С принятием в 1999 г. Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК) указанные принципы приобрели силу закона.

В действующем ТК содержится раздел IV, устанавливающий общие правила регулирования коллективных трудовых отношений [11]. Глава 33 данного раздела посвящена собственно социальному партнерству, в ней закрепляется дефиниция данного правового явления, принципы построения системы социального партнерства, вопросы представительства интересов работников и

нанимателей. Глава 34 предусматривает право на ведение коллективных переговоров, устанавливает порядок их ведения. Главы 35–36 в усовершенствованном виде вобрали в себя нормы о коллективных переговорах, коллективных договорах, соглашениях, коллективных трудовых спорах, ранее содержащиеся в вышеупомянутых Законах.

Таким образом, в заключение следует отметить, что социальное партнерство, являясь эффективным механизмом сотрудничества между профсоюзами, нанимателями и органами государственного управления, прошло длительную эволюцию. Это обусловлено тем, что данный правовой институт имеет большой потенциал для формирования устойчивого и благополучного общества, создания условий для стабильного и долгосрочного социального прогресса.

С принятием ТК процесс развития правового регулирования социального партнерства не прекращается, идет совершенствование имеющихся и поиск новых форм и методов взаимодействия, отвечающих запросам общества и государства.

1. О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 дек. 1992 г., № 2038а-ХІІ. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Олейникова А. В. Вопросы компетенции и влияния профсоюзов в сфере охраны труда, возмещения вреда, причиненного здоровью работника на производстве [Электронный ресурс] // Труд, профсоюзы, общество. 2007. № 1 (15). URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/14224> (дата обращения: 17.04.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Об объединениях нанимателей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2022 г., № 225-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Томашевский К. Л., Войтик А. А. Проект закона Республики Беларусь «Об объединениях нанимателей»: третья попытка принятия за 25 лет // Трудовое и социальное право. 2022. № 4 (44). С. 12–18. [Вернуться к статье](#)

5. О коллективных договорах и соглашениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 ноября 1992 г., № 1965-ХІІ : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 янв. 1994 г., № 2708-ХІІ. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. О развитии социального партнерства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 июня 1995 г., № 278. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственного управления и профессиональных союзов [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 16 дек. 1997 г., № 639. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

10. О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 5 мая 1999 г., № 252. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

11. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 336

АНТИКРИЗИСНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Н. В. Пушко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности правового статуса антикризисного управляющего в контексте применения к нему административной и уголовной ответственности по законодательству Республики Беларусь. Проведенное исследование позволило сформулировать правовое обоснование приравнивания статуса антикризисного управляющего к статусу должностного лица при осуществлении им государственно-властных полномочий в процедурах экономической несостоятельности (банкротства).*

***Ключевые слова:** банкротство, антикризисный управляющий, должностное лицо, административная ответственность, уголовная ответственность.*

***Annotation.** The article discusses the features of the legal status of the anti-crisis manager in the context of the application of administrative and criminal liability under the legislation of the Republic of Belarus. The conducted research made it possible to formulate a legal justification for equating the status of an anti-crisis manager with the status of an official in the exercise of state authority in the procedures of economic insolvency (bankruptcy).*

***Keywords:** bankruptcy, anti-crisis manager, official, administrative responsibility, criminal liability.*

Современное экономическое положение многих субъектов хозяйствования позволяет говорить о том, что потребность в проведении процедур экономической несостоятельности может существенно возрасти. Это может, в свою очередь, значительно увеличить потребность в пресечении противоправных действий на всех стадиях банкротства. Поэтому правовой системой должна быть предотвращена возможность возникновения ситуаций, при которых должник намеренно идет на банкротство, а также совершает действия, направленные на сокрытие имущества.

В процессе своего становления административно-правовая ответственность за нарушение законодательства о банкротстве в Республике Беларусь претерпела ряд достаточно серьезных изменений. Действовавший до 2003 г. Кодекс БССР об административных правонарушениях от 6 декабря 1984 г. по объективным причинам не содержал норм, регулировавших правоотношения в сфере банкротства. Кодекс Республики Беларусь об административных

правонарушениях, принятый в 2003 г. (далее — КоАП-2003) [1], впервые в ст. 12.13 включил в себя положения, установившие административную ответственность за неправомерные действия при банкротстве. В девяти частях данной статьи были выделены основания и условия наступления административной ответственности за различные правонарушения в данной сфере. В частности, для привлечения антикризисного управляющего к административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих обязанностей были предусмотрены нормы, установленные ч. 8 ст. 12.13 КоАП-2003 [1], имевшие отсылочный характер к нормам об обязанностях временного (антикризисного) управляющего, содержащихся в действовавшем Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [2].

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, принятом в 2021 г. (далее — КоАП-2021) [3] произошла отмена административной ответственности для антикризисных управляющих по ст. 12.13 КоАП-2003 за неисполнение предусмотренных законодательством при осуществлении процедур экономической несостоятельности (банкротства) обязанностей управляющего. В КоАП-2021 сохранилась лишь норма об ответственности управляющих за невыполнение требований о заключении договора обязательного страхования, действовавшая еще в КоАП-2003 г., которая не претерпела существенных изменений, за исключением того, что в КоАП-2021 исключен низший предел ответственности в виде штрафа. Таким образом, в настоящее время антикризисный управляющий несет только имущественную ответственность по решению суда, которая у него в обязательном порядке должна быть застрахована.

Такое фактическое упразднение административной ответственности в сфере банкротства может быть объяснено не только тем, что весьма незначительное число управляющих привлекалось к административной ответственности непосредственно за несоблюдение законодательства о банкротстве, но и тем, что при всей безусловной необходимости контроля государственных органов за их деятельностью в то же время само законодательство о банкротстве предусматривает объективную возможность у кредиторов контролировать деятельность антикризисного управляющего. Кроме того, антикризисный управляющий обязан регулярно предоставлять отчет о своей деятельности в экономический суд, что также является эффективной формой контроля его деятельности со стороны государства.

Что касается уголовной ответственности, то в настоящее время существует достаточно много составов преступлений, субъектом которых может стать антикризисный управляющий, который является ключевой фигурой

в производстве по делам об экономической несостоятельности, в связи с чем остро встает проблема добросовестности его действий. При этом в юридической литературе не прекращаются споры о правовом статусе антикризисных управляющих: являются ли они органами или представителями юридических лиц либо самостоятельными субъектами права. От разрешения данного вопроса во многом зависит, могут ли антикризисные управляющие рассматриваться как субъекты преступлений против интересов службы, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [4].

Думается, что при определении правового статуса антикризисного управляющего необходимо исходить из того, что он в процессе своей деятельности имеет так называемый двойственный статус, суть которого состоит в том, что в зависимости от того, какую роль в конкретных правоотношениях приобретает антикризисный управляющий, он реализует компетенцию, основанную на государственно-властных отношениях либо на полномочиях, проистекающих из частного права: он действует и как представитель государственной власти, и как субъект гражданских правоотношений.

Поэтому считаем, что уголовно-правовым решением существующего правового пробела может стать приравнение деятельности антикризисного управляющего в случае осуществления им публично-правовых функций (например, при принятии требований кредиторов и ведении их реестра, отчета перед кредиторами и экономическим судом, выявлении признаков фиктивного и преднамеренного банкротства и иных нарушений со стороны участников процедуры банкротства и др.) к деятельности должностного лица. Этому может служить подтверждением и правовая позиция, обоснованная профессором В. М. Хомичем, который в качестве должностного лица рассматривает: «...во-первых, только физических лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции; во-вторых, лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий; в-третьих, государственных служащих, имеющих право в пределах компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе» [5].

В настоящее время существует ряд уголовно наказуемых составов преступления, непосредственным субъектом которых может стать антикризисный управляющий: ст. 239 «Соккрытие экономической несостоятельности (банкротства)», ст. 240 «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)», ст. 241 «Препятствование возмещению убытков кредитору (кредиторам)» УК [4], и во всех из них субъектом преступления является должностное

лицо. Однако действующий на сегодняшний день состав преступления, предусмотренный, например, ст. 241 УК, имеет ряд существенных недостатков: антикризисный управляющий в качестве субъекта уголовно наказуемого деяния по данному составу прямо в нем не закреплен, а лишь подразумевается в соответствии с законодательством о банкротстве.

При этом нельзя не отметить, что зачастую признаки ряда преступлений, таких как, например, ложное (ст. 238 УК) или преднамеренное (ст. 240 УК) банкротство, могут проявляться в защитном периоде, когда руководитель должника все еще осуществляет управление субъектом хозяйствования. В таком случае мы не можем рассматривать управляющего как субъекта указанных составов преступления, так как он не несет ответственности за сокрытие или отчуждение имущества, произведенное до того, как он приступил к непосредственному управлению предприятием.

Антикризисный управляющий в процессе своей деятельности также может совершить и иные преступления, предусмотренные уголовным законодательством, такие как мошенничество (ст. 209 УК), присвоение или растрата (ст. 211 УК), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) и др., в которых такой специальный субъект, как антикризисный управляющий, не предусмотрен. Поэтому приравнение его правового статуса к статусу должностного лица при осуществлении им организационно-распорядительных функций будет, на наш взгляд, соответствовать характеру и степени общественной опасности совершаемых противоправных деяний, которые могут иметь существенные правовые последствия в виде значительных убытков, причиненных как субъекту хозяйствования, так и государству в целом.

Таким образом, считаем, что элиминирование излишней корреляции административной санкции с гражданско-правовой (имущественной) ответственностью антикризисного управляющего, предусмотренной законодательством о финансовой несостоятельности, путем фактического упразднения административной ответственности непосредственно за правонарушения в сфере экономической несостоятельности является своевременным и необходимым средством исключения избыточного дуализма в контроле за реализацией управляющим своих функций в процедурах банкротства. В то же время придание антикризисному управляющему статуса должностного лица (специального субъекта преступления) при осуществлении им противоправных деяний во время выполнения им публично-правовых функций будет не только средством исключения правового пробела, но и важным направлением противодействия криминальным банкротствам без кардинального изменения законодательства.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 276-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. № 226-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Хомич В. М. Понятие должностного лица в уголовном праве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В. К. Раюшкин

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований в области
гражданского, экологического и социального права
Института правовых исследований, магистрант

***Аннотация.** В статье рассмотрены проблемные аспекты процедуры обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь, проанализировано соответствующее законодательство Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** исполнительное производство, интеллектуальная собственность, исключительные права, судебный исполнитель, судебный пристав-исполнитель, взыскание.*

***Annotation.** The article considers the problematic aspects of the procedure for collecting intellectual property objects in the Republic of Belarus, analyzes the legislation of the Russian Federation.*

***Keywords:** enforcement proceedings, intellectual property, exclusive rights, bailiff, bailiff, recovery и закон.*

Исполнительное производство в Республике Беларусь постоянно претерпевает изменения, как и любое другое направление правового регулирования, что обусловлено постоянно развивающимися общественными отношениями внутри государства, а также не стоящим на месте опытом закрепления соответствующих норм в соседних государствах. На данный момент в ст. 69 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об ИП) закреплено, что обращение взыскания на имущество должника, в том числе на имущественные права, а также на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации является мерой принудительного исполнения, которая применяется судебным исполнителем после возбуждения исполнительного производства [1]. На практике же осуществление данного положения является проблематичным в силу ряда причин.

В первую очередь следует отметить, что в законодательстве об исполнительном производстве Республики Беларусь отсутствует механизм обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности должника, что является

причиной отказа от осуществления взыскания судебным исполнителем на исключительные права и применения им взыскательных мер в отношении более привычных источников дохода и собственности должника.

Кроме ст. 69 Закона об ИП, в которой обращение взыскания на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации входит в перечень мер принудительного исполнения, в данном законодательном акте любые упоминания обозначенной нормы отсутствуют, что указывает на простую декларативность этого положения. Согласимся с мнением Д. В. Ивановой, которая считает, что «в отсутствие специальных положений о порядке обращения взыскания на исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации соответствующие институты активно применяться не будут» [2, с. 41].

В Российской Федерации в области обращения взыскания на интеллектуальную собственность должника законодатель пошел по пути закрепления такой возможности в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК Российской Федерации). Так, в ст. 1241 ГК Российской Федерации закреплено, что переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу без заключения договора с правообладателем допускается и при обращении взыскания на имущество правообладателя. Кроме этого, правовая норма, закрепленная в ст. 1284 ГК Российской Федерации, устанавливает правило обращения взыскания на исключительное право на произведение и на право использования произведения по лицензии. Запрещается обращение взыскания на исключительное право автора на произведение, кроме случаев обращения взыскания по договору залога, который заключен автором и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее автору исключительное право на конкретное произведение. Предусмотрена возможность обращения взыскания на права требования автора к другим лицам по договорам об отчуждении исключительного права на произведение и по лицензионным договорам, а также на доходы, полученные от использования произведения. На исключительное право, принадлежащее не самому исполнителю, а другому лицу, и на право использования исполнения, принадлежащее лицензиату, также может быть обращено взыскание согласно ст. 1284 ГК Российской Федерации. Аналогичные правила установлены и в области обращения взыскания на исключительное право на исполнение и на право использования исполнения по лицензии в ст. 1319 ГК Российской Федерации [3].

Закрепление в ч. 6 ст. 1405 ГК Российской Федерации недопустимости обращения взыскания на исключительное право на секретное изобретение

указывает нам на различие подходов к регламентации возможности обращения взыскания на те или иные объекты интеллектуальной собственности. Это является абсолютно обоснованным, поскольку к использованию секретного изобретения и распоряжению исключительным правом на него применяется законодательство о государственной тайне.

Однако, как отмечает Т. Ю. Астапова, ГК Российской Федерации «не содержит норм, регулирующих обращение взыскания на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и сфере художественного конструирования (изобретения, полезные модели, промышленные образцы), на топологии интегральных микросхем, селекционные достижения и многое другое» [4, с. 35], что говорит о некоторых пробелах в российском законодательстве об обращении взыскания на объекты интеллектуальной собственности.

Статья 68 Федерального закона Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 229 «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об ИП Российской Федерации) [5], так же как и ст. 69 Закона об ИП, предусматривает обращение взыскания на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, права требования по договорам об отчуждении или использовании исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, принадлежащее должнику как лицензиату. Закон об ИП Российской Федерации в ч. 7 ст. 69 закрепляет обязанность должника по требованию судебного пристава-исполнителя представить сведения о принадлежащих ему исключительных и иных правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, правах требования по договорам об отчуждении или использовании указанных прав. В ст. 68 Закона об ИП, устанавливающей обязанность предоставления должником сведений об имуществе и источниках получения доходов и других сведений, необходимых для исполнения исполнительного документа, прописана лишь общая формулировка, обязующая предоставить такие сведения, без конкретизации и указания на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

При обращении взыскания на объекты интеллектуальной собственности судебными приставами-исполнителями в Российской Федерации возникает проблема определения методики оценки этих объектов. Эта проблема решена посредством применения судебными приставами-исполнителями в процессе оценки различных объектов интеллектуальной собственности должников Методических рекомендаций по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности (утвержденных Министерством имущественных

отношений Российской Федерации 26 ноября 2002 г. № 4/21297). В указанном документе изложены основы определения рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности, подходы к оценке интеллектуальной собственности (доходный, сравнительный, затратный), рекомендации по проведению оценки, рекомендации к оформлению письменного отчета об оценке и др. [6].

В Республике Беларусь также приняты Методические рекомендации по оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности (утверждены приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 6 января 2011 г. № 3) [7]. Однако в силу отсутствия какого-либо законодательного закрепления процедуры обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности применение этих методических рекомендаций судебными исполнителями не представляется возможным.

В соответствии с ч. 3 ст. 87 Закона об ИП Российской Федерации, реализация имущественных прав осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона. Лицо, выигравшее торги, и организатор торгов подписывают в день проведения аукциона протокол о результатах торгов (п. 6 ст. 448 ГК Российской Федерации). Если переход исключительного права подлежит государственной регистрации, то основанием для такой регистрации может служить непосредственно протокол о результатах торгов. Основанием для государственной регистрации перехода исключительного права при его передаче от должника взыскателю как нереализованного имущества является акт приема-передачи, который оформляется при осуществлении такой передачи согласно положениям ч. 14 ст. 87 Закона об ИП Российской Федерации.

Тем не менее такие авторы, как Т. Ю. Астапова [4, с. 34], Т. Л. Калачева [8, с. 43], А. М. Чумакова [9, с. 293], Е. К. Жулдыбин [10, с. 361], в своих работах высказывают мнения о недостаточной регламентации в законодательстве Российской Федерации процедуры обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности и, как следствие, о «непопулярности» данной процедуры у судебных приставов-исполнителей.

Однако анализ статистических данных свидетельствует о том, что с каждым годом увеличивается количество запросов в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) из Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее — ФССП Российской Федерации). Так, количество обращений и запросов ФССП РФ в Роспатент составило: в 2019 г. — 1857, в 2020 г. — 2029, в 2021 г. — 3115. Целями обращений и запросов были: предоставление информации о наличии зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности, предоставление информации о наличии обеспечительных мер на объекты интеллектуальной собственности, наложение ареста на объекты интеллектуальной собственности, снятие ареста

с объектов интеллектуальной собственности, предоставление сведений и документов о распоряжении правами на объекты интеллектуальной собственности [11].

Таким образом, на данный момент в Республике Беларусь у судебных исполнителей отсутствует фактическая возможность по обращению взыскания на объекты интеллектуальной собственности должника, хотя в ст. 69 Закона об ИП такая возможность предусмотрена в качестве меры принудительного исполнения.

В связи с этим считаем необходимым для реализации ст. 69 Закона об ИП и, учитывая опыт Российской Федерации, конкретизировать систему обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в самом Законе об ИП, а также добавить положения, закрепляющие особенности обращения взыскания на те или иные объекты права интеллектуальной собственности должника (литературное произведение, исполнение, изобретение, полезная модель, промышленный образец и т. д.) в Гражданский кодекс Республики Беларусь и законодательные акты о соответствующих объектах авторского права и права промышленной собственности.

Кроме этого, считаем необходимым включить в Инструкцию по исполнительному производству, утвержденную Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67 [12], в раздел IV, регламентирующий процедуры обращения взыскания на отдельные виды имущества, главу об особенностях обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности. Детальная регламентация данной процедуры позволит не повторять в этой области ошибок, которые имеют место в Российской Федерации. Причем необходимо учитывать и уже имеющиеся Методические рекомендации по оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности.

1. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г., № 439-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Иванова Д. В. Обращение взыскания на исключительное право на объекты интеллектуальной собственности // Современные тенденции развития цивилистического процессуального права : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. круглого стола, приуроч. к 70-летию проф. кафедры гражданского процесса и трудового права юрид. фак. Белорус. гос. ун-та И. Н. Колядко, Минск, 15 апр. 2022 г. / под ред. О. Н. Романовой, И. Н. Колядко. Минск : Бел. гос. ун-т, 2022. С. 39–42. [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Федер. закона от 27.01.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Астапова Т. Ю. Правовая природа исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации как объекта обращения взыскания в рамках исполнительного производства // Вестн. Рос. правовой академии. 2015. № 4. С. 32–36. [Вернуться к статье](#)
5. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 окт. 2007 г., № 229-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Методические рекомендации по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : утв. М-вом имущественных отношений Рос. Федерации 26.11.2002. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
7. Методические рекомендации по оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : утв. приказом Гос. комитета по науке и технологиям Респ. Беларусь 06.01.2011. URL: <http://research.bsu.by/wp-content/uploads/2013/07/metrekomentacii-1.pdf> (дата обращения:). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Калачева Т. Л., Солдатов М. Е. Проблемы обращения взыскания на исключительные права // Актуальные вопросы юридической науки и практики : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. со студенческим участием, Хабаровск, 28 мая 2021 г. / редкол.: В. Е. Степенко [и др.]. Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2021. С. 42–46. [Вернуться к статье](#)
9. Чумакова А. М. Обращение взыскания на объекты интеллектуальной собственности как имущества должника // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 8 (20). С. 289–295. [Вернуться к статье](#)
10. Жулдыбин Е. К. Проблемные аспекты обращения взыскания на исключительные интеллектуальные права на объекты интеллектуальной собственности в России // Современные научные исследования: теория и практика : материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф., София, Болгария, 21 окт. 2017 г. / под общ. ред. А. И. Вострецова. София : Науч.-издат. центр «Мир науки», 2017. С. 360–365. [Вернуться к статье](#)
11. Роспатент в цифрах и фактах. Отчет о деятельности Роспатента за 2021 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2021-ru.pdf> (дата обращения: 11.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 7 апр. 2017 г., № 67 : с изм. и доп. от 08.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ЦИФРОВОЙ СЛЕД И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д. А. Свиридов

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к понятию цифрового следа. В настоящее время расследование практически каждого уголовного дела связано с деятельностью по обнаружению, фиксации, изъятию и использованию цифровых следов, содержащих информацию об обстоятельствах совершения общественно опасного деяния. В статье устанавливаются особенности цифровых следов, их виды, носители и значение для практики расследования уголовных дел.

Ключевые слова: цифровой след, преступление, расследование, криминалистика, носитель цифровой информации.

Annotation. The article discusses approaches to the concept of a digital footprint. Currently, the investigation of almost every criminal is associated with the activity of detecting, fixing, seizing and using digital traces containing information about the circumstances of the commission of a socially dangerous act. The article establishes the features of digital traces, their types, carriers and significance for the practice of investigating criminal cases.

Keywords: digital trace, crime, investigation, criminology, digital information carrier.

В современном мире цифровые технологии играют все большую роль в нашей жизни. Они помогают нам общаться, работать, учиться и развлекаться. Однако они также оставляют цифровые следы, которые могут быть использованы при расследовании преступлений. В целом научно-технический прогресс приводит не только лишь к развитию науки и техники в целях развития общества, но также к использованию современных достижений при совершении общественно опасных деяний. Исследователи отмечают, что в настоящее время практически каждое 20-е преступление — это преступление, совершенное с использованием глобальной сети Интернет [1, с. 27].

Белорусское общество, для которого характерны все основные тенденции, как и для остальных развитых стран, все быстрее трансформируется в общество цифровое, а в общественной жизни нарастает наличие цифровых технологий. В этой связи следует отметить достаточно большое количество вошедших в обращение новых дефиниций, среди которых необходимо отметить понятие «цифровой след», т. е. информации, которая сохраняется после совершения действий в мобильных сетях, глобальной сети Интернет, локальных сетях, а также отдельных технических устройствах (так называемый цифровой

отпечаток). Не оспаривая различные подходы к даваемым определениям данного понятия, видится необходимым отметить ту основу, которая характерна для большинства из них, основанное на традиционном криминалистическом понимании следа, т. е. это любые изменения среды под влиянием преступления [2; 3]. Цифровые следы — это информация, которая остается после использования электронных устройств и сервисов. Это могут быть данные о звонках, сообщениях, посещенных сайтах, использованных приложениях, фотографиях и видео, а также о местоположении устройства в определенный момент времени. Все эти данные могут помочь правоохранительным органам в расследовании преступлений.

Вместе с тем невозможно не остановиться на тех особенностях, которые характерны исключительно для цифрового следа. Так, прежде всего это наличие особой информационной среды, которой присуще сохранение такого рода следов. Далее следует отметить уникальную физическую структуру цифрового следа, которая представляет собой сохранившиеся сигналы, которые возможно декодировать и представить в виде понятных файлов. И наконец, особенность существования цифрового следа на цифровых и иных физических носителях информации. То есть, по сути, цифровой след — это системное структурированное изменение цифровой среды, хранящееся на цифровых или физических носителях.

Видится возможным детализировать перечень таких носителей:

- устройства мобильной связи;
- компьютеры и ноутбуки;
- планшеты;
- платежные карты;
- электронные устройства (например, медицинские приборы или автомобильные датчики);
- камеры видеонаблюдения;
- информационные базы данных;
- магнитные проездные документы;
- социальные сети и мессенджеры;
- электронная почта;
- чипизованные электронные товарные бирки [4, с. 78];
- банковские карты и платежные системы;
- GPS-навигаторы и другие системы определения местоположения;
- облачные сервисы и хранилища данных и др.

Одним из примеров использования цифровых следов является анализ мобильных телефонов. В современном мире люди почти всегда носят свои телефоны с собой, и они стали неотъемлемой частью нашей жизни. Мобильные

телефоны могут быть использованы для определения местоположения пользователя в определенный момент времени, а также для анализа его коммуникаций, например через текстовые сообщения или социальные сети. Еще одним примером использования цифровых следов является анализ видеозаписей. Видеокамеры установлены в различных местах, например на улицах городов, в магазинах или на станциях метро. Видеозаписи могут быть использованы для выявления преступлений, например грабежей и иных противоправных посягательств.

Цифровые следы также могут быть использованы для анализа данных, собранных с помощью электронных устройств. Например, медицинские устройства могут быть использованы для сбора информации о здоровье человека, а автомобильные датчики могут быть использованы для анализа стиля вождения.

Одним из главных преимуществ использования цифровых следов при расследовании уголовных дел является возможность получения точной и объективной информации. Это помогает правоохранительным органам принимать более обоснованные решения и улучшать качество расследования.

Однако, как и любая другая технология, цифровые следы имеют свои недостатки. Они могут быть использованы для вмешательства в личную жизнь граждан, могут быть подвержены взлому или другим видам кибератак, что может привести к утечке конфиденциальной информации и нарушению прав человека на конфиденциальность.

Цифровые следы имеют первостепенное значение не только при расследовании виртуальных киберпреступлений, но и при работе по сбору доказательств по другим видам правонарушений. Значение анализа цифровых следов в криминалистических целях трудно переоценить: с помощью специальных автоматизированных систем возможно осуществлять сбор информации об интернет-активности лица, совершившего преступление (фиксируются места посещения интернет-ресурсов, области интересов, объекты платежей, интернет-переписка и прочая информация). На основании массива собранных цифровых следов современные алгоритмизированные системы имеют возможность, отсеивая информационный шум, создать так называемый пузырь фильтров — эксклюзивную версию виртуального пространства человека. Существенную часть «цифровых следов» образуют персональные данные. Полученная информация может выступать ценным источником дополнительных сведений о человеке или группе лиц, поэтому охраняется от случайного распространения законодательством Республики Беларусь.

Одним из самых распространенных видов цифровых следов являются метаданные, которые представляют собой информацию об информации.

Например, метаданные фотографии могут содержать информацию о дате и времени ее создания, модели камеры, настройках экспозиции и т. д. Эта информация может быть использована для определения местоположения и времени события.

Другим видом цифровых следов являются данные о местоположении. Современные смартфоны и другие устройства постоянно отслеживают местоположение пользователя. Эта информация может быть использована для определения места нахождения подозреваемого в момент совершения преступления или доказывания непричастности лица к его совершению.

Также цифровые следы могут быть использованы для анализа коммуникаций. Например, могут быть изучены записи звонков и сообщений, чтобы определить, кто общался с подозреваемым и о чем они говорили. Цифровые следы также могут быть использованы для анализа социальных сетей. Социальные сети содержат огромное количество информации о пользователях, которая может быть использована для раскрытия преступлений. Например, фотографии и видео из социальных сетей могут быть использованы для определения местоположения и времени события.

В заключение следует отметить, что цифровые следы являются важным инструментом при расследовании преступлений. Они помогают правоохранительным органам в выявлении подозреваемых и раскрытии преступлений. Вместе с тем использование цифровых следов должно осуществляться в соответствии с законодательством и уважением к правам человека. В целом использование цифровых следов при расследовании уголовных дел имеет свои плюсы и минусы. Однако в современном мире, где технологии играют все большую роль, правоохранительным органам необходимо уметь использовать цифровые следы для более эффективного расследования преступлений.

1. Гимазетдинова А. Р. Особенности обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов // Студенч. южноурал. криминалистич. чт. : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 2–3 дек. 2021 г. Уфа : Науч.- исследоват. ин-т проблем правового государства, 2022. С. 26–30. [Вернуться к статье](#)

2. Гужаева В. А., Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю. Преступность в сети Интернет: криминологические характеристики // Вестн. эконом. безопасности. 2019. № 4. С. 111–114. [Вернуться к статье](#)

3. Скобелин С. Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42–44. [Вернуться к статье](#)

4. Железняк А. С. Криминалистика: тактико-методические основы уголовного судопроизводства : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : МГИУ, 2008. 126 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.956(476)

**О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ НОРМ ГПК, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО
ПО ДЕЛАМ В СУДАХ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ****В. П. Скобелев**

Белорусский государственный университет,
заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Показано, что в ходе апелляционного производства возникает объективная потребность в применении норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство по делам в судах первой инстанции, однако использованию данных норм препятствуют не совсем удачные предписания и структурное расположение ст. 417 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** гражданский процесс, апелляционное производство, суд апелляционной инстанции, суд первой инстанции, производство по делу.*

***Annotation.** It is shown that during the appeal proceedings there is an objective need to apply the norms of the Code of Civil Procedure governing the proceedings in the courts of first instance, however, the use of these norms is hindered by not entirely successful prescriptions and the structural arrangement of Art. 417 Code of Civil Procedure.*

***Keywords:** civil process, appeal proceedings, court of appeal, court of first instance, case proceeding.*

В апелляционном производстве по гражданским делам возможно выделение следующих этапов (стадий), которые в своем движении проходит дело в рамках данной проверочной формы: возбуждение апелляционного производства, подготовка к рассмотрению дела в апелляционном порядке, рассмотрение апелляционной жалобы (протеста) в судебном заседании, вынесение и оглашение судом второй инстанции апелляционного определения [1, с. 24–28; 2, с. 260–261; 3, с. 8, 19; 4, с. 16].

Деление апелляционного производства на стадии имеет большое значение для установления сферы (пределов) действия закрепленных в главе 32 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) норм [5]. Если конкретная норма касается только строго определенной стадии апелляционного производства, то она должна иметь такую формулировку, которая бы не вызывала сомнений в стадийной принадлежности нормы, и должна быть размещена именно в том параграфе главы 32 ГПК, который данной стадии апелляции посвящен. Если же норма носит общий — рассчитанный на все

стадии апелляционного производства — характер, то текстуальная редакция нормы должна позволять применять ее на любом этапе движения дела, а содержаться подобная норма должна в § 1 главы 32 ГПК. В этом контексте необходимо обратить внимание на положения прежней (т. е. в период функционирования кассационного производства) редакции ст. 406 ГПК.

Статья 406 ГПК размещалась в § 1 главы 32 ГПК и имела следующее содержание: «Производство по делам в судах кассационной инстанции ведется в соответствии с правилами настоящего Кодекса, в том числе с правилами, установленными для производства по делам в суде первой инстанции с учетом положений, изложенных в настоящей главе, и сущности кассационного производства» [5]. В совокупности все это указывало на то, что положения ст. 406 ГПК имели общий характер и распространялись на все стадии кассационного производства.

Правда, один весьма значительный изъян в текстуальной редакции ст. 406 ГПК все же был (помимо редакционной неточности, связанной с отсутствием запятой после слов «в суде первой инстанции»): она говорила о применении соответствующих правил только в ходе производства по делам «в судах кассационной инстанции», не учитывая при этом, что некоторые этапы кассационного производства (а эти этапы идентичны с отмеченными выше стадиями нынешнего апелляционного производства) проходили в судах первой инстанции — стадия возбуждения кассационного производства и частично, пока дело находилось в суде первой инстанции, стадия подготовки дела к рассмотрению (попутно заметим, что аналогичного рода неточность присутствовала тогда даже в названии главы 32 ГПК — «Производство дел в суде кассационной инстанции»).

Соответственно, вопрос о том, какие правила применять на упомянутых этапах кассационного производства, ст. 406 ГПК оставляла открытым. По большей части эта проблема решалась за счет прямых предписаний закона, регламентировавших упомянутые этапы кассационного производства и содержащихся в § 2 «Возбуждение кассационного производства. Подготовка к рассмотрению кассационной жалобы или кассационного протеста» главы 32 ГПК.

Однако в § 2 главы 32 ГПК были урегулированы далеко не все нюансы возбуждения кассационного производства и подготовки дела в той ее части, которая проходила в суде первой инстанции (в частности, в какой срок судом должен быть решен вопрос о принятии кассационной жалобы (протеста) к производству, каким образом должны оформляться результаты разрешения этого вопроса, возможен ли отказ от кассационной жалобы до момента принятия ее к производству, как должно оформляться назначение дела к рассмотрению в суде кассационной инстанции и пр.). И тогда возникала проблема (поскольку

с формальной точки зрения буквальная редакция ст. 406 ГПК делать этого не позволяла): допустимо ли упомянутые нюансы преодолевать за счет использования норм о правилах производства по делам в судах первой инстанции.

Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» (далее — Закон № 94-З) — им кассация была заменена на апелляцию путем изложения в новой редакции главы 32 ГПК — привнес в сферу обозначенной проблематики ряд новелл [6].

С одной стороны, они носят положительный характер. Так, было уточнено наименование главы 32 ГПК путем замены в нем указания на вид судебной инстанции («Производство дел *в суде кассационной инстанции*») указанием относительно вида производства или, другими словами, вида инстанционной стадии («Производство дел *в апелляционном порядке*»), т. е. в новом наименовании был учтен тот факт, что в пересмотре не вступивших в законную силу судебных постановлений задействованы суды не только второй, но и первой инстанции.

Помимо этого, появился открытый перечень видов правил, регламентирующих разбирательство дел по первой инстанции, которые не могут быть применены при пересмотре судебных постановлений: правила «о соединении и разъединении нескольких требований, об изменении оснований или предмета иска, размера исковых требований, о предъявлении встречного иска, о замене сторон, о привлечении к участию в деле третьих лиц, процессуальных соучастников, иные правила, установленные настоящим Кодексом только для рассмотрения дела в суде первой инстанции» (ч. 2 ст. 417 ГПК) [5].

С другой стороны, в регулировании появились новации и негативного плана. Закон № 94-З еще более сузил пределы действия нормы, содержащейся прежде в ст. 406 ГПК, поскольку изменил ее структурное размещение в главе 32 ГПК (перенес из § 1 «Пересмотр в апелляционном порядке судебных постановлений суда первой инстанции», имеющего общий для всего апелляционного производства характер, в § 3 «Подготовка и рассмотрение дела судом апелляционной инстанции» данной главы) и скорректировал ее текстуальную редакцию: «Рассмотрение апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста в суде апелляционной инстанции осуществляется в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом для производства по делам в суде первой инстанции, с учетом положений, изложенных в настоящей главе, и сущности апелляционного производства» (ч. 1 ст. 417 ГПК) [5].

Теперь, исходя из места расположения и содержания данной нормы, можно утверждать, что установленные ГПК правила для производства по делам в суде первой инстанции допустимо применять только на одной-единственной

стадии пересмотра — стадии рассмотрения жалобы (протеста) в судебном заседании суда второй инстанции [7, с. 43–44; 8, с. 60–61]. Это значит, что к проблемам, обусловленным изначальной редакцией анализируемой нормы (невозможность применения правил, действующих для суда первой инстанции, на стадии возбуждения пересмотра и частично на стадии подготовки дела к пересмотру), добавились новые: невозможность применения соответствующих правил на оставшейся части (когда дело уже поступило в суд второй инстанции) стадии подготовки дела к пересмотру и на стадии вынесения судом второй инстанции итогового постановления по делу.

Между тем потребность в использовании судом второй инстанции правил, предусмотренных для судов первой инстанции, на этапе подготовки дела к пересмотру весьма актуальна. Более того, п. 1 ч. 3 ст. 415 ГПК прямо указывает на применение некоторых из данных правил судом апелляционной инстанции в процессе подготовки дела к рассмотрению в апелляционном порядке — правил п. 7, 8, 9¹–12, 14, 15 ст. 262 ГПК. Однако ввиду особенностей редакции ч. 1 ст. 417 ГПК возникает вопрос, допустимо ли использование судом второй инстанции других (из не упомянутых прямо в п. 1 ч. 3 ст. 415 ГПК) положений ст. 262 ГПК, а именно: о проведении опроса сторон относительно предмета доказывания, имеющих в их распоряжении доказательства и прочих вопросов (п. 1, 2 ст. 262 ГПК); о разъяснении сторонам их процессуальных прав и обязанностей, в том числе права на добровольное урегулирование спора путем заключения мирового соглашения либо применения медиации (п. 3 ст. 262 ГПК); об определении последствий заключения сторонами соглашения о применении медиации (п. 3¹ ст. 262 ГПК); о проведении предварительного судебного заседания (п. 16 ст. 262 ГПК).

Существует вопрос и о возможности совершения тех или иных подготовительных действий на стадии подготовки дела к апелляционному пересмотру юридически заинтересованными в исходе дела лицами: ст. 415 ГПК фрагментарно регулирует данные моменты, упоминая лишь о действиях, связанных с заявлением ходатайств двух видов — ходатайств о вызове в судебное заседание экспертов, а также допрошенных в суде первой инстанции лиц для разъяснений по существу данных ими заключений и показаний (п. 2 ч. 3 ст. 415 ГПК) и ходатайств об исследовании новых доказательств, если обоснована невозможность представления этих доказательств в суде первой инстанции по не зависящим от них причинам (п. 3 ч. 3 ст. 415 ГПК), и действиях по ознакомлению с дополнительными доказательствами — ч. 4 ст. 415 ГПК: «По окончании подготовки дела суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания, предлагает юридически заинтересованным в исходе дела лицам ознакомиться до рассмотрения дела

с дополнительными доказательствами» [5]. Между тем в главе 26 ГПК, посвященной подготовке дела к разбирательству в суде первой инстанции, присутствует специальная статья ст. 260¹ ГПК о действиях юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Не менее проблемным является вопрос о допустимости вынесения судом апелляционной инстанции определений, постановление которых безусловно обязательно на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции, — определения о подготовке дела (ст. 260 ГПК) и определения о назначении дела к рассмотрению в судебном заседании (ст. 265 ГПК). В ст. 415 ГПК о таких определениях ничего не говорится. В этой связи любопытно обратить внимание на то, какие разъяснения по данному вопросу дал Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее — Постановление № 1) [9].

По мнению высшей судебной инстанции, с которым нельзя не согласиться, «при соответствии апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста установленным ГПК требованиям судья суда апелляционной инстанции выносит определение о подготовке дела к рассмотрению в апелляционном порядке» (ч. 5 п. 11 Постановления № 1), в этом определении необходимо указывать «процессуальные действия, которые намерен совершить суд апелляционной инстанции для обеспечения своевременного рассмотрения дела; действия, которые надлежит совершить сторонам и другим участникам судопроизводства, сроки их выполнения; результаты рассмотрения имеющихся ходатайств» (ч. 2 п. 12 Постановления № 1) [10, с. 77].

Вместе с тем Пленум Верховного Суда не упомянул о легальных основаниях такого подхода, а именно о том, что, давая подобные разъяснения, он фактически использовал по аналогии правила, действующие для судов первой инстанции. К сожалению, в Постановлении № 1 также не разъяснено, каким образом апелляционной инстанции следует оформлять назначение дела к рассмотрению в судебном заседании [10, с. 78]. В ч. 5 п. 12 Постановления № 1 сказано лишь, что «выполнив необходимые подготовительные действия и признав дело подготовленным к рассмотрению в апелляционном порядке, судья назначает время и место судебного заседания, о чем своевременно извещаются участвующие в деле лица» [9].

1. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Издат. центр БГУ, 2020. 379 с. [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Издат. центр БГУ, 2022. 552 с. [Вернуться к статье](#)
3. Яковлева Г. В. Производство в хозяйственном суде апелляционной инстанции : пособие для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». Минск : БГУ, 2008. 46 с. [Вернуться к статье](#)
4. Гашпар Т., Плиско А. О некоторых перспективах совершенствования апелляционного порядка рассмотрения гражданских и экономических дел // Судовы весн. 2020. № 2. С. 15–22. [Вернуться к статье](#)
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2018 г., № 94-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Скобелев В. Новеллы апелляционной формы проверки судебных постановлений по гражданским делам // Юстиция Беларуси. 2018. № 5. С. 40–47. [Вернуться к статье](#)
8. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы : моногр. / И. Э. Мартыненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. Минск : Колорград, 2020. 300 с. [Вернуться к статье](#)
9. О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке [Электронный ресурс] : постановление Пленум Верхов. Суда Респ. Беларусь, 31 марта 2021 г., № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
10. Скобелев В. Апелляционное производство по гражданским делам в контексте разъяснений высшей судебной инстанции. Ч. 3. // Юридический мир. 2021. № 11. С. 62–86. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.951; 342.745; 349

**АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ НОРМ В СФЕРЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО СЕГМЕНТА СЕТИ ИНТЕРНЕТ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В. П. Сухопаров

Белорусский государственный университет,
преподаватель кафедры конституционного права,
магистр юридических наук

***Аннотация.** В статье анализируются некоторые составы административных правонарушений, совершаемых в сети Интернет. Уточнены виды информации, запрещенной по ч. 5 ст. 23.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях Республики Беларусь. Формулируются предложения по совершенствованию норм, устанавливающих административную ответственность в сфере Интернета.*

***Ключевые слова:** интернет-ресурсы, административная ответственность, запрещенная информация, интернет-пользователи, владелец интернет-ресурса.*

***Annotation.** The present article analyzes some administrative offenses committed on the Internet. The types of information prohibited by Part 5 of Art. 23.5 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus were revealed. Proposals on improvement of rules in the field of administrative liability on the Internet were formulated.*

***Keywords:** internet-resources, administrative responsibility, prohibited information, Internet users, Internet resource owner.*

На современном этапе цифровизации общественного развития и стремительного распространения информационно-коммуникативных технологий (далее — ИКТ) в различных сферах жизни не перестают быть актуальными вопросы, связанные с правовым регулированием в информационной и цифровой сферах. Наряду с цифровыми инновациями развивается и законодательство, регламентирующее правовые формы их функционирования и использования. 14 февраля 2023 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 40 «О кибербезопасности», ряд положений которого вносят изменения в Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [1]. По состоянию на 20 марта 2023 г. указанные изменения еще не вступили в силу, однако издание нового законодательного акта по вопросам защиты национальной информационной инфраструктуры подчеркивает актуальность исследования правового регулирования деятельности субъектов, связанной с ИКТ.

Теоретико-прикладную значимость имеет исследование как регулятивных норм в информационной и цифровой сферах, так и правоохранительных. Важно надлежащее содержательное соотношение норм регулятивного и правоохранительного характера между собой для точного понимания правомерных форм деятельности субъектов (в том числе связанной с ИКТ), а также для правильной квалификации соответствующих правонарушений в случае их совершения.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) непосредственно с интернет-ресурсами и национальным сегментом Интернета связаны составы правонарушений, предусмотренных ч. 5 ст. 23.5, 23.9 КоАП [2]. Часть 5 ст. 23.5 КоАП запрещает распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами, за исключением случаев, когда ответственность за распространение такой информации предусмотрена иными статьями Особенной части КоАП. Как отмечает Б. В. Асаёнок, в ч. 5 ст. 23.5 КоАП предусматривается специальный субъект данного правонарушения — владелец интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания [3]. Представляется актуальным вопрос об анализе субъектного состава правонарушения в соответствии с ч. 5 ст. 23.5 КоАП, поскольку ст. 38 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. «О средствах массовой информации» (далее — Закон о СМИ), предусматривающая перечень информации, запрещенной к распространению в средствах массовой информации (далее — СМИ) и на интернет-ресурсах, запрещает распространение предусмотренной данной нормой информации любым субъектом (т. е. не только владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания) [4].

Понятие владельца интернет-ресурса закреплено в п. 3¹ ст. 1 Закона о СМИ, согласно которому владелец интернет-ресурса — это юридическое или физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, реализующее права владения, пользования и (или) распоряжения интернет-ресурсом [4]. При этом, согласно нормам законодательства о СМИ, в случае, если интернет-ресурс не прошел государственную регистрацию в качестве сетевого издания (признаваемого в Республике Беларусь средством массовой информации), такой интернет-ресурс не будет являться СМИ. Это значит, что владелец интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, характеризуется лишь как лицо, обладающее правами владения, пользования и (или) распоряжения интернет-ресурсом. Владелец интернет-ресурса, сетевого издания наделен специальным правовым статусом в соответствии со ст. 30¹ Закона о СМИ. Однако в силу того, что статус СМИ за незарегистрированными в качестве сетевых изданий интернет-ресурсами не признается, на наш взгляд,

возникает вопрос о необходимости отдельного определения в качестве специальных субъектов административной ответственности по ч. 5 ст. 23.5 КоАП владельцев интернет-ресурсов. Иными словами, актуализируемый вопрос заключается в необходимости анализа ч. 5 ст. 23.5 КоАП на предмет возможного расширения субъектного состава правонарушения интернет-пользователями в целом, а не только владельцами интернет-ресурсов. Это обусловлено тем, что при недопущении распространения на интернет-ресурсах запрещенной законодательными актами информации важен не столько специальный субъектный состав по данному правонарушению, сколько сам запрет на распространение запрещенной информации в объективных условиях того, что на интернет-ресурсах информацию может распространять широкий круг субъектов (как владельцы интернет-ресурсов, иные информационные посредники сети Интернет (например, хостинг-провайдеры), так и интернет-пользователи в целом без требования о наличии какой-либо лицензии (специального разрешения), регистрации в сфере массовой информации).

Согласно ст. 38 Закона о СМИ, в СМИ и на интернет-ресурсах запрещено распространение: информации от имени организаций, не прошедших в установленном порядке государственную регистрацию; сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, сведений о способах их разработки, использования; информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных деяний; информации о способах изготовления взрывных устройств, взрывчатых веществ; ненадлежащей рекламы; информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к ней, порнографии, насилия, жестокости, в том числе пропагандирующей самоубийство, другой информации, распространение которой способно нанести вред национальным интересам; результатов опроса общественного мнения, относящихся к общественно-политической ситуации в стране; гиперссылок на информационные сообщения и материалы, содержащие информацию, распространение которой, в соответствии с законодательными актами, запрещено; также запрещается использование скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей или оказывающих вредное влияние на их здоровье. С приведенной нормой Закона о СМИ, помимо ч. 5 ст. 23.5 КоАП, коррелируют такие статьи КоАП, как ст. 10.21 КоАП (запрет на незаконное опубликование результатов опросов общественного мнения, относящихся к общественно-политической ситуации в стране), ст. 19.7 КоАП (запрет на хранение и распространение порнографических материалов), ст. 19.8 КоАП (запрет на распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости), ст. 19.11 КоАП (запрет на распространение, изготовление, хранение информационной продукции, содержащей призывы

к экстремистской деятельности), ст. 19.12 КоАП (незаконное изготовление или распространение методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ). С учетом того, что административная ответственность по ч. 5 ст. 23.5 КоАП возникает, если распространение какой-либо запрещенной в соответствии с законодательными актами информации не запрещено иными статьями Особенной части КоАП, и исходя из анализа ст. 38 Закона о СМИ, следует вывод, что административная ответственность владельца интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, в соответствии с ч. 5 ст. 23.5 КоАП, будет наступать за распространение указанным субъектом, в частности, информации:

- от имени организаций, не прошедших в установленном порядке государственную регистрацию (перерегистрацию);
- сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ (если только распространение данных сведений не будет квалифицироваться в соответствии со ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)) [5];
- ненадлежащей рекламы (за исключением случаев совершения преступления по ст. 250 УК (распространение ложной информации о товарах и услугах));
- информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий;
- а также иной информации, распространение которой способно нанести вред национальным интересам Республики Беларусь, если ответственность за ее распространение не предусмотрена иными статьями Особенной части КоАП, а также иных видов запрещенной в соответствии с законодательными актами информации при указанном условии.

И. В. Рузова по вопросу информации, распространение которой способно нанести вред национальным интересам, отмечает, что к данному виду информации будет относиться «достаточно широкий спектр» различных видов информации, поскольку «государственные (национальные) интересы Республики Беларусь охватывают собой все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства и тесно взаимосвязаны между собой» [6]. В качестве «ориентира» для определения видов информации, способной нанести вред национальным интересам, автор предлагает исходить из положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, и выделяет следующие виды такой информации: о подготовке или осуществлении террористических актов; о религиозном, этническом экстремизме, расовой вражде; о возникновении на территории Беларуси крупномасштабных чрезвычайных ситуаций и др. [6].

С нашей точки зрения, вышеперечисленные виды информации, включающие информацию, распространение которой способно нанести вред национальным интересам, за распространение которых лицо может быть привлечено к административной ответственности по ч. 5 ст. 23.5 КоАП, не обладают какой-либо спецификой для ограничения субъектного состава данного правонарушения сугубо владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания. Выявленные виды информации могут быть распространены (с соответствующим нарушением законодательных актов) и интернет-пользователем, т. к. для выполнения объективной стороны правонарушения по ч. 5 ст. 23.5 КоАП не требуется владение, пользование и (или) распоряжение соответствующим интернет-ресурсом, что необходимо для правового статуса его владельца. К тому же возможность распространения на интернет-ресурсах информации и (или) информационных материалов (с точки зрения информационно-технологической стороны) является широко распространенной. Это означает, что в целом ряде интернет-ресурсов (включая социальные сети, видеохостинги, мультимедийные интернет-платформы и т. д.) может быть распространена та или иная информация интернет-пользователями без необходимости владения соответствующими интернет-ресурсами, которые в большинстве своем являются открытыми в силу глобальности компьютерной Сети. Также проведенный анализ корреляции статей КоАП и УК с положениями о запрете на распространение отдельных видов информации (ст. 38 Закона о СМИ) демонстрирует, что по ряду видов информации, запрещенной к распространению, отсутствуют специальные нормы КоАП, а также УК (за исключением ч. 5 ст. 23.5 КоАП и ст. 198¹ УК, устанавливающих специального субъекта соответствующего нарушения). Это указывает на неурегулированность вопроса рассматриваемых видов ответственности за распространение отдельных видов запрещенной информации на интернет-ресурсах интернет-пользователями (не являющимися владельцами интернет-ресурсов). Следовательно, имеется необходимость в расширении субъектного состава правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 23.5 КоАП, в связи с вышеперечисленными основаниями.

Полагаем, ч. 5 ст. 23.5 КоАП, являющаяся аналогичной ч. 4 ст. 23.5 КоАП (за исключением различных субъектов ответственности (СМИ — по ч. 4 ст. 23.5 КоАП и владелец интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, — по ч. 5 ст. 23.5 КоАП) и сфер распространения запрещенной информации (СМИ — по ч. 4 ст. 23.5 КоАП и интернет-ресурсы — по ч. 5 ст. 23.5 КоАП)), принималась с учетом специфики сферы действия Закона о СМИ (п. 2 ст. 3 Закона о СМИ) в отношении непосредственно СМИ и интернет-ресурсов, СМИ не являющихся. Вместе с этим, на наш взгляд, важно также учесть и специфику распространения массовой информации в СМИ и

на интернет-ресурсах, заключающуюся в том, что в СМИ информация распространяется специальными субъектами (юридическое лицо, на которое возложены функции редакции средства массовой информации; журналист СМИ; корреспондентский пункт; главный редактор СМИ и др.). В то время как для распространения информации на интернет-ресурсах (в первую очередь — не зарегистрированных в качестве сетевых изданий) наличие специального правового статуса не требуется (достаточно быть интернет-пользователем) в силу общих информационно-технологических возможностей сети Интернет (в том числе ее открытости, глобальности, трансграничности). Таким образом, представляется обоснованным изменение ч. 5 ст. 23.5 КоАП в части корректировки специального субъекта административного правонарушения (владельца интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания) на общего, охватывающего различных субъектов информационных отношений в сети Интернет.

1. О кибербезопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 40. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Асаёнок Б. В. Административные правонарушения в области связи и информации (часть 1): статьи 23.1–23.6 КоАП [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.10.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Рузова И. В. Закон о СМИ: какие требования должен соблюдать владелец интернет-ресурса [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.95

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Терешенок

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

***Аннотация.** В статье затрагивается проблема идентификации нацистской символики или атрибутики в качестве предмета административного правонарушения.*

***Ключевые слова:** экстремизм, административная ответственность, экстремистские материалы, реабилитация нацизма, экстремистская деятельность.*

***Annotation.** The article touches upon the problem of identification of nazi symbols or attributes as the subject of an administrative offense.*

***Keywords:** extremism, administrative responsibility, extremist materials, rehabilitation of nazism, extremist activity.*

Возросшая в последнее время актуальность исследований, направленных на поиск правовых средств противодействия экстремизму в Республике Беларусь, обусловлена современными вызовами конституционным целям обеспечения мира и гражданского согласия в государстве на фоне нарастающего в мире потенциала конфликтности, связанной с увеличением разрыва между богатыми и бедными странами, религиозным и политическим экстремизмом, агрессивным национализмом, сепаратизмом и ксенофобией.

Являясь одной из крайних форм негативного девиантного поведения, экстремизм при отсутствии эффективного превентивного воздействия на него приобретает форму такого опаснейшего социально-политического криминального явления, как терроризм.

В соответствии со ст. 29 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости, возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих указанные взгляды, отнесены к внутренним источникам угроз национальной безопасности государства [1].

В свою очередь, в качестве важнейших направлений нейтрализации внутренних источников угроз выступают сохранение роли государства как гаранта

безопасности личности, комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь с коррупцией, терроризмом и экстремизмом во всех их проявлениях, сепаратизмом, расовой и религиозной нетерпимостью.

Безусловно, законодатель постоянно предпринимает определенные шаги по нейтрализации обозначенных угроз. В частности, Законом Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» существенно расширено юридическое определение термина «экстремизм», содержащееся в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму», по сравнению с его предыдущей редакцией [2; 3]. Принимая во внимание, что в качестве содержательного признака термина «экстремизм» выделяется его деятельная природа (в том числе посредством отождествления со словосочетанием «экстремистская деятельность»), расширен как круг деяний, так и состав субъектов экстремистской деятельности, к которым отнесены также профессиональные союзы, иностранные или международные организации или их представительства, формирования и индивидуальные предприниматели.

В основе любого деяния лежит (и предшествует ему) волевой, сознательный аспекты. Специалисты в области психологии девиантного поведения определяют экстремизм не только в качестве практики применения нелегитимных, нередко насильственных методов и средств отстаивания своих крайних взглядов, но и идеологии, направленной на обоснование и оправдание допустимости их применения [4, с. 37]. В свою очередь, как отмечают К. Д. Рыдченко и Ю. А. Колотилкин, пропаганде экстремистской идеологии способствует распространение сведений экстремистского характера, которые, содержательно являясь недостоверной информацией, вместе с тем создают эффект «заражения» общества экстремистскими идеями, формируют социальный фундамент для дальнейшего развития, распространения и применения экстремистских практик [5, с. 96].

В этой связи, по нашему мнению, важную роль в противодействии экстремистской деятельности играет предупреждение распространения экстремистских идеологий путем выявления и идентификации информационной продукции экстремистского содержания и административно-правового запрета на ее оборот, а также установления административной ответственности за нарушение данного запрета.

В Республике Беларусь порядок проведения оценки информационной продукции на предмет наличия в ней признаков проявления экстремизма определен ст. 19 Закона «О противодействии экстремизму», постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 апреля 2007 г. № 513 «О ведении и

опубликовании республиканского списка экстремистских материалов» и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» [3; 6; 7]. В соответствии с приведенными нормативными правовыми актами, оценка на предмет наличия признаков проявления экстремизма в символике и атрибутике, информационной продукции, выявленных на территории г. Минска, осуществляется Республиканской комиссией по проведению оценки символики и атрибутики, информационной продукции на предмет наличия в них признаков проявления экстремизма, а на территории областей — соответствующими областными комиссиями по проведению оценки символики и атрибутики, информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в них признаков проявления экстремизма. Решение о признании символики и атрибутики, информационной продукции экстремистскими материалами принимается судом, а республиканский список экстремистских материалов размещается на официальном сайте Министерства информации Республики Беларусь в глобальной компьютерной сети Интернет [8].

Необходимо отметить особое значение для Республики Беларусь противодействия реабилитации идеологии нацизма, под лозунгами которого в годы Второй мировой войны нацистскими преступниками и их пособниками совершались военные преступления на оккупированных территориях современной Беларуси, что нашло свое отражение в положениях Закона Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» [9].

Согласно ч. 5 ст. 1 Закона «О противодействии экстремизму», нацистская символика и атрибутика отнесены к экстремистской символике и атрибутике, однако перечень нацистской символики и атрибутики, в соответствии с ч. 4 ст. 12 Закона «О недопущении реабилитации нацизма», определяется Министерством внутренних дел по согласованию с Министерством юстиции, Комитетом государственной безопасности и Национальной академией наук Беларуси. Соответствующий перечень определен в постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 28 октября 2022 г. № 271 «Об установлении перечней организаций и иных структур, нацистской символики и атрибутики» [10].

В свою очередь, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП Республики Беларусь) административная ответственность за пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, предусмотренная ст. 19.10, обособлена от административной ответственности за распространение, изготовление, хранение, перевозку информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую

деятельность, предусмотренной ст. 19.11 [11], т. е. по признаку предмета административного правонарушения, в отличие, например, от Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в котором административная ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики экстремистских организаций объединена в ст. 20.3 [12].

На наш взгляд, вышеописанный метод административно-правового противодействия попыткам проникновения и распространения нацистской идеологии в Республике Беларусь путем не только упрощения процедуры юридической идентификации нацистской символики и атрибутики в качестве таковой, но и выделения ее в качестве предмета отдельного административного правонарушения позволяет отечественному законодателю обеспечить оперативный отклик и реагирование правовыми средствами на так называемые проявления криптофашизма.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь сформирована действенная система противодействия распространению экстремистской идеологии и, особенно, такой ее разновидности, как нацизм. В то же время указанные шаги белорусского законодателя поставили перед белорусской административно-правовой наукой вопросы переосмысления и поиска новых, более эффективных способов взаимодействия между субъектами противодействия экстремизму в Республике Беларусь, что может стать предметом самостоятельного диссертационного исследования.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2009 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г., № 104-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.05.2021 г., № 104-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Клейберг Ю. А. Девиантология терроризма и экстремизма : моногр. М. : Изд-во Москов. психолого-социального ун-та, 2016. 134 с. [Вернуться к статье](#)

5. Рыдченко К. Д., Колотилкин Ю. А. Административно-правовая сущность сведений экстремистского характера по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2022. № 4. С. 96–102. [Вернуться к статье](#)

6. О ведении и опубликовании республиканского списка экстремистских материалов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь,

23 апр. 2007 г., № 513 : с изм. и доп. от 12.10.2021 г. № 575. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 окт. 2021 г., № 575 : с изм. и доп. от 28.03.2022 г. № 181. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Республиканский список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Министерство информации Респ. Беларусь. URL: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/> (дата обращения: 24.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г., № 103-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

10. Об установлении перечней организаций и иных структур, нацистской символики и атрибутики [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 28 окт. 2022 г., № 271. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

11. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. Закона от 17.02.2023 г. URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 24.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 346.3

НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ
ИНЖЕНЕРНЫХ УСЛУГ

М. В. Туровец

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, соискатель ученой степени

Аннотация. Статья посвящена несущественным условиям договора на оказание инженерных услуг. Автором предложен перечень несущественных условий данного договора, к которым следует отнести условия о месте заключения договора, условие о возможности привлечения соисполнителя по договору на оказание инженерных услуг, условие об основаниях изменения стоимости услуг, расчетный период по договору, условие об участии представителя инженерной организации при закупках товаров (работ, услуг) при строительстве объектов, условие об одностороннем отказе от договора, условие о подсудности по договору.

Ключевые слова: договор на оказание инженерных услуг, существенные условия договора, несущественные условия договора.

Annotation. The article is devoted to the non-essential terms of the contract for the provision of engineering services. The author proposes a list of non-essential terms of this agreement, which should include the terms on the place of conclusion of the contract, the condition on the possibility of attracting a co-executor under the contract for the provision of engineering services, the condition on the grounds for changing the cost of services, the billing period under the contract, the condition on the participation of a representative of an engineering organization in procurement goods (works, services) during the construction of facilities, a condition for unilateral withdrawal from the contract, a condition for jurisdiction under the contract.

Keywords: contract for the provision of engineering services, essential terms of the contract, non-essential terms of the contract.

Закключая договор на оказание инженерных услуг, заказчик возлагает на инженерную организацию обязательства по организации и контролю процесса строительной деятельности на объекте. Возложение этих обязательств на инженерную организацию возможно только путем заключения договора на оказание инженерных услуг.

По общему правилу, изложенному в ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора [1].

Все условия договора в зависимости от их воздействия на формирование существа конкретного договорного обязательства должны быть классифициро-

ваны на существенные (объективно-существенные и субъективно-существенные) и несущественные [2, с. 7].

В п. 6 Инструкции о порядке оказания инженерных услуг в строительстве, утвержденной постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 10 мая 2011 г. № 18, перечислены существенные условия договора на оказание инженерных услуг, к которым относятся: наименование сторон и их реквизиты, предмет договора с указанием функций инженера (инженерной организации), права и обязанности сторон, договорная цена услуг, порядок расчетов, источники финансирования (в пределах норм затрат, предусмотренных сводным сметным расчетом (по объектам текущего ремонта на выполнение функций технического надзора — локальным сметным расчетом), а также возможность дополнительного финансирования инженерных услуг, предусмотренных договором, за счет средств заказчика сверх предусмотренных норм затрат), ответственность сторон, порядок сдачи-приемки оказанных услуг, условия обеспечения деятельности инженера (инженерной организации), срок действия договора [3].

Как отмечает В. В. Груздев, несущественными должны признаваться условия, соответствующие по содержанию формулировкам диспозитивных норм, не раскрывающих видообразующие признаки договоров данного вида, а также формулировкам правовых обычаев [2, с. 14–15]. Иной позиции придерживается А. В. Баринов. По его мнению, несущественные (подразумеваемые) условия — условия, включение и невключение которых в договор не влияет на факт заключения договора. В случае их невключения они все равно применяются для регулирования отношений сторон, так как определяются диспозитивными нормами для договоров соответствующего вида [4, с. 7].

Применительно к договору на оказание инженерных услуг несущественные условия договора на оказание инженерных услуг — это условия договора, которые не влияют на факт заключения договора и регламентируются общими и специальными нормами гражданского законодательства, регулирующими правоотношения, вытекающие из договора на оказание инженерных услуг.

Необходимо отметить, что в науке гражданского права отсутствуют исследования, посвященные как существенным, так и несущественным условиям договора на оказание инженерных услуг.

К несущественным условиям договора на оказание инженерных услуг, по нашему мнению, можно отнести следующие условия: условия о месте заключения договора, условие о возможности привлечения соисполнителя по договору на оказание инженерных услуг при условии, что источником финансирования по договору являются собственные средства, условие об основаниях изменения стоимости услуг, расчетный период по договору, условие об участии

представителя инженерной организации при закупках товаров (работ, услуг) при строительстве объектов, условие об одностороннем отказе от договора, условие о подсудности по договору.

В случае если договор на оказание инженерных услуг заключается между резидентами Республики Беларусь, то место заключения договора не имеет значения для сторон и возникающих правоотношений, поскольку применимое право к договору — право Республики Беларусь.

Дата заключения договора, по нашему мнению, является реквизитом договора на оказание инженерных услуг. Он, в отличие от условий договора, не требует согласования и не зависит от воли сторон.

Условие об основаниях изменения стоимости услуг инженерной организации не является существенным условием договора на оказание инженерных услуг, так как стороны могут заключить договор на условиях твердой цены, которая не будет подлежать изменению.

Условие о подсудности по договору является несущественным, поскольку стороны при несогласовании договорной подсудности в случае возникновения спора будут руководствоваться подсудностью по месту нахождения ответчика.

Условие о возможности привлечения соисполнителя по договору на оказание инженерных услуг является несущественным условием договора при условии, что финансирование по договору осуществляется за счет собственных средств заказчика, так как для заказчика неважно, кто будет оказывать услугу по договору, ему нужно надлежащее оказание услуг. Кроме того, перед заказчиком за действия соисполнителей несет ответственность инженерная организация. Привлечение соисполнителя по договору является существенным условием только в том случае, если инженерная организация выбрана по результатам государственной закупки с применением преференциальной поправки.

Условие об одностороннем отказе от договора на оказание инженерных услуг не является существенным, так как к договору на оказание инженерных услуг применяются общие нормы о договоре возмездного оказания услуг. Так, в силу ст. 736 Гражданского кодекса Республики Беларусь заказчик вправе отказаться от договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, если иное не предусмотрено законодательными актами. Исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков. Однако данный факт не мешает сторонам предусмотреть при заключении договора на оказание инженерных услуг дополнительные основания для одностороннего отказа от договора.

Расчетный период по договору на оказание инженерных услуг является несущественным условием договора, так как при несогласовании данного условия в договоре действует правило п. 2 ст. 295 Гражданского кодекса Республики Беларусь, согласно которому обязательство, не исполненное в разумный срок, а равно обязательство, срок которого определен моментом востребования, должник обязан исполнить в семидневный срок со дня поступления письменного требования кредитора о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не вытекает из акта законодательства, условий обязательства или сущности обязательства.

Условие об участии представителя инженерной организации при закупках товаров (работ, услуг) при строительстве объектов не относится к существенным условиям договора на оказание инженерных услуг. Инженерная организация может осуществлять организацию процедур закупок товаров (работ, услуг) при строительстве объектов или представитель инженерной организации принимать участие в процедуре закупки при строительстве объектов. Данный факт не влияет на заключенность договора на оказание инженерных услуг.

Таким образом, перечень несущественных условий договора на оказание инженерных услуг зависит от источника финансирования по договору. К несущественным условиям, в случае если источник финансирования — собственные средства заказчика, следует отнести условия о месте заключения договора, условие о возможности привлечения соисполнителя по договору на оказание инженерных услуг, условие об основаниях изменения стоимости услуг, расчетный период по договору, условие об участии представителя инженерной организации при закупках товаров (работ, услуг) при строительстве объектов, условие об одностороннем отказе от договора, условие о подсудности по договору. К несущественным условиям, в случае если источник финансирования — бюджетные средства, следует отнести условия о месте заключения договора, условие об основаниях изменения стоимости услуг, расчетный период по договору, условие об участии представителя инженерной организации при закупках товаров (работ, услуг) при строительстве объектов, условие об одностороннем отказе от договора, условие о подсудности по договору.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Груздев В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Том. гос. ун-т. Томск, 2008. 23 с. [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Инструкции о порядке оказания инженерных услуг в строительстве и признании утратившими силу нормативных правовых актов, отдельных структурных элементов постановлений Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь, 10 мая 2011 г., № 18 : с изм. и доп. от 17.05.2018 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Баринов А. В. Заключение гражданско-правового договора в общем порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Волгоград. акад. МВД России. Волгоград, 2004. 20 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.32

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
НЕКОТОРЫХ ГЛАВ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Е. А. Шаркова

Академия национальной безопасности Республики Беларусь,
профессор специальной кафедры,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Сравнительный анализ уголовно-правовых систем Республики Беларусь и Российской Федерации показывает, что преступления против государства представляют наибольшую общественную опасность. Для усиления мер по борьбе с различными видами угроз в сфере обеспечения национальной безопасности необходимо установление единого правового подхода защиты основ конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета в обоих государствах.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность, преступления против государства, уголовное законодательство, Уголовный кодекс, сравнительный анализ.*

***Annotation.** A comparative analysis of the criminal legal system of the Republic of Belarus and the Russian Federation shows that crimes against the state pose the greatest public danger. In order to strengthen measures to combat various types of threats in the sphere of ensuring national security, it is necessary to establish a unified legal approach to protecting the foundations of the constitutional system, territorial integrity and sovereignty in both States.*

***Keywords:** national security, crimes against the state, criminal legislation, criminal code, comparative analysis.*

Одной из стратегических задач системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь является поддержание ее независимости, территориальной целостности и защиты национальных интересов.

Правовая основа обеспечения национальной безопасности представляет собой совокупность взаимосвязанных, внутренне согласованных нормативных правовых актов, содержащих юридические принципы и нормы, направленные на правовое регулирование общественных отношений в сфере национальной безопасности страны с целью их упорядочения, охраны и развития.

Однако правовое регулирование защиты национальных интересов постоянно требует своевременных изменений действующего законодательства. В связи с этим вопросы, касающиеся проблемы совершенствования

обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, являются очень актуальными.

В гл. 32 «Преступления против государства» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) сконцентрированы наиболее общественно опасные уголовно наказуемые деяния, посягающие на независимость Республики Беларусь, ее территориальную целостность, суверенитет и незыблемость конституционного строя (таких имеется 12 видов преступлений).

В гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) указаны правовые нормы, определяющие уголовную ответственность за общественно опасные деяния, направленные на подрыв или ослабление основ конституционного строя, политической, экономической системы, а также безопасности государства (в данной главе содержится 26 видов преступлений).

Сравним общие положения гл. 32 УК Республики Беларусь и гл. 29 УК Российской Федерации.

Видовым объектом гл. 32 белорусского уголовного закона представляются закрепленные Конституцией основы государственного и общественного строя Республики Беларусь, национальная (внешняя и внутренняя) безопасность. В российском уголовном законе видовой объект указан в названии гл. 29, им являются основы конституционного строя и безопасность государства.

Согласно обоим законодательствам, непосредственным объектом отдельных преступлений против государства выступает та или иная часть государственного или общественного строя [1; 2].

Белорусский профессор Э. Ф. Мичулис считает, что объект преступлений против государства весьма сложный, а подобные общественно опасные деяния в конечном счете посягают не только на одну какую-либо часть государственного или общественного строя [3, с. 4]. Надо сказать, что здесь практически каждое преступление против государства затрагивает и другие части основ существующего строя, а также иные общественные отношения, охраняемые уголовным правом.

Далее обратим внимание на следующее: в составах некоторых преступлений законодатель выделяет определенный предмет преступления. По УК Республики Беларусь в этом плане характерна ст. 356 «Измена государству» и ст. 358 «Шпионаж», где в качестве предмета выступают сведения, составляющие государственные секреты Республики Беларусь. В ст. 361 УК Республики Беларусь «Призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности

Республики Беларусь» предметом представлены материалы, содержащие определенные призывы.

В ст. 276 «Шпионаж» УК Российской Федерации предмет преступления — это сведения, составляющие государственную тайну, а при определенных условиях и иные сведения. В ст. 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну» УК Российской Федерации таким предметом могут быть документы, содержащие государственную тайну, а также предметы, сведения о которых составляют государственную тайну [4, с. 411].

Преступления против государства с объективной стороны совершаются, как правило, путем активных действий. Тем не менее по российскому законодательству разглашение государственной тайны (ст. 283 УК Российской Федерации) и утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК Российской Федерации), с объективной стороны могут характеризоваться как действиями, так и бездействием.

С учетом повышенной общественной опасности большинство преступлений рассматриваемых двух глав относятся к преступлениям с формальным составом. Преступления окончены с момента совершения общественно опасных деяний. Наступившие последствия в подавляющем большинстве случаев играют роль обстоятельств, влияющих на степень общественной опасности совершенного преступления и назначения наказания.

В то же время по УК Республики Беларусь основные составы государственных преступлений сконструированы как формальные или усеченные, а квалифицированные составы, такие как ч. 2 ст. 356, ч. 3 ст. 357, ч. 2 ст. 360, являются материальными. Эти преступления признаются оконченными с момента наступления указанных в них общественно опасных последствий.

В обоих уголовных законах субъект преступлений специальный — это гражданин страны, а также иностранный гражданин либо лицо без гражданства, достигшие 16-летнего возраста.

И по белорусскому, и по российскому уголовному закону субъективная сторона рассматриваемой группы преступлений характеризуется умышленной формой вины. Причем умысел может быть только прямым: виновный сознает общественно опасный характер совершаемых действий и желает их совершить.

В ряде случаев субъективная сторона преступлений характеризуется специальными мотивами и целями.

Так, специальная цель присутствует, например, в ст. 357 УК Республики Беларусь — в виде захвата либо удержания государственной власти неконституционным путем, в ст. 360 — в виде нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности.

В качестве примера, где обязательным признаком субъективной стороны показана специальная цель, российский уголовный закон выделяет такие виды преступления, как прекращение государственной или политической деятельности государственного или общественного деятеля (ст. 277), свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации (ст. 279), подрыв экономической безопасности и обороноспособности (ст. 281).

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля может быть совершено со специальным мотивом — из мести за политическую или общественную деятельность потерпевшего (ст. 359 УК Республики Беларусь, ст. 277 УК Российской Федерации).

В белорусском уголовном законе в зависимости от непосредственного объекта преступления против государства эти преступления можно разделить на две группы:

- 1) преступления против внешней безопасности государства (ст. 356, 358, 358¹, 360, 361, 361³, 361⁴ УК Республики Беларусь);
- 2) преступления против внутренней безопасности государства (ст. 357, 359, 361¹, 361², 361⁵ УК Республики Беларусь).

В российском уголовном законе преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в зависимости от их непосредственного объекта можно разделить на пять групп:

- 1) преступления против безопасности Российской Федерации (ст. 275, 275¹, 276, 280², 280⁴, 284¹ УК Российской Федерации);
- 2) преступления, посягающие на основы политической системы Российской Федерации (ст. 277, 278, 279, 284² УК Российской Федерации);
- 3) посягательство на экономическую безопасность и обороноспособность России (ст. 280³, 281, 281¹, 281², 281³ УК Российской Федерации);
- 4) посягательство на общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности (ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³, 282⁴ УК Российской Федерации);
- 5) преступления, посягающие на сохранность государственной тайны (ст. 283, 283¹, 283², 284 УК Российской Федерации).

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ гл. 32 «Преступления против государства» УК Республики Беларусь и гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК Российской Федерации позволяет определить дальнейшие общие пути по совершенствованию рассмотренных уголовно-правовых подходов.

2. Преступления против государства (против основ конституционного строя и безопасности государства) представляют собой деяния конкретных лиц

в виде очерченных законом общественно опасных действий (бездействий), содержащих предусмотренные им составы преступлений.

3. Уголовное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, устанавливающее ответственность за преступления против государства, выступает важным механизмом противодействия различным видам угроз в системах обеспечения национальной безопасности двух стран.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 29.12.2022 № 586-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Мичулис Э. Ф., Шардаков А. А., Яцута И. С. Преступления против государства, порядка управления и интересов службы : учеб. пособие. Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2013. 279 с. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. 592 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.13:004

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОФИЦИАЛЬНОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ И РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПЕРВИЧНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УРОВНЯ, РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ГОРОДСКИМ (ГОРОДОВ РАЙОННОГО ПОДЧИНЕНИЯ), ПОСЕЛКОВЫМ, СЕЛЬСКИМ РЕФЕРЕНДУМОМ**В. А. Шаршун**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются современное состояние и перспективы развития официального опубликования нормативных правовых актов местных органов власти первичного территориального уровня. Предлагается совершенствование официального опубликования данных актов путем их включения в состав государственной системы правовой информации, официального опубликования на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь, а также соответствующей доработки автоматизированной информационной системы «Нормотворчество».

Ключевые слова: нормативный правовой акт, нормотворчество, официальное опубликование, местные органы власти, информационная система, интернет-ресурс.

Annotation. The current state and prospects of development of official publication of normative legal acts of local authorities of the primary territorial level are considered. It is proposed to improve the official publication of these acts by including them in the state system of legal information, official publication on the National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus, as well as the appropriate improvement of the automated information system «Rulemaking».

Keywords: normative legal act, rule-making, official publication, local authorities, information system, Internet resource.

В правовой системе любого государства важную роль играет система доведения установленных правовых норм до всех заинтересованных. В современных условиях в роли такой системы выступает институт официального опубликования нормативных правовых актов, который обеспечивает также включение вновь принятых актов законодательства в систему правового регулирования. От надлежащего функционирования института официального опубликования зависит как эффективность правоприменительной и нормотворческой деятельности, так и уровень правовой культуры граждан. В условиях формирования

информационного общества и цифровизации всех областей государственной и общественной жизни институт официального опубликования нормативных правовых актов трансформировался под воздействием информационных технологий, что обусловлено их ролью в распространении информации в современном мире.

В настоящее время в Республике Беларусь создана достаточно эффективная система официального опубликования нормативных правовых актов всех уровней, регламентированная нормами Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» и Декрета Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь» [1; 2].

Одним из видов нормативных правовых актов, которые подлежат официальному опубликованию в соответствии с названными нормативными правовыми актами, являются нормативные правовые акты местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня, решения, принятые городским (городов районного подчинения), поселковым, сельским референдумом (далее — нормативные правовые акты первичного территориального уровня). Пункт 2 статьи 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и подпункт 1.5 пункта 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь» предусматривают, что официальным опубликованием нормативных правовых актов первичного территориального уровня является воспроизведение текстов этих актов в полном соответствии с подписанными подлинниками в официальных периодических печатных изданиях, определяемых в соответствии с законодательством этими Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, и (или) по их решению воспроизведение текстов нормативных правовых актов в полном соответствии с подписанными подлинниками (в виде копии оригинала) на интернет-сайтах либо на соответствующих страницах интернет-сайтов вышестоящих государственных органов [1; 2].

Вместе с тем анализ практики официального опубликования нормативных правовых актов первичного территориального уровня показывает необходимость совершенствования системы такого опубликования и, соответственно, его правового регулирования.

Так, до настоящего времени не выработано единых общегосударственных подходов в части форматов относительно официального опубликования таких нормативных правовых актов на интернет-сайтах, которые на сегодняшний день являются наиболее оперативным и распространенным источником информации. К тому же нормативные правовые акты первичного территориального

уровня в местных изданиях публикуются весьма редко. Как правило, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы первичного территориального уровня не имеют собственных интернет-сайтов, поэтому в основном официальное опубликование нормативных правовых актов первичного территориального уровня осуществляется на соответствующих страницах интернет-сайтов вышестоящих государственных органов, то есть на сайтах соответствующих районных исполнительных комитетов.

Например, на сайте Климовичского районного исполнительного комитета представлены решения сельских советов и сельских исполнительных комитетов в форматах .doc и .pdf [3]. На сайте Пинского районного исполнительного комитета имеются ссылки на решения сельских советов и сельских исполнительных комитетов, однако тексты решений не открываются [4]. На сайтах Смолевичского районного исполнительного комитета, Лепельского районного исполнительного комитета, Лоевского районного исполнительного комитета нормативные правовые акты первичного территориального уровня не представлены вообще [5; 6; 7].

С учетом достигнутых результатов в развитии государственной системы правовой информации Республики Беларусь, более чем 10-летнего положительного опыта официального опубликования нормативных правовых актов на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь (далее — Портал), считаем возможным рассмотреть вопрос о включении массива нормативных правовых актов первичного территориального уровня в состав указанной системы. Для этого необходимо организовать внесение указанных решений в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь и их официальное опубликование на Портале. В этих целях необходимы корректировки статьи 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», Указа Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369 «О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь» [1; 8], а также введение нового раздела для регистрации данных актов в указанном реестре.

Кроме того, считаем целесообразным внедрение обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня и проведение ее юридическими службами соответствующих райисполкомов по аналогии с обязательной юридической экспертизой нормативных правовых актов исполнительных и распорядительных органов базового территориального уровня, которая проводится в настоящее время главными управлениями юстиции облисполкомов. В этой связи требуются изменения статей 47, 48 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», а также принятие нормативных правовых актов в развитие данных изменений. Это будет спо-

способствовать повышению качества нормотворческой деятельности местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня.

Успешной реализации данных задач будет способствовать разработка и внедрение автоматизированной информационной системы «Нормотворчество» [9], в которой необходимо будет предусмотреть работу с нормативными правовыми актами первичного территориального уровня. В этой связи целесообразно в рамках данной системы разработать специальный блок, охватывающий подготовку нормативных правовых актов первичного территориального уровня, при необходимости их согласование с заинтересованными структурами, проведение обязательной юридической экспертизы таких актов юридическими службами районных исполнительных комитетов, направление данных актов в Национальный центр правовой информации для их включения в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь и официального опубликования на Портале. Вследствие этого в автоматизированной информационной системе «Нормотворчество» будут сконцентрированы все процессы по подготовке всех видов нормативных правовых актов, включая и нормативные правовые акты первичного территориального уровня, при этом подготовка всех актов будет осуществляться на основе единых подходов и форматов.

Следует отметить, что в Российской Федерации успешно решена задача по проведению обязательной юридической экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, включению их в федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов и включению текстов данных актов в информационную систему «Нормативные правовые акты Российской Федерации» Единой системы информационно-телекоммуникационного обеспечения Министерства юстиции России [10, с. 83]. Тексты муниципальных правовых нормативных правовых актов представлены в свободном доступе на портале «Нормативные правовые акты в Российской Федерации» [11].

Обеспечение официального опубликования нормативных правовых актов первичного территориального уровня в рамках единой системы официального опубликования на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь будет способствовать повышению качества данных нормативных правовых актов, их включению в эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь, существенному повышению доступности данных правовых актов, применению единых форматов подготовки и официального опубликования всех видов нормативных правовых актов, издаваемых (принимаемых) в стране. Также решение указанных задач станет очередным важным шагом в развитии государственной системы правовой информации Республики Беларусь наряду с внедрением электронного официального опубликования

нормативных правовых актов с 1 июля 2012 г. и проведением работ в рамках указанной системы по цифровизации нормотворческого процесса и созданию автоматизированной информационной системы «Нормотворчество».

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Климовичский районный исполнительный комитет. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://klimovichi.gov.by/ofitsialnye-dokumenty> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Официальные документы // Пинский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. URL: <http://pinsk.brest-region.gov.by/ru/2016-03-23-11-31-45-1032-ru> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Смолевичский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. URL: <http://smolevichi.gov.by/ru/> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Лепельский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. URL: <https://lepel.vitebsk-region.gov.by/ru/> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Лоевский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. URL: <https://loev.gomel-region.gov.by/ru/committee/> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 20 июля 1998 г., № 369 : с изм. и доп. 30.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
9. Шаршун В. А. Автоматизированная информационная система «Нормотворчество» как средство цифровизации нормотворческого процесса // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации : тез. докл. XIX Междунар. конф., Минск, 19 нояб. 2020 г. Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2020. С. 188–193. [Вернуться к статье](#)
10. Благовещенский Н. Ю. Развитие федеральных регистров и федеральных реестров // Правовая информатика. 2020. № 2. С. 82–91. [Вернуться к статье](#)
11. Нормативные правовые акты в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://pravo-minjust.ru/> (дата обращения: 16.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

НАЗНАЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОВЕРКИ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

Д. И. Шнейдерова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. В статье автором рассматриваются проблемные вопросы назначения компьютерно-технической экспертизы по делам о хищениях в сфере оборота криптовалют, вытекающие из специфики данной категории преступлений. Обращается внимание на сущность экспертизы, выделение ее типизации, объекты, определение предмета и формулировку вопросов, влияние выбора экспертного учреждения или эксперта на результаты исследования.

Ключевые слова: криптовалюта, хищение, экспертиза, эксперт, специальные знания, реестр, компьютер, носитель информации.

Annotation. The author of the article considers problematic questions of the appointment of computer expertise in cases of theft in the field of turnover of cryptocurrencies, arising from the specifics of this category of crimes. Attention is paid to the essence of expertise, the definition of its typology, objects, determination of the subject and formulation of questions, the impact of the choice of expert institution or an expert on the results of the investigation.

Keywords: cryptocurrency, theft, expertise, expert, specialist knowledge, registry, computer, storage medium.

Легализация оборота криптовалют в Республике Беларусь послужила отправной точкой в формировании нового блока преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, — хищений в сфере оборота криптовалют, процесс расследования которых не обходится без использования специальных знаний в области ИТ. Процессуальной формой использования таких знаний является проведение экспертиз, составляемые по итогам которых заключения признаются источниками доказательственной информации по уголовному делу согласно ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [1]. Специфика хищений в сфере оборота криптовалют влияет на разновидности экспертиз, назначаемых по данной категории дел. Так, в зависимости от объекта экспертного исследования, как правило, назначается компьютерно-техническая экспертиза (компьютеры, съемные носители данных, ноутбуки, программы) и/или экспертиза радиоэлектронных устройств и электробытовой техники (смартфоны, планшеты). В рамках настоящей статьи подлежат рассмотрению особенности и проблемные аспекты назначения компьютерно-технической экспертизы (далее — КТЭ).

КТЭ относится к группе технических экспертиз и может рассматриваться как исследование, проводимое лицом, обладающим специальными знаниями в области информационных технологий, по постановлению следователя (лица, производящего дознание), направленное на выявление, фиксацию, анализ компьютерной информации, исследование технических устройств и программ, используемых для ее создания, хранения, обработки, модификации и передачи, с целью дачи заключения по поставленным в постановлении вопросам. Круг вопросов, формулируемых эксперту при назначении КТЭ, образуется исходя из ее предмета, который, по мнению А. И. Шведа, нематериален и представляет собой информацию, имеющую характер вывода, т. е. то, что устанавливается экспертом при исследовании предоставленных материалов [2, с. 55]. Так, предметом КТЭ являются фактические данные об обстоятельствах разработки и эксплуатации компьютерных средств и систем, обеспечивающих реализацию информационных процессов [2, с. 155].

Исходя из изложенного, можно выделить основные объекты КТЭ: материальные — технические устройства (компьютеры, любые носители информации — винчестеры, флеш-карты, оптические диски и т. д., сетевые аппаратные средства) и цифровые — компьютерная информация, зафиксированная в памяти технических устройств (файлы любого формата, в т. ч. веб-страницы, каталоги, программы и приложения, их исходные коды, операционные системы и их образы, базы данных, протоколы работы системы и отдельных программ, алгоритмы). Поскольку криптовалюты являются разновидностью компьютерной информации, то в обеспечении их создания и функционирования задействованы по большей части все из указанных объектов. К примеру, среди материальных объектов, кроме компьютеров, можно отметить аппаратные криптокошельки, среди цифровых — базы данных на блокчейне, программы криптокошельков, криптобирж и обменников, мессенджеров и социальных сетей, электронной почты, браузеров, веб-страницы интернет-ресурсов (в т. ч. кошельков, бирж и обменников, если доступ осуществляется через браузер), лог-файлы программ и иные.

В теории отдельными авторами проводится типизация КТЭ в зависимости от объекта экспертного исследования. Так, Е. Р. Россинская выделяет аппаратно-компьютерную, программно-компьютерную, информационно-компьютерную и компьютерно-сетевую экспертизы [3, с. 37], В. А. Мещеряков — аппаратно-техническую, программно-техническую, информационную и интегральную компьютерно-техническую экспертизы [4, с. 33]. Однако с точки зрения практической деятельности такое деление при назначении экспертизы не проводится, поскольку при любых обстоятельствах эксперту направляется техническое устройство (носитель данных), без которого цифровая информация

существовать не может, следовательно, первоначально исследованию подвергается устройство (его вид, общие характеристики), а только потом — цифровое содержимое его хранилища, даже если вопрос ставился только об обнаружении и извлечении некоторой информации или о функциональных возможностях программы.

Поскольку процессуальным основанием для проведения КТЭ является постановление о ее назначении, то грамотное его составление — ключевая задача следователя (лица, производящего дознание), так как от содержания данного процессуального документа во многом зависит результат предстоящего экспертного исследования. Такая зависимость вытекает из правильности постановки вопросов эксперту, исходя из характера предоставляемого на экспертизу материального объекта, подбора и приложения необходимых материалов из уголовного дела, способствующих установлению искомых фактических данных в процессе исследования, а также выбора экспертного учреждения или непосредственно эксперта, которому поручается проведение КТЭ. Определение указанных обстоятельств является не только первостепенной задачей на этапе назначения КТЭ, но и одновременно вызывает ряд проблемных вопросов, связанных со спецификой хищения. В первую очередь следователь сталкивается с необходимостью составления перечня вопросов, которые могут быть разрешены экспертом в рамках исследования. Вопросы определяют цель назначения экспертизы, т. е. результат, который необходимо получить следователю (лицу, производящему дознание), чтобы проверить следственные версии, получить новые фактические обстоятельства, влияющие на возбуждение дела или доказывание вины подозреваемого.

Постановке вопросов предшествует исследование лицом, назначающим КТЭ, материального объекта, направляемого на экспертизу. Поскольку такими объектами в рамках КТЭ являются компьютеры, накопители данных и аппаратные криптокошельки, следователи (лица, производящие дознание) не производят первоначальный осмотр их цифрового содержимого в целях обеспечения сохранности данных, а сразу направляют указанные устройства эксперту для безопасного копирования информации, в т. ч. поиска и приведения в вид, пригодный для осмотра, удаленных, скрытых, зашифрованных, поврежденных файлов. По причине неосведомленности о содержимом памяти объекта постановка вопросов носит общий характер, а сами вопросы выбираются из разработанных справочниками перечней случайным образом как наиболее подходящие под сложившуюся следственную ситуацию и способ совершения хищения криптовалют. Исходя из этого, предмет КТЭ значительно увеличивается и, как следствие, на проведение экспертизы и анализ выявленной информации

затрачивается в несколько раз больше времени, чем если бы перед экспертом ставились конкретные, действительно требующие решения задачи.

Кроме того, назначение КТЭ во многих случаях сводится к извлечению цифровой информации из памяти носителя посредством использования программных и аппаратно-программных средств, которые также имеются на вооружении криминалистических отделов подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и управлений по противодействию киберпреступности Министерства внутренних дел. В связи с этим представляется целесообразным привлекать сотрудников указанных подразделений к участию в проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия или осмотр предмета и компьютерной информации, в качестве специалистов, которые имеют навыки работы и техническую возможность осуществить те же действия по поиску и копированию информации с компьютерных устройств и носителей, что и эксперты в рамках КТЭ. В случаях, если на определенной территории такие подразделения отсутствуют, а прибытие соответствующего специалиста длительно по времени и может угрожать потерей информации, следователю (лицу, производящему дознание) либо эксперту-криминалисту, привлеченному к осмотру в составе следственно-оперативной группы, целесообразно получить образ системы или жесткого диска посредством использования загрузочной флеш-карты с предустановленной на ней программой специального назначения (например, Macrium, Acronis, Paragon Backup and Recovery, Handy Backup, Drive Image XML и иные), но только при условии, что на устройствах не запущены рабочие процессы неизвестных программ. Работе с такими программными продуктами следует обучать сотрудников правоохранительных органов в рамках проведения тематических курсов повышения квалификации. Видится, что предложенные меры позволят значительно сократить сроки на получение имеющей значение для расследования хищений информации, конкретизировать предмет КТЭ, снизить нагрузку экспертов и предоставить им больше времени на решение более сложных задач, чем копирование данных.

В случаях, если полученная информация находится в зашифрованном виде или при помощи подручных программ не удалось восстановить удаленные файлы или получить доступ к зашифрованным и скрытым каталогам и файлам, либо неизвестны функциональные возможности отдельных программ, либо не представилось возможным создание образа системы или жесткого диска по месту нахождения устройства, то следует прибегнуть к КТЭ. При этом, кроме отсутствия выборки узконаправленных вопросов, имеют место проблемы, связанные с незнанием или неправильным применением терминологии. Такие проблемы приводят к тому, что эксперт не может дать ответ на поставленный вопрос ввиду его некорректности и изменить формулировку вопроса

самостоятельно также не может, так как не наделен соответствующей компетенцией. Изменение вопросов возможно только посредством вынесения лицом, назначившим экспертизу, нового постановления с отзывом без исполнения первоначального, что затягивает процесс получения доказательственной информации и, соответственно, процесс расследования [2, с. 56]. В этой связи по делам о хищениях в сфере оборота криптовалют видится целесообразным ввиду специфики предмета преступного посягательства и используемых в механизме хищения технических и программных средств перед назначением КТЭ обязательное предварительное консультирование со специалистом, которому будет поручено ее проведение, для правильной постановки вопросов и тем самым избежания повторного вынесения постановления по одним и тем же объектам. По результатам анкетирования следователей подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, специализирующихся на расследовании киберпреступлений, 56 % респондентов находят предложенную меру необходимой во всех случаях назначения КТЭ, 39 % — только в случаях, если не обладают достаточными знаниями об объекте экспертизы. Приведенные показатели свидетельствуют об актуальности и практической значимости предложенной меры.

Немаловажным является и выбор экспертного учреждения или непосредственного эксперта, которому можно поручить проведение КТЭ по хищениям в сфере оборота криптовалют. В Республике Беларусь ведется Реестр судебно-экспертных организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по проведению экспертиз на основании лицензии, анализ которого позволил определить, что КТЭ проводится как государственными экспертными учреждениями (в Центральном аппарате, областных управлениях и г. Минска Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, а также в семи его межрайонных отделах: Барановичском, Новополоцком, Оршанском, Мозырском, Лидском, Борисовском, Бобруйском), так и негосударственным — ООО «ПравитЭксперт». На основании сведений реестра лицо, назначающее КТЭ, может не только достоверно определить организацию, которой осуществляется КТЭ, но и посредством взаимосвязи с ней реализовать выбор эксперта, квалификация и опыт работы которого позволят провести требуемое исследование.

Таким образом, при назначении КТЭ по делам о хищениях в сфере оборота криптовалют следователю (лицу, производящему дознание) необходимо в первую очередь определить объекты, которые могут быть подвергнуты экспертному исследованию, выбрать экспертное учреждение, на базе которого имеются специалисты, квалифицированные на проведение КТЭ по направляемым объектам, после чего предварительно проконсультироваться с экспертом, которому непосредственно будет поручена назначаемая КТЭ, с целью

грамотной формулировки вопросов, установления возможности проведения экспертизы в целом, а также выяснения сроков ее производства.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Швед А. И. Судебная экспертиза. Минск : Форум, 2022. 296 с. [Вернуться к статье](#)

3. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 31–44. [Вернуться к статье](#)

4. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001. 40 с. [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

УДК 343.81

ОСОБЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ С ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИМИ УБЕЖДЕНИЯМИ

М. Ю. Багнычев

Псковский филиал Университета ФСИН России,
старший преподаватель кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в УИС

Аннотация. В данной статье рассматривается личность осужденного с фундаменталистскими убеждениями, которые непосредственно связаны с такими преступлениями, как экстремизм и терроризм. Понятие «фундаменталистские убеждения» часто употребляется и используется в области психологии и криминологии. Понятие фундаментализма в научной литературе используется в психологии и криминологии, не имеет четкого и согласованного определения, однако имеются определения, где выделены общие элементы и характеристики фундаментализма.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, личность преступника, фундаменталистские убеждения, фундаментализм.

Annotation. This article examines convicts with fundamentalist beliefs that are directly related to crimes such as extremism and terrorism. The concept of fundamentalist beliefs is often used and used in the field of psychology and criminology. The concept of fundamentalism in the scientific literature on psychology and criminology does not have a clear and consistent definition. But there are definitions where common elements and characteristics of fundamentalism are highlighted.

Keywords: terrorism, extremism, criminal identity, fundamentalist beliefs, fundamentalism.

Фундаментализм, на наш взгляд, имеет разные подходы и представляет собой действия либо бездействие, взаимодействие с членами внешней группы. Фундаментализм связан с религиозными ритуалами, такими как обряд инициации, чтение Священных Писаний. Другой составляющей фундаментализма являются желание и надежда, например в ожидании Мессии, восстанавливающего Храм в Иерусалиме. И последним, но не менее важным в фундаментализме является непоколебимость данных убеждений. Примеров таких убеждений

предостаточно: вера в то, что Библия (или другое Священное Писание) непогрешима, что ее следует толковать буквально и исторически во всей ее полноте, что есть только хорошее и плохое или что существует божественный закон, которому должны подчиняться все и который должен заменить гражданско-правовые отношения.

Некоторые ученые также выделяют нерелигиозные разновидности фундаментализма, такие как фашизм и рыночный фундаментализм. Они также связаны с фундаменталистскими убеждениями, такими как вера в то, что «каждый участник рынка обладает неограниченной свободой и равными возможностями для достижения успеха» [1].

Однако возникает вопрос: что именно делает эти убеждения фундаменталистскими? Различные элементы и стереотипные свойства фундаментализма предлагают здесь разные варианты. Возникает вопрос, является ли вера фундаменталистской, может быть вопросом содержания, насколько он фанатичен в данных убеждениях, связи с определенным эмоциональным состоянием или возможным сочетанием данных факторов.

В нашей работе мы шаг за шагом исследуем различные элементы и стереотипные свойства личности, имеющей фундаменталистские убеждения [2].

Анализируя различные элементы фундаменталистских убеждений, мы формулируем список данных убеждений и переходим к его толкованию. Данный список представляет собой отчет о фундаменталистских убеждениях осужденного «Содержание — реакция — влияние».

Данный отчет необходим, во-первых, для изложения аспектов фундаментализма. Во-вторых, для перечисления факторов, влияющих на поведение осужденного (наряду с желаниями, намерениями, привязанностями, бессознательными влияниями и так далее).

Описание фундаменталистских убеждений может помочь лучше понять и продолжить изучение фундаменталистского поведения, возможности исправления осужденного, предупреждения и профилактики повторных преступлений.

Описание фундаменталистских убеждений способствует введению в действие понятий «фундаментализм» и «фундаменталистские убеждения». Данные понятия можно использовать не только в области психологии, но и в криминологии при разборе личности террориста и экстремиста, в оперативно-розыскной деятельности и криминалистике.

Существует множество споров о роли радикальных, экстремистских, а также фундаменталистских убеждений в объяснении радикализации осужденного. Конечно, фундаменталистские убеждения обычно не приводят к террористическим и экстремистским преступлениям, но на практике встречаются случаи, когда данные убеждения выступали в качестве детерминанта

преступности. Таким образом, более детальное разложение по признакам и факторам фундаменталистских убеждений может способствовать лучшему пониманию процесса когнитивной радикализации и, когда вера выступает в качестве детерминанта преступности.

В отношении осужденных необходимо более детально рассмотреть групповую динамику. В данном случае необходимо проанализировать фундаментализм как неотъемлемое социальное явление. Почему осужденный, находящийся в местах лишения свободы, принимает фундаменталистские убеждения с точки зрения внутригрупповых структур, а именно создание иерархической малой группы внутри отряда (так называемые тюремные джамааты).

Данные социальные аспекты фундаментализма в исправительном учреждении также связаны с его доксистическими установками, а именно убеждениями, касающимися внутренней и внешней группы. Примером таких убеждений является то, что собственная группа является особенной. Взгляд осужденных фундаменталистов является отражением их уверенности в собственной правоте и полного отсутствия в их мышлении какого-либо элемента и непоколебимости либо неуверенности в себе.

Уверенность и отсутствие сомнений в себе — это эпистемологические позиции, отношение к собственному положению в исправительном учреждении и придерживания в отряде своим принципам и обязательствам. Уверенность осужденного фундаменталиста субъективна, хотя и считается объективной.

Необходимо отметить, что фундаменталистские убеждения у осужденного характеризуются двумя дополнительными особенностями. С одной стороны, система убеждений такова, что осужденный фундаменталист эмоционально привязан, другими словами, имеет высокое эмоциональное состояние в группе, например, потому, что данные убеждения помогают справляться с воспринимаемыми угрозами и неопределенностью в исправительном учреждении, уменьшают беспокойство и усиливают чувство (социального) контроля.

С другой стороны, фундаменталистские убеждения являются реакцией на определенные исторические, социальные, культурные и экономические события, такие как депортация целого народа, притеснения национальных меньшинств [3, с. 78].

Убеждения осужденного являются фундаменталистскими, когда имеют определенное содержание, характерное для рассматриваемого фундаменталистского движения малой группы внутри исправительного учреждения, система убеждений является фундаментальной, и осужденный эмоционально привязан к этой системе убеждений.

1. Костяев А. И., Никонова Г. Н. Политика «рыночного фундаментализма»: последствия для АПК и пути их преодоления // Никоновские чтения. 2015. № 20-1. С. 7–10. [Вернуться к статье](#)
2. Артемьев Н. С., Багнычев М. Ю. Террорист: от радикального поведения к радикальным убеждениям // Евраз. юрид. журн. 2020. № 1 (140). С. 320–322. [Вернуться к статье](#)
3. Головушкин Д. А. От посттрадиционного фундаментализма к фундаментализму без ортодоксии: к проблеме «третьей волны» религиозного фундаментализма в современном мире // Вестн. Православ. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Сер. 1, Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. № 93. С. 77–90. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Б. Я. Гаврилов

Академия управления МВД России,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Эффективность реализации уголовно-процессуального законодательства в деятельности правоохранительных органов рассматривается с позиции обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, реализацию которых призваны обеспечить такие институты и отдельные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, как возбуждение уголовного дела, сроки расследования, предъявление обвинения, процессуальные правила производства дознания в сокращенной форме и отдельных следственных действий, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении, и ряд других.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, процессуальные сроки, протокольная форма расследования.

Annotation. The effectiveness of the implementation of criminal procedure legislation in the activities of law enforcement agencies is considered from the position of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, the implementation of which is designed to ensure such institutions and individual norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as the initiation of criminal proceedings, the timing of the investigation, the indictment, procedural rules of inquiry in abbreviated form and individual investigative actions, including including at the stage of checking the crime report and a number of others.

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation, initiation of a criminal case, indictment, procedural deadlines, protocol form of investigation.

Оценивая в целом эффективность действия на протяжении уже двух десятилетий российского уголовно-процессуального законодательства, автор отмечает, что принятие Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации сыграло значительную роль в построении в России правового государства, имеющего своей направленностью обеспечение правоохранительными органами прав и свобод человека и гражданина и реализацию тем самым основных установлений Конституции Российской Федерации. Одновременно говоря о конкретных направлениях совершенствования законодательства

в данной сфере деятельности государства, автор как правоприменитель, прошедший за 30 лет путь от следователя РОВД до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, и одновременно представляющий российскую науку, вынужден отметить, что УПК Российской Федерации не оправдал в полной мере ожиданий, связанных с его принятием, критически оценивая в той связи ряд его институтов, учитывая результаты сравнительно-правового анализа применения положений уголовно-процессуального закона органами предварительного следствия и дознания и прокурорами в своей надзорной деятельности, целью реализации которых является соблюдение законности и обеспечение качества расследования уголовных дел и их последующего судебного разбирательства.

Учитываются при этом и результаты проведенного в течение ряда лет после принятия УПК Российской Федерации его мониторинга, реализуя положения которого, а также в связи с потребностями правоприменительной практики и необходимостью реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в Кодекс за 20 лет его действия были внесены изменения более чем 300 федеральными законами, за что особенно в первые годы, да и сегодня УПК Российской Федерации подвергается критике со стороны как ученых, так и правоприменителей, которую не всегда можно признать обоснованной, а в ряде случаев она носит характер чистого «критиканства». К изложенному дополнительно С. Б. Россинский отмечает, что отдельные изменения были направлены нередко на «гиперформализацию уголовно-процессуального права в стремлении узаконить (в узком смысле) более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем требует здравый смысл, превращая УПК в некий административный регламент» [1, с. 42].

Так, Л. В. Головкин отмечает, что УПК Российской Федерации «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его “размыл” и дестабилизировал. А само объяснение его “создателей” “эффекта размывания” неким “динамизмом”, присущим нашему времени, по его мнению, вряд ли может быть воспринято, поскольку оно далеко от истины, как далеки от нее и сами претензии на какой-то особый динамизм нашего времени» [2, с. 3–5], с чем, однако, согласиться не представляется возможным, хотя в ряде законодательных «новаций» действительно не было необходимости, фактически отражали видение возникающих проблем и их «сиюминутное» разрешение.

Однако наши оппоненты не учитывают то, что многие из внесенных в Кодекс изменений были обусловлены необходимостью приведения положений УПК Российской Федерации в соответствие с нормами Конституции

Российской Федерации (например, о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, об ограничении иных конституционных прав участников уголовного судопроизводства и ряда иных), а также обусловлены необходимостью реализации постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации в части несоответствия отдельных норм УПК Российской Федерации положениям Конституции Российской Федерации, который за годы действия УПК Российской Федерации обращался к его нормам 97 раз¹, в том числе вынесено за этот период 31 постановление о признании Конституционным Судом Российской Федерации норм уголовно-процессуального закона не соответствующими положениям Конституции Российской Федерации, что побуждало законодателя вносить соответствующие изменения. Так, только по одной ст. 6.1 УПК Российской Федерации, регламентирующей понятие и порядок исчисления разумного срока уголовного судопроизводства, в связи с указанными решениями изменения на сегодня внесены шестью федеральными законами.

Одновременно следует указать, что часть изменений противоречила ряду основополагающих институтов принятого УПК, неся характер контрреформ, на что указывал и профессор В. П. Божьев [3, с. 9–11]. К числу таких негативных изменений автор относит, например, решения Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, согласно которым введено правило, не наследующее, кстати, до настоящего времени регламентации в нормах УПК Российской Федерации, об обязательном возбуждении самостоятельного уголовного дела при выявлении дополнительных эпизодов преступной деятельности и новых соучастников преступления и только после некоего расследования соединять с основным уголовным делом, что влечет необоснованные затраты труда следователей на вынесение дополнительных процессуальных документов, количество которых в целом по органам предварительного расследования составляют многие десятки тысяч. К таким же негативным моментам следует отнести установление иных, кроме перечисленных в Кодексе, оснований возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК Российской Федерации, расширительным толкованием судами и прокурорами понятия «перечень доказательств» в обвинительном заключении (акте), которые фактически без анализа правоприменительной практики законодателем были реализованы в УПК Российской Федерации.

¹ Например, об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 г. № 343-О [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks> (дата обращения: 07.09.2021).

Еще одна причина внесения в Кодекс значительного количества изменений обусловлена компромиссными решениями законодателя при подготовке и его принятии в 2001 г., а также в силу отказа от включения в УПК Российской Федерации ряда конкретных предложений автора и других ученых об изменении процессуальных правил начала расследования, включая отказ от института возбуждения уголовного дела и тем самым исключение из правоприменительной деятельности «отказных материалов», которые базируются как на нормах УПК Российской Федерации (ст. 24 и 148), так и на положениях ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации о малозначительности противоправного деяния, не представляющего общественной опасности, позволяющих следователю, дознавателю, органу дознания принимать незаконные и (или) необоснованные процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела (ежегодно за последнее десятилетие количество отмененных прокурорами таких решений ежегодно составляло от 1,2 до 2,8 млн). В период подготовки УПК Российской Федерации законодатель отказался и от введения в досудебное производство начальника подразделения дознания и начальника органа дознания (ст. 40.1 и 40.2 УПК Российской Федерации) и ряда других предложений, часть из которых сегодня реализована путем введения в УПК РФ указанных участников уголовного судопроизводства [4, С. 4–14].

Ведя речь о значительном количестве внесенных в действующий УПК Российской Федерации поправок, считаем также необходимым указать и на такое важное обстоятельство, как то, что абсолютное большинство изменений в Кодекс обуславливалось их востребованностью со стороны правоприменителя, например, в части расширения перечня следственных и иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК Российской Федерации), производства предварительного расследования в форме упрощенного дознания (глава 32¹ УПК Российской Федерации) и др.

Повышению эффективности реализации уголовно-процессуального закона в правоохранительной сфере деятельности государства способствовало принятие Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, которым следователи были фактически выведены из состава органов прокуратуры с последующим образованием самостоятельного Следственного комитета Российской Федерации, что повлекло за собой передачу от прокурора руководителю следственного органа полномочий по процессуальному руководству деятельностью следователями, отмену согласования с прокурором постановления следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении уголовного дела и ряд других, о чем нами высказывалось еще 20 лет назад. Как результат этих изменений произошло, по нашему мнению, усиление надзорной деятельности прокурора за качеством расследования.

Так, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России по форме «I-E» число оправданных судом лиц по направленным в суд следователями органов внутренних дел уголовным делам сократилось с 1 372 подсудимых в 2006 г. до 372 лиц в 2022 г., а по делам, расследованным следователями Следственного комитета Российской Федерации, их число за указанный период уменьшилось с 1885 до 665 подсудимых. Многократно сократилось за указанный период и число оправданных, содержащихся под стражей (с 524 до 71 лица по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, и с 954 до 290 человек по делам следователей Следственного комитета). Следствием усиления прокурорского надзора автор рассматривает и многократное сокращение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК Российской Федерации (с 34 209 уголовных дел в 1999 г. или 4 % от направленных в суд до 4 695 дел или 1,2 % в 2022 г.) [5, с. 22–28].

Снижение эффективности реализации уголовно-процессуального законодательства в правоохранительной сфере деятельности органов предварительного расследования и органов дознания автор непосредственно связывает с сохранением в УПК Российской Федерации стадии возбуждения уголовного дела. Наличие данного института повлекло за собой снижение на треть (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2022 г.) удельного веса направленных в суд уголовных дел из числа возбужденных. А принятие ежегодно порядка 6–7 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела влечет за собой нарушение права порядка 5 млн пострадавших на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации) [6, с. 98–102].

Наша позиция находит свое подтверждение в статистических данных ГИАЦ МВД России, согласно которым за последние годы сократилось количество возбужденных уголовных дел (с 3,3 млн 2006 г. до 1,6 млн в 2022 г.) при значительном увеличении за этот период (с 4,5 млн до 6,0 млн) процессуальных решений следователя, дознавателя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела при увеличении (с 10,7 млн до 11,9 млн) уровня зарегистрированных сообщений о преступлениях [7, с. 74–78]. При этом за последнее десятилетие ежегодно прокурорами признаются незаконными и (или) необоснованными и отменяются от 1,2 млн до 2,8 млн указанных процессуальными решениями, что не только ограничивает реализацию положений ст. 52 Конституции Российской Федерации, но и негативно влияет на формирование доверия граждан к правоохранительным органам. Реагируя на указанную негативную ситуацию, в МВД России еще в 2012 г. были выработаны предложения о совершенствовании процессуальных правил начала предварительного расследования

преступлений, изложенные в п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации.

Требуют пересмотра и другие процессуальные институты, которые должны быть направлены на:

- Пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК Российской Федерации о двухмесячном первоначальном сроке расследования уголовного дела, пришедшей в УПК Российской Федерации из положений ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., несмотря на усложнение в десятки и даже сотни раз процесса его расследования. Подлежит исключению из УПК и в целом его ст. 162, предоставляющая следователю возможность продления срока предварительного следствия фактически без ограничения в пределах срока давности в силу ее противоречия норме — принципу (ст. 6.1 УПК Российской Федерации) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который по уголовным делам, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать четырех лет.

- Увеличение первоначального срока содержания обвиняемого под стражей (два месяца), в который, исходя из положений ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК Российской Федерации, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК Российской Федерации в редакции 2001 г.) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК Российской Федерации. Наше предложение основывается на опыте государств, где нормы уголовно-процессуального закона устанавливают порядок избрания судом меры пресечения в виде содержания под стражей на срок от 120 до 180 дней, а по УПК Италии первоначальный срок ареста — до 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты.

- Замену дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств не различается с дознанием в общем порядке и даже предусматривает дополнительно вынесение двух процессуальных документов, на протокольную форму предварительного расследования, производимого в течение 48 часов, которая не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, а также должна ограничить перечень обязательных следственных действий и предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства.

- Исключение института предъявления обвинения за исключением этапа окончания расследования, что автором неоднократно излагалось в своих публикациях.

Реализации данных предложений препятствует, с одной стороны, устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов, а с другой, — догматизм нашего мышления и нежелание в этой связи посмотреть на современное состояние уголовно-процессуального законодательства в странах как дальнего, так и ближнего зарубежья.

1. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: возрождение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 42. [Вернуться к статье](#)

2. Головкин Л. В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–5. [Вернуться к статье](#)

3. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. юстиция. 2000. № 10. С. 9–11. [Вернуться к статье](#)

4. Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 4–14. [Вернуться к статье](#)

5. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Тр. Акад. управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28. [Вернуться к статье](#)

6. Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98–102. [Вернуться к статье](#)

7. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.018.3;10.81.41

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ
ЮВЕНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ****А. А. Ескендиров**

Алматинская академия МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова,
начальник факультета подготовки
руководящего состава органов внутренних дел (факультет № 1),
кандидат юридических наук

***Аннотация.** Несовершеннолетние являются наиболее криминогенно пораженной частью населения. Криминализация подростковой среды достигла угрожающих размеров, особенно в общеобразовательных учреждениях. В школах действуют неформальные группы учащихся антиобщественной направленности, распространяются воровские традиции и идеи уголовной романтики. Конечно, уголовное наказание — это естественная форма реакции государства и общества на содеянное, но ее эффективность должна отвечать критериям целесообразности, рациональности и являться лишь необходимой мерой. Ювенальная преступность — это лишь начальная часть общей преступности. Взаимосвязь с преступностью других возрастных групп образует особо опасное криминальное лицо ювенальной преступности. Статья рассматривает некоторые аспекты исследования преступного поведения несовершеннолетних, вопросы профилактики и принятия превентивных мер.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, окружающая среда, школа, криминализация, ювенальная преступность, противодействие, профилактика, превентивные меры.*

***Annotation.** Minors are the most criminogenically affected part of the population. The criminalization of the adolescent environment has reached alarming proportions, especially in educational institutions. Informal groups of antisocial students operate in schools, thieves' traditions and ideas of criminal romance are spreading. Of course, criminal punishment is a natural form of reaction of the state and society for the deed, but its effectiveness must meet the criteria of expediency, rationality and be only a necessary measure. Juvenile crime is only the initial part of general crime. The relationship with the crime of other age groups forms a particularly dangerous criminal face of juvenile crime. The article considers some aspects of the study of the criminal behavior of minors, issues of prevention and the adoption of preventive measures.*

***Keywords:** minors, environment, school, criminalization, juvenile delinquency, counteraction, prevention, preventive measures.*

Уголовно-правовое воздействие на ювенальную преступность осуществляется через систему уголовных наказаний и других мер уголовно-

правового характера. Однако эти меры противодействия ювенальной преступности не являются основными. Нельзя не учитывать, что рост ювенальной преступности происходит в условиях социального и классового расслоения общества, обнищания значительной части населения, неблагоприятного развития семейно-брачных отношений и роста различных проявлений жестокого обращения с несовершеннолетними.

Вопросы профилактики административных и уголовных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, обусловили необходимость создания отраслевой системы органов и учреждений, функции которых сосредоточены исключительно на профилактике ювенальной преступности, детской безнадзорности и беспризорности:

- 1) комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- 2) специализированные учебно-воспитательные учреждения;
- 3) центры адаптации несовершеннолетних;
- 4) ювенальная полиция;
- 5) межрайонные специализированные суды по делам несовершеннолетних;
- 6) учреждения средней безопасности для содержания несовершеннолетних.

Анализируя компетенции субъектов профилактики ювенальной преступности, нетрудно заметить, что их функции тесно взаимосвязаны. Это дает основания считать, что указанные субъекты профилактики представляют собой относительно автономную подсистему системы профилактики ювенальной преступности, призванную решать ряд вопросов ранней профилактики (предотвращение детской безнадзорности и беспризорности, пресечение отрицательного влияния взрослых лиц на несовершеннолетних, обязательность получения среднего образования и т. д.) и основные вопросы непосредственной профилактики.

Действенность мер органов и учреждений уголовной юстиции проявляется в процессе профилактики в отношении несовершеннолетних, отбывающих уголовное наказание, либо же после отбытия таковых. Особого внимания требует поведение тех подростков, кто склонен вновь совершить уголовное правонарушение, что серьезно осложняет криминогенную ситуацию и ставит под сомнение эффективность мер по предупреждению рецидива среди освобожденных.

На удельный вес рецидива серьезно влияет характер назначаемых видов уголовных наказаний и мер уголовно-правового воздействия. Остается неизменной практика применения в отношении несовершеннолетних лишения свободы и ограничения свободы и условного осуждения (таблица 1) [1].

Таблица 1 — Сведения о видах уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним (2018–2021 гг.)

Годы	Всего осуждено	Лишение свободы	Запрет занимать определенные должности	Ограничение свободы	Общественные работы
2018	835	438	–	281	10
2019	805	424	1	288	9
2020	809	430	1	306	2
2021	768	422	2	290	2

В свою очередь, вынужденной альтернативой лишению свободы является условное осуждение (таблица 2) [2].

Таблица 2 — Сведения о мерах уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних (2018–2021 гг.)

Годы	Всего осуждено	Условное осуждение	Удельный вес (в %)
2018	835	106	12,7
2019	805	83	10,3
2020	809	70	8,7
2021	768	52	6,8

Несовершеннолетние в силу своего возраста являются социально-экономической уязвимой частью населения, т. е. активно не заняты на производстве, что делает невозможным широкое применение в отношении них таких видов уголовных наказаний, как привлечение к общественным работам и исправительные работы. В свою очередь, такой вид уголовного наказания, как ограничение свободы, повсеместно дублируется условным осуждением.

Особую озабоченность вызывает тенденция роста подучетных по линии службы пробации ДУИС столицы, областей и городов. Темпы урбанизации городского населения явно не соответствуют нормативу нагрузки на работников службы пробации, что негативно влияет на содержание и действенность профилактических мероприятий в отношении подучетных. Отсутствует ведомственная корпоративность между работниками ювенальной юстиции УП-ДП и службы пробации ДУИС по вопросам организации совместной профилактической работы с подучетным контингентом.

Немаловажным является участие общественности в деле охраны и защиты интересов подрастающего поколения, его воспитания в духе уважения правил человеческого общежития. В рамках процедур, установленных ЗРК

от 9 июля 2004 года № 596-П «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» [3], эффективно и полезно привлекать общественность к профилактике ювенальной преступности.

Специфика участия общественности объясняется следующими факторами:

а) общественное порицание несовершеннолетних, повинных в совершении антиобщественных проступков;

б) нравственно-воспитательное воздействие старших товарищей и наставников на несовершеннолетних по месту учебы и жительства;

в) публичные выступления перед подростковой аудиторией видных деятелей культуры и искусства, известных спортсменов, певцов и актеров;

г) выступления взрослых активистов и волонтеров в печати, на телевидении и радио на темы реабилитационной работы с «трудными» подростками, социальной помощи малоимущим семьям, профилактики «социального» сиротства и т. д.;

д) информирование населения о целях уголовной политики государства, тем самым решение задач правового всеобуча и пропаганды законопослушного поведения.

По своей инициативе активисты-общественники и волонтеры могут:

а) обнаружить либо предотвратить противоправные действия подростков, задержать и доставить несовершеннолетних правонарушителей в полицию, обеспечить сохранность товарно-материальных ценностей и предметов, имеющих значение для дела;

б) сообщить о лицах, располагающих сведениями по уголовному делу, о местонахождении подозреваемого;

в) разыскать потерпевшего, похищенные ценности и орудие преступления;

г) принять меры к поиску взрослых лиц, виновных в антиобщественном либо преступном поведении несовершеннолетних;

д) указать обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, принять меры к их устранению.

По инициативе следователя активисты-общественники, волонтеры либо отдельные граждане могут привлекаться к участию в осмотре места происшествия, производстве обыска (выемки), проверке и уточнении показаний на месте, если предстоит значительный объем работ либо нужна иная помощь.

Специфика привлечения общественности к профилактике ювенальной преступности заключается в том, что именно данной категории граждан факты противоправного поведения несовершеннолетних становятся известны раньше, чем полиции, а поэтому укрепление связей с населением, несомненно,

способствует своевременному выявлению и раскрытию совершенных подростками уголовных правонарушений.

1. Сведения о видах уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним (2018–2021 гг.) // Комитет уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан. Астана. [Вернуться к статье](#)

2. Сведения о мерах уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних (2018–2021 гг.) // Комитет уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан. Астана. [Вернуться к статье](#)

3. Об участии граждан в обеспечении общественного порядка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 9 июля 2004 г., № 590 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000590_/z040590.htm (дата обращения: 15.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

**К ЗАРУБЕЖНОМУ ОПЫТУ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ГЛАСНОГО СОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ**

С. В. Король

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

***Аннотация.** Статья рассматривает взаимодействие сотрудников правоохранительных органов с населением как один из ключевых факторов успешной борьбы с преступностью. Изучение зарубежного опыта показывает, что такое сотрудничество повышает уровень правосознания и социальной активности граждан. Однако автор подчеркивает, что при адаптации зарубежного опыта необходимо учитывать специфику культуры и менталитет народа.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, содействие граждан, правоохранительные органы, зарубежный опыт.*

***Annotation.** The article examines the interaction between law enforcement officers and the population as one of the key factors for successful crime-fighting. The study of foreign experience shows that such cooperation increases the level of legal awareness and social activity of citizens. However, the author emphasizes that when adapting foreign experience, it is necessary to consider the cultural specifics and mentality of the nation.*

***Keywords:** operational search activity, assistance of citizens, law enforcement agencies, foreign experience.*

Взаимодействие сотрудников правоохранительных органов с населением во все времена являлось одним из условий эффективного противостояния преступности.

Для поиска оптимальных путей совершенствования белорусского законодательства, регламентирующего гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на наш взгляд, необходимо обратиться к опыту полиции зарубежных государств по данному направлению деятельности и выявить те позитивные тенденции, которые нарабатывались не одно десятилетие.

Япония является одной из стран, где отмечается наиболее низкий уровень преступности по сравнению с другими развитыми странами. Специалисты считают, что данный уровень достигается за счет широкого взаимодействия полиции и населения. На уровне полицейских участков функционируют Ассоциации по предупреждению преступности, члены которых на постоянной основе сообщают информацию полиции о совершенных и совершаемых

на подведомственной территории преступлениях. Также на данном уровне функционируют «отряды бдительности», которые в темное время суток совершают патрулирование закрепленной территории с целью получения информации о возможных преступлениях, а также для предотвращения в случае необходимости различного рода преступных проявлений [1, с. 57].

Полицейские Соединенных Штатов Америки (далее — США) при несении службы и общении с гражданами оставляют им свои визитные карточки. Таким образом у граждан скапливается большое количество контактов полицейских, и они сами могут выбирать конкретного сотрудника, которому будут сообщать информацию, интересующую правоохранительные органы.

Население США считает, что преступники составляют менее 1 % населения и было бы не правильно пребывать в страхе и отсиживаться в домах, оснащенных сигнализацией. По мнению американцев, они могут и должны оказывать содействие органам полиции различными способами. Поэтому в данной стране функционируют множество сообществ, союзов и ассоциаций, которые, имея активную гражданскую позицию, повсеместно оказывают помощь полиции в борьбе с преступностью, в основном собирая и сообщая в кратчайшие сроки информацию о совершаемых преступлениях, а также путем патрулирования и наблюдения. Данные отряды (например, «Национальная ассоциация городских дозоров», «Население против преступников», «Ангелы-хранители») формируются как самостоятельно, так и при организационной и технической поддержке полиции США [2, с. 74].

Также к стимулам населения США оказывать содействие полиции в борьбе с преступностью можно отнести существование программ «Криминальная линия», а также «Программы получения информации от населения о совершенных преступлениях», предполагающих выплату денежного вознаграждения за информацию, обеспечивающую обвинительное заключение суда. В результате внедрения данных программ повысилась организованность граждан в деле противодействия преступности и оказания содействия сотрудникам полиции [3, с. 123].

Интересным для нашего государства являются общественные формирования США, аналог наших народных дружин, которые создаются главным образом из ветеранов, отставников полиции, специалистов сыскного дела, т. е. профессионалов. Поэтому «дружинникам» из Филадельфии вполне по плечу девиз: «Нет нераскрываемых преступлений, есть лишь еще не раскрытые» [3, с. 123].

В Германии во многих регионах действует программа «Добровольные друзья», участники которой оказывают полиции помощь при задержании преступников.

В Новой Зеландии работа по привлечению граждан к оказанию содействия на гласной основе правоохранительным органам путем сообщения информации о преступлениях осуществляется с 1973 года [3, с. 122].

В Канаде и Великобритании гражданское население активно оказывает содействие органам полиции путем патрулирования наиболее криминальных зон как совместно с сотрудниками полиции, так и в составе гражданского патруля, которому выдается форма полиции без знаков различия и спецсредства [4, с. 131].

Также интересен опыт Китайской Народной Республики (далее — КНР). В ст. 3 Закона КНР «О народной полиции» прописано, что «в своей работе служащие народной полиции должны опираться на поддержку масс, иметь с ними тесные связи, внимательно прислушиваться к их замечаниям и предложениям, принимать контроль с их стороны и честно служить народу» [5]. Данная формулировка служит одной из основ построения эффективного взаимодействия полиции с населением.

Одновременно с принятием данного Закона изменения были внесены также и в образовательный процесс учреждений образования правоохранительной направленности. Больше внимание стало уделяться практическим аспектам взаимодействия полицейских с населением. Взаимодействие полиции с общественностью стало рассматриваться как одно из направлений управленческой науки [6].

Планомерный и целенаправленный подход к вопросу развития института содействия населения правоохранительным органам приводит к созданию в КНР «Центра, координирующего развитие отношений между полицией и общественностью». В сети Интернет функционирует сайт «Взаимовыгодных отношений между полицией и общественностью», для сотрудников полиции издано руководство «Основы построения взаимовыгодных отношений между полицией и общественностью» [7, с. 112].

Руководство КНР считает, что доверительные отношения правоохранительных органов с населением помогают формированию положительного имиджа полиции и повышают престиж профессии. Средства массовой информации целенаправленно подчеркивают положительный опыт сотрудничества полиции с населением, исходя из того, что находят корреляционную связь вышеуказанных факторов с понижением уровня преступности в стране.

Во многих развитых странах активно внедряются современные программы социально-психологической подготовки полицейских к эффективному профессиональному общению с различными категориями граждан. В полицейских академиях многочисленных стран обязательно преподаются тактика и методика

разрешения конфликтных ситуаций и основы взаимодействия с населением [8, с. 99].

Из анализа зарубежного опыта привлечения граждан к содействию правоохранительным органам в борьбе с преступностью можно сделать вывод, что подобного рода взаимодействие является в одних странах традицией, в других — взаимовыгодным интересом, но в целом такое содействие является одним из факторов успешной борьбы с преступностью. Зарубежная практика показывает, что подобного рода взаимодействие повышает уровень правосознания и социальной активности граждан. Заметим, что для корректного заимствования опыта зарубежных стран необходимо понимать специфику культуры и менталитета каждого отдельного народа. Считаю целесообразным продолжить изучение данной тематики в целях выработки наиболее эффективных путей борьбы с преступностью в реалиях белорусского государства.

1. Пантюхин К. Ю. Опыт полиции зарубежных государств по привлечению граждан к борьбе с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2006. № 6. С. 57–59. [Вернуться к статье](#)

2. Тер-Арутюнян А. Институт содействия граждан правоохранительным органам и специальным службам // 21-й век. 2010. № 4 (16). С. 74–83. [Вернуться к статье](#)

3. Егорышев С. В. Из зарубежного опыта взаимодействия правоохранительных органов с общественностью // Вестн. Акад. экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 121–125. [Вернуться к статье](#)

4. Красников В. Н. К вопросу о зарубежном опыте взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в борьбе с преступностью // Закон и право. 2018. № 10. С. 130–131. [Вернуться к статье](#)

5. 中华人民共和国人民警察法(1995年2月28日第八届全国人民代表大会常务委员会第十二次会议通过 1995年2月28日中华人民共和国主席令第四十号公布) : пер. А. Ю. Манцурова = О народной полиции [Электронный ресурс] : Закон КНР : принят на 12 заседании Постоян. ком. 8-го Всекит. съезда народ. представителей 28 февр. 1995 г. : обнародован указом 40 Председателя КНР 28 февр. 1995 г. URL: <http://www.mps.gov.cn> (дата обращения: 17.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Сюй Ушэн. Процесс слияния публичного и частного права в «Законе о полиции» в современном Китае // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 29–30 мая 2014 г. / Вост.-Сибир. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации (Иркутск). Иркутск, 2014. С. 336–338. [Вернуться к статье](#)

7. Дунаева О. Н. Зарубежный опыт формирования взаимодействия полиции и общества (на примере Китайской Народной Республики) // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2020. № 4 (41). С. 110–115. [Вернуться к статье](#)

8. Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных

стран и России // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2017. № 35. С. 95–106. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.141

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Г. В. Курбатова

Академия ФСИН России,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Института подготовки государственных и муниципальных служащих,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы, касающиеся исторического становления обычая как источника права. Исследуются актуальные аспекты трансформации обычая из главенствующего социального регулятора во второстепенный, вспомогательный источник права. Подчеркивается значимость обычая в рамках регулирования современных общественных отношений.*

***Ключевые слова:** обычай, источник права, становление обычая, история обычая, практика применения обычая, трансформация обычая.*

***Annotation.** The article deals with issues related to the historical formation of custom as a source of law. The topical aspects of the transformation of custom from the dominant social regulator into a secondary, auxiliary source of law are explored. The importance of custom in the framework of the regulation of modern social relations is emphasized.*

***Keywords:** custom, source of law, formation of custom, history of custom, practice of application, transformation of custom.*

Российская правовая система традиционно принадлежит к романо-германской правовой семье. Не секрет, что основным источником права для вышеуказанной правовой семьи является нормативный правовой акт. Применительно к российской правовой системе именно нормативный правовой акт уже длительный период времени большинством ученых признается безальтернативным и главенствующим источником права, тогда как другие источники либо рассматриваются только в рассуждениях представителей юридической доктрины, либо не рассматриваются вовсе [1, с. 116]. Тем не менее текущие тенденции все чаще заставляют нас говорить о растущей роли «нетипичных» источников отечественного гражданского права. Следовательно, уже сейчас необходимо их изучать и исследовать.

Одним из таких «нетипичных» источников права является обычай. Это один из древнейших регуляторов общественных отношений, который берет свое начало еще во времена, когда человечество не могло представить себе право в его современном виде. С течением времени обычай впитывал в себя все больше и больше новых правил, а параллельное развитие иных правовых

процедур обусловило постепенное снижение влияния обычая. Несмотря на это, обычай по-прежнему фигурирует в правовых системах современных государств, являясь с учетом национальных особенностей одним из источников права.

Исторический экскурс по пути развития и становления обычая как источника российского права показывает, что в зависимости от особенностей той или иной эпохи, периода правления, особенностей государственного и политического строя обычая отводились разные роли в системе источников права. Говоря о периоде Древней Руси и свойственных ей правовых документах, следует отметить главенствующую роль обычая в рамках регулирования существовавших в то время общественных отношений. К примеру, такие известные и монументальные источники права Древней Руси, как Русская Правда или Новгородская и Псковская судные грамоты, являют собой наиболее яркий пример свода норм обычного права. Регулированию имущественных гражданских правоотношений в указанных документах была отведена отдельная часть [2, с. 66].

С течением времени и всесторонним развитием государства роль обычая как источника права постепенно меняется. В это время уже запустился процесс замены обычая законодательными положениями. Отныне государственные акты перестают быть сводом обычных норм и трансформируются в отдельные нормативные правовые акты. В нашей стране данная тенденция укрепилась в период правления Петра I, который признавал нормативно-правовой акт основным и единственным источником права.

В период раннего советского законодательства обычай рассматривался некоторыми представителями советской правовой доктрины как изживший себя и устаревший источник права, рассматривать который всерьез с точки зрения современных условий развития правовой действительности не представляется возможным. Основным критерий, согласно которому выстраивалось подобное отношение к обычаю, — убежденность советских правоведов в том, что нормы обычного права устарели, не отвечают современным вызовам, как итог, обычай воспринимался как фактор, который препятствует эффективному и гармоничному развитию общественных отношений. Несмотря на общее несерьезное отношение к обычаю, в отдельных правовых нормах советского законодательства различного периода все же прослеживаются отсылки к обычаю. К примеру, Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик содержали ссылку на применение международного обычая к гражданским правоотношениям [3, с. 65].

В наши дни ситуация несколько изменилась. Этому во многом поспособствовали переход к рыночной модели экономики, развитие мелкого бизнеса, усложнение и развитие форм частной собственности и многие другие факторы,

которые ранее не были свойственны нашему государству. Сегодня исследованию обычая и изучению его роли в системе источников российского права вновь уделяется повышенное внимание.

Подобное внимание — следствие того, что обычай продолжает существовать. Ему удалось доказать свою полезность в рамках регулирования общественных отношений, в том числе и в современных условиях правовой действительности. Сегодня российский законодатель признает обычай в качестве источника гражданского права. Он применяется к вещным, обязательственным, жилищным, наследственным и иным отношениям в рамках гражданско-правового регулирования. Тем не менее с точки зрения практики будет неправильным сказать, что обычай применяется повсеместно и составляет конкуренцию нормативному правовому регулированию. Современная роль обычая в гражданском праве скорее, вспомогательная, но далеко не первостепенная. Подобное положение обычая представляется вполне справедливым, так как он, в отличие от нормативного правового акта, не способен покрыть регулированием тот объем общественных отношений, который свойственен современным социально-правовым реалиям. Не стоит забывать, что это не всегда удается и самому нормативному правовому акту, в связи с чем образуются пробелы в праве. Здесь на помощь и приходит обычай, который, выступая в качестве вспомогательного правового регулятора, может быстрее закрыть пробел, не дожидаясь решительных действий со стороны законодателя.

Отдельно следует остановиться на рассмотрении понятия обычая. Легальное понятие обычая устанавливается пунктом 1 статьи 5 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе» [4]. Несмотря на формализм, который, как может показаться, свойственен данному понятию, его наличие и фиксация в фундаментальном источнике российского гражданского права не стоит недооценивать. Закрепив вышеуказанную правовую норму, законодатель продемонстрировал свое лояльное отношение к обычаю как к регулятору общественных отношений. Другими словами, законодатель демонстрирует, что в определенных обстоятельствах обычай может и должен применяться, если к тому располагают сложившиеся практические условия.

Общее резюме исследования сводится к тому, что, используя в качестве безальтернативного источника права на протяжении нескольких столетий, обычай впоследствии послужил в качестве необходимой основы для формирования нормативных правовых актов. Именно на основе обычаев и были созданы, а затем посредством активного практического использования доработаны

различные правовые нормы, которые легли в основу многих современных законов. Поэтому историческое правовое значение обычая для становления отечественной правовой системы, на наш взгляд, велико.

В наши дни обычай отчасти вернул утраченные в советское время позиции и даже нашел свое, пусть и незначительное, место в иерархии источников российского права. Однако говорить о том, что обычай по юридической силе и практической значимости вскоре встанет на одну ступень с нормативным правовым актом, не приходится. Более того, в этом нет практической необходимости, так как с ролью фундаментального регулятора общественных отношений вполне справляется нормативный правовой акт. Государство не препятствует использованию обычая, но и не предпринимает усилий для его развития. Даже гипотетически рассуждать о возможности придания обычаю статуса, сравнимого со статусом нормативного правового акта, на наш взгляд, как минимум неразумно. Обычаю следует продолжать развиваться в рамках, обозначенных его текущей ролью. При этом мы убеждены, что обычай, выступающий в качестве вспомогательного источника права, необходим российской правовой системе и его не стоит недооценивать.

-
1. Жуковская М. А. Обычай как источник гражданского права // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2019. № 5. С. 116–119. [Вернуться к статье](#)
 2. Козлова Н. В. Обычай в гражданском праве // Журн. рос. права. 2019. № 1. С. 62–72. [Вернуться к статье](#)
 3. Придворова М. Н., Старчикова Е. А. Обычай в отечественной цивилистике как традиционный источник гражданского права // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 61–71. [Вернуться к статье](#)
 4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Федер. закона от 27.01.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.45

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПО ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ
ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ,
ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ И В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ**

А. С. Ласкевич

Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь,
начальник научно-исследовательского отдела

***Аннотация.** Исследуются вопросы изменения правовой природы договорных отношений по подготовке специалистов с высшим образованием для Вооруженных Сил в период мобилизации, военного положения и в военное время. Анализируются нормативные правовые акты, регулирующие такие правоотношения.*

***Ключевые слова:** контракт, договор об оказании услуг, подготовка военных специалистов, военные учебные заведения.*

***Annotation.** Issues of change of the legal nature of contractual relations in training of specialists with the higher education for the Armed Forces during mobilization, martial law and in wartime are investigated. The legal acts regulating such legal relationship are analyzed.*

***Keywords:** contract, service contract, training of military personnel (cadets), military educational institutions.*

Закрепленное в ст. 57 Конституции Республики Беларусь [1] и ст. 14 Закона Республики Беларусь «Об обороне» [2] положение о том, что «защита Республики Беларусь — обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь», имеет особое значение при рассмотрении вопроса прохождения военной службы в период мобилизации, военного положения и военного времени. При этом правоотношения по подготовке специалистов с высшим образованием для Вооруженных Сил в указанные периоды не нашли должного закрепления в нормативных правовых актах.

В п. 1 Положения о порядке прохождения военной службы (далее — Положение) закреплено, что Положением определяются порядок прохождения военной службы гражданами Республики Беларусь в мирное время, порядок заключения контракта о прохождении военной службы и прекращения его действия, а также другие вопросы, отнесенные, согласно Закону Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе», к сфере регулирования Положения. Соответственно, в Положении отсутствуют нормы, регулирующие вопросы прохождения военной службы в период мобилизации, военного положения и в военное время [3].

В ст. 2 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» определено, что в период мобилизации, военного положения и в военное время исполнение гражданами воинской обязанности предусматривает призыв на военную службу по мобилизации и ее прохождение в соответствии с указанным Законом и иными законодательными актами [4]. Одним из таких актов является Закон Республики Беларусь «О мобилизационной подготовке и мобилизации» [5]. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе», военной службой по мобилизации является обязательная военная служба граждан в периоды мобилизации, военного положения и в военное время.

Одной из составляющих содержания мобилизационной подготовки и мобилизации является подготовка граждан по военно-учетным специальностям для комплектования Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск, воинских и специальных формирований в мирное и в военное время (ст. 4 Закона Республики Беларусь «О мобилизационной подготовке и мобилизации»). При этом при объявлении мобилизации, введении военного положения, с наступлением военного времени контракты о прохождении военной службы приостанавливают свое действие, а военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, становятся военнослужащими, проходящими военную службу по мобилизации (ст. 46 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе»).

Согласно ст. 9 Закона Республики Беларусь «Об обороне», Министерство обороны Республики Беларусь руководит развитием системы подготовки военных кадров для Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Подготовка осуществляется через военные учебные заведения Республики Беларусь и иностранных государств. К военным учебным заведениям относятся учреждения образования, а также военные факультеты учреждений среднего специального образования и учреждений высшего образования, осуществляющие подготовку кадров по специальностям (направлениям специальностей, специализациям) для Вооруженных Сил и других воинских формирований (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе»). В периоды мобилизации, военного положения и в военное время порядок комплектования и подготовки военных кадров в военных учебных заведениях устанавливается государственным органом, в котором предусмотрена военная служба, по согласованию с республиканскими органами государственного управления, в подчинении которых находятся учреждения образования (ст. 43 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе»).

С гражданами, зачисленными в военные учебные заведения, заключаются контракты о прохождении военной службы со дня их зачисления на период обучения и на пять лет прохождения ими военной службы на должностях офицерского состава по окончании военных учебных заведений (ст. 43 Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе»).

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь не разработан единый комплексный нормативный правовой акт, регулирующий вопросы прохождения военной службы в период мобилизации, военного положения и в военное время. Нормативное закрепление указанных вопросов содержится в Законах Республики Беларусь «О мобилизационной подготовке и мобилизации», «О военном положении» [6], «Об обороне», «О Вооруженных Силах Республики Беларусь» [7], а также «О воинской обязанности и воинской службе». С целью правового регулирования указанных вопросов и особенностей подготовки специалистов с высшим образованием для Вооруженных Сил в указанные периоды целесообразно детально отразить их в правовом акте Министерства обороны.

Учебные заведения, осуществляющие подготовку по специальностям (направлениям специальностей, специализациям) для Вооруженных Сил Республики Беларусь, в период мобилизации, военного положения и в военное время уточняют учебные планы и программы обучения и осуществляют переход на сокращенные сроки обучения, ускоренную форму подготовки, увеличивают численность обучаемых и осуществляют досрочные выпуски. Примером подобных изменений может служить практика подготовки офицерских кадров в СССР во время Великой Отечественной войны. В диссертационном исследовании А. В. Попова [8, с. 85] рассмотрены особенности сокращения сроков подготовки офицерских кадров. В военных академиях они составляли 6–8 месяцев, в военных училищах — 4–10 месяцев (в пехотных училищах — 4–6 месяцев, в кавалерийских, легкой артиллерии, автомобильных и интендантских — 6 месяцев, в танковых, зенитных артиллерийских, инженерных и связи — 8 месяцев, в остальных — 9–10 месяцев).

Правовым последствием применения подобных мер является изменение природы рассматриваемых отношений из гражданско-правовых — договорных в военно-административные. Эти меры в контексте гражданско-правовых отношений носят характер юридических фактов — событий, поскольку на их возникновение и развитие стороны повлиять не могут. Указанные события следует рассматривать как обстоятельства непреодолимой силы, влекущие фактическое прекращение договора (контракта).

Таким образом, необходимо отметить, что гражданско-правовая природа отношений по подготовке специалистов с высшим образованием

для Вооруженных Сил в период мобилизации, военного положения и в военное время утрачивается, при этом договорные отношения прекращаются.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 80 с. [Вернуться к статье](#)

2. Об обороне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 апр. 2005 г., № 186 : с изм. и доп. от 02.05.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О воинской обязанности и воинской службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 нояб. 1992 г., № 1914-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О мобилизационной подготовке и мобилизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 окт. 2000 г., № 449-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О военном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2003 г., № 185-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.07.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. О Вооруженных Силах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1904-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.07.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Попов А. В. Становление системы ускоренной профессиональной подготовки офицерских кадров в СССР в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Воронеж, 2017. 178 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРЫСТНЫМ И КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Л. Г. Лифанова

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье обращено внимание на различные формы противодействия корыстной преступности, в том числе уголовно-процессуальными средствами.

Ключевые слова: противодействие преступности, корыстная преступность, уголовное преследование.

Annotation. The article draws attention to various forms of countering mercenary crime, including by criminal procedural means.

Keywords: countering crime, mercenary crime, criminal prosecution.

Конституция Российской Федерации является основным регулятором общественных отношений, в том числе и в сфере собственности. Согласно ст. 8, 35 Конституции Российской Федерации, законодательство защищает, а государство гарантирует защиту права собственности, однако уровень корыстных и корыстно-насильственных посягательств продолжает оставаться высоким [6].

Юристами справедливо отмечается, что до настоящего времени с учетом сложившейся ситуации компетентными органами не выработана целевая, долгосрочная комплексная (межотраслевая) программа по противодействию корыстной преступности с соответствующим нормативно-правовым механизмом, обеспечивающим ее реализацию [2, с. 128–131].

Важное место в данном правовом механизме, бесспорно, должно занять уголовно-процессуальное законодательство. Оно целиком и полностью отражает требования Конституции Российской Федерации, где определены неотъемлемые права граждан на жизнь, здоровье, свободу, собственность и так далее, а также соответствует ратифицированным в нашей стране общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам в части касающихся нормативно-правового регулирования уголовного судопроизводства [3, с. 109].

Обеспечение реализации соответствующих требований стало возможным, потому что действующий Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) Российской Федерации представляет собой нормативно-правовой акт, устанавливающий и регулирующий порядок уголовного судопроизводства в нашей

стране, поэтому он и является одним из важнейших источников права для органов суда, прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников судопроизводства [4, с. 7].

Назначение уголовно-процессуального законодательства как формы противодействия преступлениям корыстного характера заключается прежде всего в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также в уголовном преследовании и назначении виновным справедливого наказания. Данная аксиома определена в ст. 6 УПК Российской Федерации и основывается на Конституции Российской Федерации и других федеральных законах, а также соответствует ведомственным нормативно-правовым актам, имеющим к ней отношение.

Важнейшим элементом противодействия преступности, в том числе корыстной направленности, является уголовное преследование. Оно представляет собой прежде всего процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Уголовное преследование, по мнению многих авторов, может выступать и в качестве меры борьбы с преступлениями [5, с. 102–106]. Поскольку борьба с преступностью — это системная деятельность государственных органов, направленная на обеспечение соблюдения норм уголовного закона, а значит, «работает» в случае наличия общественно опасного деяния, то есть посяательства со стороны субъекта преступления.

Противодействие преступности, кроме признаков борьбы, предусматривает деятельность по выявлению готовящихся преступлений и предотвращению совершения преступления. Такие выводы не противоречат определению противодействия, которое получило отражение в научных работах: «Противодействие преступности — совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [6, с. 18].

Поэтому законодатель, основываясь на научно-практических рекомендациях, вполне справедливо использует в законах, в том числе регламентирующих деятельность правоохранительных органов, термин «противодействие». Так, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» определена основная задача полиции, которой является противодействие преступности, выражающаяся в защите жизни, здоровья прав и свобод граждан, охране общественного порядка, собственности и обеспечении общественной безопасности [7]. Однако, соответствующие задачи поставлены не только перед подразделением Министерства внутренних дел Российской Федерации, но и

перед иными правоохранительными органами, которые позволяют комплексно совместно с государственными, негосударственными, муниципальными органами, организациями, в том числе осуществляющими правоохранительную деятельность, и частными лицами (активистами) решать вопросы противодействия преступности. А поскольку еще не выработана комплексная (межотраслевая) программа по противодействию корыстной преступности, сегодня активно осуществляются отдельные государственные программы Российской Федерации по обеспечению такого противодействия. В их число входят Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ Российской Федерации «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» [8], программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [9], приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» [10] и некоторые другие.

Задачи, поставленные государством, на настоящем этапе его развития осуществляются наряду с иными участниками правоотношений, подразделениями предварительного следствия и дознания. Так, проводимые следственные действия позволяют определить стадию подготовки к преступлению или стадию покушения на преступление, что часто на практике является весьма проблематичным, поскольку на стадии приготовления к конкретному преступлению могут иметь место признаки другого более тяжкого преступления.

Корыстные и корыстно-насильственные преступления создают угрозу другим объектам правоотношений — здоровью, иным правам и свободам граждан. Противодействие преступлениям корыстного характера приобретает особую актуальность с учетом их распространенности: преступления против собственности традиционно составляют примерно 50 % всех зарегистрированных уголовно наказуемых посягательств. При этом процент раскрываемости преступлений корыстной направленности продолжает оставаться на ненадлежащем уровне.

Имеющиеся результаты противодействия преступности сегодня в достаточной степени являются хорошей платформой для выработки более эффективных мер, препятствующих корыстной преступности.

В этой связи справедливо говорится в юридической литературе о том, что «в процессе расследования преступлений УПК РФ предусматривает принудительную форму воздействия, что позволяет реально противодействовать преступлениям, в том числе и корыстного характера» [11, с. 234].

В целом организация противодействия преступлениям корыстной и корыстно-насильственной направленности должна осуществляться по следующим направлениям:

- создание на основе анализа криминогенной обстановки условий, объективно препятствующих совершению рассматриваемых преступлений на определенной территории или объекте;
- реализация оперативно-розыскной информации о лицах, подготавливающих корыстные и корыстно-насильственные преступления против собственности, для склонения к отказу от их совершения;
- оперативное с использованием всех имеющихся сил и средств реагирование на сообщения граждан, должностных лиц, на иную поступившую информацию о совершаемых или совершенных подготавливающих корыстных и корыстно-насильственных преступлениях для задержания преступников и раскрытия преступлений;
- накопление, систематизация и использование информации о лицах, совершивших корыстные и корыстно-насильственные преступления, с целью обеспечения своевременного принятия к ним предусмотренных законом мер;
- активное привлечение общественности к работе по предупреждению корыстных и корыстно-насильственных преступлений;
- информирование населения о средствах и способах правомерной защиты от рассматриваемых преступных посягательств;
- внесение в соответствующие государственные органы, общественные объединения, должностным лицам представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Важно, чтобы меры по противодействию корыстной преступности основывались на нормах закона и не допускали ограничения (или нарушения) прав граждан.

Обозначенные формы противодействия корыстных и корыстно-насильственных преступлений являются весьма актуальной и перспективной проблемой по выработке более эффективных мер, прежде всего связанных с их предупреждением. Это сложная и кропотливая работа, требующая привлечения не только специалистов, представляющих государственные органы, но и широкого круга общественности, поскольку противодействие корыстной преступности должно вестись комплексно с привлечением самых разнообразных сил и средств, способных эффективно противостоять данному негативному социальному явлению [2, с. 131].

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на общерос. референдуме 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Прысь Е. В. Уголовно-процессуальное законодательство как форма противодействия корыстной преступности (понятие, тенденции развития, значение) // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 нояб. 2020 г. : в 6 т. Рязань, 2020. Т. 2. С. 128–131. [Вернуться к статье](#)
3. Гельдибаев М. Х. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 332 с. [Вернуться к статье](#)
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., с изм. и доп. М., 2019. 608 с. [Вернуться к статье](#)
5. Лифанова Л. Г. Предупреждение преступлений как направление работы следователя // Актуальные вопросы права и правоприменения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 22 окт. 2021 г. ; редкол.: Н. Ш. Козаев [и др.]. Краснодар, 2022. [Вернуться к статье](#)
6. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М. : Юрайт, 2018. 247 с. [Вернуться к статье](#)
7. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 23 июня 2016 г., № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». [Вернуться к статье](#)
9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 15 апр. 2014 г., № 345 : в ред. от 26.11.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». [Вернуться к статье](#)
10. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 17 янв. 2006 г., № 19. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». [Вернуться к статье](#)
11. Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 413 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

О ТЕНДЕНЦИИ К СУЖЕНИЮ ПРЕДМЕТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса

***Аннотация.** Статья посвящена предмету уголовно-процессуального регулирования в Российской Федерации. На основе анализа отдельных источников уголовно-процессуального права, изменений, внесенных в российское законодательство в течение последних лет, судебной практики автором сформулированы выводы о существующей тенденции к сужению предмета правового регулирования, размывании отраслевых границ уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, правовое регулирование, административная юстиция.*

***Annotation.** The article is devoted to the subject of criminal procedural regulation in the Russian Federation. Based on the analysis of individual sources of criminal procedure law, changes made to Russian legislation in recent years, judicial practice, the author draws conclusions about the existing trend towards narrowing the subject of legal regulation, blurring the sectoral boundaries of criminal proceedings.*

***Keywords:** criminal proceedings, legal regulation, administrative justice.*

Значение правового регулирования в системе государственного устройства сложно переоценить. Применяя различные юридические приемы, правовое регулирование оказывает целенаправленное воздействие на определенную сферу общественных отношений с тем, чтобы организовать и сбалансировать их.

Сфера уголовной юстиции решительно отличается особым способом правового регулирования и используемыми методами и правовыми механизмами, что обусловлено ее функциональным предназначением и доминированием публичности. Именно обязанность государства защищать права и законные интересы лиц и организаций, пострадавших от преступлений, осуществлять уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания определяет и публичные притязания на использование принудительного уголовно-процессуального аппарата.

В этой связи, рассуждая о реализации прав и обязанностей личности в уголовном процессе, О. И. Андреева справедливо подчеркивает, что «свобода человека в выборе вариантов поведения в уголовном судопроизводстве, в осуществлении прав должна быть поставлена под контроль государства и государственных органов» [1, с. 129]. С. А. Бахта, отмечая императивно-

диспозитивный характер уголовно-процессуального права, обращает внимание на приоритет императивных начал в регулировании определенной области общественных отношений [2]. Императивное воздействие государство может оказывать вне зависимости от воли и интересов личности, оно предполагает отсутствие выбора, человек должен подчиниться обязывающему или запрещающему предписанию. В противном случае будут запущены механизмы принуждения.

Уголовное судопроизводство как общественная система объединяет в себе множество правовых отношений, связанных с производством по уголовному делу. Несмотря на их разнообразие, как справедливо писал В. П. Божьев, все эти отношения урегулированы уголовно-процессуальным правом и составляют единый предмет правового регулирования [3, с. 8].

В этом контексте обретает подлинную актуальность вопрос определения отраслевых границ уголовно-процессуального права и его предмета. Нельзя не согласиться с позицией А. В. Победкина: «В условиях очевидного расширения частных начал в уголовном судопроизводстве зыбкость границ между смежными видами судопроизводства ставит вопрос о нужности уголовного процесса как вида государственной деятельности, основанной на самостоятельной отрасли права» [4, с. 74]. Здесь совершенно обоснованно звучит и критика А. Б. Диваева: «Насколько неверно бесконечное расширение сферы уголовно-процессуальных отношений, настолько же не отвечает действительности и необоснованное сужение предмета уголовно-процессуального регулирования» [5, с. 43]. С одной стороны, уголовный процесс, так или иначе, затрагивает права и свободы личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальные отношения. Поэтому человек заинтересован в том, чтобы минимизировать императивное воздействие на него и вывести разрешение интересующего его вопроса из области уголовного процесса в сферу, которой по юридической природе свойственна диспозитивность. С другой стороны, излишняя зарегулированность нормами уголовно-процессуального права, сращивание с уголовным процессом тех сфер общественной жизни, которые обладают иной правовой природой (например, сферы гражданского процесса, оперативно-розыскной, административной деятельности полиции), осложняют правоприменение, стирают отраслевые границы и снова создают правовую неопределенность. Поэтому сохранение баланса в вопросе определения предмета уголовно-процессуального регулирования является как никогда актуальным.

В 2015 году в Российской Федерации для урегулирования порядка осуществления административного судопроизводства по вопросам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС) [6]. Конституционной основой КАС выступила ст. 46 Конституции

Российской Федерации, декларирующая право на обжалование решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц. С этого времени административная юстиция стала методично поглощать смежные публично-правовые сферы. Уголовное судопроизводство не стало исключением.

Так, изначально к предмету регулирования КАС как возникающие из публичных отношений и связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан были отнесены дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. 27 декабря 2019 года сфера действия нормы, содержащейся в ст. 3 КАС, была расширена, предметом административного искового заявления теперь могут выступать требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей [7]. Хотя данные требования напрямую и не связаны с предварительным расследованием, но само содержание под стражей является результатом уголовного преследования лица, а значит, остается смежным и взаимопроникающим с уголовным процессом.

22 ноября 2022 года Федеральным законом Российской Федерации № 445-ФЗ КАС дополнен главами 31.2 и 31.3, регламентирующими порядок рассмотрения вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) и учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (СУВУЗТ). Перечисленные элементы аппарата государственного принуждения, как известно, используются в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и являются неотъемлемой частью этого неординарного производства.

В частности, согласно ст. 432 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации, при рассмотрении уголовного дела суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации) либо направить его в СУВУЗТ (ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации). В ЦВСНП помещаются несовершеннолетние, направляемые в СУВУЗТ по приговору суда или ожидающие рассмотрения судом указанного вопроса, а также совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность [8].

До ноября 2022 года рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ, являлось предметом уголовно-процессуального регулирования (чч. 3–8 УПК Российской Федерации, ныне утратившие силу). Однако результатом системного изменения российского законодательства стал перевод этой процедуры в административное

производство [9]. В настоящее время только порядок принятия исходного процессуального решения о помещении несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ (ч. 2 ст. 432 УПК Российской Федерации) остается в пределах уголовно-процессуальной формы. Фактически произошло размежевание процедуры, обладающей единой юридической природой, в два производства, имеющих существенные отличия не только процессуальной формы, но и основополагающих принципов.

Здесь следует согласиться с В. В. Николуком, ставившим под сомнение обоснованность сохранения смешанной правовой природы названной меры воздействия и комментировавшим новеллы еще на этапе их рассмотрения Государственной Думой Российской Федерации: «В итоге попытка авторов законопроекта избежать “двойного” правового регулирования помещения несовершеннолетних осужденных в специальное учреждение и реализации этой меры принуждения... даст другой результат: сохранится “тройное” правовое регулирование со следующей межотраслевой дифференциацией» [10].

Учитывая схожесть правовых систем России и Беларуси, необходимо отметить, что белорусский законодатель все еще сохраняет компетенцию уголовного судопроизводства над исполнением принудительных мер воспитательного воздействия, о чем свидетельствуют ст. 440–441 УПК Республики Беларусь.

Далее, логически возникает вопрос: почему российский законодатель сузил предмет уголовно-процессуального регулирования по делам в отношении несовершеннолетних, оставив без внимания производство о применении принудительных мер медицинского характера. Несмотря на случившееся в 2021 году существенное переустройство ст. 435 УПК Российской Федерации [11], вопросы, связанные с временным помещением и нахождением лица в психиатрическом стационаре в ходе производства по уголовному делу, а равно вопросы, связанные с исполнением принудительных мер медицинского характера, остаются в уголовно-процессуальном ведении. Хотя с учетом нарастающей административно-правовой природы вопросы принудительной госпитализации граждан в медицинские учреждения уже разрешаются по правилам административного судопроизводства (глава 30 КАС).

Более того, в продолжение размышлений следует привести одно из очередных решений Конституционного Суда Российской Федерации, чей нормотворческий импульс за последние годы многократно видоизменял содержание УПК Российской Федерации.

20 января 2023 года, разрешая жалобу гр. Саркисяна, Суд соотнес положения КАС и УПК Российской Федерации в части предмета судебного контроля. Из материалов дела следует, что гр. Саркисян, находясь под стражей, обжаловал в порядке ст. 125 УПК Российской Федерации решение следователя

о его переводе из следственного изолятора г. Пятигорска Ставропольского края в другой — в г. Элисте Республики Калмыкия. Суды общей юрисдикции, неоднократно отказывая в передаче для рассмотрения в судебном заседании жалоб, мотивировали свое решение тем, что указанные заявителем обстоятельства не входят в предмет рассмотрения суда в порядке ст. 125 УПК Российской Федерации. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации была однозначной: ст. 125 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу предполагает рассмотрение судом по существу жалобы на законность и обоснованность решения о переводе из одного следственного изолятора в другой [12]. Вместе с тем ревизионный механизм уже запущен. Учитывая, что в предмет уголовного судопроизводства и административного судопроизводства входят вопросы судебного контроля, а процессуальные решения, связанные с производством по уголовному делу, являются не иначе как публично-правовыми, принимаемыми представителями органов государственной власти, поэтому последующий сценарий очевиден.

Резюмируя и оставляя толику недосказанности как предложение к дискуссии, отметим, что нормотворческий процесс в своем развитии должен стремиться к сбалансированности и гармонизации той сферы общественных отношений, на урегулирование которых направлена норма права. Сфера уголовного процесса как остро конфликтная требует повышенного внимания законодателя, а все принимаемые им решения должны быть выверены с тем, чтобы не создавать еще большей правовой неопределенности и правового неравенства.

1. Андреева О. И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2014. № 11-2 (122). С. 125–132.

[Вернуться к статье](#)

2. Бахта С. А. О методе уголовно-процессуального права // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2009. № 5. С. 64–67. [Вернуться к статье](#)

3. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М. : Юрид. лит., 1975. 176 с. [Вернуться к статье](#)

4. Победкин А. В. О методе уголовно-процессуального регулирования // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2015. № 3. С. 73–76. [Вернуться к статье](#)

5. Диваев А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 39–44. [Вернуться к статье](#)

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 8 марта 2015 г., № 21-ФЗ : в ред. Федер. закона от 17.02.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 дек. 2019 г., № 494-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 июня 1999 г., № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О внесении изменений в статью 432 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 нояб. 2022 г., № 447-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Николук В. В. Направление осужденных несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: смена парадигмы законодательной конструкции // Правосудие. 2019. № 2. С. 206–224. [Вернуться к статье](#)

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 30 дек. 2021 г., № 500-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

12. По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Саркисяна [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 20 янв. 2023 г., № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.237

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. Ф. Машталер

Академия МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права
факультета криминальной милиции

Д. С. Сергейчик

Академия МВД Республики Беларусь,
курсант факультета криминальной милиции

***Аннотация.** Данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу института соучастия, закрепленного в отечественном законодательстве, с аналогичным институтом в уголовном законодательстве зарубежных стран. Автором проанализированы нормы, посвященные соучастию в уголовном законодательстве Республики Беларусь, стран Содружества Независимых Государств и ряда других зарубежных стран.*

***Ключевые слова:** институт соучастия, сравнение, зарубежные страны, анализ.*

***Annotation.** This article is devoted to a comparative legal analysis of the institution of complicity, enshrined in domestic legislation with a similar institution in the criminal legislation of foreign countries. The author analyzed the norms devoted to complicity in the criminal legislation of the Republic of Belarus, the CIS countries and a number of other foreign countries.*

***Keywords:** institution of complicity, comparison, foreign countries, analysis.*

Соучастие как институт уголовного права развивалось как на территории Республики Беларусь, так и в зарубежных странах. Важность проведения сравнительно-правового анализа данного института заключается в наличии различий отечественного законодательства с уголовным законодательством зарубежных стран, на основании которых можно устранять пробелы в действующем Уголовном кодексе (далее — УК) Республики Беларусь 1999 г. для наиболее эффективной борьбы с групповой преступностью, в том числе организованной. Основанием для проведения сравнительно-правового анализа соучастия в рамках УК с уголовным законодательством зарубежных стран служат различные правовые базы, на которых основывается уголовное законодательство зарубежных стран, а также отличительные особенности в религиозном и социально-культурном развитии.

Анализируя институт соучастия в преступлении в рамках отечественного законодательства и законодательства стран — участниц Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) (Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Киргизская Республика, Республика Армения, Республика Молдова, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан, Республика Казахстан), мы можем сделать вывод о том, что понятие соучастия, закрепленное в УК рассматриваемых стран, не имеет различий. Им признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, как и в УК Беларуси (ч. 1 ст. 16) [1].

Как и в Республике Беларусь (ч. 2 ст. 16 УК Беларуси), по уголовному законодательству стран СНГ соучастниками в совершении преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник.

Определение организатора в белорусском уголовном законодательстве совпадает с определением организатора в законодательстве вышеуказанных стран. Отличия заключаются лишь в том, что наряду с понятием преступной организации в УК Азербайджанской Республики (ч. 3 ст. 32), Республики Армении (ч. 3 ст. 38), Республики Таджикистан (ч. 3 ст. 36), Киргизской Республики (ч. 4 ст. 30) и Российской Федерации (ч. 3 ст. 33) закреплено понятие преступного сообщества, которое по своему содержанию соответствует понятию преступной организации [2; 3; 4; 5; 6]. Согласно статье 28 УК Узбекистана, организатором является лицо, руководившее подготовкой или совершением преступления [7]. На основании статьи 28 УК Узбекистана мы выделяем тот факт, что в определении организатора по данному УК такие понятия, как организованная группа и преступное сообщество отсутствуют, но присутствуют в статье 29, посвященной формам соучастия. В УК Казахстана дано более широкое понятие преступления, совершенного группой лиц. По пункту 3 статьи 31 преступление признается совершенным преступной группой, если оно совершено организованной группой, преступной организацией, преступным сообществом, транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, транснациональным преступным сообществом, террористической группой, экстремистской группой, бандой или незаконным военизированным формированием [8].

Понятия подстрекателя и пособника в УК Республики Беларусь (ч. 5, 6 ст. 16) совпадают с законодательством стран СНГ. Так, по уголовному законодательству стран СНГ, как и по УК Республики Беларусь, ответственность организатора, пособника и подстрекателя наступает по той же статье, что и ответственность исполнителя (ч. 7 ст. 16 УК Беларуси).

Понятие эксцесса соучастников в рассматриваемых уголовных законах имеет одинаковое содержание, однако в УК Беларуси и УК Узбекистана нет

отдельной статьи, посвященной эксцессу исполнителя, в отличие от уголовного законодательства других стран СНГ. В УК Республики Беларусь эксцесс исполнителя описывается в части 7 статьи 16, а в УК Узбекистана — в абзаце 4 статьи 30.

Ответственность соучастников преступления в УК Беларуси и уголовном законодательстве стран СНГ идентична. То же самое можно сказать и о формах соучастия, однако понятие преступной организации в УК Российской Федерации и УК Республики Молдова отличается тем, что она заключается в объединении для совершения тяжких или особо тяжких преступлений и получения экономической выгоды [6; 9]. Согласно части 1 статьи 17 УК Республики Беларусь, целью преступной организации является реализация мер по осуществлению преступной деятельности либо создание условий для ее поддержания и развития. В данной части не указана степень тяжести совершаемых в будущем преступлений, однако в большинстве случаев преступная организация и организованная группа составляют признак особо квалифицированного состава преступления, т. е. обычно это особо тяжкое преступление. Данный факт основывается на том, что преступники, осуществляя преступную деятельность в составе преступной организации и организованной группы, действуют более решительно, тем самым способны и направлены совершать тяжкие и особо тяжкие преступления.

Для проведения более детального сравнительно-правового анализа института соучастия нужно провести исследование норм, посвященных данному институту в уголовном законодательстве зарубежных стран, не входящих в состав СНГ.

При сравнении института соучастия по уголовному законодательству Республики Беларусь и УК Аргентины можно констатировать, что в данных законах присутствуют некоторые различия. Так, в УК Аргентины присутствуют нормы, посвященные дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии, также отсутствует норма, регламентирующая само понятие соучастия. В уголовном законодательстве Аргентины дифференциация наказания за совершение преступления в соучастии регламентируется статьей 46, в соответствии с которой наказание для пособника уменьшено от трети до половины по сравнению с наказанием для исполнителя [10].

По сравнению с УК Республики Беларусь в определении соучастия по уголовному законодательству Китая отсутствует такой признак, как совершение умышленного преступления, речь идет просто о преступлении (статья 46 УК Китая). Так, двое и более лиц, совместно совершивших преступление по неосторожности, не рассматриваются как соучастники преступления, а должны нести уголовную ответственность, подвергаясь различным

наказаниям в соответствии с совершенными ими преступлениями (статья 46 УК Китая) [11].

Как и в уголовном законодательстве Аргентины, в УК Китая, в отличие от уголовного законодательства Беларуси, имеет место наличие дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии. Так, по статье 27 УК Китая пособнику назначается более мягкое наказание, чем исполнителю, либо наказание ниже низшего предела или освобождение от наказания. В соответствии со статьей 28 УК Китая, лицам, вовлеченным в преступную деятельность посредством угроз или обмана, следует с учетом обстоятельств дела назначить наказание ниже низшего предела либо освободить их от наказания. В статье 29 УК Китая указывается, что подстрекатель других к преступлению должен быть наказан в соответствии с той ролью, которую он играл в совместном преступлении. Подстрекатель к преступлению лиц, не достигших 18 лет, должен нести более строгое наказание. Если подстрекатель не совершил преступления, к которому его подстрекали, то подстрекателю можно назначить более мягкое наказание либо наказание ниже низшего предела.

В уголовном законодательстве Турции установлена дифференциация наказания подстрекателя и исполнителя. Так, по статье 64 УК Турции лица, подстрекавшие других к совершению преступления и проступка, осуждаются к тому же наказанию. Если установлено, что исполнитель деяния преследовал личную выгоду, совершая деяние, то подстрекателю взамен смертной казни назначается тяжкое заключение (пожизненное заключение или тюремное заключение сроком от одного до двадцати четырех лет (ст.13 УК Турции)) сроком на двадцать четыре года, а взамен пожизненного тяжкого заключения — тяжкое заключение сроком на двадцать лет. Иные наказания сокращаются на одну шестую. Согласно статье 65 УК Турции, лицо, принявшее участие в совершении правонарушения, которое выразилось в склонении другого к совершению правонарушения или одобрении его решения совершить правонарушение либо обещании своей помощи и поддержки после совершения деяния; в даче наставлений относительно совершения преступления или подготовке средств и орудий совершения правонарушения; в предоставлении до или в ходе совершения правонарушения своей помощи и поддержки для облегчения его совершения, наказывается тяжким заключением на срок не менее двадцати лет (если за совершенное правонарушение предусмотрена смертная казнь) или на срок не менее шестнадцати лет (если за совершенное правонарушение предусмотрено пожизненное тяжкое заключение). В иных случаях наказание, установленное законом, сокращается наполовину. Если установлено, что без соучастия лица, совершившего одно из указанных в настоящей статье

деяний, совершение деяния не было бы возможным, оно не может воспользоваться сокращением наказания, предусмотренным выше [12].

Проведя сравнительно-правовой анализ института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Республики Беларусь с УК стран — участниц СНГ, можно констатировать, что уголовное законодательство рассмотренных стран не имеет существенных отличий. Это обуславливается тем, что все страны — участницы СНГ ранее входили в состав СССР, где уголовное законодательство было построено на единой советской правовой базе, которая объединяла в себе 15 республик.

Рассмотрев нормы, регулирующие ответственность за соучастие, в УК Республики Беларусь и уголовном законодательстве Республики Сан-Марино, Китайской Народной Республики, Турецкой и Аргентинской Республик, можно установить факт наличия института дифференциации наказания за соучастие в преступлении в уголовных законах перечисленных стран, что не так явно просматривается в УК Республики Беларусь.

Также стоит отметить, что большинство западноевропейских стран придерживаются акцессорной теории соучастия в преступлении. Некоторые страны придерживаются теории, противоположной акцессорной, когда при назначении наказания оценивается характер и степень действий каждого из соучастников. Уголовное законодательство Республики Беларусь, в свою очередь, придерживается компромиссной или же смешанной теории акцессорности, при которой перенимает положительные моменты из акцессорной теории соучастия и теории, противоположной ей.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. № 165-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. Законом Азербайджанской Респ. от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 11.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Армении [Электронный ресурс] : принят 18 апр. 2003 г. : вступил в силу 1 авг. 2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 13.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 21 мая 1998 г., № 574 : вступил в силу 1 сент. 1998 года. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 20.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 окт. 2021 г., № 127 : вступил в силу 1 дек. 2021 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 23.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : 22 сент. 1994 г., № 2012-XII : принят 22 сентября 1994 года, вступил в силу 1 апреля 1995 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 01.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V : вступил в силу 1 янв. 1998 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&show_di=1 (дата обращения: 08.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 18 апр. 2002 г., № 985-XV : вступил в силу 12 июня 2003 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 08.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Уголовный кодекс Аргентинской Республики [Электронный ресурс] : принят в 1921 г. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-426> (дата обращения: 08.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] : принят 14 марта 1997 г. : вступил в силу 1 окт. 1997 г. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/> (дата обращения: 22.11.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Уголовный кодекс Турецкой Республики [Электронный ресурс] : 26 сент. 2004 г., № 5237. URL: <https://av-saimincekas.com/ru/законы/ТКК-TURK-уголовное-право/> (дата обращения: 22.12.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 341.45

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИНЦИПЕ ВЗАИМНОСТИ

Н. В. Сидорова

Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова,
ассоциированный профессор кафедры
конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Оказание правовой помощи по уголовным делам имеет преимущественно договорные основания исполнения государствами обязательств в данной сфере международного сотрудничества. При отсутствии международного договора правовая помощь оказывается на принципе взаимности. В статье рассматриваются теоретические и правовые аспекты оказания правовой помощи по уголовным делам на принципе взаимности. Проведенный анализ принципа взаимности позволил сформулировать его особенности, обозначить различия в правовой регламентации по законодательству Республики Казахстан и ряда иностранных государств.*

***Ключевые слова:** принцип взаимности, правовая помощь по уголовным делам, международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве, международный договор, внутригосударственное право, уголовно-процессуальное право.*

***Annotation.** The provision of legal assistance in criminal cases has mainly contractual grounds for the fulfillment by states of obligations in this area of international cooperation. In the absence of an international treaty, legal assistance is provided on the principle of reciprocity. The article deals with the theoretical and legal aspects of providing legal assistance in criminal cases on the principle of reciprocity. The analysis of the principle of reciprocity made it possible to formulate its features, to identify differences in the legal regulation under the legislation of the Republic of Kazakhstan and a number of foreign states.*

***Keywords:** principle of reciprocity, legal assistance in criminal cases, international cooperation in criminal proceedings, international treaty, domestic law, criminal procedure law.*

Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве как одно из направлений сотрудничества государств по противодействию преступности базируется на международно-договорной основе, в рамках которой государства, во-первых, заключают двусторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам, во-вторых, участвуют в многосторонних конвенциях с одноименным названием. Международная практика сотрудничества государств в данной сфере показала, что в целом эффективность таких договоров

высока и, несмотря на отдельные сложности, договоры о правовой помощи работают.

Республика Казахстан ратифицировала Кишиневскую конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года (далее — Кишиневская конвенция), кроме того, в отношениях со странами, которые не ратифицировали названную конвенцию, действуют нормы Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года (далее — Минская конвенция). Данные конвенции формируют основы правовой помощи по уголовным делам на пространстве Содружества Независимых Государств.

В то же время основной формат сотрудничества Республики Казахстан со странами, не участвующими в Кишиневской и Минской конвенциях, осуществляется на основе двусторонних договоров. Казахстан заключил договоры о правовой помощи по уголовным делам с Болгарией, Великобританией, Венгрией, Грузией, Индией, Италией, Канадой, Китаем, Киргизией, КНДР, Кореей, Литвой, Монголией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Пакистаном, Румынией, Сербией, Соединенными Штатами Америки, Турцией, Чехией и др.

Однако, несмотря на весомую договорную основу правовой помощи по уголовным делам, Республика Казахстан не со всеми странами заключила двусторонние договоры. К числу таких государств, например, относятся Германия и Франция. В декабре 2021 года в новостных лентах казахстанских средств массовой информации появилась информация о том, что «сотрудниками Генеральной прокуратуры и МВД Казахстана из Германии экстрадирован находящийся в международном розыске гражданин России» [1]. Договоренность по данному вопросу между Казахстаном и Германией стала возможна в соответствии с принципом взаимности.

В международном уголовном праве (процессуальный аспект) принцип взаимности реализуется в случае договорного вакуума между государствами. Данный принцип имеет позитивное значение и в реализации другого принципа — принципа неотвратимости наказания, когда государства, исходя из правила международной вежливости, идут навстречу друг другу в случае получения запроса на экстрадицию разыскиваемого лица, даже вопреки отсутствию двустороннего или многостороннего договора между странами. Но есть и негативный аспект практики применения принципа взаимности, о котором говорит М. А. Киселев, — это длительный срок исполнения запросов о выдаче [2, с. 72].

Можно согласиться и с другим утверждением М. А. Киселева, что выдача преступников — это суверенное право государства и единственной юридической гарантией исполнения обязательств государством в данной сфере является международный договор [2, с. 73]. Оспаривать очевидность преимущества

договорного формата сотрудничества нет необходимости. Однако сама возможность реализовать принцип взаимности, как уже отмечалось в условиях «договорного вакуума», — это главный шаг к раскрытию преступления и привлечению виновного к ответственности.

Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) Республики Казахстан содержит статью 558 «Оказание правовой или иной помощи на принципе взаимности». Отметим, что из названия статьи явно прослеживается универсальность данного принципа. То есть он применяется не только в процессе решения вопросов об экстрадиции преступника, а по всем видам процессуальных и иных действий в рамках не только правовой, но и иной помощи иностранному государству [3].

В УПК Российской Федерации не дается определения принципа взаимности, однако раскрывается порядок его реализации в некоторых статьях (статьи 160.1, 453, 455–457, 460, 462, 462.1, 469, 473.1). Так, ч. 2 ст. 453 УПК Российской Федерации гласит, что «принцип взаимности подтверждается письменным обязательством» компетентного органа «оказать от имени Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий» [4, с. 86].

В соответствии со статьей 558 УПК Республики Казахстан, на принципе взаимности может быть оказана правовая помощь на основании запроса иностранного государства, с которым отсутствует международный договор Республики Казахстан. В случае, когда инициатором правовой помощи является Республика Казахстан, то, направляя запрос иностранному государству, центральный орган Республики Казахстан в письменном виде гарантирует оказание такого же вида правовой помощи в будущем. Если же инициатором правовой помощи является иностранное государство, то запрос иностранного государства рассматривается лишь при наличии письменной гарантии запрашивающей стороны принять и рассмотреть в будущем запрос Республики Казахстан на принципе взаимности.

Еще одна особенность оказания правовой помощи на принципе взаимности, в соответствии со статьей 558 УПК РК, это задействование дипломатических инструментов. В данном случае центральный орган Республики Казахстан (в соответствии со статьей 559 УПК Республики Казахстан, Генеральная прокуратура Республики Казахстан или уполномоченный прокурор; Верховный Суд Республики Казахстан) в прямые контакты с уполномоченными органами иностранного государства не вступает [3].

Необеспечение принципа взаимности иностранным государством в будущем является основанием отказа в оказании правовой помощи (статья 569 УПК Республики Казахстан).

Сходное регулирование можно обнаружить в УПК Республики Молдова [5]. Так, ч. 2 ст. 536 УПК Республики Молдова конкретизирует, что «условия взаимности подтверждаются письмом, в котором Министр юстиции или Генеральный прокурор обязуется оказать от имени Республики Молдова правовую помощь иностранному государству или международной судебной инстанции по уголовным делам в осуществлении отдельных процессуальных действий с гарантированием процессуальных прав лица, в отношении которого оказывается помощь, предусмотренных национальным законом». Этот письменный акт в УПК Республики Молдова именуется «соглашением о взаимности» (п. 3 ч. 1 ст. 537 УПК Республики Молдова) [4, с. 86]. В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан понятие «соглашение о взаимности» отсутствует. Исходя из содержания статьи 558 УПК Республики Молдова, автор предлагает понятие «гарантия взаимности».

Качественно по-другому правовая регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства прослеживается в УПК Республики Беларусь, в соответствии с которым проводится четкое разграничение международной (конвенционной) и внутригосударственной (уголовно-процессуальной) юрисдикции. Анализ структуры и содержания УПК Республики Беларусь показывает, что в случаях, когда порядок оказания правовой помощи определен международным договором Республики Беларусь, применяется установленный в договоре порядок (статья 1 УПК Республики Беларусь), то есть в данном случае нормы Кодекса не применяются априори. В случае, когда порядок оказания правовой помощи не определен договором, применяются положения, установленные УПК на основе принципа взаимности (раздел XV УПК Республики Беларусь) [1]. Таким образом, исходя из логики описываемых норм, внутригосударственные уголовно-процессуальные нормы Республики Беларусь применяются исключительно в рамках договорного вакуума на основе принципа взаимности.

Анализ уголовно-процессуального законодательства ряда иностранных государств позволяет сделать вывод, что оказание международное сотрудничество в уголовном производстве на принципе взаимности не нашло детальной юридической регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве многих государств. Данный институт можно отнести, скорее, к обычно-правовой части международного уголовного права, не имеющей императивного характера. Такой пробел может быть отрицательным фактором установления

двустороннего контакта между странами по вопросам правовой помощи по уголовным делам.

Таким образом, принцип взаимности является действенным инструментом правовой помощи по уголовным делам в случае, когда между двумя государствами отсутствует договорная база по данному вопросу. Оказание правовой помощи на принципе взаимности — это суверенное право государства, оно не является императивным обязательством. Неисполнение «гарантии взаимности» в будущем является основанием для отказа в правовой помощи.

1. Германия экстрадировала в Казахстан подозреваемого в мошенничестве россиянина [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Интерфакс.ру». URL: <https://www.interfax.ru/world/806365> (дата обращения: 15.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Киселев М. А. Проблема применения принципа взаимности в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2 (13). С. 72–73. [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г., № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=3;-227 (дата обращения: 15.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Зайцева Е. А., Сидорова Н. В. Регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: международный и внутригосударственный аспекты // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. Вып. 2 (49). 2019. Волгоград : ВА МВД России, 2019. С. 85–94. [Вернуться к статье](#)

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 марта 2003 г., № 122-XV : введен в действие 12 июня 2003 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 15.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 341

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О. Н. Толочко

Белорусский государственный университет,
профессор кафедры государственного управления,
доктор юридических наук, доцент

Аннотация. Анализируются механизмы международного сотрудничества государств в противодействии чрезвычайным ситуациям, авариям и бедствиям, включая имплементацию Сендайской рамочной программы. Обосновывается целесообразность заключения соглашения в рамках Евразийского экономического союза, а также принятия Закона о гражданской защите.

Ключевые слова: международное сотрудничество, чрезвычайные ситуации, гражданская защита, Сендайская рамочная программа.

Annotation. The mechanisms of international cooperation of states in countering emergency situations, accidents and disasters, including the implementation of the Sendai Framework Program, are analyzed. The expediency of concluding an agreement within the framework of the Eurasian Economic Union, as well as the adoption of the Law on Civil Protection, is substantiated.

Keywords: international cooperation, emergencies, civil protection, Sendai Framework.

Важнейшим элементом системы международной безопасности является сотрудничество государств в противодействии бедствиям, авариям и чрезвычайным ситуациям. Потребность в таком сотрудничестве возрастает по ряду причин, среди которых изменение климата, глобализация последствий чрезвычайных ситуаций, урбанизация и сосредоточение большого количества людей на ограниченных площадях, рост промышленности и, соответственно, количества техногенных аварий, развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры и многие другие. Эти проблемы исключительно важны для обеспечения устойчивого развития, национальной безопасности государств, поддержания международной стабильности и правопорядка.

В самом общем виде чрезвычайную ситуацию можно определить как обстановку или событие, характеризующиеся нарушением нормальных условий жизнедеятельности людей, вызванные причинами техногенного или природного происхождения (катастрофой, аварией, пожаром, стихийным бедствием, эпидемией, эпизоотией, эпифитотией), которые привели или могут привести к возникновению угрозы жизни или здоровью населения, причинению

материального ущерба, а также к иным негативным последствиям [1, с. 45]. Основными признаками чрезвычайной ситуации являются наличие реальной, потенциальной или неизбежной опасности для человека, общества, государства или ряда государств; комплексность существующей опасности относительно личности, общества и государства; необходимость создания временных органов управления и перераспределения полномочий; необходимость применения чрезвычайных, ограничительных мер, реорганизации системы государственного управления. Чрезвычайные ситуации различаются по масштабам (количество погибших и пострадавших, площадь охвата и др.) и по видам источников (чрезвычайные ситуации природного характера, техногенного характера, биолого-социальные чрезвычайные ситуации, чрезвычайные ситуации, связанные с гуманитарной катастрофой и массовым переселением людей, и др.) [2].

В условиях возрастающей взаимозависимости государств и новых антропогенных, техногенных и природных вызовов и угроз международное сотрудничество в деле противодействия чрезвычайным ситуациям находится в фокусе внимания Организации Объединенных Наций (далее — ООН). Преодоление чрезвычайных ситуаций можно рассматривать в контексте цели, закрепленной в п. 3 ст. 1 Устава ООН: «...осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [3]. Защита от бедствий в том или ином виде включена также в Цели устойчивого развития (Цели 1, 2, 3, 6, 10, 11, 13, 14, 15, 17). Координацией глобального реагирования на чрезвычайные ситуации для спасения жизней и защиты людей в гуманитарных кризисах занимается Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, функции которого разделены между штаб-квартирой в Нью-Йорке (политические и информационные вопросы) и филиалом в Женеве (реагирование на чрезвычайные ситуации, планирование, проведение восстановительных мероприятий и др.). В 2005 г. был создан Центральный фонд чрезвычайного реагирования с упрощенным механизмом получения финансовой помощи, который финансируется правительствами государств — членов ООН; крупнейшими донорами являются Соединенные Штаты Америки, Швеция, Великобритания, Федеративная Республика Германия, а также Европейская комиссия. В качестве одного из структурных подразделений Управления функционирует UNDAC — Организация ООН по оценке и координации стихийных бедствий, которая реагирует на бедствие по запросу пострадавшего государства. UNDAC состоит из представителей государств-членов, каждое из которых, получив запрос, принимает решение о предоставлении помощи. В целом Управление по координации гуманитарных вопросов представляет

собой глобальную систему оперативного мониторинга, прогнозирования и реагирования на чрезвычайные ситуации различного характера с учетом их специфики и географического региона.

Важное место в международной системе противодействия чрезвычайным ситуациям занимают специализированные учреждения, фонды и программы ООН (Всемирная организация здравоохранения, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Международный валютный фонд, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Всемирная метеорологическая организация, Международное агентство по атомной энергии, Международная организация гражданской авиации, Всемирная продовольственная программа и др.), деятельность которых помогает преодолевать чрезвычайные ситуации специфического характера (радиационные, химические, промышленные аварии, эпидемии и пандемии).

Созданная в 2019 г. Глобальная платформа ООН по сокращению рисков стихийных бедствий организует подготовительные встречи узких специалистов по соответствующей проблеме и официальные мероприятия с участием высокопоставленных чиновников, представителей международных организаций и бизнеса. Глобальная платформа собирается раз в два года по конкретной наиболее актуальной тематике.

Несмотря на то, что защита от чрезвычайных ситуаций и бедствий является новой сферой деятельности для международных организаций, таких организаций становится все больше. Как отмечает В. В. Лисаускайте, не все применяемые средства дают результат или устраивают по своей эффективности государства-участники или саму организацию. Но работа по выбору форм, их совершенствованию и корректировке содержания применительно к международной защите от бедствий продолжается [4, с. 16].

В настоящее время общий международно-правовой режим противодействия антропогенным и природным чрезвычайным ситуациям и пандемиям не создан, хотя определенные усилия, как было показано выше, предприняты и продолжают предприниматься. Заключены и действуют международные договоры, направленные на возмещение ущерба, причиненного техногенными авариями и катастрофами: Римская конвенция об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности, 1952 г.; Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. (с Протоколом 1992 г.); Парижская конвенция об ответственности перед третьими лицами в области атомной энергетики 1960 г.; Брюссельское соглашение об ответственности операторов атомных судов 1962 г.; Венское соглашение о гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб 1963 г.; Конвенция о гражданской ответственности в области морских

перевозок ядерных материалов 1971 г.; Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г. и др. В числе договоров, призванных обеспечить взаимодействие государств в деле предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий 1992 г., Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г., Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации 1986 г. и др.

Сотрудничество в рассматриваемой сфере предусматривается также документами интеграционных объединений (Европейский союз, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ)) и региональных международных организаций (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Шанхайская организация сотрудничества, Африканский союз). Так, например, Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций 2015 г. устанавливает, что в случае возникновения чрезвычайной ситуации или появления угрозы ее возникновения на территории одной из сторон эта сторона может обратиться с запросом о предоставлении помощи к другой стороне или сторонам; при этом условия предоставления помощи определяются в каждом конкретном случае по договоренности между запрашивающей и предоставляющей сторонами.

Базовым документом, на котором строится в настоящее время глобальная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, является подготовленная в рамках поручения Генеральной Ассамблеи ООН Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы [5]. Положения Сендайской рамочной программы имплементированы во внутреннее законодательство многих государств, в том числе Республики Беларусь. В нашей стране они учтены в таких программных документах, как Национальная стратегия по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года, Основные направления реализации государственной политики в области гражданской обороны и Государственная программа «Урегулирование чрезвычайных ситуаций» на 2021–2025 годы, которые обеспечивают работу системы прогнозирования и мониторинга и способствуют снижению риска промышленных, ядерных, радиационных и иных аварий.

Национальная стратегия по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года предусматривает создание нормативной базы, основанной на положениях Сендайской рамочной программы, в том числе разработку Кодекса о гражданской защите в срок не позднее 2030 года. Вместе с тем опыт зарубежных государств (например, Республики Казахстан) показывает, что нормативное обеспечение противодействия чрезвычайным

ситуациям как мирного, так и военного времени может быть эффективным на уровне Закона о гражданской защите, в который включены все нормы, относящиеся к системе гражданской защиты, включая гражданскую оборону, а также организационная и техническая сторона системы гражданской защиты, предупреждение чрезвычайных ситуаций, ликвидация чрезвычайных ситуаций и их последствий, обеспечение пожарной и промышленной безопасности, расследование инцидентов и аварий, формирование и использование резерва, статус сотрудников органов по чрезвычайным ситуациям и др. [6]. Объем казахстанского Закона составляет 109 статей, включая положения о введении в действие. Как представляется, нет необходимости в разработке отдельного Кодекса о гражданской защите. Что же касается сроков подготовки Закона, то с учетом общественной потребности и довольно богатого отечественного и зарубежного опыта срок до 2030 года следует значительно сократить.

С учетом тенденции к нарастанию количества и масштабов чрезвычайных ситуаций и бедствий представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании в структуре Министерства здравоохранения Республики Беларусь Службы медицины катастроф с соответствующим организационно-техническим обеспечением.

Вопросы международного сотрудничества и коллективных мер по противодействию чрезвычайным ситуациям должны найти отражение также в документах ЕАЭС. Целесообразно инициировать подготовку (в виде отдельного Приложения к Договору о ЕАЭС 2014 г.) документа о сотрудничестве и помощи в случае возникновения на территории государства-участника чрезвычайной ситуации техногенного или природного характера, в котором предусмотреть порядок обращения за помощью, ее объем, проведение аварийно-спасательных работ, а также меры по возможному финансированию ликвидации последствий чрезвычайной ситуации.

Таким образом, чрезвычайные ситуации техногенного, антропогенного, природного характера являются одним из серьезных вызовов международной и национальной безопасности. Стремительно меняющаяся в связи с изменением климата, экономической трансформацией и политическими факторами ситуация свидетельствует о том, что на данном направлении требуются новые, более решительные меры.

1. Андреев С. А. Концептуальные подходы к трактовке понятия «чрезвычайная ситуация» // Современные проблемы гражданской защиты. 2015. Вып. 1 (14). С. 42–51. [Вернуться к статье](#)

2. К вопросу о классификации чрезвычайных ситуаций / С. В. Горбунов [и др.] // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2015. № 2. С. 61–73. [Вернуться к статье](#)
3. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.10.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Лисаускайте В. В. Международные организации как субъект международного механизма защиты от бедствий // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 5–17. [Вернуться к статье](#)
5. Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы [Электронный ресурс] // Управление ООН по снижению риска бедствий UNISDR. URL: https://www.unisdr.org/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf (дата обращения: 10.10.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. О гражданской защите [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 11 апр. 2014 г., № 188-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000188> (дата обращения: 10.10.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА КАК УСЛОВИЕ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

А. Е. Федулова

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
преподаватель кафедры информационно-аналитического
и документационного обеспечения
деятельности органов внутренних дел

Аннотация. В статье исследуется вопрос необходимости повышения уровня правовой культуры общества как ключевого условия построения правового государства.

Ключевые слова: правовое сознание, правовое познание, правовое понимание, правовая культура, правовое государство.

Annotation. The article examines the issue of the need to raise the level of legal culture of society as a key condition for building a rule of law state.

Keywords: legal consciousness, legal cognition, legal understanding, legal culture, legal state.

Важнейшим условием реализации идей гуманизма в праве и правовой системе, определяющим эффективность применения права, является в первую очередь правовое сознание. Отечественная теория правового сознания развивалась на протяжении всей истории: от дореволюционной до современной, претерпевая многочисленные изменения. Во второй половине XX века правосознание являлось основной проблемой юридической науки. Исследование данной проблемы позволяло продемонстрировать деятельность различных социальных групп, классов в сфере права, их ценности и установки, пути правового воспитания гражданина социалистического государства, формирования правовой культуры. Проблема правового воспитания не теряет своей актуальности и по сей день.

Правовое сознание есть у каждого, его не может не быть, вопрос лишь в соответствии уровня правосознания граждан целям правового государства. И. А. Ильин в своем сочинении «О сущности правосознания» писал: «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди» [1, с. 314]. Главной задачей в настоящее время является повышение уровня правовой культуры граждан, формирование их правового сознания. Именно высокая правовая культура является необходимым условием для развития правового государства, формирования гражданского общества и укрепления национального согласия. Без высокой правовой

культуры граждан невозможна реализация принципов верховенства закона, приоритета человека, его прав и свобод, защиты публичных интересов.

Правовая культура как отражение состояния общества в тот или иной исторический период имеет тесную связь с правопорядком. Когда право статично, правовая культура также статична, а правовые отношения будут определяться уровнем правосознания субъектов. Именно высокий уровень правосознания создает баланс между правомерным и противоправным поведением. Общеизвестно, что юриспруденция основывается на аксиоме — незнание закона не освобождает от ответственности. Одними из причин деликтных правоотношений являются пробелы в правовом сознании. Следовательно, повышение уровня правовой культуры, устранение пробелов правосознания — это одновременно и цель, и показатель эффективности деятельности государственных органов.

Таким образом, правовое воспитание является одним из приоритетных направлений государственной деятельности и реализуется путем создания необходимых условий для развития правовой грамотности и правосознания граждан, защиты их прав и интересов, посредством доступности квалифицированной юридической помощи, распространения информационных материалов, пропаганды в средствах массовой информации, правового просвещения, обучения, воспитания и т. п. Правовое сознание определяет ключевые направления развития общества и оказывает существенное влияние на гражданскую активность личности. Незрелое правосознание, разрыв между нормой закона и отношением к ней со стороны общества неизбежно приводят к таким серьезным последствиям, как правовой инфантилизм, нигилизм, неприятие законов, преступное поведение и т. д.

Признавая значение правового воспитания со стороны государства, нельзя не отметить, что оно не способно (и не должно) заменить правовое самовоспитание граждан. Правовое воспитание — это процесс воздействия на сознание человека с целью повышения уровня его знаний о праве, воспитания уважения к закону и определения его точного соблюдения на основе собственных убеждений. Правовое самовоспитание — это интеллектуально-волевое воздействие субъекта на собственное сознание с целью изучения права [2, с. 27].

В рамках данного исследования нас интересует не педагогическая составляющая воспитания личности, а процесс правосознания, правопознания и правопонимания как интеллектуальная деятельность субъекта права. Для начала следует определить указанные категории. Так, под правосознанием понимается отношение человека к праву, выраженное в форме чувств, эмоций, идей. Правопознание — это активные действия субъекта познания по получению знаний о праве. Правопонимание — это процесс осмысления полученных знаний о праве, их смысла, содержания, значения и т. д., результат познания права.

Взаимосвязь рассматриваемых категорий представляется следующей: субъект права посредством интеллектуально-познавательной функции своего правосознания осуществляет познание права, а результатом познания права является правопонимание. Следовательно, целями правосознания является познание и понимание права, а потребность в правопонимании ведет к правопознанию. Однако стоит отметить, что целью правосознания является такое поведение индивида, которое не просто соответствует строгому соблюдению норм права, а поведение, основанное на уважении к праву, на осознании важности права, его справедливости и ценности.

Познание осуществляется благодаря познавательной функции сознания. Следовательно, процесс познания права является отражением способности субъекта права к правовому самовоспитанию, правовому саморазвитию. Целью процесса правопознания является достижение субъектом необходимого знания о праве, формирование уважения к закону (теоретическая цель) и, как следствие, его точного соблюдения на основании собственных убеждений, применение «понимаемого» права (практическая цель). Именно это способствует укреплению законности и правопорядка, что является необходимым условием формирования правового государства и гражданского общества. Очевидно, что для того, чтобы в последующем субъект познания смог реализовать в жизнь знания о праве, полученные им в процессе познания, эти знания должны быть понятными и уясненными.

Правовое воспитание невозможно осуществить без интеллектуально-волевых действий субъекта по правосознанию, при этом при самовоспитании субъект самостоятелен в выборе направления волевых усилий, в определении приоритетов. Интеллектуально-волевые действия в процессе познания права могут выражаться в изучении научных трудов, законодательства, судебной практики, в результате чего субъект получает информацию, которую затем анализирует и критически оценивает. Следуя таким мыслительным операциям, субъект сам определяет основные ориентиры познания права. Определившись с выбором направления познания, субъект способен сформулировать для себя цели и задачи, а также разработать методы собственного правового исследования, на основе результатов которого он может сделать конкретные выводы.

Сам процесс познания возбуждается под эмоцией интереса к праву, побуждая субъекта к познавательному процессу, с целью углубления и расширения уже имеющихся у него, а также получения новых знаний о праве, развития правовых умений и навыков. Так, эмоция интереса побуждает субъекта к действию — поиску правовой информации. Результатом слияния интереса и действия является правовая воля. Так происходит формирование волевого компонента правосознания [2, с. 29].

Стоит обратить внимание, что если для правопознания отправной точкой является эмоция интереса к праву, то для применения права этой точкой будет являться правопонимание. А. С. Бондарев отмечает, что правоприменение является активной деятельностью субъекта права, которая выходит за пределы его правосознания в область правовой культуры [3, с. 7].

Под правовой культурой понимается общий уровень правовых знаний, отношение общества к праву; совокупность правовых знаний в виде норм права, правовое мышление, установки, идеи, взгляды и убеждения, создаваемые в процессе жизнедеятельности; знания о критериях правомерного и противоправного поведения. Правосознание выступает одним из элементов правовой культуры.

Справедлив вывод А. С. Бондарева о том, что невозможно взаимодействие правосознания и права вне правовой культуры. Правовую культуру исследователь разделяет на две составляющие, где первая — законы, судебные решения, иные правоприменительные акты, а вторая — знание права, позитивная правовая убежденность и правовая активность, основой которых служит правосознание, включающее в себя правовые идеологию и психологию. При этом, чтобы совершенствовать первую составляющую правовой культуры, необходимо воздействовать на вторую, то есть совершенствовать законодательство через правосознание [3, с. 9].

Правовая культура является необходимым условием правового государства, в противном случае любая форма правления становится антидемократичной, следовательно, формирование правовой культуры нужно проводить у всех слоев населения путем правового воспитания, информирования, пропаганды, просвещения и обучения, кроме того, важным является создание высокого уровня развития юридической науки и образования [4, с. 119].

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что государственная деятельность, направленная на повышение уровня правового сознания граждан, может быть эффективной только при условии наличия стойкой внутренне согласованной системы законодательства. Если законодательство характеризуется нестабильностью и противоречивостью норм, у общества не будет стремления следовать закону, не нарушать его, что, как следствие, может привести к отчуждению человека от права. Аристотель в своем труде «Политика» категорически утверждает, что «человек, живущий вне закона и права, — наихудший из всех» [5, с. 380]. Уважение к законам государства — основное условие построения правового государства, господства режима законности и правопорядка. Таким образом, преследуя цель повышения уровня правового сознания граждан, в первую очередь необходимо начать с устранения несовершенства законов,

механизма их применения и исполнения, повышения эффективности деятельности государственных органов власти.

-
1. Ильин И. А. Теория права и государства. М. : Зерцало, 2008. 550 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Манакова Л. К. Правосознание, правопознание, правопонимание (к вопросу о правовом самовоспитании) // Ленингр. юрид. журн. 2019. № 1 (55). С. 27–37. [Вернуться к статье](#)
 3. Бондарев А. С. Правосознание — неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры // Вестн. Перм. ун-та. 2016. № 1 (31). С. 6–15. [Вернуться к статье](#)
 4. Осипов Р. А. Правовая культура и ее роль в правовом государстве // Ученые зап. Тамбов. отд-ния РоСМУ. 2021. № 21. С. 114–120. [Вернуться к статье](#)
 5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 378

ПОНЯТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ

А. С. Андрианова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

***Аннотация.** В статье рассмотрены существующие в науке подходы к пониманию категории «мышление», определено понятие, содержание, структура понятийного мышления, установлена взаимосвязь между формированием понятийного мышления и развитием академической компетентности курсантов.*

***Ключевые слова:** мышление, понятийное мышление, курсант, академическая компетентность.*

***Annotation.** The article examines the existing approaches in science to understanding the category of «thinking», defines the concept, content and structure of conceptual thinking, establishes the relationship between the formation of conceptual thinking and the development of academic competence of cadets.*

***Keywords:** thinking, conceptual thinking, cadet, academic competence.*

Формирование у большинства людей клипового мышления, специфика которого состоит в том, что субъект воспринимает окружающий мир как совокупность разрозненных фактов, образов и не способен анализировать, критически оценивать поступающую информацию, актуализирует проблему целенаправленной работы по развитию понятийного мышления, выступающего антиподом клипового мышления [1]. Следует отметить, что клиповое мышление характерно для всех категорий населения, что связано с распространением информационных технологий и широким применением их во всех сферах жизнедеятельности общества.

Целью данной статьи является анализ подходов к пониманию содержания и структуры понятийного мышления как психолого-педагогической категории и определение его роли в развитии академической компетентности курсантов.

Изучение научных работ позволяет выделить следующие подходы к раскрытию содержания категории «мышление».

В философии мышление рассматривается как процесс отражения окружающего мира в сознании субъекта, внутренний диалог, направленный на поиск истины [2, с. 332–333].

С точки зрения психологии мышление является многоаспектным понятием, включающим в себя следующие содержательные конструкты:

- процесс мыслительной деятельности человека;
- процесс обобщенного отражения окружающей действительности;
- процесс установления взаимосвязи между изучаемыми явлениями и предметами [3, с. 256].

Таким образом, под мышлением в психологии понимается психологический процесс, направленный на анализ и обобщение данных, полученных в ходе восприятия человеком информации. В результате у субъекта познания формируется определенное индивидуальное представление о явлениях и предметах окружающей действительности, адекватность которого зависит от множества факторов, главными из которых являются имеющиеся у индивида объективные научные знания.

На основе бихевиористских и ассоцианистских теорий мышления в психологии появились новые подходы к изучению мыслительной деятельности человека, основанные на установлении роли внешних причин (задач) в возникновении и направленности мыслительного процесса. В результате экспериментальных исследований была выявлена зависимость между поставленной задачей и направленностью мышления: проблемная ситуация детерминирует мыслительный процесс, порождая новое знание. В результате сложились следующие психологические теории продуктивного (понятийного) мышления:

1. Гештальтистские теории мышления (М. Вертгеймер, Л. Секей, К. Дункер, Н. Майер и др.). Суть данных теорий состоит в том, что при наличии проблемной ситуации появляется стимул для начала мыслительного процесса, а также создаются условия, определяющие порядок решения поставленной задачи. Была предложена классификация типов знаний, полученных в результате мыслительной деятельности:

- начальное (исходное) знание;
- средство мышления;
- результат мышления.

2. Психоаналитические теории мышления (Д. Хэмфри, И. Мальтцман, Б. Мэрдок, Д. Берлайн и др.). Данные теории основаны на установлении наличия субъективной детерминации направленности мыслительного процесса, влияния внешних условий и предыдущих неудачных попыток на процесс решения поставленной задачи. Целью исследователей — приверженцев данных

теорий — являлось установление внешних и внутренних факторов, детерминирующих результативность мыслительной деятельности человека.

3. Теории операционального состава мышления (О. Зельц, П. Линдсей, Д. Норман, Ж. Пиарже и др.). Теоретики данного направления рассматривали мышление как совокупность последовательных операций (фаз) по решению конкретной задачи и получению того либо иного результата, включая и эвристический поиск, предполагающий разработку стратегии мыслительной деятельности [4, с. 5–8].

4. Деятельностные теории мышления (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский и др.). Базисом данной группы теорий мышления является тезис о том, что наличие проблемной ситуации (внешние стимулы) — необходимое, но не достаточное условие для начала мыслительной деятельности. Требуется еще внутренний стимул, в качестве которого выступает сознание индивида. Отсутствие знаний не позволит субъекту понять условие задачи и, как следствие, во-первых, определить последовательность действий, направленных на ее решение, а во-вторых, руководить своей деятельностью и оценивать ее результативность [5, с. 52–53].

Понимание мышления с точки зрения педагогики основано на деятельностном подходе в психологии к раскрытию сущности мыслительной деятельности: мышление — совокупность взаимосвязанных операций, элементов познавательной деятельности человека, включающей в себя такие компоненты, как восприятие и отражение в сознании обучающегося окружающей действительности, а также выявление, анализ и обобщение существенных свойств, характеристик явлений и предметов, формулирование умозаключений, гипотез, теорий и т. д. [3, с. 257].

Исходя из данной формулировки, можно выделить следующие сущностные признаки понятийного мышления:

1. Умение анализировать явления окружающей действительности, выделять главное в их структуре.
2. Умение устанавливать причинно-следственные связи, прогнозировать варианты развития изучаемых явлений.
3. Умение упорядочивать, систематизировать данные, делать обоснованные выводы.

Вышеперечисленные умения входят в структуру деятельностного компонента академической компетентности курсантов, включающего в себя «умение анализировать и систематизировать факты, имеющие юридическое значение, обобщать и делать выводы; умение работать с научной и учебной литературой, нормативными правовыми актами; коммуникативные умения; умение

планировать свою деятельность; умение распределять внимание одновременно на несколько объектов» [6, с. 110].

Основу понятийного мышления составляют понятия, знания которых не могут быть сформированы в процессе повседневной жизни, для этого необходим управляемый процесс познания, начинающийся еще в школе и продолжающийся в процессе обучения в учреждениях профессионально-технического, среднего специального и (или) высшего образования.

Понятие выступает содержательной единицей знания, включающей в себя обобщенную совокупность существенных признаков предметов и явлений окружающей действительности, а потому является основой для построения всех наук, представляющих собой, по сути, иерархическую совокупность понятий. Дуалистическая природа понятия выражается в том, что оно, с одной стороны, представляет собой результат мыслительной деятельности человека, а с другой — основу данной деятельности.

В процессе онтогенетического развития у индивида формируется собственная понятийная система, эволюция которой от конкретного к абстрактному мышлению проходит несколько этапов. В связи с этим в зависимости от «концептуальной сложности» выделяют следующие типы индивидуальных понятийных систем:

1. Индивидуальная понятийная система первого типа, для которой характерны минимальные проявления дифференциации и интеграции понятий.

2. Индивидуальная понятийная система второго типа, отличающаяся недостаточным уровнем интеграции при повышении уровня дифференциации понятий.

3. Индивидуальная понятийная система третьего типа, характеризующаяся многоаспектностью восприятия признаков предметов и явлений, а также расширением спектра альтернативных интерпретаций понятий.

4. Индивидуальная понятийная система четвертого типа, отличительной особенностью которой является высокий уровень дифференциации и интеграции понятий [7, с. 39–40].

Особенности организации индивидуальных понятийных систем в зависимости от степени их «концептуальной сложности» представлены на рисунке.

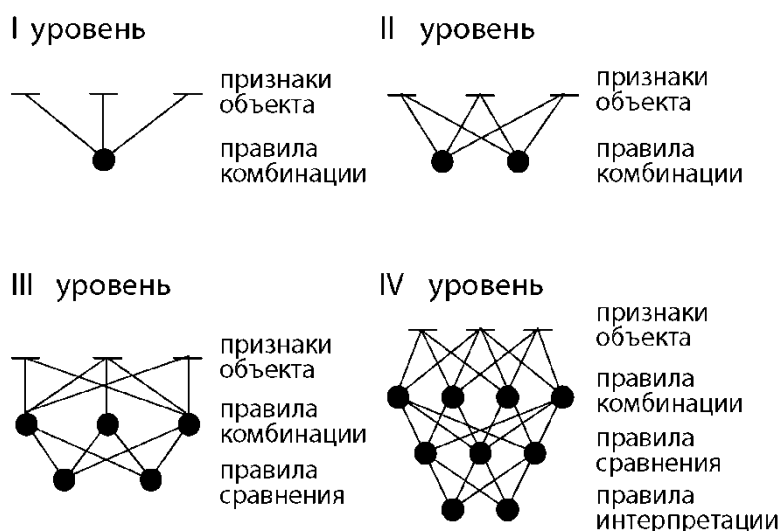

Рисунок — Уровни организации индивидуальных понятийных систем по критерию «степень концептуальной сложности» [7, с. 38]

Из рисунка видно, что сложность индивидуальной понятийной системы зависит от двух параметров: дифференциация (увеличение количества) и интеграция между понятиями (установление связей, увеличение количества комбинаций, интерпретация признаков и т. д.). Наличие понятийного мышления позволяет объективно оценивать и правильно интерпретировать явления и процессы окружающего мира, принимать адекватные решения в конкретных жизненных ситуациях и успешно их реализовывать.

Оценить уровень развития понятийного мышления можно по таким критериям, как системность знаний категориального аппарата науки; умение операционализировать мыслительную деятельность; умение интерпретировать, сравнивать явления и процессы окружающей действительности, обрабатывать большие объемы информации, критически оценивать полученные результаты мыследеятельности, абстрагировавшись от эмоций и субъективных представлений.

Подводя итоги, следует отметить, что понятийное мышление как высший уровень интеллектуального развития личности представляет собой результат управляемой познавательной деятельности человека. Являясь основой деятельностного компонента академической компетентности курсантов, данный тип мышления является необходимым условием повышения продуктивности познавательной деятельности обучающихся, личностного роста и эффективной интеграции в сферу профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

1. Почему в современном мире начинает преобладать клиповое мышление [Электронный ресурс] // NewGoal.ru. URL: <https://newgoal.ru/klipovoe-myshlenie/> (дата обращения: 21.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с. [Вернуться к статье](#)
3. Вострикова Н. М. Понятие «мышление» в психолого-педагогической литературе // Сибир. пед. журн. 2012. № 8. С. 255–259. [Вернуться к статье](#)
4. Гурова Л. Л. Психология мышления. Москва : ПЕР СЭ, 2005. 136 с. [Вернуться к статье](#)
5. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования : моногр. / Акад. наук СССР. Ин-т философии. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 151 с. [Вернуться к статье](#)
6. Андрианова А. С. Академическая компетентность курсантов как объект педагогического исследования // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2019. № 2 (33). С. 107–115. [Вернуться к статье](#)
7. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. 288 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПРАВОВЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Л. М. Балакирева

Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат исторических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассматриваются цифровые технологии, используемые в современном образовательном процессе, а также их влияние на оптимизацию обучения правовым дисциплинам.*

***Ключевые слова:** цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, дистанционное обучение, цифровые образовательные платформы, формирование профессиональных компетенций.*

***Annotation.** The article discusses digital technologies used today in the educational process, as well as their impact on the optimization of teaching legal disciplines.*

***Keywords:** digitalization, information and communication technologies, distance learning, digital educational platforms, formation of professional competencies.*

Информатизация сегодня является одной из ключевых задач в повышении уровня современного образовательного процесса на основе использования новых информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) и технических средств. Это связано с глобальной цифровизацией общества. Основными ориентирами становятся информационные данные и умение качественно обрабатывать их. Из этого следует, что одной из главных задач современной системы образования является разработка учебных методик и программ с использованием современных цифровых информационных технологий.

Цифровизация позволяет последовательно решать ряд задач, таких как техническое оснащение, создание необходимых дидактических средств, создание электронно-коммуникационных средств, разработка новых технологий обучения.

Сам термин «цифровые информационно-коммуникационные технологии» означает сочетание обучающих методик и процессов с техническими средствами, которые комбинируются с целью сбора, качественной обработки, хранения, распространения, отражения и использования информации [1, с. 106]. Так, ИКТ включают в себя разные программно-аппаратные средства и устройства,

системы информационного обмена, обеспечивающие передачу информации [2, с. 62–63]. Кроме того, ИКТ являются способом подачи материала и методом контроля, что значительно упрощает образовательную деятельность и делает ее интересной для обучающихся, ибо с помощью информационно-коммуникационных технологий возможно:

- решить ряд коммуникационных задач;
- реализовать индивидуальный подход в процессе обучения;
- обеспечить интерактивный формат взаимодействия преподавателя и студентов;
- применять аудиовизуализацию в качестве инструмента наглядности, повышающего степень усвояемости изучаемой темы;
- улучшить качество самостоятельной работы студентов на основе предоставления широкой возможности поиска необходимых учебных и прочих материалов, а также их творческого использования.

Что касается обучения именно правовым дисциплинам, то ИКТ развивают у обучающихся компетенции в сфере:

- поиска и использования нормативно-правовых ресурсов;
- создания либо переработки текстов различного характера, презентаций на заданную тему;
- заполнения электронных форм-шаблонов на официальных сайтах;
- работы с государственными электронными информационными системами, видеоплатформами;
- выполнения разнообразных проектов правовой направленности в цифровом формате и т. д.

Другими словами, ИКТ позволяют повысить мотивацию студентов к обучению, а следовательно, и результативность такового. Данные технологии применяются в процессе как очного, так и дистанционного обучения.

Базовой цифровой сетью и одновременно информационно-коммуникационной технологией сегодня является Интернет. Именно эта система обеспечивает возможность быстрой глобальной коммуникации, хранения и передачи огромного объема информации, функционирования различных аффилированных образовательных платформ.

Именно широкое внедрение в последнее время в образовательный процесс интернет-технологий позволяет организовать дистанционное обучение (далее — ДО) при опосредствованном (на расстоянии) или не полностью опосредствованном взаимодействии обучающихся и педагогов.

К наиболее часто используемым в учебном процессе средствам ДО относятся:

- научно-образовательные сайты;

- электронные энциклопедии и справочники;
- справочно-правовые системы;
- программы онлайн-тестирования и симуляторы;
- электронные дидактические материалы и учебники;
- аудио- и видеоматериалы по изучаемой теме.

Другим цифровым инструментом, который приобрел в последнее время широкую популярность, стали вебинары [3, с. 98]. Вебинар — это интерактивный онлайн-семинар, практическое занятие, консультация, которые преподаватель проводит в режиме реального времени с использованием средств аудиовизуализации. В ходе вебинара возможна демонстрация обучающимся презентаций, видеозаписей судебных заседаний, прямых видеотрансляций мероприятий правового характера, коммуникация через онлайн-чат, использование виртуальной доски, осуществление онлайн-опросов, помощь в решении правовых задач и т. д. [4, с. 698]. Однако главным достоинством данного способа обучения является то, что преподаватель может курировать удаленную аудиторию, которая в силу разных причин не может получать образование в очной форме. При этом качество обучения при наличии у студентов соответствующей мотивации достаточно высокое, как показал опыт онлайн-обучения в период недавней пандемии Covid-19.

Настоящим прорывом в области дистанционных образовательных технологий многие преподаватели правовых дисциплин считают внедрение образовательных цифровых платформ. Среди них выделяют Ispring Learn, WebTutor, Moodle, которые позволяют:

- загружать и хранить учебные курсы, презентации, тесты и интерактивные диалоги, документы, видео, аудио, справочные документы, презентации, flash-файлы в различных цифровых форматах;
- создавать и редактировать курсы и траектории обучения;
- добавлять пользователей, объединять их в группы и предоставлять им доступ к учебным материалам;
- мотивировать пользователей к обучению с помощью элементов геймификации;
- проводить обучение через мобильное приложение в офлайн-режиме;
- проводить и записывать вебинары;
- формировать подробные отчеты по курсам, пользователям, мероприятиям и т. д.

В Северо-Кавказском федеральном университете внедрена платформа Moodle, которую активно используют и преподаватели юридического института. К достоинствам данного цифрового инструмента можно отнести хороший

интерфейс, простоту использования, широкий набор предоставляемых возможностей.

Так, при формировании отдельной темы курса можно добавлять элементы из списка, включающего 24 наименования, куда входят в том числе анкетные опросы, видеоконференции, глоссарии, гиперссылки, задания различных типов, обычные опросы, пояснения, книги и периодика из ЭБС (Электронно-библиотечная система), материалы из справочных правовых систем, тексты, файлы, форумы, чаты и т. д. Текст лекции можно прикрепить к нужной теме как отдельный файл. Практические занятия закрепляются как «Задания». В этом окне, кроме, собственно, формулировки самих заданий, можно поместить инструкции об особенностях решения задач на правовую тему, анализа законодательства, подбора подходящей юридической литературы и прочие указания, способствующие правильному пониманию студентами сути поставленных вопросов. Кнопки настроек, имеющиеся в меню каждой темы, позволяют редактировать уже внесенные материалы, производить другую необходимую корректировку.

В ходе освоения курса доступ к нему всегда открыт пользователям до того момента, пока они остаются в списке слушателей. Это оптимизирует процесс обучения, делает его более удобным, т. к. студенты могут самостоятельно выбирать срок выполнения того или иного задания (если, конечно, четкие временные рамки не определены заранее); пользоваться всем объемом закрепленного в курсе дисциплины материала и после окончания ее изучения в случае возможных пересдач. Преподаватель также может свободно планировать свое время, которое необходимо для проверки выполненных заданий.

Наконец, система Moodle позволяет формировать, просматривать и выгружать разнообразные отчеты об учебной деятельности студентов по освоению дисциплины. Так, в частности, преподаватель может отследить выполнение заданий в русле формирования конкретных компетенций (например, профессиональных юридических), а также ход выполнения заданий курса; пролистать «Журнал событий», в том числе в реальном времени; увидеть отчеты о результатах конкретной деятельности, участия студентов в конкурсах, статистику посещения обучающей платформы каждым конкретным лицом.

Таким образом, ИКТ являются неотъемлемой частью современного процесса обучения. Будущие юристы должны владеть всем цифровым инструментарием, необходимым как для обретения определенных государственным стандартом компетенций, так и дальнейшей профессиональной деятельности в информационном обществе.

1. Текучева И. В., Баранова О. В. Электронный учебный курс как средство формирования профессиональных компетенций бакалавров // Междунар. науч.-исследоват. журн. № 2 (116). Ч. 3. 2022. С. 106–112. [Вернуться к статье](#)
2. Булатова А. В. Информационно-коммуникационные и дистанционные технологии в процессе преподавания правовых дисциплин // Вестн. науки и образования. № 17 (120). Ч. 1. 2021. С. 62–64. [Вернуться к статье](#)
3. Ежова Ю. М. Особенности организации образовательного процесса в условиях информационно-образовательной среды // Азимут научных исследований. Педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 96–100. [Вернуться к статье](#)
4. Тарханова И. Ю. Новая дидактика: академический и постакадемический дискурс // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. Вып. 7. С. 695–699. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.515

**ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ****О. А. Бойко**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин

***Аннотация.** В статье рассматриваются категории «честь» и «достоинство» осужденных и определяются права осужденных на честь и достоинство в местах лишения свободы, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством.*

***Ключевые слова:** честь, достоинство, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы, осужденные.*

***Annotation.** The article deals with the categories of «honor» and «dignity of convicts» and defines the rights of convicts to honor and dignity in places of deprivation of liberty, provided for by the penal legislation.*

***Keywords:** honor, dignity, penitentiary system, places of deprivation of liberty, convicts.*

Достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация и другие личные неимущественные права принадлежат гражданину от рождения или в силу законодательства и являются неотчуждаемыми и непередаваемыми. Нарушение этих прав нередко связано с огромными нравственными переживаниями для человека, поэтому очень важно защитить себя и, конечно, необходимо знать, как это сделать грамотно.

Конституция Республики Беларусь объявила человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью общества и государства, а обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь — высшей целью государства. Государство гарантирует свободу, неприкосновенность и достоинство личности [1]. Ничто не может быть основанием для унижения достоинства человека. Каждый человек имеет право на защиту своих чести, достоинства и имени. Конституция Республики Беларусь запрещает жестокие или унижающие достоинство человека обращение и наказание, которые рассматриваются как оскорбление человеческого достоинства и осуждаются как нарушение прав и основных свобод человека, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года.

Кризис, происходящий в нравственной сфере современного общества, отражается и на лицах, содержащихся под стражей, а также осужденных к различным видам уголовных наказаний, в том числе к лишению свободы. Они являются одной из категорий граждан, в наибольшей степени нуждающейся

в защите чести и достоинства. Защита личности осужденного в местах лишения свободы — проблемный и весьма острый вопрос. Попадая в места лишения свободы, человек сталкивается с непривычными условиями жизни, постепенно приспосабливаясь к ним. Социальный статус осужденного определяется его материальным состоянием, физическими данными, а также нередко покровительством со стороны преступных авторитетов. Как следствие, нередки случаи посягательства на честь и достоинство личности осужденного. В связи с этим актуализируется проблема защиты прав осужденных, которая может быть решена в следующих направлениях. Осужденный может принять и тем самым перенести оскорбление «молча», но, как следствие, потерять честь и достоинство, перейдя в категорию «отверженных», пресечь оскорбление с применением насилия, что противоречит законодательству, либо обеспечить защиту законным путем.

Исходя из вышеизложенного, можно смело говорить о том, что категории «честь» и «достоинство» в социальной системе нравственных ценностей и правовых благ осужденных занимают важное место. Свидетельство тому — обращения осужденных в суды различных инстанций по вопросам посягательства на данные ценности. Лицам, отбывающим наказание, в большинстве своем свойственно игнорирование общепринятых человеческих ценностей, нравственности и морали, однако осужденные очень остро реагируют на факты нарушения их права на честь и достоинство. Для обеспечения защиты указанных прав Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь определено, что осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны работников органа или учреждения, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, а также предусмотрено положение, в соответствии с которым осужденные не должны подвергаться жестокому, бесчеловечному либо унижающему их достоинство обращению. Данные требования конкретизируются нормами Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, в соответствии с которыми сотрудники мест лишения свободы обращаются к осужденным на «Вы» и должны называть их «гражданин» или «гражданка» и далее по фамилии либо, соответственно, «осужденный». При соблюдении указанного требования осужденный не утрачивает чувства собственного достоинства и стремится его поддерживать в общении с персоналом и иными лицами, посещающими учреждения уголовно-исполнительной системы [2].

Тесно связано с правом на честь и достоинство право на имя. Право на имя — одно из основополагающих личных неимущественных прав гражданина. Присвоение человеку имени — основной способ индивидуализации личности в обществе, позволяющий выделить человека из массы других людей как вполне определенного участника общественных отношений. Имя является

способом индивидуализации в обществе, обозначения личности, отличает человека от других и связывает всю совокупность представлений о внешних и внутренних качествах его носителя. Для защиты соответствующих прав, в том числе и от самих осужденных, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений осужденным запрещается давать и присваивать друг другу клички.

Отдельно уголовно-исполнительным законодательством предусмотрена защита чести и достоинства осужденных в случаях привлечения их к дисциплинарной ответственности. В зависимости от характера проступка осужденный лишается определенных благ и даже может быть временно переведен в изолированное помещение (штрафной изолятор либо помещение камерного типа), что значительно ограничивает его в правах.

В случае несогласия осужденного с наложенным взысканием или иными действиями администрации реализация его права на защиту чести и достоинства обеспечивается Конституцией и нормами законодательства. Согласно статье 358¹ Гражданского процессуального кодекса, жалобы осужденных на применение к ним мер взыскания рассматривает суд по месту нахождения заявителя. Жалоба рассматривается с участием заявителя в случае признания судом его явки в судебное заседание обязательной, представителя учреждения, исполняющего наказание. Решение суда об обоснованности жалобы и отмене взыскания подлежит немедленному исполнению [3].

В случае нарушения прав осужденных, в том числе и права на честь и достоинство, Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь предусмотрено, что осужденные, отбывающие наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, имеют право обращаться с жалобами в администрацию органа или учреждения, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, суд, прокуратуру и другие государственные органы, общественные объединения по защите прав и свобод человека.

Все жалобы осужденные направляют через администрацию учреждений, исполняющих наказание, а администрация мест лишения свободы обязана в установленные законом сроки направить их адресату. Жалобы осужденных о нарушении их прав, адресованные в органы, осуществляющие государственный контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих наказания, цензуре не подлежат и не позднее суток направляются по назначению. Жалобы осужденных излагаются на белорусском, русском либо других языках, которыми они владеют, а в необходимых случаях осужденные имеют право пользоваться услугами переводчика [4].

В соответствии с гражданским законодательством, на требования о защите чести и достоинства (в том числе от лица осужденных) не распространяются сроки исковой давности. Действующее законодательство предусматривает защиту чести, достоинства в судебном и во внесудебном порядке. Наиболее распространенным и действенным из этих способов является судебная защита, поскольку в суде она осуществляется более полно, а решение суда подлежит обязательному исполнению соответствующими органами либо физическими лицами — нарушителями указанных прав. Основным способом защиты чести и достоинства является опровержение сведений, порочащих честь и достоинство осужденных, в том числе в средствах массовой информации. Помимо применения опровержения, в случаях нарушения их права на честь и достоинство осужденные также вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда.

Таким образом, одной из категорий граждан, нуждающейся в защите чести и достоинства, в соответствии с законодательством Республики Беларусь, являются лица, содержащиеся под стражей, а также осужденные к различным видам уголовных наказаний, в том числе к лишению свободы. Для обеспечения защиты указанных прав Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь определяется комплекс прав осужденных на вежливое обращение со стороны работников учреждения, исполняющих наказание, право на неприкосновенность имени осужденного, право осужденных на защиту чести и достоинства в случаях привлечения их к дисциплинарной ответственности. В случае нарушения прав осужденных, в том числе и права на честь и достоинство, уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь предусмотрено право осужденных на обращение с жалобами в администрацию органа или учреждения, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, суд, прокуратуру и другие государственные органы, общественные объединения по защите прав и свобод человека.

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 13 янв. 2004 г., № 3 : с изм. и доп. от 30.06.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. :

одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 316.334.4

СТАТУС ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ КРИМИНАЛЬНЫХ УГРОЗ

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук

Аннотация. Снижение уровня нравственности общества, переоценка многих фундаментальных ценностей, разрыв преемственности между поколениями, недостаточное уважение со стороны окружающих к людям пожилого возраста свидетельствуют о кризисе духовности, низком уровне правовой культуры населения. Автор предлагает меры по формированию почтительно-уважительного отношения к пожилым людям, что является необходимым условием развития современного общества в условиях правовой организации жизни.

Ключевые слова: социальная система, правовое государство, пожилые люди, почтительно-уважительное отношение, правомерное поведение.

Annotation. The decrease in the level of morality of society, the reassessment of many fundamental values, the gap in continuity between generations, the lack of respect from others for the elderly indicates a crisis of spirituality, a low level of legal culture of the population. The author proposes measures to form a respectful attitude towards the elderly, which is a necessary condition for the development of modern society in the conditions of the legal organization of life.

Keywords: social system, rule of law, elderly people, respectful attitude, lawful behavior.

Выдающиеся мыслители древности оставили нам бесценные мудрые знания, изречения, которыми мы пользуемся тысячелетиями. Среди таких вечных истин следует выделить руководящее правило: без прошлого нет будущего.

Пожилые люди являются связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Античный философ Протогор провозгласил: «Старик — хранитель законов, традиций, истории» [1, с. 33]. О ценности и авторитете пожилых людей в обществе неоднократно напоминали в своих трудах Аристотель, Конфуций, Цицерон и др.

Неслучайно священные книги различных религий пронизаны призывом к поклонению и уважению предков. В Библии сказано: «Не удаляйся от повести старцев, ибо и они научились от отцов своих, и ты научишься от них рассудительности и — какой в случае надобности дать ответ» [2]. Об особом отношении к пожилым родителям говорится в Коране: «Твой Господь предписал вам

не поклоняться никому, кроме Него, и делать добро родителям. Если один из родителей или оба достигнут преклонного возраста, то не говори с ними сердито, не ворчи на них и обращай с ними уважительно» [3].

Пожилые люди, имея богатый багаж знаний и большой жизненный опыт, во все времена оказывали существенное влияние на принятие правильных решений в обыденной жизни и профессиональной сфере, вопросах государственной важности. История человеческой цивилизации имеет множество примеров, которые свидетельствуют о том, что игнорирование мудрых советов и мнения представителей старшего поколения может привести к кризисам, катастрофам и трагедиям.

Общественное и субъективное отношение к пожилым людям зависит от многих взаимосвязанных факторов, в том числе от исторического периода, культуры и традиций общества, формы государства, состояния правовой системы. Современная социальная действительность демонстрирует снижение статуса пожилых людей в обществе, изменение их роли и поведения. Нестабильность социально-экономических условий, изменение ценностно-нормативной системы общества, ухудшение уровня жизни и социальной защищенности пожилых людей, углубление поляризации и маргинализации социальных групп приводят к дезориентированности и дезадаптированности пожилых граждан. Социально-деструктивные свойства социальной системы, проявляющиеся в несовершенстве системы жизнеобеспечения пожилого населения, неудовлетворенности их социально-экономических притязаний на исходе жизни, потере авторитета традиций и опыта пожилых людей, детерминируют правонарушающее поведение среди представителей геронтогруппы. Сегодня геронтологическая преступность представляет собой особый вид криминальной угрозы в большинстве государств, имеющий негативные тенденции. В Республике Беларусь наблюдается ежегодный рост количества пожилых лиц, совершивших преступления, и пожилых лиц, пострадавших от преступлений.

При этом отметим, что любые социальные девиации напрямую связаны с кризисом культурно-духовных истоков человечества. Сегодня в обществе наблюдаются трансформационные перемены в понимании базовых моральных констант, утрата духовности, нравственных ценностей, смысло-жизненных идеалов и установок; девальвации подверглись такие важные качества личности, как милосердие, стремление творить добро, способность сопереживать, оказывать помощь тем, кто нуждается, и др. Ученый-правовед О. М. Костенко обращает внимание на то, что «с каждым днем все труднее поддаются разграничению добро и зло, истина и неистина, справедливость и несправедливость, героизм и преступление, хорошие люди и плохие, свобода и произвол, порядок и анархия, право и неправое, нравственность и безнравственность и др.»

[4, с. 19]. В то же время в глобальной коммуникации социальных систем происходит массовая пропаганда насилия, жестокости и культа потребительства. Отсюда отчуждение людей друг от друга, утрата доверия к праву, ориентированность на личностное эгоистическое самосохранение вместо обеспечения общественного благоустройства и коллективного благополучия.

В реальности современной жизни особую обеспокоенность вызывает конфликтогенность взаимодействия поколений, обусловленная пропагандой в современном обществе лозунга: все «новое» пропагандируется как прогрессивное, успешное и либеральное, а «старое» — как отрицательное, бесперспективное и консервативное. Пожилые люди в такой ситуации часто ассоциируются с преградой на пути модернизации, воспринимаются как отягощающие социальную структуру, что приводит к вытеснению пожилых людей на периферию общественной жизни, исключению из социально престижных сфер. Социолог Э. Гидденс утверждает, что «в обществе, в котором ценится молодость и подвижность, стариков просто перестают замечать» [5, с. 167, 169]. Криминологи Ю. М. Антонян, Т. Н. Волкова указывают на то, что «старость представляет собой своеобразную стигму, клеймо человека, она вызывает своеобразное осуждение со стороны общества, как будто человек виноват в том, что стал старым» [6, с. 28]. В такой системе ценностей пожилые люди вынуждены лишь пассивно иллюстрировать приписываемые им черты. Стереотипное представление об «ущербности» пожилых людей нередко становится непреодолимым препятствием в самореализации их в общественной жизни.

Полагаем, что пожилые люди, являясь неотъемлемой частью человеческого рода, продуктом его природы и социальных отношений, обязаны нести пользу и способствовать социальному и духовно-нравственному прогрессу нашей цивилизации. Их весомый интеллектуальный и духовный потенциал при эффективном использовании способствует социальному, экономическому, политическому, культурному развитию общества. Кроме того, очевидна связь правопослушного поведения и психологического, экономического благополучия человека в старости, зависящего от позитивно достойного места пожилых людей в социальной системе.

Уникальной является концепция «счастливой старости», разработанная Н. Ф. Шахматовым, проанализировавшим жизненную позицию пожилых людей, считавших свое старение удачным, успешным, благоприятным, для которой характерно отчетливое ориентирование пожилых людей на настоящее, оптимистическое отношение к будущему. По мнению ученого, важными ресурсами «счастливой старости» являются мудрость и хорошие взаимоотношения с близкими родственниками [7, с. 32, 60]. В силу увеличения возраста, изменения социального статуса, связанного с выходом на пенсию, круг общения

человека существенно ограничивается и, как правило, преобладающей становится идентификация с семьей. Семья для человека является местом и средством удовлетворения важнейших жизненных потребностей — материальной поддержки, ухода в случае болезни и т. п. Большое значение для человека пожилого возраста имеет эмоционально-психологическая «подпитка» от самого осознания того, что о нем беспокоятся. Однако общение пожилых людей со своими взрослыми детьми не всегда ограничивается получением помощи первыми. Довольно часто помощь идет в противоположном направлении и заключается в уходе за внуками, ведении домашнего хозяйства, финансовой помощи своим близким родственникам за счет пенсии. Такая поддержка является не менее важной для пожилых лиц, так как позволяет чувствовать себя нужными и полезными для своих детей. Учитывая изложенное, можно согласиться с Г. А. Парахонской, которая подчеркивает: «Связи между поколениями реальные, когда происходит обмен помощью между поколениями в любой форме. Если такого обмена нет, связь между поколениями можно считать формальной» [8, с. 106]. По мнению Ю. М. Антоняна, семья характеризуется взаимосвязью между ее членами — наличием взаимных идентификаций, взаимных привязанностей, что порождает общие интересы и ценности. Благодаря идентификации у членов одной семьи формируются способности учитывать в своем поведении интересы других людей [9, с. 40]. В то же время права и М. В. Прохорова, когда обращает внимание на то, что чувствовать себя одинокими могут и люди, живущие в семье [10, с. 22]. Семья, для которой характерны духовно-нравственные традиции, согласие и понимание, глубокое уважение к старшим, где стареющий человек чувствует себя нужным близким, является залогом достойной старости, непременным условием преемственности поколений. Благоприятный климат в семье, поддержка, забота и помощь позволяют человеку любого возраста чувствовать себя комфортно и уверенно в кругу близких ему людей, стимулируют вести себя позитивно-активно.

Таким образом, в переживаемое нами время, характеризующееся обострившимся конфликтом цивилизаций, ростом геронтологической преступности, актуализируется проблема изучения приемлемых форм социального взаимодействия пожилых людей и общества. Неписаное правило уважать старшее поколение, его опыт, мудрость испокон веков лежит в основе успешного общественного и государственного устройства, социальной гармонии. Пожилые люди, будучи по своей природе рационально созидающим компонентом социума, должны им почтено восприниматься как группы лиц, вносящих вклад в общественное благо, передающих духовное-культурное наследие. В этом контексте особая роль принадлежит сохранению единства коммуникации между молодым и старшим поколением. Внимание, дружба и общение молодежи с пожилыми

людьми дают импульс их взаимному обогащению, обмену знаниями, укреплению традиционных нравственных императивов. Основа таких взаимоотношений формируется путем укрепления семейных ценностей, культурно-воспитательного воздействия в отношении детей, подростков и молодежи в рамках образования, проведения культурно-просветительских мероприятий, расширения масштабов социальной рекламы и, конечно, обеспечивается социально ориентированной политикой государства. Кроме того, создание в обществе атмосферы уважения и признания достоинства пожилых людей возможно только при удовлетворении их социально-статусных потребностей благодаря одновременной реализации комплекса мер психологического, экономического и организационного характера.

1. Василенко Н. Ю. Социальная геронтология. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 140 с. [Вернуться к статье](#)
2. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Новосибирская митрополия. URL: <http://www.ansobor.ru/library.php?chapter=31> (дата обращения: 17.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Сура 17, Аль-Исра (Ночной перенос) [Электронный ресурс] // Академия Корана. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/17?> (дата обращения: 17.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Костенко О. М. Культура і закон у протидії злу. Київ : Атіка, 2008. 352 с. [Вернуться к статье](#)
5. Гидденс Э. Социология / под общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с. [Вернуться к статье](#)
6. Антонян Ю. М., Волкова Т. Н. Преступность стариков. 2-е изд., испр. Рязань : Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний, 2005. 160 с. [Вернуться к статье](#)
7. Шахматов Н. Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное. М. : Медицина, 1996. 302 с. [Вернуться к статье](#)
8. Парахонская Г. А. Пожилой человек в семье // Социс. 2002. № 6. С. 103–110. [Вернуться к статье](#)
9. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М. : Норма : Инфра-М, 2015. 368 с. [Вернуться к статье](#)
10. Прохорова М. В. Феномен одиночества пожилых людей: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04 / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2007. 26 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОСНОВА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А. А. Деминская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

А. Н. Неплох

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 2 курса факультета милиции

Аннотация. В статье анализируется одно из ведущих средств исправления осужденных — воспитательная работа. Рассматриваются психолого-педагогические методы воспитательной работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Ключевые слова: воспитательная работа; лица, освобожденные из мест лишения свободы; ресоциализация.

Annotation. The article analyzes one of the leading means of correction of convicts — educational work. Psychological and pedagogical methods of educational work with persons released from places of deprivation of liberty are considered.

Keywords: educational work; persons released from places of deprivation of liberty; resocialization.

За долгие годы пребывания в местах лишения свободы осужденные утрачивают законопослушные жизненные перспективы, многие из них находятся в отчаянии, тунеладство становится для них нормой жизни. Как правило, они не имеют трудовой квалификации, занимаются физическим, малоквалифицированным трудом. Для них характерны невысокий жизненный уровень, довольно низкий уровень образования, большинство зависимы от психоактивных веществ, поэтому, освобождаясь от наказания, они сталкиваются со многими жизненными трудностями, которые касаются и поиска места работы, и неопределенности места жительства, и взаимоотношений с родственниками, сотрудниками органов внутренних дел (далее — ОВД), прежним криминогенным кругом общения. Как правило, у них отсутствует готовность решать эти проблемы [1, с. 212].

На сегодняшний день вопрос ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является актуальным. Каждый человек в силу сугубо индивидуальных особенностей психики по-своему оценивает и воспринимает воспитательные влияния. У каждого индивидуален склад потребностей,

определенная система взглядов на явления в обществе, своеобразные интересы и склонности, свой идеал.

Эмпирические исследования воспитательной работы в исправительных учреждениях проводились такими учеными, как И. А. Андарало, В. Г. Бондарева, В. В. Голий, Л. Ф. Козловой и др. Однако, несмотря на значительное количество публикаций в научных изданиях, периодической печати, проблематика ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, остается малоизученной.

Организация воспитательной работы с лицами, имеющими судимость, представляет собой достаточно трудоемкий процесс, требующий внимательного отношения, систематического контроля и качественного проведения.

Основными задачами воспитательной работы являются:

- преодоление (исправление) личностных деформаций и криминогенных наклонностей личности, формирование правосознания, социально значимых навыков и умений, необходимых для выработки сопротивляемости трудностям, возникающим в жизни лица, освободившегося из мест лишения свободы;
- привитие им потребности включения в различные виды полезной деятельности;
- укрепление правовой дисциплины, направленной на формирование готовности к неукоснительному выполнению требований законов, уважительного отношения к человеку, его жизни, здоровью, чести и достоинству, а также обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, общечеловеческой культуре.

Важнейшим вектором деятельности уголовно-исполнительной инспекции (далее — УИИ) является воспитательная работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Перед сотрудниками УИИ стоит задача исправления (коррекции поведения) лиц, имеющих судимость, в том числе предотвращение совершения с их стороны повторных преступлений, административных правонарушений. В целях выполнения поставленной задачи необходимо непрерывно совершенствовать формы и методы, способствующие повышению результативности всей воспитательной работы со стороны не только сотрудников УИИ, но и иных подразделений органов внутренних дел.

Сотрудникам УИИ, а также иным подразделениям органов внутренних дел следует помнить, что личность подучетного необходимо изучать постоянно, в течение всего срока погашения судимости с целью выявления наиболее эффективных путей, средств и методов исправления. Для этого сотрудникам УИИ, отвечающим за организацию и проведение воспитательной работы с лицами, имеющими судимость, необходимо знать нравственные пороки личности,

подлежащие искоренению, и жизненные обстоятельства, способствовавшие их проявлению и совершению преступления, характер и качества личности (положительные и отрицательные).

Воспитательная работа организуется в индивидуальных и групповых формах на основе психолого-педагогических методов. Следует учитывать, что правильно подобранная информация, затрагивающая в первую очередь вопросы нравственного и правового воспитания, представленная в период проведения индивидуальных и (или) групповых воспитательных мероприятий, в силу того, что она доводится сотрудниками органов внутренних дел, официальными представителями государственных органов, организаций и общественных объединений, воспринимается данной категорией лиц как достоверная и довольно редко подвергается сомнению. В связи с этим субъектам, заинтересованным и участвующим в проведении воспитательной работы с лицами, состоящими на учете в УИИ, не только целесообразно, но и в крайней степени важно предоставлять информацию, направленную на получение новых знаний о правомерных способах обеспечения жизнедеятельности, а также соблюдении требований законодательства и принятых в обществе правил поведения.

При проведении воспитательной работы следует помнить, что изменение убеждений лица, имеющего судимость, составляющих основу мировоззрения личности, является сложным и длительным процессом и, как правило, достигается многократным повторением как индивидуальных, так и групповых воспитательных мероприятий на основе обновления и ротации содержания форм и методов воспитательной работы.

Индивидуальная воспитательная работа ведется с учетом особенностей личности и с ориентацией на ее успешную адаптацию к жизни на свободе. Она проводится на основе изучения личности с учетом данных рекомендаций по изменению личностных качеств.

Индивидуальная воспитательная работа предполагает изучение индивидуальных особенностей и социально-психологической направленности личности, выбор и использование методов психолого-педагогического воздействия, разработку плана индивидуальной работы, проведение бесед [2, с. 91].

Стоит отметить, что какой-то определенный вид воспитательной деятельности полностью не может быть заменен другим. Это вытекает из того, что при осуществлении своих многообразных потребностей люди пользуются различными идеями, представлениями, чувствами, формирование которых имеет определенную специфику [3, с. 168].

На наш взгляд, воспитательная работа будет более эффективной, если непосредственное воспитательное воздействие будут осуществлять не только сотрудники УИИ, но и иные представители государственных органов,

организаций и общественных объединений, а также близкие родственники лица, имеющего судимость.

Следует отметить, что если подучетный не будет принимать активного участия в воспитательном процессе, а где-то и сам не будет проявлять стремления к овладению социальным опытом, духовными ценностями и отношениями, то результативность проводимой с ним воспитательной работы будет низкой.

Уделяя внимание не только проведению индивидуальной воспитательной работы, следует помнить, что групповые формы воспитательной работы представляют собой воспитательные мероприятия, проводимые субъектами, заинтересованными и участвующими в проведении воспитательной работы, в отношении отдельно взятой группы лиц, состоящих на учете в УИИ, в которой воспитательным влиянием охватывается каждый из них, а также их общность в целом.

Для более эффективного проведения групповых воспитательных мероприятий необходимо разграничивать подучетных по социально-демографическим (пол, возраст, уровень образования, социальное положение, профессия и род занятий, городской или сельский житель) и уголовно-правовым (характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, мотивация, групповой характер криминального поведения, повторность, длительность преступной деятельности, форма вины) признакам.

Групповое воспитательное мероприятие может проводиться в форме лекции; групповой беседы; просмотра информационно-аналитических, научно-познавательных телепередач либо короткометражных фильмов (видеороликов) профилактической направленности; показательного собрания.

При этом постоянное проведение воспитательной работы во взаимодействии с иными субъектами поможет лицам данной категории принять нормы и правила свободного общежития и сформировать потребность в их соблюдении, а своевременное оказание им помощи и их вовлечение в обычные условия жизни общества под контролем специалистов — один из вариантов сокращения рецидивной преступности.

Таким образом, теоретическая и практическая значимость ресоциализации заключается в том, что, несмотря на реализацию карательного начала, приущего уголовному наказанию, государство заинтересовано в позитивном изменении личности лица, имеющего судимость, в формировании у него социально полезных качеств, позволяющих вернуться к правопослушному образу жизни, путем разработки и реализации единого алгоритма по проведению воспитательной работы с лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

1. Стуканов В. Г. Исправительная педагогика : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД, 2020. 358 с. [Вернуться к статье](#)
2. Евграфов А. П. Особенности политико-воспитательной работы с лицами, находящимися в предварительном заключении // Проблемы исправления и перевоспитания осужденных : сб. науч. тр. Всесоюз. науч.-исследоват. ин-та МВД СССР. М., 1979. № 51. С. 83–93. [Вернуться к статье](#)
3. Ляпанов А. В. Место воспитательной работы в системе средств воспитательного воздействия на осужденных и проблемы ее осуществления // Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России. Самара, 2017. Вып. 5. Ч. 1. С. 167–169. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ ГРАЖДАН

Д. А. Зубрик

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
преподаватель-стажер кафедры теории и истории государства и права

***Аннотация.** В статье анализируется использование информационных технологий в правовом просвещении. Приводятся доводы относительно признаков правового просвещения. Аргументируются положения касательно способов использования информационных технологий как средства для распространения правовой информации.*

***Ключевые слова:** правовое просвещение, информационные технологии, социальные сети, правовая база, граждане, правовая информация.*

***Annotation.** The article analyzes the use of information technology in legal education. Arguments are given regarding to the signs of legal enlightenment. The provisions are argued regarding to the ways of using information technologies as means for the dissemination of legal information.*

***Keywords:** legal education, information technology, social networks, legal framework, citizens, legal information.*

Создание правового государства возможно при наличии высокого уровня правосознания граждан. Такого уровня можно достичь путем использования правового просвещения в качестве способа идеологического воспитания гражданского общества. Однако концепция того, что все граждане в государстве знают полностью свои права и обязанности, является утопической. В реальности с действующим законодательством ознакомлена только часть населения. Более того, некоторые граждане обладают неточной информацией относительно норм права. Для того чтобы повысить уровень правовой культуры у населения, проводится правовое просвещение. Необходимо отметить, что в эпоху цифровизации популярность приобретает имплементация информационных технологий в общественную жизнь, и институт правового просвещения не стал исключением. В данной научной статье мы рассмотрим различные способы использования информационных технологий как средства для правового просвещения граждан.

Для того чтобы правовое просвещение посредством информационных технологий проводилось верно, следует уяснить, какими признаками должна обладать просветительская деятельность. В своей работе А. С. Доценко выделяет следующие признаки правового просвещения: 1) это государственная политика, которая реализуется уполномоченным органом или должностным лицом; 2) стимулирует правомерное поведение граждан в обществе; 3) выступает

в качестве средства для формирования правовой культуры личности, социальной группы, общества в целом; 4) целью правового просвещения является обеспечение полномерной правовой социализации человека; 5) достигает своей цели только при условии становления высокой правовой культуры общества [1, с. 180]. Более того, определяется, что правовое просвещение должно использоваться в четырех направлениях: воспитательное, образовательное, научное и информационное [2, с. 28]. Из данных тезисов можно понять, что правовое просвещение является комплексом мероприятий, направленных на создание правосознания у населения.

Прежде чем перейти к рассмотрению информационных технологий в правовом просвещении, необходимо разделить население на три категории: 1) несовершеннолетние; 2) граждане от 18 до 55 лет; 3) граждане пенсионного возраста. Такое деление можно объяснить тем, что в разном возрасте люди используют разные технологии для коммуникации и упрощения взаимодействия. Кроме того, молодое поколение более подвержено влиянию современных тенденций, что отражается на технологиях, которые они используют.

Первая категория — несовершеннолетние. Несовершеннолетние граждане наиболее восприимчивы к современным технологиям. Также для данной категории характерно использование социальных сетей как средства для коммуникации. Поэтому важным аспектом является непосредственно использование социальных сетей для правового просвещения. В данном случае речь пойдет о таких социальных сетях, как «ВКонтакте», Instagram, TikTok. Каким же образом государству проводить политики правового просвещения на данных платформах?

Если говорить о такой социальной сети, как «ВКонтакте», то она предназначена для обмена сообщениями, изображениями, аудиовидеоконтентом. Правовое просвещение может осуществляться на основе создания официальных групп государственных органов, где будет публиковаться действующая правовая информация. Более того, в таких группах можно осуществлять разъяснение некоторых положений из нормативных правовых актов, проводить опросы и так далее.

Instagram предназначен для обмена фотографиями и видео. Также существует возможность размещения текстовой информации, но она ограничена по количеству символов. В отличие от социальной сети «ВКонтакте» в Instagram информация должна быть в интерактивном формате и значительно упрощена для понимания.

TikTok создан для обмена короткими музыкальными видеороликами. Здесь, так же как и в Instagram, информация должна быть интерактивная. Особенностью является то, что видеоролики достаточно быстро меняются, поэтому

сам правовой контент должен быть ярким и запоминающимся. Также на данной платформе публикует тематические видео Детский правовой сайт.

Вторая категория — граждане от 18 до 55 лет. Для данной категории также характерно использование социальных сетей. Однако добавляется использование таких мессенджеров, как Viber, WhatsApp, Telegram. Мессенджеры предназначены также для обмена сообщениями и коммуникацией. Однако существует возможность создавать беседы и каналы для передачи необходимой информации. В таких беседах можно размещать правовую информацию в виде текстового содержания, видео- и аудиоконтента. Преимущества данных платформ в том, что гражданам не требуется переходить в конкретные группы по правовому просвещению и нужно только выбрать интересующую беседу с сообщениями.

Также граждане от 18 до 55 лет используют государственные цифровые платформы (далее — ГЦП). Основная задача ГЦП — это оказание государственных услуг. Однако данные платформы могут также включать в себя правовое информирование как способ разъяснения порядка использования ГЦП и законодательства, ее регулирующее.

Для уяснения и ознакомления граждан с действующим законодательством используется такая технология, как Legal tech. Рассмотрим несколько популярных в использовании примеров данной технологии:

1. Информационно-поисковая система «Эталон-Online». Данная система содержит в себе действующие правовые акты, которые разделены по категориям: эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь, судебная практика, правоприменительная практика и формы документов. Более того, «Эталон-Online» в качестве обучения граждан по составлению документов содержит в себе конструктор шаблонов договоров, где можно самостоятельно редактировать и добавлять необходимую информацию.

2. iLex. Данная система также содержит в себе свод правовых актов. Преимуществом iLex является то, что существует сервис, позволяющий проверить профессиональные знания бухгалтера. Такой сервис удобен как нанимателям, так и сотрудникам для проверки своих правовых знаний.

3. Право.by. Основной государственный информационный ресурс глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации.

Третья категория — граждане пенсионного возраста. Представители данной категории могут также использовать социальные сети, однако наибольшее доверие пенсионеры выражают в отношении телевидения. Это можно объяснить тем, что проводятся различные прямые эфиры, где каждый гражданин может позвонить на горячую линию, задать определенный вопрос и в режиме

реального времени получить ответ. Более того, на государственных каналах проводятся программы, где разъясняются нормы из действующего законодательства. Кроме этого, на государственных каналах в конкретное установленное время демонстрируют новости, которые могут затрагивать государственную и общественную жизнь.

В качестве информационно-коммуникативной технологии, которой пользуются все категории граждан, можно выделить Youtube. Преимущество использования Youtube в правовом просвещении в том, что государственные органы, уполномоченные на проведение просветительской деятельности, публикуют видеоролики, в которых разъясняется как законодательство, так и отдельные вопросы, интересующие граждан. Также на данной платформе можно проводить образовательные программы, направленные как на ознакомление с законодательством, так и на повышение правовой культуры населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что в эпоху цифровизации актуальность приобретает использование информационных технологий в просветительской деятельности населения. Указанное направление должно осуществляться в доступной форме в соответствии со спецификой каждой категории граждан. Более того, данная деятельность должна осуществляться с использованием интерактивных методов, позволяющих наилучшим образом воспринимать и уяснять полученную правовую информацию.

1. Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 179–188. [Вернуться к статье](#)

2. Истомин М. А., Нечкин А. В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2021. № 2. С. 26–33. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.61

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ОТНОШЕНИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Е. Н. Киселева

Московский институт психоанализа,
преподаватель кафедры социальной психологии,
кандидат психологических наук

И. А. Оточина

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
начальник Центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского
обеспечения деятельности органов внутренних дел

О. В. Ермаченкова

Калужский институт (филиал)
Московского гуманитарно-экономического университета,
преподаватель кафедры общей и прикладной психологии

***Аннотация.** В данной статье раскрыты понятия «культура отношений», «временная перспектива личности», а также проведено исследование взаимосвязи между отношениями с родителями и социумом, собственным телом, видением будущего.*

***Ключевые слова:** культура отношений; временная перспектива личности; отношения с матерью, отцом; семейные сценарии; отношение с телом, с социумом; видение будущего.*

***Annotation.** This article reveals such concepts as the culture of relationships, the time perspective of the individual, as well as a study of the relationship between relationships with parents and society, one's own body, vision of the future.*

***Keywords:** culture of relationships; personal time perspective; relationships with mother, father; family scenarios; relationship with the body, with society; vision of the future.*

В настоящее время происходит достаточно быстрый темп изменений в мире, обществе, культуре, науке и т. д. Данные изменения определяют новые условия жизнедеятельности человека. В соответствии с этим, проблема отношений субъектов выходит на новый уровень. Как утверждает И. В. Никитин, данная проблема не только выходит на новый уровень, но и «разрабатывается в различных плоскостях: как связь проблемы отношений с проблемой культуры в ее объективном и субъективном планах; как общие подходы к структуре коллектива и проявления его воспитательных возможностей, в связи с особенностями организации процесса взаимодействия в различных системах» [1, с. 252].

Первым, кто рассматривал понятие «отношение» в психологии, был А. Ф. Лазурский. Согласно его утверждению, отношение отражает внутреннюю сторону связи личности с реальностью [2, с. 125]. Согласно В. Н. Мясищеву, отношение стоит рассматривать «как психологическую связь с окружающим миром вещей и людей» [1, с. 252].

Важно подчеркнуть, что Г. М. Андреева характеристику личности дает с учетом общей системы общественных отношений, а также подчеркивает «роль общества в социальном контексте» [3, с. 69–70].

«Культура отношений есть совокупность качественных характеристик личности, позволяющих ей быть субъектом современной ситуации общественного развития, строить свою систему отношений в пространстве современных социокультурных условий» [1, с. 252].

В контексте культуры отношений важную роль играет характеристика самой личности. Одним из важных аспектов характеристики личности является вопрос исследования временной перспективы. Изучением данного вопроса занимался К. Левин, который указал основную ее функцию. Данную функцию он рассматривал как субъективное объединение в целое в личности своего прошлого и будущего, в результате чего течение жизни в настоящий момент времени представляется неразрывным. То есть отношение личности к своему прошлому и будущему определяет ее поведение в настоящий момент [4].

Стоит отметить, что К. Левин и его последователи рассматривали переживание времени как отношение личности к самому времени, а отечественные психологи — «как деятельность сознания и механизм функционирования личности, состоящий в субъективном преломлении психического отражения через временное измерение» [5, с. 145–146].

Рассматривая отношения во временной перспективе, можно предположить, что отношения с родителями могут быть одним из элементов культуры отношений человека к себе (к своему телу, личности и т. д.) и с социумом.

Утверждение о том, что отношения с родителями могут быть одним из факторов формирования отношения с социумом, можно подтвердить и тем, что «реальные отношения родителей и детей, их эмоциональная связь являются одним из существенных базовых условий формирования полноценной личности» [6, с. 10]. А. К. Рубченко отмечает, что «безразличие родителей, которые по разным причинам не удовлетворяют потребность ребенка в общении, негативно отражается на психическом развитии личности, на формировании ее самоотношения» [6, с. 10–11].

Как отмечает Г. Р. Шафикова, «в современных условиях востребована личность, успешная не только в профессиональном плане, но и в построении человеческих отношений с другими людьми, в социально ориентированном

решении жизненных задач» [7, с. 13]. Также указанный автор отмечает тот факт, что развитие нравственного отношения личности является «многоступенчатым, многоаспектным процессом образования системы его связей с другими» [7, с. 14]. Процесс социального взаимодействия автор рассматривает в рамках типов отношений «Я в обществе» и «Я и общество», которые раскрывает как «Я — Другой, Я — Другие, Я — общество в целом, Я — человечество» [7, с. 14].

Нами были проведены исследования взаимосвязи отношений с мамой, отношений с папой, семейных сценариев и отношений с социумом, с телом, сексуальностью, видением будущего. Также было проведено исследование различий в отношениях с мамой, отношениях с папой, семейных сценариях и отношениях с социумом, с телом, сексуальностью, видения будущего у представителей разных специальностей.

В исследовании принял участие 121 человек, из них 66 человек обучаются по специальности «Психология», 31 человек — по другим специальностям («Юриспруденция», «Медицина», «Экономика») и 24 сотрудника Российской Федерации.

Для проведения исследования была применена анкета «Семейные сценарии», разработанная Е. Н. Киселевой.

При изучении различий между группами нами был проведен дифференциальный анализ при помощи U-критерия Манна-Уитни. Данный критерий был применен ввиду отсутствия нормальности распределения данных. Дифференциальный анализ показал статистически значимые различия между группой 1 (Психологи) и группой 3 (Сотрудники РФ) по показателям «Отношения с отцом» ($p < 0,01$), «Семейные сценарии» ($p < 0,01$), «Отношения с собственным телом» ($p < 0,01$), «Сексуальность» ($p < 0,05$), «Отношения с социумом» ($p < 0,01$), «Видение будущего» ($p < 0,01$). Также статистически значимые различия наблюдаются между группой 2 (Другие специальности) и группой 3 (Сотрудники РФ) по показателям «Отношения с отцом» ($p < 0,01$), «Семейные сценарии» ($p < 0,01$), «Отношения с собственным телом» ($p < 0,01$), «Сексуальность» ($p < 0,01$), «Отношения с социумом» ($p < 0,01$), «Видение будущего» ($p < 0,01$). При этом статистически значимых различий не наблюдается между группой 1 (Психологи) и группой 2 (Другие специальности) по всем показателям методики ($p < 0,05$). Также статистически значимых различий не наблюдается между группой 1 (Психологи) и группой 3 (Сотрудники РФ), между группой 2 (Другие специальности) и группой 3 (Сотрудники РФ) по показателю «Отношения с мамой» ($p < 0,05$) (рис. 1).

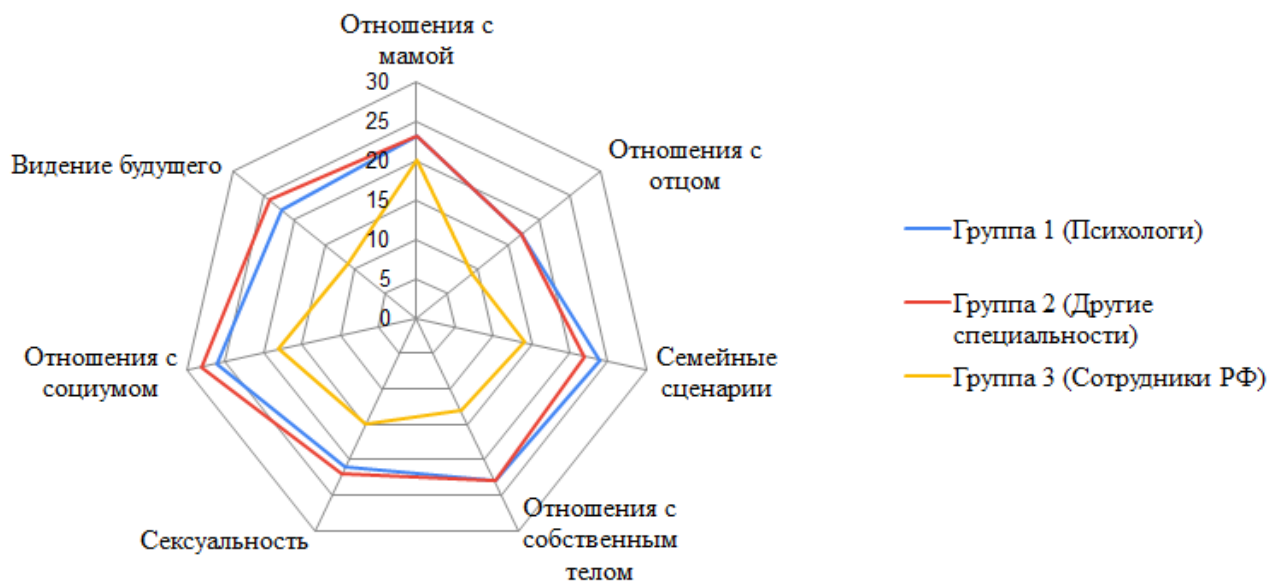

Рис. 1. Результаты дифференциального анализа по показателям отношений между группами

Стоит обратить внимание, что шкалы методики имеют обратные значения: чем выше значение, тем более негативная характеристика показателей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что у сотрудников Российской Федерации в отличие от представителей других специальностей наблюдаются более благоприятные отношения с отцом, с собственным телом, сексуальностью, с социумом, более благоприятное представление о семейных сценариях и позитивное видение будущего.

Для более детального анализа полученных результатов и выявления взаимосвязи между показателями методики в каждой группе нами был проведен корреляционный анализ при помощи критерия Спирмена. В группе 1 (Психологи) наблюдается наличие прямой взаимосвязи между показателями «Семейные сценарии» и «Отношения с мамой» (0,48), «Отношения с отцом» (0,53), «Отношения с собственным телом» (0,42), «Отношения с социумом» (0,33), «Видение будущего» (0,40). При этом стоит отметить, что в данной группе не наблюдается наличие взаимосвязи между показателями «Отношения с мамой», «Отношения с отцом» и другими показателями, кроме показателя «Семейные сценарии» (рис. 2).

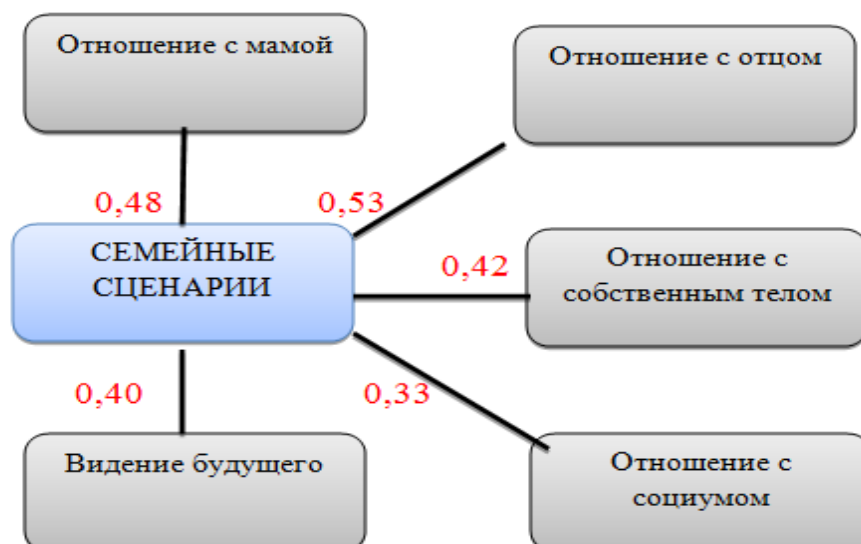

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа в группе 1 (Психологи) с показателем «Семейные сценарии»

Следовательно, можно сделать вывод о том, что отсутствие взаимосвязи между показателем «Отношения с мамой», «Отношения с отцом» и другими показателями, кроме «Семейных сценариев», в группе психологов может быть объяснено тем, что данные вопросы влияния негативных отношений с родителями на отношения с собственным телом, отношения с социумом и ведение будущего были проработаны ими в рамках индивидуальной психокоррекционной работы, которую они проходят в рамках своей специальности, или они отсутствовали изначально с детства. При этом наблюдается взаимосвязь семейных сценариев с показателями отношений с родителями, с собственным телом, сексуальностью, отношениями с социумом и ведением будущего.

В группе 2 (Другие специальности) наблюдается наличие прямой взаимосвязи между показателями «Семейные сценарии» и «Отношения с мамой» (0,59), «Отношения с отцом» (0,52), «Отношения с собственным телом» (0,55), «Сексуальность» (0,59), «Отношения с социумом» (0,63), «Видение будущего» (0,47) (рис. 3).

Рис. 3. Результаты корреляционного анализа в группе 2 (Другие специальности) с показателем «Семейные сценарии»

Стоит отметить, что в данной категории респондентов в отличие от психологов наблюдается наличие взаимосвязи между показателем «Отношения с мамой» и «Семейные сценарии» (0,59), «Отношения с отцом» (0,47), «Отношения с собственным телом» (0,49), «Видение будущего» (0,49) (рис. 4).

Рисунок 4 — Результаты корреляционного анализа в группе 2 (Другие специальности) с показателем «Отношения с мамой»

Согласно полученным результатам, в группе 2 (Другие специальности) наблюдается наличие взаимосвязи по показателям «Отношения с мамой» и «Семейные сценарии», «Отношения с отцом», «Отношения с собственным телом», «Видение будущего», а также наличие взаимосвязи по показателям «Семейные сценарии» и «Отношения с мамой», «Отношения с отцом», «Отношения с собственным телом», «Сексуальность», «Отношения с социумом», «Видение будущего». Стоит отметить, что такие показатели, как «Отношения с мамой» и «Семейные сценарии», имеют общую взаимосвязь с такими показателями, как «Отношения с отцом», «Отношения с собственным телом» и «Видение будущего».

Достаточно интересные результаты были получены в ходе исследования взаимосвязи отношений с мамой, отношений с папой, семейных сценариев и отношений с социумом, с телом, сексуальностью, видением будущего, проведенного с сотрудниками РФ. В данной категории респондентов не было обнаружено наличия взаимосвязи между показателями отношений с мамой, отцом, семейными сценариями и другими показателями. Обоснованием полученных результатов может послужить специфика работы данной категории респондентов.

При этом наблюдается прямая взаимосвязь между показателями «Отношения с социумом» и «Отношения с собственным телом» (0,44), «Сексуальность» (0,49) и «Видение будущего» (0,80) (рис. 5).

Рис. 5. Результаты корреляционного анализа в группе 3 (Сотрудники РФ) с показателем «Отношения с социумом»

Также стоит отметить, что в данной группе респондентов наблюдается наличие прямой взаимосвязи между показателями «Видение будущего» и «Отношения с социумом» (0,80), «Отношения с собственным телом» (0,60), «Сексуальность» (0,74) (рис. 6).

Рис. 6. Результаты корреляционного анализа в группе 3 (Сотрудники РФ) с показателем «Видение будущего»

Таким образом, при благоприятном видении будущего у сотрудников будет наблюдаться положительное отношение с собственным телом, сексуальностью и социумом. Поэтому важно у сотрудников формировать положительное видение будущего, уверенность в завтрашнем дне, создавать условия, где все четко и понятно.

Таким образом, есть различия в культуре отношений между представителями разных специальностей. Системообразующими элементами культуры отношений психологов следует выделить семейные сценарии, у не психологов — семейные сценарии и отношения с мамой, у сотрудников — видение будущего. Качественными характеристиками культуры отношений сотрудников являются отношения с социумом, отношения с собственным телом, сексуальность, у психологов — отношения с отцом, отношения с собственным телом, отношения с социумом, видение будущего, у не психологов — отношения с отцом, отношения с собственным телом, сексуальность, отношения с социумом, видение будущего. Особенности культуры отношений сотрудников можно выделить видение будущего, психологов — семейные сценарии, не психологов — отношения с мамой.

1. Никитин И. В. К вопросу о содержании понятия «культура отношений» в контексте педагогических исследований // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). 2017. С. 252–253. [Вернуться к статье](#)
2. Клепцова Е. Ю. К анализу категории «Отношение» // Вестн. Вятского гос. ун-та. 2011. С. 125–129. [Вернуться к статье](#)
3. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2002. 290 с. [Вернуться к статье](#)
4. Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М. : Изд-во Москов. ун-та. 1981. 118 с. [Вернуться к статье](#)
5. Временная перспектива личности в контексте проблемы психологического здоровья курсантов военного вуза / М. С. Яницкий [и др.] // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. Т. 14. № 2. 2022. С. 141–158. [Вернуться к статье](#)
6. Рубченко А. К. Самоотношение и отношение юношей и девушек к родителям при семейной депривации : автореф. дис. ... канд. психолог. наук : 19.00.13. М. : Ин-т психологии РАН. 2007. 22 с. [Вернуться к статье](#)
7. Шафикова Г. Р. Развитие нравственных отношений подростков в образовательной среде школы : автореф. дис. ... д-ра психолог. наук : 19.00.07 / Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2014. 47 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 37.03

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
КУРСАНТОВ КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ****В. М. Ковалев**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные аспекты духовно-нравственного воспитания курсантов как основного элемента воспитательной работы. Обосновывается необходимость его дальнейшего совершенствования.*

***Ключевые слова:** духовно-нравственное воспитание, эстетическое воспитание, воспитательная работа, правовая культура.*

***Annotation.** The article discusses the actual aspects of the spiritual and moral education of cadets as the main element of educational work. The necessity of its further improvement is substantiated.*

***Keywords:** spiritual and moral education, aesthetic education, educational work, legal culture.*

Анализ профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудников) показывает, что в настоящее время весьма актуальной проблемой является их духовно-нравственная и эстетическая профессиональная культура. Пункт 21 Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь гласит: «Сотрудник должен быть морально безупречным, везде и всегда следовать высоким нравственным принципам поведения, сохраняя осмотрительность при выборе друзей и товарищей, репутация которых при общении с ними может скомпрометировать сотрудника, что может причинить ущерб репутации органов внутренних дел» [1].

Выработать такие качества — задача духовно-нравственного и эстетического воспитания, занимающего важное место в комплексной системе идеологической работы, направленной на всестороннее развитие личности сотрудника и особенно личностей курсантов учебных заведений Министерства внутренних дел.

Как показывают исследования, формирование высоких духовно-нравственных качеств, эмоциональных чувств сотрудников, необходимых в повседневной оперативно-служебной деятельности, — процесс сложный, органически сливающийся со всей системой обучения и воспитания кадров. Отсюда можно сделать важный вывод о необходимости формирования у курсантов эмоциональных чувств, так как последние выступают в качестве регулятора

поведения человека, а непосредственно формирование чувств — процесс не менее продолжительный, чем приобретение знаний.

Говоря о духовно-нравственной и эстетической культуре сотрудников, необходимо отметить, что это определяется не как сумма застывших норм и правил, а как важнейший элемент культуры, отвечающий всем ее требованиям, тесно взаимосвязанный с основополагающими принципами общественной морали.

Известный советский педагог В. А. Сухомлинский убедительно доказал, что без эмоционального, эстетического воспитания вообще никакого воспитания нет. Он писал: «В идеальном образе человека, которого я называю настоящим, важнейшими мне представляются следующие черты: гармоничное единство общественного и личного, большого и малого в духовной жизни личности, эстетическое богатство и тонко развитая потребность в прекрасном. Чтобы нравственный идеал стал реальностью, надо учить человека правильно жить, правильно поступать, правильно относиться к себе и людям» [2, с. 34].

Вышесказанное предполагает комплексный подход к воспитанию сотрудников, то есть обеспечение тесного единства духовно-нравственного развития, государственно-правового и гражданско-патриотического воспитания. А это значит, что необходимо строить идеологическую работу на основе всех факторов общественной жизни, которые так или иначе воздействуют на человека, его мировоззрение, отношение к службе, на его нравственные принципы и поступки. Важность духовно-нравственного и эстетического воспитания личного состава определяется тем, что и сама жизнь, и служба предъявляют к сотрудникам все более высокие требования. Ведь по роду своей службы они находятся на остром участке идеологической и воспитательной работы, требующей зрелости, высокой культуры, способности правильно оценивать социальные явления и всегда действовать в полном соответствии с предписаниями законов.

В органах внутренних дел вся система идеологической работы как раз и направлена на то, чтобы воспитать у сотрудника эти качества. Особый подход нужен к молодым сотрудникам, поэтому духовно-нравственное развитие, государственно-правовое и гражданско-патриотическое воспитание курсантов — основа воспитательной деятельности на протяжении всего периода обучения в Могилевском институте МВД Республики Беларусь (далее — Институт).

Духовно-нравственное и эстетическое воспитание включает в себя деятельность по формированию высокого уровня служебной культуры и должного поведения, организацию встреч с представителями религиозных конфессий, деятелями науки, культуры, литературы и искусства по духовно-нравственной

тематике, использование духовного потенциала историко-культурных объектов города Могилева.

С целью выяснения готовности выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета проводилось исследование среди курсантов 4-го курса факультета милиции дневной формы обучения Института. Для проведения мониторинга была разработана анонимная анкета, состоящая из трех блоков по десять вопросов, охватывающих основные направления духовно-нравственного и эстетического воспитания курсантов. Респондентам было предложено оценить представленные блоки по степени важности: очень важный, важный, не важный, средне значимый, не имеет значения.

В анкетировании приняли участие 90 курсантов. После обработки данных получены следующие результаты:

Во-первых, блок вопросов «Профессиональная этика и служебный этикет» оценен 54 курсантами как очень важный, что составило 61 % от общего числа опрошенных, 26 курсантов оценили этот блок как важный (29 % от общего числа опрошенных), как средне значимый блок вопросов «Профессиональная этика и служебный этикет» был оценен 9 курсантами (10 % опрошенных).

Во-вторых, блок вопросов «Эстетическое воспитание» оценен 51 курсантом как очень важный, что составило 57 % от общего числа опрошенных, 24 курсанта оценили этот блок как важный (27 % от общего числа опрошенных), как средне значимый блок вопросов «Эстетическое воспитание» был оценен 14 курсантами (16 % опрошенных).

В-третьих, блок вопросов «Способность анализировать и учитывать психологическую сторону профессиональной деятельности, осуществлять психологически правильное и нравственное корректное взаимодействие с гражданами» оценен курсантами как очень важный или важный: 64 курсанта отметили этот блок как очень важный, что составило 72 % от общего числа опрошенных, а 25 курсантов оценили этот блок как важный (28 % от общего числа опрошенных).

Необходимо отметить, что по критерию «Не имеет значения» не получено ни одного ответа. Все это свидетельствует о достаточно высоком уровне проводимой воспитательной работы в отношении курсантов Института, хотя имеется и ряд нерешенных проблем.

Кроме проведения мониторинга курсантов, описанного выше, респондентам рекомендовалось внести предложения руководству Института по совершенствованию воспитательной работы. В результате поступили предложения от 81 курсанта:

1. Использовать различные формы и средства идеологического воздействия.
2. Отдавать предпочтение эмоционально окрашенным началам в воспитательном воздействии.
3. Формировать и развивать высоконравственные качества и готовность сознательно исполнять свои обязанности.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что духовно-нравственное и эстетическое воспитание курсантов составляет важную сферу идеологической работы. Необходимо добиваться, чтобы предстоящая оперативно-служебная деятельность воспринималась выпускниками как отчасти творческий процесс и являлась источником удовлетворения итогами многогранной профессиональной деятельности, радости за судьбы людей, которых удалось удержать от противоправных проступков. В этих целях рекомендуется организовать изучение факультативной дисциплины «Основы педагогики и служебной этики».

-
1. Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 4 марта 2013 г., № 167. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 2. Сухомлинский В. А. Как воспитать нового человека (Советы воспитателям). Минск : Народ. асвета, 1978. 244 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ,
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ФСИН РОССИИ**

О. Г. Ковалев

Псковский филиал Университета ФСИН России,
профессор кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в УИС,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор
академик Российской академии естественных наук

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные аспекты соотношения отраслевого юридического знания и практико-ориентированного обучения курсантов на примере Псковского филиала Университета ФСИН России. Отмечается положительная тенденция его применения, позитивное влияние на качество отраслевого юридического образования.*

***Ключевые слова:** отраслевое юридическое знание, практико-ориентированное обучение, профессиональные компетенции, курсанты, ФСИН России.*

***Annotatoin.** The article deals with modern aspects of the correlation of branch legal knowledge and practice-oriented training of cadets on the example of the Pskov branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia. There is a positive trend in its application, a positive impact on the quality of branch legal education.*

***Keywords:** branch legal knowledge, practice-oriented training, professional competencies, cadets, Federal Penitentiary Service of Russia.*

В настоящее время в Российской Федерации приоритетное внимание при осуществлении образовательной политики и организации педагогической деятельности уделяется практико-ориентированному обучению. Актуальные аспекты отраслевого юридического знания и реализации правовых норм в правоохранительной сфере нашли свое отражение в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах Минобрнауки, Минюста и Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН) России, в числе которых особо выделяются Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 апреля 2017 года № 301, утвердивший порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры; Концепция развития уголовно-

исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р.

Указанные и другие нормативные правовые акты, наряду с формированием фундаментальных общетеоретических юридических знаний обучающихся, ориентируют на совершенствование методологии и методики их применения в конкретной сфере юридической практики. Например, развитие профессиональных компетенций, практических умений и навыков осуществления пенитенциарной деятельности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС), их адаптация к будущей профессии [1, с. 49–52].

Современные вызовы УИС предполагают увеличение бюджета учебного времени на проведение практических занятий с курсантами и слушателями образовательных организаций подведомственных ФСИН России, более широкое и активное использование их современных форм (деловых и ролевых игр, тактических комплексных учений, тренингов, конференций, круглых столов и тематических диспутов и др.), диагностики уровня компетенции будущих специалистов [2, с. 30], привлечение для их совместного проведения наиболее подготовленных практических работников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в том числе на полигонах образовательных организаций и учреждений УИС [3, с. 234].

Кафедрой организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковского филиала Университета ФСИН России накоплен определенный опыт практико-ориентированного обучения курсантов учебным дисциплинам по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция (уровень бакалавриата)», направленности «Организация режима в уголовно-исполнительной системе».

В соответствии с требованиями законодательства о высшем образовании, разработаны рабочие образовательные программы, учебно-методические и дидактические материалы (фонды оценочных средств, программы итоговой аттестации, сборники заданий для практических и семинарских занятий и др.).

Во исполнение законодательных и ведомственных нормативных правовых актов Минобрнауки, Минюста и ФСИН России по развитию отраслевого образования, проводится работа по активному внедрению в образовательный процесс практических форм обучения. В 2022 году показатель привлечения наиболее опытных и подготовленных практических работников учреждений и органов УФСИН России по Псковской области к проведению практических занятий вырос на 5 % в сравнении с прошлым годом и составил 15 %.

Практические работники, с каждым из которых оформлен соответствующий договор об образовательном сотрудничестве, проводят практические занятия с курсантами в форме диспутов, ролевых и деловых игр, решения конкретных задач и служебных казусов, возникающих в пенитенциарной деятельности учреждений УИС региона. Только на базе филиала в 2022 году к проведению занятий было привлечено более 20 практических работников. Бюджет реализованного ими учебного времени составил более 100 академических часов.

К проведению учебных занятий активно привлекаются руководители УФСИН, служб и подразделений ИК и СИЗО, ФКУ ЦИТОВ Псковской области. Внедряются научные разработки в пенитенциарную практику и образовательный процесс филиала и кафедры.

На системной основе осуществляются выезды в учреждения УФСИН области для проведения учебных занятий, участия в плановых режимных мероприятиях (обысках и досмотрах осужденных). В 2022 году на полигоне практического обучения были проведены 17 выездных практических занятий в объеме 86 академических часов. Организационно-методическое сопровождение таких занятий осуществляют 2 преподавателя, которые делят учебную группу на 2 подгруппы в целях их качественного проведения, выполнения поставленных задач и целей. При этом приоритетное внимание уделяется соблюдению законности, обеспечению прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Курсанты ориентируются на безусловное соблюдение законности при участии в проведении режимных мероприятий с последующим анализом возможных ошибок с точки зрения ведомственного контроля и прокурорского надзора [4, с. 275].

В целях систематизации указанной работы на кафедре составляются полугодовые планы-графики привлечения практических работников с указанием даты, учебной дисциплины, темы, места проведения, методического обеспечения проводимого с курсантами практического занятия.

Также профессорско-преподавательским составом кафедры в образовательный процесс внедряются современные формы и методы проведения практических занятий, используются возможности полигона и разнообразных учебных рабочих мест. В настоящее время в соответствии с Методическими рекомендациями ФСИН России 2022 г. оформлены и функционируют 10 рабочих мест на территории филиала:

- младший инспектор по штрафному изолятору в исправительном учреждении;
- начальник караула отдела охраны учреждения;

- контрольно-пропускной пункт по пропуску и досмотру автотранспорта;
- оператор пульта управления техническими средствами охраны учреждения (ПУТСО);
- младший инспектор внутреннего поста следственного изолятора;
- оперативный сотрудник исправительного учреждения УИС;
- помещение для проведения обыска лиц, убывающих из учреждения, и лиц, прибывающих в учреждение;
- старший инспектор группы пожарной профилактики отдела режима и надзора;
- сотрудник отдела специального учета СИЗО;
- сотрудник отдела (группы) специального учета ИК, ВК и ЛИУ.

Указанные рабочие места также используются в процессе проведения практических занятий и ежегодных оперативно-тактических учений.

В учреждениях УИС оборудованы 8 рабочих мест:

ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Псковской области:

- помещение для проведения обыска лиц, убывающих из учреждения и лиц, прибывающих в учреждение.

ФКУ ИК-4 УФСИН России по Псковской области:

- помещение для проведения обыска лиц, убывающих из учреждения, и лиц, прибывающих в учреждение;
- рабочее место младшего инспектора по приему (выдаче) посылок, передач, бандеролей в исправительном учреждении;
- начальник караула отдела охраны учреждения;
- начальник караула пожарной части исправительного учреждения.

ФКУ отдел по конвоированию УФСИН России по Псковской области:

- часовой планового караула по железнодорожному маршруту;
- часовой планового караула по автодорожному маршруту.

Другой важной формой практико-ориентированного обучения курсантов, используемой профессорско-преподавательским составом кафедры, выступают проводимые круглые столы, конференции (в том числе с международным участием), так называемые визитные мероприятия кафедры, посвященные актуальным проблемам совершенствования организации режима, надзора, охраны и конвоирования, оперативно-розыскной деятельности в УИС. Данные мероприятия носят ярко выраженный практический характер, поскольку на них обсуждаются не только доклады и выступления курсантов, ученых, но и практических работников. Подобный подход позволяет максимально приблизить результаты образовательной и научной деятельности к потребностям пенитенциарной практики. На кафедре организации режима и

оперативно-розыскной деятельности в УИС сложилась традиция ежегодного проведения трех подобных мероприятий.

Для получения обратной связи в образовательном процессе, обеспечения практико-ориентированного обучения курсантов, оказания научной и учебно-методической помощи учреждениям УИС региона, развития и совершенствования взаимодействия с ними образовательной организации, подведомственной ФСИН России, профессорско-преподавательским составом кафедры активно внедряются в практическую деятельность результаты научных исследований, проводимых по заявкам УФСИИ России по Псковской области и его подразделений, а также научных статьях, опубликованных в ведущих журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России [5, с. 65]. Так, в 2022 году из учреждений УИС области получены 196 актов внедрения научной продукции в практическую деятельность.

Проанализированный автором подход использования в отраслевом юридическом знании практико-ориентированного обучения, активно применяемый профессорско-преподавательским коллективом кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковского филиала Университета ФСИН России, безусловно, положительно влияет на качество ведомственного образования, обеспечивая формирование профессиональных компетенций, практических умений и навыков курсантов, готовности к предстоящей пенитенциарной деятельности в учреждениях и органах УИС, является приоритетной задачей их обучения.

1. Вилкова А. В., Ковалев О. Г. Адаптация молодых специалистов к профессиональной деятельности в оперативной службе в исправительном учреждении // Вопросы педагогики. 2021. № 6-2. С. 49–52. [Вернуться к статье](#)

2. Батищев В. Н. Психологическая диагностика компетенций сотрудников полиции // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы. М. : Москов. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации им. В. Я. Кикотя. 2017. С. 29–33. [Вернуться к статье](#)

3. Ковалев О. Г., Вилкова А. В. Современные организационные и психолого-педагогические проблемы подготовки сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2021. С. 232–238. [Вернуться к статье](#)

4. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус. М. : Юрайт, 2019. 481 с. [Вернуться к статье](#)

5. Ковалев О. Г. Особенности организации практико-ориентированного обучения курсантов в процессе преподавания дисциплин специализации в ведомственной образовательной организации // VIII Пед. чтения, посвящ. памяти

проф. С. И. Злобина : сб. материалов : в 2 т. / сост. А. И. Согрина. Пермь, 2022.
С. 63–65. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАКТИКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

М. И. Кулешов

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
руководитель юридической клиники
Института права и предпринимательства

Аннотация. В настоящей статье рассматривается практическая деятельность студентов на базе юридической клиники как важная составляющая в процессе формирования правовой культуры личности. Помощь в решении реальных жизненных ситуаций населения позволяет студентам формировать профессиональные компетенции, необходимые в дальнейшей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: юридическая клиника, правовая культура, правовое воспитание, практическая деятельность, юридическая практика.

Annotation. This article discusses the practical activities of students on the basis of a legal clinic as an important component in the process of forming a legal culture of an individual. Assistance in solving real life situations of the population allows students to form professional competencies necessary for further professional activities.

Keywords: legal clinic, legal culture, legal education, practical activity, legal practice.

В целях формирования личности с точки зрения правовой составляющей немаловажную роль наряду с теоретической подготовкой, изучением фундаментальных предметов и получением фактических знаний играет и последующее умение применять полученные знания на практике, в реально существующих ситуациях. Именно эту возможность предоставляет студентам практическая деятельность на базе юридических клиник при высших учебных заведениях, осуществляющих подготовку будущих юристов.

Согласно статье 22 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», за юридическими клиниками закрепляется статус полноценных участников в системе оказания бесплатной юридической помощи населению [1]. Однако по сравнению с остальными субъектами данных отношений юридические клиники, в частности юридическая клиника Института права и предпринимательства ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», имеют ряд преимуществ с точки зрения осуществления мер по формированию правовой культуры личности обучающихся и профессиональных компетенций.

В частности, Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» не ограничивает круг лиц, которые могут обратиться за юридической помощью в юридическую клинику. А список вопросов, по которым граждане, социальные некоммерческие организации и иные заявители могут получить поддержку, регламентирован внутренними документами клиники. Подобная «широта полномочий» позволяет подойти к вопросу формирования правовой культуры личности с разных сторон.

Правовая культура формируется в результате правового воспитания. Как отмечают Н. Ю. Скубак и М. Е. Морсеева, «правовое воспитание — это целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому» [2]. Задачами правового воспитания являются:

1. Формирование знаний о системе действующего права, а также правильного понимания и уяснения смысла правовых предписаний.
2. Формирование глубокого внутреннего уважения к праву.
3. Формирование умения самостоятельно применять правовые знания на практике.
4. Формирование привычки поведения в точном соответствии с законом.
5. Формирование установки на правомерное поведение и отрицательного отношения к совершению любых нарушений правовых норм [3].

Юридическая практика является неотъемлемой составляющей получения знаний о праве посредством непосредственного участия в правоприменительной деятельности, а оказание бесплатной юридической помощи позволяет получить знания не только в отдельно выбранной сфере права. В зависимости от вида запроса студенты-клиницисты оказывают консультации по таким сферам, как семейное, трудовое, наследственное, земельное право, право социального обеспечения, занимаются вопросами банкротства физических и юридических лиц. Нередко знания, полученные студентами именно в ходе практической деятельности, позволяют им успешно проходить контроль знаний по теоретическим материалам по отраслевым предметам. Именно практическая составляющая, в отличие от абстрактного правоприменения, позволяет студентам не просто выучить учебный материал, но и понять его, а также научиться применять его в дальнейшей профессиональной деятельности.

В целях сбалансированного правового воспитания личности практические навыки, так называемые *soft skills*, должны развиваться наряду с теоретическими, т. е. фактическими знаниями по праву. Именно практические умения и навыки формируют из будущего юриста не просто правового эрудита и специалиста буквы закона, но специалиста, к которому будут обращаться в том числе

и за наличие таких общегуманитарных компетенций, как эмпатия, сочувствие, умение выслушать и незамедлительно вникнуть в проблему, скорость принятия решений, а также гибкость в поиске вариантов ее разрешения. Все эти компетенции формируются в условиях наличия реальной фабулы от реального заявителя, в отличие от абстрактной семинарской задачи, а также в условиях привязки к конкретным срокам ее решения. Таким образом, студенты, во-первых, не понаслышке узнают о процессуальных сроках (например, в случаях подготовки процессуальных документов либо при наличии определенного срока, предусмотренного для обращения за той или иной услугой, выплатой и т. п.), во-вторых, привыкают к работе в соответствии с внутренними временными регламентами, а также формируют навыки по управлению своими временными ресурсами.

Оказание бесплатной юридической помощи заявителям помогает сформировать у студентов так называемую договороспособность. Под договороспособностью в данном контексте следует понимать не только способность и умение заключить договор с клиентом, но и прийти к соглашению о его содержании, найти компромиссное решение, сформулировать существенные для всех сторон условия, выстроить диалог о ходе его реализации. И все это в сфере права и с соблюдением норм действующего законодательства. Практика в юридической клинике позволяет обучающимся непосредственно столкнуться с ситуациями, которые их ждут при дальнейшем трудоустройстве и работе по специальности и, как следствие, успешно преодолеть предполагаемые сложности.

Ввиду более расширенной компетенции юридических клиник студенты-клиницисты имеют возможность не только непосредственно заниматься оказанием правовой помощи населению, но и осуществлять иную деятельность в рамках развития правовой культуры. К примеру, распространена практика проведения обучающих семинаров по праву для обучающихся в общеобразовательных организациях, а также организациях, осуществляющих реализацию программ среднего профессионального образования. Подобные мероприятия позволяют студентам углубиться в содержательную часть изучаемого материала, а также в дальнейшем интерпретировать его с учетом особенностей адресата получаемой информации.

В заключение стоит отметить, что практическая деятельность на базе юридических клиник является многосторонним способом формирования правовой культуры личности студентов, поскольку включает в себя теоретическую, практическую, методическую, а также профессионально-ориентационную подготовку обучающихся с учетом элементов, необходимых для формирования профессиональных и общекультурных компетенций

будущего специалиста в сфере права, а также с выполнением задач, направленных на правовое воспитание личности.

1. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 21 нояб. 2011 г., № 324-ФЗ // Российская газета. 2011 г. № 263.

[Вернуться к статье](#)

2. Скубак Н. Ю., Норсеева М. Е. Правовое воспитание и правовое обучение в процессе формирования правовой культуры // Технологии гражданской безопасности. Т. 8. 2011. № 1 (27). С. 53. [Вернуться к статье](#)

3. Гайворонская Я. В., Самусенко Т. М. Теория государства и права : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 172 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.85

СЛУЖБА СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Е. С. Лапова

Санкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт

Аннотация. В статье государство охарактеризовано как субъект формирования правовой культуры общества. Отмечено, что милиция являлась участником формирования правовой культуры общества и личности и в 1917–1991 гг. осуществляла свою деятельность посредством сотрудников, отвечающих за связи с общественностью. В Министерстве внутренних дел была создана специальная служба — по связям с общественностью, в своей работе широко использовавшая различные формы правового воспитания и правового просвещения.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, формирование правовой культуры, советская милиция, служба по связям с общественностью Министерства внутренних дел.

Annotation. The article describes the state as a subject of the creation of the legal culture of society. It is noted that the militia was a participant in the creation of the legal culture of society and the individual in 1917–1991 carried out its activities through employees responsible for public relations. A special public relations service was created in the Ministry of Internal Affairs, which widely used various forms of legal education and legal education in its work.

Keywords: legal culture, legal consciousness, creation of legal culture, Soviet police, public relations service of the Ministry of Internal Affairs.

Правовая культура — одна из самых обсуждаемых и дискуссионных сфер в юридической науке. В исследованиях ученых правовая культура предстает как полиструктурное образование [1, с. 34], комплексное и постоянно изменяющееся явление общественной жизни [2, с. 15], детерминанта правовой реальности, фактор развития теоретической и практической юриспруденции [3, с. 497–505; 4, с. 5–15].

Актуальной проблемой современной теоретической юриспруденции остается определение доминант и способов формирования правовой культуры [5, с. 136–137]. В российской научной юридической литературе до настоящего времени не получили должного рассмотрения процесс формирования правовой культуры и круг субъектов, оказывающих существенное воздействие на формирование правовой культуры общества и личности.

В качестве основных субъектов, формирующих правовую культуру российского общества, исследователи называют семью, образовательные организации, средства массовой информации, общественные и религиозные организации, государство.

Осуществляя классификацию субъектов, формирующих правовую культуру российского общества, исследователи выстраивают такой перечень субъектов, ранжируя их по степени эффективности формирования правовой культуры: государство (самый эффективно воздействующий субъект) — семья — средства массовой информации — учебные заведения и общественные организации — прочее [6, с. 10].

Субъекты, формирующие правовую культуру российского общества, разделяют на государственные и негосударственные.

Характеризуя государство как субъект формирования правовой культуры, необходимо обратить внимание на наличие у него таких характеристик:

- только государство создает правовые предписания;
- государство реализует культурную функцию, что подразумевает формирование различных видов культуры, включая правовую;
- государство обладает средствами целенаправленного и эффективного влияния на массовое сознание и мировоззрение граждан;
- формируя правовую культуру и правовое сознание, государство способно использовать весь спектр форм, методов, средств и инструментов правового воспитания [7, с. 102–103];
- государству доступны любые каналы распространения информации;
- государство осуществляет функцию охраны правопорядка и борьбы с правонарушениями;
- государство выступает гарантом безопасности общества и личности, гарантом охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина;
- государство является главным субъектом системы профилактики правонарушений [6, с. 10];
- государство является базовым субъектом общей правовой социализации как двустороннего процесса, с одной стороны, включающего передачу индивидам правовой информации, приобщающего их к существующим правовым ценностям, усвоению социального опыта, а с другой стороны, закрепляющего процесс воспроизводства и дальнейшего развития индивидами существующей системы отношений [8, с. 105–110];
- государство определяет содержание образовательных программ, по необходимости включая в них определенные учебные дисциплины, программы, курсы; формирует словарь общественных наук и оказывает влияние

на формирование обыденного словаря [9, с. 300–302], способствующие усвоению и развитию правовых знаний граждан [10, с. 49–52];

– имеет неотъемлемую часть государственного аппарата — правоохранительные органы, деятельность которых прямо и косвенно оказывает влияние на формирование правового сознания и правовой культуры [11, с. 82–83].

Одним из главных ведомств, функцией которых является поддержание правопорядка и предупреждение правонарушений в России, является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел России в совокупности с его региональными службами по связям с общественностью обладает информационно-пропагандистскими ресурсами, которые позволяют Министерству являться значимым субъектом формирования правовой культуры.

Упоминания о службе стражей порядка встречались в прессе в Российской империи начиная с 1804 г., с момента выхода «Санкт-Петербургского журнала» — первого издания Министерства внутренних дел. К 1910 г. в свет выходило уже несколько газет и журналов Министерства внутренних дел, а также проводилась работа с другими периодическими изданиями, направленная на формирование положительного образа стража порядка и получение поддержки общества [12, с. 120–124; 13, с. 326–364].

В 1906 г. по распоряжению председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина при Главном управлении по делам печати было образовано особое Осведомительное бюро, задачей которого был анализ материалов средств массовой информации. В 1915 г. круг его деятельности был расширен до непосредственного общения с корреспондентами и редакторами; стали проводиться и пресс-конференции [14, с. 18–22].

Общегосударственная и ведомственная печать выполняли общую задачу — распространяли официальную информацию, включая информацию правового характера, по истории государства, в том числе по истории российской полиции [15, с. 91].

Деятельность сотрудников Министерства внутренних дел Российской империи, прямо или косвенно отвечающих за связи с общественностью, не была направлена конкретно на правовое воспитание. Однако информационная работа, направленная на поддержание правопорядка и законопослушного поведения граждан, велась в формах, которые соответствовали формам, методам и средствам воспитания того времени. Среди таких форм выделялись пропаганда и агитация. Приоритет отдавался массовым формам, хотя к концу XIX в. использовались и формы индивидуальной работы в виде разъяснительных мероприятий с работниками печати. Широко использовались пропаганда

в периодической печати права и правомерного поведения, правовое просвещение, наглядная правовая информация (стенгазеты, листовки), правовая агитация. Среди методов правового воспитания преобладали разъяснение, убеждение, осуждение, угроза применения санкций, объяснительно-иллюстративные методы, метод беседы.

Революция 1917 г. провозгласила свободу слова и печати. С января 1918 г. начал выходить «Вестник НКВД». С 1920-х гг. ведомство широко использовало общероссийскую прессу, а с 1930-х начали появляться издания Министерства внутренних дел регионального масштаба [16].

В годы Великой Отечественной войны распространение большей части информации было направлено на поднятие духа населения, воспитание патриотических чувств, порицание противоправных действий. Самым доступным и оперативным средством информирования граждан стало радиовещание [17, с. 107–111].

В 1946 г. в СССР в условиях недостатка кадров в милиции началось активное привлечение гражданского населения для помощи стражам порядка. При этом широко использовался правовой всеобуч.

В 1955 г. в свет вышел журнал «Советская милиция». На его страницах и в изданиях региональных органов внутренних дел публиковали статьи о смелости милиционеров при задержании преступников, рассказывали о лучших сотрудниках, освещали повседневную работу местной милиции, писали о борьбе с хулиганством. В это же время появляется несколько радиоканалов и телевидение. Граждане стали писать в редакции письма. Появилась потребность в активном диалоге и в работе по обратной связи с населением. Сотрудники Министерства внутренних дел, отвечающие за взаимодействие с населением, начинают осваивать новые формы, методы и средства, возникшие вместе с появлением теле- и радиовещания.

В 1960-х гг. Министерство охраны общественного порядка РСФСР возложило на стражей порядка обязанность постоянно снабжать средства массовой информации материалами, отражающими значимые направления деятельности милиции. Руководители правоохранительных ведомств и начальники местных подразделений активно освящали работу Министерства внутренних дел в средствах массовой информации. Устанавливалась тесная связь с населением, организовывались обсуждения материалов правоохранительной направленности рабочими на фабриках и заводах с участием милиционеров, авторов статей ведомственных журналов. Для повышения активности общества в сфере противодействия преступности использовались: пропаганда неотвратимости наказания, создание неприемлемого отношения к нарушению правопорядка [16], разъяснения правил внутрисемейных отношений [18, с. 54–55].

10 июня 1983 г. приказом Министерства внутренних дел СССР № 0162 было создано Пресс-бюро Министерства внутренних дел СССР. Во многих региональных управлениях Министерства внутренних дел к середине 1980-х гг. сформировались собственные пресс-группы, которые стали детализировать правовую информацию в соответствии с каналами распространения этой информации и целевыми группами, на которые эта информация была рассчитана. В средствах массовой информации появились специализированные рубрики: «Внимание, подросток», «Хроника происшествий», «Следствие просит помощи», «Дорога, транспорт, человек». Их контент составляли правовые советы, разъяснения основ права и законодательства, консультации экспертов, направленные на предупреждение правонарушений, в том числе среди несовершеннолетних [19, с. 62–63].

Во второй половине 1980-х гг. сотрудники пресс-служб широко использовали распространение правовой информации с помощью выступлений в прессе, ведения аудио- и видеопрограмм, проведения интервью, представления профессиональных новостных материалов, проведения круглых столов, пресс-конференций, брифингов, консультаций коллективов редакций, выпуска книг о деятельности милиции [16].

Деятельность в области связи милиции с общественностью в 1917–1991 гг. эволюционировала: к ней привлекались различные субъекты, увеличивался перечень направлений работы, расширялся круг используемых форм и методов. В 1920-е годы эта деятельность приобретает правовоспитательную направленность, включая в круг своего воздействия и взрослых граждан, и детей. Используются различные формы и средства правового воспитания и правового просвещения (лекции, консультации, круглые столы); фото-, аудио-, видеорепортажи, сюжеты, интервью; специализированные правовые рубрики; вопросно-ответная форма обратной связи; документальные фильмы; пресс-конференции; экскурсии; знакомство населения с произведениями искусства, прямо или косвенно касающимися правовых проблем, — литературными произведениями, фильмами, выставками, музеями; конкурсы и викторины по правовой тематике. Широкое использование получают воспитание на основе личного примера, профилактика, предупреждение, диалоги о праве; анализ причин преступлений; анализ правовых ситуаций. Для правового воспитания используются культурно-образовательные учреждения (кинотеатры, дома культуры, клубы).

На современном этапе деятельности службы по связям с общественностью Министерства внутренних дел России для распространения правовой информации и правового воспитания широко используют формы, методы и средства, предоставляемые возможностями IT-технологий [20, с. 11].

Таким образом, деятельность сотрудников, отвечающих за связи с общественностью, а затем и служб по связям с общественностью органов внутренних дел оказывала влияние на правовую культуру советского общества. Служба по связям с общественностью Министерства внутренних дел являлась субъектом формирования правовой культуры, выступая и в роли представителя государства, и в роли средства массовой информации, используя различные формы, методы и средства правового воспитания и правового просвещения.

1. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2008. 200 с. [Вернуться к статье](#)
2. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)
3. Нижник Н. С. Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2012. С. 497–506. [Вернуться к статье](#)
4. Нижник Н. С. Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : тр. кафедры теории государства и права С.-Петерб. ун-та МВД России / науч. ред. Н. С. Нижник. СПб., 2012. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)
5. Лапова Е. С. К вопросу о формировании подходов к изучению феномена «правовая культура» в отечественной юридической науке // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17 дек. 2021 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 134–138. [Вернуться к статье](#)
6. Балакирева Л. М., Гулакова В. Ю., Дроздова А. М. Правовая культура : учеб. пособие. Ставрополь : Северо-Кавказ. федер. ун-т, 2015. 374 с. [Вернуться к статье](#)
7. Шендрик Н. Ю. Место и роль государства в процессе формирования массовой правовой культуры // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном российском обществе : сб. науч. ст. по итогам работы X нац. круглого стола «Человек. Труд. Общество». Краснодар : Кубан. ин-т социэкономии и права, 2020. С. 101–103. [Вернуться к статье](#)
8. Каландаришвили З. Н. Правовая социализация как условие преодоления деформации правового сознания молодежи // Ленингр. юрид. журн. 2008. № 1. С. 106–120. [Вернуться к статье](#)
9. Нижник Н. С. Вербальное отражение трансформации политико-правовой системы российского государства в эпоху социалистической революции // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Четвертой междунар. конф., Челябинск, 3–5 дек. 2009 г. / отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. Челябинск, 2009. С. 300–302. [Вернуться к статье](#)
10. Нижник Н. С. Правовая ментальность эпохи социалистической революции в вербальном выражении // Культура как контекст понимания и взаимодействия

государства, права, религии : материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 13–14 нояб. 2009 г. / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2009. С. 49–52. [Вернуться к статье](#)

11. Афаунов А. З., Чхвимиани Э. Ж., Татлок А. К. Деятельность органов правопорядка как фактор формирования правосознания в гражданской среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 81–84. [Вернуться к статье](#)

12. Красножон О. В. Журнал «Вестник полиции» в системе ведомственной печати Министерства внутренних дел Российской империи // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 4 (71). С. 120–124. [Вернуться к статье](#)

13. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. 466 с. [Вернуться к статье](#)

14. Гутнов Д. А. Из истории взаимодействия государства и периодической печати в России: Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской Империи // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2015. № 4. С. 16–25. [Вернуться к статье](#)

15. Токмачева А. Ю., Янченко И. Л. Ведомственная периодическая печать в системе Министерства внутренних дел Российской империи (дореформенный период XIX в.) // Тр. Акад. упр. МВД России. 2018. № 4 (48). С. 86–92. [Вернуться к статье](#)

16. Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации. История УОС. Исторический формуляр УОС МВД России. Во времена советские (1917–1968) [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Управленија/uos/history_UOS? (дата обращения: 06.03.2023). [Вернуться к статье](#)

17. Горохова А. В. Возникновение радиовещания как средства массовой информации: первые теории развития радиовещания и его влияния на общество // Культурология : журн. Ин-та науч. информ. по общественным наукам РАН. 2011. № 1 (56). С. 104–122. [Вернуться к статье](#)

18. Нижник Н. С. Насилие в семье и его предотвращение органами милиции (по сводкам о преступлениях в Ленинграде в 1960-х годах) // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 12. С. 54–57. [Вернуться к статье](#)

19. Иванов В. А. Взаимодействие ОВД Марийской АССР со СМИ во второй половине 1980-х годов // Вестн. Марийского гос. ун-та. 2013. № 12. С. 61–64. [Вернуться к статье](#)

20. Титова Е. А. Формы и методы правовой пропаганды в деятельности органов внутренних дел // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та МВД России. 2019. № 2 (89). С. 9–18. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КУРСАНТОВ
ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

О. О. Лемешевский

Военная академия Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры юридических дисциплин,
магистр военных наук

Я. В. Дольский

Военная академия Республики Беларусь,
слушатель факультета Генерального штаба Вооруженных Сил

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятие и сущность правовой культуры курсантов высших военных учебных заведений. Показывается значимость правовой культуры на современном этапе развития общества, формулируется положение о том, что правовая культура связана со всем воинским коллективом и вместе с тем — с каждым отдельным военнослужащим. Раскрываются основные направления формирования правовой культуры.*

***Ключевые слова:** правовая культура, курсант, воинский коллектив, личность, молодой человек.*

***Annotation.** The article discusses the concept and essence of the legal culture of cadets of higher military educational institutions. The importance of legal culture at the present stage of society development is shown, the provision is formulated that legal culture is connected with the entire military collective and at the same time, with each individual serviceman. The main directions of the formation of legal culture are revealed.*

***Keywords:** legal culture, cadet, military team, personality, young man.*

На сегодняшний день одним из основных направлений государственной политики в области профилактики правонарушений является противодействие терроризму и экстремизму, сохранение исторической памяти и др. Необходимо отметить, что основной целевой аудиторией различных преступных организаций, навязывающих деструктивное поведение, является молодежь.

В первую очередь данный факт связан с личностью молодых людей, которая характеризуется энергичностью, вспыльчивостью, поверхностностью суждений и часто отсутствием должного знания права, что приводит к правонарушениям и соответствующим последствиям.

Ведущей силой в профилактике преступности среди молодежи является правовая культура, которая представляет собой совокупность правовых знаний и взглядов, оценок, убеждений, профессиональных установок, состоящих

в признании важности, необходимости, социальной ценности и правильности понимания права и законодательства, а также профессиональное и качественное исполнение, использование, соблюдение и применение правовых норм в соответствии с правовыми предписаниями и принципами законности.

Другими словами, правовую культуру можно определить следующим образом: обусловленное социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества.

Значение правовой культуры состоит в том, что:

- с помощью правовой культуры курсант овладевает правовыми способами взаимодействия с другими курсантами, с сержантским и офицерским составом, не допускает нарушений установленных правил взаимоотношений;
- правовая культура формирует у курсантов ценностные ориентиры, навыки, привычки, установки на правомерное поведение, способствуя становлению личности человека в погонах.

В зависимости от носителя ее подразделяют на:

- общественную;
- групповую;
- индивидуальную [1].

Следует отметить, что в условиях военного учебного заведения, в первую очередь курсовым офицерам и профессорско-преподавательскому составу необходимо уделять внимание развитию групповой и индивидуальной правовой культуры. Безусловно, повседневная жизнь будущих офицеров отличается нахождением в одном коллективе долгое время. Низкая правовая культура способна спровоцировать групповое правонарушение, которое является более опасным, ведь в условиях взаимной поддержки снижается влияние сдерживающих факторов поведения, резко возрастает готовность к опасным правонарушениям.

Следует отметить, что групповая правовая культура формируется из высокой правовой культуры каждого военнослужащего, его личности. Поэтому процессу воспитания в военных учебных заведениях должно уделяться приоритетное внимание.

Безусловно, индивидуальная правовая культура всегда предполагает оценку «качества» и имеет соответствующие показатели, что способствует разработке инструментов ее формирования. Незнание законов, пренебрежительное к ним отношение свидетельствуют об отсутствии правовой культуры. Но сам факт знания правовых требований еще не может свидетельствовать о ее наличии. Показателем правовой культуры является активное правомерное поведение личности, что предопределяется уровнем ее правосознания [2].

Во-первых, это знание и понимание права, уважение права в силу личного убеждения, привычка поступать в соответствии с законом, наличие у курсантов той части правосознания, которая отражает правовые взгляды. Для этого курсанты изучают действующее законодательство, им разъясняются сложные элементы права. Перед личным составом выступают представители прокуратуры и других правоохранительных органов. Также личным примером командиры и начальники показывают свое отношение к праву и порядок соблюдения норм права и т. д. Формирование правовой культуры предполагает не только механическую передачу определенных знаний с использованием различных способов, но и выработку убежденности в справедливости основных идей права, в необходимости строжайшего соблюдения законности, превращая знания в их личные убеждения.

Во-вторых, правовая активность в сфере действия права, социально активное правомерное поведение. Данный показатель формируется посредством выполнения курсантами всех требований воинских уставов и наличием в результате большого количества поощрений, а также участия в научных конференциях и семинарах юридической направленности, референдумах и выборах и т. д.

Ученые выделяют три уровня развития правовой культуры: высокий, средний и низкий. Низкий уровень правовой культуры, как правило, выражается в нарушении принятых законов и неуважении к правам человека, пренебрежении законодательными актами, отказе принимать действующие нормы права, отсутствии или не в полной мере знаний закона.

Следует подчеркнуть высокую ценность личного примера офицерского состава и влияния авторитета командира на отношение личного состава к тем или иным вопросам службы, в том числе и правовой культуры. Авторитет офицера в современном белорусском обществе основан на объективной оценке реальных достоинств человека, его усердного труда, общественной полезности практической деятельности.

Авторитет обладает силой внушения. Авторитетный человек оказывает большое влияние на окружающих, на своих товарищей по коллективу, не за страх, а за совесть побуждая выполнять приказы и распоряжения, прислушиваться к рекомендациям и советам.

Практика показывает, что завоевание авторитета руководителем — дело длительное и кропотливое, требующее большого труда и напряжения, всестороннего самосовершенствования, постоянного анализа своей деятельности, поведения, взаимоотношения с людьми.

Следовательно, если офицер ставит цель формировать правовую культуру у подчиненного личного состава, ему необходимо своими личными качествами,

умением работать с людьми, а также глубоким знанием материалов правовых занятий завоевать уважение у подчиненных. Это будет способствовать успешному выполнению поставленной задачи и станет дополнительным моральным стимулом способным быть похожим на своего воспитателя.

В заключение необходимо отметить, что сущность правовой культуры исследована не в полной мере и требует дальнейших научных дискуссий. Очевидным остается тот факт, что низкая правовая культура воинского коллектива чревата серьезными последствиями. Системная работа всего офицерского состава по формированию высокой правовой культуры должна строиться в первую очередь на личном примере в соблюдении нормативных правовых актов, как ведомственных, так и республиканского значения. Вместе с тем большое количество разноплановых правовых мероприятий с привлечением всего личного состава должно иметь приоритетное значение при планировании, ведь это также способствует повышению правовой культуры.

1. Мазарчук Д. В., Глыбовская Н. А. Общая теория государства и права: ответы на экзаменационные вопросы. 3-е изд., стереотип. Минск : Тетралит, 2019. 103–104 с. [Вернуться к статье](#)

2. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник / под ред. В. А. Кучинского ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». 3-е изд., пересмотр. Минск : Акад. МВД, 2019. 487 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Д. В. Меняйло

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
начальник кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент

К. Е. Хайминова

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
курсант 1 курса факультета правоохранительной деятельности

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме правового воспитания сотрудников полиции в условиях цифровизации, изложены характерные положительные и отрицательные стороны влияния цифровых технологий в современном обществе, а также внесены предложения по усовершенствованию данной системы.*

***Ключевые слова:** цифровизация, информационные технологии, правовое воспитание, сотрудники органов внутренних дел.*

***Annotation.** The article is devoted to the problem of legal education of police officers in the conditions of digitalization, describes the characteristic positive and negative qualities of digital technologies in modern society, and also makes suggestions for improving this system.*

***Keywords:** digitalization, information technologies, legal education, employees of internal affairs bodies.*

В настоящее время стремительно развиваются информационные технологии. Они открывают возможность освоения новых областей знаний, недоступных ранее, в связи с чем играют значимую роль в жизни каждого человека. Трудно представить современное общество без технических средств, ведь благодаря цифровым технологиям человек может получить значительное количество знаний во всех сферах общественной жизни. С первых лет жизни дети полностью погружены в виртуальный мир. Цифровые технологии меняют формы взаимодействия с окружающим миром, дополняют жизнь ребенка, так как они необходимы для развития и социализации нового общества. Цифровизация затрагивает все сферы окружающего мира человека, в том числе и правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел. К сожалению, в настоящее время по-прежнему наблюдается недостаточная правовая неосведомленность должностных лиц, деморализация и профессиональная деформация, что крайне

негативно сказывается на правовом воспитании сотрудников правоохранительных органов.

Низкий уровень правосознания, в свою очередь, порождает множество проблем в современном обществе, среди которых отсутствие моральных качеств в социуме, правовой нигилизм, снижение доверия к закону, увеличение правонарушений и преступлений. На сегодняшний день проблема правового воспитания сотрудников органов внутренних дел в условиях цифровизации является актуальной. После принятия Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О полиции» большое внимание уделяется профессиональной грамотности, правовой культуре и правовому просвещению сотрудников органов внутренних дел [1]. При этом под правовым воспитанием сотрудников органов внутренних дел понимаем целенаправленную деятельность всего государства, общественных организаций и отдельных граждан по овладению профессиональными правовыми ценностями и передаче правового опыта, организованной в форме систематического воздействия на сознание и поведение сотрудника органов внутренних дел, в целях формирования определенных положительных ценностей, гарантирующих применение прав на благо общества [2].

Целями правового воспитания сотрудников ОВД являются формирование правовых знаний и правового сознания; выработка качеств уважения к праву, закону; соблюдение порядка действий в любых ситуациях в соответствии с правом.

В свою очередь, «блюститель правопорядка» должен отличаться такими качествами, как ответственность, дисциплинированность, порядочность, а также уметь конструктивно выстраивать диалог с гражданами, располагать их к себе и находить решения проблем в экстраординарных ситуациях. Именно поэтому формирование положительных качеств у сотрудников ОВД происходит благодаря правовому воспитанию.

Для сотрудников органов внутренних дел имеют значение различные духовно-нравственные и материальные ценности, которые изменяются на протяжении времени в результате влияния внешних экономических, политических, культурных и социальных факторов. Их соответствие моральным принципам личности и требованиям, существующим в государстве и обществе, во многом зависит от уровня правового воспитания. Именно поэтому большое внимание уделяется формированию правового сознания и законопослушного поведения у курсантов и слушателей образовательных организаций Министерства внутренних дел России, результатом которого являются такие отличительные черты, как дисциплинированность, порядочность, честность, скромность и бескорыстие. Повысить уровень правового воспитания способны тщательно

продуманная правовая пропаганда в средствах массовой информации, широкий доступ к нормативно-правовой базе, разработка и внедрение действенных форм вовлечения граждан в правотворческую деятельность [3].

Цифровизация затрагивает всю правовую сферу общества, включая правовое воспитание и правовое регулирование. Цифровые технологии все шире внедряются в процесс подготовки юридических документов, обсуждения законопроектов, судебных разбирательств и исполнения судебных решений. Цифровизация правовой сферы фактически означает ее эволюцию, другими словами, происходит усовершенствование в областях правовой деятельности и правовых отношений. В таком случае трансформация права неизбежна, так как в процессе ее меняется общество под воздействием цифровых технологий, появляются новые формы управленческих отношений и в целом изменяется восприятие права в общественном сознании. Роль цифровизации в области образования, культуры и науки с каждым годом увеличивается. Так, в условиях пандемии или специальной военной операции ряд учебных заведений перешли в онлайн-формат получения знаний. С развитием цифрового общества сложилась нормативно-правовая база в сфере образования:

– Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации».

– Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

– Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”».

– Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

– Национальный проект «Образование», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). В данный национальный проект входит Федеральный проект «Цифровая образовательная среда».

– Целевая модель цифровой образовательной среды (приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 649).

Благодаря проектам, посвященным цифровизации в сфере образования, обучающиеся совершенствуют свои знания и умения. Именно с помощью цифровых технологий быстро и эффективно достигается желаемый уровень правового воспитания среди сотрудников ОВД.

Цифровое образование создает новые возможности для обучения общества, а также расширяется спектр инновационных технологий. Так или иначе, цифровизации является дискуссионным вопросом. Однако необходимо выделить плюсы и минусы данной системы. Рассмотрим их более подробно [4].

Среди достоинств цифровизации можно выделить:

- обеспечение активного вовлечения учащихся в учебный процесс;
- уменьшение рутинной работы и отсутствие бумажной волокиты;
- организацию продуктивной учебной деятельности курсантов, слушателей и сотрудников ОВД;
- развитие важных навыков работы с источниками информации;
- упрощение работы преподавателей;
- снижение заболеваемости из-за отсутствия контакта обучающихся в условиях пандемии;
- приучение курсантов и слушателей к самостоятельности, так как обучающиеся сами стремятся к получению информации и приобретению собственных знаний.

Несмотря на большое количество преимуществ цифровизации, выделяют и недостатки:

- снижение умственной активности;
- провокация на обман и уклонение от выполнения заданий;
- наличие информационных перегрузок;
- снижение социального взаимодействия;
- снижение когнитивных способностей;
- снижение физической активности человека и, как следствие, возможные проблемы со здоровьем;
- возможность совмещения уроков с посещением социальных сетей.

Таким образом, нельзя однозначно сказать о положительном или отрицательном влиянии цифровых технологий на современное общество, однако можно заметить, что этап перехода к информационно-коммуникационным технологиям неизбежен. В настоящее время процесс цифровизации необходим, несмотря на имеющиеся отрицательные черты.

В заключение следует отметить, что только тщательно продуманная и эффективная система усовершенствования процесса цифровизации сможет способствовать повышению уровня правового воспитания сотрудников ОВД. Однако для полноценной реализации такого проекта необходимо:

- развивать образовательные программы и курсы дополнительного образования для повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел;
- уделить особое внимание законодательному совершенствованию правового воспитания в условиях цифровизации;

- создать интерактивные площадки для обучающихся образовательных организаций системы Министерства внутренних дел России;
- оптимизировать процесс становления цифровых технологий в условиях перехода к информационному обществу.

В современном мире проблема правового воспитания в условиях цифровизации актуальна и предоставляет возможность научной деятельности для будущих исследований.

-
1. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 06.02.2023 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 2. Кравченко Е. Г. Причины модернизации правового воспитания и правовой культуры сотрудников правоохранительных органов // Алтайский юрид. вестн. 2014. № 1 (5). С. 19–23. [Вернуться к статье](#)
 3. Способы повышения уровня правовой культуры [Электронный ресурс] // Studwood. Учебные материалы онлайн. URL: https://studwood.net/1192682/pravo/sposoby_povysheniya_urovnya_pravovoy_kultury (дата обращения: 11.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 4. Такиуллин Т. Р. Влияние цифровизации на систему образования [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 5–8. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85723/> (дата обращения: 15.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 355.1

О ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СУБОРДИНАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

С. В. Павлющик

Военная академия Республики Беларусь,
доцент кафедры юридических дисциплин

О. О. Лемешевский

Военная академия Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры юридических дисциплин,
магистр военных наук

***Аннотация.** Работа посвящена важнейшему аспекту деятельности любого воинского подразделения — субординации взаимоотношений между военнослужащими. На основе изучения мнений ученых, анализа литературы и норм права высказан ряд суждений, связанных с пониманием сущности субординации как единого правового принципа, объединяющего в себе единоначалие, общую и правовую культуру, авторитет командира и обязательность приказа.*

***Ключевые слова:** военная служба, воинский коллектив, субординация, принцип, единоначалие, приказ, культура, этика военнослужащих.*

***Annotation.** The work is devoted to the most important aspect of the activity of any military unit — subordination of relations between military personnel. Based on the study of the opinions of scientists, the analysis of literature and legal norms, a number of judgments related to the understanding of the essence of subordination as a single legal principle combining unity of command, general and legal culture, the authority of the commander and the obligation of the order are expressed.*

***Keywords:** military service, military collective, subordination, principle, unity of command, order, culture, ethics of military personnel.*

Установление основополагающих принципов воинской службы как вида государственной службы является актуальным в связи с необходимостью эффективного функционирования государственно-правового механизма и качественного выполнения военнослужащими, проходящими службу в государственных военных организациях, задач по защите Отечества.

Геополитические реалии сегодняшних дней, когда запад пытается насаждать другим народам смыслы, чуждые историческим корням и мировоззрению населения, свидетельствуют о необходимости принятия командирами (начальниками) соответствующих мер по усилению позиций права и правового государства, а не правил коллективного запада. Применение командирами в повседневной военно-служебной деятельности требований принципов централизации управления и единоначалия, законности и

справедливости, моральных и этических норм, нравственных начал и общечеловеческих ценностей, разъяснение государственной идеологии и национальных интересов — все это приобретает принципиально важное значение в вопросах обучения и воспитания личного состава. Наряду с личной примерностью при решении задач государственной службы воинская субординация является специфическим принципом.

В наших рассуждениях относительно исследуемого понятия субординации обратимся к «Словарю русского языка» 1984 года под редакцией Н. Ю. Шведовой. В данной книге под субординацией понимается система строгого служебного подчинения младших старшим [1, с. 675].

Слова великого русского полководца А. В. Суворова о том, что «субординация, или послушание — мать дисциплины, или военному искусству», суворовцы советских лет (соавтор работы — выпускник Минского суворовского военного училища 1988 г.), нынешнее поколение кадетов, выпускники факультета внутренних войск знают с первых дней учебы [2, с. 56]. Констатируем, что человеческая составляющая военного дела по-суворовски — это вера в личность солдата, в себя, в собственные силы, национальное самосознание. Мы вспоминаем особый, ободрительный подтекст команд уважаемых офицеров-воспитателей (отцов-командиров), распоряжений преподавателей, от которых уже в юные годы получили практику понимания осознанной необходимости при выполнении команд, познали «вкус» исполнительской дисциплины. В последующем память опыта суворовских будней помогала претворять полученные знания и навыки в пользу надлежащего военного быта, уставного порядка и достойного прохождения воинской службы.

Известный русский военный педагог М. И. Драгомиров определял субординацию как обязанность всякого чина обращаться снизу вверх с докладом, сверху вниз с приказанием, не иначе как в ступень командования, непосредственно за ним следующую вверх или вниз [3, с. 20].

Каждый человек обладает только присущей ему индивидуальностью. В условиях военного быта «от подъема до отбоя» строжайшее выполнение установленных регламентов может вызвать у военнослужащего, обладающего соответствующими знаниями в области юриспруденции, предположение о нарушении его прав и свобод. На наш взгляд, в работе с личным составом следует акцентировать внимание на социально-политические, административно-правовые и морально-психологические основы воинской дисциплины, то есть на объективные закономерности, заключающиеся в подчинении интересов личности интересам государства, воинского коллектива и воинскому уставному порядку. Как пишет в своих трудах Л. С. Мальцев, «важно при этом

формировать социально-значимые мотивы дисциплинированного поведения без подавления личности и ограничения ее прав и свобод» [4, с. 15].

Не менее принципиальным и уникальным является высказывание М. И. Ботьянова: «Начальники должны стараться щадить самолюбие своих подчиненных, потому что самолюбие есть залог самостоятельности, которая необходима военному человеку в трудные минуты. Самостоятельность и самолюбие, как качества высшие, должны лелеять, а не подавлять» [5, с. 3].

При формировании позитивного представления о воинской субординации, воздействующей на жизненно важные установки в системе «личность военнослужащего — воинский коллектив — общество — государство», акцентируем внимание на недопустимость таких вредоносных, неправовых явлений, как грубость, бестактность, оскорбление, унижение чести и достоинства личности. Напомним, что одним из слагаемых успеха командира в поддержании крепкой воинской дисциплины служит сознательное повиновение подчиненных ему военнослужащих. Однако достичь данного состояния возможно только при личном добросовестном отношении к службе, авторитарно-демократическом стиле руководства, умелом сочетании мер по убеждению и принуждению, каждодневной требовательности и уважении личного достоинства воинов, применении законных приемов и способов воспитания.

Несмотря на отсутствие законодательного определения, опыт преподавания и изучения курсантами учебной дисциплины «Военная администрация и правовая работа в войсках» позволяет проследить роль военного права в закреплении правил субординации в военно-правовых нормах и их реализации в повседневной служебной деятельности.

Так, в Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 года № 100-З «О статусе военнослужащих» установлены: запрет на действия, связанные с обсуждением или критикой приказов командира (начальника); требования о беспрекословном выполнении воинского долга, повиновении командирам (начальникам), уважении чести и достоинства каждого, воинской вежливости и воинском приветствии [6, ст. 7, 23].

С самого начала прохождения службы командир требует от военнослужащих докладывать непосредственному начальнику о нуждах, запросах, о всем случившемся. Вышеприведенное правило закреплено в статье 17 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее — УВС). Очевидно, что недопустимо замалчивание никаких проблем, поскольку при определенных обстоятельствах могут произойти негативные события (происшествия), спрофилировать которые уже не представится возможным. Не менее принципиальная черта субординации также

зафиксирована в УВС: «По служебным вопросам военнослужащий должен обращаться к своему непосредственному начальнику или с его разрешения — к следующему по подчиненности начальнику. По личным вопросам военнослужащий также должен обращаться к непосредственному начальнику, а в случае особой необходимости — к старшему начальнику» [7, ст. 18].

Единоначалие — один из принципов деятельности внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Выскажем точку зрения о том, что единоначалие — это правовая основа субординации, ее юридический стержень, влечет полную ответственность командиров (начальников) за все стороны жизни и деятельности войск. Как основной принцип военного руководства он юридически закреплен в Законах Республики Беларусь от 3 ноября 1992 года № 1904-ХІІ «О Вооруженных Силах Республики Беларусь», от 3 июня 1993 года № 2341-ХІІ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь», а также в статьях 29, 35 и 75 УВС.

Субординация проявляется во взаимоотношениях старших военнослужащих с младшими. В соответствии с УВС, старшие по воинскому званию должны требовать от младших по воинскому званию соблюдения воинской дисциплины, общественного порядка, правил поведения, ношения военной формы одежды и выполнения воинского приветствия. Младшие по воинскому званию обязаны беспрекословно выполнять эти требования [7, ст. 33].

Отношения субординации формируют позитивное мировоззрение, общую и правовую культуру военнослужащего. Несмотря на то, что новое пополнение (недавние призывники) уже имеют определенные нравственно-этические установки, задачей командира становится развитие государственно-правовых, военно-патриотических, историко-культурных, других знаний, мотивирующих и характеризующих военнослужащих как представителей власти, сильного и правового государства. В этой связи особо актуальной в воинском воспитании следует считать выработку у военнослужащих понимания предназначения внутренних войск в системе государственных органов обеспечения национальной безопасности, а также своего места и роли в выполнении возложенных задач; формирование у личного состава непоколебимой верности Военной присяге и необходимости неукоснительного выполнения общевоинских уставов, приказов командиров (начальников), сознательной дисциплинированности.

Одновременно следует нивелировать вероятность проявления таких отрицательных свойств, как распространение слухов, сплетен и другой непроверенной информации сомнительного характера; предвзятое и необъективное отношение к коллегам и др. Военнослужащий, руководствуясь правилами профессиональной этики, должен строить свои отношения с коллегами по службе

на благожелательной основе, на принципах взаимоуважения, доверия и профессионального взаимодействия; проявлять отзывчивость, корректность и доброжелательность; быть предупредительным и тактичным по отношению к коллегам по службе.

Утверждению субординации служат воинские традиции и ритуалы: ритуал подъема Государственного флага Республики Беларусь с исполнением Государственного гимна Республики Беларусь; принесение военнослужащим Военной присяги; воинское приветствие; вечерняя поверка; вручение государственных наград; почитание Боевого Знамени; ритуал распределения прибывшего пополнения по подразделениям; торжественное вручение вооружения, военной и специальной техники, закрепленных за военнослужащими; проводы военнослужащих, уволенных с военной службы в запас; проводы командира воинской части, переведенного на новое место военной службы; парады войск; торжественные встречи, приветствия и построения; проведение мероприятий, связанных с принесением дани уважения братским могилам воинов, павших в боях за свободу и независимость Отечества, и др.

Участие военнослужащих в подготовке и праздновании Дня защитников Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь, Дня памяти воинов-интернационалистов, Дня внутренних войск, Дня Победы, Дня Государственного герба Республики Беларусь и Государственного флага Республики Беларусь, Дня Независимости Республики Беларусь (Дня Республики), Дня чествования ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск, годовых праздников воинских частей (факультета внутренних войск), Дня народного единства наполняет гражданско-патриотическим смыслом мировоззренческую составляющую отношений субординации, закрепляют в правосознании воинов славные боевые традиции белорусского народа.

Таким образом, воплощением идеи выявления фундаментальных правовых основ воинской службы является специфический принцип субординации взаимоотношений между военнослужащими, объединяющий в себе единоначалие, воинскую дисциплину, позитивное мировоззрение, общую и правовую культуру, авторитет командира и обязательность приказа.

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1984. 797 с. [Вернуться к статье](#)

2. Не числом, а умением! Военная система А. В. Суворова // Рос. воен. сб. / сост. А. Е. Савинкин [и др.]. М. : Русский путь, 2001. 615 с. [Вернуться к статье](#)

3. Военная администрация : учеб. пособие / Б. В. Асаенок [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова ; учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь». Минск : Минский гос. ПТК полиграфии, 2021. 380 с. [Вернуться к статье](#)

4. Мальцев Л. С. Деятельность органов военного управления по поддержанию и укреплению воинской дисциплины. Минск : Асобны Дах, 2002. 221 с. [Вернуться к статье](#)

5. Ботьянов М. И. Из приказов по корпусу генерал-лейтенант Ботьянова. 2-е изд. Витебск : Губерн. типолитогр., 1898. 70 с. [Вернуться к статье](#)

6. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 100-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 06.04.2017 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340

ПРОДВИЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ СТРАНЫ

О. В. Русак

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы участия публичных центров правовой информации в правовом просвещении граждан. Отмечается социальная значимость правовой просветительской работы центров, которая обеспечивается посредством использования государственных информационно-правовых ресурсов, применения библиотечных технологий и развития социальной коммуникации публичных центров правовой информации.*

***Ключевые слова:** публичные библиотеки, публичные центры правовой информации, правовое просвещение, правовая культура, государственные информационно-правовые ресурсы, социальная коммуникация, сайты.*

***Annotation.** The issues of participation of public centers of legal information in the legal education of citizens are considered. There is noted the social significance of the legal educational work of the centers, which is ensured through the use of state information and legal resources, the application of library technologies and the development of social communication of the Public Legal Information Centers.*

***Keywords:** public libraries, public centers of legal information, legal education, legal culture, state information and legal resources, social communication, web-sites.*

Развитие правового государства во многом зависит от уровня правовой культуры и правового сознания общества. При этом значительная роль в повышении правовой культуры граждан принадлежит государству, обеспечивающему посредством комплекса специальных юридических мер соответствующую идеологическую и организационно-правовую работу [1, с. 15]. Одновременно важное значение имеет функционирование системы правового просвещения — главного средства формирования правовой культуры общества.

В Республике Беларусь отдельные направления деятельности по правовому просвещению регулируются Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», Указами Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2011 г. № 573 «О Совете по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь» и от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации

Республики Беларусь», постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 ноября 2010 г. № 98 «О некоторых вопросах правового просвещения населения», постановлением Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Министерства образования Республики Беларусь от 30 сентября 2010 г. № 312/66/105 «Об отдельных вопросах воспитания правовой культуры личности некоторых категорий несовершеннолетних» и др.

Правовое просвещение осуществляется «посредством организации и проведения системы мероприятий, направленных на обеспечение и защиту прав и законных интересов граждан» [2]. В настоящее время в стране реализуется комплексный план правового просвещения, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2021 г. № 107 «О правовом просвещении граждан в 2021–2025 годах».

Также выполнение отдельных мероприятий по правовому просвещению предусматривают Государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2020 г. № 748; Национальная стратегия Республики Беларусь «Активное долголетие — 2030», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2020 г. № 693; Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг., утвержденная постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 31 декабря 2020 г. № 312, и иные документы.

Как справедливо отмечает А. А. Жигулин, важными составляющими формирования системы правового просвещения общества являются содержание, качество и доступность правовой информации [3, с. 75]. В нашей стране главная роль в обеспечении процесса беспрепятственного доступа населения к правовой информации принадлежит Национальному центру правовой информации Республики Беларусь (далее — НЦПИ) — центральному государственному научно-практическому учреждению, осуществляющему сбор, учет, обработку, хранение, систематизацию и актуализацию эталонной правовой информации, ее распространение (предоставление), экспертно-аналитическую деятельность в указанных сферах, а также официальное опубликование правовых актов [4]. Благодаря проводимой НЦПИ работе по формированию и развитию государственных информационно-правовых ресурсов, организации публичных обсуждений проектов правовых актов и иных коммуникаций по правовым вопросам, обеспечению функционирования центров доступа к правовой информации и реализации иных задач в Республике Беларусь действует государственная система правовой информации, гарантирующая каждому человеку возможность реализации своего неотъемлемого права на получение полной, достоверной, официальной правовой информации.

НЦПИ значительное внимание уделяет развитию публичных центров правовой информации (далее — ПЦПИ, центры). Совместно с Министерством культуры Республики Беларусь обеспечиваются создание, координация и методическое сопровождение 627 ПЦПИ, функционирующих в публичных библиотеках.

Сеть ПЦПИ является общественно значимым проектом, в связи с чем их деятельность развивается с учетом информационно-правовой повестки государства и соответствующих запросов общества. Одним из таких запросов остается информационно-правовой просветительский сервис ПЦПИ, который с помощью библиотечных технологий и социальной коммуникации центров обеспечивает правовое просвещение граждан.

В целях совершенствования деятельности центров НЦПИ и Министерством культуры Республики Беларусь 24 июня 2022 г. утвержден План мероприятий по развитию ПЦПИ на 2022–2025 годы. Документ носит комплексный характер, включает мероприятия по информационно-ресурсному обеспечению ПЦПИ, их организационно-методическому развитию, по популяризации работы центров, в том числе в области правового просвещения пользователей. Современные центры обладают необходимой функциональной и технической базой для реализации соответствующих мероприятий, имеют высокий уровень информационно-коммуникативных связей.

В настоящее время ПЦПИ выстроена эффективная система информирования пользователей по вопросам законодательства и права, позволяющая популяризировать правовые знания. Используя государственные информационно-правовые ресурсы, ПЦПИ активно реализуют правовую просветительскую деятельность: проводят публичные выступления, диспуты, дни правовой культуры и грамотности, информационные часы и недели правовой информации, беседы по правовому воспитанию, деловые игры, экспонируют тематические книжные выставки, организуют презентации и обзоры правовой литературы. В целях правового просвещения пользователей ПЦПИ создают печатную и электронную информационно-библиографическую продукцию: виртуальные выставки и обзоры правовой литературы, тематические списки литературы, онлайн-указатели и другие виды библиографических пособий, видеоролики, электронные буклеты о ресурсах центров, памятки по правовой тематике и др.

В рамках просветительской деятельности центры имеют позитивный опыт социального партнерства. Сегодня на площадках ПЦПИ организуются мероприятия с участием руководителей и специалистов органов местного управления, учреждений образования, общественных объединений. Формат открытого общения граждан с компетентными представителями государственно-общественных структур позволяет гражданам не только получать необходимую

информацию из первых уст, но и принимать непосредственное участие в решении социально значимых вопросов. Например, через публичное обсуждение проектов правовых актов на Правовом форуме Беларуси.

Наиболее известным коммуникативно-просветительским проектом является организация в ПЦПИ безвозмездных юридических консультаций для граждан. При этом нередко используются компьютерные технологии и тематические цифровые сервисы. Например, имеется опыт по созданию библиотек и региональными нотариальными палатами, коллегиями адвокатов совместных онлайн-ресурсов, ориентированных на оказание информационно-правовой помощи населению. Благодаря этому получить юридическую консультацию можно, воспользовавшись виртуальными службами «Нотариус online», «Адвокат online» (сайт Брестской областной библиотеки) и др.

В развитие указанного направления видится перспективной работа ПЦПИ с экспертным сообществом из числа партнеров. В частности, на базе центров возможна организация встреч по разъяснению важнейших правовых актов гражданам. При этом общей установкой для ПЦПИ является расширение круга социального взаимодействия с целью обсуждения на площадках центров проектов правовых актов и в целом важных вопросов государственного и местного значения. Для привлечения граждан к такому участию ПЦПИ следует использовать информационные поводы: факты, даты, события, значимые как для республики в целом, так и для конкретного региона.

С целью популяризации просветительской деятельности и обмена опытом по вопросам организации мероприятий по правовому просвещению пользователей работники ПЦПИ публикуют практико-ориентированные материалы на страницах профессиональных изданий. Вместе с тем обмен опытом в форме публикации не является достаточным, тем более если речь идет об электронных проектах ПЦПИ. Для ознакомления заинтересованных с соответствующими информационными разработками, виртуальными сервисами центров видится целесообразным наличие общей точки доступа к ним.

Учитывая значимую роль НЦПИ в координации и методическом обеспечении функционирования ПЦПИ на республиканском уровне, представляется необходимым провести работу по созданию на сайте НЦПИ специального раздела, посвященного правовому просвещению граждан в ПЦПИ. Автору настоящей статьи строение раздела представляется в виде двух блоков: «ПЦПИ — социальный государственный проект» и «ПЦПИ в системе правового просвещения населения».

Первый блок может содержать историческую, справочно-аналитическую, статистическую, новостную информацию о ПЦПИ. Ознакомившись с необходимыми материалами, каждый пользователь сайта будет иметь общее

представление о сети центров, а также об услугах, которые можно в них получить. Для специалистов ПЦПИ данный блок будет полезен с точки зрения планирования перспективных направлений развития центров, реализации плановых мероприятий, актуальности статистических показателей работы ПЦПИ и т. д.

Второй блок представляется в виде практико-ориентированного материала, включающего методические материалы ПЦПИ по организации правовой просветительской работы, ссылки на виртуальные сервисы и библиотечно-информационные ресурсы центров: информационные дайджесты, видеобзоры правовой литературы, онлайн-выставки, буктрейлеры и прочее.

Существование вышеназванного раздела будет содействовать «узнаваемости» и продвижению ПЦПИ в сети Интернет. Данный ресурс рассчитан на широкую аудиторию посетителей сайта НЦПИ. Прежде всего это граждане и работники государственных органов и организаций, участвующие в реализации политики государства по обеспечению доступа населения к правовой информации; библиотечные работники, обеспечивающие деятельность центров; преподаватели и студенты библиотечных специальностей и иные лица, интересующиеся вопросами организации мероприятий по правовому просвещению граждан, повышению их правовой грамотности и культуры.

В перспективе раздел сайта НЦПИ может быть трансформирован в республиканскую виртуальную просветительскую площадку по повышению правовой культуры граждан через систему ПЦПИ.

Таким образом, деятельность современных ПЦПИ показывает их активную вовлеченность в процессы формирования у населения правовых знаний, повышения правовой культуры общества. Центры являются эффективными площадками для взаимодействия между гражданами и органами государственной власти, их функциональные возможности позволяют обеспечивать проведение юридических консультаций, лекций и других информационных мероприятий с участием адвокатов, нотариусов и иных компетентных специалистов. В то же время деятельность ПЦПИ по правовому просвещению граждан носит динамичный характер и ее совершенствование в настоящий момент направлено прежде всего на расширение круга социальных партнеров, использование и продвижение инновационных способов обслуживания правовой информацией и развитие удаленных форм общения, вовлечение центров в реализацию проектов информационно-правовой политики государства, в том числе в процессы обсуждения на их базе актуальных проблем правового регулирования. При этом ПЦПИ следует проводить активную популяризацию своей работы с использованием информационных поводов, связанных со знаменательными

событиями республики и (или) развитием конкретного региона в соответствии с профилем деятельности центров [5, с. 109].

Немаловажное значение для продвижения правовой просветительской работы ПЦПИ имеет существование эффективного средства популяризации. Таким средством видится специализированный раздел сайта НЦПИ, который объединит в одном месте информационно-библиотечные ресурсы ПЦПИ и обеспечит к ним доступ заинтересованных.

Совершенствование и продвижение правовой просветительской работы ПЦПИ позволит усилить уровень медийности центров и станет основой для дальнейшей трансформации ПЦПИ в информационно-правовые площадки, содействующие повышению правовой культуры граждан, их участию в правотворчестве и получению информационно-правовой помощи.

1. Диветайкина Т. Е. Проблемы и пути решения совершенствования правосознания в российском обществе // Право и практика. 2015. № 1. С. 13–16. [Вернуться к статье](#)

2. О некоторых вопросах правового просвещения населения [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 19 нояб. 2010 г., № 98. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Жигулин А. А. Средства формирования правового сознания личности // Акмеология. 2015. № 3. С. 75–76. [Вернуться к статье](#)

4. О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 окт. 1998 г., № 524 : с изм. и доп. от 17.11.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Шаршун В. А. ПЦПИ 2.0: информационно-правовой сервис в библиотечной среде // Право.by. 2021. № 1. С. 106–110. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.147

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА
КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА
УЧЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ**

Л. А. Рябцева

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

***Аннотация.** Автор раскрывает потенциал самостоятельной работы как формы учебной коммуникации, анализируя ее нацеленность и содержание в контексте аудиторной и внеаудиторной занятости курсантов.*

***Ключевые слова:** самостоятельная работа, организационные формы, учебная коммуникация, профессионально-коммуникативная компетентность.*

***Annotation.** The author reveals the potential of independent work as a form of educational communication, analyzing its focus and content in the context of classroom and extracurricular employment of cadets.*

***Keywords:** independent work, organizational forms, educational communication, professional and communicative competence.*

Профессионально-коммуникативная компетентность курсанта — интегративная характеристика личности, включающая совокупность качеств, умений, навыков, способностей [1], формированием которых на этапе обучения достигается цель подготовки высококвалифицированного специалиста для органов внутренних дел (далее — ОВД), способного самостоятельно принимать обоснованные решения и брать на себя ответственность. Необходимость формирования профессионально-коммуникативной компетентности создает потребность в использовании организационных форм учебной коммуникации в процессе обучения курсанта в ведомственном вузе, позволяющих ему накопить достаточный опыт организации самостоятельной деятельности. Подобным потенциалом, с позиций ряда авторов, обладает самостоятельная работа (А. С. Белых [2, с. 126], И. А. Зимняя [3, с. 249], Ф. В. Шарипов [4, с. 172] и др.).

Однако в современных условиях развития информационного общества курсант, являясь типичным обладателем клипового мышления, в меньшей степени нацелен на организацию действительно самостоятельной деятельности в процессе обучения. Всеобщая доступность образовательных ресурсов в сочетании с обилием находящихся в свободном доступе продуктов чужой интеллектуальной деятельности формирует ситуацию, при которой обучающийся не

прилагает усилий для получения и дальнейшей систематизации информации по теме, проблеме, а пользуется уже имеющейся, готовой, создавая видимость самостоятельной деятельности.

Вместе с тем будущая профессиональная деятельность требует от специалиста навыков самостоятельной работы (отбора и систематизации материала, обобщения информации, формулирования выводов, организации рабочего времени, планирования деятельности и др.). Сотрудник ОВД не является исключением. Качество профессиональной подготовки специалистов для ОВД обеспечивается ведомственным вузом. В этой связи преподаватель высшей школы, планируя и организуя учебную деятельность курсантов в рамках дисциплины, вынужден осуществлять поиск новых либо преобразовывать существующие формы работы, предполагающие оказание стимулирующего воздействия на развитие умений и навыков, определяющих самостоятельное осуществление познавательной деятельности обучающимися. Наряду с организационными формами работы в подобном качестве могут выступать методы, приемы, техники, их сочетание, применением которых обеспечивается максимальное включение обучающихся в самостоятельно организованную деятельность.

Соглашаясь с А. С. Белых, определяющим самостоятельную работу как «планируемую... выполняемую по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия» [2, с. 125], не исключаем, что самостоятельная работа может быть организована в разных режимах: в процессе аудиторного занятия и в рамках внеаудиторной работы, а следовательно, будет нести различную смысловую нагрузку.

Организация самостоятельной работы курсантов на аудиторных занятиях (лекциях, семинарских, практических занятиях, тренингах и др.) представлена неодинаково. Так, все учебное время лекционного занятия не может быть целиком и полностью охвачено исключительно самостоятельной работой. Допустимым является лишь использование приемов, стимулирующих последующую самостоятельную деятельность обучающихся, потребность в которой может быть продиктована содержанием излагаемого учебного материала («При подготовке к семинарскому занятию следует изучить вопрос, подходы, связанные с...»; «К практическому занятию необходимо подобрать примеры из судебной практики, иллюстрирующие обоснование наличия грубого нарушения общественного порядка в постановленных приговорах»; «К семинарскому занятию следует законспектировать постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве (статьи 430, 431 и 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь)», содержащие разъяснения относительно особенностей квалификации данной группы преступлений», и др.). Такая форма вовлечения обучающихся в самостоятельную

деятельность носит групповой характер. Вместе с тем подобного рода задание может быть предложено для индивидуального выполнения (проработать отдельный вопрос темы, изучить подходы к вопросу, составить таблицу, схему, диаграмму и др.).

Планируя семинарское занятие, представляется возможным предусмотреть включение в него следующих форм самостоятельной работы: составление глоссария по теме; выполнение тестовых заданий; выполнение разноуровневых заданий; подготовка доклада по теме и др.

Составление глоссария по теме как форма самостоятельной работы, предшествующей семинарскому занятию, обеспечивает усвоение ключевых понятий, составляющих теоретическую основу отдельной темы изучаемой дисциплины, и является достаточно эффективным с точки зрения повышения уровня самоорганизации обучающегося. Он учится ориентироваться в учебном материале, выделять опорные понятия и положения, устанавливать существующие связи между ними.

Выполнение тестовых заданий нацеливает обучающихся на применение уже усвоенного знания. Обозначенная форма приемлема для входного, текущего, итогового контроля и самоконтроля знаний по учебной дисциплине.

Выполнение разноуровневых заданий позволяет каждому обучающемуся изначально (до выполнения задания) самостоятельно определиться с оценкой своих знаний посредством выбора исключительно тех заданий, безошибочное выполнение которых гарантирует заранее определенную уровнем (сложностью задания) отметку. Данная форма самостоятельной работы показательна в части организации рефлексивной деятельности лица, поскольку осуществляемый субъектом выбор заданий определенного уровня свидетельствует в том числе и об уровне самооценки лица, его ожиданиях, связанных с учебной деятельностью, о нацеленности на конкретный результат. Для лица, организующего учебную деятельность, выбор обучающегося также представляет интерес, являясь материалом для анализа: в какой степени усвоен учебный материал, насколько хорошо лицо ориентируется в нем, систематизированы ли его знания, сможет ли он применить материал в условиях, не являющихся для него привычными, и др.

Подготовка доклада по теме как форма самостоятельной работы развивает навыки работы по заданной проблеме, не прибегая к помощи сторонних лиц; способствует осуществлению поиска и отбора материала, активизирует способность анализировать его содержание, выделять информацию, имеющую приоритетное значение, систематизировать отобранный материал, представлять результаты деятельности.

Содержание самостоятельной работы несколько изменится в контексте практического занятия. Не исключено, что выполнение тестовых или разноуровневых заданий станет его частью, однако не во всех случаях их использование будет иметь одинаковую роль. Они могут быть предложены курсантам как с целью актуализации ранее изученных знаний и теоретических положений, так и с целью контроля за их применением при решении практических задач и ситуаций. Вместе с тем практические занятия представляется возможным разнообразить и другими формами самостоятельной работы. В целях развития практико-ориентированных умений и навыков по применению норм права курсантам могут быть предложены искусственно смоделированные ситуации, требующие принятия самостоятельного решения и его последующего обоснования со ссылкой на законодательные положения. Данный тип задания возможно усложнить посредством вовлечения курсантов в разработку (моделирование) практических ситуаций, чтобы развить навыки мышления в нетипичных условиях познавательной деятельности, творческой инициативы, прогнозирования и др.

Внеаудиторные формы работы курсантов могут включать управляемую самостоятельную работу, подготовку рефератов, написание курсовых работ и др. Их использование активизирует познавательно-поисковую и творческую учебную деятельность курсанта.

Так, подготовка реферата либо написание курсовой работы нацеливают на расширение знания, полученного курсантом в ходе аудиторных занятий по учебной дисциплине, что требует дополнительных усилий с его стороны в части выстраивания четкого алгоритма предварительного взаимодействия с лицом, осуществляющим руководство данными видами работы. Следует отметить, что подобное взаимодействие носит субъект-субъектный характер. Цели самостоятельной работы как организационной формы учебной коммуникации в широком смысле будут достигнуты в случае, если обе стороны (курсант и преподаватель) выступят равноправными, мотивированными на интеракцию партнерами (например, будут единолично выдвигать и совместно анализировать предложения, связанные с видением проблемы; корректировать действия друг друга; совместно определяться со структурой и содержанием работы и др.). Подобного рода пропедевтический этап определяет дальнейший ход совместной деятельности и, как следствие, определяет ее последующую эффективность, а по своей сути является сопровождением, со-действием самостоятельно осуществляемого курсантом познания.

Потенциал управляемой самостоятельной работы заключается в обеспечении возможности либо по приращению знания по теме учебной дисциплины, либо по применению имеющихся знаний. Курсант сам организует себя

в деятельности, выбирает индивидуально приемлемый режим и темп работы, обращаясь при необходимости за помощью. Преподаватель в данной связи выполняет роль консультанта.

Вполне очевидно, что при рассмотрении самостоятельной работы как организационной формы учебной коммуникации нами не ставится цель дать исчерпывающий перечень вариантов ее использования в образовательном процессе, а лишь акцентируется внимание на ее роли в развитии навыков самоорганизации деятельности активности, дисциплинированности, ответственности, инициативности, стимулировании самостоятельности в принятии решений (в том числе в нетипичных ситуациях) и др. Автор также придерживается убеждения, что учебная коммуникация есть субъект-субъектное взаимодействие участников образовательных отношений не только в процессе аудиторных занятий, но и в контексте внеаудиторной занятости курсанта. Подобным сочетанием использования форм самостоятельной работы в учебной коммуникации и организацией отношений равноправного партнерства при такого рода взаимодействии и достигается формирование отдельных компетенций, составляющих содержание структурных компонентов профессионально-коммуникативной компетентности как неотъемлемой системно-интегративной характеристики курсанта — будущего сотрудника ОВД, способного соответствовать представлениям общества в части, касающейся его последующего участия в обеспечении национальной безопасности государства.

1. Рябцева Л. А. Методика формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2022. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

2. Белых А. С. Педагогика высшей школы : учеб. пособие. Луганск : Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2018. 248 с. [Вернуться к статье](#)

3. Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. М. : Логос, 2002. 384 с. [Вернуться к статье](#)

4. Шарипов Ф. В. Педагогика и психология высшей школы : учеб. пособие. М. : Логос, 2012. 448 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Е. И. Стабровский

Академия МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. Исследуется процесс формирования правосознания личности на примере осужденных к лишению свободы. Обосновывается важность личностных изменений в правосознании.

Ключевые слова: правовое сознание, личностная правовая ценность, осужденный, лишение свободы.

Annotation. Process of formation of the legal consciousness of the individual is investigated by the example of convicts of imprisonment. The importance of personal changes in the legal consciousness is substantiated.

Keywords: legal consciousness, personal legal value, convict, imprisonment.

Научный интерес для современного теоретико-правового исследования представляет процесс формирования правового сознания личности. Одной из наиболее сложных категорий с точки зрения формирования правового сознания выступают осужденные к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок (далее — лишение свободы). Имеющий место рецидив преступлений, совершаемый лицами, отбывавшими наказание в виде лишения свободы, ставит актуальные вопросы о направлениях и средствах эффективного воздействия на личность правонарушителя для формирования позитивного правового сознания. Позитивное правовое сознание, характеризующееся личностно свободным принятием правовых ценностей общества, обеспечит устойчивое правомерное поведение и желаемое для общества и государства правовое сознание личности.

Формирование правового сознания осужденного связано с использованием определенных инструментов, которыми являются средства исправления, предусмотренные Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь. Влияние средств исправления на человека происходит через сознание, в том числе через правосознание. Поэтому поведение, соответствующее требованиям права, вызванное применением средств исправления, еще не означает изменений в правосознании человека. И. Л. Вершок отмечает, что «внешние формы проявления правового сознания даже в виде правомерного поведения или внешнего признания проектируемых или принятых правовых норм могут не

отражать реального состояния правового сознания по отношению к ним» [1, с. 115].

Без учета личностного выражения человеком себя в правовой жизни невозможно достичь цели формирования его правового сознания. Реализация юридической ответственности не может ограничиваться формальными мерами, а требует рассмотрения человека как реального участника правовой жизни.

Каждое из средств исправления позволяет обнаружить личностное проявление осужденным себя в правовой жизни. Соблюдение установленного порядка отбывания наказания, независимо от контроля со стороны правоприменителя в лице сотрудника исправительного учреждения, выражает личностное положительное отношение правонарушителя к данному средству исправления. Привлечение осужденного к общественно полезному труду, получение образования, воспитательная работа, общественное воздействие требуют личностного отношения осужденного. Поэтому формальное присутствие на рабочем месте, вынужденное выполнение предъявляемых требований, обязательное присутствие на воспитательных мероприятиях не означают необходимости личностных изменений в правосознании осужденного. Формирующая деятельность должна привести к изменениям, в том числе личностным, в правовом сознании осужденного. Поэтому приобретение правовых и иных знаний, профессиональных умений и навыков еще не означает личностных изменений в правосознании человека.

Поэтому в работе с осужденными одной из основных задач, стоящих перед правоприменителем, является актуализация личностного отношения осужденного к средствам исправления. Разумеется, что только через разъяснение, через информирование или иное подобное воздействие необходимого результата можно не достичь. В данном случае в процессе формирования правосознания осужденного значительную роль приобретает личность правоприменителя. От правосознания правоприменителя во многом зависит формирование правового сознания осужденного. При взаимодействии с сотрудником, имеющим личностно-ценностное правосознание, возрастает вероятность личностного принятия осужденным правовых ценностей.

Отношение осужденного к средствам исправления на личностном уровне находит выражение в его правовой жизни. Личностное отношение человека к предъявляемым требованиям, к средствам исправления, к правовым ценностям обнаруживается непосредственно в ходе общения, взаимодействия сотрудника исправительного учреждения с осужденным. В таком случае правомерная деятельность является результатом положительного отношения человека к праву, к правовым ценностям на личностном уровне.

Одним из основных средств исправления, формирования правового сознания осужденных является воспитательная работа, особое внимание к которой обусловлено личным взаимодействием и общением сотрудника исправительного учреждения и осужденного. Воспитательная работа охватывает широкий круг направлений воздействия на личность осужденного и призвана, как и другие средства исправления, в конечном счете формировать его правовое сознание и особенно личностно-ценностный уровень. Формирующее воздействие на осужденного, оказываемое сотрудником исправительного учреждения, всегда имеет личностный характер. Потенциал воспитательного воздействия на личность осужденного следует направлять на формирование его правового сознания как основы правомерного поведения в период отбывания наказания и после него.

Л. Альперн отмечает, что «в идеале тюрьма должна заново родить человека, не телесно, но психически, укоренить его сознание в культурной основе, для того, чтобы при выходе он смог продолжить жить без нее в состоянии более устойчивом, чем до того, как попал в нее» [2, с. 157]. Воспитательная работа позволяет в рамках прямого, непосредственного взаимодействия осуществлять воздействие на правовое сознание осужденного и особенно на личностно-ценностный уровень.

Ключевым направлением воспитательной работы, непосредственно связанным с формированием правосознания, является правовое воспитание. И. А. Демидова отмечает, что «правовое воспитание есть целенаправленное воздействие на сознание людей, их нравы, черты характера, образ поведения посредством системы правовоспитывающих средств» [3, с. 274].

Целями правового воспитания осужденных являются преодоление дефектов правосознания, получение знаний о правовых нормах и правомерных способах решения жизненных задач, формирование убеждений в необходимости соблюдать законодательство, формирование уважительного отношения к правам и законным интересам граждан, другим социальным ценностям, защищаемым нормами права. Следует отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве понятие правового сознания употребляется только на уровне локальных актов. Представленные цели правового воспитания отражают важные и необходимые аспекты формирования правового сознания. Однако главной целью правового воспитания должно быть формирование личностных правовых ценностей (см., например, [4]).

В качестве основных направлений воспитательной работы также выделяются нравственное и духовное, трудовое, эстетическое, санитарно-гигиеническое и физическое, а также антинаркотическое воспитание, реализация которых в той или иной мере связана с формированием правового сознания

и должна способствовать формированию личностных правовых ценностей. При всем спектре направлений воспитательного воздействия сами по себе ни эстетические представления, ни трудовые навыки, ни спортивные достижения не являются основой правомерного поведения осужденного. Поэтому каждое направление воспитательной работы должно быть связано с формированием правосознания.

Для формирования индивидуального правового сознания имеют значение как коллективные, так и индивидуальные формы воспитательной работы. Коллективные воспитательные мероприятия позволяют в рамках одного мероприятия охватить максимальное количество участников. Такие формы работы наиболее эффективны для сообщения информации, для осуществления взаимодействия участников. Коллективные мероприятия (лекции, диспуты и пр.) способствуют формированию правовых знаний. Однако коллективные формы воспитательной работы не способны оказать такого эффективного воздействия на правосознание, какое оказывают индивидуальные формы (индивидуальная беседа, поручение и пр.). Особенностью коллективных воспитательных мероприятий является низкая обратная связь осужденного с сотрудником исправительного учреждения. Результаты проведенной работы требуют закрепления и развития на индивидуальном уровне.

Сформированные правовые знания относятся к рефлексивному уровню правового сознания. Однако для формирования правового сознания этого не достаточно. Для формирования правового сознания осужденного должно произойти свободное личностное принятие им правовой ценности. Наиболее благоприятные условия, способствующие этому, создаются в рамках индивидуального взаимодействия осужденного и сотрудника исправительного учреждения. При этом целесообразно привлечение иных субъектов формирующего воздействия. Как отмечает Е. Н. Тонков, «умеренно коммуницируя с внешним миром, человек не теряет понимания общественных тенденций, а равно не чувствует себя дезориентированным, вернувшись после периода физического одиночества в существенно изменившийся мир» [5, с. 52].

В этой связи следует отметить взаимодействие Церкви с институтами исполнения наказаний. Так, 12 сентября 2014 г. состоялось подписание Соглашения о взаимодействии Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви в целях сотрудничества в области тюремного служения. В 2011 г. Русская Православная Церковь и Федеральная служба исполнения наказаний России подписали соглашение о сотрудничестве в целях удовлетворения духовных потребностей работников уголовно-исполнительной системы, обеспечения конституционных прав на свободу вероисповедания лиц, осужденных к лишению

свободы, и лиц, заключенных под стражу. Как отмечает В. И. Яценко, «религия в местах лишения свободы помогает решать главную задачу — задачу нравственного воздействия на осужденных с целью духовного очищения и отказа в будущем от преступного образа жизни» [6, с. 113].

Индивидуальная воспитательная работа представляет собой деятельность по формированию и развитию положительных качеств личности и ценностей в правовом сознании. Формирующая деятельность, реализуемая через воспитательную работу, всегда имеет сложности в осуществлении. Дело в том, что осуществление формирующей деятельности значительно сложнее, чем разрушающей (деструктивной) деятельности. В практическом смысле это означает, что не просто создать систему личностных правовых ценностей, способную удержать человека от деструктивного поведения, от разрушающих и саморазрушающих действий в различных жизненных обстоятельствах и кризисных ситуациях. Задачей формирования правового сознания осужденного является формирование ценностей, способствующих устойчивости к деструктивному, разрушающему влиянию в кризисной ситуации, а также направление осужденного на созидающую правомерную деятельность.

Таким образом, формирование правового сознания осужденного к лишению свободы должно осуществляться в рамках понятного для человека и соответствующего обстоятельствам общения сотрудника исправительного учреждения и осужденного. Деятельность правоприменителя не должна представлять собой какое бы то ни было навязывание, формальную пропаганду ценностей и исправления, что может вызвать обратный эффект и привести к девальвации осуществляемой деятельности в глазах осужденного. Данная деятельность требует ценностного подхода к формированию правосознания осужденного, который заключается в проявлении самим сотрудником личностных правовых ценностей, направленности на их формирование у осужденного. Это, прежде всего, справедливость, уважение к закону, уважение к другим людям и т. д. Это означает, что сотруднику исправительного учреждения при осуществлении индивидуальной и коллективной воспитательной работы с осужденными следует руководствоваться необходимостью формирования их правового сознания, стремиться в конечном счете приблизить каждого осужденного к личностно свободному принятию правовых ценностей общества.

1. Вершок И. Л. Деконструкция понятия правового сознания в контексте постнеклассической науки и ее практическое значение // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. факультета Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. / БГУ, Юрид. фак. ; редкол.: Т. Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 114–118. [Вернуться к статье](#)

2. Альперн Л. Архаический синдром или российская тюрьма как культурный институт // Структура тюремной индустрии / под общ. ред. Е. Н. Тонкова. СПб., 2012. С. 155–166. [Вернуться к статье](#)
3. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования : моногр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)
4. Стабровский Е. И. Нормативные и личностные правовые ценности в правовом сознании человека // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2020. № 1. С. 210–213. [Вернуться к статье](#)
5. Тонков Е. Н. Структура тюремной индустрии // Структура тюремной индустрии / под общ. ред. Е. Н. Тонкова. СПб., 2012. С. 39–56. [Вернуться к статье](#)
6. Яценко В. И. Значение религиозного фактора в местах лишения свободы // Структура тюремной индустрии / под общ. ред. Е. Н. Тонкова. СПб., 2012. С. 112–114. [Вернуться к статье](#)

УДК 355.1

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ В СФЕРЕ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

В. А. Талалаев

Военная академия Республики Беларусь,
начальник кафедры юридических дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

С. В. Павлющик

Военная академия Республики Беларусь,
доцент кафедры юридических дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассмотрены актуальные вопросы защиты государства. На основе дальнейшего отстаивания национальных интересов и ценностного подхода при исследовании отношений, возникающих в военной сфере деятельности государства, определены отдельные обстоятельства и факторы в сфере государственно-правовых аспектов воинской службы.*

***Ключевые слова:** защита Республики Беларусь, национальные интересы, историческая память, военно-политическая обстановка, оборона, военная организация государства, государственная служба, воинская служба, государственно-правовой механизм.*

***Annotation.** The article deals with topical issues of state protection. On the basis of further upholding national interests and a value-based approach in the study of relations arising in the military sphere of state activity, certain circumstances and factors in the field of state-legal aspects of military service are identified.*

***Keywords:** protection of the Republic of Belarus, national interests, historical memory, military-political situation, defense, military organization of the state, civil service, military service, state-legal mechanism.*

Особую общественно-политическую значимость в настоящее время приобретают вопросы защиты Республики Беларусь, отстаивания ее национальных интересов. Противостоять милитаристской политике государств запада народам в составе Союзного государства Беларуси и России, военнослужащим Союзной группировки войск, участникам Организации Договора о коллективной безопасности приходится, как говорится, плечом к плечу, спина к спине.

Придерживаясь принципа мирного урегулирования возникающих разногласий между странами, на первый план выходят политико-дипломатические, правовые, экономические, информационные, идеологические

меры по обеспечению военной безопасности. При этом применение военной силы рассматривается как крайняя мера [1, п. 15].

Существующие угрозы и вызовы у Государственной границы требуют поддержания постоянной боевой готовности всех структурных компонентов военной организации государства, высоких морально-психологических и боевых качеств военнослужащих, идеологической стойкости защитников Отечества.

При этом для всех граждан, находящихся в запасе Вооруженных Сил Республики Беларусь и других воинских формирований, главенствующим смыслом должна стать безусловная решимость выполнить конституционную обязанность по защите страны, обеспечить мирное небо для настоящего и будущих поколений граждан. Современная военно-политическая обстановка требует этого.

В этой связи Президент Республики Беларусь акцентирует внимание на том, что наша армия создана для того, чтобы на нашей территории защищать себя, и мы никогда не будем источниками войны [2, с. 3].

Политическими обозревателями и военными экспертами особо отмечается, что опрометчиво считающие себя властителями мира и человеческих судеб «гегемон» и идущие в его фарватере «государства-сателлиты» не принимают во внимание уроки Второй мировой войны.

У нас свой исторический опыт и характерные признаки белорусской государственности. В соответствии со ст. 15 Основного Закона, государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Миллионы советских граждан стали жертвами фашистов. Остались в памяти злодеяния, совершенные нацистскими преступниками, их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Результаты расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа свидетельствуют, что на территории Беларуси было убито не менее 3 миллионов человек, в том числе военнопленных, угнано в рабство свыше 380 тысяч, более 10 тысяч населенных пунктов уничтожено и сожжено вместе с жителями.

В противостоянии победит русский воин — так было всегда, правда на стороне потомков поколения победителей. Вместе с тем нам понятен замысел врага — целью ставится разрушить правопорядок, стабильность и устойчивое развитие государства, переформатировать сознание, стереть историческую память и самобытную славянскую культуру, разрушить идеологию и народные ценности: любовь к Родине, независимость, миролюбие, отсутствие вражды, христианские заповеди, справедливость, трудолюбие и др.

Во внешней политике государств с «развитой демократией» все с позиции силы и обмана. В отношении Российской Федерации осуществляются попытки реализации сценария распада СССР. Здесь целесообразно вспомнить цитату из работы Н. Н. Яковлева: «Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это... Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля» [3, с. 37–38].

В отношении украинского народа Запад практически осуществил миссию «всеми путями не допустить реализации любых планов экономической и политической реинтеграции стран СНГ с Россией... и не дать восстановить когда-то единый экономический организм этих стран, построенный еще в годы существования СССР, который мог бы послужить основой для воссоздания СССР в том или ином виде и помешать дрейфу стран СНГ на Запад» [4, с. 71].

Об обязанности и священном долге граждан защищать страну указано в ст. 57 Основного Закона суверенной Беларуси. Задачи обороны как важнейшей функции государства и всенародного дела выполняются Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями в соответствии с планом обороны Республики Беларусь, государственными органами, организациями и гражданами в пределах полномочий и обязанностей, установленных законодательством.

У каждого элемента военной организации государства свои полномочия, предназначение и задачи. Они определяются Военной доктриной Республики Беларусь, Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, законодательством о государственных органах и организациях, в которых предусмотрено прохождение военной службы.

На основе изложенных выше позиций и с учетом адекватного реагирования на соответствующие угрозы и вызовы военное законодательство совершенствуется. Время диктует условия для регулирования правом наиболее важных военно-правовых общественных отношений. К примеру, перечень задач, возложенных на внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь, дополнен участием в обеспечении правового режима в зоне проведения контртеррористической операции, обеспечением безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов, мероприятиями по усилению охраны Государственной границы Республики Беларусь [5].

Таким образом, одним из главных средств реализации государственной функции обороны страны, сохранения и упрочения суверенитета, независимости, территориальной целостности и незыблемости конституционного строя становится воинская служба — особый вид государственной службы. Прошедшая свой исторический путь развития, она включает такие разновидности: основной вид — военная служба (по призыву и по контракту), служба в резерве, прохождение военных или специальных сборов в период состояния в запасе.

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе», военная служба стала видом государственной службы. При этом она определена в качестве профессиональной деятельности граждан Республики Беларусь на воинских должностях в составе Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, а также не на воинских должностях в случаях и на условиях, установленных законодательными актами. Сопоставляя данное определение с понятием военной службы, изложенным в Законе Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХП «О воинской обязанности и воинской службе», делаем вывод о том, что именно военная служба по контракту является видом государственной службы в плане реализации гражданами права на труд.

Воинский труд характеризуется исследователями как правомочие и обязанность применения государственного принуждения вплоть до вооруженной силы в целях защиты национальных интересов, конституционного строя и претворения в жизнь политики государства.

При изучении воинской службы особое значение приобретает ценностный подход. Он позволяет в содержательном плане выделить узловые аспекты в данной сфере государственной деятельности. В большом энциклопедическом словаре понятие «ценность» раскрывается в качестве критерия и способов оценки значимости, выраженных в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях.

Изучая содержание ценностного подхода в значении воинской службы, приведем взгляды В. Н. Жукова, который определяет государство как ценность, обеспечивающую физическое выживание народа и в этом смысле выполняющую свое великое этическое назначение.

Рассуждая о главном в государственной службе, ведущие ученые административисты видят ее предназначение в деятельности ради существования сильного, целостного и эффективного государства, создающего условия для развития каждого индивида и общества в целом [6, с. 23].

Специфика деятельности военнотружущих заключается в выполнении задач в военной сфере обеспечения национальной безопасности средствами вооруженной борьбы.

Таким образом, в настоящий исторический период развития белорусской государственности воинская служба ориентирована на особую сплоченность армии и общества, эффективность функционирования силовых структур для достижения целей дальнейшего развития сильного, правового и процветающего государства.

В числе признаков стабильного государственно-правового механизма выделим следующие: в нем свои идеологические, правовые и нравственные ориентиры устойчивого развития страны; государственная модель опирается на единство народа, почитание каждым членом общества и военнослужащими исторического прошлого, всех побед и достижений предыдущих поколений; высокая общественно-политическая и социальная значимость воинской службы; жизнь, здоровье, права, свободы и законные интересы граждан, общества и государства, конституционный строй, безопасность и суверенитет надежно защищены от преступных и иных противоправных посягательств, от внутренних и внешних угроз.

1. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Лукашенко А. Г. Правда на нашей стороне. Вопросы, которые волнуют каждого. Основные тезисы Послания Президента белорусскому народу и Национальному собранию. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М. : Правда, 1983. 464 с. [Вернуться к статье](#)

4. Котляр В. С. Международное право и феномен «Цветных революций» в странах СНГ // Государство и право. 2007. № 5. С. 76. [Вернуться к статье](#)

5. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 июня 1993 г., № 2341-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.05.2022 г. № 170-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Чуприс О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь // Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. Минск : Право и экономика, 2009. 310 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1+343.8

**РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ
В ФОРМИРОВАНИИ ИХ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ
И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
И ЕЕ СВЯЗЬ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Е. Г. Терешенко

Академия МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета

Аннотация. В статье раскрывается значение воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях в направлении правового воспитания и ее значение для эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы и ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: осужденные, лишение свободы, эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы, воспитательная работа с осужденными, правовое воспитание осужденных.

Annotation. The article reveals the importance of educational work with convicts in correctional institutions in the direction of legal education and its significance for the effectiveness of the execution of punishment in the form of imprisonment and resocialization of convicts.

Keywords: convicts, imprisonment, the effectiveness of the execution of punishment in the form of imprisonment, educational work with convicts, legal education of convicts.

Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы (как на определенный срок, так и пожизненного), представляет собой комплексную целенаправленную деятельность администрации исправительного учреждения и иных привлекаемых администрацией исправительного учреждения лиц, способствующую их исправлению и ресоциализации.

В соответствии с Инструкцией о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде ареста и лишения свободы, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 572, правовое воспитание является одним из направлений воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы [1]. Роль данного направления воспитательной работы сложно переоценить, так как насколько более эффективно будет осуществляться правовое воспитание осужденного, настолько выше будет качество результата в процессе достижения целей уголовной ответственности. В ходе формирования правопослушной личности в рамках исправительного

процесса осуществляется деятельность по устранению ее криминогенных свойств. Вместе с тем одним из ключевых направлений исправительного процесса является формирование у осужденных правового сознания и правовой культуры как у законопослушного лица, а также положительного и уважительного отношения к праву.

Повышающаяся в сознании осужденных роль права, оценивание его в качестве единственного источника регулирования отношений между индивидами, между индивидом и обществом, в пенитенциарной среде способствуют снижению влияния на осужденных неформальных норм поведения, устанавливаемых осужденными отрицательной направленности, исповедующих уголовные традиции и различные формы девиантного поведения, правовой нигилизм.

Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, направлена на формирование правовой культуры как на уровне коллективов осужденных, исправительного учреждения в целом, так и на уровне личности. К основным коллективным воспитательным мероприятиям с осужденными к лишению свободы, осуществляемым в направлении правового воспитания, относятся: лекция, беседа с коллективом, тематическая дискуссия (диспут), собрание, собеседование с осужденным в коллективе, викторина, видео-, радиопередачи по внутренней видео-, радиосети, стенная печать, просмотр тематических телепередач. Если в рамках коллективных воспитательных мероприятий превалирует общий характер, то в отличие от них планирование и проведение индивидуальных воспитательных мероприятий основываются на изучении структуры личности осужденного: его социально-демографической характеристики, социальной роли и статуса, психических свойств, нравственных свойств и особенностей, но главное — уголовно-правовой и криминологической характеристик.

К основным видам индивидуальных бесед с осужденными относятся: познавательная, адаптирующая, формирующая, мотивирующая полезную активность, по разбору допущенного осужденным правонарушения [1].

В самом начале отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы посредством проведения познавательной беседы, имеющей целью изучение личности, образа жизни осужденного, его отношения к основным средствам исправления, жизненных планов как во время отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период, а также путем изучения личного дела осужденного составляется индивидуальная воспитательная программа, конкретизирующая индивидуальные направления работы в аспекте правового воспитания осужденного.

Адаптирующая индивидуальная беседа с осужденным направлена на разъяснение ему его правового статуса, порядка и условий отбывания

наказания в исправительном учреждении, установленных нормативными правовыми актами. Проведение данной беседы с осужденным является первичным мероприятием, направленным на формирование правового сознания его как субъекта уголовно-исполнительных правоотношений, что является одной из ключевых основ его социальной адаптации в условиях исправительного учреждения, а также на формирование его правовой культуры в целом.

Формирующие беседы проводятся с целью формирования (коррекции) мотивов поведения, убеждений и жизненных планов, позиции в межличностных отношениях и других качеств личности. В частности, в направлении правового воспитания данные беседы имеют целью сформировать личность, обладающую правовым сознанием и правовой культурой правопослушного члена общества, что является основным этапом формирования правового сознания и правовой культуры лица как субъекта уголовно-исполнительных правоотношений и основополагающим этапом формирования правового сознания и правовой культуры лица, готового вести правопослушный образ жизни после освобождения, а также элементом подготовительного этапа к социальной адаптации лица в постпенитенциарный период. В связи с этим принимается решение, в каком направлении будет активизирована индивидуальная воспитательная работа формирующего характера с осужденным, в зависимости от его уголовно-правовых, криминологических, социально-психологических и иных характеристик.

Мотивирующие полезную активность беседы проводятся с осужденными с целью вовлечения в различные виды полезной деятельности. В аспекте правового воспитания это может выражаться в усвоении и адекватном восприятии требований нормативных правовых актов о возмещении ущерба, причиненного преступлением, расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, и иных требований, которые вызовут у осужденного осознанную внутреннюю необходимость предпринять активные действия для выполнения этих требований и предупреждения наступления неблагоприятных для него последствий. Данный вид бесед можно охарактеризовать как основанный на достигнутом уровне правового сознания и правовой культуры лица активный этап пенитенциарной ресоциализации, подготавливающий осужденного к правопослушной социально активной деятельности в постпенитенциарный период ресоциализации.

Можно прийти к выводу, что показателем положительной тенденции в формировании у осужденного правового сознания и правовой культуры выступает адекватное отношение осужденного к наступившей уголовной ответственности как естественной реакции на совершенное преступление, что будет выражаться в принятии им активных мер, которые в перспективе

поспособствуют его ресоциализации. В конечном счете осознавая противоправность своего поведения, которое имело место до направления в исправительное учреждение, у осужденного может начать формироваться понимание необходимости изменить свою жизнь и мотивация к активным действиям, которые приведут его к этому.

Беседа по разбору допущенного осужденным правонарушения направлена на установление его мотивов, причин, обстоятельств, уровня осознания осужденным своей вины и формирование решимости не допускать правонарушения впредь. Фактически возникновение необходимости проведения указанной беседы можно расценить как показатель недостаточного уровня эффективности воспитательной работы с осужденным, которая была проведена ранее, в том числе в направлении правового воспитания. Исходя из того, сколько с определенным осужденным было проведено индивидуальных воспитательных бесед по разбору допущенного правонарушения, представляется возможным рассчитать и вероятный уровень эффективности проводимой с ним воспитательной работы в направлении правового воспитания. Однако стоит сделать оговорку о том, что низкий уровень воспитательной работы в данном направлении не всегда тождественен низкому уровню правового сознания осужденного: например, когда осужденный имеет хорошие знания в области права, однако использует эти знания в противоправных целях, это свидетельствует о низком уровне не правового сознания, а правовой культуры.

В связи с вышеуказанным можно сделать вывод, что формирование правового сознания и правовой культуры у осужденного способствует эффективному исполнению наказания в виде лишения свободы и, как следствие, формированию готовности осужденного вести правопослушный образ жизни как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный период, а в результате положительно отражается и на процессе ресоциализации осужденного.

В связи с этим предлагается совершенствовать имеющиеся и разрабатывать новые формы воспитательной работы с осужденными в направлении правового воспитания с целью стимулирования их повышать уровень своей правовой культуры и развивать свое правовое сознание в процессе отбывания наказания.

1. Инструкция о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде ареста и лишения свободы [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 30 дек. 2013 г., № 572. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 355.23

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ

А. С. Тычинская

Военная академия Республики Беларусь,
слушатель факультета Генерального штаба (оперативно-тактического уровня)
Вооруженных Сил Республики Беларусь

В. В. Олейник

Военная академия Республики Беларусь,
начальник цикла правовых дисциплин
кафедры идеологической работы и социальных наук

***Аннотация.** Статья посвящена анализу правовой культуры военнослужащих, прежде всего офицеров. Определяется необходимость повышения правовой культуры курсантов. Отмечается, что военное образование в Республике Беларусь должно содержать правовую подготовку, целью которой и является формирование должной правовой культуры будущих офицеров.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовая подготовка, военное образование, военная служба, военнослужащие, Вооруженные Силы.*

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of the legal culture of military personnel, primarily officers. The need to improve the legal culture of cadets is determined. It is noted that military education in the Republic of Belarus should contain legal training, the purpose of which is to form a proper legal culture of future officers.*

***Keywords:** legal culture, legal training, military education, military service, servicemen, Armed Forces.*

Правовая культура военнослужащих (далее — ПКВ) возникает как возвышенная форма правосознания и выражается в том, что военнослужащий овладевает юридическими познаниями, проявляет уважение к закону, сознательно соблюдает нормы права, понимает свою социальную ответственность и непримиримо борется с правонарушениями. Другими словами, ПКВ — это позитивное правосознание военнослужащего в действии [1].

Проблемы, связанные с формированием ПКВ, в настоящее время встают как никогда остро. Это во многом связано с весьма интенсивным влиянием современных средств массовой информации на психику военнослужащих даже при условии относительной закрытости воинских частей от внешнего мира. Современные Интернет, телевидение, радио и печать не всегда корректно освещают некоторые вопросы правового характера. В отдельных случаях мы видим довольно нигилистические телевизионные передачи, а также видеоролики и откровенно провокационные публикации, особенно в сети Интернет.

Несомненно, начинать борьбу с вышеуказанными явлениями, добиваться повышения уровня ПКВ целесообразно прежде всего среди офицерского состава. Собственно, офицеры на протяжении многих столетий и были источником воинской дисциплины, вековых традиций и ПКВ. В связи с этим особое внимание должно уделяться формированию правовой культуры курсантов военных вузов. Курсанты — это основа успешного комплектования Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований грамотными и компетентными кадрами, а также поддержания должного уровня законности и правопорядка в войсках. Именно от них, завтрашних лейтенантов, зависит высокая воинская дисциплина и благоприятный правовой климат во вверенных им подразделениях.

Формирование у курсантов не только профессиональных качеств, но и патриотизма, воинской чести и высокой нравственности, является первоочередной задачей воспитания в военном вузе [2]. Это возможно лишь на основе осмысления особенностей конкретных форм сознания и четкого определения целей и задач воспитательных усилий в каждом случае. Одновременно разработка специфических воспитательных методов для развития каждой из форм общественного сознания предполагает также установление связей и способов взаимовлияния различных форм общественного сознания, без чего невозможно создание единой системы социального воспитания, основанной на принципе комплексности воспитательной работы.

Научный поиск решения проблемы правовой подготовки курсантов неюридических специальностей направлен на разрешение следующих противоречий: между потребностью общества в высоком уровне профессионального правосознания офицеров и отсутствием целостной системы его формирования; между современными требованиями к уровню профессионального правосознания будущих офицеров и неразработанностью научно-методического обеспечения процесса его формирования в условиях информатизации общества и образования.

Профессиональная подготовка в области права курсантов военного вуза преследует достижение следующих целей:

развитие личности будущего офицера в конкретной области знания, направленное на формирование профессионального правосознания, социально-правовой активности, внутренней убежденности в необходимости соблюдения норм права, на осознание себя полноправным членом общества, имеющим гарантированные законом права и свободы;

воспитание гражданской ответственности и чувства собственного достоинства, дисциплинированности, уважения к правам и свободам другого человека, законности и правопорядку;

усвоение системы знаний о праве как науке, о принципах, нормах и институтах права, необходимых для ориентации в белорусском и мировом нормативно-правовом материале, эффективной реализации прав и законных интересов;

овладение умениями, необходимыми для применения освоенных знаний и способов деятельности в решении практических задач социально-правовой сферы;

формирование способности и готовности к сознательному и ответственному действию в сфере отношений, урегулированных правом, в том числе к оценке явлений и событий с точки зрения соответствия закону, к самостоятельному принятию решений, правомерной реализации гражданской позиции и несению ответственности.

Цель правовых дисциплин в военных вузах сводится к ознакомлению с необходимыми понятиями и институтами права. Полученные общетеоретические правовые знания в военном вузе могут оказаться бесполезными, если их освоение осуществлялось в отрыве от формирования профессионально-правовых умений. В этой связи одной из целей правовой подготовки будущих офицеров должно быть формирование не только правовых знаний, но и правовых умений.

К правовым умениям будущего офицера мы относим: умения осуществлять сбор, обработку, анализ правовой информации, правовое информирование подчиненных военнослужащих, их правовое воспитание и др. Эти умения являются предметом семинарских и практических занятий в военном вузе. Практические занятия углубляют, расширяют, детализируют знания, полученные на лекции в обобщенной форме, содействуют выработке умений осуществления деятельности в рамках правового поля.

Для того чтобы каждый курсант в процессе обучения овладел необходимым составом правовых знаний, умений и навыков, нужно использовать такие методы обучения, которые бы активизировали мыслительную деятельность курсантов по приобретению правовых знаний и умений. В свою очередь, активизация учебной деятельности есть процесс и результат стимулирования активности обучаемых. Это эффективное усвоение знаний и умений, способов деятельности, при которой учебный материал становится предметом активных мыслительных действий каждого обучающегося.

Изучение современного состояния системы правовой подготовки курсантов военных вузов показало, что при общей положительной оценке правовой подготовки выпускников высшей военной школы выявлена недостаточная подготовленность выпускников к исполнению должностных обязанностей, к правовому воспитанию и обучению подчиненных; у отдельных выпускников

наблюдается разрыв теоретических знаний и правового поведения и др. Однако накопленный опыт может стать основой для создания научно обоснованной системы правовой подготовки курсантов военных вузов [3, с. 205].

В учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь» процесс правовой подготовки курсантов организован на кафедре идеологической работы и социальных наук в рамках цикла правовых дисциплин. При этом правовая подготовка курсантов включает в себя следующие дисциплины: «Военное право» (далее — ВП), преподавание которой осуществляется в рамках курса общевоинской подготовки перед началом 1-го семестра обучения; «Основы военного законодательства» (далее — ОВЗ), которая в зависимости от специальности преподается на 1–4-х курсах; «Правоприменительная деятельность должностных лиц по профилактике правонарушений» (далее — ПДДЛПП) для 4 курсов всех специальностей.

Кроме того, для курсантов, обучающихся по специальности «Идеологическая работа в подразделениях Вооруженных Сил», правовая подготовка включает в себя дисциплину «Военное право и правовая работа в войсках» (далее — ВП и ПРВ), преподаваемую на 3–4-х курсах в объеме 96 часов. Для курсантов 4-го курса факультета внутренних войск предусмотрено изучение факультативной дисциплины «Коррупция и ее общественная опасность» в объеме 10 учебных часов.

Также в настоящее время имеется положительный опыт взаимодействия с руководством факультета противовоздушной обороны, который в рамках войсковой практики курсантов 2-го курса выделяет время для повышения правовой культуры курсантов путем введения в учебную программу раздела «Формирование правовой культуры военнослужащих» в количестве 8 учебных часов. Данную практику совершенствования правовой культуры, по нашему мнению, целесообразно распространить на курсантов других специальностей учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь».

При этом в ходе занятий по основной правовой дисциплине ОВЗ главное внимание уделяется изучению военнослужащими вопросов военного (включая законодательство об обороне, о статусе военнослужащих и воинской обязанности, дисциплинарной ответственности военнослужащих), трудового, уголовного права, порядка проведения служебного расследования, организации дознания, прокурорского надзора и рассмотрения уголовных дел судами, а также основных норм международного гуманитарного права [4, с. 5].

Таким образом, общий объем правовых дисциплин для большинства курсантских специальностей учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» с учетом вышеуказанных исключений, составляет 94 учебных часа (ВП — 10 учебных часов, ОВЗ — 50 учебных часов, ПДДЛПП —

34 учебных часа). К сожалению, наметилась тенденция снижения их количества (со следующего учебного года учебная программа ознакомительной практики предусматривает уменьшение объема раздела ВП до 6 часов).

Анализ учебных планов факультетов учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» показывает, что имеет место смещение изучения ОВЗ на младшие курсы обучения (общевоинской и авиационный факультеты, факультет военной разведки и факультет ракетных войск и артиллерии и ракетно-артиллерийского вооружения), что не способствует усвоению и последующему использованию выпускниками соответствующих факультетов правовых знаний в практической служебной деятельности, а меньшее по сравнению со специальностями идеологического профиля, изучающими ВП и ПРВ, количество часов по правовым дисциплинам у инженерных и командных специальностей свидетельствует о недостаточном внимании к надлежащей правовой подготовке большинства курсантов главного военного вуза страны.

В дальнейшем это приводит к неспособности офицеров, обучавшихся по специальностям командного и инженерного профиля, в полном объеме выполнять возложенные на них обязанности, которые обусловлены квалификационными требованиями к военно-профессиональной подготовке выпускников военных вузов, а в некоторых случаях — к совершению ими преступлений.

На основании вышеизложенного мы считаем, что совершенствование правовой подготовки курсантов военных вузов Республики Беларусь, и в первую очередь учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», поспособствует формированию мотивов изучения права, знаний и умений для решения социально-бытовых и профессиональных задач в правовом пространстве, определяемом спецификой профессиональной деятельности, умением принимать оптимальные решения в различных житейских и профессиональных ситуациях, и в целом послужит основанием для формирования устойчивого правового сознания и высокой ПКВ, недопущения совершения ими грубых нарушений воинской дисциплины и преступлений, в том числе против воинской службы.

1. Зорченко Е. А., Полящук Н. А., Юрашевич Н. М. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права : пособие ; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. 363 с. [Вернуться к статье](#)

2. Степаненко Р. Ф. Каузальная природа маргинального поведения: философско-правовые аспекты // Философия права. 2013. № 2 (57). С. 112–116. [Вернуться к статье](#)

3. Крючкова Е. А. Правовая подготовка в военном вузе, как система: сущность и задачи // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 30. С. 203–205. [Вернуться к статье](#)

4. Учебная программа УО «ВА РБ» по учебной дисциплине «Основы военного законодательства» для групп специальностей 1-95 01 «Управление подразделениями и обеспечение их деятельности» и 1-95 02 «Военно-инженерная деятельность». Минск, 2022. 26 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОощРИТЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ СРЕДСТВАМИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Т. Г. Хатеневич

БИП — Университет права и социально-информационных технологий,
доцент кафедры специальных юридических дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются вопросы повышения эффективности уголовно-правовых средств методами правового воспитания. Обращено внимание на современные механизмы формирования правомерного поведения путем информационного воздействия на граждан и поощрительными уголовно-правовыми нормами.

Ключевые слова: поощрительный метод уголовно-правового регулирования, уголовно-правовое воздействие, средства правового воспитания.

Annotation. The article deals with the issues of increasing the effectiveness of the means of criminal law by the methods of legal education. Special attention is paid to the formation of incentives for lawful behavior through the informational impact on citizens of incentive criminal law norms.

Keywords: incentive method of criminal law regulation, criminal law influence, means of legal education.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) закреплена система разнообразных, различных по значению и силе воздействия средств и инструментов, назначение которых заключается в реализации охранительной задачи уголовного права. Кроме того, как установлено в ст. 2 УК, уголовное право призвано способствовать предупреждению преступных посягательств, воспитанию граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь [1]. Тем самым законодательно закреплена значимость средств уголовного права в предупреждении преступлений и правовом воспитании. Традиционно принято считать, что воспитательное воздействие на граждан оказывает сам факт существования уголовного закона, установленные в нем запреты. Последние обеспечены санкциями и содержащимся в них наиболее строгим средством государственного принудительного воздействия — наказанием. Однако современные правовые средства, в том числе и средства уголовно-правового регулирующего воздействия, не исчерпываются ограничениями, что подчеркивается в научной литературе [2, с. 18; 3, с. 465]. Уголовное право содержит и позитивные стимулы — поощрения, которые одобряют правомерное послепреступное общественно полезное поведение. Нормы-поощрения представлены в таких

институтах уголовного права, как назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, добровольный отказ от преступления.

Несмотря на важность поощрения как альтернативного метода уголовно-правового воздействия и его тесную взаимосвязь с другими методами уголовного права в обеспечении задач, стоящих перед данной отраслью права, что отмечается современными белорусскими авторами [4, с. 382; 5, с. 32; 6, с. 9], исследования эффективности его применения в последнее время отсутствуют. Последняя реформа уголовного права дала толчок широкому применению поощрительных его средств. Одновременно разрабатываются теоретические основы альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов с учетом традиций и накопленного опыта применения ранее действовавших норм и институтов [7; 8; 9]. Актуальность и важность таких исследований определяется тем, что, во-первых, существует необходимость усиления компенсационно-восстановительных эффектов ответной реакции общества и государства на совершенное преступление, во-вторых, механический неадаптированный перенос целей и моделей зарубежных институтов, развивающих различные формы и виды медиации и трансакции, и на их основе альтернативного уголовного преследования, в национальную правовую среду зачастую не влечет должного позитивного результата [8, с. 128–131].

Резервы дальнейшего совершенствования системы поощрительных норм уголовного права остаются значительными. При этом важно установить, каковы пределы применения поощрения для обеспечения действенности механизмов правового регулирования. Для решения этой проблемы следовало бы обратить внимание на вопрос эффективности регулирующего воздействия поощрительных норм, что до настоящего времени не осуществлено. Социология права выделяет целый ряд условий эффективности действия норм права. Среди них — особенности правосознания и поведения граждан, соблюдающих или нарушающих требования правовой нормы, юридическая практика. Осознание весомости поощрительного режима уголовно-правового регулирования должно было произойти на различных уровнях — обыденного и профессионального правосознания. Только такое сочетание может обеспечить эффективность реализации поощрения как дополнительного (альтернативного) метода уголовно-правового воздействия.

На уровне профессионального правосознания должно быть четкое понимание того, что устранение причиненного вреда на условиях добровольного самообременения, силами лица, содеявшего преступление, может быть эквивалентно, а в ряде случаев и превосходить по социальному (восстановительному) эффекту, по силе ресоциализирующего воздействия реальное претерпевание неблагоприятных осуждающе штрафных по своему содержанию последствий,

предусмотренных санкцией уголовного закона. Например, реализуемые в рамках условных видов освобождения от наказания исправительные и испытательные мероприятия обеспечивают поддержание поведения субъекта, совершившего преступное деяние, в режиме законопослушания до истечения срока осуждения и формирование у осужденного установки на одобряемое обществом поведение при оптимальных экономических издержках. При освобождении от уголовной ответственности за позитивное послепреступное поведение причинитель вреда не устраняется от процессов восстановления социального баланса и личной социальной ответственности, как это могло бы быть, например, при его помещении в исправительное учреждение для отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста, а собственными силами способствует возвращению нарушенных преступным деянием отношений в нормальное состояние.

Как отмечает И. А. Демидова, «все виды юридической практики оказывают воздействие на правовое поведение личности» [10, с. 104]. Например, формированию надлежащего восприятия позитивного потенциала поощрительных норм уголовного законодательства и их новелл на уровне профессионального правосознания способствуют руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 (в ред. от 30 июня 2022 г. № 4) «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» обращается внимание судов на особенности применения статей, предусматривающих возможность освобождения от уголовной ответственности [11]. В то же время отметим, что до настоящего времени отсутствуют какие-либо разъяснения относительно правил единообразного применения других поощрительных уголовно-правовых норм, например, представленных в институтах условно-досрочного освобождения от наказания, специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Еще одним условием эффективной реализации на практике поощрительных уголовно-правовых норм является осознание гражданами, к которым обращен закон, их позитивно-стимулирующего характера, знание об их существовании, содержании и объеме требований, предъявляемых лицу, обладающему законным интересом на получение блага, предусмотренного такой нормой. Правовые знания — необходимое условие становления в дальнейшем взглядов, убеждений, выражающих сознательное отношение к праву, обеспечивающих правомерное социально одобряемое поведение человека, в то время как одними из средств повышения уровня воздействия права и правовой системы на все сферы современного общества выступают правовое воспитание,

правовое просвещение населения. Эффективность поощрительных уголовно-правовых норм во многом зависит от качества уголовно-правового воспитания граждан. Правильное использование различных средств уголовно-правового воспитания может существенно облегчить решение задач правоохранительной системы государства как по противодействию преступлениям, их предупреждению, так и по минимизации последствий совершенных преступлений в рамках существующих нормативно закреплённых поощрительно-восстановительных механизмов. В деле правового воспитания поощрительные уголовно-правовые нормы выделяются механизмом своего информационного воздействия. Необходимое для государства осознанное поведение формируется не путем восприятия угрозы уголовной ответственности и самого уголовно-правового запрета, а, напротив, путем убеждения в допустимости, необходимости и действенности правового поощрения.

В Республике Беларусь на современном этапе уделяется большое внимание правовому воспитанию и развитию его различных средств. В частности, принимаются стратегически важные нормативные правовые акты, направленные на формирование высокого уровня правосознания граждан и особенно молодых граждан, а также повышение качества правовой культуры населения [12; 13]. Конечно же, этими документами большое внимание уделяется профилактике правонарушений и преступлений, популяризации законопослушного образа жизни. При этом, на наш взгляд, можно было бы отдельное внимание уделить поощрительному потенциалу уголовно-правового воздействия на граждан.

Большое значение в деле повышения уровня правосознания граждан сегодня придается средствам массовой информации. Их роль в правовом воспитании осознается учеными и практиками, что нашло отражение в нормативных правовых актах. В уголовно-правовой сфере этот момент получает развитие в том, что предпринимаются меры по повышению воспитательного значения приговора суда, тем самым повышается правосознание в части соблюдения уголовно-правовых запретов. Для этого организовываются выездные заседания судов, которые во взаимодействии со средствами массовой информации широко освещаются современными средствами информационного воздействия. Кроме того, учеными констатируется, что «гарантией реализации общей превенции в общественном правосознании будет служить закрепление в действующем уголовном законодательстве Беларуси положения о том, что суд может постановить об афишировании приговора в части меры наказания» [14, с. 24]. При этом следовало бы уделять внимание и вопросам разъяснения действенности различных поощрительных уголовно-правовых велений, чтобы акцент не смещался на формирование убеждения граждан в строгости уголовного закона

как единственном средстве восстановления социальной справедливости. Знание, например, о возможности правомерным поведением загладить последствия совершенного преступления может помочь гражданину принять правильное решение при выборе варианта поведения на пути формирования его готовности вести в дальнейшем правопослушный образ жизни.

Таким образом, в целях восстановления законности и справедливости в большинстве случаев применяются средства принуждения, однако в ряде случаев и уголовно-правовое убеждение может быть весьма эффективным при приведении в действие поощрительного механизма правового регулирования общественных отношений. Поощрительные нормы уголовного права отличаются механизмом социального действия. Они направлены на сознательную реализацию правовых установок посредством исполнения и использования норм, когда роль социальной активности велика. Правовоспитательная работа, проводимая государством и общественными структурами, должна строиться с обязательным учетом свойственного современному отечественному праву разнообразия методов уголовно-правового воздействия, включая метод поощрения. Только так можно построить эффективные модели правового воспитания, которые будут повышать уровень правосознания, при этом не только воплощая уголовно-правовые нормы в правомерное поведение, но также формируя и развивая навыки личной социальной ответственности человека и гражданина. Направлением правового воспитания должно стать формирование навыков и мотивов социально одобряемого поведения, в том числе в послепреступный период развития правовых отношений. Важность мероприятий правового поощрения может быть подчеркнута в нормах программных документов по правовому воспитанию. Резервы дальнейшего повышения эффективности институтов назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, добровольного отказа от преступления как основы для развития поощрительных механизмов социально активного поведения заключаются в опосредованном информационном воздействии на человека и гражданина через художественные фильмы и литературу, популярные программы и различного рода другие современные формы трансляции знаний, умений, навыков и мотивов поведения.

1. 1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Баев В. Г., Левина С. В. Правовые средства воспитательной функции права // Современное право. 2014. № 4. С. 15–23. [Вернуться к статье](#)
3. Малько А. В. Цели и средства в праве // Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004. С. 459–471. [Вернуться к статье](#)
4. Павлова Л. В. Уголовно-правовое поощрение положительного постпреступного поведения как альтернативное направление реализации уголовно-правового воздействия // Уголовно-правовое воздействие и его реализация в контексте современных тенденций уголовной политики : моногр. / О. И. Бахур [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. Минск : Колорград, 2020. С. 380–422. [Вернуться к статье](#)
5. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2014. 559 с. [Вернуться к статье](#)
6. Хомич В. М. Понятие, задачи и система уголовного права // Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. Минск : Тесей, 2002. С. 6–32. [Вернуться к статье](#)
7. Афонченко Т. П. К вопросу об уголовно-правовой медиации и ее ресоциализационном потенциале // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2019. № 2 (113). С. 27–32. [Вернуться к статье](#)
8. Хатеневич Т. Г. Развитие института освобождения от уголовной ответственности: вопросы управления рисками и возможностями // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. трудов. 2017. С. 128–131. [Вернуться к статье](#)
9. Шаблинская Д. В. Механизм уголовно-правового воздействия и его функциональное назначение // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. Минск : Бизнесофсет, 2016. Вып. 2. С. 280–295. [Вернуться к статье](#)
10. Демидова И. А. Юридическая практика как форма государственной правовой воспитательной деятельности // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. IX Междунар. науч.-практ. конф. Могилев, 2021. С. 103–105. [Вернуться к статье](#)
11. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 : в ред. от 30.06.2022 г. № 4. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
12. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июня 2021 г., № 349 : в ред. от 3 нояб. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
13. О правовом просвещении граждан в 2021–2025 годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 февр. 2021 г., № 107. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

14. Шидловский А. В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси. Минск : БГУ, 2015. 295 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К. В. Янчуревич

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
магистр юридических наук

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию значения правового воспитания для процесса формирования правовой культуры молодежи в Республике Беларусь. Анализируются актуальные проблемы в области правовой культуры и применяемые профилактические мероприятия для повышения ее уровня. Также приводятся выводы, к которым пришел автор в процессе своего исследования.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое воспитание, правовое образование.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the importance of legal education for the process of formation of legal culture of youth in the Republic of Belarus. The current problems in the field of legal culture and the applied preventive measures to increase its level are analyzed. The conclusions reached by the author in the course of his research are also given.*

***Keywords:** legal culture, legal education, legal education*

Современное мировое сообщество постоянно сталкивается с различного рода вызовами и проблемами. В качестве одной из таких проблем выступает необходимость формирования и дальнейшего развития правовой культуры общества в целом. Высокий уровень правовой культуры позволит снизить количество совершаемых преступлений, поскольку увеличится количество людей (в том числе и среди студентов), понимающих и осознающих необходимость соблюдения законодательства.

Полагаем, что наибольшее внимание со стороны государства по вопросу формирования правовой культуры должно уделяться молодежи, которая в последующем будет отвечать за дальнейшее развитие правового государства.

Вышеуказанная проблема характерна для многих современных стран, в том числе и для Республики Беларусь. Работа, проводимая по решению исследуемой проблемы, в значительной степени характеризуется наличием сходств в таких странах, как Республика Беларусь и Российская Федерация. Полагаем, что наличие вышеуказанных сходств обусловлено длительностью развития данных стран в границах одного государства во время существования СССР и общностью историко-культурного развития. В связи с этим считаем

целесообразным использовать накопленный опыт данных стран при решении указанной выше проблемы и в дальнейшем при разработке новых методик, направленных на повышение общего уровня правовой культуры в обществе, проводить совместные совещания представителей вышеуказанных стран по выработке наиболее эффективных способов решения проблемы.

Отметим, что правовая культура является важным элементом информационного общества и для его развития в дальнейшем необходимо проводить на постоянной основе профилактические мероприятия, направленные на повышение уровня правовой культуры.

Безусловно, для того, чтобы в обществе (в первую очередь среди молодежи) имел место достаточно высокий уровень правовой культуры и правосознания, необходимо проводить значительное количество профилактических мероприятий, напрямую связанных с правовым воспитанием и правовым образованием.

В настоящее время, по сути, развитие человека как личности и формирование в нем определенного набора характерных качеств напрямую зависит от качества, уровня и направления современного воспитания и образования. Современный мир, а именно его дальнейшее развитие характеризуется наличием зависимости от того, каким образом будет развиваться молодое поколение (т. е. какие знания и навыки им будут приобретены и какое воспитание оно сможет получить). Отношение молодежи к государству, законам, обществу в целом также в значительной степени зависит от правильного воспитания и образования (в первую очередь правового).

Необходимо отметить, что с учетом повсеместного распространения цифровизации будет целесообразно осуществить в ближайшем будущем переход в значительной части мероприятий по повышению уровня правовой культуры в плоскость цифровых платформ, которые будут способны наглядно продемонстрировать пользу и эффективность правового воспитания и правового образования молодежи.

Распространение цифровых технологий во всех ключевых направлениях жизни общества и деятельности государства имеет весьма важное значение для общества в целом по многим причинам (в том числе и в связи с повышением скорости распространения информации в различных ее формах).

Общий уровень правосознания и правовой культуры в обществе во многом связан с распространением информации (в первую очередь правовой) и владением ею обществом.

Современный мир, безусловно, находится в процессе перехода к информационному обществу, и для большинства стран является весьма важным достижение такого уровня развития. Это позволит перейти на качественно новый

уровень эффективного развития и тем самым достичь еще более значимых результатов.

Правовая культура, наряду с правовым воспитанием, а также правовым образованием и правосознанием, представляет собой важные элементы информационного общества. Полагаем, что для их эффективного развития необходимо применять передовые цифровые технологии, чтобы привлечь больше интереса к ним со стороны молодежи и использовать значительно более широкий диапазон возможностей в сфере профилактических мероприятий по повышению их уровня.

Считаем целесообразным использовать опыт Китая и Японии в этой сфере и после его трансформации и адаптации под особенности развития белорусского и русского общества и государства приступить к использованию его на практике в комплексе профилактической направленности мероприятий, проводимых в Республике Беларусь и Российской Федерации.

В вышеуказанных странах на постоянной основе создается достаточно много различных программных приложений и инновационных средств, которые можно использовать в Республике Беларусь и Российской Федерации для повышения уровня правовой культуры.

Среди работ современных ученых существует немало трудов, затрагивающих проблемы, напрямую связанные с исследованиями в области правового воспитания и образования, а также правовой культуры и правосознания (например, работы С. Ю. Дегонского [1] и А. Н. Фиронова [2]). Вместе с тем все еще требуется найти эффективные способы решения проблем в вышеуказанной сфере.

Отметим, что для значительного повышения уровня правовой культуры в обществе и эффективности от процесса правового воспитания важно достичь высокого уровня компетентности в данном вопросе лиц, ответственных за просвещение и воспитание в правовом вопросе молодежи.

Первыми и зачастую главными в жизни человека педагогами выступают непосредственно родители. Однако родители далеко не всегда способны разъяснить суть определенных правовых аспектов современной жизни детям ввиду недостатка знаний в области права и по иным причинам. Данная неспособность родителей разъяснить ребенку правовые вопросы порождает новую проблему — обучение (в первую очередь правовое) родителей данных детей.

Отметим, что современное молодое поколение важное значение придает «моде», и для повышения правовой культуры считаем целесообразным проведение ряда мероприятий профилактического характера по разъяснению молодежи, что обладать высоким уровнем правосознания и правовой культуры модно (в определенной степени), поскольку позволяет лучше развиваться в целом

как личность (в том числе в правовой сфере) и дает возможность в дальнейшем получить более престижную профессию.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Современный мир характеризуется повсеместным внедрением информационных и компьютерных технологий, а области воспитания и образования (в том числе и правового) не являются исключением, соответственно, следует активно применять данные технологии в указанных сферах. Это позволит в значительной степени увеличить уровень заинтересованности у молодежи в правовой сфере развития общества и государства.

2. Для значительного повышения уровня правовой культуры и правосознания в обществе следует на постоянной основе проводить профилактические мероприятия, направленные на повышение уровня правовых знаний у родителей, которые, по сути, являются первыми в жизни многих людей педагогами (в том числе правового и цифрового образования).

3. Распространение информации быстрыми темпами переходит в интернет-среду, где, соответственно, большая часть мира (в том числе и молодежь) черпают знания и узнают новости. Следовательно, правовое образование и воспитание в значительной степени следует перевести в цифровую среду, что в конечном итоге позволит с меньшими затратами охватить большую аудиторию и привлечь внимание молодежи к исследуемой проблеме.

1. Дегонский С. Ю. Научные взгляды на формирование правового сознания и правовой культуры граждан как условий обеспечения информатизации // Право.by. 2022. № 1. С. 88–94. [Вернуться к статье](#)

2. Фиронов А. Н. Homo jur culturalis, или человек правокультурный // Право.by. 2022. № 1. С. 5–10. [Вернуться к статье](#)

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО, СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 343.97

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

А. С. Блинников

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин

***Аннотация.** В статье сформулированы основные причины совершения преступлений женщинами. Кратко излагаются статистические данные по видам совершенных преступлений женщинами, а также раскрываются меры предупреждения женской преступности.*

***Ключевые слова:** предупреждение, преступность женщин, преступление.*

***Annotation.** The article formulates the concept and main reasons for the commission of crimes by women. Briefly, statistical data on the types of crimes committed by women are presented, as well as measures to prevent female crime.*

***Keywords:** warning, crime women, crime.*

Преступность женщин и ее предупреждение имеют особую значимость, так как роль женщины в жизни общества велика: рождение и воспитание детей, формирование у них социально положительного поведения. Особенности преступности женщин обусловлены их местом в системе общественных отношений, а также некоторыми психофизиологическими признаками.

Предупреждение — сложная, многоуровневая система государственных и общественных мер, осуществляемых государственными органами и общественными объединениями, отдельными гражданами, деятельность которых направлена на оздоровление обстановки в обществе, выявление причин, порождающих преступность [1, с. 203].

Нормативными актами, составляющими правовую основу предупредительной деятельности в отношении женской преступности, прежде всего являются международные акты. Республика Беларусь вместе с другими странами подписала и ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), а также присоединилась к целому ряду международных документов о правах женщинах, таких как Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (1949),

Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (1951), Конвенция о политических правах женщины (1952), Конвенция о дискриминации в области труда и занятий (1958) и других [2, с. 276].

На протяжении последних 30 лет в Республике Беларусь активно принимались правовые, организационные, административные меры, направленные на повышение статуса женщин, их конкурентоспособности на рынке труда, улучшение условий труда, снижение травматизма и заболеваемости и др., что в целом призвано способствовать нейтрализации и блокированию криминогенных факторов, позитивному поведению указанной категории лиц [2, с. 277].

Вместе с тем за годы проводимых реформ среди преступниц возросло число ранее судимых женщин, а также лиц, совершивших преступления в составе групп. Среди ранее судимых женщин все чаще встречаются «опустившиеся», не редко спившиеся лица, которые утратили социально полезные связи и жизненные перспективы под влиянием хронических жизненных неурядиц и безуспешных попыток найти выход из них. На таком жизненном фоне появляется стойкое чувство безысходности и постоянных непрекращающихся неудач. В качестве «надежных» средств для снятия напряжения в таких случаях чаще всего используются наркотики, что приводит к совершению противоправных и в последующем преступных деяний. А ведь женщины более восприимчивы и уязвимы, так как наиболее остро чувствуют социальное неблагополучие и напряженность вокруг.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, отмечается значительный рост по всем видам зарегистрированных преступлений, совершенных лицами женского пола, в 2021 году (7461) по отношению к 2020 году (7228), из которых убийств и покушений на убийство: 2020 год — 44, 2021 год — 52; умышленных причинений тяжкого телесного повреждения: 2020 год — 148, 2021 год — 158; краж: 2020 год — 1730, 2021 год — 1756; грабежей: 2020 год — 93, 2021 год — 123; мошенничеств: 2020 год — 234, 2021 год — 248; взяточничеств: 2020 год — 37, 2021 год — 37; хулиганств: 2020 год — 94, 2021 год — 117; нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств: 2020 год — 76, 2021 год — 92; преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов: 2020 год — 109, 2021 год — 199 [3].

Изучая преступность в Республике Беларусь, С. М. Савило разработала модель женщины-преступницы, которая характеризуется следующими признаками: незамужняя женщина 30–39 лет, т. е. лицо, имеющее определенные ценностные ориентации, устоявшиеся взгляды, привычки; проживает в городской местности; по национальности белоруска; не имеет несовершеннолетних детей;

есть общее среднее образование; нигде не работает и не учится; совершила, как правило, умышленное преступление против собственности с целью удовлетворения собственных материальных потребностей. Каждая четвертая преступница отрицательно характеризуется по месту жительства и работы, считает назначенное ей наказание несправедливым; около половины признают свою вину за совершенное преступление. Каждое третье преступление было совершено женщинами в нетрезвом виде [4, с. 275].

Кроме того, характер преступлений, совершаемых женщинами, а также результаты опросов преступниц говорят о том, что если бы профилактическая работа была проведена в момент зарождения конфликтной ситуации, то многие преступления не были бы совершены. Это положение относится к вопросам предотвращения преступлений у женщин, возникающих на семейно-бытовой почве. Из материалов опросов следует, что 30–35 % женщин-преступниц полагают о невозможности избежать в семейной жизни и в быту серьезных конфликтов [4, с. 280].

Процесс социально-нравственной деградации у женщин-рецидивисток происходит более интенсивно, чем у представителей мужского пола. По данным отдельных выборочных исследований, около четверти женщин, которые находятся в местах лишения свободы, имеют различные психические отклонения (алкоголизм, психопатию, последствия различных травм). Криминальная активность женщин детерминируется теми же факторами, что и преступность в целом (экономическими, социальными, политическими, духовно-нравственными и т. д.) [5, с. 213].

Говоря о предупреждении женской преступности, следует выделить две группы средств: общесоциальные и специально-криминологические.

Общесоциальное предупреждение женской преступности связано с необходимостью совершенствования национальной программы, ориентацией ее на общее улучшение всех сфер жизнедеятельности женщин. Прежде всего, внимание должно быть обращено на удовлетворение потребностей; разработку мероприятий, которые были бы направлены на обеспечение законности в нашем обществе, осуществление должного контроля за их выполнением, а также надлежащую защиту прав женщин как в производственной сфере, так и в семье. Иными словами, необходимо создавать такие экономические, организационно-правовые и другие условия, чтобы абсолютно любая женщина имела возможность направить свое внимание, силу, энергию на свою семью, на воспитание детей. Особое внимание следует уделить вопросам семейного насилия и дискриминации женщин, а также применению коррекционных программ [6].

При специально-криминологическом предупреждении женской преступности необходимо обеспечить его соответствие принципам гуманности и

милосердия. Это направление должно отражаться в принимаемом законодательстве, дальнейшей его реализации, а также при назначении и исполнении наказаний.

Следует отметить, что на женщин совершенные преступления оказывают более сильное влияние, чем на мужчин. В связи с этим возникает вопрос о дальнейшей судьбе женщин, которые уже отбыли наказание, о проведении работы по их адаптации, а также возвращении в повседневную жизнь. Не стоит скрывать, что такой категории женщин попросту некуда возвращаться, потому что, как правило, бывшую семью уже вернуть практически невозможно, прошлые отношения с близкими и родственниками испорчены, да и трудности с поиском новой работы стоят на пути. Вот именно здесь и необходимо принятие срочных, неотложных мер социального характера для проведения реабилитации и помощи такой категории граждан.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что необходимо продолжать проведение работы по созданию специальных учреждений, кризисных, реабилитационных центров хотя бы для временного, краткосрочного приюта таких женщин, где им будет оказываться психологическая, медицинская и другая требуемая помощь, а также будет организовано содействие в их дальнейшем трудоустройстве. На законодательном уровне необходимо ужесточить ответственность нанимателей за необоснованный отказ в приеме на работу женщин, вернувшихся из мест лишения свободы. На локальном и региональном уровне следует активизировать работу по предотвращению внутрисемейного насилия (телефоны доверия и т. д.), а также проведение государственными органами и служащими разъяснительной работы среди женщин, состоящих на профилактических учетах, как в органах внутренних дел, так и других учреждениях и организациях, по вопросам нарушения законодательства и привлечения к ответственности.

1. Криминология и профилактика преступлений / О. П. Колченогова [и др.] ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2012. 231 с. [Вернуться к статье](#)

2. Криминология и профилактика преступлений : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под общ. ред. В. А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2011. 428 с. [Вернуться к статье](#)

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://belstat.gov.by/> (дата обращения: 18.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Шиханцов Г. Г. Криминология : учебник. Минск : Изд-во Гревцова, 2009. 296 с. [Вернуться к статье](#)
5. Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М. : Щит-М, 2005. 342 с. [Вернуться к статье](#)
6. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.25

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА ПО ДЕЛАМ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГЕРМАНИИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОЛНОМОЧИЯ

Ю. А. Воробьев

Академия ФСИН России (г. Рязань),
доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассматриваются национальные особенности деятельности муниципальных ведомств по делам общественного порядка в Германии. Автором акцентируется внимание на основных задачах данных органов, а также на динамике изменений объема их полномочий за счет получения целого ряда функций классических полицейских служб.*

***Ключевые слова:** общественная безопасность, общественный порядок, муниципалитет, ведомство по делам общественного порядка, муниципальная полиция, полиция.*

***Annotation.** The article describes the national characteristics of municipal policing in Germany. The focus is on the change in the scope of these agencies' powers by giving them the functions of classical police services.*

***Keywords:** public security, public order, local authority, public order office, municipal policing, state police forces, police.*

Обеспечение общественной безопасности является одной из важнейших задач каждого государства. В каждой стране ее выполнение всегда сопряжено с рядом национальных особенностей. Отличительной чертой этой сферы внутренней политики Федеративной Республики Германия является наличие особых ведомств по делам общественного порядка (нем. *Ordnungsbehörde* или *Ordnungsamt*), которые не входят в структуру Министерства внутренних дел и не являются подведомственными подразделениями других правоохранительных органов, однако играют важную роль в поддержании законности и правопорядка на муниципальном уровне.

Правовую основу работы данных ведомств составляют положения федеральной Конституции (прежде всего требования ст. 20, определяющие обязательность публичной администрации соблюдать право и закон), немецкий Закон об административной процедуре, соответствующие административные законы земель, а также региональные правовые акты, регламентирующие задачи, полномочия и организационное устройство данных органов.

Традиционно ведомства по делам общественного порядка являются структурными подразделениями органов местного самоуправления (муниципалитетов, районов и общин), а их основная задача определяется как «предотвращение угроз общественной безопасности и порядку на муниципальном уровне» [1]. Все ведомства при некотором своем территориальном своеобразии имеют организационно-структурное сходство, выражающееся в разграничении их деятельности на внутреннюю и внешнюю (патрульную). Внутриведомственная деятельность, осуществляемая сотрудниками в специальных офисах, включает в себя сбор и обработку разнообразных сведений для надлежащего регулирования повседневной общественной жизни муниципалитета, выдачу различных справок, удостоверений, разрешений и т. п., необходимых юридическим или физическим лицам для ведения предпринимательской деятельности (например, в торговле или при организации общественного питания). Ведомства также выполняют функции органов ЗАГС, регистрируют транспортные средства, оружие и т. д. Перечень видов этой деятельности зависит от размеров территории муниципального образования и числа граждан, проживающих на этой территории. В городах он бывает достаточно объемным, в то время как небольшие общины ограничиваются самыми необходимыми полномочиями. К их числу относится контроль:

- за соблюдением гражданами санитарных и гигиенических норм;
- за поведением граждан в общественных местах;
- за соблюдением правил парковки транспортных средств на улицах и площадях.

Как показывает анализ статистических отчетов о работе данных ведомств, нарушения общественного порядка именно в этих сферах ответственности муниципальных образований составили в 2022 г. более половины обращений граждан, потребовавших соответствующего правового реагирования [2].

Реализацию внешней (патрульной) деятельности в ведомствах по делам общественного порядка обеспечивают сотрудники наружной службы, имеющей в зависимости от региональной принадлежности различные названия (Stadtwatch, Ordnungsbehörde, Ordnungsamt и т. п.). В специальной литературе для них часто используется общее наименование «коммунальная служба по охране общественного порядка» (Kommunaler Ordnungsdienst, или Kommunale Ordnungsservice).

На первых этапах своей деятельности (в конце прошлого века) данная служба ведомства имела достаточно ограниченный перечень обязанностей. В сферу ее ответственности входили:

- выявление и фиксация нарушений санитарных норм в общественных местах (например, при утилизации бытового мусора);

- выявление и фиксация повреждений муниципального имущества (зданий и сооружений), например, после нанесения на него граффити;
- контроль за исполнением государственного кинологического законодательства, в том числе во время выгула животных;
- мониторинг улиц и зеленых насаждений (парков) в рамках соблюдения муниципального законодательства, касающегося правил парковки транспортных средств и соблюдения гражданами шумового режима;
- мониторинг общественных мест с целью выявления (неприкрытого) употребления алкоголя или наркотических средств, а также случаев деструктивного поведения граждан, выражающегося в сквернословии, агрессивном поведении, попрошайничестве и т. п.

Как видно из данного перечня, изначально сотрудники внешней службы ведомства были ориентированы на мониторинг территории муниципального образования на предмет соблюдения санитарных норм и на выявление случаев неправомерного поведения граждан в общественных местах. Полномочия сотрудников ограничивались проведением бесед с гражданами в рамках профилактических мероприятий по недопущению противоправных действий, вынесением порицаний, возможностью инициировать производство по делу об административном правонарушении (с последующим взысканием штрафов) и т. д. Для пресечения каких-либо более серьезных противоправных действий граждан требовалось присутствие полиции.

Однако в последнее десятилетие наметилась явная тенденция наделения внешней службы ведомств по делам общественного порядка более серьезными полномочиями. Особенно отчетливо это проявляется в крупных городах федеральных земель, что явилось реакцией муниципалитетов на растущие проблемы безопасности в городской среде [3]. Эта тенденция получила свое отражение и в языковом плане. Все больше соответствующих муниципальных служб стали получать названия, одним из компонентов которых стало слово «полиция»: *Stadtpolizei*, *Polizeibehörde*, *Kommunalpolizei*, *Gemeindepolizei* и т. д. Более того, ряд муниципалитетов в земле Северный Рейн-Вестфалия рассматривают вопрос о переименовании всего ведомства по делам общественного порядка в городскую полицию (*Stadtpolizei*).

Сотрудники внешней службы ведомств все чаще стали участвовать в совместной работе с полицией, например, при патрулировании улиц и парковых зон, в ходе обеспечения общественного порядка при массовом скоплении людей (проведение разного рода музыкальных фестивалей, праздничных мероприятий, согласованных демонстраций и т. п.).

Претерпевает изменение и правовая база данных служб, которая вбирает в себя все больше положений как из федерального Закона о полиции, так и

из его земельных аналогов. В ряде регионов именно земельные законы о полиции стали законодательной базой для работы муниципальных правоохранительных служб. Так, в федеральной земле Бремен в ст. 136 регионального Закона о полиции прямо говорится о том, что «...в рамках своего мандата они <сотрудники внешней службы ведомств по делам общественного порядка> обладают полномочиями полицейских и вправе осуществлять прямое принуждение граждан к выполнению закона» [4].

В ряде земель сотрудники ведомства получили полномочия, которые ранее имели только классические полицейские службы. Так, в федеральных землях Баден-Вюртемберг, Гессен, Гамбург сотрудники службы охраны общественного порядка имеют право останавливать граждан, в том числе и тех, кто передвигается на транспортном средстве, с целью установления их личности. Предъявление паспорта или удостоверения в этой ситуации будет обязательным. В случае наличия сведений, дающих основание подозревать человека в совершении серьезного правонарушения, сотрудники ведомства уполномочены не только устанавливать его личность, но и при необходимости проводить обыск в его жилище или транспортном средстве. В случае неподчинения разрешается применение силы и задержание гражданина до прибытия полиции.

Такое изменение в перечне полномочий муниципальных правоохранительных служб повлекло за собой необходимость пересмотра вопроса их оснащённости. Если еще пятнадцать лет назад сотрудники довольствовались наличием только переговорных устройств и нашивок на одежде, свидетельствующих о принадлежности к соответствующему ведомству, то в настоящее время все больше муниципалитетов задумываются о более серьезном оснащении своих работников. Современная экипировка сотрудников внешней службы ведомства по делам общественного порядка включает в себя уже гораздо больший набор специальных средств. Помимо переговорных устройств и форменной одежды, стандартным стало наличие у сотрудников наручников, перцовых баллончиков (газовых пистолетов) и резиновых дубинок. Ряд муниципалитетов рассматривает возможность включения в этот набор жилетов с защитой от ножевых ранений. Более того, в таких крупных городах, как Франкфурт-на-Майне и Штутгарт, сотрудники оснащены огнестрельным оружием.

Расширение полномочий внешней службы ведомства, допустимость применения ее сотрудниками силы с целью обеспечения правопорядка, оснащение их огнестрельным оружием повлекли за собой необходимость внесения изменений в процедуру их подготовки и переподготовки. К перечню теоретических дисциплин, куда традиционно входят основы административного и уголовного права, базовые положения муниципального и экономического права, психология, педагогика, был добавлен академический блок практического обучения,

включающий в себя физическую и специальную подготовку. В сложившейся ситуации органы местного самоуправления все чаще видят необходимость организации обучения сотрудников в сотрудничестве с полицейскими ведомствами, в специализированных центрах подготовки и переподготовки и под руководством квалифицированных специалистов. Муниципалитеты признают недостаточность только теоретической подготовки соответствующих служб и уже в рамках входного контроля при приеме на службу обращают серьезное внимание на уровень спортивной подготовки соискателей.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что в работе муниципальных ведомств по делам охраны порядка явно просматривается тенденция к расширению имеющихся полномочий и предоставление им в значительной степени прав классических полицейских служб. Изначальные базовые требования, предъявляемые к ведомствам, — быть в постоянном контакте с гражданами, осуществлять мониторинг соблюдения общественного порядка на муниципальном уровне, то есть «быть глазами и ушами» муниципалитетов и своим зримым присутствием на улицах городских и сельских поселений способствовать чувству безопасности граждан, — постепенно дополняются положениями, содержащими право на силовое вмешательство, направленное на предотвращение опасности и пресечение противоправного поведения граждан, что до недавнего времени было исключительной прерогативой полиции.

1. Welche Funktion hat das Ordnungsamt in Deutschland? [Elektronische Ressource] // Fragen Sie einen Anwalt. Rechtsinformation. URL: <https://www.minilex.de/a/welche-funktion-hat-das-ordnungsamt-deutschland> (Datum der Bewerbung: 29.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Statistiken [Elektronische Ressource] // Ordnungsamt-online. Die Berliner Ordnungsämter. URL: <https://ordnungsamt.berlin.de/frontend/statistiken> (Datum der Bewerbung: 31.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Frankfurter „Stadtpolizei“ zieht Bilanz: Die Waffe soll bleiben [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.op-online.de/region/frankfurt/waffe-soll-bleiben-2972667.html> (Datum der Bewerbung: 31.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Bremisches Polizeigesetz (BremPolG) in der Fassung vom 6. Dezember 2001 [Elektronische Ressource] // Bremisches Polizeigesetz. Freie Hansestadt Bremen. URL: https://www.transparenz.bremen.de/metainformationen/bremisches-polizeigesetz-brempolg-in-der-fassung-vom-6-dezember-2001-160497?asl=bremen203_tpgesetz.c.55340.de&template=20_gp_ifg_meta_detail_d (Datum der Bewerbung: 26.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 329.058

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ
В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ:
2017–2022 ГГ.**

А. В. Гавриков

Институт социологии НАН Республики Беларусь,
соискатель ученой степени,
магистр социологических наук

***Аннотация.** За период независимости Республики Беларусь в стране осуществляли свою деятельность 43 политические партии, однако на сегодняшний день в государстве действуют 15 партий, деятельность которых пока не стала социально востребованной большинством граждан и реальной политической силой. В современных условиях политической модернизации белорусского общества, главной движущей силой которой послужило принятие 27 февраля 2022 г. на общенациональном референдуме новой редакции Конституции Республики Беларусь, стратегические проблемы дальнейшего развития политической системы и гражданского общества приобрели огромную социальную актуальность. В статье рассматривается общественное восприятие населением в 2017–2022 гг. политических партий как социально-политического института.*

***Ключевые слова:** политическая партия, общественное мнение, политическая трансформация, стагнация политических партий, политический институт.*

***Annotation.** During the period of independence of the Republic of Belarus, 43 political parties carried out their activities in the country, but today there are 15 parties in the republic whose activities have not yet become socially demanded by the majority of citizens and a real political force. In modern conditions of political modernization of the Belarusian society, the main driving force of which was the adoption of a new version of the Constitution of the Republic of Belarus on February 27, 2022 at a national referendum, strategic problems of further development of the political system and civil society have acquired enormous social relevance. The article examines the public perception of the population of 2017–2022, political parties as a socio-political institution.*

***Keywords:** political party, public opinion, political transformation, stagnation of political parties, political institution.*

Политическая партия является центральным политическим институтом, который в представительных демократиях прежде всего отличается от других социально-политических институтов наличием структурированной и четкой политической программы, отражающей ее цели и средства их достижения, устав, закрепляющий ее строение, четкость границ членства, центральные

руководящие органы и местные ячейки. Возможность участвовать легально в политической деятельности делает политические партии одним из неотделимых элементов политической системы, в которой они в идеале объединяют наиболее социально активных граждан страны.

Фактически в период поздней перестройки, начатой в СССР, белорусское общество осознало необходимость конкурентного выражения своего мнения и опасность идеологической монополии. Логическим результатом либерализации белорусского общества являлось закрепление на законодательном уровне альтернативных выборов и политических партий. Формирование и развитие институтов гражданского общества опирается на определенные культурно-цивилизационные предпосылки и коллективную память. В этих условиях воздействие на контакты правительства и гражданина у политических партий является весьма ограниченным.

Необходимо заметить, что по результатам социологических исследований и реального участия в политике страны политические партии Беларуси еще не стали общественно значимым политическим институтом по следующим причинам:

- низкая и непостоянная политическая поддержка со стороны населения;
- низкий уровень доверия к политическим партиям как к институту;
- высокая степень централизации власти и отсутствие влияния политических партий на принимаемые Правительством и местными органами власти решения;
- лидерский тип организации, при котором партия выражает мнение не всей структуры, а в большинстве случаев лишь лидера.

Исходя из вышесказанного, можно согласиться с мнением белорусского социолога И. В. Котлярова о кризисе доверия и востребованности политических партий как политического института [1, с. 66]. Практически незаметная в публичном пространстве политическая деятельность сделала политические партии малопривлекательными для большинства населения страны.

Рис. 1. Рейтинг политических партий
(в процентах, по состоянию на июль – август 2017 г.)

По данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, касающимся исследования социально-политических институтов и политического участия населения в 2017 г., 47 % респондентов выразили доверие политическим партиям (поддерживающим правительство), 10 % — оппозиционным партиям; 51 % — профсоюзам, входящим в ФПБ, и 20 % — не входящим в ФПБ, 50,5 % — БРСМ, 34 % — РОО «Белая Русь» [2, с. 61].

Согласно опросам Центра социологических и политических исследований БГУ в 2018 г., среди рассматриваемых политических и социальных институтов респонденты доверяли политическим партиям 0,27 %, а наибольший рейтинг имела ЛДПБ — 6,7% [3, с. 103].

Запрос на политическую альтернативу отсутствовал в большинстве регионов в 2017–2018 гг., преобладающая часть населения воспринимало существующее положение как достаточно стабильное — 24,2 % или скорее стабильное — 27,2 %, а в изменениях видела только угрозу обычному способу жизни, поэтому радикальные изменения большинством населения не были поддержаны [4].

Несмотря на такую низкую поддержку, политические партии остаются одним из институтов представительной демократии, который предлагает альтернативные пути развития политического и экономического вектора страны. Общественное мнение показывает, что многие граждане Беларуси не воспринимают политические партии как действенный инструмент воздействия на органы власти для отстаивания своих интересов. Согласно данным социологических опросов, политическим партиям (как инструменту политического участия) в наши дни они предпочитают прямые обращения в государственные органы

власти (29,5 %), привлечение внимания к проблеме через средства массовой информации (25,7 %), самостоятельные действия через личные связи и знакомства (18,9 %). На общем фоне вербально-пассивного интереса к политике (81,2 % респондентов отмечают, что не принимают участие в общественно-политической жизни страны) членство в общественных организациях является наиболее распространенной формой участия человека в политике (5,8 %), тогда как членство в политических партиях поддерживает 0,7 % опрошенных [5, с. 83].

На 2020 г. Министерством юстиции Республики Беларусь зарегистрировано 15 политических партий, которые в большинстве своем имеют минимальный ресурс для осуществления своей деятельности. Их активность невысока и проявляется только в период избирательных кампаний и в момент значимых социально-политических событий, что подтверждает рейтинг доверия политическим партиям.

Как показывает последняя парламентская кампания, несмотря на то, что количество партийных депутатов увеличилось, качественно состав парламентского присутствия политических партий не изменился и представлен теми же политическими партиями и сторонниками социально-политического статуса.

Поствыборная ситуация 2020 г. после президентской кампании в Республике Беларусь также не показала роста запроса на усиление политических партий. По данным исследования, которое осуществлялось Институтом социологии НАН Беларуси в июне 2020 г., лишь 0,4 % респондентов проявляют готовность участвовать в деятельности политических партий [6].

В стране количество партийных депутатов после парламентской кампании 2019 г. увеличилось: вместо прежних 16 партийных депутатов их стало 21 (11 — Коммунистическая партия Беларуси, 6 — Республиканская партия труда и справедливости, 1 — Либерально-демократическая партия, 2 — Белорусская патриотическая партия, 1 — от Белорусской аграрной партии), однако роль и активность политических партий практически не изменились.

Политические партии Беларуси в настоящее время являются слабым актором влияния на политические процессы в стране и их рейтинг, по данным Института социологии НАН Беларуси, находится в пределах социологической ошибки последние пять лет, что показывает ежегодный мониторинг узнаваемости этого социально-политического института населением. Это также подтверждается и высказыванием Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Как показывают различные социологические исследования, уровень доверия к существующим партиям близок к статистической погрешности. Я это

ответственно заявляю, и последние масштабные социологические исследования об этом говорят» [7].

По последнему социологическому исследованию ЕссоМ, политическим партиям в ноябре – декабре 2022 г. доверял 31 % опрошенных (11,6 % выбрали вариант ответа «доверяю», 19,4 % — «скорее доверяю»), не доверяли 29,9 % («скорее не доверяю» — 16,6 %, «не доверяю» — 16,6 %) [8].

Политические партии, несмотря на свою слабость, могут в перспективе стать одним из ведущих социально-политических институтов в белорусской политической системе. Это может произойти в результате ряда реформ:

- институционализация РОО «Белая Русь» как политической партии власти;
- переход на пропорционально-мажоритарную избирательную систему;
- введение государственного субсидирования деятельности политических партий;
- перерегистрация политических партий.

Эти изменения возможны в ближайшее время, и они могут существенно изменить белорусское политическое поле.

Таким образом, невысокий уровень участия в общественно-политической жизни в немалой степени обусловлен высоким уровнем недоверия граждан политическим партиям, неверием белорусов в эффективность представительных структур, которые не способны серьезно влиять на ежедневную политику. Немаловажное значение имеет и то, что значительная часть белорусов озабочены решением материальных, социальных и других проблем, которые постоянно беспокоят их семью, тогда как стремление участвовать в управлении делами государства отодвинуто на второй план.

1. Котляров И. В. Симулякры политического пространства: белорусские партии: социологические тренды // Беларуская думка. 2014. № 1. С. 64–71. [Вернуться к статье](#)

2. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социологических исследований за 2017 г. ; информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. Минск, 2018. 119 с. [Вернуться к статье](#)

3. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей» волна-2018 / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2019. 191 с. [Вернуться к статье](#)

4. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2017 г, 2018 г. Материалы республик. мониторингов (2017, 2018 г.). [Вернуться к статье](#)

5. Шендик Т. А. «Белая Русь»: путь к партии? // Беларуская думка. 2017. № 6. С. 79–84. [Вернуться к статье](#)

6. Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2020 г. Материалы республик. мониторинга (2020 г.). [Вернуться к статье](#)

7. Итоги и результаты республиканского опроса общественного мнения «Социальное мышление» [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь. URL: <http://mininform.gov.by/news/all/itogi-i-rezultaty-respublikanskogo-oprosa-obshchestvennogo-mneniya-sotsialnoe-myshlenie/> (дата обращения: 04.12.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Соцопрос показал, сколько белорусов доверяют госслужащим и местным органам власти [Электронный ресурс] // Второй национальный телеканал. URL: <https://ont.by/news/socopros-pokazal-skolko-belorusov-doverayut-gossluzhashim-i-mestnym-organam-vlasti> (дата обращения: 24.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.57

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ НАРКОМАНИИ

В. Л. Григорович

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматривается проблема противодействия распространению и употреблению наркотических средств, которая находится в последние годы в центре внимания всего мирового сообщества. Немедицинское употребление наркотических средств и психотропных веществ, приводящее к наркомании и токсикомании, — значимая социальная проблема, ненадлежащее решение которой может повлечь за собой деградацию общества и демографические катаклизмы. Это определяет наркоманию как социальную проблему, требующую немедленного разрешения.

Ключевые слова: социум, социологическое исследование, медицина, наркомания, распространение наркомании, лечение, борьба, противодействие.

Annotation: The problem of countering the spread and use of narcotic drugs, which has been in the center of attention of the entire world community in recent years, is considered. The non-medical use of narcotic drugs and psychotropic substances, leading to drug addiction and substance abuse, is a significant social problem, the improper solution of which can lead to the degradation of society and demographic cataclysms. This defines drug addiction as a social problem requiring immediate resolution.

Keywords: society, sociological research, medicine, drug addiction, spread of drug addiction, treatment, struggle, counteraction.

История употребления человеком наркотических средств насчитывает не одно тысячелетие и отсылает нас к временам «седой» старины. Различные свойства, в том числе и психотропные, отдельных наркотиков (таких как опий, индийская конопля) были известны в Древнем Египте, Греции, Риме, Китае, Индии и других странах. Упоминания о них можно найти в таблицах Шумерского государства, возникшего в III тысячелетии до н. э., произведениях Гомера, жившего в период между VIII и II вв. до н. э., а также в других источниках.

В священных индийских книгах (VI–V вв. до н. э.) также говорилось об опьяняющем действии индийской конопли. Ее употребление было обязательным в период отправления религиозных церемоний и обрядов, а также национальных празднеств. Древние арабы, славившиеся своим пристрастием к гашишу, вместе с лицами, исповедовавшими магометанство, запрещая употребление алкоголя, распространяли в завоеванных странах гашиш.

Вещества, вызывающие чувство особого психического подъема и нарушение сознания, использовались не только в сакральных целях служителями культов и прорицателями. Их использовали для лечения различных заболеваний. В Древнем Китае индийскую коноплю употребляли как анестезирующее средство при хирургических операциях. В трудах по медицине имеются упоминания о врачах, которые давали больным в вине препарат из нее, делавший их бесчувственными.

В качестве добавок наркотические средства использовались в кулинарии при изготовлении различных блюд и напитков, о чем свидетельствуют древние греческие и римские манускрипты, в которых описаны рецепты, раскрывающие порядок приготовления «пилюль веселья», по своему действию напоминающих действие гашиша [1].

Наркомания как социальное зло наиболее ярко стала проявляться в начале XIX в., т. е. во время становления промышленного капитализма, который способствовал развитию международных связей и проникновению наркотиков в другие регионы мира, а также к использованию в различных отраслях деятельности, где ранее они не находили применения.

Первая вспышка наркомании в Европе связана с публикацией мемуаров (1840) английского поэта Томаса де Куинси, который описывал в них свое состояние после употребления наркотических средств, принимаемых им с целью лечения от алкоголизма. Красочное описание наркотического состояния привело к появлению многочисленных подражателей [2].

Вторая вспышка наркомании приходится на годы Франко-прусской войны (1870–1871). Росту наркомании в этот период способствовало изобретение шприца, а также широкое применение наркотических средств в медицине. В это время наркоманы употребляли уже все известные препараты опия: морфин, кодеин, дионин и т. д. Эта эпидемия вывела понятие наркомании за границы медицины, обнажив социальные корни употребления наркотиков.

В медицинском аспекте под наркоманией понимают заболевание, которое выражается в том, что жизнедеятельность организма поддерживается на определенном уровне только при условии постоянного приема наркотических средств и ведет к глубокому истощению физических и психических функций.

Вред, наносимый употреблением гашиша и опия, издревле вызывал необходимость принять ряд запретительных мер, которые бы препятствовали распространению наркомании. История знает их немало. Например, эмир Судана Шикани в 1838 г., узнав, что беднейшие слои населения Аравии употребляли наркотические средства, приказал всех замеченных в употреблении наркотиков в первый раз бросать в тюрьму, а во второй раз — вырывать им зубы. Согласно указам бухарского хана Шах-Курада, правившего в 1711–1747 гг., курильщики

опиума, гашиша, а также лица, пившие вино, в первый раз подвергались всенародному избиению плетьюми, а замеченные во второй раз — смертной казни. В Персии в начале XIX в. лица, употреблявшие гашиш, также карались смертью. Из-за широкого распространения наркотиков среди солдат и офицеров французской армии во время похода в Египет Наполеон вынужден был издать указ, запрещающий их прием.

Особенно остро проблема распространения наркомании стоит в настоящее время. В ряде крупных государств Европы и Америки (Германии, Франции, Канаде, Англии, США) она приобрела характер национального бедствия и в последние годы стала международной проблемой. Это отражено в итоговом документе специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по мировой проблеме наркотиков, состоявшейся в 2020 г. На сессии была подтверждена воля к борьбе с мировой проблемой наркотиков и приняты Политическая декларация и План действий.

Наличие проблемы обусловлено прежде всего существованием как трудно контролируемых наркотических средств, полученных кустарным способом из конопли-дикороса или опийного мака, выращенного незаконным путем, так и синтетических (героин, ЛСД, кокаин и т. д.), количество которых с развитием современной химии постоянно увеличивается.

Наблюдающийся рост наркомании объясняется рядом причин и условий, к которым, в частности, следует отнести:

- стремление уйти от действительности, погрузившись в наркотическое опьянение, которое временно улучшает эмоциональное состояние, вызывает подъем настроения, активизирует мышление, речь, отвлекает от насущных проблем;
- непонимание опасности употребления наркотиков, незнание отрицательных последствий наркомании;
- распространение самолечения, в том числе наркотическими средствами;
- использование наркотиков в лечебных целях при лечении тяжелых травм головного мозга, язвы желудка, раковых заболеваний и т. д., в результате чего возникает привыкание к наркотику, нежелание лечиться, порывать связь с членами группы наркоманов, тяга к наркотическому опьянению;
- обогащение в результате незаконного изготовления, хранения и сбыта таких средств;
- недостаточно активную борьбу с наркоманией;
- неэффективность лечения наркомании, слабое преодоление психологической зависимости человека от наркотиков (наркоманы охотно соглашались на добровольное лечение, преследуя цель снять абстиненцию и купировать

болезнь, для того чтобы вновь употреблять наркотики и получать удовольствие, находясь в состоянии эйфории (наркотического возбуждения)).

Лечение больных наркоманией в условиях наркологического стационара в настоящее время следует признать малоэффективным, поскольку ремиссию более одного года после стационарного лечения, как правило, регистрируют лишь у 9–12 % пациентов [3].

Наркомания чревата многочисленными негативными труднопреодолимыми последствиями, а именно:

- отрицательно воздействует на здоровье людей и способствует распространению других тяжелых заболеваний;
- оказывает пагубное влияние на молодежь;
- тесно связана с такими социальными явлениями, как пьянство, токсикомания, уклонение от общественно полезного труда, бродяжничество;
- является источником получения нетрудовых доходов;
- побуждает к совершению преступлений.

Взаимосвязь преступности и наркомании определяется противоправными действиями, связанными с производством и распространением наркотиков, совершением наркоманами общественно опасных деяний с целью завладения наркотиками или средствами для их приобретения, а также их преступным поведением под непосредственным воздействием наркотиков.

В результате употребления наркотических средств изменяется состав крови, возникают тромбозы сосудов и незаживающие язвы, нарушается нормальное функционирование мозга, сердца, легких, печени, желудочно-кишечного тракта, половой системы. Применение наркотиков в период беременности оказывает воздействие на плод, дети рождаются с уродствами, а также с признаками выраженной абстиненции к наркотику, который употребляет мать. Достоверность данного положения подтверждают исследования в области медицины [4].

Медицинская статистика безоговорочно определила средний возраст жизни наркомана — до 30 лет. Это закономерно, так как никакой организм не в состоянии выдержать постоянного воздействия химических или природных стимуляторов. Лица, употребляющие наркотики, через незначительный промежуток времени становятся похожими на больных эпилепсией и другими органическими заболеваниями головного мозга. Так, при длительном употреблении гашиша наблюдаются на фоне стойкой наркомании затяжные параноидные психозы, длящиеся до нескольких месяцев.

Многие специалисты отмечают, что наркомания является молодежной проблемой. Психическая незрелость ускоряет пристрастие к наркотикам, влияние друзей и знакомых из числа наркоманов, а недостаточная осведомленность

о пагубных последствиях наркомании, стремление к мнимым удовольствиям и любопытство способствуют наркотизации. Среди названных факторов наиболее значимым исследователи считают компании подростков, в которых распространяются наркотики. Так, Д. У. Адылов полагает, что знакомство несовершеннолетних с гашишем в 71,4 % случаев происходит в группах несовершеннолетних [5].

Все это определяет наркоманию как социальную проблему, требующую немедленного разрешения.

-
1. Исмаилов Б. И. Клинико-эпидемиологическая характеристика наркоманий (по материалам Кир. ССР) : дис. ... канд. мед. наук. М., 1979. С. 29. [Вернуться к статье](#)
 2. Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1975. Т. 2: Антибиотики – Беккерель. С. 237. [Вернуться к статье](#)
 3. Пятницкая И. Н. Наркомании: Руководство для врачей. М. : Медицина, 1994. С. 12. [Вернуться к статье](#)
 4. Биологические аспекты наркомании / А. И. Майский [и др.]. М. : Медицина, 1982. С. 34. [Вернуться к статье](#)
 5. Адылов Д. У. Формирование и динамика наркомании в различные временные периоды (клинико-эпидемиологическое исследование) : дис. ... канд. мед. наук. М., 1986. С. 40. [Вернуться к статье](#)

УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

М. В. Гурина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права

***Аннотация.** Рассматривается порядок регулирования социальной рекламы и ее роль в формировании правовой культуры личности и общества, особенности требований законодательства, установленные в отношении социальной рекламы. Исследуется порядок оценки ее качества и содержания, делается вывод о необходимости его упрощения.*

***Ключевые слова:** социальная реклама, качество рекламы, содержание рекламы, распространение социальной рекламы.*

***Annotation:** The order of regulation of social advertising and its role in the formation of the legal culture of the individual and society, the features of the requirements of the legislation established in relation to social advertising are considered. The procedure for assessing its quality and content is investigated, and a conclusion is made about the need to simplify it.*

***Keywords:** social advertising, advertising quality, advertising content, distribution of social advertising.*

Существуют различные средства формирования правовой культуры личности и общества. Одним из таких средств является социальная реклама. Социальная реклама появилась более ста лет назад. В настоящее время она стала действенным и эффективным способом привлечения внимания общества к его актуальным проблемам. Социальная реклама способствует также распространению значимых для государства идей, может непосредственно влиять на поведение граждан. Одним из преимуществ социальной рекламы является охват очень широкой аудитории, позволяющей формировать необходимые ценностные установки у различных категорий граждан. Таким образом, социальная реклама является одним из эффективных способов формирования общественного сознания, поддержания позитивных общественных установок, соответствующих государственным интересам, распространения таких моральных норм и ценностей, как патриотизм, законопослушность, необходимость соблюдения правопорядка, искоренения негативных социальных проявлений [1, с. 79]. Социальная реклама может быть направлена на предотвращение противоправного поведения и тем самым способствовать в значительной степени снижению количества совершаемых правонарушений.

Формированию правового сознания личности и общества может способствовать как соответствующее содержание социальной рекламы, так и, например, просто рекламирование значимых информационных ресурсов правовой направленности (например, рекламирование Детского правового сайта (mir.pravo.by), Национального правового интернет-портала (pravo.by), Правового форума Беларуси (forumpravo.by), посредством которого реализуется общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, и др.).

Основным нормативным правовым актом в области рекламы, в том числе социальной рекламы, является Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее — Закон о рекламе). Согласно ст. 2 Закона о рекламе, под социальной рекламой понимается реклама прав, охраняемых законом интересов или обязанностей организаций или граждан, явлений (мероприятий) в сферах здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, социальной защиты населения, обеспечения государственной и (или) общественной безопасности, охраны окружающей среды, рационального использования природных, топливно-энергетических и других видов ресурсов, в том числе по вопросам охраны здоровья населения, пропаганды здорового образа жизни, деятельности хосписов, благотворительных фондов, сохранения историко-культурного, духовного наследия, профилактики правонарушений, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, развития международного сотрудничества в указанных сферах, либо иных явлений (мероприятий) социального характера, которая направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и рекламоделателями которой являются государственные органы, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь [2].

Законодательство Республики Беларусь в области рекламы, в том числе социальной рекламы, в последнее время претерпело существенные изменения. В большинстве своем эти изменения устанавливают либо ужесточают требования в отношении производства и распространения рекламы. При этом значительная часть из них не распространяется на социальную рекламу. Так, на социальную рекламу не распространяются требования ст. 10 Закона о рекламе, согласно которой в рекламе не допускается изображение товара или его потребительской упаковки, тождественное или сходное до степени смешения с изображением алкогольных напитков, табачных изделий или их потребительской упаковки. Это же относится и к использованию образов или высказываний медицинских или фармацевтических работников (п. 9 ст. 10 Закона о рекламе). Кроме того, в социальной рекламе сейчас можно использовать не только наименование, но и товарные знаки, знаки обслуживания, эмблемы или иную символику (логотипы), используемые для обозначения товаров таких лиц. При этом

данная информация сейчас может занимать 7 % площади кадра (при размещении (распространении) на ТВ и в мультимедийной рекламе) или 7 % площади рекламы (ранее не более 5 %).

На социальную рекламу не распространяется также требование ст. 12 Закона о рекламе, согласно которой распространение рекламы посредством телефонной, телексной, сотовой электросвязи, электронной почты допускается только с согласия абонента. Статья 14 Закона о рекламе устанавливает, что социальная реклама, распространяемая внутри салона транспорта общего пользования, может в отличие от обычной рекламы сопровождаться звуком. Согласно п. 11 ст. 10 Закона о рекламе, в помещениях, в которых располагаются государственные органы, запрещено распространение рекламы, за исключением социальной.

В настоящее время расширен также перечень тех лиц, кто может заявлять о себе в социальной рекламе. В социальной рекламе допускается упоминание об организациях и индивидуальных предпринимателях, оказавших безвозмездную (спонсорскую) помощь на проведение рекламируемого мероприятия и производство самой рекламы.

Указом Президента Республики Беларусь от 31 марта 2022 г. № 131 «О развитии средств массовой информации» вводится новый сбор — сбор за размещение (распространение) рекламы. При этом размещение или распространение социальной рекламы не признается объектом обложения сбором, установленным ч. 1 подп. 2.4 п. 2 Указа 131 «О развитии средств массовой информации» [3].

Социальная реклама должна быть размещена (распространена) в теле- и радиозфире с 18:00 до 22:00 часов, а также в иное время, определенное рекламодателем. Срок распространения одной и той же социальной теле- и радиорекламы не может превышать двух месяцев подряд. Представляется, что социальная реклама, имеющая важное идеологическое, общественное и воспитательное значение, должна распространяться без установления ограничительных сроков с учетом реальных потребностей общества и государства.

Порядок производства и размещения (распространения) социальной рекламы, включая порядок участия Межведомственного совета по рекламе в оценке качества социальной рекламы, устанавливается Советом Министров Республики Беларусь. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 июля 2013 г. № 603 утверждено Положение о порядке производства и размещения (распространения) социальной рекламы (далее — Постановление № 603), которым устанавливается порядок производства и распространения социальной рекламы, планируемой к размещению на телевидении, радио, средствах наружной рекламы или транспортных средствах, за исключением

социальной рекламы, содержащей исключительно информацию о государственных праздниках, праздничных днях, памятных датах или мероприятиях республиканского или местного значения [4].

Белорусским законодательством установлено, что рекламодателем социальной рекламы является тот государственный орган, в компетенцию которого входят вопросы, освещаемые в социальной рекламе. Юридические лица и граждане также вправе обращаться в государственные органы с предложением о производстве или размещении социальной рекламы. Такие предложения подаются в государственный орган, в компетенцию которого входят вопросы, планируемые к освещению в социальной рекламе, и рассматриваются в соответствии с законодательством об обращениях граждан и юридических лиц.

Государственный орган, выступающий в качестве рекламодателя социальной рекламы, обеспечивает ее производство путем приобретения готового рекламного продукта или работ (услуг) по производству социальной рекламы. Юридические лица и граждане оказывают содействие государственным органам в производстве социальной рекламы путем реализации (безвозмездной передачи) государственным органам готового рекламного продукта, выполнения работ (оказания услуг) по производству социальной рекламы либо иным способом, не запрещенным законодательством.

Размещение социальной рекламы осуществляется на основании составленной в произвольной форме заявки государственного органа рекламораспространителю. Заявка подается не позднее чем за один месяц до указанных в ней предполагаемых сроков размещения социальной рекламы.

Эффективность социальной рекламы в первую очередь будет определяться ее содержанием. В связи с этим вопросам оценки качества и содержания социальной рекламы должно уделяться особое внимание. Согласно Постановлению № 603, оценку качества социальной рекламы осуществляет Межведомственный совет по рекламе после предоставления ему компетентным государственным органом всех необходимых материалов и документов (ролика, макета, сценария и т. д.). Решение об оценке качества социальной рекламы принимается Межведомственным советом по рекламе на основании заключения рабочей группы в течение 30 дней. Продолжение производства или размещение социальной рекламы возможно только после получения положительного решения Межведомственного совета. При этом размещение социальной рекламы, качество которой признано Межведомственным советом по рекламе ненадлежащим, не допускается. Если качество социальной рекламы Межведомственным советом по рекламе признано ненадлежащим, рекламопроизводитель обязан безвозмездно устранить недостатки, а также в случае необходимости возместить государственному органу понесенные убытки. Таким образом

размещение социальной рекламы возможно только после получения положительной оценки Межведомственного совета по рекламе.

Кроме этого, Декретом Президента Республики Беларусь от 6 июля 2021 г. № 3 «Об изменении Декрета Президента Республики Беларусь по вопросам размещения (распространения) рекламы» внесены изменения в подп. 4.6 п. 4 Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», на основании которого было принято постановление № 561 «Об утверждении Положения о порядке согласования содержания наружной рекламы и рекламы на транспортном средстве». Согласно данному постановлению субъекты хозяйствования в сфере рекламной деятельности размещают наружную рекламу после согласования содержания этой рекламы с местным исполнительным и распорядительным органом по месту ее размещения (распространения) [5]. Таким образом, содержание наружной социальной рекламы подлежит согласованию с местным исполнительным и распорядительным органом, что именно в отношении социальной рекламы представляется избыточным и нецелесообразным, так как в отношении ее уже имеется положительное решение об оценке ее качества Межведомственным советом по рекламе. Более того, Постановлением № 603 установлено, что рекламораспространитель вправе запросить у государственного органа, подавшего заявку, решение Межведомственного совета по рекламе, содержащее оценку качества социальной рекламы. В связи с этим предлагается сделать обязательным предоставление решения Межведомственного совета по рекламе о качестве социальной рекламы рекламораспространителю и отменить требование согласования ее содержания с местным исполнительным и распорядительным органом.

Таким образом, совершенствование правового регулирования социальной рекламы повысит ее эффективность как инструмента, существенным образом влияющего на формирование правовой культуры личности и общества.

1. Пейсахова Д. Функции социальной рекламы в обществе // Хроноэкономика. № 4 (25). 2020. С. 77–81. [Вернуться к статье](#)

2. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. № 82-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О развитии средств массовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 марта 2022 г., № 131. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении положения о порядке производства и размещения (распространения) социальной рекламы, состава Межведомственного совета по рекламе и внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь по вопросам рекламы [Электронный ресурс] : Постановление

Совета Министров Респ. Беларусь, 9 июля 2013 г., № 603 : с изм. и доп. от 28.03.2022 г. № 181. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Положения о порядке согласования содержания наружной рекламы и рекламы на транспортном средстве [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 окт. 2021 г., № 561. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

С. Д. Гусак

Белорусский государственный университет,
магистрант кафедры конституционного права юридического факультета

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие информационных технологий с использованием искусственного интеллекта и его внедрение в государственный сектор. Предложено разработать приложение, с помощью которого граждане смогут получать советы и консультации по различным вопросам. Также выделены основные преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в государственном управлении.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, информационные технологии.

Annotation. This article discusses the development of information technology using artificial intelligence and its implementation in the public sector. It is proposed to develop an application with which citizens can receive advice and consultations on various issues. The main advantages and disadvantages of using artificial intelligence in public administration are also highlighted.

Keywords: artificial intelligence, public administration, information technology.

В современном мире с каждым годом увеличивается значимость информационных технологий в государственном управлении. Они не только помогают человеку и государству справиться со сложными задачами, но и способны облегчить их деятельность. Такие современные цифровые инструменты и технологии, как искусственный интеллект (далее — ИИ), «Интернет вещей», большие данные, блокчейн, робототехника и многие другие, способны изменить общество и сделать его информационным, а также ускорить процессы цифровизации практически всех сторон жизнедеятельности человека и государства в целом.

Проблема внедрения современных цифровых технологий в сферу государственного управления затрагивалась косвенно, и полноценных комплексных исследований по данному вопросу в отечественной науке не проводилось.

К вопросу развития технологий на основе ИИ приковано много внимания, по большей части этот интерес ориентирован на достижение военного, политического и экономического преимущества посредством внедрения технологий ИИ в систему работы разнообразных органов государственного управления.

Об ИИ впервые заговорили как о важнейшем факторе военного, экономического, геополитического преимущества еще в конце XX века. Связано это было с быстрым темпом развития машинного обучения: раздела ИИ, который изучает построение алгоритмов, способных обучаться. Исследователи увидели потенциальную возможность создания машины, интеллектуальные способности которой были бы равноценны интеллектуальным способностям человека или же в некоторых аспектах превосходили.

При использовании ИИ в государственном секторе, по мнению Э. В. Талапиной, необходимо обратить особое внимание на пять ключевых моментов:

1. Точность (одно из очевидных преимуществ ИИ связано с тем, что он должен обеспечивать более точные результаты обработки больших данных, которые могут быть использованы при принятии решений; например, Правительство Канады в целях обеспечения контроля качества точности результатов ввело Директиву «О консультировании при автоматизированном принятии решений» (Directive on Automated Decision-Making Consulting), в рамках которой требуется, чтобы соответствующие квалифицированные эксперты проверяли автоматизированную систему принятия решений (the Automated Decision System)).

2. Контроль со стороны человека (степень контроля будет варьироваться в зависимости от значимости решения и от других имеющихся факторов; задача состоит в том, чтобы создать искусственный сверхразум, приносящий пользу людям, и при этом избежать непреднамеренного создания сверхразума, наносящего вред; важно избежать ситуации, при которой ИИ сможет захватить контроль и сделает невозможным свое отключение).

3. Объяснимость и прозрачность (одной из наиболее фундаментальных проблем, связанных с использованием ИИ государственным сектором, является потенциальная возможность отсутствия открытости используемых алгоритмов; этот момент становится еще более значительным в свете декларируемой многими государствами прозрачности государственного управления).

4. Справедливость (инструменты ИИ программируются людьми, а также то, что предвзятость данных будет зависеть от заложенной программы).

5. Конфиденциальность и защита персональных данных (законодательные режимы различаются в зависимости от юрисдикции, но основополагающие вопросы защиты персональных данных и конфиденциальности информации, а также связанные с ними гражданские права и свободы, которые затрагиваются использованием ИИ, относительно универсальны; данные, используемые для «питания» и обучения систем ИИ, часто представляют собой комбинацию неперсональных и персональных данных; основанием получения

государственными учреждениями такой информации, как правило, выступает возможность ее использования в разведывательных целях; в той мере, в которой она является персональной, она будет анонимизирована) [1].

В своей совокупности эти моменты влияют на осуществление качественного государственного управления как с процедурной, так и с содержательной стороны.

Очевидно, что правовое обеспечение технологий с ИИ должно развиваться последовательно. Согласимся с Г. С. Сакомской в том, что «целесообразно на начальном этапе провести оценку действующих в настоящее время в Республике Беларусь правовых норм, которые могут определять правовой режим (статус) технологий с искусственным интеллектом с целью корректировки и изменения законодательства» [2]. При этом подходы к правовому регулированию будут существенно зависеть от того, что следует понимать под ИИ и какими способностями он обладает.

Государственное управление основано на сборе и анализе огромных объемов данных, и в этой области применение ИИ имеет большой потенциал. В первую очередь это происходит по двум основным направлениям: аналитическая работа с информацией и автоматизация рутинных интеллектуальных процессов, которая может привести к их существенной трансформации. Использование ИИ в сумме с другими линиями технологической трансформации аппарата управления может дать такие результаты, как гибкая адресная помощь со стороны социальных и коммунальных служб, предиктивное предоставление услуг в здравоохранении, реагирование в чрезвычайных ситуациях, высокотехнологичный рискориентированный надзор и тому подобное.

Инновация способна оказывать государственные услуги гражданам путем предоставления своевременных и подходящих ответов на их вопросы. Например, можно разработать приложение, представляющее собой интерактивный чат-бот, с помощью которого граждане смогут получать советы и консультации по различным вопросам. Бот, наделенный ИИ, способен находить в своей базе знаний подходящее решение или ответ для ситуации, в которой оказался человек. В случае нестандартных ситуаций он занимается поиском необходимой информации, ее анализом и сравнением для предложения оптимального решения. Также инновация обнаруживает и прогнозирует потребности отдельных лиц и групп населения, способна разработать план для рационального использования ресурсов. Технологии ИИ могут устранять преступные сговоры и вскрывать факты мошенничества на государственной службе. В результате возможно постепенное снижение коррупции в системе государственного управления. Для того чтобы внедрить данную инновацию, необходимо оцифровать весь массив данных, который собирается и используется

в государственном управлении, автоматизировать этот процесс и повысить степень обработки данных с помощью технологий ИИ. Это приведет к повышению качества работ государственных органов [3].

Таким образом, ИИ в государственном управлении способен:

- решать задачи государственных служащих;
- оказывать государственные услуги гражданам и организациям;
- снижать вероятность успешной организации преступных сговоров;
- повышать цифровую безопасность;
- снижать уровень коррупции [3].

Преимущества ИИ неоспоримы. ИИ способен вырабатывать эффективные решения там, где не хватает высококвалифицированных специалистов, способствует минимизации человеческого фактора в важных сферах деятельности, может повысить производительность труда. Однако он имеет и ряд недостатков. Тотальный контроль, накопление большого количества персональных данных о пользователях компьютерных систем могут привести к ограничению личных свобод. Также стоит отметить, что применение ИИ может отрицательно повлиять и на экономику: имеется риск резкого роста безработицы с учетом сокращения рабочих мест вследствие автоматизации и другие проблемы.

Такая специфическая сфера, как государственное управление, требует продуманного правового регулирования. На начальной стадии имеет смысл проведение оценки действующих правовых норм в Республике Беларусь, посредством которых можно определять правовой статус (режим) технологий, использующих ИИ, для изменения и дальнейшей корректировки законодательства. Использование ИИ не должно нарушать сложившийся баланс между публичными интересами и правами граждан, поэтому его внедрение необходимо осуществлять с учетом того потенциального вреда, который могут принести системы ИИ.

1. Талапина Э. В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении [Электронный ресурс] // Информационное общество. 2021. № 3. URL: <http://infosoc.iis.ru/article/view/603/487> (дата обращения: 03.03.2023).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Сакомская Г. С. Подходы в правовом регулировании технологий с искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/podkhody-v-pravovom-regulirovanii-tekhnologiy-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 04.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Карапетян Д. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в государственном управлении [Электронный ресурс] // Формула менеджмента. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 05.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 351.743:342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВНЕШНЕОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Н. Данилин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос об организации работы общественных формирований в трудовых коллективах и их роль в воспитании граждан в духе неуклонного исполнения законов.*

***Ключевые слова:** общественные формирования, добровольные дружины, товарищеские суды, Белорусский профессиональный союз работников государственных и других учреждений.*

***Annotation.** The article deals with the issue of organizing the work of public formations in labor collectives and their role in educating citizens in the spirit of the steady implementation of laws.*

***Keywords:** public formations, voluntary squads, friendly courts, Belarusian trade union of employees of state and other institutions.*

Общественные формирования являются одной из важнейших внешнеорганизационных форм административной деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД), которые играют большую роль в профилактике преступлений и административных правонарушений.

Участие граждан в обеспечении охраны общественного порядка во все времена имело особое значение не только для оказания практической помощи ОВД, но и для осмысления гражданами сущности правоохранительной деятельности в целом.

Надлежащая охрана общественного порядка, профилактика правонарушений во многом зависят от того, насколько правильно и четко организовано взаимодействие ОВД с общественностью, прежде всего с добровольными дружинами. В соответствии с действующими нормативными актами и сложившейся практикой, взаимодействие осуществляется в самых различных формах [1].

ОВД оказывают помощь добровольным дружинам в организации их работы:

- передают им свой опыт, обучают их формам и методам охраны общественного порядка и предупреждению правонарушений;
- информируют о состоянии оперативной обстановки в районе;

- разрабатывают и осуществляют совместные профилактические мероприятия;
- организуют совместные рейды, месячники по безопасности движения и т. д.

С другой стороны, и добровольные дружины строят свою деятельность в тесном контакте с ОВД. Среди указанных форм взаимодействия особого внимания заслуживают формы взаимодействия, связанные с профилактикой правонарушений. В Положении о добровольных дружинах указывается, что основная задача дружин — это активное участие в предупреждении правонарушений [1; 2].

В связи с этим целесообразно рассмотреть два основных направления профилактической работы: общепредупредительные и индивидуально-профилактические мероприятия.

В деятельности дружин уже давно стало правилом систематическое совместное с ОВД планирование общепрофилактических мероприятий. Намечается проведение рейдов, встреч, бесед на предприятиях и в организациях, подготовка материалов в печать, на радио и телевидение. Особо успешно ведется эта работа в областных центрах, где за отдельными дружинами закреплена определенная территория, границы которой соответствуют административному участку действий участковых инспекторов милиции, что позволяет существенно улучшить их взаимодействие.

Кроме того, дружины принимают участие в обеспечении общественного порядка и во время проведения массовых мероприятий (демонстраций, митингов, спортивных и других мероприятий), участвуют в поддержании общественного порядка при стихийных бедствиях, оказывают помощь потерпевшим в их эвакуации, в оцеплении места чрезвычайного происшествия и недопущении в зону посторонних лиц.

Сотрудники ОВД и добровольные дружины совместно проводят правовую пропаганду в целях предупреждения правонарушений, прежде всего со стороны неустойчивых лиц, выявляют причины и условия, способствующие совершению правонарушений.

Цель индивидуальной профилактики состоит в том, чтобы лицо, допустившее правонарушение или склонное к его совершению, под влиянием определенных мер воздействия изменило свое поведение — соблюдало законы, правила общепринятых норм и т. д. Такое воздействие на указанных лиц дружинники могут оказать мерами убеждения, воспитания, а в необходимых случаях мерами правового характера.

Особое место в профилактической работе добровольных дружин отводится несовершеннолетним. Дружины тесно взаимодействуют с инспекцией

по делам несовершеннолетних. При выявлении подростков, склонных к совершению правонарушений, осуществляется информирование инспекции по делам несовершеннолетних для принятия с их стороны соответствующих мер индивидуального характера [1; 2].

Значительную помощь сотрудникам милиции оказывают дружинники при проведении индивидуально-профилактической работы с лицами, состоящими под административным надзором: совместно посещают их на дому, осуществляют контроль за их поведением, проводят с поднадзорными и членами их семей воспитательную работу.

Как показывает практика, совместная профилактическая работа добровольных дружин и ОВД имеет большое значение в предупреждении правонарушений, а первейшая задача сотрудников милиции состоит в том, чтобы укрепить это взаимодействие и искать новые формы предупреждения правонарушений.

Немаловажную роль в профилактике административных правонарушений, по нашему мнению, должен играть Белорусский профессиональный союз работников государственных и других учреждений (далее — Профсоюз), который является добровольной общественной организацией, объединяющей граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства. В настоящее время на всех предприятиях, в организациях и учреждениях Республики Беларусь Профсоюз осуществляет свою разноплановую деятельность.

В то же время хотелось бы отметить, что Устав Белорусского профессионального союза работников государственных и других учреждений (далее — Устав) регулирует исключительно трудовые отношения членом профсоюзов, связанных с нанимателями.

В соответствии со ст. 19 главы 3 Устава, член Профсоюза обязан:

- выполнять обязанности, предусмотренные трудовыми, коллективными договорами и другими соглашениями;
- соблюдать требования по охране труда, правила внутреннего трудового распорядка, трудовую и исполнительную дисциплину;
- заботиться об авторитете Профсоюза, крепить его единство, не допускать действий (бездействий), наносящих вред Профсоюзу и его организационным структурам [3].

Таким образом, в Уставе не указаны обязанности членом Профсоюза, связанные с соблюдением ими законности и недопущением совершения правонарушений вне рабочего времени, и тем более с их поведением в сфере семейно-бытовых отношений, которым на сегодняшний день уделяется со стороны государства большое внимание.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время в трудовых коллективах Республики отсутствуют такие общественные формирования, как товарищеские суды, которые в свое время играли большую роль в борьбе с антиобщественными поступками, совершаемыми работниками трудовых коллективов. Товарищеские суды проводили актуальную работу по укреплению правопорядка, воспитанию граждан в духе точного и неуклонного исполнения законов, предупреждению антиобщественных поступков. Товарищеские суды были одной из наиболее распространенных форм участия общественности в борьбе с нарушениями норм права и морали, а также за укрепление трудовой и производственной дисциплины.

В Положении о товарищеских судах, утвержденном Указом Президента Верховного Совета БССР от 29 марта 1977 года, подчеркивается, что главное в работе товарищеских судов — предупреждение правонарушений, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создание обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам. Были сформулированы общие требования, предъявляемые к общественникам, участвующим в работе товарищеских судов. Каждый член суда обязан проявлять высокую дисциплину и организованность, быть непримиримым к правонарушениям и антиобщественным поступкам, в своей деятельности руководствоваться законом.

В соответствии со ст. 7 указанного Положения, товарищеские суды рассматривали следующие дела:

- о прогуле без уважительных причин (в том числе появлении на работе в нетрезвом состоянии), опоздании на работу или преждевременном уходе с работы и других нарушениях трудовой дисциплины;
- о несоблюдении требований по охране труда и противопожарной охране;
- об утрате, повреждении оборудования, инвентаря, инструментов, материалов и иного государственного или общественного имущества вследствие недобросовестного отношения лица к своим обязанностям;
- о самовольном использовании в личных целях принадлежащих государственному предприятию, учреждению, организации, колхозу, а также иной кооперативной и общественной организации транспортных средств, сельскохозяйственной техники, станков, инструментов, сырья и другого имущества, если эти действия не причинили указанным предприятиям существенного ущерба;
- о распитии спиртных напитков на улицах, во дворах и подъездах, на стадионах, в скверах, парках и других общественных местах; о появлении в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность; о приобретении самогона, браги и других крепких спиртных напитков домашней выработки;

- о мелком хищении государственного или общественного имущества, мелком хулиганстве, совершенной впервые краже малоценных предметов потребления и быта, находящихся в личной собственности граждан, в случае, когда виновный и потерпевший являются членами одного коллектива;
- об оскорблении, клевете, побоях и легких телесных повреждениях, не повлекших расстройства здоровья, если эти деяния совершены впервые; о сквернословии;
- о невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями, опекунами или попечителями обязанностей по воспитанию детей; о недостойном отношении к родителям; недостойном поведении в семье; о недостойном отношении к женщине и др. [4].

Считаем, что Устав Белорусского профессионального союза работников государственных и других учреждений необходимо дополнить дополнительной главой «Об организации работы товарищеских судов».

В ходе избрания на общем собрании трудового коллектива председателя и членов профсоюзного комитета первичной профсоюзной организации Профсоюза предлагается возложить на них организацию работы товарищеских судов. В свою очередь, такие суды будут коллегиально рассматривать материалы, поступившие из правоохранительных органов и других субъектов профилактики в отношении членов Профсоюза, которые совершили правонарушения, и проводить с данной категорией граждан профилактическую работу воспитательного характера. Для этого необходимо установить перечень дел, которые они будут вправе рассматривать, а также порядок рассмотрения и меры общественного воздействия, применяемые товарищескими судами.

1. Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 214-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Карев Д. С., Колосков В. М., Кузнецов В. В. Народные дружины в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. М. : Юрид. лит., 1976. 204 с. [Вернуться к статье](#)

3. Устав Белорусского профессионального союза работников государственных и других учреждений [Электронный ресурс] : утв. I съездом, 28 авг. 1990 г. : с изм. и доп. от 2 фев. 2021 г. // Белорусский профсоюз работников государственных и других учреждений. URL: <https://profgos.1prof.by/inc/uploads/2021/08/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B0-2021.pdf> (дата обращения: 15.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Товарищеские суды : пособие для слушателей. Изд. 2-е, перераб. М. : Знание, 1978. 208 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.915:343.976

**НАРКОМАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ:
ПОНЯТИЕ, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ,
ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ****И. В. Данькова**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

Аннотация. В статье проанализирована проблема наркомании в подростковой среде. Особое внимание уделяется анализу таких понятий, как «наркотик» и «наркомания». Определены мотивы вовлечения несовершеннолетних в процесс наркотизации, факторы формирования наркотической зависимости, возможные пути ее профилактики.

Ключевые слова: подросток, несовершеннолетний, наркотик, наркомания, незаконный оборот наркотических средств.

Annotation. The article analyzes the problem of drug addiction among adolescents. Particular attention is paid to the analysis of such concepts as drug and drug addiction. The motives for the involvement of minors in the process of drug addiction, factors in the formation of drug addiction and possible ways of its prevention are determined.

Keywords: teenager, minor, drug, drug addiction, drug trafficking.

Одной из актуальных и достаточно серьезных проблем современных подростков и молодежи является их вовлечение в процесс наркотизации как в виде злоупотребления наркотическими веществами и, как следствие, зависимости от них, так и в виде участия в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Необходимо отметить и тот факт, что в данный процесс вовлечены дети не только из неблагополучных и асоциальных семей, но и из семей с достаточно высоким материальным достатком. Несмотря на то, что проблема наркотизации несовершеннолетних отражена в научных трудах ученых различных отраслей права, психологии, педагогики, медицины, она продолжает оставаться актуальной и с каждым днем приобретает все новые формы.

Наркотические вещества (наркотики) — определенные вещества растительного или синтетического происхождения, которые оказывают специфическое (стимулирующее, возбуждающее, угнетающее, галлюциногенное) воздействие на центральную нервную систему и включены в официальный список наркотических средств [1, с. 144].

Единая конвенция Организации Объединенных Наций о наркотических средствах 1961 года дает аналогичное определение: «Наркотики — это

вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, растения, включенные в Перечень наркотических средств, подлежащих контролю» [2].

На основании данной Конвенции и в соответствии с Законом Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», в нашем государстве разработан перечень указанных веществ, включающий в себя две основные группы наркотиков (разрешенные для использования в медицинских целях и запрещенные), которые, в свою очередь, делятся на опасные и особо опасные [3].

Более детальную классификацию наркотиков по видам можно представить следующим образом:

- по природе происхождения они подразделяются на вещества растительного (опийный мак, конопля и их производные) и синтетического (промедол, кодеин) происхождения;
- по скорости формирования зависимости наркотики делятся на слабые (марихуана) и сильные (героин, крэк);
- по характеру воздействия на центральную нервную систему различают наркотические анальгетики, средства, вызывающие торможение или стимуляцию, галлюциногены и т. д. [1, с. 144].

Следовательно, наркотик — это психоактивное вещество, которое в случае повторных его приемов вызывает у человека зависимость. При этом на первоначальном этапе употребления наркотиков возникает состояние наркотического опьянения, вызывающего у человека приятные ощущения и побуждающего его повторно принимать наркотики. Со временем для получения приятных ощущений у человека возникает необходимость увеличения дозы наркотика. Организм постепенно привыкает к наркотику, возникает психическая зависимость от него, что является началом такой болезни, как наркомания [4, с. 74].

Согласно «Словарю-справочнику по криминологии и юридической психологии», наркомания (в переводе с французского языка — онемение, оцепенение, страстное влечение) — заболевание, которое возникает в результате употребления наркотических средств, способных в малых дозах вызвать эйфорию, а в больших — оглушение, наркотический сон. Все это сопряжено с негативными изменениями личности наркомана, он социально и психически деградирует, в его поведении нередко отмечается склонность к суициду [5, с. 109].

«Краткий юридический словарь» определяет наркоманию как стойкую патологическую зависимость от наркотиков, которая ведет к физическому и

психическому разрушению личности, является причиной и фоном совершения самых различных преступлений, в том числе тяжких [1, с. 144].

Берри и Джерей Уайнхолд в своем научном труде «Освобождение от созависимости» под наркоманией понимают тотальное поражение личности, которое непосредственно отражается и на состоянии физического здоровья. Наркоман постепенно уничтожает свои лучшие нравственные качества, теряет друзей, семью, не может получить профессию или остается без работы, вовлекается в преступную среду, приносит массу несчастий себе и окружающим и, наконец, разрушает свое тело [6, с. 158].

Таким образом, наркомания характеризуется непреодолимым влечением к приему наркотиков, тенденцией к повышению употребляемых доз, формированием психической и физической зависимости.

Психическая зависимость — это эмоциональное состояние, связанное с настоятельной потребностью в наркотики либо для получения желаемых ощущений, либо для устранения явлений психического дискомфорта [7, с. 47].

Физическая зависимость — состояние особой перестройки всей жизнедеятельности организма человека в связи с систематическим употреблением наркотиков. Одним из признаков физической зависимости является так называемая ломка, когда наркотик принимается не для получения эффекта наслаждения, а для достижения состояния физического комфорта и снижения абстинентного синдрома [7, с. 47].

А. Е. Личко в своих исследованиях определяет уровни наркотизации следующим образом:

1) единичное или редкое употребление наркотиков; многократное их употребление, но без признаков психической и физической зависимости от них;

2) наркомания 1 стадии, при которой сформирована только психическая зависимость, а прекращение приема наркотика не вызывает мучительных ощущений абстиненции;

3) наркомания 2 стадии, когда наряду с психической зависимостью от наркотика сформировалась и физическая, а поиск наркотика направлен не столько на вызов эйфории, сколько на то, чтобы избежать мучений абстиненции;

4) наркомания 3 стадии, когда сформированы обе зависимости от наркотика [4, с. 72].

При этом отмечается, что первых два уровня изменений в организме имеют обратимый процесс, однако степень риска стать наркоманом зависит от вида наркотика и от возраста, в котором начинается его употребление.

Основными мотивами влечения подростков к наркотическим веществам являются:

- любопытство, познание чего-то нового и неизведанного;
- получение мнимого творческого вдохновения;
- постижение состояния полного расслабления;
- выражение независимости;
- уход от проблем;
- подражание, желание быть принятым рефлেকторной группой (возможны ситуации, когда первую дозу навязывают обманным путем под видом сигареты или напитка) [7, с. 12].

В связи с этим учеными определены основные факторы, способствующие формированию наркомании у детей и молодежи:

- психологические факторы, определяющие индивидуальный процесс приобщения к наркотикам (низкая стрессоустойчивость, повышенная тревожность, импульсивность, любопытство, трудности приспособления к окружающей среде, конфликт с окружением, неудовлетворенность, утомление, робость, недостаточная гибкость поведения, осознание своей неполноценности и т. д.);

- медико-биологические факторы (перенесенные черепно-мозговые травмы, задержка полового созревания, психические заболевания, тяжелые и длительные соматические заболевания, наследственная предрасположенность);

- социальные факторы (воспитание в неполной семье, постоянная занятость одного из родителей, раннее употребление наркотиков, возросшая доступность наркотиков как по цене, так и по возможности их приобретения) [4, с.79–85].

Употребление наркотика опасно не только для здоровья, зачастую наркотизм почти неизбежно означает вовлечение подростка в криминальную субкультуру. Об этом говорят статистические данные по преступлениям, связанным с незаконными действиями в отношении наркотиков, представленные в таблице.

Таблица — Количество осужденных за преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов [8]

Число осужденных \ Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего	3471	3929	3605	2942	2452	2284	2002	2050
Несовершеннолетних	146	295	229	108	61	52	44	85

В настоящее время основная масса наркотических средств распространяется через Интернет и при помощи закладок. Этому способствует скрытая сеть соединений «даркнет», через которую наркотики предлагаются

в зашифрованном виде неограниченному кругу потребителей. Необходимо отметить, что данная сеть активно используется и для продажи наркотиков, и для вербовки так называемых закладчиков. Потенциальные работники, в основном подростки, учитывая конфиденциальность «устройства на работу», рассчитывают, что их никто никогда не найдет. С 2014 года в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь созданы подразделения интернет-разведки, которые весьма успешно действуют по следующим направлениям: выявление и пресечение преступлений в Интернете, а также противодействие распространению наркотиков в Сети. Одной из основных задач правоохранительных органов на сегодняшний день является недопущение гибели людей и вовлечения их в наркооборот, а также уничтожение организованной структуры наркобизнеса. Кроме того, в профилактических целях создан и работает интернет-ресурс Romogut.by, включающий раздел для детей, содержащий всю необходимую информацию, связанную с противодействием незаконному обороту наркотиков. Причем дети получают ее от узкопрофильных специалистов в понятной и доступной форме [9].

Таким образом, наркомания на современном этапе развития общества представляет собой актуальную проблему, в борьбе с которой традиционные формы и методы теряют свою эффективность. На наш взгляд, необходимо дальнейшее совершенствование системы предупреждения и профилактики распространения наркотических средств путем создания специализированных подразделений в системе правоохранительных органов, разработки современных методик выявления и пресечения преступлений, связанных с наркотическими средствами, увеличения количества высококвалифицированных специалистов в этой области. Повышению эффективности данного вида работы будет способствовать также расширение международного сотрудничества и изучение передового положительного опыта других государств.

1. Краткий юридический словарь / М. Е. Волосов [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2000. 304 с. [Вернуться к статье](#)

2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (дата обращения: 25.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З : в ред. от 14.10.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон : моногр. / под ред. А. А. Реана. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 479 с. [Вернуться к статье](#)
5. Ананич В. А., Колченогова О. П. Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии. Минск : Амалфея, 2003. 272 с. [Вернуться к статье](#)
6. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / пер. с англ. А. Г. Чеславской. М. : Независимая фирма «Класс», 2002. 224 с. [Вернуться к статье](#)
7. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация : пособие. М. : ВЛАДОС, 2014. 286 с. [Вернуться к статье](#)
8. Численность осужденных за преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов за 2010–2021 годы [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190809#> (дата обращения: 25.01.2023). [Вернуться к статье](#)
9. Геннадий Казакевич: Отрубить голову гидре — как в Беларуси борются с наркотиками в интернете [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/6140> (дата обращения: 25.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.626

**ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ
МЕЖДУ СУПРУГАМИ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА****И. В. Данькова**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин**М. С. Игнатенко**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 4 курса

***Аннотация.** В статье рассматривается порядок раздела жилых помещений, а также объектов строительства между супругами в процессе расторжения брака между ними. Особое внимание уделяется выделению долей каждого супруга, а также разделу незавершенных объектов строительства.*

***Ключевые слова:** супруги, раздел имущества, жилые помещения, доля, расторжение брака.*

***Annotation.** The article discusses the procedure for dividing residential premises, as well as construction objects between spouses in the process of dissolution of marriage between them. Particular attention is paid to the allocation of shares of each spouse, as well as the division of unfinished construction projects.*

***Keywords:** spouses, division of property, living quarters, share, dissolution of marriage.*

Прекращение брака между супругами закономерно влечет за собой раздел имущества между ними. Наиболее простой и дешевый способ решения этого вопроса — добровольный раздел, в процессе которого супругам не придется нести расходы по оплате государственной пошлины и проводить дорогостоящие экспертизы по оценке имущества. Однако, на практике супругам не всегда удается мирно договориться о разделе имущества, причем множество споров и коллизий возникает при разделе жилых помещений, а также объектов незавершенного строительства, особенно в тех ситуациях, когда нужно учесть интересы третьих лиц, в частности несовершеннолетних детей.

Согласно Жилищному кодексу Республики Беларусь (далее — ЖК), жилым является помещение, предназначенное для проживания граждан, отапливаемое, имеющее естественное освещение, соответствующее санитарным нормам и правилам, гигиеническим и иным техническим требованиям, предъявляемым к жилым помещениям. Следовательно, к таковым следует отнести квартиры, жилые дома, а также жилые комнаты. При этом в случае раздела указанных жилых помещений важно различать раздел жилого

помещения в натуре и раздел с выделением изолированного жилого помещения (комнаты или комнат), так как при разделе в натуре происходит прекращение общей долевой собственности и возникает два и более объекта недвижимости, а во втором варианте — жилое помещение остается в долевой собственности [1].

Следует отметить, что разделу подлежат только те жилые помещения, которые относятся к частному жилищному фонду, при соблюдении следующих условий:

- техническая возможность перепланировки с целью образования нескольких жилых помещений (в случае отсутствия такой возможности собственник жилого помещения имеет право требовать раздела жилого помещения с выделением ему в собственность изолированной жилой комнаты, а подсобные помещения остаются при этом в общей долевой собственности (ст. 156 ЖК)) [1];

- взаимное согласие на раздел жилого помещения (если между собственниками такого согласия нет либо участники долевой собственности не могут прийти к единому мнению о способах и условиях раздела общего имущества или выдела доли одного из них, то раздел жилого помещения производится в судебном порядке (ст. 255 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК)) [2];

- отсутствие в жилом помещении незарегистрированных самовольных надстроек, пристроек и (или) перестроек (п. 3 ст. 156 ЖК) [1].

Говоря о разделе жилых помещений между супругами, необходимо помнить, что наиболее распространенным вариантом правового статуса их имущества, подлежащего разделу, является статус общей совместной собственности (все имущество, нажитое супругами в браке, независимо от приобретателя и внесенной доли денежных средств супругами). Стоит учитывать и тот факт, что при разделе совместно нажитой собственности супругов их доли признаются равными, если иное не предусмотрено Брачным договором или иными соглашениями. Однако суд имеет право отступить от правила равных долей в интересах общих несовершеннолетних детей либо же если один из супругов докажет превосходство своих интересов. Еще одно немаловажное замечание — возможность преобразования совместной собственности в долевую как в период брака, так и после его расторжения, как по взаимному соглашению сторон, так и по требованию одного из супругов в судебном порядке в пределах сроков исковой давности, который составляет три года [3].

При разделе жилого помещения между супругами в судебном порядке учитываются размеры общей площади и площади жилых комнат. В случае

отсутствия технической возможности раздела жилого помещения на два и более жилых помещений и при необходимости отступления от равных долей суд, увеличив или уменьшив размеры выделяемых долей, должен взыскать денежную компенсацию за разницу в долях, принимая во внимание рыночную стоимость жилого помещения, подлежащего разделу. В этой ситуации супругам необходимо помнить, что каждый из них соразмерно со своей долей должен будет уплачивать соответствующие налоги, сборы, коммунальные и другие платежи по общему имуществу, а также принимать участие в издержках по содержанию и сохранению имущества [4].

В случае, когда доля одного из супругов незначительная, не может быть реально выделена и он не имеет к ней определенного интереса, суд может обязать его передать свою долю второму супругу с выплатой ему денежной компенсации [2]. На незначительность размера доли влияет общая площадь жилого помещения, а также размер доли собственника [4]. Что касается заинтересованности супруга в выделяемой доле, то это определяется индивидуально, в каждом конкретном случае, с учетом ее размера, наличия у него другого жилья и других обстоятельств. Следовательно, если судом будет установлено, что доля одного из супругов незначительна, не может быть реально выделена, но он в ней заинтересован, то его не могут лишить указанной доли в праве собственности на жилое помещение [2].

В судебной практике встречаются ситуации, когда суд передает жилое помещение одному из супругов, а второй при этом дал согласие на получение денежной компенсации за свою долю в праве собственности на жилое помещение. Необходимо акцентировать внимание на том, что отечественное законодательство не устанавливает четкие способы и формы передачи денежной компенсации, а потому заинтересованные стороны должны прийти к добровольному соглашению в этом вопросе и решить, будет ли это единовременная выплата или периодические платежи в определенный срок. В практике встречаются случаи, когда вместо передачи денежной компенсации один из супругов в пользу бывшего супруга выполняет какие-либо работы или предоставляет другое имущество.

В случае раздела незавершенных жилых объектов строительства и незарегистрированных в установленном законом порядке, к ним применяются правила раздела строительных материалов. Однако, если строительство почти завершено и технически возможно выделить части строения, то суд вправе произвести раздел неоконченного строительством дома, после чего собственники должны решить вопрос о вводе его в эксплуатацию и государственной регистрации.

Особое внимание необходимо обратить на раздел жилых помещений, которые приобретены в счет кредитных договоров. Если супруги договорились о том, что кредит будет выплачивать один из них, то они должны получить на это разрешение банка с последующим удостоверением его у нотариуса. В случае возникновения спорных вопросов супругам необходимо обратиться в суд.

В любом случае необходимо знать, что размер государственной пошлины о рассмотрении искового заявления о разделе имущества в суде составляет 5 % от суммы делимого имущества, в то время как при добровольном и мирном разделе имущества супруги понесут расходы только за нотариальное удостоверение документов (к примеру, Соглашение о разделе имущества, Брачный договор) [5].

Таким образом, жилые помещения могут быть разделены между супругами двумя способами: по соглашению сторон либо по решению суда. При этом на практике возможны следующие варианты выделения долей:

- разделение жилого помещения на два одинаковых изолированных помещения, где у каждого супруга будет свой вход и собственные подсобные помещения;
- выделение в собственность каждому из супругов изолированной комнаты, а подсобные помещения оставить в долевой собственности; кроме того, в такой ситуации целесообразно разделить лицевые счета для оплаты коммунальных услуг;
- выкуп одним супругом доли другого супруга;
- продажа жилого помещения третьему лицу и раздел полученных после сделки денежных средств между супругами;
- заключение Соглашения о разделе имущества;
- заключение Брачного договора.

Несмотря на то, что внесудебный способ раздела совместно нажитого имущества между супругами считается наиболее предпочтительным в силу денежной доступности, самостоятельного выбора порядка распределения долей, а также оперативности и быстроты, обращения в суд на сегодняшний день остаются распространенным вариантом разрешения имущественного спора. Так, согласно статистическим данным за 2017–2022 годы, количество дел, касающихся жилищных споров, составляет примерно 7 % от всех рассматриваемых дел искового производства ежегодно [6]. Скорее всего, это связано с тем, что в определенный момент супруги не способны пойти друг другу на уступки. В то же время необходимо отметить, если в отношениях супругов усматривается малейшая возможность урегулировать возникший между ними спор по поводу раздела общего имущества (в том числе жилых

помещений) мирным путем без обращения в судебные органы, необходимо ею воспользоваться в целях экономии времени, денег, а также личностных ресурсов.

1. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 авг. 2012 г., № 428-3 : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.08.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 2 : в ред. от 31.03.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Налоговый кодекс Республики Беларусь (особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г., одобрен Советом Республики 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Судебные споры о недвижимости: прописка, выселение, недействительная сделка [Электронный ресурс] // Звезда. 2022. URL: <https://zviazda.by/ru/news/20220330/1648625389-sudebnye-spory-za-nedvizhimost-propiska-vyselenie-nedeystvitelnaya-sdelka> (дата обращения: 15.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**И. А. Демидова**

Могилевский институт МВД (Беларусь),
заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Р. Д. Бутонина

Могилевский институт МВД (Беларусь),
курсант 1 курса факультета милиции

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию роли правовых стимулов в системе социального регулирования. Обозначены базовые положения в отношении понимания правовых стимулов как правовых средств, дана характеристика оснований классификации правовых стимулов.*

***Ключевые слова:** право, правовая информация, правовые средства, правовые стимулы, правовая культура, современное общество.*

***Annotation.** The article is devoted to the role of legal incentives in the system of social regulation. It outlines the basic provisions with respect to regarding understanding of legal incentives as legal means, the characteristic of the bases of classification legal incentives.*

***Keywords:** law, legal information, legal means, legal stimuli, legal culture, modern society.*

В качестве цели данного исследования определяется анализ теоретических положений, сложившихся в юридической науке, в отношении понимания и классификации правовых стимулов, что призвано оценке информационно-психологического аспекта действия права, который включает в себя два критерия: предметом воздействия являются конкретные интересы субъектов права; характер воздействия может быть как благоприятным (обещание либо предоставление ценности), так и неблагоприятным (угроза либо лишение ценности).

Правовые стимулы выступают в качестве правовых средств, которые регулируют общественные отношения путем побуждения субъекта этих отношений к определенному поведению. При определении роли правовых стимулов в системе социального регулирования особому вниманию подлежит информационный аспект, при исследовании которого следует исходить из того, что социально значимая информация может быть как описательного характера, так и иметь нормативное и предписывающее содержание. Так, в нормах права первый вид информации обычно устанавливается в преамбулах и нормах-дефинициях, а второй при помощи правовых средств непосредственно

воздействует на личность. Что касается структурных элементов норм права, то в диспозициях правовых норм происходит закрепление модели поведения, в то время как правовые поощрения и наказания фиксируются в санкциях.

При определении понятия правового стимула необходимо обозначить, что есть «стимул» и «правовой стимул». Так, стимул — это побуждение к действию, в то время как правовой стимул — это законодательно закрепленное воздействие. Следовательно, стимул становится правовым в том случае, если он получает соответствующее нормативное закрепление, влекущее появление у него правовых качеств. С точки зрения функционального подхода правовой стимул — это совокупность норм, закрепляющих позитивные средства воздействия на сознание и психику человека с целью усиления мотивации правомерного поведения [1, с. 23]. Следует отметить, что социальное значение правовых стимулов будет значительно отличаться в зависимости от уровня действия права в тот или иной исторический период.

Правовой стимул всегда содержит в себе награду — публично установленное материальное или духовное благо, имеющее определенную ценность для человека, вручаемое ему за определенные заслуги. Награда несет в себе огромный потенциал и энергию, способную повлиять на сознание и волю как отдельного индивида, так и общества в целом. Награда может рассматриваться как средство идеологической политики государственной власти, способное воздействовать на психику своих граждан, поскольку она выражает собой значимые для каждого государства чувства, эмоции и представления. Об этом было известно еще в древности. Так, в законах Ману, составленных в Древней Индии в период между II в. до н. э. и II в. н. э., отмечалось: «...действовать исключительно из-за желания наград не похвально, но независимости от такого желания нельзя найти в этом мире: на (этом) желании основано изучение Вед и исполнение действий, предписанных Ведами. Здесь (на земле) нет ни одного дела, которое было бы совершено человеком, свободным от желания награды; все, что ни делает (человек), есть следствие желания награды» [2, с. 27]. Однако «реально действующей» награда становится в случае, если у стимулируемого и стимулирующего субъектов абсолютно идентичные представления о должном, запрещенном и рекомендуемом поведении. В этой связи стимулирующее воздействие должно быть связано с добровольностью, свободой выбора поведения, личной заинтересованностью, поскольку правовое стимулирование в первую очередь призвано служить интересам субъекта, а не противостоящей ему стороны. При этом особенностью правового стимула является ориентация на общественно активное поведение.

В теории права в зависимости от основания деления существует несколько вариантов классификации правовых стимулов. По группе однородных

общественных отношений и соответствующей ей отрасли права выделяют конституционные, уголовные, административные, гражданские, семейные стимулы. В зависимости от того, в каком из элементов нормы права содержится стимул, различают юридический факт (если стимул находится в гипотезе), субъективное право, законный интерес и льготу (стимул содержится в диспозиции), поощрение или наказание (стимул находится в санкции).

Признается, что как виды правовых стимулов подлежат различению субъективное право и законный интерес. Под законными интересами понимаются те интересы лица, которые не выражены в правовых актах в виде субъективного права, но выражены в виде дозволения и в связи с этим признаются и охраняются государством [3, с. 363]. В свою очередь, субъективное право — это предоставляемая государством возможность субъекта самостоятельно удовлетворять интересы, предусмотренные объективным правом. Данные правовые категории обладают рядом общих черт: носят диспозитивный характер; выступают самостоятельными элементами правового статуса личности; являются юридическими дозволениями; способствуют совершенствованию и развитию социальных связей; фиксируют в себе определенное сочетание личных и общественных интересов; охраняются и гарантируются государством; определяют собой меру поведения [4, с. 62–63]. Несмотря на то, что вышеназванные черты сближают данные правовые категории, существуют и различия между ними. Во-первых, данные правовые категории не совпадают по своей сущности, содержанию и структуре. Законный интерес, в отличие от субъективных прав, простая правовая дозволенность, имеющая характер стремления, в которой отсутствует указание действовать строго зафиксированным в законе образом и требовать соответствующего поведения от других, в то время как субъективное право реально обладает такой возможностью. Кроме этого, субъективные права обладают более стимулирующим воздействием на субъекта, поскольку в них содержатся наиболее существенные интересы, имеющие важное социальное значение для граждан. В отличие от законных интересов, которые позволяют гражданам пользоваться благом, не всегда гарантированным государством, субъективные права наделены юридической обеспеченностью. Безусловно, все это влияет на процесс и результат деятельности граждан и организаций, поскольку интерес превращается в стимул тогда, когда существует реальная возможность его удовлетворения.

Что касается льгот, то они обладают большим стимулирующим потенциалом, поскольку обозначают дополнительную возможность, дающуюся «сверх» определенного права. Правовой льготой считается законное смягчение положения субъекта, позволяющее ему удовлетворять собственные интересы, которое может проявляться в предоставлении специальных отдельных прав или

в освобождении от обязанностей [5, с. 137]. Существует такая специфическая разновидность льгот, как привилегия, которая выступает в качестве монопольного, исключительного права, предоставляемого конкретным субъектам и прежде всего властным органам и должностным лицам. В отличие от льгот привилегии в основном ориентированы на политическую элиту, властные органы и должностных лиц. В исключительных случаях они могут принадлежать гражданам и организациям. Данные правовые средства являются более детальными и персонифицированными, нежели льготы. В качестве примера можно привести привилегию государства на эмиссию денежных средств, табак и табачные средства, винную продукцию или игральные карты. Хотя данное юридическое средство — яркий пример социального неравенства, без привилегий в обществе не обойтись.

Признается, что наибольшим стимулирующим воздействием обладает правовое поощрение, которое определяется как вид и средство юридического одобрения добровольного достойного поведения, в результате которого для субъекта наступают благоприятные последствия [4, с. 71]. Применение данного стимула обладает огромным стимулирующим потенциалом, поскольку данное юридическое средство сочетает в себе различные интересы субъектов общественных отношений. Поощрение присутствует в различных отраслях права, хотя некоторым из них оно более свойственно, например, трудовому праву. Кроме этого, правовое поощрение имеет решающее значение в предупреждении преступлений и сдерживании правонарушений.

Поощрение способствует развитию успехов не только у тех, к кому оно применено, но и у других граждан, побуждает их добросовестно относиться к обязанностям, общественному долгу, способствует развитию сознательности граждан. С точки зрения правовой основы различают формальное поощрение — поощрение, регламентированное правовыми нормами, и неформальное — применение разнообразных мер воздействия, не предусмотренных юридическими нормами (например, публичная похвала). По содержанию поощрение может быть моральным (благодарность, грамота), материальным (премия, ценный подарок), статусным (присвоение почетного звания), смешанным (присвоение звания «Герой Беларуси»).

В контексте обеспечения необходимой модели поведения членов общества важное значение имеет то обстоятельство, что меры наказания и поощрения в нормативных правовых актах используются как парные правовые категории, поэтому наказание лиц, совершивших противоправные деяния, и поощрение субъектов, действующих в интересах общества и государства — важное средство стимулирования правомерного поведения. Применение правового поощрения способствует формированию правосознания и высокой правовой

культуры граждан, моральных качеств личности. Также данный стимул создает подходящие условия для развития и укрепления дисциплины и порядка, обеспечивает исполнение возложенных на участников правовых отношений обязанностей.

Помимо вышеуказанных классификаций, существует классификация правовых стимулов в зависимости от времени их действия. Так, выделяют временные (разовое поощрение) и постоянные стимулы (субъективное право). Кроме этого, существует деление правовых стимулов в зависимости от их содержания на морально-правовые (публично выраженная благодарность) и материально-правовые стимулы (достойная оплата труда).

Таким образом, правовые стимулы — правовые средства, регулирующие общественные отношения путем побуждения субъекта этих отношений к определенному поведению. Основной функцией правовых стимулов является содействие развитию правовых отношений и обеспечение правомерного поведения членов общества. Правовые стимулы могут классифицироваться по следующим основаниям: в зависимости от отраслевой принадлежности, от времени действия, от содержания. Научная классификация призвана пониманию сущности, значения и социальной роли правовых стимулов.

В социальном плане с помощью правовых стимулов законодатель координирует определенную деятельность физических и юридических лиц, например, обозначая в нормативных правовых актах действия, имеющие благоприятные последствия для государства и общества, за совершение которых лица могут быть поощрены. Считается, что воздействие правовых стимулов на волю, установки и интересы человека позволяет эффективно развивать и регулировать общественные отношения, а содержащиеся в правовых стимулах конкретные сообщения служат особым средством связи между субъектами правоотношений. Используемые государством правовые стимулы позволяют судить об определенном уровне его развития с точки зрения применения всех ресурсов права. Применение правовых стимулов в праве и их реализация в правовых отношениях играют важную роль в становлении законопослушного гражданина, а в контексте правового воспитательного воздействия на личность правовые стимулы направлены на развитие социально значимых правовых качеств личности, призваны формированию высокой правовой культуры общества.

1. Раянов Ф. М. Проблемы государства и права. М. : Право и государство, 2014. 326 с. [Вернуться к статье](#)

2. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права : в 2 т. / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М. : Юрист, 2000. Т. 1. 391 с. [Вернуться к статье](#)

3. Субочев В. В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 362–380. [Вернуться к статье](#)
4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004. 250 с. [Вернуться к статье](#)
5. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение, 1998. № 3 (222). С. 134–147. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.627

ПРИМЕНЕНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ БРАКОРАЗВОДНЫХ ДЕЛ О СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н. В. Денисенко

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
магистр юридических наук

Аннотация. В статье рассматривается применение формальной теории доказательств при рассмотрении бракоразводных дел в Российской империи. Применение указанной теории вызывало необходимость прибегать к подкупу свидетелей.

Ключевые слова: брак, супружеская измена, формальная теория доказательств, Российская империя.

Annotation. The article discusses the application of the formal proof theory in the consideration of divorce cases in the Russian Empire. The application of this theory made it necessary to resort to bribery of witnesses.

Keywords: marriage, adultery, formal proof theory, Russian Empire.

Семья является основой жизни общества. Стабильность семейных отношений — это важная составляющая благоприятного развития государства. Несмотря на это, одной из угроз для существования брака всегда являлся развод. Расторжение брачного союза часто оказывает негативное влияние не только на супругов, но и на их детей.

Институт развода привлекает внимание как юристов, так и историков, социологов, психологов. Разработка вопросов о разводе осуществлялась дореволюционными учеными. Научные исследования в указанной области ведутся и сегодня. Целью данной статьи является исследование проблемы применения формальной теории доказательств при рассмотрении бракоразводных дел о супружеской измене в Российской империи.

В имперском законодательстве существовал перечень оснований, по которым допускалось расторжение брака. Бракоразводные дела находились в компетенции духовных судов. Причины, по которым допускался развод, содержались в Книге первой «Свода законов гражданских». Измена (прелюбодеяние) являлась одним из оснований расторжения брака [1, п. 1 ст. 45].

При рассмотрении дел о прелюбодеянии в духовных судах применялась формальная теория доказательств. Это теория, в соответствии с которой каждое доказательство имеет заранее установленную силу, а для признания какого-либо факта необходимо наличие совокупности строго определенных

доказательств. В соответствии со статьей 249 Устава духовных консисторий, доказательства подразделялись на главные и второстепенные. К главным доказательствам относились следующие: 1) показания двух или трех свидетелей-«очевидцев»; 2) «прижитие» детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и «доводами о незаконной связи с посторонним лицом» [2, ст. 249].

Второстепенными доказательствами являлись любовные письма; показания свидетелей, которые не были очевидцами измены, но знали о ней по достоверным сведениям или «по слухам» и т. д. Второстепенные доказательства имели свою силу только при наличии одного из главных доказательств или если в своей совокупности доказывали измену [2, ст. 249]. Так, например, русский религиозный философ и публицист В. Розанов отмечал: «Консистории, даже имея признания мужа и жены в прелюбодеянии, и письменные на это доказательства (письма жены или мужа), и свидетельства очевидцев о том, что например жена живет в квартире постороннего мужчины годы и там разрешается от бремени, — все-таки развода не дают, не усматривая в таковых данных “состава прелюбодеяния”» [3, с. 209].

Недостатки формальной теории доказательств отчетливо видны на следующем примере. Один солдат указывал, что его жена поступила в «дом терпимости» и что ни просьбы, ни угрозы мужа не могли ее оттуда вернуть, на основании чего супруг подал в консисторию прошение о разводе. В консистории, в свою очередь, ответили, что проживание жены в публичном доме не может служить доказательством супружеской измены. В связи с этим солдату было предложено представить двух свидетелей-очевидцев. В противном случае его жалоба оставалась без последствий, так как только показания свидетелей-очевидцев принимались за достаточное доказательство супружеской измены [4, с. 695].

Обер-секретарь Святейшего Синода С. П. Григоровский характеризовал бракоразводный процесс по причине измены следующим образом: «Это какой-то обстановочный водевиль, с заранее распределенными, хорошо разученными ролями. Действие происходит обыкновенно в какой-либо гостинице, куда супруг или супруга является как бы с специальной целью совершить прелюбодеяние и притом так, чтобы его видели другие, и вот на сцену выступают два, и именно два, каких-либо приятеля и третья, обыкновенно “неизвестная”, особа...» [5, с. 45].

Ярким примером сказанного является дело супругов Мальковских. 8 сентября 1896 года М. Мальковская подала иск о расторжении брака по причине прелюбодеяния мужа. Л. Мальковский признал свою вину. Два свидетеля, представленные супругой, указали, что видели, как Мальковский «лежит

на кровати на какой-то женщине, хорошо одетой, красивой, полной и совокупляется с нею». 6 октября 1897 года Минская духовная консистория вынесла решение о расторжении брака [6, с. 60].

Чтобы получить развод и представить необходимые доказательства, супруги часто договаривались между собой. Желая развестись, они представляли свидетелей-очевидцев прелюбодеяния, даже если на самом деле измены не было. То есть для того, чтобы добиться развода, супруги «разыгрывали спектакль» [5, с. 45]. Таким образом, когда оба супруга желали расторгнуть брак, они прибегали к указанному основанию. Это же подтверждали и дореволюционные юристы. Так, присяжный поверенный В. И. Добровольский в своем труде указывал: «При нынешней процедуре подсудности дел о расторжении брака по прелюбодеянию одного из супругов суду духовному, достигаются результаты диаметрально противоположные целям законодателя: закон воспрещает развод по добровольному соглашению супругов, между тем в действительности расторжение брака только и может состояться при наличии подобного соглашения» [7, с. 121–122].

Как итог действия формальной теории доказательств выступали следующие негативные признаки бракоразводного процесса: пассивная роль суда, при которой главное влияние на исход дела оказывали свидетели-очевидцы; необходимость принятия судом заведомо неверного решения в силу зависимости от формальной теории доказательств и, как следствие, упадок авторитета духовного суда [8, с. 435; 9, с. 135]. Трудность получения развода вела к подкупу свидетелей-очевидцев, к их ложной присяге, а иногда и к покушению на жизнь нелюбимого супруга [8, с. 435; 10, с. 316]. Реальной могла быть ситуация, когда лжесвидетели обвиняли лицо, невиновное в измене, которое при этом не желало развода. Кроме того, отмечалось большое количество уголовных дел, в которых лжесвидетели по делам о расторжении браков были приговорены к лишению прав состояния и к ссылке в Сибирь [5, с. 46]. В связи со всем вышеуказанным ряд дореволюционных ученых высказывались за передачу бракоразводных дел из духовных в светские суды [3, с. 208–209; 10, с. 317; 11, с. 177].

Применение в духовных судах формальной теории доказательств осуждалось в церковной печати. В «Церковно-общественном Вестнике» указывалось: «Прямое нарушение супружеской верности никогда почти не бывает причиной развода; он обыкновенно является следствием или сделки, или обмана. Часто случается так, что обвиненная судом сторона в сущности является относительно правой» [9, с. 137].

Таким образом, для установления факта измены на духовном суде необходимо было наличие одного из главных доказательств: свидетелей-очевидцев

прелюбодеяния и «прижитие незаконных детей», которое было доказано метрическими книгами и «доводами о незаконной связи». При этом совершенно ясно, что найти реальных свидетелей измены было практически невозможно, что и приводило к подкупу «очевидцев» и лжесвидетельствованию.

Формальная теория доказательств применялась при рассмотрении дел о прелюбодеянии до 1917 года. После Февральской революции в российском бракоразводном законодательстве произошли некоторые изменения. Так, Определением Святейшего Синода от 29 апреля – 1 мая 1917 года вводилась норма, в соответствии с которой по бракоразводным делам суд определял значение и силу свидетельских показаний и других доказательств «на основании совокупности всех приведенных по делу данных, согласно убеждению совести». При этом необходимо было указывать в решении «соображения» относительно оценки доказательств [12, с. 110].

Таким образом, применение формальной теории доказательств при рассмотрении дел о прелюбодеянии являлось одной из негативных черт бракоразводного процесса Российской империи. Это вызывало необходимость прибегать к лжесвидетельствованию и подкупу свидетелей. Процесс доказывания измены был построен таким образом, что супруги могли расторгнуть брак при наличии договоренности друг с другом. В результате расторжение брака могло происходить не вследствие реальной измены, а на основании «разыгранного супругами спектакля». Кроме того, наличие формальной теории доказательств при рассмотрении дел о прелюбодеянии являлось одним из аргументов для передачи бракоразводных дел из духовных в светские суды.

1. Свод законов Российской империи : в 16 т. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского ; сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб., 1900. Т. 10: Законы гражданские. Ч. 1. Кн. 1. [Вернуться к статье](#)

2. Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената / сост. М. Н. Палибин. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1900. 232 с. [Вернуться к статье](#)

3. Розанов В. Семейный вопрос в России : в 2 т. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1903. Т. 1. 312 с. [Вернуться к статье](#)

4. Шершеневич Г. Ф., Маковский А. Л., Ем В. С. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. М. : Статут, 2021. Т. 2. Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914–1915 гг.). 896 с. [Вернуться к статье](#)

5. Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки. СПб., 1911. 344 с. [Вернуться к статье](#)

6. Грахоцкі А.П. Нормы царкоўнага права ў шлюбаразводным працэсе другой паловы XIX – пачатку XX ст. (па матэрыялах Мінскай епархіі) // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2010. № 3. С. 55–67. [Вернуться к статье](#)
7. Добровольский В. И. Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву. СПб. : Тип. С.-Петербур. Т-ва Печат. и Изд. дела «Труд», 1903. 248 с. [Вернуться к статье](#)
8. Павлов А. С. Курс церковного права. Посмертное издание, выполненное под наблюдением доцента Московской духовной академии П. М. Громогласова. Сергиев Посад : Богосл. вестн., 1902. 552 с. [Вернуться к статье](#)
9. Загоровский А. И. Курс семейного права / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 464 с. [Вернуться к статье](#)
10. Суворов Н. Учебник церковного права. М. : Печ. А. И. Снегирёвой, 1912. 531 с. [Вернуться к статье](#)
11. Способин А. О разводе в России. М., 1881. 204 с. [Вернуться к статье](#)
12. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде : еженедельное издание с прибавлениями. СПб., 1917. № 18–19. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

А. Н. Дрозд

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные основания криминализации и декриминализации потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Анализируется административная преюдиция как условие уголовной ответственности, предусмотренной ст. 328² Уголовного кодекса Республики Беларусь. Приводится зарубежный опыт, а также определяются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот наркотиков, потребление, психотропные вещества, уголовная ответственность.

Annotation. The article discusses the identified grounds for the criminalization and decriminalization of the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their consumption. The administrative prejudice is analyzed as a criminal prosecution, provided for in Article 328² of the Criminal Code of the Republic of Belarus. Foreign experience is given, as well as special cases with the discovery of legislation.

Keywords: narcotic drugs, drug trafficking, drug use, psychotropic substances, criminal liability.

Установление ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является весьма неоднозначным и дискуссионным вопросом, поэтому уголовно-правовой запрет требует периодического пересмотра с точки зрения наличия оснований уголовной ответственности и качества юридической техники.

С одной стороны, за пределами нашей страны проводится активная пропаганда легализации наркотических средств, аргументируемая преимущественно правом самоопределения индивида по отношению к собственному здоровью. С начала XXI века в Испании, например, создаются ассоциации потребителей каннабиса в виде некоммерческих юридических лиц. Более 10 лет в Чехии, где потребление наркотических средств никак не преследуется, проводится Международная ярмарка каннабиса «Каннафест». Отдельные ученые-правоведы также называют криминализацию потребления наркотических средств излишней [1, л. 34].

Оппоненты вышеназванного подхода отмечают, что установление уголовной ответственности непосредственно за потребление наркотических

средств позволяет сдерживать наркотизацию населения, дает возможность своевременно выявлять лиц, страдающих наркоманией, не допуская безосновательного повышения уровня преступности и криминализации общества [2; 3, с. 323; 4, с.17].

Как нам представляется, нормы, содержащиеся в статье 328² Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), имеют важнейшее превентивное значение [5]. Целесообразность наличия запрета на потребление наркотических средств подтверждается зарубежным опытом, практикой действия подобной нормы в период БССР [6; 7], а также общественным мнением. Так, в уголовном законодательстве Республики Молдова и Украины введена уголовная ответственность за незаконное публичное потребление наркотических, психотропных веществ или их аналогов [8; 9]. При этом в отличие от действующего белорусского уголовного законодательства в названной сфере Уголовные кодексы Молдовы и Украины не используют признак административной преюдиции как условие наступления уголовной ответственности. Проведенное нами более чем среди 500 граждан Республики Беларусь социологическое исследование на тему отношения к уголовной ответственности за потребление наркотических средств также отражает в целом единодушно положительное отношение: 65 % респондентов ответили, что одобряют криминализацию незаконного потребления наркотических средств, 19 % затруднились с ответом, и только 16 % опрошенных высказали отрицательное отношение [10, л. 211–218]. Интересно, что, определяя степень общественной опасности, респонденты поставили потребление наркотических средств в общественном месте даже выше хищения таких средств и веществ или незаконного посева и выращивания содержащих их растений или грибов, что иллюстрирует актуальность и своевременность установления уголовно-правового запрета.

Важно подчеркнуть, что в Республике Беларусь на сегодняшний день под запретом находится не само потребление наркотических средств, что действительно могло бы вызывать дискуссию об ограничении личных прав и свобод граждан, а их потребление в общественном месте либо появление в состоянии, вызванном таким потреблением, в общественном или на рабочем месте, т. е. преступление, посягающее не на здоровье человека, а на законный, безопасный для здоровья населения оборот наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, либо инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем, а также на общественный порядок. Изучение зарубежного законодательства показывает, что даже в Уругвае, где был принят один из первых законов, разрешающих приобретение и потребление марихуаны, установлен запрет на ее потребление на работе, в общественных местах и за рулем автомобиля [11]. Аналогично в Бельгии, отно-

сящейся к странам с либеральным уголовным законодательством, в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, сохранен запрет на курение марихуаны в общественном месте, в присутствии несовершеннолетних и т. п. [12]. Отметим, что в Канаде, где с января 2023 года в одной из провинций стартовал эксперимент, отменивший какую-либо ответственность за хранение наркотических средств, в том числе особо опасных, в размере, не превышающем 2,5 г [13], в других провинциях запрещается употребление марихуаны в автомобиле, в местах, где часто бывают дети, и там, где запрещено курение табака [14].

Отсюда следует, что все попытки критики действующего национального законодательства в части уголовно-правового противодействия потреблению наркотических средств являются необоснованными и несостоятельными.

Что же касается качества конструирования ст. 328² УК, то здесь могут быть поставлены отдельные вопросы. Данная статья сконструирована с применением административной преюдиции и ряда альтернативных вариантов общественно опасных деяний. Административная преюдиция подразумевает, что преступление может быть совершено только лицом, на которое ранее в течение года уже было наложено административное взыскание за такие же нарушения. Особо важно подчеркнуть, что преюдицию составляют только составы, предусмотренные ч. 3–5 ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП). Так, в 2023 году сотрудниками органов внутренних дел составлено 630 административных протоколов по чч. 3–5 ст. 19.3 КоАП [15; 16].

Однако такую конструкцию мы считаем ограниченной и не реализующей весь возможный потенциал данной статьи. На сегодняшний день сложившаяся ситуация кажется нелогичной: если лицо привлекается сначала к ответственности за управление транспортным средством в состоянии наркотического опьянения, а после наложения административного взыскания, к примеру, — за нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, то оба этих факта являются правонарушениями. В то же время, если лицо привлечено к ответственности за одно из вышеназванных правонарушений и в последующем совершает однородное, то наступает уголовная ответственность по статьям 328² или 317¹ УК.

Следовательно, полагаем, что преюдициальным фактом как условием наступления уголовной ответственности по ст. 328² УК должно признаваться в том числе и привлечение лица к административной ответственности по ст. 18.15 КоАП (а также по ст. 18.7, 18.20 КоАП) в случае установленного факта управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии,

вызванном потреблением наркотических средств, за исключением тех случаев, когда употребление таких средств осуществлялось по назначению врача.

Более того, учитывая, что административное законодательство относит к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность, совершенные административного правонарушения в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств (п. 9 ч. 1 ст. 7.3 КоАП), представляется также обоснованным расширение административной преюдиции в ст. 328² УК путем указания на совершение любых административных правонарушений в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств. Это объясняется тем, что нахождение лица в состоянии наркотического опьянения представляет собой посягательство на законный, безопасный для здоровья населения оборот наркотических средств, а факт совершения административного правонарушения свидетельствует о посягательстве на общественный порядок. Реализация данного положения, как представляется, позволит избежать необоснованного непривлечения к уголовной ответственности виновных лиц и нарушения принципа неотвратимости наказания.

Еще одним проблемным аспектом привлечения к ответственности по ст. 328² УК до недавнего времени являлось освидетельствование лица на предмет состояния опьянения [17, с. 321]. Трудности возникали из-за сложности принуждения лица к сдаче биологических образцов и отсутствия методик, позволяющих по другим признакам сделать однозначный вывод о нахождении лица в состоянии именно наркотического, а не иного вида опьянения (к которым также относится алкогольное опьянение, опьянение, вызванное потреблением одурманивающих веществ, и т. д.). Однако введение в 2021 году ответственности за отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния, вызванного потреблением наркотических средств (чч. 3–5 ст. 19.3 КоАП), этот вопрос разрешило. К сожалению, осталось не совсем ясным, почему законодатель не пошел дальше и не включил данный признак в качестве альтернативного признака объективной стороны ст. 328² УК, что стало бы логичным завершением совершенствования антинаркотического законодательства и позволило бы охватить более полным уголовно-правовым запретом действия, связанные с потреблением наркотических средств.

В то же время не все проблемы справедливого привлечения к ответственности за незаконное потребление наркотических средств решаются путем усиления уголовной репрессии. По нашему мнению, есть необходимость и в частичной декриминализации деяния, признаки которого предусмотрены ст. 328² УК.

Следует отметить, что диспозиция ст. 328² УК в качестве средств совершения преступления называет, кроме наркотических средств, также токсические и другие одурманивающие вещества. При этом нельзя не признать тот факт, что степень общественной опасности потребления токсических или иных одурманивающих веществ или нахождения в таком состоянии наиболее близка к вредности потребления алкоголя и не является соразмерной уголовному наказанию, предусмотренному ст. 328² УК. Токсическими или другими одурманивающими являются вещества, как правило, бытового или производственного назначения: клей ПВХ, краски и разбавители красок, контактные адгезивы, бензин, керосин, бытовой газ, газ для заправки зажигалок, инсектицидные спреи, отдельные средства для пожаротушения, средства для снятия гипса, лак для волос, антиперспиранты, средства для удаления пятен и др. Все вышеперечисленные вещества не относятся к наркотическим средствам (в первую очередь ввиду отсутствия юридического признака), а исходя из этого, в таких случаях отсутствует и посягательство на видовой объект преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Обращает на себя внимание и ситуация некоторой бессистемности конструирования нормы: в отличие от появления в общественном месте или на работе в состоянии токсического опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, повторное потребление токсических или других одурманивающих веществ в общественном месте преступлением в настоящее время не признается.

С учетом вышеназванных обстоятельств считаем необходимым оставить вопрос применения мер к лицам, допускающим незаконное потребление токсических или других одурманивающих веществ, в том числе и неоднократное, в плоскости административного права.

Таким образом, проанализировав основные проблемные аспекты установления и реализации уголовной ответственности за незаконное потребление наркотических средств, мы пришли к выводу о безусловной целесообразности и полезности наличия данного запрета в уголовном законе, обоснованного в первую очередь важностью объекта уголовно-правовой охраны, а также ретроспективным и теоретическим анализом, зарубежным опытом и общественным одобрением. Принципиально важным выводом является некорректность ограниченного понимания административной преюдиции и предложение о распространении признаков объективной стороны ст. 328² УК за счет указания на все правонарушения, совершенные в состоянии опьянения, вызванного незаконным потреблением наркотических средств, а также случаи отказа от прохождения освидетельствования на предмет непосредственно наркотического опьянения. В то же время анализ характера и степени общественной опасности,

а также объекта посягательства позволил поставить вопрос об исключении указания на одурманивающие вещества как средство совершения преступления, ответственность за которое установлено ст. 328² УК.

Вследствие изложенного предлагается изложить абз. 1 ст. 328² УК в следующей редакции: «Потребление без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ в общественном месте либо потребление их аналогов в общественном месте, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, либо совершение административного правонарушения в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения».

1. Харьковский Е. Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2002. 211 л. [Вернуться к статье](#)

2. Вульвач Р. С. Уголовно-правовой аспект борьбы с коррупцией: современные тенденции [Электронный ресурс] // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. IX Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 апр. 2021 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. С. 35–38. [Вернуться к статье](#)

3. Дозоренко В. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия наркотической преступности в России // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2013. № 1. С. 321–325. [Вернуться к статье](#)

4. Середа Г. В. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Восточной Сибири : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Иркут. гос. экон. акад. Иркутск, 2000. 23 с. [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета Респ. Беларусь, 31 июля 1987 г., № 1630-XI : в ред. Указа Президиума Верхов. Совета Респ. Беларусь от 31.12.2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О мерах принудительного воздействия в отношении хронических алкоголиков и наркоманов, систематически нарушающих общественный порядок или права других лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июня 1991 г., № 885-XII :

в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.07.2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 18 апр. 2002 г., № 985-XV : в ред. Закона Респ. Молдова от 08.12.2022 г. // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3835 (дата обращения: 11.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г., № 2341-III : в ред. Закона Украины от 01.12.2022 г. // Kodeksy.com.ua. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyj_kodeks_ukraini.htm (дата обращения: 06.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Дрозд А. Н. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2020. 263 л. [Вернуться к статье](#)

11. Страны, в которых легализованы наркотики. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110603/383694171.html> (дата обращения: 17.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. В Уругвае легализовали производство и продажу марихуаны [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/571160> (дата обращения: 17.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

13. В провинции Канады легализовали тяжелые наркотики [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/01/canada/> (дата обращения: 17.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

14. Кленовый лист позеленеет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3770996> (дата обращения: 17.01.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

15. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

16. Обзор наркоситуации в республике за 2022 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/guniptl/narkokontrol> (дата обращения: 02.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

17. Климова И. В., Яковицкий О. Ч. Некоторые аспекты административной ответственности за потребление в общественном месте наркотических средств или психотропных веществ, их аналогов // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. 2015. Выпуск 3. С. 318–324. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А. А. Дыжова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

***Аннотация.** За основу при написании статьи взяты результаты социологического опроса молодых граждан Республики Беларусь и Российской Федерации, проведенного в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси». Статья посвящена рассмотрению актуальной в настоящее время проблемы формирования правовой культуры и правового сознания студенческой молодежи. Осуществлялся анализ данных по молодежной выборке респондентов в возрасте от 18 до 31 года.*

***Ключевые слова:** юноши, девушки, правовая культура, правовое сознание, молодежь, правовое воспитание.*

***Annotation.** The article is based on the results of a sociological survey of young citizens of the Republic of Belarus and the Russian Federation conducted within the framework of the research topic «Legal culture of youth in the context of the formation of a unified socio-legal space of Russia and Belarus». The article is devoted to the consideration of the currently relevant problem of the formation of legal culture and legal consciousness of students. The analysis of data on a youth sample of respondents aged 18 to 31 years was carried out.*

***Keywords:** boys, girls, legal culture, legal consciousness, youth, legal education.*

Пристальное внимание изучению проблем молодого поколения уделялось еще в древности, когда формировались первичные типы обществ с соответствующим социально-политическим устройством и социокультурной спецификой. В указанный период как на Западе, так и на Востоке понятие «молодое поколение», или «юношество», еще не существовало [1, с. 6]. В эпоху Средневековья А. Августин в своих трактатах уделял внимание проявлениям личной и общественной жизни подростков. В эпоху Возрождения Т. Мор в своих работах делал акцент на проблемах обучения молодого поколения и поиска их места в обществе. В дальнейшем уже в эпоху Просвещения в трудах И. Канта, Ж.-Ж. Руссо широко распространяются понятия «молодое поколение», «юношество» [1, с. 7].

В дальнейшем в фундаментальных трудах К. Маркса и Ф. Энгельса стал проявляться качественно новый подход к изучению проблем молодого поколения. Ими был введен в научный оборот термин «подростающее поколение», который применялся в основном к пролетариату. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, молодежь, с одной стороны, продолжает унаследованную от предков деятельность, но с другой стороны, благодаря своей трудовой деятельности видоизменяет и усовершенствует старые устои общества [1, с. 8]. Уже в начале XX века в зарубежной научной литературе появляется понятие «молодость», или «молодежь», которое обозначает возраст, этап жизнедеятельности и достаточно самостоятельную социально-демографическую группу. Э. Шпрангер в своих исследованиях делал акцент на вопросах воспитания молодых людей и упоминал о политике в отношении молодежи [2, с. 11].

В настоящее время можно определить молодежь как социально-демографическую группу, которая имеет определенные возрастные характеристики, имеющую определенные периоды социальной зрелости и постепенного вхождения в мир «взрослого» поколения, при этом зачастую достаточно сложно адаптирующуюся к изменяющимся условиям жизни. В этот период молодые люди имеют определенные социально-психологические качества, такие, например, как внутренняя противоречивость, неустойчивость психики, низкий уровень толерантности, стремление выделиться из общей массы. Именно в данный период государство должно сделать акцент на создание условий самореализации личности, раскрытия их творческих способностей и интеллектуального потенциала.

На наш взгляд, идеология сильного правового государства должна основываться на устранении проявления правового нигилизма, которое возможно путем повышения уровня правовой культуры граждан. Являясь индикатором социальных, экономических и политических преобразований, правовая культура оказывает существенное влияние на развитие общественного потенциала любого государства, определяет основные направления его будущего развития. С нашей точки зрения, наибольшее значение необходимо отвести процессу формирования правовой культуры молодежи как особой социальной группы, которая является наиболее уязвимой и, в свою очередь, самой перспективной категорией граждан страны.

При реализации молодежной политики приходится констатировать, что современные молодые люди зачастую не осознают, какое место принадлежит им в обществе и развитии их страны в целом. С одной стороны, современные программы развития государственной молодежной политики государств частично решают эту проблему. Однако, с другой стороны, очень часто мы

сталкиваемся с равнодушием молодежи к основным ценностям и приоритетам становления и развития общества.

В рамках исследуемой темы нами было оценено отношение учащейся молодежи Беларуси и России к существующей правовой системе; выявлены факторы, способствующие и препятствующие реализации прав и свобод молодежи; определены основные параметры правового сознания молодежи, как фактора правомерного поведения личности; определен уровень правового мышления и восприятия правовой действительности молодыми людьми; обоснованы пути повышения уровня правовой культуры молодежи.

Отметим, что, несмотря на многочисленные труды ученых, изучающих проблему повышения уровня правовой культуры общества в целом и молодых людей в частности, нет единого определения понятия «правовая культура». Особенностью правовой культуры является то, что она представляет собой не право или его реализацию, а комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц. Так, правовая культура предполагает определенный уровень правового мышления и чувственного восприятия правовой действительности; качественное состояние процессов правотворчества и реализации права; специфические способы правовой деятельности (работу правоохранительных органов, конституционный контроль и т. д.); результаты правовой деятельности в виде духовных и материальных благ, созданных людьми (законы, системы законодательства, судебная практика и т. д.) [3, с. 331–332].

28 октября прошлого года Министерство образования Республики Беларусь и Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов подписали План мероприятий по повышению правовой культуры молодежи на 2023 год. В текущем году будет проводиться ряд мероприятий по повышению уровня правовой культуры юношей и девушек. Работа будет направлена на правовое просвещение, проведение конкурсов, викторин и олимпиад по правовой грамотности.

Что касается Российской Федерации, то в воспитании подрастающего поколения, в том числе и в правовом воспитании, важное место принадлежит федеральным, региональным и местным молодежным проектам, конкурсам, олимпиадам. В последнее время в стране получили распространение всевозможные молодежные форумы, участие в которых принимают первые лица государства. Ежегодно студенты ряда вузов России проводят олимпиаду, на которой на одном из этапов студентам предлагают написать эссе на тему «Правовая культура современной молодежи», именно эта тема и вызывает горячие споры и обсуждения участников, которые излагают свое видение правовой культуры современной молодежи [4].

Для того чтобы оценить уровень правовой образованности, а исходя из этого и уровень правовой культуры молодых людей, в ходе проводимых исследований мы задали вопрос, насколько хорошо они, по их мнению, знают законы. При этом нами осуществлялся сравнительный анализ данных анкетного опроса, проводимого в 2022 году. Как видно на рисунке 1, ответы на поставленный вопрос распределились следующим образом.

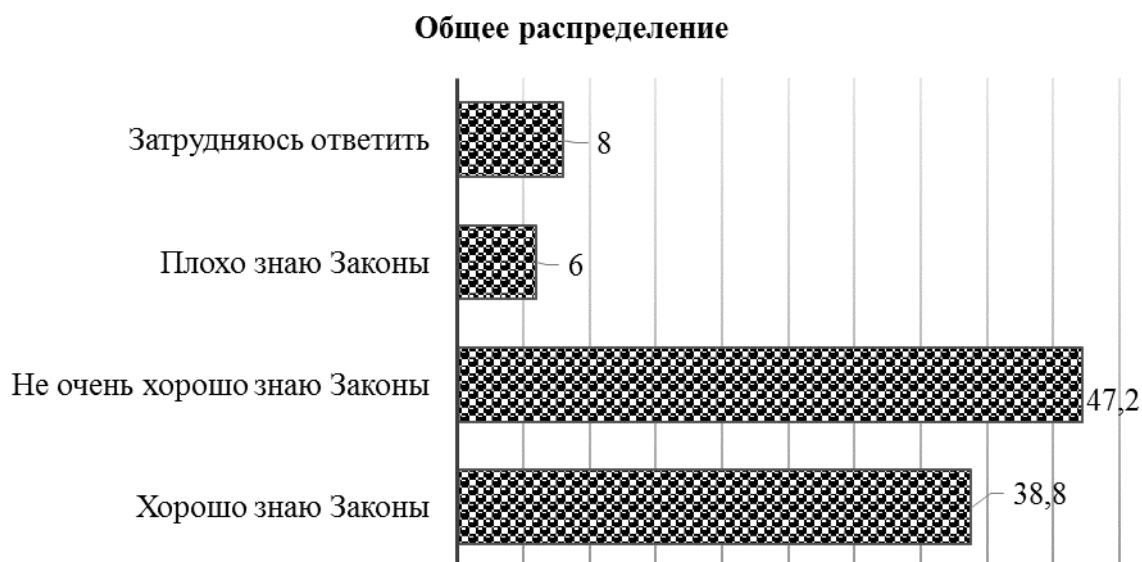

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы в целом оценили свой уровень правовой грамотности?», в процентах

Из общего числа респондентов 38,8 % отметили, что хорошо знают законы, 47,2 % — не очень хорошо и 6 % — плохо. 8 % молодых людей затруднились ответить на поставленный вопрос.

Ранее нами уже проводились исследования, касающиеся изучения особенности формирования правовой культуры юношей и девушек, поэтому считаю возможным провести сравнительный анализ опроса, проводимого в 2016–2017 годах. Так, из общего числа респондентов в те годы лишь 21 % считают, что хорошо знают законы, а это на 17,8 % меньше по сравнению с 2022 годом. О том, что знают законы в общих чертах, указали 62 % юношей и девушек, а это на 14,8 % больше по сравнению с 2022 годом. О плохом знании законов упомянули 13 %, это в два раза больше, чем в 2016–2017 годах, и затруднились ответить на поставленный вопрос 4 % юношей и девушек.

Далее мы решили выяснить у молодых людей, какими источниками они воспользовались для получения правовой информации, результаты отражены на рисунке 2. Как видно на рисунке, основными источниками получения правовой информации являются электронные ресурсы, их отметили 53,2 % респондентов и 54,4 % преподавателей. Молодые люди отметили, что именно

преподаватели, учителя и кураторы внесли значимый вклад в их правовое образование. Это подчеркивает необходимость сохранения в рамках системы образования специальных правовых курсов и предметов.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Отметьте основные источники, из которых Вы получаете правовую информацию», в процентах*

Как видно на рисунке 2, важными источниками правовой информации для юношей и девушек также являются электронные правовые базы данных (34 %), социальные сети — 29,2 %, правовая литература — 26 %, близкие родственники — 20,4 %, друзья — 18 %, блоги — 16,4 %.

По результатам сравнительного анализа данных социологического опроса, проводимого в 2016–2017 годах, основным источником получения информации являлся Интернет, на него указали 69,9 % респондентов (напомним, что в 2022 году их число сократилось — 53,2 %). Вторую позицию также занимали преподаватели, их отметили 50,1 % молодых людей (в 2022 году уже 54,4 %), средства массовой информации занимали третью позицию и составили 38,9 % от общего числа юношей и девушек. Отметим, что если в 2016–2017 годах они занимали третье место, то в 2022 году уже последнее место, всего 14 % молодежи использовали средства массовой информации для повышения уровня своей правовой культуры.

* При ответе на вопрос можно было отметить несколько вариантов (не более трех), поэтому сумма может составлять более 100 %.

Таким образом, изучение процесса формирования правовой культуры молодежи предполагает рассмотрение вопросов правовой образованности юношей и девушек, их активности в сфере защиты своих прав и интересов, особенностей правового поведения, иерархии ценностных ориентаций в правовой сфере и их влияния на формирование правосознания. В ходе проводимых нами исследований можно сделать вывод о том, что уровень правовой культуры и заинтересованность молодых граждан в правотворческих процессах по сравнению с прошлыми годами значительно выросли. Однако нельзя останавливаться на достигнутом, необходимо продолжать разработку и применение целого комплекса методов по повышению правовой культуры молодежи, при этом уровень ее правовой культуры во многом зависит от доступности правовых знаний, от возможности удовлетворения ее потребности в юридической информации в полном объеме.

-
1. Лупандин В. Н. Социология молодежи : учеб. пособие / отв. ред. И. А. Хлюпина. Орел : Орлов. гос. тех. ун-т, 2011. 238 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Педология юности : сб. ст. / пер. Г. Аркина ; под ред. проф. И. Арямова. М. : Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1931. 191 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник. М. : Юрайт, 1998. 416 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Правовая культура современной молодежи: актуальное состояние и пути ее повышения / С. Е. Карпова [и др.] [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 1 (187). URL: <https://moluch.ru/archive/187/47573/> (дата обращения: 10.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 323.1(470+476)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Дыжова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

А. В. Демидова

Московский государственный
технический университет им. Н. Э. Баумана,
доцент кафедры социологии и культурологии,
кандидат социологических наук, доцент

***Аннотация.** За основу при написании статьи взяты результаты социологического опроса молодых граждан Республики Беларусь и Российской Федерации, проведенного в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси». Статья посвящена изучению особенностей формирования молодежной политики в Республике Беларусь и Российской Федерации путем проведения сравнительного анализа.*

***Ключевые слова:** юноши, девушки, молодежная политика, правовое регулирование, государство.*

***Annotation.** The article is based on the results of a sociological survey of young citizens of the Republic of Belarus and the Russian Federation conducted within the framework of the research topic «Legal culture of youth in the context of the formation of a unified socio-legal space of Russia and Belarus». The article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of the youth policy of the Republic of Belarus and the Russian Federation by conducting a comparative analysis.*

***Keywords:** boys, girls, youth policy, legal regulation, the state.*

Ряд современных социологов в своих трудах придерживаются мнения, что молодежь — это референтная социально-демографическая группа, имеющая определенные возрастные характеристики, такие как эмоциональная неустойчивость, социальная мобильность, достаточно низкий уровень толерантности. Но в то же время это период развития личности, в этом возрасте молодые люди имеют биологические и психологические особенности, особенности в образе жизни согласно своим возрастным рамкам.

Отметим, что общепризнанного международного определения возрастной группы «молодежь» не существует. Однако с целью осуществления сбора

статистических данных Организация Объединенных Наций дает государствам-участникам определение молодежи как возрастной группы от 15 до 24 лет, что было одобрено Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в Резолюции 36/28 «Международный год молодежи: участие, развитие, мир», подписанной в 1981 году. Согласно статистическим данным и прогнозам, в настоящее время в мире насчитывается 1,2 миллиарда молодых людей в данном возрасте, а к 2030 году их число увеличиться на 7 % и составит 1,3 миллиарда юношей и девушек [1].

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2009 года № 65-З «Об основах государственной молодежной политики», молодые граждане — это граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в республике, в возрасте от 14 до 31 года [2].

Для сравнения отметим, что, в соответствии со статьей 2 Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь, молодые граждане — это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно. В связи с внесенными изменениями в Закон максимальный возраст молодых людей был изменен с 31 до 35 лет [3].

Согласно информационной справке по возрастным границам молодежи, составленной Национальным Советом молодежных и детских объединений России, в Австрии молодежью считают возрастную группу людей до 30 лет. В Законе Фламандского парламента Бельгии от 20 января 2012 года отмечено, что к молодежи относятся дети, подростки и молодые люди в возрасте до 30 лет. В Болгарии Закон от 20 апреля 2012 года «О молодежи» определяет молодых людей возрастной группой от 15 до 29 лет. На Кипре, согласно Национальной стратегии в отношении молодежи Кипра, молодежью считаются граждане от 14 до 35 лет. В Нидерландах термин «молодежь» применяется к детям и молодым людям в возрасте от 0 до 25 лет [4]. Как видим из примеров, имеются возрастные различия молодых людей в той или иной стране, но большинство государств придерживаются рамок от 15 до 30 лет.

Объектом нашего исследования была выбрана молодежь, так как именно тем, кому сегодня от 18 до 30 лет, придется решать самые трудные задачи, участвовать как в разработке стратегии формирования в Беларуси правового и гражданского общества, так и практическом преобразовании политики и культуры. Политика государства должна быть направлена на поддержание и развитие данной группы населения. Одним из основных видов деятельности государства, направленного на привлечение молодого поколения к активной социально-экономической и политической жизни общества, является формирование

молодежной политики. Что касается Республики Беларусь, то основными нормативными правовыми актами, регулирующими государственную молодежную политику в стране, являются Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 года № 65-З «Об основах государственной молодежной политики», постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года» (далее — Стратегия), ряд направлений деятельности с молодежью раскрывается также в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренной протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10.

Основной целью разработки Стратегии являлось создание необходимых условий, чтобы молодые люди в Республике Беларусь были востребованы, а также привлечение молодых граждан к реализации государственных задач и программ, что раскрывается в главе 3 [5]. Стратегия делает акцент на повышение качества национальной системы образования, патриотическое воспитание юношей и девушек, повышение занятости молодежи; важное значение отводится здоровью молодежи, участию юношей и девушек в общественно-политической жизни страны, развитию молодежных общественных объединений, правовому воспитанию молодых людей, повышению уровня их правовой культуры, обеспечению безопасности молодежи.

Что касается Российской Федерации, то основными нормативными правовыми актами, регулирующими функционирование молодежной политики в стране, являются Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2022 г. № 2177 «Об утверждении Правил функционирования федеральной государственной автоматизированной информационной системы, обеспечивающей реализацию молодежной политики». Что касается региональных нормативных правовых актов, то отметим Закон г. Москвы от 15 декабря 2021 года № 36 «О молодежной политике в городе Москве». Так, в статье 4 Закона «О молодежной политике в Российской Федерации» перечисляются основные цели молодежной политики, к ним, в частности, относятся защита прав и законных интересов молодежи; обеспечение условий для самореализации юношей и девушек; повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде; формирование системы нравственных и смысловых ориентиров; формирование культуры семейных отношений, что направлено на улучшение демографической

ситуации в стране [3]. В распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» дается определение государственной молодежной политики, в нем, в частности, отмечается, что государственная молодежная политика — это направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене [6].

В статье 1 Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» отмечено, что в качестве государственной молодежной политики рассматривается система социальных, экономических, политических, организационных, правовых и иных мер, направленных на поддержку молодых граждан и осуществляемых государством в целях социального становления и развития молодежи, наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества [2]. Как видим, в российском законодательстве дается более развернутое определение понятия государственной молодежной политики, раскрывающее ее основные признаки, но несмотря на это, акцент в государствах делается на социальное, экономическое и политическое развитие юношей и девушек.

В Республике Беларусь важную роль в формировании и развитии молодежной политики выполняет Главное управление воспитательной работы и молодежной политики, входящее в структуру Министерства образования Республики Беларусь. Управление по делам молодежи занимается вопросами гражданско-патриотического воспитания молодежи, формирования здорового образа жизни, поддержка молодых семей, поддержки талантливой и одаренной молодежи, международного молодежного сотрудничества [7].

Основа любого правового государства — это обеспечение прав и законных интересов граждан, в том числе такой социальной группы, как молодежь. При проведении социологического опроса в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси» юношам и девушкам был

задан вопрос о защищенности их прав и законных интересов. Так, на вопрос, попадали ли они в ситуацию, когда нарушались их законные права и интересы, 54 % молодых людей отметили, что их права не нарушались, 37,2 % — что права нарушались, но не часто и 8,8 % отметили, что достаточно часто сталкиваются с нарушением своих прав и законных интересов. При этом мы также определили, в каких сферах нарушались права молодых людей. На первом месте торговля, ее указали 40,9 % респондентов, далее медицина и социальное обслуживание — по 25,2 %, трудовые отношения — 21,7 % молодых людей.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что в Республике Беларусь и Российской Федерации значительное место отводится становлению государственной молодежной политики. Однако с учетом изменяющейся политической и социально-экономической ситуации и анализируя опыт работы с молодежью прошлых лет, необходимо постоянно корректировать основные цели и задачи формирования молодежной политики, так как приходится констатировать, что современные молодые люди зачастую не осознают, какое место принадлежит им в обществе и развитии страны в целом. С одной стороны, современные программы развития государственной молодежной политики республики частично решают эту проблему. Однако с другой, очень часто мы сталкиваемся с равнодушием молодежи к основным белорусским ценностям и приоритетам становления и развития общества. В связи с этим в Республике Беларусь и Российской Федерации необходимо сделать акцент на содействие и поддержку развития гражданских инициатив молодежи; разработку новых методов работы с молодыми людьми и обмен между Беларусью и Россией опытом такой работы; стимулирование работы общественных объединений; создание совместных программ, связанных с поддержкой одаренной молодежи; обеспечение наличия связи и поддержку диалога с юношами и девушками.

1. Молодежь [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (дата обращения: 08.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 2009 года, № 65-З : с изм. и доп. от 21.10.2016 г. № 434-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О молодежной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. конституц. закон, 30 дек. 2020 г., № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Информационная справка по возрастным границам молодежи [Электронный ресурс] // Национальный Совет молодежных и детских объединений России. URL: http://youthrussia.ru/wp-content/uploads/2020/07/Информационная_справка_

по_возрастным_границам_молодёжи.pdf (дата обращения: 09.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. О стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июня 2021 г., № 349 : с изм. и доп. от 03.11.2022 г. № 752. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 29 нояб. 2014 г., № 2403-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Управление по делам молодежи [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь. URL: <https://edu.gov.by/molodezhnaya-politika/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/upr-molodezhi/dokumenty> (дата обращения: 10.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 342.41

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. И. Иванова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. В статье рассматривается содержание политической, идеологической, юридической функций Конституции Республики Беларусь в контексте изменений, внесенных Решением республиканского референдума от 04.03.2022. Констатируется преемственность Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: Конституция, функции Конституции, преемственность Конституции, прямое действие Конституции.

Annotation. The article examines the content of political, ideological, legal functions of the Constitution of the Republic of Belarus in the context of changes, introduced by the Decision of the Republican Referendum of 04.03.2022. The continuity of the Constitution of the Republic of Belarus is stated.

Keywords: Constitution, Constitutional functions, Constitutional succession, direct action of the Constitution.

Конституция является правовым фундаментом государства. В ней закрепляются важнейшие основы общественного и государственного строя, регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере политики, экономики, иного взаимодействия различных социальных групп и субъектов. Конституция как Основной Закон выступает в качестве нормативного ориентира, закрепляя цели общественного развития.

Функции Конституции, в которых наиболее полно проявляется ее значение и роль в жизни государства и общества, анализируются не только юристами, но и представителями других наук, что несомненно подчеркивает значимость этой категории. Но функции важны не только с точки зрения сугубо научного осмысления. Понимание их сути помогает осознавать, какой должна быть Конституция, каковы ее возможности в воздействии на реальную действительность, какова степень эффективности и многое другое.

Констатируя множественность подходов к классификациям функций Конституции, остановимся на трех важнейших функциях: политической, идеологической и юридической.

1. Политическая функция. Политическая функция Конституции заключается в том, что политический процесс, в котором так или иначе участвуют все политические силы, осуществляется на основе правил, установленных Конституцией. Данный процесс охватывает различные аспекты политической

деятельности; по существу, это порядок функционирования политической системы, ее институтов. С изменением норм Конституции вносятся определенные изменения и в политический процесс: перераспределяются властные полномочия, изменяется система высших органов и т. д. Так, в 2022 году в Конституции Республики Беларусь появилась глава 3¹, в которой сформулированы нормы, определяющие статус, порядок формирования и полномочия Всебелорусского народного собрания, которое стало высшим представительным органом народовластия и будет выполнять стабилизирующую и консолидирующую функции в обществе [1].

Реализуя политическую функцию, Основной Закон обращен не только к внутренней жизни страны, он одновременно является фундаментом внешнеполитической деятельности государства. В рамках этого Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ст. 8, 18 Конституции).

2. Идеологическая функция. Такая функция также присуща Конституции Республики Беларусь, и для этого утверждения есть нормативные основания. Мы обращаемся к статье 4 Конституции в последней редакции: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений» [1]. Прежняя редакция говорила о многообразии политических институтов, идеологий и мнений и, на первый взгляд, закрепляла «деидеологизированный» характер данного документа. Но говоря об идеологической функции Конституции, мы не должны трактовать ее положения как возможное вместилище постулатов определенного политического учения. Конституция — это мировоззренческий документ. Каждая Конституция закрепляет свою систему общественных ценностей (значимых в данное время и в данном месте) и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества.

Мировоззрение лучших представителей белорусского народа, нашедшее отражение в произведениях литературы, искусства, состоит из таких важных элементов, как гуманизм, единство и гармония с природой, патриотизм, культ знания и нравственности.

И Конституция Республики Беларусь в действующей редакции закрепила эти ценности: достижения национальной культуры в прошлом и настоящем, белорусский язык (ст. 50, 51, 54); образованность народа, уровень его культуры, нравственности (ст. 49, 51); здоровье населения страны, разумный образ жизни (ст. 45); природа Беларуси (ст. 46, 55); семья и нравственно-психологические отношения в ней (ст. 32); человек, его права и свободы, возможность самореализации личности (ст. 2, раздел II), суверенитет белорусского государства, демократия (ст. 1, 3, 4 и др.).

Кроме того, преамбула Конституции, закрепляющая причины, условия и цели принятия данного акта, акцентирует внимание на ценностях Республики Беларусь, определяя в качестве таковых: приверженность общечеловеческим ценностям, право на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета, права и свободы человека и гражданина, устои правового государства и социально справедливого общества, мир и гражданское согласие, благополучие граждан, незыблемость народовластия, независимость и процветание Республики Беларусь.

Говоря об изменениях Конституции Республики Беларусь в контексте идеологической функции, следует остановиться на ст. 15, часть 2 которой, введенная Решением республиканского референдума от 04 марта 2022 года, устанавливает, что «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [1]. Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П. П. Миклашевич отметил: «Данная конституционная норма актуальна не только в Год исторической памяти, ее цель — сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне, пресечение попыток оспорить моральное и историческое право белорусского народа на значительный вклад в победу над фашизмом... Новая конституционная норма о необходимости сохранения исторической памяти служит целям формирования в обществе должной нравственной и общественно-политической позиции на примере героического подвига нашего народа» [2].

3. Юридическая функция. Выполняя эту функцию, Конституция Республики Беларусь становится основой для совершенствования правовой системы в стране. Для детализации измененных положений необходимо принятие ряда нормативных правовых актов. В настоящее время уже принят Закон Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании», внесены изменения в Избирательный кодекс Республики Беларусь, Законы «О гражданстве Республики Беларусь», «О политических партиях», «Об общественных объединениях», готовятся к рассмотрению во втором чтении изменения в Законы «О нормативных правовых актах», «О конституционном судопроизводстве», Кодекс о судоустройстве и статусе судей и т. д. То есть можно сказать, что Конституция «дает импульс развитию законодательства и принятию большого массива новых нормативных правовых актов, воплощающих как общие идеи, так и отдельные положения конституции» [3, с. 15].

В рамках реализации юридической функции Конституция сама регулирует общественные отношения и как документ прямого действия может быть исходной почвой для их возникновения [3, с. 15]. И для такой позиции появилось нормативное основание, прямо предусмотренное ч. 1 ст. 7 Конституции

Республики Беларусь: «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь» [1]. Таким образом, актуальной становится задача обеспечения прямого действия Конституции.

Анализируя функции Конституции, нельзя не отметить ее важнейшую черту — преемственность. Преемственность Конституции основывается на том, что в обществе складываются определенные правовые традиции, которые получают конституционное закрепление. В этой связи каждая новая Конституция, каждая новая редакция связана с предшествующими. Конституционная преемственность требует сохранять все ценное, что создано опытом предшествующего развития государства [4, с. 34].

15 марта 1994 года была принята Конституция Республики Беларусь, которая фактически подвела итог процессам обретения независимости белорусским государством на новой социально-экономической основе. Конституция учредила и закрепила основополагающие начала организации и развития общества и государства, юридически оформила важнейшие государственные институты, разделение властей в государстве на законодательную, исполнительную и судебную. Впервые в Беларуси был введен институт президентства. Спустя 28 лет, 15 марта вступила в силу действующая редакция Конституции. Пройдя через несколько референдумов, Основной Закон закрепил эффективную модель социально ориентированного государства.

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Миклашевич П. П. Обновленная Конституция Республики Беларусь: существенное содержание поправок [Электронный ресурс] // Конституционный суд Республики Беларусь. URL: <http://www.kc.gov.by/document-74643> (дата обращения: 10.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность : 2-е изд. М. : Сашко, 2000. 528 с. [Вернуться к статье](#)

4. Чувилкин К. В. Преемственность как важнейшая и самостоятельная черта конституции // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2012. № 8. С. 33–35. [Вернуться к статье](#)

УДК 32.01+32:002:004.8

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СВЯЗИ «АГЕНТНОСТЬ/СТРУКТУРА» В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. М. Ильина

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры политологии юридического факультета,
кандидат политических наук, доцент

Аннотация. В статье впервые с позиций политологического знания выявлены и систематизированы основные теоретико-концептуальные и методологические подходы относительно значимости структурных или интенциональных факторов при объяснении современных политических явлений и процессов в контексте цифровой трансформации.

Ключевые слова: агентность, структура, цифровая трансформация, политология, политический структурализм, политический интенционализм, диалектический подход.

Annotation. For the first time, from the perspective of political science, the main theoretical, conceptual and methodological approaches regarding the significance of structural or intentional factors in explaining modern political phenomena and processes in the context of digital transformation are identified and systematized in the article.

Keywords: agency, structure, digital transformation, political science, political structuralism, political intentionalism, dialectical approach.

Новым вызовом и одновременно широким горизонтом возможностей политологии, политического управления и международных отношений становится цифровая трансформация, перспективность исследования которой как одного из основных направлений современной политической науки особо подчеркивалась на IX Всероссийском конгрессе политологов с представительным международным участием экспертов из 28 стран мира [1]. С позиций политологического знания под цифровой трансформацией будем понимать исходящий из окружающей/внешней среды импульс/вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции под воздействием цифровых трендов и технологий (искусственный интеллект, большие данные, виртуальная и дополненная реальность, «Интернет вещей», блокчейн, роботизация, аддитивные технологии и др.), имеющий неизбежный, комплексный и нестабильный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями [2, с. 92]. В условиях экспоненциального роста цифровых сквозных технологий и платформенных решений глобальная цифровая трансформация последних лет приводит к изменению самой природы и сущности структуры и агентности,

детерминируя наши привычные взгляды на их взаимосвязь во времени и пространстве, что актуализирует усилия белорусского государства по обеспечению национального суверенитета в сфере цифрового развития.

Проблема связи «агентность/структура» повлияла на политологию несколько позже, чем на социальную философию, социологию, психологию и иные дисциплины социальных наук, став сегодня политологическим мейнстримом, в том числе в русле академического спора, касающегося выбора методологических стратегий, исследовательских позиций и предпочтений относительно значимости структурных или интенциональных факторов при объяснении политических явлений и процессов.

Политологи, обращаясь к понятию «структура» для описания контекста или обстановки, в которой политические события происходят и приобретают смысл, ссылаются, как правило, на упорядоченный характер политических отношений, институтов и практик. При этом тенденция к упорядоченности политического поведения не обязательно означает, что оно предсказуемо, однако, чем больше влияние структуры, тем более предсказуемыми считаются реакции индивидов на деятельность политической системы. В политологическом дискурсе понятие «агентность» не сводится только к политическому действию или поведению, а ассоциируется также с рациональностью, рефлексивностью и мотивацией политических акторов [3, с. 94–95].

Позиции ученых относительно связи «агентность/структура» можно систематизировать по четырем ключевым концептуальным ракурсам.

Политический структурализм: приоритет структуры над агентностью. Познавательный акцент политического структурализма смещается в сторону взаимодействующих структурных образований и феноменов политики (главное место, как правило, отводится государству и иным политическим институтам), которые функционируют по ее направлениям и уровням в рамках политических процессов и отношений. В рамках структурно-ориентированных позиций (Л. Альтюссер) социальная реальность управляется сложным взаимодействием политических, идеологических и экономических структур, обладающих относительной автономией друг от друга. Однако личности или агенты не обладают автономной властью, они играют какую-либо роль только в той мере, в какой выступают «носителями» этих структур, которые они не способны видеть и существование которых они могут не осознавать. Политическая деятельность сводится к статусу эпифеномена.

Политический интенционализм: приоритет агентности над структурой. Сторонники данного течения, ставя во главу угла свободную волю действующего человека, полагают, что события интерпретируются в первую очередь посредством обращения к намерениям и действиям лица или группы лиц,

объяснительный акцент смещается на агентность, а структуре на этот раз придается второстепенный статус. Другими словами, структура, если она вообще упоминается, всегда считается существующей только как следствие или результат индивидуального либо группового действия. В рамках политологии особое значение имеют три близких с точки зрения исходных теоретико-методологических принципов направления политического интенционализма: теория рационального выбора, теория публичного/общественного выбора (К. Эрроу, Э. Даунс, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон), а также теория политического плюрализма (А. Бентли, Р. Даль, Д. Трумэн). Каждая из этих теорий отталкивается от бихевиористского подхода, подчеркивает роль личности или группы и обычно предполагает, что индивиды действуют для продвижения своих собственных интересов и личной выгоды.

Диалектический подход: взаимосвязь структуры и агентности. Ряд современных авторов придерживаются так называемого диалектического подхода, придавая равное значение как структуре, так и агентности и стремясь дать некоторое представление о том, как структура и агентность взаимодействуют и соотносятся друг с другом. Иными словами, они указывают на то, что не только агентность влияет на структуру, но и структура оказывает влияние на агентность. Наряду с теорией структуризации Э. Гидденса и реалистской теорией М. Арчер диалектическая интерпретация отношений структуры и агентности может быть представлена на примере стратегически-реляционного подхода Б. Джессопа и К. Хейя. Согласно данному подходу, действия акторов анализируются как структурно ограниченные, более или менее восприимчивые к контексту и структурирующие. При этом любое действие, в том числе интуитивное, рутинное или привычное, включает по крайней мере остаточный стратегический расчет текущей ситуации и может вызывать частичную трансформацию структурированного контекста. В связи с этим подчеркивается способность акторов изменять структурные обстоятельства посредством процесса активного стратегического обучения (повышения осведомленности о структурах, возможностях и ограничениях, которые они налагают).

Трансформация структуры и агентности: «деструктуризация» и концептуализация объектов как агентов действия. На современном этапе под воздействием цифровых технологий с учетом ускорения технологических циклов и развития платформенной занятости набирает темпы тренд «деструктуризации» — повышения изменчивости структур и снижения их обязывающей силы по отношению к агентности, приводящий к возрастанию объективных возможностей действия, так называемой трансформирующей агентности, по проактивному преобразованию структуры и созиданию новых институтов [4, с. 125–130]. В условиях структурной нестабильности ряд институтов экономики

совместного потребления — краудфандинг, краудсорсинг, коворкинг, коливинг, фрилансинг — актуализируют значимость цифрового доверия и солидарности между людьми, отчасти нивелируя необходимость традиционных форм социального контроля и привычных организационных структур с обязательными чертами модели идеальной бюрократии немецкого политолога М. Вебера. На государственном уровне примером легитимации идей деструктуризации может служить японская концепция «Общество 5.0» / «Суперинтеллектуальное общество». В условиях, когда цифровые технологии трансформируют саму структуру действия на принципах самоорганизации, децентрализации и саморегулирования, переопределяя политические отношения, основатели акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло) и их последователи (М. Акрич, Н. Альбертсен, Э. Мол, В. Синглтон) наделяют агентностью материальные объекты в русле популярного латуровского тезиса «Вещи тоже действуют» [5, с. 90]. Согласно акторно-сетевой теории, вещи начинают «говорить» благодаря ученым, вписывающим в технологические объекты человеческие компетенции, усваивая и воспроизводя которые технологии раздвигают границы времени и пространства, позволяя социуму усложняться и делая его более устойчивым. Одной из импликаций семиотического механизма уравнивания вещей в способности действовать наравне с человеческими агентами выступает не только антропоморфизация техники, но и кибернетизация людей.

Таким образом, проведенное исследование показало, что практикующий политолог едва ли может игнорировать дилемму «агентность/структура». Представляется рациональным признать вопросы структуры и агентности неизбежной проблемой, требующей от политолога занять определенную позицию в ее понимании. Следует принять сложившиеся представления об относительной значимости структурных или интенциональных факторов при объяснении политических событий и сосредоточиться на политическом анализе существующих подходов к концептуализации взаимосвязи структуры и агентности, а не искать решение данной дилеммы. Порой крайности структурализма и интенционализма вводят политических аналитиков в искушение отстаивать позиции, которые, возможно, и не отражают всю многогранность и сложность политической реальности, поэтому важны критический анализ и рациональная интерпретация научной литературы по данной теме.

С позиций политологического знания рассмотренный стратегически-реляционный подход к проблеме «агентность/структура» является более убедительным и дает более четкое представление о том, как структура и агентность могут трансформировать друг друга. Данный подход интересен для политологов, поскольку получил свое развитие в контексте работы Б. Джессопа по теории государства [6], которая является одной из наиболее важных областей

изучения в политической науке, и большая часть дебатов по указанной теме предполагает размышления о вопросах структуры и агентности. Однако ни одна из предложенных диалектических моделей взаимодействия структуры и агентности пока широко не использовалась в качестве руководства для эмпирических исследований в политике.

Дилемму «агентность/структура» в условиях цифровой трансформации следует рассматривать не только и не столько в плоскости академического спора, касающегося выбора исследовательских позиций в политологии, сколько как насущную политическую и социальную проблему человеческого бытия, исследуя которую политологи пытаются дать ответ на фундаментальный вопрос: в какой мере акторы способны самостоятельно действовать, принимать жизненно важные решения и планировать свое будущее под внешним влиянием институциональных факторов или цифровых технологий, задающих/программирующих структуры возможностей для имплементации человеческих действий.

1. Гаман-Голутвина О. В., Сморгун Л. В., Тимофеева Л. Н. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы : итоги IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. // Политическая наука. 2022. № 2. С. 260–271. [Вернуться к статье](#)

2. Ильина Е. М. Политологическое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 2. С. 87–93. [Вернуться к статье](#)

3. Hay C. Beyond Structure versus Agency, Context versus Conduct // Political Analysis: a Critical Introduction. London : Red Globe Press, 2002. Ch. 3. P. 89–134. [Вернуться к статье](#)

4. Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 124–138. [Вернуться к статье](#)

5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Высш. шк. экономики, 2014. 384 с. [Вернуться к статье](#)

6. Jessop B. State Power: A Strategic Relational Approach. Cambridge : Polity, 2007. 301 p. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.571

**СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН
НА УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА****О. М. Кандыбо**Белорусский государственный университет,
аспирант кафедры конституционного права юридического факультета

Аннотация. В статье рассматривается понятие конституционного права граждан на управление делами государства. Анализируются положения Конституции Республики Беларусь и некоторых зарубежных государств, регламентирующих данное право, а также некоторые доктринальные определения, раскрывающие это право. По результатам исследования обосновывается, что право на управление делами государства является основополагающим и объемным по своему содержанию конституционным правом.

Ключевые слова: права человека и гражданина, политические права гражданина, права граждан на управление делами государства, прямая демократия, представительная демократия.

Annotation. The article deals with the constitutional right of citizens to manage the affairs of the state. In particular, the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus and some foreign states that regulate this right are annulled, and various doctrinal definitions are considered that reveal this right. Based on the results of the study, it is substantiated that the right to manage the affairs of the state is a fundamental and voluminous political right in its content.

Keywords: human and civil rights, political rights of a citizen, citizens' rights to manage the affairs of the state, direct democracy, representative democracy.

Построения сильного и процветающего государства, планомерного развития общества можно достичь только путем общественного единения и наличия действенной поддержки граждан со стороны всех институтов государственной власти. В этой связи Глава государства А. Г. Лукашенко справедливо отмечает, что «традиция народовластия лежит в основе народного единства белорусов» [1].

Особое место в системе прав человека и гражданина занимают политические права, их реализация связана с гражданством и охватывает сферу отношений индивида с государством и обществом. Они предоставляют любому гражданину возможность принимать реальное участие в общественно-политической жизни государства, причем как индивидуально, так и коллективно. Тем самым укрепляется связь между государством и его гражданами.

Право на управление делами государства является важнейшим конституционным правом граждан, отражающим принцип народовластия. Тем не менее в законодательстве отсутствует нормативное определение данного понятия.

По мнению М. Т. Габдуалиева, «право на управление делами государства — это представленные конституционными нормами и действующим законодательством вид и мера возможного поведения гражданина по управлению делами государства с использованием предусмотренных законодательством форм своего участия в публичной деятельности, включающей предоставление такого права и возможности его реализации» [2, с. 14]. М. С. Зайцев в своем исследовании конкретизирует данное явление, утверждая, что оно может реализовываться в различных сферах государственной деятельности (законодательной, судебной, управленческой, избирательной и т. д.) путем принятия и осуществления управленческих решений, тем самым влияя на политику государства [3, с. 11].

В нашей республике право граждан участвовать в управлении государственными и общественными делами впервые было регламентировано в Конституции БССР 1978 г. В ст. 9 основным направлением развития политической системы советского общества провозглашалось «дальнейшее развертывание социалистической демократии, в том числе путем более широкого участия граждан в управлении делами государства и общества». Положением ст. 46 провозглашалось, что граждане Белорусской ССР имеют «право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения» [4]. Реализация данного права обеспечивалась возможностью избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном контроле, в работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства.

В настоящее время в Основном Законе Республики Беларусь конституционная формула участия граждан в управлении делами государства отличается от прежней. Ст. 37 Конституции гласит: «Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей.

Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов, иных нормативных правовых актов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами.

В порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях» [5].

Анализ приведенной конституционной нормы показывает, что в Республике Беларусь право на управление делами государства может реализовываться путем использования большего количества форм, чем это предусмотрено указанными международными актами. Если рассмотреть порядок конституционного закрепления данного права в зарубежных государствах, то можно обнаружить, что четко определенной системы методов, посредством которых может осуществляться народовластие, попросту нет.

Так, в соответствии со ст. 32 Конституции Российской Федерации в рассматриваемое право входит право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участия в референдуме, доступа к государственной службе, а также участия в правосудии [6]. В Республике Казахстан к указанным правам добавляется также возможность подачи обращений в государственные органы и органы местного самоуправления [7].

Конституция Республики Узбекистан немного по-иному раскрывает формы реализации права на управление делами государства, которое может осуществляться посредством самоуправления, проведения референдумов и демократического формирования государственных органов, а также развития и совершенствования общественного контроля над деятельностью государственных органов [8]. Основной Закон Республики Киргизии устанавливает более объемное содержание данного конституционного права, чем рассмотренные ранее. Помимо названных возможностей, к нему отнесено право участвовать в обсуждении и принятии законов и решений республиканского и местного значения, а также участия в формировании республиканского и местных бюджетов и возможность получения информации о фактически расходуемых средствах из бюджета [9].

Можно заметить, что единой конституционной формулы, раскрывающей конституционное право граждан на управление делами государства, не имеется. Аналогично нет унифицированных форм, входящих в систему рассматриваемого права, и в юридической науке.

Например, Г. А. Василевич к основным формам осуществления народом (гражданами) государственной власти относит народные голосования (референдумы), обсуждение проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, сельские сходы, собрания граждан и др. [10, с. 175]. М. Т. Габдуалиев к формам управления делами государства относит субъективное избирательное право, право на участие в референдуме, право на равный

доступ к государственной службе, право участвовать в осуществлении правосудия [2, с. 14].

Таким образом, можем констатировать, что участие граждан в управлении делами государства предусматривает значительное количество форм реализации на самых различных уровнях конституционно-правового регулирования, перечень которых не является и не может являться закрытым. Исходит это непосредственно из содержания ст. 37 Конституции, где декларируется, что это право может осуществляться другими определенными законом способами.

Данное суждение находит свое подтверждение и в практике Конституционного Суда Республики Беларусь, где в качестве форм участия граждан в управлении делами государства называются также подача обращений (решение от 2 февраля 2005 г. № Р-183/2005 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2004 году»), участие граждан в правосудии (решение от 14 декабря 2016 г. № Р-1077/2016 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в законы Республики Беларусь по вопросам судостроительства и судопроизводства”»), Всебелорусское народное собрание (решение от 25 января 2011 г. № Р-565/2011 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2010 году») и т. д.

Провозглашенный Основным Законом принцип народовластия задал развитие всевозможных форм участия граждан в управлении делами государства как на республиканском, так и на местном уровне. При этом такие формы не однородны и в практической деятельности могут оказывать различную степень продуктивности при принятии управленческих решений. Но в совокупности при своем применении они направлены на достижение различных результатов, значимых для общества в целом.

В настоящее время в условиях развития информационно-коммуникационных технологий у государства появляются новые, все более совершенные инструменты, позволяющие взаимодействовать с институтами гражданского общества, в том числе и по вопросам осуществления публичного управления. Данный процесс ведет к тому, что представители государственной власти оказываются ближе к народу, устраняются имевшие место преграды. Это позволяет вовлекать все большее количество граждан в механизм управления делами государства. Не случайно Конституционный Суд Республики Беларусь в качестве приоритетов развития гражданского участия в управлении делами государства обозначил внедрение новых цифровых способов в данный процесс и своевременную законодательную их регламентацию (решение от 11 марта 2021 г. № Р-1256/2021 «О состоянии конституционной законности

в Республике Беларусь в 2020 году»). Указанное подчеркивает динамичность конституционного права на управление делами государства.

Таким образом, право на участие в управлении делами государства является важнейшим конституционным правом, определяющим государственный политический режим, и фундаментом для реализации установленного Основным Законом Республики Беларусь принципа народовластия. Эффективные инструменты влияния на государственную власть являются фактором стабильного развития любого государства.

Право на управление делами государства является объемным по своему содержанию конституционным правом, основу которого составляют формы прямой и представительной демократии. Не ограничиваясь только средствами, предусмотренными ст. 37 Конституции, оно включает в себя субъективные возможности, которые по своей сути представляют собой самостоятельные политические права (право на обращение, осуществление правосудия и т. д.).

1. Участие в форуме патриотических сил «Символ единства» [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-forume-patrioticheskikh-sil-simvol-edinstva> (дата обращения: 15.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Габдуалиев М. Т. Конституционное право гражданина на участие в управлении делами государства в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2006. 22 с. [Вернуться к статье](#)

3. Зайцев М. С. Конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2015. 33 с. [Вернуться к статье](#)

4. Конституция БССР [Электронный ресурс] : 14 апр. 1978 г. : с изм. и доп., принятыми внесенными Законами БССР от 21 июня 1979 г. и 27 окт. 1989 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023. [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на общерос. референдуме 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 30 авг. 1995 г. : с изм. и доп. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 14.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : утв. Конституц. Законом от 1 мая 2023 г. № ЗРУ-837, принятым на референдуме 30 апр. 2023 г. //

NORMA. Информационно-поисковые и экспертные системы. URL: https://static.norma.uz/doc/doc_7/30.04.2023.%C2%A0%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%A3%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD.pdf (дата обращения: 12.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принята референдумом 11 апр. 2021 года : введена в действие Законом Кыргызской Респ. от 5 мая 2021 года // Централиз. банк данных правовой информ. М-ва Юстиции Кыргызской Респ. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 12.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь. Минск: Выш. шк., 2016. 399 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.222.1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА ОРГАНИЗАЦИИ**Е. А. Ковалёва**

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Е. В. Бирилло

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
магистрант кафедры гражданско-правовых дисциплин

***Аннотация.** На примере коллективного договора организации выявлены проблемные вопросы по заключению, ознакомлению, подписанию и регистрации коллективного договора, предложены пути их решения.*

***Ключевые слова:** заключение коллективного договора, коллективные переговоры, наниматель, работник, профессиональные союзы, регистрация.*

***Annotation.** Using the example of a collective agreement of an organization, problematic issues on the conclusion, familiarization, signing and registration of a collective agreement are identified, ways to solve them are proposed.*

***Keywords:** conclusion of a collective agreement, collective bargaining, employer, employee, trade unions, registration.*

В соответствии со ст. 361 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК), коллективный договор — локальный правовой акт, регулирующий трудовые и социально-экономические отношения между нанимателем и работающими у него работниками [1]. Коллективный договор призван улучшать правовое положение работников организации по сравнению с законодательством о труде, устанавливать для них дополнительные права и гарантии.

Для оказания помощи организациям в заключении коллективного договора постановлением Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси 22 декабря 2020 г. № 221 утверждены Методические рекомендации по вопросам коллективно-договорного регулирования (далее — Методические рекомендации) [2]. В то же время на практике возникает немало вопросов, которые не урегулированы ни законодательством, ни Методическими рекомендациями.

Рассмотрим процедуру заключения договора на примере Коллективного договора организации «У» на 2020–2023 годы.

Для заключения или изменения коллективного договора в организации «У» приказом начальника создается комиссия для ведения коллективных переговоров (далее — комиссия) в составе членов профсоюзного комитета и профсоюзной организации, с одной стороны, и главного бухгалтера, сотрудника

кадрового подразделения, специалиста по охране труда, юрисконсульта — с другой.

Все работники, на которых распространяется действие коллективного договора, принимают активное участие в формировании общественного мнения о его содержании. При этом учитываются положительные и отрицательные стороны предыдущего договора, коллективно-договорная практика прошлых лет в отрасли, основные экономические, технические изменения, произошедшие в организации, результаты финансово-хозяйственной деятельности нанимателя и перспективы его развития, а также предложения работников по формированию проекта коллективного договора, их ожидания, связанные с заключением нового коллективного договора.

Статьей 368 ТК определено, что проект коллективного договора обсуждается сторонами в определенном ими порядке [1]. То есть работники организации должны принять активное участие в обсуждении проекта коллективного договора, поскольку его нормы и положения касаются каждого из них. Чаще всего обсуждение проекта коллективного договора осуществляется во всех структурных подразделениях организации. В настоящее время, учитывая развитие современных технологий, возможности документационного ознакомления значительно расширились. Это может быть опубликование в средствах массовой информации и размещение проекта на стенде организации, а также использование внутренней ведомственной сети, электронных почтовых ящиков, современных мессенджеров (Viber, Telegram и иные).

Учитывая практику, сложившуюся в организации «У», проект коллективного договора доводится до сведения всего коллектива работников на общем собрании. Предварительно все работники оповещаются о дате и месте проведения общего собрания, повестке дня; проект доводится до сведения работников. И на общем собрании председатель профсоюзного комитета либо другой член профсоюзного комитета зачитывает проект коллективного договора. Далее предлагается всем работникам обсудить проект в своих отделах и службах и внести свои предложения, замечания либо дополнения в коллективный договор к определенной дате.

Нам представляется такая практика оправданной, поскольку, даже поручив работникам ознакомиться с проектом коллективного договора самостоятельно, не все выполняют указанное поручение добросовестно. А ознакомление с проектом на общем собрании дает уверенность, что работники услышат содержание договора и при желании смогут ознакомиться с ним более подробно.

После обсуждения проекта в служебных коллективах отделов предложения предоставляются в комиссию, которая дорабатывает проект с учетом поступивших замечаний, предложений, дополнений. Однако одним

из проблемных вопросов, возникающих при подготовке коллективного договора, является определение работника, ответственного за доработку всех предложений и подготовку окончательного варианта коллективного договора. Законодательством данный вопрос не урегулирован и зачастую в коллективе возникают споры, а ст. 368 ТК рекомендует сторонам самостоятельно его определять. Поэтому целесообразно в самом коллективном договоре определить лицо, ответственное за подготовку коллективного договора, с учетом всех представленных ему предложений с обеих сторон. Это может быть работник из числа членов комиссии по ведению переговоров, председатель либо секретарь профсоюзного комитета организации или другое лицо.

Еще на стадии формирования предложений сторонами с учетом мнения работников должен быть достигнут компромисс. При наличии разногласий коллективный договор может быть заключен по согласованным позициям. Разногласия, возникшие между сторонами по отдельным нормам проекта договора, следует урегулировать в ходе коллективных переговоров. В случае если этого сделать не удалось, а срок действия имеющегося коллективного договора истекает, он может быть заключен по согласованным позициям, а неурегулированные разногласия могут быть предметом дальнейших переговоров [2].

После доработки коллективного договора в организации «У» проводится общее собрание, на котором вновь зачитывается проект подготовленного коллективного договора и проходит голосование работников по принятию коллективного договора. Проект коллективного договора считается принятым, если за него проголосовало более 50 % от присутствующих на собрании работников.

Законодательством предусмотрено, что обе стороны должны подписать каждую страницу коллективного договора, соглашения. Как правило, со стороны нанимателя договор подписывает руководитель организации, со стороны работников — председатель профкома. Подписи сторон скрепляются печатями.

В соответствии с ч. 3 ст. 364 ТК, коллективный договор может иметь приложения, являющиеся его неотъемлемой составной частью [1]. И на практике часто возникает вопрос, должна ли быть подписана каждая страница приложений к коллективному договору. Поэтому считаем целесообразным внести дополнение в ст. 369 ТК и второе предложение данной статьи изложить в новой редакции: «При этом должна быть подписана каждая страница коллективного договора, соглашения и приложений к коллективному договору, соглашению». Наличие такой нормы позволит нанимателям добросовестно исполнять свои обязанности по коллективному договору и не осуществлять подмену его страниц.

В соответствии с положениями ст. 370 ТК, коллективный договор регистрируется в местном исполнительном или распорядительном органе по месту

нахождения (регистрации) нанимателя [1]. Без обязательной регистрации коллективный договор не будет иметь юридической силы. Незарегистрированный в установленном порядке коллективный договор не может являться источником доказательств в случае возникновения индивидуального трудового спора.

Согласно ч. 1 ст. 371 ТК, для регистрации коллективного договора наниматель представляет в соответствующий орган следующие документы: заявление с просьбой о регистрации, коллективный договор, каждая страница которого подписана сторонами, копии документов, подтверждающих полномочия сторон на его подписание. По поводу последних копий документов в п. 42.3 Методических рекомендаций определено, что если подписи сторон скреплены печатями, то это не является обязательным требованием [2].

Законодательством не регламентировано количество экземпляров, представляемых для регистрации, но ч. 3 ст. 371 ТК определено, что один экземпляр зарегистрированного коллективного договора остается в органе, осуществившем регистрацию [1]. То есть для регистрации нужно представить как минимум два экземпляра. На практике стороны руководствуются собственными потребностями исходя из того, что оригиналы должны остаться в регистрирующем органе, у нанимателя и профсоюзного комитета. При этом сторонами или коллективом может быть принято решение о том, что один оригинал должен находиться в доступном для каждого работника месте, например, на стенде или сайте организации. Зарегистрированный экземпляр коллективного договора может передаваться в вышестоящую по подчиненности профсоюзную организацию. Не будет являться нарушением, если наниматель сделает необходимые ему оттиски договора со всеми сведениями и подписями.

Законом не закреплено, что коллективный договор должен подаваться на регистрацию прошитым и скрепленным печатями сторон, но на практике такой подход используется, что позволяет обеспечить более надежную сохранность коллективного договора в том виде, в котором его подписали стороны.

В соответствии с ч. 2 ст. 371 ТК, орган, осуществляющий регистрацию коллективного договора, не позднее двух недель с момента подачи заявления делает соответствующую запись в специальном журнале и на первой странице представленного коллективного договора ставит штамп о регистрации.

В районных исполнительных или распорядительных органах функцию по регистрации коллективных договоров осуществляют работники юридических служб, которые проверяют соответствие договора законодательству, и при принятии коллективного договора на регистрацию требуют от сторон внесения ряда изменений и дополнений, которые, на их взгляд, должны содержаться в коллективном договоре. Это не только нарушает порядок и смысл

регистрации, но и зачастую затягивает сам процесс регистрации. Согласование таких корректировок с коллективом работников, как правило, не производится.

Так получилось и с регистрацией коллективного договора организации «У». Коллективный договор был подписан 27 января 2020 года и предоставлен в Управление по труду, занятости и социальной защите для регистрации. Однако главный правовой инспектор вернул коллективный договор на доработку (корректировку) и не зарегистрировал его. Только после доработки, внесения необходимых корректировок в коллективный договор согласно рекомендациям главного правового инспектора Управления по труду, занятости и социальной защите, обсуждения их на общем собрании с коллективом работников коллективный договор организации «У» повторно был представлен на регистрацию и был зарегистрирован только 7 сентября 2020 года.

Положения ст. 371 ТК содержат только перечень документов, необходимых для представления, а отказ в регистрации коллективного договора по мотивам его несоответствия законодательству не предусмотрен, поскольку в ст. 362 ТК установлено, что условия коллективного договора, ухудшающие положение работников по сравнению с законодательством, являются недействительными. В связи с этим считаем целесообразным дополнить ст. 371 ТК частью следующего содержания:

«Наличие в коллективном договоре норм, не соответствующих законодательству, не влечет отказа в регистрации коллективного договора, ст. 362 настоящего Кодекса».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что процесс коллективно-договорных отношений постоянно совершенствуется и в законодательном, и в практическом аспектах. Ряд статей ТК требуют доработок, приведения их в соответствие с практикой применения, что позволило бы исключить сложности, различное толкование норм законодательства.

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. № 183-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Методические рекомендации по вопросам коллективно-договорного регулирования [Электронный ресурс] : утв. постановлением Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси, 22 дек. 2020 г., № 221. URL: <https://fpb.1prof.by/katalog-dokumentov> (дата обращения: 27.02.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 101.1:316(043.3)

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА И ГИБРИДНЫХ КОНФЛИКТОВ

О. Ю. Кравцов

Национальный институт образования,
соискатель ученой степени кандидата философских наук,
магистр политических наук

***Аннотация.** В статье раскрывается понятие «социальное прогнозирование». Рассматриваются методологические особенности политического прогнозирования. Выделяются ключевые черты современности, определяющие результаты прогнозной деятельности. Даются характеристики значимым трендам и гибридным угрозам.*

***Ключевые слова:** социальное прогнозирование, политическое прогнозирование, социальное будущее, гибридные угрозы, когнитивное противоборство.*

***Annotation.** The article reveals the concept of social forecasting. Methodological features of political forecasting are considered. The key features of modernity that determine the results of predictive activity are highlighted. The characteristics of significant trends and hybrid threats are given.*

***Keywords:** social forecasting, political forecasting, social future, hybrid threats, cognitive confrontation.*

Предметом научного прогнозирования являются перспективы развития каких-либо явлений и/или процессов. Социальное прогнозирование представляет собой когнитивную практику познания будущего социальных систем в широком смысле понятия. Социальное в данном контексте включает сферу политики, экономики, культуры. Следует отметить, что в цели прогнозирования, как правило, не входит детальное предсказание будущего. Мировоззренческая функция социального прогноза заключается в эффекте обратной связи, выраженной в способности активно формировать представления о возможных будущих состояниях и программировать соответствующие модели поведения.

Политическое прогнозирование традиционно считается наиболее проблемной областью социального прогнозирования, что обусловлено системной сложностью объектов исследования и высокой степенью непредсказуемости их поведения. Политический прогноз предоставляет научную основу для принятия управленческих решений и, таким образом, становится неотъемлемой частью политического процесса.

Одним из наиболее эффективных методов построения прогноза на краткосрочную и среднесрочную перспективу является экстраполяция правильно

распознанных тенденций, с опорой на которые объясняются текущие процессы и строятся прогнозные выводы о будущих состояниях.

К характерным чертам современности следует отнести:

- принципиальную недостижимость политической стабильности в ближне- и среднесрочной перспективе;
- прогрессирующую поляризацию в отношениях между субъектами международных отношений, представляющих разные культурно-цивилизационные общности;
- повышение градуса военной напряженности между «старыми» и «новыми» центрами силы (финансово-промышленными центрами);
- высокую вероятность прямого военного столкновения между «западным» и «восточным» блоками с реальной возможностью применения ядерного оружия [1, с. 36–38].

Следует отметить, что глобальная историческая тенденция, направленная на интеграцию человечества в единую цивилизационную общность, в настоящий момент временно уступает место региональной интеграции и размежеванию по культурно-ценностным и системно-политическим основаниям. Главным претендентом на перехват мирового лидерства выступает Китай, сателлитами которого становятся Россия и ближневосточные страны мусульманского мира (в первую очередь Иран). Экономической и политической предпосылкой для данной тенденции послужила ускоренная индустриализация Китая в конце XX – начале XXI в., стремление к мировой гегемонии при этом было детерминировано культурно-историческими причинами.

До недавнего времени противостояние между конкурирующими центрами силы происходило главным образом в политической, экономической и информационной сферах. Однако сегодня напряжение вышло на уровень военного конфликта на цивилизационном пограничье, при этом в риторике политических лидеров все чаще звучит тема ядерной войны [2, с. 86–88; 3, с. 58–59].

В данных условиях вполне закономерным явлением в области властных отношений становится общее усиление авторитарных начал и постепенный отказ от демократических принципов. В экономическом измерении данная тенденция будет выражаться в поэтапном переходе экономики к мобилизационному типу функционирования, сужении возможностей для частного бизнеса, ослаблении принципов рыночной конкуренции, сокращении оборота свободных денег. Вполне закономерно, что в условиях политического давления и экономических санкций приоритет будет отдаваться государственному сектору как наиболее полно отвечающему интересам общественного блага.

Республика Беларусь является составной частью антизападного блока. Она находится в лагере стран внешнего пролетариата, бросающих вызов

глобальному капиталистическому миропорядку со всеми рисками, которые налагает на нее геополитическое положение. Вполне закономерно, что для Республики Беларусь обострение отношений между блоками приводит к нарастанию рисков и угроз национальной безопасности во всех сферах, указанных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. На текущий момент республика подвергается комплексным («гибридным» / «мультимодальным» / «многовариантным») агрессиям, нацеленным на достижение конкретных политических целей дестабилизации внутривнутриполитической обстановки и активизации протестных настроений. При реализации гибридных агрессий задействуется спектр экономических, политических, информационных, военных мер воздействия явного и скрытого характера, сочетание силового и несилового давления, использование протестного потенциала населения, преступное поведение [4, с. 45, 55–57].

Особой областью реализации гибридных угроз выступает сфера информационной безопасности. Информационная агрессия как противоборство посредством воздействия специально подготовленной информацией на гражданское население, власти и вооруженные силы ведется путем распространения фейков, постправды, неоднозначного толкования событий. Вполне закономерно, что информационное воздействие на население и государственные институты будет усиливаться и обретать новые формы. Акцент, по всей видимости, будет делаться на технологиях дезинформации, деморализации, дискредитации силового блока и политического руководства страны.

Проводя анализ комплексных гибридных угроз, мы выходим на важную категорию безопасности — когнитивную безопасность, которая заключается в защите собственной картины мира, стиля мышления и ценностных предпочтений от манипуляций и разрушительных воздействий. К вопросам когнитивной безопасности относятся вопросы видения себя, собственного будущего, своей роли и места в мире [5]. Когнитивное противоборство ведется на уровне знаний, смыслов и представлений, однако в этой войне, на наш взгляд, в выигрыше может оказаться не тот, кто отстаивал свою картину мира, а тот, кто сумел проявить должную адекватность и, возможно, поступиться какими-то утратившими принципиальное значение элементами (например, отказ от религиозной картины мира в СССР позволил создать прорывную индустриальную экономику, развить науку и предложить своим гражданам новый, более прогрессивный уклад жизни).

Следует заметить, что объединение человечества в единую цивилизацию, т. е. образование гармоничного однополярного мира, представляется вполне закономерным и неминуемым этапом социальной эволюции (исторический тренд — от племен к народности, от государства — к межгосударственным

наднациональным союзам и далее к глобальной человеческой цивилизации). Объединение человечества было общей целью для стран коммунистического и либерального лагерей. Возрастание напряжения между «западом» и «незападом», на наш взгляд, является очередным кризисом, возникшим на пути глобальной интеграции человечества, процесс которой будет закончен после его преодоления.

1. Кравцов О. Ю. Социальное прогнозирование в эпоху военно-политической турбулентности и трансформации миропорядка // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества (Глобальный мир в эпоху политической турбулентности, экономических санкций и информационных войн) : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 14 дек. 2022 г. / Белорус. гос. эконом. ун-т. Минск, 2022. С. 35–39. [Вернуться к статье](#)

2. Кравцов О. Ю. Мир-системный подход как философско-методологическое основание социального прогнозирования // Педагогическая наука и образование. 2021. № 1 (34). С. 84–88. [Вернуться к статье](#)

3. Кравцов О. Ю. Цивилизационный подход и концепт евразийства как философско-методологические основания социального прогнозирования // Педагогическая наука и образование. 2020. № 3 (32). С. 54–60. [Вернуться к статье](#)

4. Хоффман Ф. Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: http://intelros.ru/pdf/Geopolitic/2013_XXI/4.pdf (дата обращения: 19.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Когнитивная война: война нового поколения [Электронный ресурс] // Институт Русских стратегий. URL: <https://russtrat.ru/analytics/24-dekabrya-2021-0010-7763?ysclid=lfq2xb2s9c611466482> (дата обращения: 19.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 316.32

**ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ****А. Л. Крижевская**Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
преподаватель кафедры политологии и социологии

Аннотация. В статье раскрывается и анализируется специфика информатизации современного общества. Проблематика информационного общества тесно связана с концептуальным полем глобалистики. Глобализация — результат обмена информацией со всем миром. Обосновывается вывод о том, что новые формы жизни, порожденные информационным обществом, формулируют задачи современной социальной теории.

Ключевые слова: глобализация, информатизация, информационное общество, информационное пространство, коммуникация.

Annotation. The article reveals and analyzes the specifics of the informatization of modern society. The problems of the information society are closely connected with the conceptual field of global studies. Globalization is the result of the exchange of information with the whole world. The conclusion is substantiated that the new forms of life generated by the information society formulate the tasks of modern social theory.

Keywords: globalization, informatization, information society, information space, communication.

Информатизация и глобализация как основные тенденции современного общества XXI века порождают необходимость детального рассмотрения коммуникации как многомерного социального феномена. Проблема организации информационного пространства и коммуникативных процессов актуальна в связи с возникновением изменений в цивилизованном сообществе за счет создания новой информационной среды. Современное информационное общество представляет собой исторический этап возможного эволюционного развития цивилизации, в котором информация и знания умножаются в едином информационном пространстве, становятся основными продуктами производства современного общества [1, с. 64].

Современность сегодня — современность более глобализированная, гиперреалистичная и гиперболистическая. На этой новой карте без границ пред-современность сосуществует с гиперсовременностью. Именно в гиперсовременности, в центре глобальной среды, где сама жизнь теряет свой вес, свою структуру и границы, глобализация становится расширяющимся рычагом информационного общества. Средства массовой коммуникации (далее — СМК) играют ключевую роль в глобальной взаимозависимости и глобализации

информационного общества. Его поле деятельности — культура, рассматриваемая как рынок, как территория силы. Их символическая власть — невидимая и институционализированная власть. На арене культуры СМК конструируют смысл и значимость, социальные образы, навязывают репрезентации. Они являются инструментами продвижения коммуникативных практик, создания и укрепления сообществ смысла и морали, выявления различий и неравенства. СМК в глобальном контексте становятся ключевыми участниками социального функционирования [2, с. 127].

Ценности и интерпретативно-идеологические конструкты являются неустранимыми и имманентно присущими сознанию и по своей природе трансациональны, иными словами, основаны на эмоциях, бессознательном, подсознательном. Средства массовой коммуникации в эпоху глобализации информационного общества, по мнению З. Баумана, сводят время и пространство к нулю, трансформируя их в индикаторы ассоциации/диссоциации социального взаимодействия информации, что, в свою очередь, ведет к опосредованию реальности. Технологическое аннулирование дистанции времени и пространства «поляризовало человеческое состояние». Информационное пространство предполагает всестороннее освоение новшеств в различных областях практики при сохранении динамического единства старого, современного и нового [3, с. 33].

Специфика глобализации информационного общества заключается в многогранной модификации человеческих практик, экономического, трудового и коммерческого аспектов, а также потока информации. Культура и ее проявления утратили чистоту и стали частью гибридизации. С точки зрения Ж. Бодрийяра, культура обусловлена симуляционными моделями. Это дискурсы, не имеющие изначального, исходного референта. Значения образуются не соотношением с какими-то эталонами, с самостоятельной реальностью, а соотношением с другими признаками. Ситуация постмодернизма — это одновременное существование множества кодов, не опосредованных единым метакодом. Поэтому для культуры постмодернизма характерно усиление роли посредников, перерастающее в мягкий тоталитаризм отчужденных отношений. Общественное пространство утрачивает свою способность предопределять или добавлять ценность и смысл, «центры производства смыслов и ценностей стали экстерриториальными» [4, с. 142].

Таким образом, информационное общество представляет собой определенное состояние ментальности, отличное от ментальности модерна, чертами которого становятся:

- 1) плюрализм культур, распространяющийся практически на все: традиции, идеологии, формы жизни и т. д.;
- 2) перманентно происходящие трансформации;

- 3) доминирование средств массовой информации и их продуктов;
- 4) символы как замена основной реальности.

Глобализация в информационном обществе является прямым и косвенным результатом глобального расширения сетей взаимоотношений и сотрудничества, интенсификации взаимосвязанности и ускорения глобального потока информации посредством сетей и средств связи, сообщения которых воздействуют на мировой порядок, тем самым затрагивая: глобальную взаимосвязанность принятия решений, меняющую повестку дня, с которой сталкиваются правительства, корпорации, группы и граждане; структуру институтов расширения горизонтальной и вертикальной интеграции; обеспечение социальных диспозиций и их распространение, порождающее множественные разрывы (половые, возрастные, познавательные, социально-экономические и др.) [5, с. 1471].

Таким образом, измерения глобализации информационных обществ можно свести к следующему:

1. Инфраструктура: большие сети связи в режиме реального времени и интенсивные взаимосвязи между социальными акторами и институтами.
2. Институционализация: глобальная инфраструктура, изменяющая практику и культуру организаций для расширения возможностей власти.
3. Стратификация и асимметрия: генерация новых социальных разделений и моделей стратификации.
4. Способы взаимодействия: модификация логики сотрудничества, принуждения между людьми и институтами.

Информатизацию современного общества в условиях его глобализации можно рассматривать как закономерную реакцию мировой цивилизации на новые угрозы для ее дальнейшего устойчивого развития. В глобальной среде мир вновь обретает свое сферическое состояние, которое помогает циркулировать сообщениям от микро- к макроуровню. Гиперсовременность захватывает глобальный контекст, а коммуникация отвечает за то, чтобы модели поведения и господствующие ценности стали практически повсеместными. В этом постиндустриальном контексте прослеживается конфликт идентичностей и возникающий в результате комплекс культурного потребления и коммуникативной гипериндивидуализации. Коммуникация выходит за рамки культурных контекстов, мир в которых един и в то же время множественен.

1. Родина Е. Н., Сюсина Е. М. Информационное общество в рамках синергетической парадигмы // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2 (14). С. 64–68.
[Вернуться к статье](#)

2. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2005. 576 с. [Вернуться к статье](#)
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2004. 188 с. [Вернуться к статье](#)
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция : пер. с англ. М. : Постум, 2017. 320 с. [Вернуться к статье](#)
5. Scholte A. Defining globalization // World economy. 2008. V. 11. P. 1471–1502. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.344

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (ДО 1917 ГОДА)

Ю. Ю. Лекнин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук

***Аннотация.** В статье проанализированы предпосылки установления ответственности за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения. Особое внимание уделяется анализу регламентации ответственности за незаконный оборот предметов вооружения в отечественном уголовном законодательстве до 1917 года.*

***Ключевые слова:** преступления против общественной безопасности, оружие, предметы вооружения, незаконный оборот оружия, незаконный оборот предметов вооружения.*

***Annotation.** The article analyzes the prerequisites for establishing liability for crimes in the field of illicit trafficking in weapons. Particular attention is paid to the analysis of the regulation of responsibility for the illegal circulation of weapons in the domestic criminal legislation until 1917.*

***Keywords:** crimes against public safety, weapons, arms, weapons trafficking, arms trafficking.*

Выясняя предпосылки установления ответственности за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения, важно выделить условия, вызвавшие потребность в принятии подобных норм.

Анализируя юридическую литературу, правоприменительную практику и другие источники, можно сделать вывод, что основной предпосылкой криминализации деяния является его общественная опасность. Данную предпосылку считают основополагающей категорией в уголовном праве. Это отмечают и большинство ученых.

О последствиях социально отрицательных изменений сказано, что преступления против общественной безопасности создают состояние общей опасности, угрозу насильственного причинения вреда, снижают уровень безопасности, жизни и здоровья граждан, имущества, нормальной деятельности предприятий и учреждений [1, с. 10].

Таким образом, создание общей опасности и есть преступные последствия, характеризующие общественную опасность незаконных действий

с предметами вооружения. Бесспорно, совершение данного преступления причиняет вред всей системе общественных отношений, и в первую очередь состоянию общей безопасности.

На общественную опасность указывает и такой элемент состава преступления, как предмет, которому свойственна значительная разрушительная сила, предназначенность для поражения цели либо разрушения тех или иных преград окружающей среды, обращение к которому создает угрозу жизни или здоровью граждан, уничтожения или повреждения имущества.

Оружие, его части, взрывчатые вещества и взрывные устройства, предназначенные для поражения цели либо разрушения окружающей среды, являются важной предпосылкой правового ограничения его оборота, определяя уголовную ответственность за его нарушение.

Таким образом, уголовно-правовые отношения по поводу незаконных действий с предметами вооружения существуют потому, что создается опасность для всей системы охраняемых законом интересов.

С развитием того или иного вида оружия, увеличением его разрушающих свойств усиливаются и последствия социально отрицательных изменений от преступлений в рассматриваемой сфере. С этим в основном и связана потребность в ограничении законодателем оборота оружия как предмета особой опасности, при помощи которого можно нанести прямой ущерб жизни или здоровью людей, а также их имуществу, и в частности постройкам и сооружениям, с преступной или иной целью. По сути, модернизация оружия или изобретение новых его видов всегда ведет к изменению его поражающих свойств, а значит, и к усилению его общественной опасности [2, с. 7].

С целью недопущения нежелательных последствий от развивающихся разрушительных свойств оружия, а также для недопущения негативного воздействия на охраняемые законом объекты и отношения вводились те или иные нормы по его ограничению или запрету.

Социальную обусловленность уголовно-правовых запретов в сфере незаконного оборота вооружения можно проследить, анализируя отечественное уголовное законодательство. В рамках статьи предлагается рассмотреть период от первых упоминаний оружия в письменных источниках права до развития его массового фабричного производства и применения в мировых масштабах в ходе боевых столкновений в начале XX века (до 1917 года).

Первым письменным источником, регулирующим оборот оружия на наших землях, был свод древнерусского законодательства Русская Правда. Тогда Туровское и Полоцкое княжества (последнее незначительный период находилось под властью Киевского княжества) являлись частью Древнерусского государства.

В Древней Руси не каждый мог обладать оружием для своей защиты или для участия в походах. Как правило, его могли иметь профессиональные воины из числа знати, обладающие возможностью его купить в виде товара или приобрести в качестве трофея на поле боя, так же как коня или доспехи. Оно являлось предметом гражданского оборота, имело высокую товарную стоимость и никак не ограничивалось в условиях постоянных войн и столкновений с соседними государствами [2, с. 21].

При Владимире Святом на Руси появился «Закон судный людем». В соответствии с его нормой, виновный в краже коня и оружия подвергался обращению в рабство и телесному наказанию (позже телесное наказание было заменено на пеню в три гривны). Указанный Закон помещался в Софийском временнике рядом с Русской Правдой. Именно этим сводом древнерусского законодательства руководствовались при осуществлении правосудия по всем делам и тяжбам [3, с. 112]. Однако действие Русской Правды распространялось не на все княжества, располагавшиеся в границах современной Беларуси, а лишь на Туровское княжество. На территории Полоцкого княжества (в период его независимости с XI по XIV век) действия не имели, по крайней мере, научно это не доказано. Вопросы оружия рассматривались косвенно, например его использование при конфликтах сторон.

В конце XII века с появлением на историко-политической арене нового государства — Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) стала развиваться его правовая система, которая историками признана одной из самых прогрессивных в мире в тот период. Законодательство ВКЛ действовало вплоть до XVIII века до III раздела Речи Посполитой.

Появление артиллерийского орудия и орудия огнестрельного типа (первые упоминания о таком оружии были уже в Голицынской летописи в 1383 году) дало толчок к развитию законодательства, регулирующего оборот оружия в ВКЛ. Однако, несмотря на это, до конца XVI века оценка общественной опасности оружия продолжала быть невысокой [4, с. 64]. Об этом свидетельствует отсутствие ответственности за незаконный оборот оружия в Судебнике великого князя Литовского Казимира 1468 года и I Статуте ВКЛ 1529 года [5].

Значимость предметов вооружения и свидетельства признания их общественной опасности мы находим уже во II Статуте ВКЛ, принятом в 1566 году, и в III Статуте ВКЛ 1588 года. В указанных исторических документах впервые нашли свое отражение нормы, регулирующие некоторые аспекты оборота оружия в те времена. Там были предусмотрены нормы, касающиеся запрета вывоза оружия и материалов для его производства на неприятельские земли, применения в присутствии государя метательного и огнестрельного оружия, было установлено наказание за обнажение и нанесение телесных повреждений оружием

(кордой, шаблей) в присутствии государя, регламентировано ношение ручного оружия представителями шляхты, установлен запрет на ношение оружия на суд и в других присутственных местах и т. д. На эти запреты прямо повлияло увеличение поражающей силы оружия. Одной из целей, ранее не актуальных, было предупреждение разрушающего воздействия при использовании оружия метательного типа (метательные ножи, арбалеты) или огнестрельного оружия, то есть нанесения повреждений с расстояния. По сути, Статутами был впервые определен порядок ношения и применения оружия.

После третьего и последнего раздела Речи Посполитой в 1795 году, частью которой являлось ВКЛ, на наших землях стали применяться нормы уголовного законодательства Российской империи.

Ранее в российском законодательстве уголовная ответственность за ношение оружия была установлена в 1649 году в Соборном уложении Московского государства. Установленные ограничения носили схожий характер со Статутами ВКЛ. Было запрещено ношение оружия на государственном дворе, запрещалось стрелять без приказа государя, запрещалось обнажать оружие при царе [6, с. 141].

Позже, уже в Российской империи, были приняты Артикул воинский 1715 года и Морской устав 1720 года. Они составили так называемое военное законодательство Петра I. С учетом реалий того времени, формирования профессиональной армии, установления дисциплины в ее рядах и подобного военного законодательство распространяло свое действие на специальный субъект (войны), и сфера его применения ограничивалась уставными воинскими отношениями [7, с. 467–563]. Предусматривалась ответственность за преступное использование оружия, такое как вооруженное сопротивление командирам (арт. 24), обнажение шпаги с намерением уязвить (арт. 36), вводилась ответственность за продажу ружья (арт. 57) [8, с. 327–389].

Со второй половины XVIII века в Российской империи стал действовать Устав благочиния или полицейский, подписанный в 1782 году. Им был установлен запрет на ношение оружия всем и каждому, кому это не разрешено (ст. 255). Это уже очевидное стремление законодателя усилить обеспечение общественной безопасности всех и каждого от вооруженного посягательства с чьей-либо стороны [9, с. 89].

Еще один блок законодательства, заслуживающий внимания, как продолжение развития уголовного законодательства в области оборота оружия — это Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года, Уголовное уложение 1903 года.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года появляется новый предмет преступного посягательства — порох и боеприпасы. Наложено уголовное запрещение на новые деяния в сфере оборота оружия, такие как изготовление (выделывание) запрещенного к негосударственному изготовлению оружия, изготовление без особого разрешения пороха, других огнестрельных веществ, бомб, гранат или иных артиллерийских снарядов [10, ст. 1241]. Учитывалось количество хранимого оружия, пороха, других огнестрельных веществ, бомб, гранат или иных артиллерийских снарядов как квалифицирующий признак. Устанавливалось наказание за хранение оружия или пороха в большем, чем разрешено, количестве [10, ст. 1242], а также за ношение оружия в запрещенных местах и без особой надобности [10, ст. 1249]. Здесь уже четко определены объекты соответствующих преступлений. Родовой объект — общественное благоустройство и благочиние; видовой — общественные спокойствие, порядок и ограждающие их постановления; непосредственный объект — правила осторожности, установленные для ограждения личной безопасности [10].

И все же небольшие размеры наказаний, в соответствии со статьями, свидетельствуют о недооценке законодателем общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота предметов вооружения в тот период.

В Уставе благочиния 1782 года и в Уставе о предупреждении преступлений 1876 года подобный запрет устанавливался всем и каждому на ношение оружия, кроме тех лиц, которым закон это позволял или предписывал [11, ст. 243]. Закреплены и другие составы преступлений в сфере оборота оружия. Например, тайное, без разрешения правительства, приготовление огнестрельных веществ [11, ст. 248], запрет ходить с каким-либо орудием в запрещенных местах [11, ст. 246].

Следующим рассматриваемым документом является Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, утвержденный в ноябре 1864 года. Указанный нормативный документ не отменял Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а лишь дополнял его, закрепляя уголовно-правовые нормы административными запретами, предусматривал ответственность за проступки, деяния небольшой тяжести, которые единолично рассматривались мировыми судьями [12].

Последним дореволюционным законодательным актом в рассматриваемой сфере является Уголовное уложение 1903 года. Это был отличающийся системностью, построенный на научной основе закон [13, с. 254]. Ответственность за незаконный оборот оружия и боеприпасов устанавливалась в главе IX Уголовного уложения «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность».

Как видим, преступления в сфере незаконного оборота вооружения, законодатель не представлял опасными в значительной мере, если они только не были связаны с угрозой правящей элите. Криминализация указанных деяний происходила не только в силу признания оружия опасным по своим свойствам для окружающих или в целях защиты личной и имущественной безопасности граждан, а зачастую для защиты интересов правящего режима.

Особое значение приобрел контроль за действиями с оружием во время революционных событий 1917 года, поскольку обладание им являлось одним из необходимых в тот период условий обеспечения успеха в борьбе за власть, в связи с чем начался процесс ужесточения криминализации действий, связанных с оружием. Впоследствии государство наиболее остро реагировало изменениями в уголовно-правовой регламентации ответственности за оборот указанных предметов в периоды напряжения и изменения социальных отношений. Особое внимание проблемам определения пределов уголовной ответственности за незаконный оборот предметов вооружения уделялось в те периоды развития общественных отношений, когда менялся уклад жизни населения, ломались социальные связи и происходила трансформация общественного сознания.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Потребность в установлении уголовно-правового запрета на незаконный оборот предметов вооружения обусловлена процессами, происходящими в обществе, которые дают государству достаточные основания для защиты общественных отношений от преступного посягательства данного вида. Сущностью указанных предпосылок является общественная опасность.

2. Отечественное уголовное право имеет богатый опыт регламентации ответственности за незаконный оборот предметов вооружения. Уголовная ответственность устанавливалась в зависимости от оценки деяний, связанных с незаконным оборотом рассматриваемых предметов вооружения. Криминализация указанных деяний устанавливалась не только в силу признания оружия опасным по своим свойствам для окружающих или в целях защиты личной и имущественной безопасности граждан, а зачастую для защиты интересов правящего режима, политического строя либо фискальных интересов государства. Постепенно была осознана опасность предметов вооружения как таковых, их взаимосвязь с несчастными случаями и насильственной преступностью.

1. Тихий В. П. Уголовная ответственность за нарушение правил обращения с общеопасными предметами. Киев, 1989. С. 10–11. [Вернуться к статье](#)

2. Лаппо Е. А., Лекнин Ю. Ю. Криминалистические и уголовно-правовые аспекты борьбы с незаконным оборотом оружия в Республике Беларусь : [моногр.] /

Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь. Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2019. 140 с. [Вернуться к статье](#)

3. Беляев И. Д. История русского законодательства : учебник для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальности / МВД России, С.-Петербург. ун-т. СПб. : Лань, 1999. 639 с. [Вернуться к статье](#)

4. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 3-е. Киев ; СПб. : Изд-во Н. Я. Оглоблина, 1887. Вып. 2. 255 с. [Вернуться к статье](#)

5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонскиса. М. : Изд-во АН БССР, 1960. 253 с. [Вернуться к статье](#)

6. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 639 с. [Вернуться к статье](#)

7. Морской устав 1720 года // Памятники русского права / под ред. К. А. Софроненко. М. : Юрид. лит., 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII века. С. 467–563. [Вернуться к статье](#)

8. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 327–389. [Вернуться к статье](#)

9. Устав Благочиния, или Полицейский, составлен в 1781 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1994. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. 368 с. [Вернуться к статье](#)

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / изд. Н. С. Таганцев. СПб. : Гос. тип., 1889. 776 с. [Вернуться к статье](#)

11. Устав о предупреждении преступлений 1876 года. СПб., 1876. 51 с. [Вернуться к статье](#)

12. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года / изд. Н. С. Таганцев. Изд. 20-е., доп. СПб. : Тип. М. Маркушева, 1912. 624 с. [Вернуться к статье](#)

13. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1994. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. 384 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.346.2:340(476)

**ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ
В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ**

О. М. Ленцевич

Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры теории и истории права,
кандидат исторических наук, доцент

В. В. Сидоренко

Белорусский государственный экономический университет,
студентка 2 курса факультета права

***Аннотация.** В статье выявляются основные факторы гендерной асимметрии в белорусском обществе, предлагаются меры правового и организационного характера по разрешению данной проблемы.*

***Ключевые слова:** гендерная асимметрия, индекс гендерного неравенства, гендерная экспертиза, гендерная культура общества.*

***Annotation.** The article reveals the main factors of gender asymmetry in the Belarusian society, legal and organizational measures are proposed to resolve this problem.*

***Keywords:** gender asymmetry, gender inequality index, gender expertise, gender culture of society.*

В современном обществе исследование проблем гендерного равенства в Беларуси представляется чрезвычайно актуальным не только в научно-теоретическом, но и в практическом отношении. После распада СССР и образования суверенной Республики Беларусь в марте 1994 г. была принята Конституция, вобравшая в себя в том числе общепризнанные принципы и нормы международного права, в частности нормы, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции о политических правах женщины 1953 г., Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. Положение о равенстве мужчин и женщин, закрепленное в Основном Законе, послужило основой для оформления правового фундамента гендерного равенства внутри государства. Согласно данным за июль 2022 г., Республика Беларусь занимает 36-е место в мире среди 146 стран в Индексе гендерного разрыва (Global Gender Gap Index), который измеряет гендерные различия в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах и является одним из лидеров в обеспечении равноправия женщин и мужчин среди стран Восточной Европы и Средней Азии [1].

Правовая презумпция прав женщин является основополагающим, но не в полной мере закрепленным на законодательном уровне предположением для обеспечения подлинного равенства. Необходимость разрешения данного вопроса обусловлена прямой заинтересованностью женщин в преодолении фактической дискриминации в современном обществе, носящей как явный, так и скрытый характер. Разрешение вопроса гендерной асимметрии имеет большое значение для женщин как полноценных действительных субъектов права. Гендерная асимметрия представляет собой социальное явление, сущностью которого является отражение существующей закономерности количественного распределения мужчин и женщин в сферах жизнедеятельности общества. Республика Беларусь, согласно статистическим данным за 2022 г., занимает 29-е место по Индексу гендерного неравенства (The Gender Inequality Index). В данном случае для измерения уровня используются такие данные, как охрана репродуктивного здоровья, гражданские права и обязанности, экономическая активность и возможности на рынке труда [2].

Согласно исследованиям белорусского профессора И. Р. Чикаловой, антидискриминационные стратегии в отношении женщин и мужчин включают в себя три важных компонента: дискурс равенства (риторику), антидискриминационное законодательство и практику равенства [3, с. 65–66]. Дискурс равенства проявляется в выдвижении убедительных обоснований, на основе которых может быть достигнуто и сформулировано общественное соглашение по основным принципам эгалитарной политики. Задача антидискриминационного законодательства состоит в реализации в полном объеме уже имеющегося массива законодательства с тем, чтобы преодолевать особые обстоятельства, внутри которых имеют место различные типы дискриминации. Практика равенства должна осуществляться постоянно и заявлять о себе в разработке механизмов для осуществления эффективных действий, направленных на борьбу с дискриминацией во всех сферах общества.

На территории Беларуси антидискриминационное законодательство развивалось согласно изменениям социально-политического контекста, которые произошли в конце XX в. и нашли отражение в Конституции, а именно в ст. 22, согласно которой все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. В ст. 41 и 42 закреплено не только право на труд, но и то, что женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние имеют право на равное вознаграждение за труд равной ценности. Таким образом, Республика Беларусь провозгласила обеспечение равных возможностей для реализации мужчинами и женщинами принадлежащих им равных прав и свобод в качестве одного из базовых конституционных принципов [1]. Данная тенденция во многом обусловлена

законодательной базой СССР, в которой максимизация антидискриминационного законодательства по отношению к женщинам произошла во второй половине 1970-х гг., в частности, с принятием Конституции БССР 1978 г., в которой женщинам предоставлялись равные с мужчинами права (ст. 35) [5, с. 11].

Однако, согласно мнению доцента Т. М. Киселёвой, закрепление принципа равенства на уровне Конституции само по себе не означает его реализацию на практике, в связи с чем необходимо проводить различие между формальным и фактическим равенством [6, с. 158]. В научной литературе существует гипотеза, согласно которой права человека в ракурсе прав женщин рассматриваются как особые интересы, к тому же национальная система защиты прав выстраивается, исходя из внутренней политики государства. Наличие данного факта в ряде случаев является причиной существования «гендерной проблемы». Национальное законодательство Республики Беларусь не содержит определений основных категорий, таких как прямая и скрытая дискриминация по признаку пола в целом. Подтверждением данного утверждения может выступать ч. 3 ст. 268 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК), согласно которой не допускается расторжение трудового договора по инициативе нанимателя с беременными женщинами, женщинами, имеющими детей в возрасте до 3 лет, одинокими матерями, имеющими детей в возрасте от 3 до 14 лет (детей-инвалидов — до 18 лет), также в данной части статьи предусмотрен запрет на расторжение трудового договора (контракта) с беременными женщинами при отсутствии их вины. Исключение составляет прекращение трудового договора в случае ликвидации организации, прекращения деятельности индивидуального предпринимателя [7]. На практике при увольнении возникает ряд сложностей, вызванных в первую очередь отсутствием осведомленности нанимателя о состоянии беременности нанятого им сотрудника. Именно при данных условиях прослеживается факт злоупотребления правом со стороны работника, что с точки зрения духа закона является серьезнейшим нарушением.

С другой стороны, стоит отметить тенденцию стремления разрешения вопроса гендерной асимметрии в Республике Беларусь на национальном уровне, в частности, согласно ст. 185 ТК, изложенной в современной редакции от 8 января 2014 г., отпуск по уходу за ребенком предоставляется как матери, так и отцу [8]. Примечательно, что данная корректировка в первую очередь была обусловлена решением Конституционного Суда от 4 октября 2011 г. «О некоторых вопросах правового регулирования предоставления отпуска по уходу за ребенком» [9]. Данное решение было принято с целью устранения

пробела в регулировании отношений, складывающихся в сфере трудового права, который ведет к нарушению прав и законных интересов граждан.

В общем виде законодательство Беларуси является гендерно нейтральным, однако при этом оно содержит пробелы, оказывающие негативное влияние на гендерный баланс, т. е. права субъектов в различных правоотношениях. Следовательно, для объективной проверки на предмет реального соблюдения гендерного равенства видится целесообразным внедрение в Беларуси, наряду с юридической и криминологической, также гендерной экспертизы нормативных правовых актов, проводимой в ряде в том числе постсоветских стран, таких как Российская Федерация, Республика Казахстан, а также Финляндия и др.

Отдельное внимание стоит уделить постановлению Совета Министров от 30 декабря 2020 г. № 793 (далее — постановление), содержащему план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь и предполагающему внедрение гендерной экспертизы [10]. Данное постановление содержит в себе ряд статистических данных, отражающих результат «работы» законодательства на практике. Так, в 2016 г. были внесены изменения в Закон от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь», согласно которому лица, воспитывающие детей в возрасте до 3 лет, получили возможность бесплатно проходить профессиональную подготовку, переподготовку, повышать квалификацию и получать при этом стипендию [11]. За 2017–2019 гг. почти 300 женщин воспользовались данным правом. В 2019 г. на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации направлено 2,1 тыс. безработных женщин, с 2017 по 2019 г. — почти 9 тыс. женщин, что составляет 37 % от общего количества, также наблюдается увеличение числа женщин в государственном управлении, представительстве Национального собрания Республики Беларусь [10].

Примечательно, что в постановлении указываются причины, которые являются препятствиями при устранении гендерной асимметрии. Такими причинами выступают наличие устоявшихся традиционных стереотипов и недостаточное осознание обществом необходимости гендерного равенства. Мы считаем, что для решения данных вопросов в первую очередь необходимо обращаться к информационно-просветительским мерам, способным повышать осведомленность населения и нравственную культуру общества. Одними из таких мер, согласно постановлению, является проведение информационно-просветительских кампаний, направленных на повышение уровня гендерной культуры белорусского общества; подготовка цикла научных и научно-популярных публикаций по гендерной проблематике; организация в рамках

конференций, круглых столов работы секций по гендерным проблемам, а также правовое воспитание в дошкольных и школьных учреждениях образования. Данный процесс позволит обеспечить дискурс равенства и развить гендерную чувствительность — способность осознавать и реагировать на проявления дискриминации по отношению к существующим гендерам.

Весьма важной является необходимость донесения до общества проблемы распределения социальных ролей, в то время как по стереотипам социальная роль мужчины и женщины выстраивается согласно биологической предопределенности, ввиду чего считается, что уход за малолетним и выполнение ряда обязанностей по дому — исключительно «женские» обязанности, в то время как именно мужчина должен стремиться к карьерному успеху.

Исследуя вопрос гендерной асимметрии в Республике Беларусь, необходимо отметить факт стремления к установлению равных прав и устранению дискриминации по гендерному признаку. Началу трансформации представлений о сущности существующей гендерной проблематики способствовали изменившаяся общественно-политическая ситуация и рост влияния новых идей, тем самым возникла осознанная необходимость создания гендерно-сбалансированной системы. Именно государству принадлежит определяющая роль в обеспечении конституционного принципа равных прав и свобод граждан и выполнении принятых международных обязательств. Ввиду этого необходимо повышать осведомленность граждан по вопросам существующих гендерных проблем, а также о деятельности различных учреждений и организаций, функционирующих в области их решения, используя различные рычаги информационного просвещения в виде научных форумов, конференций и занятий, проводимых в игровой форме. Также следует минимизировать влияние стереотипов, связанных с идеей превосходства одного гендера над другим, при помощи кампаний, направленных на повышение уровня гендерной культуры белорусского общества. Вопрос достижения равенства и устранения гендерной асимметрии необходимо разрешать при помощи логических обоснований, базирующихся на принципах гуманизма, руководствуясь антидискриминационным законодательством, в котором необходимо закрепить дополнительные нормы и меры в форме гендерной экспертизы, для обеспечения реального равенства мужчин и женщин, и применение их на практике.

1. Индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. М., 2022. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index.pdf> (дата обращения: 12.02.2023). [Вернуться к статье](#)
2. Индекс гендерного неравенства [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index.pdf> (дата обращения: 12.02.2023). [Вернуться к статье](#)
3. Чикалова И. Р. Гендерная система постсоветской Беларуси: Воспроизводство и трансформация социальных ролей в публичной и приватной сфере // Российские и славянские исследования : науч. сб. / БГУ ; редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 51–66. [Вернуться к статье](#)
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск: БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1978. 48 с. [Вернуться к статье](#)
6. Киселёва Т. М. Отражение принципа равенства в Конституции Республики Беларусь 1994 г. // Гендер и право : учеб. пособие / Е. Г. Абраменко [и др.] ; под ред. Т. В. Телятицкой. Минск : ЮНИПАК, 2020. С. 153–160. [Вернуться к статье](#)
7. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2023 г. № 183-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
8. О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2014 г., № 131-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
9. О некоторых вопросах правового регулирования предоставления отпуска по уходу за ребенком [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 4 окт. 2011 г., № Р-627/2011. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
10. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 793. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
11. О занятости населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июня 2006 г., № 125-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 316.624

**НАРКОМАНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ:
ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ****С. Н. Лихачева**

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
заведующий кафедрой политологии и социологии,
кандидат социологических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются возможности профилактики употребления наркотиков среди подростков, в том числе путем организации информационно-образовательной работы. На материалах социологического исследования, проведенного в Могилевской области, изучаются особенности проведения свободного времени подростками, риски совершения девиантных поступков.

Ключевые слова: наркомания, подростки, информирование, профилактика наркомании, досуг.

Annotation. The possibilities of prevention of drug use among adolescents are considered, including through the organization of information work. Based on the materials of a sociological study conducted in the Mogilev region, the features of spending free time by teenagers, the risks of committing deviant acts are studied.

Keywords: drug addiction, adolescents, informing, drug addiction prevention, leisure.

Наркоманию в социологии считают социальной патологией, негативной формой отклонения, приносящей вред обществу и личности. Достаточно часто она сопровождается самыми опасными преступлениями. Международная статистика свидетельствует, что сегодня наркомания поразила все страны мира, число употребляющих наркотики превышает 200 млн человек. По самым приблизительным оценкам специалистов, от 3 до 4 % жителей планеты употребляют наркотики [1].

Сложность такого явления, как наркомания, диктует необходимость системного подхода к ее профилактике и искоренению. Эффективность противодействия наркомании, ее искоренения находится в прямой зависимости от разнообразных факторов экономического, социального, нравственного и юридического характера. В совокупности деятельность социальных институтов, которые их представляют, должна оказать положительное влияние на состояние негативных явлений в подростковой среде.

Для подросткового возраста типично преобладание общения со сверстниками по сравнению с другими его видами. При этом подростки, группирующиеся по тем или иным интересам, привлекает возможность делать в своем кругу то, что не понимается, отвергается или прямо запрещается взрослыми. Специалисты утверждают, что в молодом возрасте употребление наркотиков

носит в большинстве случаев групповой характер. В последние годы серьезное воздействие на это явление стали оказывать средства массовой коммуникации, в частности Интернет. В этой связи необходимо ответить на вопрос: нужно ли выносить тему наркомании и борьбы с ней на широкое обсуждение? Имеются опасения, что антинаркотическое обучение в школах, антинаркотическая пропаганда в средствах массовой информации не дают гарантии того, что у подростков, ранее не знавших о наркомании, не возникнет желания испытать воздействие наркотиков на себе. Негативной рекламой может оказаться информация с целью предупреждения о технологии изготовления наркотиков и их суррогатов, способах употребления, тогда как информирование о последствиях может быть неубедительным. Даже сообщая обоснованные сведения о наркотических веществах, например, рассказывая об их эйфорических свойствах, можно столкнуться с опасностью получить прямо противоположный эффект, т. е. возбудить интерес к ним вместо того, чтобы вызвать отрицательное отношение. Следует учитывать особенности возрастной психологии подростков, стремящихся к новому, присущие им склонности к экспериментированию и риску, желание выделиться и самоутвердиться путем совершения неординарных, даже экстравагантных действий.

Сложность воспитательно-информационного направления борьбы с наркоманией объясняется прежде всего многогранностью проблемы, ее интерпретацией в культуре, истории. Например, биографии отдельных знаменитых творческих личностей, употреблявших наркотики, могут вызывать у молодежи нездоровый интерес.

Сообщаемая в профилактических целях информация о наркотиках и наркомании для подростков должна быть объективной, но не объективистски-нейтральной. Необходимо показывать смертельную опасность наркомании, неизбежность деградации личности наркомана, невозможность с помощью наркотиков достичь желаемых целей. Антинаркотическая пропаганда должна быть «шоковой терапией», целенаправленно воздействовать на сознание подростков, укрепляя их представления о вреде наркомании. Также далеко не все родители и педагоги могут заметить по поведению и внешнему виду подростков отклонения, указывающие на употребление ими наркотиков. В отношении них должна вестись отдельная информационно-профилактическая работа.

Наряду с информационной работой важное значение в предупреждении распространения наркомании в подростковой среде играет организация рационального досуга. Как показало исследование, проведенное отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”», в Могилевской области в 2022 году важной составляющей юношеской жизни можно назвать досуг,

который наряду с отдыхом выполняет ряд важных функций по социализации, гармоничному развитию личности, отработке навыков общения. Однако свободное времяпровождение может сопровождаться и негативными проявлениями в отношении окружающих и себя самих, выражающимися, например, в употреблении спиртного, наркотиков, токсичных веществ (таблица 1).

Таблица 1 — Распределение ответов на вопрос
«Приходилось ли Вам совершать следующие действия?», %

Варианты ответов	Да, часто	Да, иногда (1–2 раза)	Нет
Употреблять спиртные напитки	3,8	35	61,2
Употреблять наркотики	0,2	0,2	99,6
Употреблять токсичные вещества	0,2	0,9	98,9

В социологическом опросе принимали участие школьники, которым еще не исполнилось 18 лет, однако почти 40 % из них уже знакомы со спиртными напитками, из них 3,8 % утверждают, что употребляют их часто. К сожалению, имеются и те, кто знаком с наркотическими и токсическими веществами, их около 1 %.

Досуговые предпочтения старшеклассников очень разнообразны: от детских преимущественно в рамках семьи они расширяются за счет информационных технологий и так называемой инфраструктуры молодежного досуга (таблица 2).

Таблица 2 — Распределение ответов на вопрос
«Как Вы предпочитаете проводить свое свободное время?», %

Варианты ответов	Общее распределение	Юноши	Девушки	Крупный город	Рай- центр
Встречаюсь с друзьями	56,8	49,5	62,4	56,1	58,6
Слушаю музыку	50,1	44,9	54,1	53,4	40,5
В Интернете	41,5	43,4	40	46	28,4
Занимаюсь саморазвитием	37,9	38,3	37,6	39,7	32,8
Общаюсь в социальных сетях	35,3	31,6	38	37	30,2
Помогаю родителям по хозяйству	32,8	31,1	34,1	32,2	34,5
Читаю книги	29	20,9	35,3	30,1	25,9
Занимаюсь спортом	27,7	33,2	23,5	28,1	26,7
Увлекаюсь компьютерными играми	17,5	29,1	8,6	18,2	15,5

Окончание таблицы

Изучаю иностранные языки	15,7	12,2	18,4	15,2	17,2
Хожу в театры, музеи, кинотеатры	7,1	4,6	9	9,3	0,9
Посещаю дискотеки, развлечения	5,1	5,1	5,1	6	2,6
В свободное время мне нечем заняться	1,3	0,5	2	1,8	0

Встречи с друзьями и слушание музыки являются традиционными формами времяпровождения молодежи, но их «догоняют» развлечения в Интернете и социальные сети. В структуре досуга старшеклассников присутствует немало конструктивных видов деятельности, а именно саморазвитие, чтение книг, спорт, помощь родителям. Несомненно, именно рациональная организация досуга является эффективным средством противодействия алкоголизации старшеклассников. Имеются гендерные отличия в свободном времяпровождении: юноши чаще играют в компьютерные игры, а девушки читают книги, юноши больше занимаются спортом, девушки встречаются с друзьями.

Опрос показал, что в своей основной массе старшеклассники не всегда находят себе занятие на досуге: всегда заняты 15,3 %, иногда бывает нечем заняться 82,7 %, постоянно нечем заняться 2 %. Важно отметить, что незанятость в свободное время может быть связана как с нежеланием самих школьников чем-либо заниматься, так и с отсутствием для этого нормальных условий. Интернет уже достаточно давно пришел практически в каждый дом и доступ к нему имеется у всех в телефоне, однако какого-либо социально приемлемого алгоритма во взаимодействии с ним школьников общество пока не предложило: «Психолого-педагогические исследования убеждают, что школьники значительную часть своего свободного времени проводят за компьютером, играя в игры с насилием, убийством, просматривая фильмы, где рекламируют курение, алкоголь, наркотики. Это негативно влияет на формирование морально-этических ценностей учеников, вызывает асоциальное поведение» [2, с. 101]. Работа учебных заведений и родителей в сфере проведения старшеклассниками досуга достаточно часто является бессистемной, наблюдается преобладание массовых мероприятий, без учета индивидуальных интересов и способностей учеников. Многие тратят свое свободное время на занятия, которые не нуждаются в высоком культурном уровне развития и не способствуют его формированию.

Таким образом, наркоманию, как и другие формы девиаций, можно и необходимо предотвращать. При внимательном, равнодушном отношении

к подросткам, их интересам, времяпровождению родители, педагоги, представители правоохранительных органов и средства массовой информации могут многое сделать по предупреждению подростковой наркомании.

1. 1 марта 2023 г. — Международный день борьбы с наркотиками [Электронный ресурс] // Инспекция Госстандарта по Минской области и г. Минску. URL: <https://ignminsk.gov.by/2023/02/28/1> (дата обращения: 12.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Литовченко Е. В. Социально-педагогические технологии во внешкольном образовании и их роль в социальном становлении подростков // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 100–105. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.93

АРБИТРАЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

А. А. Маслакова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
специалист кафедры прикладной физической
и тактико-специальной подготовки

Аннотация. Основанием компетенции международного арбитража является арбитражное соглашение, наличие которого свидетельствует о волеизъявлении сторон на передачу спора в арбитражный суд.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитражное соглашение, форма арбитражного соглашения, арбитражная оговорка, автономность арбитражного соглашения, компетенция арбитражного суда.

Annotation. The foundation for the jurisdiction of international commercial arbitration is an arbitration agreement, the existence of which indicates the expression of will of the parties to submit the dispute to arbitration.

Keywords: arbitral tribunal, arbitration agreement, form of arbitration agreement, arbitration clause, autonomy of arbitration agreement, competence of arbitral tribunal.

В современном мире арбитражное соглашение играет важную роль в качестве средства урегулирования споров в международной торговле. Заключение арбитражных соглашений очень часто используется не только в спорах, касающихся торговли, где оно традиционно применяется, но и в самых различных областях экономической деятельности, таких как объемные работы связанные со строительством дорог, аэропортов, заводов, электростанций, лицензионные или дистрибьюторские соглашения, соглашения связи с авиакомпаниями и т. д. [1, с. 172].

Наличие арбитражного соглашения является предпосылкой для обращения в международный коммерческий арбитраж. Соглашение об арбитраже может быть включено в договор (контракт) как одно из его условий либо заключено в виде отдельного соглашения, в том числе и впоследствии с целью разрешения уже возникшего спора.

В статье 11 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» сказано, что под арбитражным соглашением понимается соглашение сторон о передаче на рассмотрение международного арбитражного суда всех или отдельных споров, которые возникли или могут возникнуть из связывающего стороны правоотношения. Арбитражное соглашение может

быть заключено в виде арбитражной оговорки (отдельного положения гражданско-правового договора) или в виде самостоятельного договора [2].

Важным моментом при заключении арбитражного соглашения является соблюдение его формы. Арбитражное соглашение может заключаться в различных формах и регулироваться как международным, так и национальным законодательством стран, что, в свою очередь, делает его осложненным [1, с. 173]. Большинство национальных законов о международном коммерческом арбитраже предусмотрено, что арбитражное соглашение должно быть заключено в той форме, которая могла бы облегчить стороне процедуру доказывания его существования [3]. Однако в законодательстве нашей страны сказано, что арбитражное соглашение всегда заключается только в письменной форме [2]. Оно считается заключенным, если содержится в документе, подписанном сторонами, или заключено путем обмена сообщениями с использованием почты или любых иных средств связи, обеспечивающих письменное фиксирование волеизъявления сторон, включая направление искового заявления и ответ на него, в которых, соответственно, одна сторона предлагает рассмотреть дело в международном арбитражном суде, а другая не возражает против этого [2].

Арбитражное соглашение может быть заключено посредством подписания сторонами единого документа и путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, включая электронные документы, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны [4, с. 174].

Если стороны договорились о том, что споры между ними в отношении какого-либо правоотношения передаются на рассмотрение в арбитраж, то такие споры подлежат разрешению единоличным арбитром или коллегией в составе трех арбитров в соответствии с Регламентом суда, в который они обратились, и с учетом изменений, о которых стороны могут договориться [3].

Н. А. Шелкопляс отмечает, что можно выделить следующие виды арбитражного соглашения:

– Арбитражная оговорка — соглашение о передаче всех или некоторых категорий споров, могущих возникнуть из контракта между сторонами в будущем, на рассмотрение в арбитраж. Арбитражная оговорка зачастую включается в основной контракт в виде одного из его пунктов. Реже соглашение о передаче будущего спора на рассмотрение в арбитраж может содержаться в отдельном документе.

– Третьейская запись — соглашение сторон о передаче какого-либо уже существующего конкретного спора на разрешение третейского суда [5, с. 38].

Разница между обоими видами заключается в том, что арбитражная оговорка касается будущих споров, которые могут и не возникнуть, в то время как

третейская запись, по сути, представляет собой взаимное согласие сторон прибегнуть к арбитражу, чтобы разрешить уже возникшее противоречие [5, с. 38].

Существуют определенные требования к арбитражной оговорке:

1. Добровольность.
2. Явно выраженное намерение сторон передать спор на рассмотрение арбитража.
3. Определенность в отношении арбитражной процедуры.
4. Наличие у сторон правоспособности.
5. Надлежащая форма арбитражного соглашения.
6. Указание на конкретные правоотношения, применительно к которым действует арбитражное соглашение.
7. Арбитрабельность споров, отнесенных на разрешение арбитража [6, с. 38].

Следует также подчеркнуть, что арбитражная оговорка может не действовать в случае обращения одной из сторон спора в национальный (государственный) суд и молчаливого согласия с этим другой стороны.

Из арбитражной оговорки или арбитражного соглашения вытекает такое понятие, как компетенция арбитража. Под компетенцией международного коммерческого арбитража понимается способность рассматривать определенный круг споров, вытекающих из договорных отношений сторон.

По мнению Т. А. Нестерович, компетенцию международного коммерческого арбитража необходимо рассматривать только в узком смысле, понимая ее как круг основных полномочий, которыми суд наделен в силу национального законодательства, а также норм международного права [7].

Согласно мнению С. В. Николюкина, заключенное арбитражное соглашение характеризуется последствиями двоякого рода — позитивными и негативными. Позитивный аспект заключается в том, что оно обязывает стороны при возникновении спора совершить определенные действия, а именно обратиться за разрешением спора в международный коммерческий арбитраж. Негативный аспект предполагает не обращаться за разрешением спора в государственный суд [7].

Н. Ю. Ерпылева, разделяя точку зрения В. В. Николюкина, указывает, что основное значение арбитражного соглашения заключается в том, что оно наделяет международный коммерческий арбитраж компетенцией рассматривать спор, возникающий из правоотношений определенного вида. Следовательно, пределы возложенных на арбитров полномочий определяются самими сторонами в споре путем заключения арбитражного соглашения. Соглашение не только наделяет компетенцией, но может и ограничивать ее. Таким образом, международный коммерческий арбитраж наделяется компетенцией

в результате взаимосогласованного волеизъявления сторон международного коммерческого контракта, которое закреплено в арбитражном соглашении в виде арбитражной оговорки. Наделяя компетенцией арбитражный суд, стороны автоматически исключают такую компетенцию государственных судов, однако нельзя считать, что она исключается в полном объеме [7].

Вместе с тем можно с уверенностью утверждать, что международный коммерческий арбитраж, избранный сторонами спора и указанный в арбитражной оговорке, будет обладать достаточной компетенцией для рассмотрения дела.

Таким образом, арбитражное соглашение представляет собой один из эффективных элементов механизма гражданско-правового договорного регулирования, способствующего индивидуальной регламентации участниками договорных правоотношений процессуальных аспектов своего взаимодействия. Все это делает роль арбитражных соглашений в системе гражданско-правового регулирования столь существенной и значимой.

1. Родригес Да Роша А. А. Актуальные проблемы арбитражного соглашения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 172–177. [Вернуться к статье](#)

2. О международном арбитражном (третейском) суде [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 279-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Пешкун О. А. Признание арбитражного соглашения недействительным [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/237958/1/peshkun_sbornik23.pdf (11.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Бурова И. Л. Арбитражное соглашение как условие относимости экономического спора к компетенции третейского суда // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2016. № 4. С. 170–175. [Вернуться к статье](#)

5. Шелкопляс Н. А. Международный коммерческий арбитраж как альтернатива судебному рассмотрению внешнеэкономических споров // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1996. № 1. С. 37–39. [Вернуться к статье](#)

6. Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции. Право и практика. М. : Статут, 2014. 289 с. [Вернуться к статье](#)

7. Нестерович Т. А. Профессионально об актуальном: компетенция международного коммерческого арбитража [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/february/32547/> (дата обращения: 01.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.153

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА****Н. В. Мисаревич**

БИП — Университет права и социально-информационных технологий
(Гродненский филиал),
заведующий кафедрой специальных юридических дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Исследуется значение исторических правовых традиций, которые имели место на белорусских землях, как важного элемента правовой культуры в современных условиях.

Ключевые слова: историческая память, правовые традиции, Великое княжество Литовское, магдебургское право.

Annotation. The importance of historical legal traditions that existed on Belarusian lands as an important element of legal culture in modern conditions is being investigated.

Keywords: historical memory, legal traditions, Grand Duchy of Lithuania, Magdeburg law.

Важное место в правовой культуре любого общества занимают традиции применительно к становлению и развитию государственно-правовых институтов. В преамбуле Конституции Республики Беларусь указывается на «многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции», а в пункте 3 статьи 54 говорится, что «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» [1].

Когда речь идет о героическом прошлом белорусского народа, как представляется, следует обратить внимание на два момента:

Во-первых, в понятии «героическое прошлое» нельзя акцентировать внимание только на военных событиях. Каждый этап в становлении и развитии белорусской государственности включает определенные события, которыми мы как наследники можем и должны гордиться.

Во-вторых, важное место должно быть отведено патриотическим идеалам. Понятие «патриотизм» еще Н. М. Карамзин определил как «любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [2, с. 196–197]. За свою многовековую историю Беларусь накопила огромный как теоретический, так и практический опыт в правотворческой и правоприменительной деятельности, в основе которого лежит патриотизм как идея

объединения белорусских земель для создания самостоятельного и независимого государства.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что со стороны определенных государств проводится политика фальсификации исторических событий, имевших место на белорусских землях. Поэтому в современных условиях сохранение исторического наследия относится к национальным интересам государства, а защита исторической памяти — к стратегическим национальным приоритетам Республики Беларусь. Одним из направлений реализации поставленных задач является не просто защита исторической правды, но и сохранение исторической памяти и преемственности в развитии белорусского государства и права.

Интересным и познавательным для исследования исторических правовых традиций является период, когда белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). По мнению С. Ф. Сокола, «правовая культура и правотворчество в государстве изначально базировались на обычном праве, но усложнение общественной, экономической жизни привело к более высокому качественному уровню правотворчества — изменениям в источниках права» [3, с. 170]. Обратим внимание лишь на некоторые источники белорусского феодального права, отдельные положения которых в той или иной интерпретации продолжают «жить» в действующем законодательстве Республики Беларусь.

Статут ВКЛ 1588 г. (далее — Статут) стал важнейшим юридическим документом периода ВКЛ, который закреплял суверенитет государства, общественный и государственный строй, основные принципы функционирования судебной системы. Именно здесь уже можно проследить отраслевой подход к систематизации норм права, что оказало положительное влияние на правовую культуру феодального общества. Л. Сапега в «Обращении подканцлера ВКЛ к сословиям Великого княжества Литовского по случаю принятия Статута ВКЛ 1588 г.» писал, что «... народу стыдно прав своих не знать, то тем более стыдно нам, имеющим право писанное не на каком-то чужом языке, но на своем собственном, и могущим в любую минуту узнать все необходимое для отпора всякой кривды» [4, с. 4].

В статье 1 раздела 1 Статута провозглашался принцип единства права для всего населения княжества: «...ўсіх княжат, паноў-рад духоўных і свецкіх... і ўсіх падданных нашых, пачынаючы ад вышэйшага стану і звання да ніжэйшага, гэтымі правамі і артыкуламі... будзем судзіць і дзейнічаць». В продолжение расшифровки принципа равенства всех перед законом, указывается, что «чужаземцы і заграічнікі, людзі, якія прыехалі і нейкім чынам прыбылі, тым жа правам павінны быць судзімыя» [4]. Статья 22 Конституции Республики Беларусь закрепляет данный принцип в следующей формулировке:

«Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» [1].

Новаторской для того времени является и следующая статья Статута: «Аб грошах на харчаванне дэпутатам земскім, выпраўляючы іх на сойм»: «Трэба даваць ім на харчаванне так многа, як устаноўлена. Аднак жа калі б некалі з Божага дапушчэння была дарагоўля зерня і іншага харчу, тады і больш павінна быць дэпутатам на харчаванне выдадзена з улікам часу і дальнасці дарог» (статья 7 раздела 3) [4]. Современный вариант — расходы при служебных командировках.

В статье 22 раздела 5 Статута закреплено положение: «Каб ніхто не асмельваўся кроўных у шлюб браць, пакуль не мінулі тры пакаленні, пасля сябе ідучыя», «а такое мальженъство... маець быти розлучоно» [4]. Семейное законодательство Республики Беларусь в качестве одного из препятствий к вступлению в брак указывает близкую степень родства (родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры). Это является основанием для признания заключенного брака недействительным.

Отдельные нормы уголовного права не утратили актуальности и в наше время. Несколько положений применительно к борьбе с незаконным изготовлением спиртных напитков:

- «...таемныя корчмы прыносяць вялікую шкоду не толькі гарадам нашым, але не меншую шкоду і падрыў дзяржавы...»;
- «...каб піва для шынкі не варылі і не прадавалі, таксама гарэлку і мёд у шынках не прадаваць, а толькі ў карчмах пры гасцінцах і вялікіх дарогах, у якіх для падарожных людзей есць ежа, так і напоі»;
- «...а калі ў каго знайшлі ўсё начыненне для выраблення піва, мёду і гарэлкі — катлы, бочкі — павінны забраць у замак ці наш двор» (статья 33 раздела 14) [4].

Судьи местных судов (земских) при вступлении в должность давали присягу, в тексте которой говорилось: «...буду судзіць не за хабар і дары, ані спадзеючыся на дары ці якое ўзнагароджанне потым...».

Значительный след в истории белорусского феодального права оставило такое явление, как магдебургское право. Иногда с большой долей условности используется термин «право на самоуправление». С конца XIV ст. города ВКЛ стали получать привилегии на магдебургское право, а ликвидировано оно было только в 1795 г., когда белорусские земли были присоединены к Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой.

Общая идея наделения города магдебургским правом включала следующие положения:

– Создание органов городского управления и суда (магистрат). Следует отметить, что войта (главу магистрата) назначал на должность пожизненно великий князь, а должностные лица (бурмистры, радцы), как правило, избирались жителями города.

– Предоставление торговых льгот горожанам. Например, в Гродно три раза в год разрешалось проводить ярмарки; иметь «меры для жидких продуктов» и «снаряды для стрижки сукна» [5, с. 59]. В 1541 г. по привилею Сигизмунда I гродненские мещане получили право на продажу спиртных напитков; с 1576 г. горожане могли открывать склады соли для продажи ее в «прочие места» [5, с. 83, 90].

– Развитие ремесленной деятельности. Создавались «цеховые братства», которые имели монополию на осуществление конкретного вида деятельности (кузнецы, портные и т. д.).

В современных условиях неотъемлемым элементом демократического государства является институт местного управления и самоуправления. Ключевые моменты: депутаты местных Советов депутатов избираются населением соответствующей административно-территориальной единицы; в компетенцию входят вопросы местного значения. К тому же в Беларуси созданы правовые основы для осуществления ремесленной деятельности.

Таким образом, ситуация, которая сегодня сложилась в национально-государственном строительстве Республики Беларусь, может быть всесторонне осмыслена только в контексте преемственности исторического процесса. Тем более что теория и практика создания и развития белорусской государственности дает огромный исследовательский материал для изучения.

Искусственно созданный негативный образ прошлого, искаженная историческая память лишают страну возможности строить суверенное и независимое будущее, где должна происходить консолидация общества. Достойный фундамент правового прошлого — это хорошая и крепкая основа для успешного во внутренней и внешней политике государства. Изучение накопленного исторического опыта, его сопоставление должно быть не ради поиска истины или применения в повседневной жизни. Только прошлое, принятое как данность, позволит прийти к духовному единению народа и обеспечить преемственность исторических правовых традиций.

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / сост., предисл. А. Ю. Минакова ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2013. 786 с. [Вернуться к статье](#)
3. Сокол С. Ф. Зарождение и становление Европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье : моногр. Минск : БИП-С Плюс, 2011. 196 с. [Вернуться к статье](#)
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. : пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2010. 206 с. [Вернуться к статье](#)
5. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссией : в 39 т. Вильна : тип. А. Г. Сыркина, 1865–1915. Т. VII. 1874. 615 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 124.2+327

**ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КРИЗИСА
СОВРЕМЕННОГО ПРОЕКТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ****А. В. Петров**

Омская академия МВД России,
доцент кафедры философии и политологии,
кандидат философских наук

Аннотация. Автор выдвигает тезис о возможности и продуктивности использования телеологического подхода к интерпретации исторических проектов глобализации. Высказывается мысль, что кризис современного проекта глобализации обусловлен тем, что его основные акторы отдали приоритет собственным витальным целям, отвергнув универсальные секулярные цели глобализации.

Ключевые слова: телеология, витальная телеология, секулярная телеология, глобализация.

Annotation. The article contains a thesis about the possibility and productivity of using a teleological approach to the interpretation of historically existing globalization projects. It is suggested that the crisis of the modern globalization project is due to the fact that its main actors have given priority to their own vital goals, rejecting the secular goals of globalization.

Keywords: teleology, vital teleology, secular teleology, globalization.

Философию истории всегда интересовал вопрос о том, в какой мере сочетаются в историческом процессе спонтанность и детерминизм. Собственно само существование философии истории свидетельствует о решении этой проблемы в пользу того, что детерминизм превалирует над спонтанностью, поскольку в противном случае история не сделалась бы реальностью сознания, как ее мыслит философия, и за пестротой феноменов было бы невозможно рассмотреть ноуменальную глубину процесса. Положительное решение в пользу детерминизма приводит к размышлению о том, каков этот детерминизм: подобен ли он природной необходимости, вполне подчиняющей себе человека, или в нем можно открыть признаки целесообразности — настолько, насколько человеческая деятельность способна быть таковой.

Допущение возможности тотальной сверхрациональной целесообразности истории свидетельствует об изрядном оптимизме того, кто делает его. Тезис Лейбница о мире, лучшем из возможных миров, и гегелевский панлогизм подкупают оптимистичным взглядом на мир и его историю, но, к сожалению, ее конкретный опыт свидетельствует о том, сколь значительно феноменология не соответствует тотальной ноуменальной мечте. Однако это не исключает возможности ситуативной, конкретно-исторической телеологии. Ярче всего она

проявляет себя тогда, когда в истории воплощается конкретный набор ценностно-целевых установок. К таковым можно отнести религиозно-политические установки, слагающиеся в ценностно-целевые наборы, имеющие мощный мотивационный потенциал и соответствующие сакральной телеологии (например, крестносная идея отвоевания Гроба Господня, или идея мирового халифата, или сионистская мечта о могуществе Израиля, или православная идея царства — державного хранителя ортодоксии). Кроме религиозно-политических, можно выделить секулярно-политические ценностно-мотивационные комплексы как глобального, так и локального характера, соответствующие секулярной телеологии. Локальные проекты пестры и многочисленны, поэтому остановимся на проектах глобальных. Исторически они проявили себя в двух доминирующих видах — капиталистическом и социалистическом, причем первый к нашему времени трансформировался в две формы, одна из которых предполагает унитарную глобализацию, а другая — дистрибутивную (соответственно однополярный и многополярный мир), тогда как второй вид отправился — окончательно или до поры — в историческое небытие. Эти проекты хотя и антагонистичны, но рациональны и последовательны, а также имеют сложную доктринальную базу, чьи положения выходят за пределы локальных интересов исторических акторов. Конкуренция проектов предполагала победу над оппонентом, требовала консолидации сторонников и согласованных действий на почве идеалов и общих ценностей.

Кроме двух названных комплексов, можно выделить и третий, назовем его витально-политическим, в котором воплощается витальная телеология. Он может возникнуть внутри одного из секулярно-политических проектов тогда, когда актер, реализующий этот проект, фокусирует деятельность на своих локальных интересах, жертвуя духом глобального проекта и произвольно толкуя его букву. Целью такого проекта является выживание его лидера, ценностью становится сама эта цель, а средства для ее достижения выбираются любые — главное, чтобы они были релевантны ей. В такой системе координат союзником можно пожертвовать, более того, сами ценностные основания приобретают крайне релятивный характер и зависят единственно от витальной цели, а идеалы, не совпадающие с ней, обесцениваются.

В рамках такой модели действует современный глобальный капитал, стремящийся выжить любой ценой, не потерпев серьезного ущерба и сохраняя контроль над миром, и вопрос лучшего будущего (основной вопрос любого проекта глобализации) — сейчас всего лишь вопрос того, насколько травматично пройдет политическая трансформация мира, а не вопрос поиска качественно новой модели организации цивилизации. Кризис современного проекта глобализации чреват глобальной дезинтеграцией, обещающей еще

сильнее обострить проблему устойчивого развития, и без того, по всей видимости, не решаемую в современных условиях и существующими средствами. В прошлом конкуренция различных вариантов сакральной и секулярной телеологии, воплощавшихся в религиозно-политических или секулярно-политических ценностно-мотивационных комплексах, создавала впечатление истории, насыщенной событиями, истории развивающегося человечества, она стимулировала научно-технический прогресс, углубляя знания человека о самом себе и о мире, давала твердые жизненные ориентиры — хотя и разные, даже полярные по отношению друг к другу, но достойные непреклонного и искреннего служения. Витальная телеология не предполагает конкуренцию идей и образов будущего, поскольку в ее основе лежит моноидея; единственное, по поводу чего возможна конкуренция, — это борьба крупнейших акторов истории за лучшие позиции во всеобщем соревновании, призом в котором является выживание и сохранение существующих форм политэкономии, когда полем для такой борьбы становятся третьи страны, лежащие на фронтире крупных игроков. Такой ход исторического процесса разменивает идею консолидации всего человечества вокруг тотальной цели и четких ценностей на идею консолидации части человечества вокруг мирового гегемона, чье существование оказывается условием существования его политической и экономической клиентелы. В этом случае девальвация ценностных оснований, как и обретение ими релятивного характера, оказывается закономерным следствием их зависимости от политической конъюнктуры. Впрочем, кроме политического аспекта, нельзя игнорировать и культурный. Так, П. В. Ополевым замечается, что на процесс «обесценивания ценностей» оказывает существенное воздействие «культурная экспансия в форме “культурной экструзии”, когда геополитические интересы становятся фактором культурных изменений» [1, с. 127].

К числу вызовов глобального характера, стоящих перед человечеством, к которым привычно относят проблемы климата и экологии, проблему устойчивого развития и т. д., принадлежит и проблема кризиса идеи глобализации как вектора, определяющего общечеловеческий исторический путь. Состояние мира, к которому пришла капиталистическая версия глобализации, нельзя назвать ни безопасным, ни справедливым, ни даже дающим почву для оптимизма. Оно вызывает тем больше тревоги, чем более явно бескомпромиссное и эгоистическое стремление глобального капитала преследовать свои витальные цели подводит человечество к той грани, за которой завершается что бы то ни было витальное и разверзается бездна танатоса.

1. Ополев П. В. Культурные угрозы в условиях глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 4 (66). Ч. 2. С. 124–127. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.3

ИДЕОЛОГО-РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ПРАВОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Е. А. Пушкарев

Краснодарский университет МВД России,
профессор кафедры теории и истории права и государства,
доктор политических наук, кандидат юридических наук

***Аннотация.** В статье рассмотрены процессы секуляризации современного общества, выработки на основе религиозных представлений идеологических концепций политического управления; выделены исторические предпосылки современных идеологем в российском и белорусском политико-правовом пространстве.*

***Ключевые слова:** религия, идеология, социализм, либерализм, суверенитет, правовое закрепление традиционных ценностей.*

***Annotation.** The article examines the processes of secularization of modern society, the development of ideological concepts of political governance based on religious beliefs; the historical prerequisites of modern ideologies in the Russian and Belarusian political and legal space are highlighted.*

***Keywords:** religion, ideology, socialism, liberalism, sovereignty, legal consolidation of traditional values.*

Слаботекущий процесс секуляризации современного мирового сообщества, постепенная замена религиозных ценностей рационалистическими универсальными идеологическими концепциями приводит к обострению вопросов сохранения идентичности локальных культурных и государственно-территориальных образований. Смена политического строя, произошедшая на постсоветском пространстве, привела к возрождению традиционных религиозных конфессий, но как части светского политического управления. Сохранение межгосударственных прочных связей обусловило в дальнейшем корректировку их политико-правового поля, усиление политического суверенитета.

Идеология, как и религия, представляет собой совокупность идей об естественно-социальном управлении, воспринимаемых сознанием людей в качестве истинных без строгих рациональных научных доказательств, то есть на основе веры в них. Управление современными социальными убеждениями реализуется через институт политической веры (политической религии, государственной (политической) идеологии). Наука, по мнению В. А. Мельника, может обеспечить лишь частичный и подлежащий корректировке образ реального мира, исходя из которого нельзя быть абсолютно уверенным в правильности своих действий. Поэтому каждое серьезное политическое движение стремится облечь

свои цели в форму мифа, принимаемого массами как надежду, наполняющую смыслом, воодушевлением и страстью их коллективные действия по осуществлению признанной ими наилучшей формы общественного устройства (вера в «светлое» безрыночное коммунистическое общество или, напротив, в «прекрасное» общество либеральной рыночной экономики). Непременные компоненты политических идеологий — политические мифы — теснейшим образом переплетены с определенными знаниями о социальной действительности. Однако, как пишет В. А. Мельник, более важной является их функция регулятора политического поведения на основе использования эмоционально-психологических механизмов [1, с. 19–20].

Идеология, чтобы утвердиться в массовом сознании, вынуждена поступаться элементами научности и логической обоснованности. К примеру, ортодоксальный марксизм, как замечают исследователи О. И. Заздравнова и А. П. Заздравнов, постоянно уповающий на научность своих идеологических установок, в практике их внедрения широко использует аргументацию «от веры». Здесь и грехопадение, и ряд искупительных деяний в рамках человеческого сообщества, и великий кульминационный пункт, призванный завершить период обыкновенной истории [2, с. 395–396].

В зависимости от степени сходства политических идеологий с религиозными истоками ряд исследователей выделяют светские идеологии и «политические религии» (религиозные идеологии). Так, по утверждению С. А. Семедова, политические религии свободно относятся к догматике и практике исходных религий, иногда допуская заимствования из других религий или светских идеологий. Почти все политические религии содержат заимствования из социализма [3, с. 83]. По мнению А. В. Митрофановой, политические религии склонны расширительно толковать понятие «религиозная принадлежность», воспринимая мир при этом как арену противостояния «своих» и «чужих». Странники, например, политического православия могут вообще не быть верующими в традиционном смысле. «Нашими» часто становятся атеисты, неоязычники, католики-славяне, мусульмане. В число «всех остальных» могут попасть и стойкие приверженцы православия, и даже иерархи православных церквей, не разделяющие принципов политической религии [4, с. 20–21].

История государственной жизни человечества протекала в рамках построения империй и их противостояния, в том числе на религиозно-идеологическом фронте. Прошлый век был ознаменован борьбой идеологий: социализма, нацизма и либерализма. Окончание тяжелой эпохи холодной войны в связи с распадом Советского Союза привело, как пишет Х. Фаршид, к идейному раскаянию, фатальному дефициту веры и дискредитации идеалов. Мировая политика становится «более отравленной» [5]. По словам

А. Б. Бадьянова, кризис исторического материализма одновременно способствовал кризису «веры» в торжество либерализма. Многие из либералов и коммунистов выступают патриотами, лишь когда Отечество соответствует их политическим взглядам. Предотвратить кризис способна только общенациональная идея [6, с. 23–24].

Схожей точки зрения о нынешней малой привлекательности социалистического пути развития в духе СССР или копирования западных либеральных институтов придерживается ученый Д. А. Узланер. Глубокий кризис секулярных идеологий и крах самой идеи атеистического строя, основанного на вытеснении религии из жизни человека, ознаменовали на постсоветском пространстве «религиозное возрождение». По его мнению, в ситуации идеологического вакуума логичным выглядит возврат к религиозным традициям, к неким мифическим корням. В результате Россия вспомнила о своих вековых устоях и «традиционных ценностях». Православная традиция не избежала вовлечения в политику, по крайней мере на контрасте с западным христианством: стремление полагаться на сильную светскую власть и относительное равнодушие к политике. Традиционные религиозные организации начинают активно защищать свои канонические территории — духовный суверенитет. Растущая социальная значимость религии делает контроль над этой сферой важным направлением государственной политики [7, с. 18, 21–22].

Несомненно, определяющее значение для становления и развития самодержавия в российском государстве имела православная религиозная вера. Заимствованное из Византии православие способствовало созданию мощного централизованного государства, важной характеристикой которого, по словам Е. А. Дементьева, стала укоренившаяся на тысячелетие убежденность в его надмирности и миротворительности. На Руси действовала иная цивилизационная модель, не ориентированная, в отличие от Западной Европы, ни на право, ни на частную личность. Под воздействием религиозной традиции власть воспринимается российским обществом в качестве хранительницы истинной веры, защитницы сакральных ценностей. Для идеологического оправдания политической мобилизации общества правитель использует как глобальные исторические задачи, стоящие перед цивилизацией, так и обращенность к сакральному прошлому [8, с. 12].

Тем не менее следует констатировать, что одностороннее внедрение религиозно-идеологических установок прошлого тысячелетия в век информационных скоростей не сможет в полной мере реализоваться в сетевых элементах современного общества. Российское общество все еще раздроблено, несколько дезориентировано идеологически, что в какой-то мере соответствует процессам мультикультурализма и глобализации.

Но тенденция выработки и распространения универсальных, объединительных идеологем в отечественном политико-правовом поле прослеживается и возрастает. В российском и белорусском государствах появились идеологемы «Великой победы», «патриотического подданства населения власти», «спокойной и стабильной жизни в Советском Союзе», «аморальности запада», «традиционных религиозных, семейных ценностей». Все эти идеологемы в какой-то степени не отрицаются старшим поколением и активно пропагандируются в среде молодежи. Современные российские идеологемы о традиционных ценностях получили свое правовое закрепление в 2020 году в конституционных положениях. Происходит дальнейшая идеологическая корректировка законодательства.

Таким образом, следует констатировать усиление суверенизации отечественного политико-правового пространства. Необходима взвешенная, разносторонняя политика, сочетающая процессы поддержания идентичности и межкультурного взаимодействия.

-
1. Мельник В. А. Политические идеологии : учеб. пособие. Минск : Выш. шк., 2009. 399 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Заздравнова О. И., Заздравнов А. П. Вера и знание как компоненты идеологии // Актуальные проблемы духовности. 2007. № 8. С. 393–399. [Вернуться к статье](#)
 3. Семедов С. А. Политические религии // Власть. 2009. № 8. С. 81–83. [Вернуться к статье](#)
 4. Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике (на примере православия) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Дипломатич. акад. МИД России. М., 2005. 52 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Фаршид Х. Метаморфозы веры [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2009/05/25/1044> (дата обращения: 20.02.2023). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
 6. Бадьянов А. Б. Разрушение Российской империи и СССР как следствие кризиса государственной идеологии // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : материалы междунар. науч. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2019. С. 18–26. [Вернуться к статье](#)
 7. Узланер Д. А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 1. С. 10–23. [Вернуться к статье](#)
 8. Дементьев Е. А. Феномен власти в российском традиционном сознании : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. 20 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 94(476):331.108

**НЕПРАВАМЕРНЫЯ ДЗЕЯННІ НЕПАЎНАЛЕТНІХ
УСХОДНІХ РЭГІЁНАЎ БССР У 1970-Я ГГ.
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ГОРАДА ОРШЫ)**

І. А. Пушкін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій,
дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

***Анотацыя.** У артыкуле на прыкладзе горада Оршы — буйнога прамысловага цэнтра ўсходняй часткі Савецкай Беларусі — раскрыты неправамерныя дзеянні непаўналетніх у 1970-я гг. Зроблена выснова, што, нягледзячы на меры, прынятыя праваахоўнымі структурамі, прасочвалася тэндэнцыя не да скарачэння, а да павялічвання колькасці правапарушэнняў непаўналетніх.*

***Ключевыя слова:** Савецкая Беларусь, БССР, горад Орша, непаўналетнія, злачыннасць, неправамерныя дзеянні, ахова правапарадку.*

***Annotation.** The article, using the example of the city of Orsha, a large industrial center in the eastern part of Soviet Belarus, reveals the illegal actions of underages in the 1970s. It is concluded that, despite the measures taken by law enforcement agencies, there was a tendency not to reduce, but to increase the number of offenses committed by underages.*

***Keywords:** Soviet Belarus, BSSR, city of Orsha, underage, crime, illegal actions, law enforcement.*

Наша мэта — прааналізаваць неправамерныя дзеянні непаўналетніх усходнебеларускіх рэгіёнаў БССР на прыкладзе буйнога прамысловага цэнтра — горада Оршы ў 1970-я гг. — перыяд згортвання ліберальна-дэмакратычных рэформ у СССР. Злачынныя дзеянні непаўналетніх у савецкай краіне разглядаліся шэрагам даследчыкаў на мінулым і сучасным этапах развіцця грамадства [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Але сітуацыя ў БССР у поўным аб'ёме не раскрыта, што і абумоўлівае актуальнасць даследавання. Гістарычны кантэкст патрэбны для лепшага разумення прававой культуры непаўналетніх у савецкі час і барацьбы з падлеткавай злачыннасцю ў пераходны постсавецкі перыяд, а таксама ў сучаснай Беларусі.

Працэсы канцэнтрацыі насельніцтва ў гарадах прыводзілі да ўзрастання злачыннасці. Асабліва небяспечнай была сітуацыя ў прамысловых цэнтрах: Бабруйску, Віцебску, Гомелі, Магілёве, Наваполацку, Оршы, Полацку і інш. Так, напрыклад, у гарадах Оршы і Барані ў 1971 г. было зарэгістравана 243 злачынствы, за наступны год — 279. Раскрываемасць складала адпаведна 92,6 % і 95,7 %. Колькасць цяжкіх злачынстваў павялічыліся з 136 да 177.

Назіраўся рост рабаванняў, крадзяжоў дзяржаўнай маёмасці і асабістай уласнасці. У 1972 г. прыцягнулі да крымінальнай адказнасці 264 чалавекі, з іх непаўналетніх — 38 [9, арк. 28–29]. Насцярожвала падлеткавая злачыннасць сярод школьнікаў, яе вага ў 1971 г. па Магілёве складала 21,3 %, Бабруйску — 29,7 % ад агульнай колькасці злачынстваў, здзейшаных непаўналетнімі [10, арк. 27]. Не памяншалася колькасць згвалтаванняў, наўмысных цяжкіх цялесных пашкоджанняў, фактаў хуліганства і ў наступныя гады. У Віцебскай вобласці за 1975 г. па лініі крымінальнага вышуку зафіксавалі 2 137 злачынстваў, за 9 месяцаў 1976 г. — 2 159. З іх 309 здзейшаны непаўналетнімі: у Полацку — 22, Наваполацку — 10, Віцебску — 67 і інш. [11, арк. 54].

На працягу 1970-х гг. стабільна павялічвалася злачыннасць сярод непаўналетніх у гарадах Оршы і Барані. У 1971 г. яны здзейснілі 31 злачынства, 1972 г. — 40, 1974 г. — 56, 1975 г. — 59. Камісія па справах непаўналетніх толькі ў 1975 г. разгледзіла 80 спраў на 122 падлеткі, што было больш, чым у 1974 г. Не лепшым становішча было і ў 1976 г. Толькі за першы квартал года непаўналетнія здзейснілі 11 уліковых злачынстваў па лініі крымінальнага вышуку — больш, чым за адпаведны перыяд папярэдняга года. Удзельная вага злачыннасці непаўналетніх у 1974 г. складала 11,2 % да ўсёй злачыннасці ў горадзе Оршы, у 1975 г. — 12,6 %. Па відах злачынстваў выглядала наступным чынам: згвалтаванні ў 1974 г. — 5, у 1975 г. — 3; рабаванне — адпаведна 6 і 3; цяжкія цялесныя пашкоджанні — 2 і 3; крадзеж дзяржмаёмасці — 9 і 7; крадзеж асабістай уласнасці — 17 і 11; хуліганства — 16 і 21; угон аўта транспарту — 0 і 4; збыт наркатычных рэчываў — 0 і 1; супраціўленне работнікам міліцыі — 0 і 4; наўмысныя лёгкія цялесныя пашкоджанні — 0 і 1. Рост колькасці непаўналетніх злачынцаў у 1975 г. адбыўся галоўным чынам за кошт навучэнцаў агульнаадукацыйных школ (з 16 у 1974 г. да 25 у 1975 г.) і навучэнцаў ПТВ (адпаведна з 6 да 14). Наогул з 63 падлеткаў, якія ўчынілі злачынствы ў 1975 г., 42, або 66,6 %, з’яўляліся навучэнцамі школ, гарадскіх ПТВ і сярэдніх спецыяльных устаноў адукацыі [12, арк. 124–125]. Сітуацыя істотна не змянілася і ў першай палове 1980-х гг. Так, аналізуючы ўзровень злачыннасці сярод непаўналетніх горада Оршы, органы выканаўчай улады адзначалі, што падлеткамі ў 1984 г. было здзейшана на 22 % больш крымінальных злачынстваў, чым ў 1983 г. [13, арк. 20].

Аналіз неправамерных дзеянняў непаўналетніх паказвае, што 50 % усіх злачынстваў яны здзейснілі ў нецвярозым стане. Вельмі часта п’янства з’яўлялася непасрэдным штуршком да злачынства, найперш хуліганства. У 1975 г. непаўналетнімі Оршы і Барані быў здзейшаны 21 выпадак хуліганства, якія пацягнулі за сабой крымінальнае пакаранне. Калі ў 1974 г. вучні

агульнаадукацыйных школ за п'янства і дробнае хуліганства не мелі прывадаў у міліцыю, то ў 1975 г. іх было 9. За падобныя правапарушэнні прыцягнулі да адказнасці 46 навучэнцаў ПТВ. За п'янства і дробнае хуліганства дастаўляліся ў медвыцвярэзнік і адзел унутраных спраў непаўналетнія, якія працавалі на прамысловых прадпрыемствах: на заводах «Легмаш» — 17 чалавек, «Чырвоны барацьбіт» — 6, інструментальным — 5, ільнокамбінаце — 11 [12, арк. 128–129, 136]. Здзейснілі 18 крымінальных злачынстваў падлеткі, якія працавалі на заводах «Легмаш», «Чырвоны Кастрычнік» і трактарарамонтным па 3, ільнокамбінаце — 4. Узрасла колькасць неправамерных дзеянняў з боку членаў УЛКСМ: дробнае хуліганства — з 35 чалавек да 98 (амаль у 3 разы), п'янства — з 69 да 106. Толькі за 1975 г. прыцягнулі да крымінальнай адказнасці 29 камсамольцаў, 30 дастаўляліся ў медыцынскі выцвярэзнік. За студзень – сакавік 1976 г. адміністрацыйна пакаралі 117 членаў УЛКСМ, 18 даставілі ў медвыцвярэзнік, супраць 16 камсамольцаў былі ўзбуджаны крымінальныя справы [12, арк. 135].

Савецкае грамадства вельмі хвалявала падлеткавая злачыннасць. У БССР рашэннямі выканкамаў гарадскіх саветаў дэпутатаў былі зацверджаны «Правілы паводзін дзяцей і падлеткаў у гарадах». Гэтымі Правіламі было вызначана, што дзецям да 16 гадоў забаранялася наведваць тэатры, кіно і іншыя відовішчныя мерапрыемствы пасля 20:00 гадзін і знаходзіцца на вуліцы без суправаджэння бацькоў або асоб, якія іх замяшчаюць, пасля 22:00. Правілы пасля іх прыняцця выдаваліся спецыяльнай лістоўкай і рассылаліся літаральна па ўсіх адрасатах горада, публікаваліся на старонках мясцовых газет, агучваліся па радыё [12, арк. 142].

Безумоўна, асноўны цяжар барацьбы са злачыннасцю неслі праваахоўныя органы. Асабісты склад аддзелаў унутраных спраў абл- і гарвыканкамаў рабіў пэўную працу па ўмацаванні правапарадку і сацыялістычнай законнасці ў гарадах усходу Беларусі. Вялікая ўвага надавалася правядзенню мерапрыемстваў па прадухіленні правапарушэнняў, выкарыстоўваліся сродкі масавай інфармацыі і прапаганды па растлумачэнні савецкіх законаў і нарматыўных актаў. Напрыклад, у 1972 г. у аршанскай раённай газеце «Ленінскі прызыў» было апублікавана 17 матэрыялаў па пытаннях аховы сацыялістычнай уласнасці, аб барацьбе з п'янствам і алкагалізмам, па мясцовым радыёвяшчанні на тэмы аховы грамадскага парадку зроблена 11 выступленняў, апэратыўна-начальніцкім складам РАУС праведзена 537 выступленняў перад работнікамі прадпрыемстваў і арганізацый.

У прамысловых цэнтрах Віцебскай, Гомельскай і Магілёўскай абласцей ажыццяўляліся розныя прафілактычныя мерапрыемствы. Так, у адпаведнасці з планам правядзення аперацыі «Сям'я» правяраліся сем'і, у якіх складваліся

ненармальныя ўзаемаадносіны. Прымаліся меры ўздзеяння: афіцыйныя засцярогі і папярэджанні, індывідуальныя гутаркі, устанаўлівалася шэфства, чыталіся лекцыі і даклады. З удзелам членаў добраахвотных народных дружын і іншых грамадскіх арганізацый 2–3 разы на месяц праводзіліся рэйды па выяўленні безнаглядных падлеткаў, дапускаўшых розныя парушэнні грамадскага парадку. Для ліквідацыі прычын і ўмоў, якія спрыялі правапарушэнням, кіраўнікам прадпрыемстваў, устаноў і арганізацый было ўнесена 117 прадстаўленняў, накіравалі 937 паведамленняў аб антыграмадскіх паводзінах асобных грамадзян, перасцярогі атрымалі 305 правапарушальнікаў [9, арк. 24]. У прамысловых прадпрыемствах і ўстановах выкарыстоўваліся агітацыя, тлумачэнні, прапаганда здаровага ладу жыцця і розныя меры адміністрацыйнага ўздзеяння: пазбаўленне прэміі, перанос чаргі на атрыманне кватэры на 50 чалавек, перавод на ніжэй аплочваемую працу, заробак выдавалі праз асобнае акно касы са спецыяльнай рэкламаю (Асіповіцкі кардонна-руберайдавы завод і інш.) [14, арк. 382].

Дзіцячыя пакоі міліцыі і камісіі па справах непаўналетніх неаднаразова запрашалі на свае пасяджэнні кіраўніцтва прадпрыемстваў і прадстаўнікоў грамадскіх арганізацый, дзе абмяркоўваліся неправамерныя дзеянні непаўналетніх, ставілі у вядомасць кіраўнікоў прадпрыемстваў і ўстаноў аб ухіленні бацькоў ад выканання сваіх абавязкаў у выхаванні дзяцей, накіроўвалі адпаведныя лісты для абмеркавання іх у калектывах. Але часцяком на іх або зусім не рэагавалі, або адказвалі фармальнымі адпіскамі. Між тым сярод гэтай кагорты бацькоў былі тыя, хто самі працавалі кіраўнікамі на вытворчасці і з'яўляліся выхавальнікамі. Напрыклад, у горадзе Оршы сярод іх былі начальнік аддзела забеспячэння камбіната сілікатных вырабаў, завуч школы, майстар змены завода ЖБВ «Сельбуд», выхавальнік дзіцячага сада-ясляў № 23 і іншыя [12, арк. 134].

Тагачаснае партыйна-савецкае кіраўніцтва Савецкай Беларусі асноўнай прычынай такога становішча лічыла неэфектыўнае ажыццяўленне прафілактычных мерапрыемстваў. Сур'ёзныя прэтэнзіі прад'яўляліся да навучальных і клубных устаноў наконт арганізацыі работы з «цяжкімі» падлеткамі. Але сітуацыя не палепшылася і ў наступнае дзесяцігоддзе.

Такім чынам, на прыкладзе горада Оршы Віцебскай вобласці можна зрабіць выснову, што ў 1970-я гг. урбанізацыя, сацыяльна-эканамічныя праблемы ў буйных прамысловых цэнтрах стварылі ўмовы, пры якіх павялічвалася колькасць неправамерных дзеянняў з боку непаўналетніх, тых, хто становіўся на шлях здзяйснення злачынстваў і правапарушэнняў. Сярод іх былі школьнікі, навучэнцы ПТВ і працуючыя. У выніку прымаемых мер праваахоўнымі структурамі і грамадствам перыядычна ўмацоўвалася законнасць, паляпшаўся грамадскі парадак. Але нягледзячы на гэта, было даволі шмат цяжкіх злачынстваў,

а па некаторых з іх, такіх як рабаванні, крадзяжы дзяржаўнай маёмасці і асабістай уласнасці грамадзян, злосныя хуліганствы, адбываўся рост, у тым ліку злачынстваў, учыненых непаўналетнімі.

1. Ветров Н. И. Проблемы изучения состояния, динамики и структуры преступности и безнадзорности среди несовершеннолетних // Тез. докл. и сообщ. межведомств. науч.-практ. конф. М., 1970. С. 4–5. [Вернуться к статье](#)
2. Горшенева Н. А., Миньковский Г. М. Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах. М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. 82 с. [Вернуться к статье](#)
3. Краснов Д. А. Преступность несовершеннолетних в РСФСР в 1975–1979 гг. на этапе свертывания реформ // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2013. № 6. С. 39–53. [Вернуться к статье](#)
4. Краснов Д. А. Характеристика преступности несовершеннолетних и системы борьбы с подростковой преступностью в РСФСР за 1970–1974 гг. (свертывание либерально-демократических реформ) // Пробелы в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 54–69. [Вернуться к статье](#)
5. Миньковский Г. М. Актуальные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по укреплению социалистической законности и правопорядка в стране на современном этапе. Пленарные заседания : материалы Всесоюз. науч. конф., 6–8 окт. 1970 г. Вып. 1. М. : НИИРИО ВШ МВД СССР, 1971. С. 107–120. [Вернуться к статье](#)
6. Полякова Н. И. Система предупреждения преступности несовершеннолетних: история и современность. М. : Юрлитинформ, 2010. 184 с. [Вернуться к статье](#)
7. Преступность несовершеннолетних в республиках бывшего СССР (1966–1989 гг.) : статистич. сб. / сост.: Ермаков В. Д., Иванова А. А., Попова Н. П. М. : МАКС Пресс, 2006. 180 с. [Вернуться к статье](#)
8. Пушкін І. А., Агееў А. Р. Кадровы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манагр. Магілёў : БДУТ, 2022. 302 с. [Вернуться к статье](#)
9. Докладная записка о состоянии общественного порядка и борьбы с преступностью и результатах деятельности ОВД Оршанского горисполкома за 1972 г. // Занальны дзяржаўны архіў г. Орша (ЗДАОрш). Ф. 27. Воп. 6а. Спр. 88. [Вернуться к статье](#)
10. Представление Прокуратуры Могилевской области от 4.02.1971 г. // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці. Ф. 9. Воп. 147. Спр. 81. [Вернуться к статье](#)
11. Сведения о состоянии преступности и охраны общественного порядка за 9 месяцев 1976 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 1966. Воп. 14. Спр. 176. [Вернуться к статье](#)
12. Протокол шестой сессии Оршанского городского Совета народных депутатов от 22.04.1976 г. // ЗДАОрш. Ф. 27. Воп. 4. Спр. 457. [Вернуться к статье](#)
13. Протокол первой сессии Оршанского городского Совета народных депутатов от 01.03.1985 г. // ЗДАОрш. Ф. 27. Воп. 4. Спр. 454. [Вернуться к статье](#)

14. Информационная записка об организационно-массовой работе исполкома Осиповичского городского совета депутатов за 1973 год // Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. Ф. 7. Воп. 5. Спр. 2223. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.723

О ДОВЕРИИ К ВЫБОРАМ

И. Г. Скороход

Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры теории и истории права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Предназначение представительной власти — обеспечение комфортной жизни народа и самой власти. Поэтому власть должна быть заинтересована в свободных, честных и справедливых выборах. Отсюда следует доверие как неотъемлемый обоюдный (между обществом и властью) элемент, без которого выборы невозможны. Высказывается мысль о необходимости формирования в стране «идеологии доверия», которая является стандартом жизни общества и государства.

Ключевые слова: доверие, недоверие, выборы, Конституция, Республика Беларусь, граждане, государство, власть.

Annotation. The purpose of the representative government is to ensure the comfortable life of the people and the government itself. Therefore, the authorities should be interested in free, fair and fair elections. From this follows trust is an integral mutual (between society and power) element, without which elections are impossible. The idea is expressed about the need to form an «ideology of trust» in the country, which is the standard for the life of society and the state.

Keywords: trust, mistrust, elections, Constitution, Republic of Belarus, citizens, the state, power.

Категория «доверие» многогранна и в своей экзистенциональной ценности носит психологическую, социологическую, нравственную и философскую природу. Поэтому научный интерес к доверию как к правовой категории в Республике Беларусь практически не проявлялся. При том что наряду с фундаментальными конституционно-правовыми понятиями и явлениями (основы конституционного строя, правовой статус человека и гражданина, правовое государство, верховенство права, разделение государственной власти, выборы и др.) такие категории, как долг, справедливость, воля, интересы, честь, достоинство, а также и доверие, тесно вплетены в конституционное право, оказывают на него влияние, реформируют, обогащают и расширяют. Тем самым доверие внутренне и всецело содержится в институтах конституционного права.

Можно сказать, что категория «доверие» в конституционном праве авторитетна и престижна: его выражают, поддерживают, завоевывают, оказывают, утрачивают, о его наличии ставят вопрос, наконец, создают условия для взаимного доверия государства и граждан и т. д. Доверие связано исключительно с позитивной, честной, справедливой и созидательной деятельностью. Поэтому

юридизация доверия очевидна, и обойти его вниманием наука конституционного права не должна.

В этой связи представляется необходимым и полезным исследование доверия граждан к выборам как принципа (стандарта) жизни общества и государства. Это и есть цель нашей статьи.

Термин «доверие» происходит от слова «вера». Доверие — то, что имеет место до веры. Предлог «до» обозначает явление, не просто предшествующее вере, но и непосредственно к ней ведущее. Тут доверие располагается в одном ряду со словами «доказательство», «дознание», «достоинство», «достижение». Можно сказать, что доверие — врата веры [1, с. 9]. Верить означает знать и не сомневаться. Толковый словарь С. И. Ожегова определяет доверие как уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь [2].

Фундаментальный труд по данной тематике представил в 1995 г. американский философ и политический экономист Фрэнсис Фукуяма в книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию». Ф. Фукуяма определяет доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [3, с. 22, 596].

Безусловно, доверие — это не вещь сама в себе. Оно пребывает не в статике, а лишь в постоянной динамике, в результате чего доверие подвержено различного рода тестам и испытаниям. Поэтому доверие в конституционном праве может быть частью выработанного на протяжении определенного времени внутреннего состояния общества. Такое состояние демонстрируется в настроениях социума, обнаруживается в социальном капитале или проявляется в «вынужденном доверии», которое, согласно Дж. Хоскингу, обращено в общественные и властные институты и структуры [4, с. 39]. Методологически все это допустимо использовать и при рассмотрении вопроса о доверии граждан к проводимым в Республике Беларусь выборам.

Человеческое общество и, соответственно, публичная власть всегда стремились к совершенствованию. Для этого использовался различный набор инструментов: интеллект, воля, сила, компетенции, гуманизм, долг, ответственность и, наконец, выборы как определенный кастинг, позволяющий гражданам воздействовать на власть и вести с ней полноценный диалог на равных условиях. Выборы — это демонстрация коллективного усмотрения и рассудительности, а в конечном итоге — проявление народной мудрости. При этом избранные народом представители — это исполнители его воли, предназначенные для обеспечения более удобной жизни как народа, так и самой власти. Исходя

из подобной конструкции и обоюдного совпадения интересов, власть должна быть естественным образом заинтересована в свободных, честных и справедливых выборах.

Выборы — это очень деликатный, но при этом многоаспектный материал: колоссальная ответственность; неприязнь малейшего шулерства (даже если обвешать все участки для голосования видеокамерами и установить прозрачные урны, то доверие к техническим средствам не есть аналог доверия к выборам); отвержение «управляемой демократии»; зависимость результата от любой стадии процесса выборов; невозможность выбора без свободы и наоборот; осознание избирателем связи между собственным выбором и своим желанным будущим; наконец, ошибочный выбор обходится всем намного дороже, чем сами выборы. По этим простым причинам доверие — это неотъемлемый обоюдный (между обществом и властью) элемент выборов. Таково условие выборов. Без взаимного доверия, основанного на взаимоуважении, общности интересов, сопричастности каждого члена общества к государственным делам (когда избиратели на манер викингов могут заявить: «Мы все — короли» * [5, с. 38]) выборов не будет. Налицо явится «демократическая диктатура» с ее всевозможными «грязными» технологиями.

Различного рода по форме и содержанию испытания проверяют доверие на прочность (реформы и модернизации, политико-правовой режим, порядок формирования и деятельность государственных органов и их должностных лиц, осуществление правосудия и др.). Такое положение вещей характерно и для электоральных процессов в Республике Беларусь.

В ходе выборов возможны следующие действия, которые могут привести к утрате доверия к выборам населения государства: атомизация личности; формализация всех сфер жизни общества; правовой патернализм; формализация выборов; замена отношений между людьми правоотношениями субъектов и др. Какое-то время такие механизмы вполне успешно могут работать. Государство пользуется атомизированным доверием граждан как своего рода слабостью гражданского общества, в результате чего для власти доступны различного рода оптимизации, в том числе и выборные. Естественно, что в определенный момент времени данные действия могут привести к тому, что общество отреагирует на такие вызовы и выразит свое недоверие.

Отсутствие доверия позволяет гражданам публично поставить вопрос о праве выборных представительных государственных органов и соответству-

* В литературе часто приводится следующий пример доверия и социальной сплоченности людей: когда в 800-х годах викинги подошли к Парижу, навстречу им вышел парижанин с белым флагом и просьбой поговорить с их королем. В ответ викинги посмеялись: «Мы все — короли». Все — короли, значит, все — хозяева [5].

ющих должностных лиц иметь мандат от граждан (например, отозвать депутата Палаты представителей или депутата местного Совета). В итоге при кризисе доверия выборы утрачивают свою воспитательную ценность. В этом случае избиратели (граждане) не совершенствуются в отборе соискателей на выборные публичные должности, поскольку отношение к такому подбору по большому счету становится безответственным за настоящее и будущее страны. Следовательно, и государственная власть обществом также не модернизируется.

При выборах всегда встает вопрос: кто же будет осуществлять отбор, как в свое время интересовался Платон [6, с. 751]? Если посмотреть Конституцию Республики Беларусь, то ответ очевиден: выборы депутатов и других лиц осуществляются народом, а точнее, гражданами, обладающими избирательными правами (избирателями). То есть граждане посредством выборов решают, кто будет управлять государством от их имени. Анализ избирательного законодательства и практика проведения выборов в Республике Беларусь показывают, что государство играет особую роль при организации и проведении выборов, начиная от назначения выборов, образования избирательных округов, избирательных участков и т. д. до установления итогов и опубликования результатов выборов. Здесь следует особо отметить деятельность Центральной избирательной комиссии, Президента, исполнительных и распорядительных органов власти, местных Советов депутатов и др. Граждане в этих процессах участвуют посредством института наблюдателей, возможности быть членами территориальных и участковых избирательных комиссий, что повышает уровень доверия населения государства к результатам электоральных кампаний.

Таким образом, доверие во всей полноте содержится в институтах конституционного права. Оно авторитетно и престижно. Его выражают, поддерживают, завоевывают, оказывают, утрачивают, о его наличии ставят вопрос, создают условия для взаимного доверия государства и граждан и т. д.

Выборы — это проявление коллективного народного благоразумия. Власть, выбираемая народом, — это исполнитель воли народа. Заинтересованность органов власти в свободных, честных и справедливых выборах обеспечивает доверие как неотъемлемый обоюдный (между обществом и властью) элемент выборов, без которого выборы невозможны.

Сегодня как никогда необходимо формирование «идеологии доверия», которое будет выступать определяющим и центральным потенциалом построения в Республике Беларусь правового, демократического государства. Доверие к выборам в системе публичного представительства — это доверие в отношениях власти и общества, общества и власти.

1. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 192 с. [Вернуться к статье](#)
2. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 24.10.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павлова, В. Кирющенко, М. Колопотин. М. : АСТ : ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с. [Вернуться к статье](#)
4. Хоскинг Дж. Доверие: история / пер с англ. П. С. Бавина [и др.]. М. : Полит. энцикл., 2016. 294 с. [Вернуться к статье](#)
5. Гасанов И. Б. О доверии вообще и к выборам в частности // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 4. С. 5–38. [Вернуться к статье](#)
6. Законы. Книга VI [Электронный ресурс] : Платоновское философское общество. URL: <https://www.plato.spbu.ru> (дата обращения: 23.12.2022). [Вернуться к статье](#)

УДК 349.2

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ****Н. А. Солянкина**

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
старший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права

***Аннотация.** Усиление разрушительно-го воздействия человека на природу ведет к возрастанию воздействия природы на человека, причем не менее разрушительного. Это вызывает необходимость пересмотра взаимоотношений общества и природы, ключевыми моментами которой становится концепция устойчивого развития и формирование экологоориентированной институциональной системы, в том числе трудовых отношений.*

***Ключевые слова:** занятость, трудовые отношения, экологизация, социальная сфера.*

***Annotation.** Strengthening the destructive impact of man on nature leads to an increase in the impact of nature on man, and no less destructive. This makes it necessary to revise the relationship between society and nature, the key points of which are the concept of sustainable development and the formation of an environmentally oriented institutional system, including labor relations.*

***Keywords:** employment, labor relations, greening, social sphere.*

Состояние окружающей среды и трудовая деятельность человека находятся в тесной взаимосвязи. Рост производства и населения — главные факторы, которые привели к резкому увеличению воздействия человека на природу. Ухудшение состояния окружающей среды является одной из самых серьезных угроз для человечества. Однако, несмотря на осознание данной проблемы, до сих пор не сложилось согласованного подхода к управлению процессом экологизации рынка труда.

Воздействие отдельных видов трудовой деятельности на окружающую среду сильно различается. Хозяйственная деятельность человека оказывает огромное влияние на все элементы окружающей среды. Во всех элементах экосистемы начались существенные необратимые изменения: в атмосфере — возрастание концентрации углекислого газа, метана, оксидов азота; повышение концентрации химических веществ на поверхностных водах суши; разрушительное воздействие на почву — пахотные земли подвержены деградации. Так, трудовая деятельность носит разрушительный характер, когда производство связано с высоким уровнем загрязнения, выбросами парниковых газов,

огромными отходами и т. д. Напротив, позитивное воздействие оказывает трудовая деятельность, которая направлена на восстановление и сохранение окружающей среды. Деятельность человека должна приносить пользу не только самому человеку, но и всем остальным элементам природной среды.

Масштабы распространения идеи экологизации социальной сферы приобрели глобальный характер после публикации Международной организации труда (далее — МОТ) в 2015 г. «Руководящих принципов справедливого перехода к экологически устойчивой экономике и обществу для всех» [1]. В преамбуле Парижского соглашения указывается, что при его разработке учитывались «императивы справедливого перехода в интересах рабочей силы, создания достойного труда и качественных рабочих мест в соответствии с национальными приоритетами развития» [2].

В документе МОТ подчеркивается, что экологизация экономики и труда требует специфического для каждой страны сочетания макроэкономической, промышленной, отраслевой и трудовой политики, а также мобилизации государственных и частных инвестиций для поддержки экологически ориентированного бизнеса.

В «Руководящих принципах справедливого перехода к экологически устойчивой экономике и обществу для всех» МОТ выделены девять ключевых областей политики справедливого перехода:

- 1) макроэкономическая политика и политика роста;
- 2) промышленная и отраслевая политика;
- 3) поддержка предпринимательства;
- 4) развитие профессиональной подготовки;
- 5) обеспечение безопасности и гигиены труда;
- 6) социальная защита;
- 7) активная политика на рынке труда;
- 8) трудовое право;

9) социальный диалог и трипартизм (принцип регулирования социально-трудовых отношений на основе трехстороннего представительства — государства, работников и работодателей).

Эксперты МОТ рассматривают концепцию справедливого перехода как инструмент продвижения к «миру будущего», в котором рабочие места являются экологически чистыми и обеспечивают людям достойные условия труда, выбросы парниковых газов равны нулю, бедность искоренена, наемные работники и их семьи пользуются своим правом на социальную защиту [2].

На практике многие страны, которые реализуют национальную стратегию «зеленого» перехода, сталкиваются с последствиями экологических мер для рынка труда. Однако государственные программы и нормативные

документы, которые устанавливают допустимые нормы выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, не всегда дополняются планом действий в области «озеленения» трудовых отношений и создания достойных условий труда. Между тем такой план необходим для осуществления экологизации социальной сферы. Именно поэтому государственная политика должна быть направлена на создание достойных рабочих мест.

Республика Беларусь не стала исключением и 20 сентября 2016 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 345 «О принятии международного договора», согласно которому Республика Беларусь стала 30-й стороной Парижского соглашения. В связи с этим необходимо пересмотреть направления государственной политики по экологизации социальной сферы. Многоаспектный характер политики справедливого перехода определяет необходимость согласования и координации действий по разным направлениям и на всех уровнях внутри отдельных стран, а также в региональном и глобальном масштабах. На наш взгляд, ключевыми направлениями должны стать:

1. Экологизация персонала организации. Масштабы изменений в сфере занятости и их последствия неравномерно распределяются по странам и по отраслям экономики, а потому одни группы трудящихся получают выгоды, а другие оказываются в проигрыше. У последних неизбежно возникает неудовлетворенность результатами «зеленого» перехода и убеждение в несправедливом отношении к ним [3]. Если таких недовольных много, то в обществе формируется негативное представление о происходящих переменах, что тормозит процесс перехода.

На сегодняшний день отмечается критически низкий уровень экологизации социально-экономических отношений, в том числе экологизации персонала. Причинами этого может быть:

- отсутствие законодательного поля в этой сфере;
- отсутствие корпоративной культуры юридического лица по экологическим приоритетам;
- проблемы обеспечения стимулирования экологизации на рабочем месте;
- отсутствие перспектив формирования экологоориентированной стратегии развития предпринимательства;
- отсутствие социально-психологических мотивов к эффективному природопользованию.

Формирование и популяризация экологической сознательности персонала поднимут имидж организации на новый уровень в конкурентных условиях, обеспечат стойкое функционирование в рамках действующих экологических стандартов.

2. Политика экологизации социальной сферы невозможна без решения вопросов занятости населения, поскольку происходят изменения отраслевой структуры занятости; вскрывается дисбаланс спроса на рабочую силу разных профессий. Во-первых, возникает необходимость создания максимального количества «зеленых» рабочих мест и подготовки квалифицированных работников, которые смогут занять эти новые рабочие места, и, во-вторых, для поддержки пострадавших от «зеленого» перехода трудящихся, предоставления им возможности для профобучения и помощи в трудоустройстве. А как известно, чем выше уровень образования, тем доступнее достойный труд. Решение этих масштабных задач предполагает применение комплекса мер политического и социально-экономического характера, касающихся не только занятости, но и структурной перестройки экономики в целом, в том числе промышленности, энергетики, транспорта и других отраслей, а также системы социального обеспечения, профобразования и т. д. Е. В. Горбачева отмечает: «Приоритетным направлением социальной политики является содействие развитию рациональной структуры занятости населения, повышение эффективности использования рабочей силы и ее качества; повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования среднего класса в стране» [4, с. 314].

3. Необходимо продолжить работу по ликвидации рабочих мест с вредными и опасными условиями труда. Несмотря на технологический прогресс, большое количество граждан продолжают трудиться на старом оборудовании, вследствие чего сохраняются случаи травм на производстве и приобретения профессиональных заболеваний. Как отметила И. Костевич, по состоянию на 1 мая 2022 г. в Республике Беларусь 746 тыс. человек работают во вредных и опасных условиях труда. Это 17 % по отношению к занятым в экономике [5]. В каждой стране есть свой перечень вредных и опасных специальностей. В нашей стране на сегодняшний день наиболее травмоопасными отраслями являются обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт и сельское хозяйство. Ответственность за создание условий, соответствующих требованиям охраны труда, возложена на руководителей предприятий. Их задача — сделать все необходимое, чтобы уберечь сотрудников от профзаболеваний и травм во время рабочего процесса.

4. Экологическая политика, основанная на принципе социальной справедливости, подразумевает создание комплексной системы социальной защиты пострадавших от «зеленого» перехода работников. Она включает такие направления, как доступное медицинское обслуживание, защита от безработицы и досрочный выход на пенсию для работников пожилого возраста, которые рискуют потерять работу из-за свертывания «вредных» производств. Меры

социальной защиты должны распространяться также на трудящихся, которые частично или полностью теряют работу из-за природных катаклизмов, связанных с климатическими изменениями.

5. Заинтересованность нанимателей в соблюдении экологических норм. Необходимо совершенствовать механизмы, позволяющие поддерживать нанимателей, желающих участвовать в процессе экологизации социальной сферы. Существует большое разнообразие стратегий и инструментов содействия соблюдению экологических требований и внедрению экологичной практики ведения бизнеса. К основным можно отнести:

- нормативные инструменты;
- информационные методы;
- экономические стимулы.

6. Поддержание курса на «активное долголетие». Трудовая сфера должна быть открыта для разных групп населения, что будет способствовать продлению активной производственной или творческой жизни. По статистическим данным на 1 октября 2022 года, в Республике Беларусь проживало 1 476 736 пожилых людей, что составляет примерно 16 % от общей численности населения [6]. Активное долголетие принято рассматривать как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии» [7, с. 7]. Для достижения позитивной динамики по данным показателям необходима консолидированная работа целого ряда ведомств, курирующих такие сегменты в жизни общества, как здоровье и финансовое благополучие пожилых граждан, их профессиональную занятость и включенность в социально значимую деятельность.

Таким образом, устойчивое общество должно быть социально справедливым, экологически безопасным и экономически эффективным с управлением, обеспечивающим достойную жизнь для всех. Материальной базой единения человека и природы должно стать дальнейшее развитие образования, науки и техники, формирование технологий, минимизирующих, а впоследствии ликвидирующих вредное воздействие человеческой деятельности на природу.

1. Пособие по применению Руководства МОТ по справедливому переходу к экологически устойчивой экономике и обществу для всех [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_844618.pdf (дата обращения: 10.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Парижское соглашение [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций, 2015. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Sharpe S. A., Martinez-Fernandez C. M. The Implications of Green Employment: Making a Just Transition in ASEAN [Electronic resource]. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/13/7389> (date of access: 10.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Горбачева Е. В. Условия труда как неотъемлемый элемент качества трудовой жизни // Науч. тр. республик. ин-та высш. шк. Философско-гуманитарные науки. Минск : РИВШ, 2018. Вып. 17. С. 313–318. [Вернуться к статье](#)
5. Число работающих во вредных и опасных условиях труда в Беларуси с 2016 года сократилось на 20 % [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/chislo-rabotajuschih-vo-vrednyh-i-opasnyh-uslovijah-truda-v-belarusi-s-2016-goda-sokratilos-na-20-499367-2022/> (дата обращения: 10.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Статобзор: как живут белорусы после 65 лет? [Электронный ресурс] Экономическая газета. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/statobzor-kak-zhivut-belorusy-posle-65-let/> (дата обращения: 01.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Ласлетт П. Что такое Старость? Вариации во времени и между культурами / под ред. Г. Казелли и А. Лопес. Оксфорд : Изд-во Оксфорд. ун-та, 1996. 128 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.82(476)

**ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСА ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.****С. Н. Чайкин**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат исторических наук

И. С. Винкевич

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 3 курса факультета милиции

Аннотация. На основе изучения нормативных правовых актов Российской империи исследуется процесс формирования в первой половине XIX в. пенитенциарного законодательства, определявшего правовой статус осужденных к лишению свободы. Определяются причины формирования комплекса прав заключенных и основные права осужденных, предусмотренные законодательством Российского государства.

Ключевые слова: Российская империя, места лишения свободы, права осужденных, Общество попечительное о тюрьмах.

Annotation. Based on the study of regulatory legal acts of the Russian Empire, is being investigated the process of formation in the first half of the XIX century. penitentiary legislation, which determined the legal status of convicts to imprisonment. The reasons for the formation of a complex of prisoners' rights and the basic rights of convicts provided for by the legislation of the Russian state are determined.

Keywords: the Russian Empire, places of imprisonment, rights of convicts, the Prison Guardianship Society.

В настоящее время в Республике Беларусь одной из составляющих правоохранительной деятельности органов внутренних дел является деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, осуществляемая с целью как исправления осужденных, так и предотвращения совершения ими преступлений. Для достижения этой цели, наряду с обеспечением порядка и условий отбывания наказаний, а также осуществления в отношении осужденных исправительного процесса необходимо обеспечение соблюдения и защиты их прав и законных интересов. Важность этой задачи, определенной в статье 2 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, обусловила необходимость изучения процесса формирования комплекса прав осужденных, наиболее значимым в котором стал период XIX – начала XX в., когда пенитенциарным законодательством Российской империи были определены основные права

заключенных, в том числе в местах лишения свободы на белорусских землях [1].

Законодательное определение прав осужденных началось в XVIII в. в странах Западной Европы, что было обусловлено развитием в этих странах идей о «естественных правах» человека. Общественными деятелями Ч. Беккариа, И. Бентамом, Дж. Говардом были разработаны идеи о назначении пенитенциарных учреждений не только для защиты общества от преступников, но и как мест исправления самих преступников посредством содержания их в тюрьмах с режимом одиночного заключения с обязательным привлечением к труду и осуществлением в их отношении религиозно-просветительской деятельности.

Распространение указанных идей в Российской империи в начале XIX в. совпало с началом определения заключения в места лишения свободы в качестве приоритетного в системе уголовных наказаний Российского государства, а также с формированием пенитенциарного законодательства в целом. 19 июля 1819 г. Указом Александра I по инициативе английского гуманиста В. Венинга в России учреждалась общероссийская негосударственная благотворительная организация — Общество попечительное о тюрьмах. В соответствии с Правилами для попечительного общества о тюрьмах, его основной целью стало «нравственное исправление содержащихся под стражей преступников», что обусловило определение Правилами права осужденных на образование, для чего в тюрьмах предписывалось «создавать училища, для обучения заключенных чтению», а также «снабжать заключенных книгами Священного Писания, для умудрения их во спасение» [2, с. 309]. Также «Правилами» было предусмотрено и право осужденных на обращение в государственные органы, в связи с чем члены Общества были обязаны посещать тюрьмы не менее двух раз в неделю, «выслушивать жалобы заключенных, принимать их просьбы и представлять их на заседания комитетов Общества» [2, с. 308].

Указанные права, определенные и современным уголовно-исполнительным законодательством в качестве основных прав осужденных, получили дальнейшее развитие в Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. и Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 г. Этими актами начальникам тюрем — «смотрителям тюремных замков» — предписывалось организовать в тюрьмах «обучение Закону Божию, чтению, письму и арифметике несовершеннолетних арестантов» [3, с. 24]. Изданным в 1851 г. Уставом Общества попечительного о тюрьмах в качестве одной из задач деятельности Общества определялось обеспечение заключенных «книгами духовно-нравственного содержания» и приобщение их к чтению «в воскресные и праздничные дни» [4, с. 100].

Дальнейшее развитие получили и правовые нормы, предусматривающие право осужденных на обращение в государственные органы. В соответствии с Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка, смотритель обязывался ежедневно принимать устные заявления и жалобы от заключенных, а если обращение было адресовано губернскому прокурору, то смотрителю было необходимо на следующий день уведомить прокурора об обращении рапортом [3, с. 6].

Определение Правилами в качестве одного из средств исправления осужденных «занятие заключенных приличными упражнениями» обусловило начало формирования комплекса прав заключенных в процессе организации привлечения осужденных в местах лишения свободы к труду [2, с. 308]. В первую очередь пенитенциарным законодательством определялось право заключенного на оплату труда — получение им из казны заработной платы в размере двух третей от суммы, начисляемой от выполняемых ими работ. При этом одну половину этой суммы заключенному разрешалось использовать на собственные нужды при отбывании им наказания, а вторая половина заработка выдавалась осужденному после освобождения. С целью предотвращения нарушений этого права тюремной администрацией «начальникам, в ведомстве коем состояли арестанты» запрещалось «употреблять их в работы для собственной своей пользы», а не соблюдавшие этого требования начальники тюрем «подвергались взысканиям» [5, с. 379].

Важное значение имело и определение пенитенциарным законодательством Российской империи в первой половине XIX в. гарантий заключенных на действия администрации мест лишения свободы, исключая жестокое, бесчеловечное либо унижающее достоинство заключенных обращение и применение к ним мер принуждения не иначе как на основании закона. Еще в Правилах для попечительного общества о тюрьмах указывалось, что наиболее действенным средством воздействия на осужденных являются не меры физического воздействия, а «заключение их в уединенное место», где осужденные смогут раскаяться в совершенных ими преступлениях [2, с. 310]. Данное положение получило правовое оформление в пенитенциарном законодательстве 1830-х гг., из которого мнением Государственного совета от 20 марта 1826 г. было исключено причинявшее осужденным физические страдания наказание в виде приковывания их шейной цепью к деревянной колоде — «стулу» «с воспрещением изобретать впредь что-либо подобное» [6, с. 297]. Законодательно определялось, что, кроме заключения в карцер сроком до шести дней и содержания на хлебе и воде сроком до трех дней, «никто не осмеливается изобретать и употреблять иные способы наказания арестантов» [5, с. 384]. Для проверки соблюдения указанного требования гражданским губернаторам предписывалось

посещать места заключения лично, а также «отправлять в тюрьмы «благонажных чиновников с нужными наставлениями» [7, с. 422]. Кроме того, Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка определялось право осужденных на вежливое обращение со стороны тюремной администрации, в связи с чем «смотритель должен был «обращаться с арестантами кротко и человеколюбиво, внушая им смирение и послушание» [3, с. 19].

Однако на протяжении XIX в. реализовывать в полной мере это право не позволял ряд причин, и в том числе законодательное определение такой превентивной меры, как заковывание осужденных в кандалы, которое не столько предотвращало побег, сколько стесняло осужденным движения и причиняло им физические страдания [8, с. 224]. Пенитенциарным законодательством 1830-х гг. «наложение оков» предписывалось применять лишь к заключенным, осужденным за совершение тяжких преступлений либо к обвиняемым в их совершении [5, с. 384]. Однако, не определив перечень «тяжких преступлений», тюремное законодательство XIX в. создало возможность определения этого перечня смотрителям тюремных замков самостоятельно, что на протяжении XIX в. зачастую приводило к заковыванию в кандалы заключенных без достаточных на то оснований. Тем не менее, в соответствии со Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею, «налагать оковы» запрещалось на женщин, которые могли заковываться только в ручные кандалы во время перевода в другие места лишения свободы, а также на малолетних преступников. В 1859 г. циркуляром Министерства внутренних дел был предусмотрен перечень болезненных состояний, при которых по усмотрению врачей кандалы могли сниматься с заболевших заключенных [5, с. 384].

В целом, несмотря на определение ряда прав заключенных в первой половине XIX в., значительная их часть законодательного оформления так и не получила, что в первую очередь было связано с несовершенством системы управления местами лишения свободы. Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. обусловили необходимость реформирования и пенитенциарной системы Российской империи, функционирование которой к концу 1870-х гг. стало невозможным без совершенствования основных направлений ее деятельности, а также определения правового статуса как тюремных служащих, так и осужденных. 27 февраля 1879 г. в составе Министерства внутренних дел был образован центральный орган управления пенитенциарной системой Российской империи — Главное тюремное управление, по инициативе которого было осуществлено дальнейшее усовершенствование законодательства, определявшего правовое положение осужденных.

Таким образом, определение в Российской империи с начала XIX в. уголовным законодательством тюремного заключения в качестве приоритетного

вида наказаний, формирование пенитенциарного законодательства, а также распространение идей о необходимости определения прав осужденных и деятельность благотворительных обществ обусловили формирование в пенитенциарном законодательстве Российского государства комплекса прав осужденных к лишению свободы. Начало этого процесса было положено деятельностью общероссийской негосударственной благотворительной организации — Общества попечительного о тюрьмах. Впоследствии в первой половине XIX в. законодательное закрепление получили такие права осужденных, как право на образование, на оплату труда, на обращение в государственные органы и на применение к заключенным мер принуждения не иначе как на основании закона. Дальнейшее определение и законодательное оформление прав осужденных осуществлялось уже после тюремной реформы 1879 г.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах : Высочайше утв. доклад министра Духовных дел и народного просвещения, 19 июля 1819 г., № 27895 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 36: 1819. С. 306–314. [Вернуться к статье](#)

3. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка и планы Витебского тюремного замка (1831 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2648. Оп. 1. Д. 2. [Вернуться к статье](#)

4. Устав Общества попечительного о тюрьмах : Сенат. указ, 7 нояб. 1851 г., № 25725 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1852. Т. 26, отд. 1. С. 97–106. [Вернуться к статье](#)

5. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1836 г. : в 15 т. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. 14: Уставы благочиния. 1325 с. [Вернуться к статье](#)

6. Об истреблении стульев с цепями в полицейских местах, и о воспрещении изобретать впредь что-либо подобное : мнение Гос. Совета, 20 марта 1826 г., № 198 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1830. Т. 1, отд. 1. С. 297. [Вернуться к статье](#)

7. Общий наказ гражданским губернаторам : именной указ Сенату, 3 июня 1837 г., № 10303 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1837. Т. 12, отд. 1. С. 361–422. [Вернуться к статье](#)

8. К новому закону о дисциплинарной ответственности содержащихся в тюрьмах и исправительных арестантских отделениях и о предупреждении побега арестантов // Тюрем. вестн. 1901. № 5. С. 220–233. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ПРАВОВЕДОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРУГИХ
ОТРАСЛЕЙ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ****А. В. Щербаков**

Псковский филиал Университета ФСИН России,
начальник кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности
в уголовно-исполнительной системе,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассматриваются научные труды правоведов, ученых-пенитенциаристов отечественной школы, представителей других отраслей научного знания при обеспечении безопасности уголовно-исполнительной системы. Автор приводит отдельно взятые точки зрения по проблемным вопросам, возникающим в области пенитенциарной безопасности, указывает пути их решения.*

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарная безопасность.

***Annotation.** The article examines the scientific works of jurists, scientists of the penitentiary of the national school, representatives of other branches of scientific knowledge in ensuring the security of the penal system. The author gives individual points of view on problematic issues arising in the field of penitentiary security, indicates ways to solve them.*

Keywords: penal enforcement system, penitentiary security.

Проблема обеспечения пенитенциарной безопасности получает отражение в научных трудах правоведов и представителей других отраслей научного знания. Теоретические основы общественной безопасности, составной частью которой выступает пенитенциарная безопасность, разработаны в исследованиях А. А. Тер-Акопова (1998) [1, с. 194], А. Б. Антонова и В. Г. Балашова (1996), М. М. Бабаева и Е. Н. Рахмановой (2003) [2, с. 153].

В контексте более общей проблемы безопасности, охраны и защиты личности, общества и государства от преступности и опосредуемых ею криминально-криминогенных угроз Г. Г. Горшенков (2009) в рамках криминологической теории с позиции системного и комплексного подходов обосновывает концепцию антикриминальной безопасности личности, а также положения государственной политики обеспечения антикриминальной безопасности личности, ряд практических предложений и рекомендаций в этой части [3, с. 58].

В проведенном И. В. Шалахиным (2011) исследовании теоретических и методологических проблем познания и ограничения преступности отдельный раздел посвящен вопросам обеспечения криминологической безопасности

личности, где, в свою очередь, во взаимосвязи с магистральными направлениями антикриминогенной политики обозначены стратегические приоритеты и соответствующие им блоки организационно-правовых мер криминологической безопасности граждан:

- во-первых, воспрепятствование криминальной зараженности граждан;
- во-вторых, минимизация риска стать жертвой преступления (суицида, связанного с действием криминально-криминогенных факторов);
- в-третьих, восстановление личности, пострадавшей от преступности [4, с. 218–291].

Среди работ зарубежных авторов укажем исследование известного криминолога Майкла Тонри (США) (2001), обозначившего особую роль модели построения уголовной юстиции, предполагающей приоритет мер, направленных на обеспечение безопасности общества, защиты его от преступности [5].

Отдельные авторы обращаются непосредственно к проблеме пенитенциарной безопасности, ее теоретическим и прикладным аспектам.

В частности, Б. Б. Казак (2002) в монографическом исследовании уделил внимание отечественным и зарубежным пенитенциарным теориям и моделям безопасности, выделил систему факторов безопасности уголовно-исполнительной системы, обозначил основные компоненты механизма управления безопасностью уголовно-исполнительной системы, охарактеризовал основные средства исправления осужденных в контексте пенитенциарной безопасности (режим, общественно полезный труд, образовательное обучение и профессиональная подготовка осужденных, социально-воспитательная работа с ними) [6, с. 55].

В монографическом исследовании В. Н. Чорного (1996) была проведена систематизация негативных факторов, влияющих на состояние безопасности осужденных в местах лишения свободы; определены значение, сущность и содержание безопасности осужденных как важного элемента в механизме обеспечения и защиты их прав и законных интересов; предложена классификация правовых норм, регулирующих обеспечение безопасности осужденных в исправительных учреждениях [7].

Непростому и одновременно теоретически и практически значимому вопросу определения для современной уголовно-исполнительной системы России парадигмы пенитенциарной безопасности посвящает свое исследование Р. З. Усеев (2015). На основе обобщения научного и эмпирического материала он приходит к выводам о комплексном характере пенитенциарных опасностей и безопасности уголовно-исполнительной системы, необходимости концептуального определения данного понятия на законодательном уровне [8, с. 56–61].

С учетом современных реалий А. Ф. Галузин (2015) проводит исследование пенитенциарной безопасности уголовно-исполнительной системы, при этом рассматривает ее в контексте осуществляемой государством при активном участии гражданского общества пенитенциарной функции, выявляет и классифицирует основные источники пенитенциарных опасностей, отмечает внутреннее противоречивое и конфликтное единство пенитенциарной среды, дает характеристику мер обеспечения внутренней и внешней пенитенциарной безопасности, приходит к выводу о том, что, по сути, обеспечение пенитенциарной безопасности воплощает в себе гуманизм в пенитенциарной сфере [9, с. 285].

Исследование Н. Н. Кутакова (2014) посвящено организационным и правовым основам обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений России, в нем сформулированы выводы относительно детерминант, влияющих на обеспечение безопасности персонала исправительных учреждений, обосновывается авторская методика оценки эффективности деятельности по обеспечению указанной безопасности, предложены изменения и дополнения законодательства, действующего в сфере исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества [10, с. 22].

В проведенных А. В. Щербаковым (2017, 2018, 2019) исследованиях теоретических, организационных и правовых вопросов в сфере обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы автором были изучены на монографическом уровне проблемы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Указанные проблемы, как он считает, могут возрасти в силу следующих обстоятельств:

Во-первых, в настоящее время наблюдается омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России, что проявляется себя в том числе в различных формах деструктивного поведения, предпринимаемых попытках дезорганизации исправительных учреждений, а также в посягательствах на работников уголовно-исполнительной системы (угрозах в их адрес). Сегодня в пенитенциарных учреждениях приходится контролировать исполнение наказаний все более рецидивоопасного контингента, что, в свою очередь, осложняет их работу и снижает ее эффективность, также создает угрозу безопасности сотрудников.

Во-вторых, несмотря на очевидную значимость всестороннего комплексного обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы при помощи правовых и организационных средств, до настоящего времени отсутствует официальный программный документ — Концепция безопасности уголовно-исполнительной системы.

В-третьих, в современных условиях требуется принятие ряда законодательных и организационно-правовых мер в пенитенциарной сфере деятельности, направленных на:

- совершенствование надзора и контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы в связи с вопросами ее безопасности;
- повышение эффективности уголовно-правовой охраны безопасности пенитенциарных учреждений, прежде всего в части усиления уголовной ответственности за действия, посягающие на их нормальную работу, безопасность персонала, безопасность осужденных;
- организацию надлежащего взаимодействия между субъектами обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы, в том числе представляющими другие правоохранительные органы, иные государственные органы, институты гражданского общества, осуществляемого по линии профилактики и пресечения преступных проявлений и иных правонарушений, а также в рамках воспитательной и социальной работы с осужденными;
- укрепление кадрового и ресурсного потенциала уголовно-исполнительной системы, оптимизацию профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы во взаимосвязи с вопросами обеспечения безопасности;
- приведение нормативно-правовых основ технических средств обеспечения пенитенциарной безопасности в соответствие с их назначением;
- повышение правовой определенности в решении вопросов дифференциации условий содержания осужденных в контексте пенитенциарной безопасности;
- повышение стимулирующей роли воспитательно-профилактических и социально-психологических мероприятий, ориентированных на процесс исправления и ресоциализации осужденного, в свою очередь, выступающими важными показателями безопасности уголовно-исполнительной системы [11, с. 129; 12, с. 101; 13, с. 128].

Признавая теоретическую и практическую значимость приведенных в работе научных исследований, следует отметить, что авторами были изучены проблемы, возникающие при исполнении и отбывании уголовных наказаний, даны предложения по модернизации отечественного уголовно-исполнительного законодательства.

Состояние указанных вопросов в условиях проводимого реформирования уголовно-исполнительной системы, совершенствования законодательства о правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в сочетании с высокой социально-правовой значимостью их адекватного решения позволяет нам говорить об актуальности изучения теоретических,

организационно-правовых и других вопросов в сфере обеспечения пенитенциарной безопасности.

1. Тер-Акопов А. А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 194. [Вернуться к статье](#)
2. Бабаев М. М., Рахманова Е. Н. Права человека и криминологическая безопасность. М., 2003. С. 153. [Вернуться к статье](#)
3. Горшенков Г. Г. Антикриминальная безопасность личности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т. Ставрополь, 2009. С. 58. [Вернуться к статье](#)
4. Шалахин И. В. Теория и методология изучения и ограничения (предупреждения) преступности, обеспечения криминологической безопасности личности. М., 2011. С. 218–291. [Вернуться к статье](#)
5. Tonry M. Symbol, Substance, and Severity in Western Penal Policies // Punishment and Society-international Journal of Penology. Vol. 3. 2001. [Вернуться к статье](#)
6. Казак Б. Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества (теоретические и организационно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.13 / Акад. упр. МВД России. М., 2000. С. 55. [Вернуться к статье](#)
7. Чорный В. Н. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Н. Чорный. Рязань, 1996. 250 л. [Вернуться к статье](#)
8. Усеев Р. З. Нужна ли уголовно-исполнительной системе парадигма безопасности // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 56–61. [Вернуться к статье](#)
9. Международные стандарты и решения Европейского суда по правам человека в системе пенитенциарного права России / под общ. ред. А. А. Вотинова и Е. А. Тимофеевой. Самара, 2015. С. 285. [Вернуться к статье](#)
10. Кутаков Н. Н. Организация и правовые основы обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений ФСИН России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Науч.-исследоват. ин-т ФСИН России, Акад. ФСИН России. Рязань, 2014. С. 22. [Вернуться к статье](#)
11. Щербаков А. В. Теоретические и правовые основы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : моногр. Псков, 2017. С. 129. [Вернуться к статье](#)
12. Щербаков А. В. Организационные основы и приоритетные направления обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : моногр. Псков, 2018. С. 101. [Вернуться к статье](#)
13. Щербаков А. В. Основы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (теоретическое и организационно-правовое исследование) : моногр. Псков : Псков. фил. Акад. ФСИН России, 2019. 128 с. [Вернуться к статье](#)

[Вернуться к началу издания](#)

СОДЕРЖАНИЕ

**РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ
ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ**

<i>Амануллини А. Ф.</i> Проблемы соотношения частного и публичного права.....	7
<i>Бородич А. И.</i> Актуальные аспекты юридического знания в реализации принципа универсальной юрисдикции.....	11
<i>Вершок И. Л.</i> О научном понятии правовой жизни.....	16
<i>Глинда А. И.</i> Понятие элемента института юридической ответственности.....	22
<i>Гончарова Д. А.</i> О некоторых вопросах цифровизации нормотворчества.....	28
<i>Демидова И. А.</i> Индивидуальный правопорядок: постановка вопроса в контексте изучения правовой культуры	33
<i>Демичев Д. М.</i> Правовое сознание: некоторые теоретические подходы	39
<i>Дроздова А. М.</i> Роль правосознания в процессе формирования уровня профессиональной правовой культуры юриста	45
<i>Егоров Н. Ю.</i> Государственно-правовые воззрения И. Т. Тарасова: вклад в развитие полицейско-правовой теории	51
<i>Ефременко Е. М.</i> О соответствии названий разделов актов гражданского законодательства в области гражданско-правового принуждения их содержанию как элементах профессиональной правовой культуры и юридической техники.....	60
<i>Зорченко Е. А.</i> Сходство и различие функций права и функций закона.....	65
<i>Иванцова Ю. Г.</i> Политико-правовые нормы как регуляторы в информационном обществе Республики Беларусь	70
<i>Иванченко Е. А.</i> Отдельные аспекты отражения в праве теории социальной справедливости.....	75
<i>Козел А. А.</i> Теоретическая конструкция правовой культуры и формирование современной правовой культуры сотрудника органов внутренних дел	80
<i>Кордобовская К. Е.</i> Правовой инфантилизм как проявление правового сознания.....	85
<i>Краско Н. Ю.</i> Дефиниция «искусственный интеллект» в науке и законодательстве	89

<i>Кудряшова Е. Н.</i> Перспективы нормативного закрепления юридической техники в Республике Беларусь.....	94
<i>Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н.</i> Развитие современного конституционализма в России и национальный правовой менталитет.....	101
<i>Нижник Н. С.</i> Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности.....	106
<i>Хомич В. М.</i> Насилие в объективном праве как следствие кризиса духовности культуры права и правового сознания	115
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)	
<i>Абрамович О. А.</i> Некоторые признаки договора дарения.....	122
<i>Авдеев Д. А.</i> К вопросу о понятии, сущности и формах заблуждения юридического лица в отношении субъектного состава и условий сделки	128
<i>Амельченя Ю. А.</i> Преференциальные правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности в Республике Беларусь.....	134
<i>Беспалая Д. В.</i> Основные вызовы, стоящие перед институтом авторского права и смежных прав в цифровом обществе	140
<i>Бородулькина Е. С.</i> К вопросу об обоснованности криминализации заражения венерическим заболеванием (ст. 158 Уголовного кодекса Республики Беларусь).....	146
<i>Будковская Д. А.</i> О некоторых вопросах правового регулирования искусственного интеллекта в Республике Беларусь.....	151
<i>Воспякова О. Ф.</i> Осквернение сооружений и порча имущества в общественных местах: вопросы квалификации	157
<i>Вульвач Р. С.</i> Принудительные меры безопасности и лечения при совершении преступлений против половой неприкосновенности: перспективы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь.....	163
<i>Гапоненко Д. В.</i> Фиксация хода процесса в цивилистическом судопроизводстве и краткий протокол	169
<i>Емельянов С. Л.</i> Использование систем видео-конференц-связи при производстве опознания в уголовном процессе	173
<i>Иванцова А. И.</i> К вопросу о генезисе и современной практике правового регулирования особых режимов.....	178

<i>Кайбелев П. А., Соболевский П. С.</i> Способы сокрытия преступления как элемент оперативно-розыскной характеристики незаконных поставок наркотиков в Республике Беларусь	184
<i>Ковалёва Т. В.</i> Прекращение трудового договора за неоднократное нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц	189
<i>Колотилкин Ю. А.</i> О некоторых вопросах административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел по противодействию детской безнадзорности и беспризорности в Республике Беларусь	195
<i>Корень Т. А.</i> Судебная экспертиза по делам об экономической несостоятельности (банкротстве)	200
<i>Красиков В. С., Пархомцева А. И.</i> Актуальные зарубежные методики при производстве допроса: эффективность использования в рамках уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь	204
<i>Круглов В. А.</i> Понятие и предмет правового регулирования медицинского права Республики Беларусь	211
<i>Кудрин И. Г.</i> Проблемный аспект в сфере страхования сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь и научно-практическое предложение по его решению	216
<i>Куницкая О. М.</i> Осуществление инвестиций в цифровой экономике по законодательству Республики Беларусь	221
<i>Лев Ю. М.</i> К вопросу о саморегулировании в сфере оказания услуг облачных технологий в Республике Беларусь	226
<i>Минич С. А.</i> Правовое обеспечение экологизации научной деятельности в целях решения эколого-правовых проблем рационального взаимодействия природы и общества	232
<i>Муравьев И. В.</i> Особенности возмещения морального вреда, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования и суда	238
<i>Новицкая М. В., Кузьма И. Г.</i> Развитие системы социального партнерства в Республике Беларусь	243
<i>Пушко Н. В.</i> Антикризисный управляющий как специальный субъект административной и уголовной ответственности	249
<i>Раюшкин В. К.</i> О перспективах совершенствования законодательства об исполнительном производстве в области обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности.....	254
<i>Свиридов Д. А.</i> Цифровой след и его значение в практике расследования преступлений	260

<i>Скобелев В. П.</i> О проблемах применения в апелляционном производстве норм ГПК, регулирующих производство по делам в судах первой инстанции.....	264
<i>Сухопаров В. П.</i> Актуальное состояние и некоторые перспективы развития правоохранных норм в сфере национального сегмента сети Интернет в Республике Беларусь.....	270
<i>Терешенок А. В.</i> Административная ответственность за распространение экстремистских материалов в Республике Беларусь	276
<i>Туровец М. В.</i> Несущественные условия договора на оказание инженерных услуг	281
<i>Шаркова Е. А.</i> Преступления против государства: сравнительно-правовой анализ некоторых глав Уголовных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации.....	286
<i>Шаршун В. А.</i> О некоторых вопросах официального опубликования нормативных правовых актов местных советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня, решений, принятых городским (городов районного подчинения), поселковым, сельским референдумом	291
<i>Шнейдерова Д. И.</i> Назначение компьютерно-технической экспертизы по материалам проверки и уголовным делам о хищениях в сфере оборота криптовалют.....	296
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)	
<i>Багнычев М. Ю.</i> Особенности осужденных с фундаменталистскими убеждениями.....	302
<i>Гаврилов Б. Я.</i> Об эффективности реализации уголовно-процессуального законодательства в правоохранных сфере.....	306
<i>Ескендеров А. А.</i> Государство и общество: вопросы профилактики ювенальной преступности	313
<i>Король С. В.</i> К зарубежному опыту правового регулирования гласного содействия населения правоохранным органам.....	318
<i>Курбатова Г. В.</i> Обычай как источник российского гражданского права: от истории к современности.....	323
<i>Ласкевич А. С.</i> Об особенностях договорных отношений по подготовке специалистов с высшим образованием для вооруженных сил в период мобилизации, военного положения и в военное время.....	327
<i>Лифанова Л. Г.</i> Основные направления противодействия корыстным и корыстно-насильственным преступлениям.....	331

<i>Лукьянова А. А.</i> О тенденции к сужению предмета уголовно-процессуального регулирования в Российской Федерации.....	336
<i>Машталер Ю. Ф., Сергейчик Д. С.</i> Сравнительно-правовой анализ института соучастия в уголовных кодексах зарубежных стран.....	342
<i>Сидорова Н. В.</i> Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве на принципе взаимности.....	348
<i>Толочко О. Н.</i> Сотрудничество государств в противодействии чрезвычайным ситуациям как элемент системы международной безопасности	353
<i>Федулова А. Е.</i> Правовая культура общества как условие построения правового государства	359

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

<i>Андреанова А. С.</i> Понятийное мышление и его роль в развитии академической компетентности курсантов	364
<i>Балакирева Л. М.</i> Цифровые технологии в процессе обучения правовым дисциплинам	370
<i>Бойко О. А.</i> Защита чести и достоинства личности осужденного в местах лишения свободы.....	375
<i>Вишневская Т. И.</i> Статус пожилых людей как фактор социальной устойчивости в дискурсе современных криминальных угроз.....	380
<i>Деминская А. А., Неплох А. Н.</i> Воспитательная работа как основа ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы	385
<i>Зубрик Д. А.</i> Использование информационных технологий в правовом просвещении граждан	390
<i>Киселева Е. Н., Оточина И. А., Ермаченкова О. В.</i> Особенности культуры отношений у представителей разных специальностей	394
<i>Ковалев В. М.</i> Духовно-нравственное и эстетическое воспитание курсантов как часть правовой культуры.....	403
<i>Ковалев О. Г.</i> Актуальные аспекты реализации отраслевого юридического знания в процессе практико-ориентированного обучения курсантов образовательных организаций, подведомственных ФСИН России	407
<i>Кулешов М. И.</i> Практика в юридической клинике как элемент формирования правовой культуры личности.....	413

<i>Лапова Е. С.</i> Служба советской милиции по связям с общественностью как субъект формирования правовой культуры общества	417
<i>Лемешевский О. О., Дольский Я. В.</i> Правовая культура курсантов высших военных учебных заведений: теоретико-прикладные аспекты	424
<i>Меняйло Д. В., Хайминова К. Е.</i> Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел в условиях цифровизации общества	428
<i>Павлющик С. В., Лемешевский О. О.</i> О правовых и моральных аспектах субординации взаимоотношений между военнослужащими	433
<i>Русак О. В.</i> Продвижение правовой просветительской работы в публичных библиотеках страны	439
<i>Рябцева Л. А.</i> Самостоятельная работа как организационная форма учебной коммуникации в контексте формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсантов	445
<i>Стабровский Е. И.</i> Теоретико-правовые аспекты процесса формирования правового сознания личности на примере осужденного к лишению свободы	450
<i>Талалаев В. А., Павлющик С. В.</i> К вопросу о государственно-правовых и идеологических аспектах в сфере воинской службы	456
<i>Терешенко Е. Г.</i> Роль воспитательной работы с осужденными в формировании их правового сознания и правовой культуры и ее связь с эффективностью исполнения наказания в виде лишения свободы	461
<i>Тычинская А. С., Олейник В. В.</i> Формирование правовой культуры в системе правовой подготовки курсантов	465
<i>Хатеневич Т. Г.</i> Актуальные вопросы повышения эффективности поощрительных уголовно-правовых норм средствами правового воспитания	471
<i>Янчуревич К. В.</i> Значение правового воспитания для формирования правовой культуры молодежи в Республике Беларусь и Российской Федерации	478

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО, СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Блинников А. С.</i> Предупреждение женской преступности	482
<i>Воробьев Ю. А.</i> Муниципальные ведомства по делам общественного порядка в Германии: организационные особенности и полномочия	487
<i>Гавриков А. В.</i> Политические партии Беларуси в системе общественного восприятия: 2017–2022 гг.	492

<i>Григорович В. Л.</i> Социальная сущность наркомании.....	498
<i>Гурина М. В.</i> Правовое регулирование социальной рекламы и ее роль в формировании правовой культуры личности и общества	503
<i>Гусак С. Д.</i> Искусственный интеллект в государственном управлении	509
<i>Данилин А. Н.</i> Совершенствование внешнеорганизационных форм административной деятельности общественных формирований в Республике Беларусь.....	514
<i>Данькова И. В.</i> Наркомания как социальное явление: понятие, факторы формирования, пути преодоления	520
<i>Данькова И. В., Игнатенко М. С.</i> Особенности раздела жилых помещений между супругами при расторжении брака	526
<i>Демидова И. А., Бутонина Р. Д.</i> Правовые стимулы в системе социального регулирования в современном обществе	531
<i>Денисенко Н. В.</i> Применение формальной теории доказательств при рассмотрении бракоразводных дел о супружеской измене в Российской империи	537
<i>Дрозд А. Н.</i> Проблемные аспекты криминализации и декриминализации незаконного потребления наркотических средств	542
<i>Дыжова А. А.</i> Проблемы формирования правовой культуры студенческой молодежи: социолого-правовой анализ.....	549
<i>Дыжова А. А., Демидова А. В.</i> Особенности формирования молодежной политики в Республике Беларусь и Российской Федерации.....	555
<i>Иванова Ю. И.</i> К вопросу о функциях Конституции Республики Беларусь.....	561
<i>Ильина Е. М.</i> Политологическая экспликация связи «агентность/структура» в контексте цифровой трансформации.....	565
<i>Кандыбо О. М.</i> Содержание конституционного права граждан на управление делами государства.....	570
<i>Ковалёва Е. А., Бирилло Е. В.</i> Заключение коллективного договора организации.....	576
<i>Кравцов О. Ю.</i> Социальное прогнозирование в эпоху трансформации миропорядка и гибридных конфликтов	581
<i>Крижевская А. Л.</i> Информатизация современного общества в условиях глобализации	585
<i>Лекнин Ю. Ю.</i> Социальная обусловленность и анализ развития уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения в дореволюционный период (до 1917 года).....	589

<i>Ленцевич О. М., Сидоренко В. В.</i> Правовые меры преодоления гендерной асимметрии в современном белорусском обществе	596
<i>Лихачева С. Н.</i> Наркомания в подростковой среде: вопросы профилактики.....	602
<i>Маслакова А. А.</i> Арбитражное соглашение как основание компетенции международного коммерческого арбитража	607
<i>Мисаревич Н. В.</i> Исторические правовые традиции как элемент правовой культуры современного общества	611
<i>Петров А. В.</i> Телеологический подход к анализу кризиса современного проекта глобализации	616
<i>Пушкарев Е. А.</i> Идеолого-религиозное состояние современного общества и его правовое отражение.....	620
<i>Пушкін І. А.</i> Неправамерныя дзеянні непаўналетніх усходніх рэгіёнаў БССР у 1970-я гг. (на прыкладзе горада Оршы).....	624
<i>Скорход И. Г.</i> О доверии к выборам	630
<i>Солянкина Н. А.</i> Совершенствование трудовых отношений в условиях экологизации социальной сферы.....	635
<i>Чайкин С. Н., Винкевич И. С.</i> Формирование комплекса прав осужденных к лишению свободы в Российской империи в первой половине XIX в.	641
<i>Щербаков А. В.</i> Отдельные аспекты пенитенциарной безопасности в научных трудах правоведов и представителей других отраслей научного знания.....	646

[Вернуться к началу издания](#)